

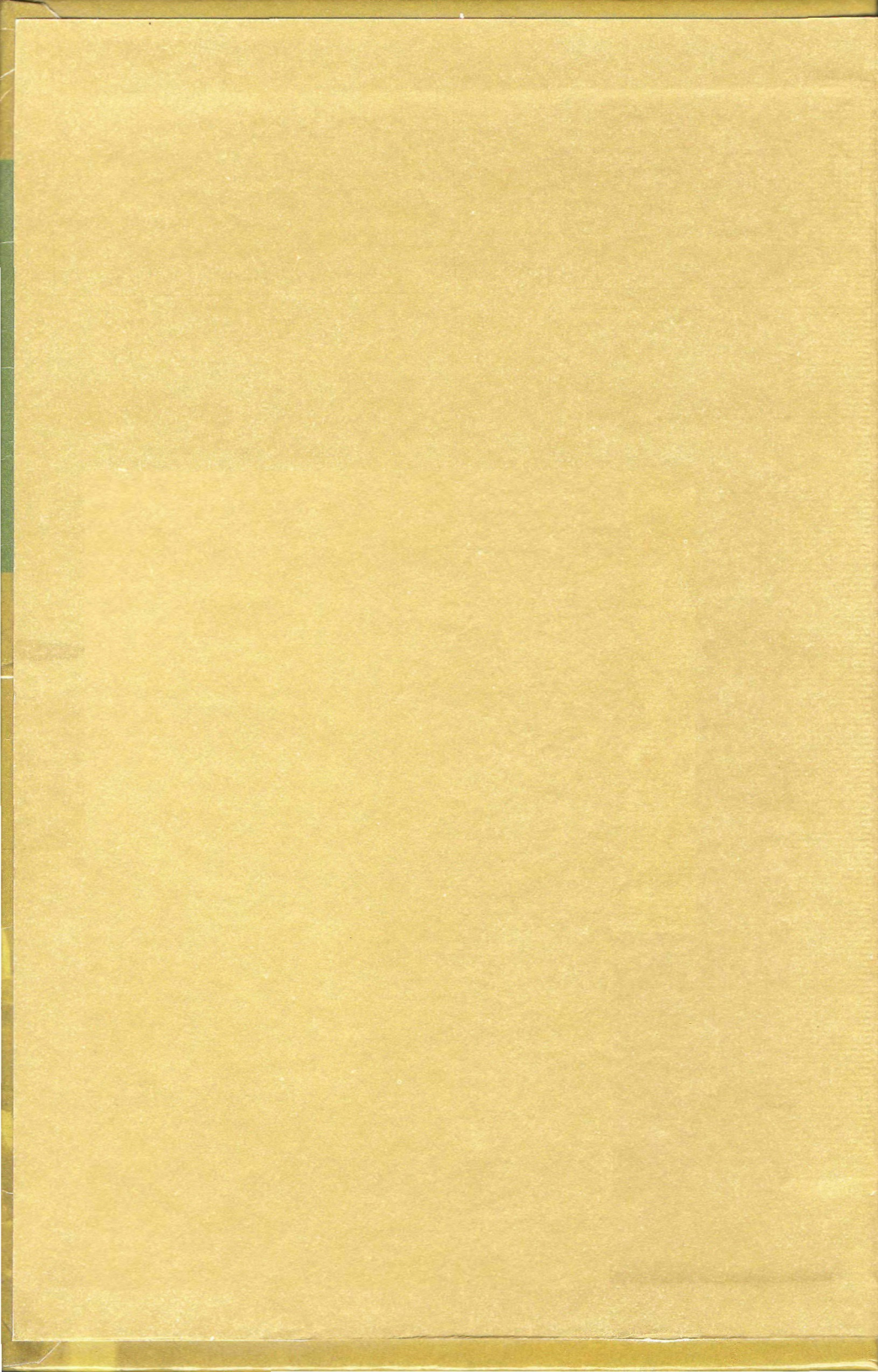
СТУДЕНЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

РУССКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ XI-XVIII веков

В. К. ЗИБОРОВ

Филологический
факультет
Санкт-Петербургского
государственного
университета

Студенческая библиотека

В. К. Зиборов

**Русское
летописание
XI–XVIII веков**

Учебное пособие

Хрестоматия

Санкт-Петербург

Филологический факультет

Санкт-Петербургского государственного университета

2002

*Издание выпущено при поддержке
Комитета по печати и связям с общественностью
Санкт-Петербурга*

Рец.: проф. д. и. н. Ю. Г. Алексеев
Отв. ред.: В. В. Яковлев

Зиборов В. К.

3 59 История русского летописания XI–XVIII вв.: Учеб.
пособ. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ,
2002.— 512 с. — (Студенческая библиотека).

В книге рассматривается многовековая история русского летописания; анализируются творческие приемы авторов и составителей летописей и др.

Во второй части пособия публикуются тексты разных русских летописей. Эта хрестоматийная часть позволит преподавателю познакомить студентов не только с текстами самых известных русских летописей, но и ознакомить их с разнообразными приемами анализа летописных текстов, а также с особенностями киевского, новгородского, галицкого и московского летописания с XI по XVIII вв.

Адресована студентам ВУЗов и всем, интересующимся русской историей.

ББК 63.3(2)4

ЧАСТЬ I

Введение

Русские летописи — основной письменный исторический источник по истории России допетровского времени. Впервые исторические записи стали вести в Киеве в I пол. XI в., далее на протяжении многих столетий они велись непрерывно, периодически оформляясь в отдельные летописи (при этом менялись только центры их создания). Единственный центр русского летописания, существовавший в течение всей его истории — Великий Новгород. Летописи велись в виде погодных записей, каждая из которых начиналась словами «Въ лѣто». До нашего времени сохранилось большое количество разнообразных летописных памятников. В литературе называлась цифра 5000, но она явно условна, так как пока еще учтены не все произведения.

Русское летописание на первом же этапе истории достигло одной из своих вершин благодаря тому, что в создании летописей принимали участие такие авторы, как митрополит Иларион и монах Нестор, заложившие основы русской истории, литературы и философии. На начальном этапе был создан самый значительный летописный свод — Повесть временных лет. Сформировался тип русской летописи с его обязательным элементом — погодной записью. И самое главное — получило четкое определение понятие Русской земли — родины всех восточных славян.

Летописи как исторический источник являют собой очень сложные объекты исследования из-за своего объема (рукописи in folio по 300 и более листов), состава (в них входят поучения, слова, жития, повести, грамоты, законодательные акты и т. д.) и вида, в котором они дошли до нас (все этапы летописания XI–XIII вв. представлены рукописями, имеющими происхождение не ранее XIV в.).

Привлекая летописный материал для различного рода характеристик и построений, необходимо помнить, что любое летописное известие требует предварительного анализа на основе современной текстологии. Практика анализа показывает, что летописное известие может быть как отражением действительности, зафиксированной в письменном виде, так и представлением об этой действительности, плодом фантазии или ошибки того или иного летописца, или преднамеренным искажением событий, что встречается довольно часто. Летописные памятники создавались на основе различных идеологических установок, взглядов. Кругозор и запись событий полностью зависели от социального положения летописца, его мировоззрения и образования.

Главным при анализе летописных известий является знание истории текста летописи, позволяющее иметь четкое представление о времени и обстоятельствах появления этого известия. Не все исследователи должны выполнять предварительную кропотливую работу по анализу каждого летописного известия, но знать и уметь использовать работы специалистов по этой теме необходимо. В первую очередь, труды гениального русского ученого А. А. Шахматова, который на основе разнообразных приемов анализа летописного текста восстановил в общих чертах историю русского летописания XI–XVI вв. и показал всю сложность летописного материала как исторического источника. Благодаря А. А. Шахматову и многим поколениям отечественных исследователей, стала понятной грандиозная картина истории русского летописания. Идя вслед за работами А. А. Шахматова и, тем самым, за русскими летописцами, становишься свидетелем развития русского мировоззрения, идеологии и национального самосознания.

Каждый из летописцев XI–XVIII вв., внося погодные известия в создаваемую им летопись, тем самым вносил свой вклад в формирование русского самосознания. Роль представителей церкви в этом многовековом процессе бесспорна: монахи и священники, игумены и пономари, часто не указывая своих имен, создавали правила земной жизни русских людей, иногда воплощавшиеся в отточенные идеологические постулаты, которые остаются актуальными и в наше время. Словосочетание «Русская земля», появившееся впервые под пером киевского летописца XI в., является священным по-

нятием для каждого русского человека. Свое прошлое и настоящее, все, происходящее вокруг нас и в мире, мы воспринимаем сквозь призму своей письменной истории, основой которой являются летописи. Русские летописи — это наши священные книги, знание их обязательно для каждого гражданина России.

Историография. Русское летописание изучается с XVIII в., ему посвящено несколько тысяч специальных исследований. Конспективно историю изучения летописания можно представить следующим образом. В XVIII в. появляются первые небольшие по объему исследования таких ученых как Г. Ф. Миллер, М. В. Ломоносов, В. Н. Татищев. С этого же времени начинают публиковаться отдельные летописи, выбор которых чаще всего был случаен. Основным вопросом истории русского летописания, разрабатывавшимся исследователями XVIII — первой половины XIX вв., был вопрос о Несторе-летописце. В это время создается на немецком языке труд многих десятилетий А.-Л. Шлёцера «Нестор» (перевод на русский язык: Ч. I—III. СПб., 1809—1819). В 1820 г. П. М. Строев в Предисловии к изданию «Софийского временника» высказал весьма важное для характеристики русских летописей наблюдение: любая русская летопись — это не плод работы одного автора, а компиляция (механическое соединение разных текстов). В середине XIX в., в связи с изданием Полного собрания русских летописей (издается с 1841 г.), активизируется работа по исследованию летописей. В это время выходят монографии и статьи И. И. Срезневского, К. Н. Бестужева-Рюмина, Н. Н. Яниша, И. А. Тихомирова и др. Стала очевидной масштабность русского летописания и сложность анализа летописных текстов, были сделаны общие предварительные наблюдения. Но не было главного — метода, который бы позволил результативно справляться со сложным летописным материалом. Такой метод — сравнительно-текстологический — был впервые широко применен при анализе летописей А. А. Шахматовым. Алексей Александрович Шахматов (1864—1920 гг.) — русский филолог, посвятивший всю свою жизнь изучению истории русского летописания наравне с другими историко-филологическими темами. Впервые к летописанию, точнее, к литературной деятельности монаха Нестора, он обратился еще будучи гимназистом. С того времени и до конца его жизни тема Нестора и русского ле-

*Академик Алексей Александрович Шахматов
(5 июня 1864 г. — 16 августа 1920 г.)*

тописания оставалась для него главной научной темой. На примере творчества А. А. Шахматова становится очевидным, что наиболее значительные результаты при анализе летописей могут быть получены только на основе их длительного (вся жизнь) изучения. Применяв сравнительно-текстологический метод, А. А. Шахматов восстановил историю текста почти всех наиболее значительных летописей и на этой основе воссоздал картину развития русского летописания XI–XVI вв. Можно с уверенностью утверждать, что труды А. А. Шахматова являются фундаментом наших знаний о русском летописании. Его работы убедительно показали, что *основа анализа текста любой летописи — сравнение двух и более летописей на всем протяжении их текстов, а не фрагментарные случайные наблюдения*. Когда же отсутствует материал для сравнения, то задача, стоящая перед исследователем, усложняется во много раз, с ней может справиться только тот, кто овладел сравнительно-текстологическим методом. К сожалению, творческое наследие гениального ученого до сих пор не опубликовано полностью, и это при том, что равных ему в историко-филологической науке нет. Из его многочисленных работ прежде всего необходимо ознакомиться с двумя монографиями: «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (СПб., 1908) и «Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв.» (М.; Л., 1938. Здесь дана характеристика всем наиболее значительным русским летописям). Любая публикация этого ученого всегда содержит обстоятельный и глубокий анализ того вопроса, которому она посвящена, при обращении к его работам всегда можно найти правильное направление дальнейшего исследования. В лице М. Д. Приселкова и А. Н. Насонова, заложенная А. А. Шахматовым научная школа по изучению летописания нашла достойных продолжателей. М. Д. Приселков опубликовал первый курс лекций по истории русского летописания XI–XV вв. (1940 г., переиздан в 1996). Ученик М. Д. Приселкова — А. Н. Насонов — более активно, чем его учитель, вел археографические изыскания в отечественных древлехранилищах, что позволило ему ввести в научный оборот много новых летописных памятников. Одним из важных достижений А. Н. Насонова было его аргументированное утверждение, идущее вразрез с мнением А. А. Шахматова, о том, что русское летописание не прекратилось в XVI в., а продолжалось

и развивалось в XVII в. и только в XVIII в., полностью завершив свою историю, плавно перешло в первоначальный этап его изучения. Работы отечественных исследователей 60–90-х гг. XX века полностью подтвердили правоту А. Н. Насонова. Возобновление деятельности Археографической комиссии и издания Полного собрания русских летописей по инициативе М. Н. Тихомирова привело к активизации исследований в области летописания. Среди исследователей второй половины XX века следует отметить работы М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье, В. И. Корецкого, В. И. Буганова и др.

Если суммировать результаты почти 300-летнего изучения истории русского летописания, то получим следующую картину: в общих чертах обрисована деятельность многочисленных летописных центров, собран и издан большой фактический материал, воссоздана предварительная история летописания за весь этот период. При этом спорными остаются почти все основные и даже второстепенные положения истории летописания. С уверенностью можно говорить о большой предстоящей работе, в которой должны принять участие как можно больше молодых исследователей.

Историографии летописания посвящена монография В. И. Буганова «Отечественная историография русского летописания. Обзор советской литературы» (М., 1975), где, как видно из названия, основное внимание уделено современному периоду, однако во введении дана краткая характеристика исследованиям XVIII–XIX вв. Историографические обзоры представлены в различных учебниках и пособиях, например: А. П. Пронштейн. Источниковедение в России: Эпоха капитализма, Ростов-на-Дону. 1991; Ч. I. Гл. 3. Историческое источниковедение в трудах К. Н. Бестужева-Рюмина; Ч. II. Гл. 3. А. А. Шахматов и развитие летописного источниковедения в России; Ч. III. Гл. 1. Разработка русских летописей (до А. А. Шахматова); А. Л. Шапиро Историография с древнейших времен до 1917 года. СПб., 1993. (Лекция 4. Историография Киевской Руси. «Повесть временных лет»; Лекция 5. Летописание в период феодальной раздробленности и на ранних этапах формирования единого Русского государства (XII–середина XV в.); Лекция 38. Развитие исторического источниковедения. А. А. Шахматов). Особо важное место, как уже отмечалось, в изучении летописей

занимают труды академика А. А. Шахматова. После его смерти коллеги и почитатели издали целый том, посвященный его деятельности: Известия Отделения русского языка и словесности: 1920. Т. XXV. Петроград, 1922. (особое внимание стоит обратить на статьи М. Д. Приселкова «Русское летописание в трудах А. А. Шахматова» и А. Е. Преснякова «А. А. Шахматов в изучении русских летописей»).

Библиография. Существует несколько изданий, где почти исчерпывающе представлена библиография. Это прежде всего: Библиография русского летописания / Сост. Р. П. Дмитриева (М.; Л., 1962). В этой публикации впервые учтены все работы по летописанию (начиная с издания Синописа 1674 г.) по 1958 г. включительно. Книга сопровождается именным и предметным указателями, которыми следует активно пользоваться. В виде приложения опубликована «Библиография избранных иностранных работ по русскому летописанию», составленная Ю. К. Бегуновым, где учтены работы с 1549 г. по 1959 г. включительно. В другом издании Ю. К. Бегунов опубликовал небольшое продолжение к своей библиографии: Зарубежная литература о русском летописании за 1960–1962 гг. // Летописи и хроники. 1980 г. В. Н. Татищев и изучение русского летописания (М., 1981. С. 244–253). Работу Р. П. Дмитриевой по составлению библиографии продолжила А. Н. Казакевич: Советская литература по летописанию (1960–1972) // Летописи и хроники. 1976 г. М. Н. Тихомиров и летописеведение (М., 1976. С. 294–356). Две последние публикации не имеют указателей, что усложняет пользование ими. Можно обращаться к более широким тематическим указателям, например: Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР: 1958–1967 гг. / Сост. Н. Ф. Дробленкова. (Ч. 1. (1958–1962 гг.). Л., 1978.; Ч. 2. (1963–1967 гг.) Л., 1979). Эта библиография имеет последующие выпуски, все они сопровождаются прекрасными указателями.

Таким образом, исследователь русского летописания, имея под руками вышеперечисленные книги, находится в весьма благоприятных условиях для работы. Единственно принципиальное уточнение необходимо сделать в отношении первой позиции библиографии Р. П. Дмитриевой: начинать ее следует не с издания Синописа, а с издания 1661 г. Киево-Печерского патерика, где впервые было опублико-

вано Житие Нестора, специально для этого издания написанное. Именно из этой книги брались все биографические данные о Несторе.

Издания летописей, специальные и периодические издания.

Летописи стали издаваться с XVIII в., при этом выбор публикуемых текстов был случаен, а правила публикации несовершенны, поэтому пользоваться изданиями XVIII в. необходимо с осторожностью. Столь же несовершенны были правила публикации текстов при издании первых томов фундаментальной серии под названием Полное собрание русских летописей — ПСРЛ (издание началось с 1841 г.), поэтому эти тома в начале XX в. переиздавались. Издание продолжает выходить и в наше время, всего опубликован 41 том (ропись содержания томов дана в конце учебного пособия).

Русским летописям посвящено специальное издание (приостановлено): Летописи и хроники. Оно выходит в Москве с 1974 г. (первый выпуск), всего было четыре выпуска (1976 г., 1981 г., 1984 г.). В этих сборниках опубликованы разнообразные статьи по истории русского летописания, а также небольшие по объему летописные тексты.

Среди периодических изданий главным является уникальное издание, полностью посвященное изучению древнерусской литературы — Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). С момента выхода (по инициативе А. С. Орлова) первого тома в 1934 г. опубликовано 52 тома. Это издание в какой-то степени является преемником великолепного до-революционного издания — Известий Отделения русского языка и словесности (ИОРЯС). Почти в каждом томе ТОДРЛ помещены статьи по летописанию, довольно часто публикуются тексты (в десятикратных номерах помещены указатели статей и материалов за истекшее десятилетие). Еще в двух периодических изданиях уделяется значительное внимание изучению летописей — это Археографический ежегодник (АЕ) и Вспомогательные исторические дисциплины (ВИД).

Словари. У каждого историка и филолога, занимающегося древнерусской письменной культурой, на столе должен находиться многотомный словарь, подготовленный сотрудниками Сектора древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), в трех выпусках которого (буква Л) характеризуются почти все летописные произведения Древней Руси: Словарь книжников и книжности

Древней Руси (Вып. 1. XI—первая половина XIV в. Л., 1987; Вып. 2. Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 2. Л., 1989; Вып. 3. XVII в. Ч. 2. СПб., 1993). В этом Словаре (далее: Словарь книжников) дана исчерпывающая информация почти о всех древнерусских произведениях, в том числе и об авторах, в той или иной степени принимавших участие в создании русских летописей. Каждая словарная статья сопровождается библиографической справкой.

Анализировать летописные тексты без обращения к лингвистическим словарям невозможно. При всей поверхностной понятности текстов древнерусских летописей очень часто смысл или оттенок слова и выражения ускользает от исследователя, так как на протяжении веков смысловое содержание слов изменилось, а некоторые слова вышли из употребления. Например, современным человеком выражение «написал летописец» воспринимается однозначно — создал оригинальное произведение, что подразумевает творчество со стороны автора. А в древности этим выражением могла быть названа и работа переписчика.

Остается актуальным словарь, собранный в XIX в.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. (Т. I—III. СПб., 1893—1903 — переиздан в 1989 г.). Изданы два новых словаря: Словарь русского языка XI—XVII вв. (Вып. 1. М., 1975 — издание не завершено) и Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. (Т. 1. М., 1988 — издание завершено). Кроме этих словарей при работе с древнерусскими текстами необходимо обращаться еще к одному изданию: Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. (Вып. 1. М., 1974 — издание не завершено). Со сложными вопросами лексического анализа летописных текстов можно познакомиться по книгам: А. С. Львов Лексика «Повести временных лет». (М., 1975); О. В. Творогов Лексический состав «Повести временных лет» (Киев, 1984).

Терминология. *Летопись* — историческое произведение с погодным изложением событий, охватывающее в своем изложении всю историю России, представленное рукописью (объем значителен — более 100 листов). *Летописец* — небольшое по объему (несколько десятков листов) летописное произведение, также как и летопись охватывающее в своем изложении всю историю России. Летописец в какой-то степени яв-

ляется кратким конспектом недошедшей до нас летописи. Летописцем в Древней Руси назывался также и автор летописи. *Летописчик* — очень небольшое по объему (до 10 листов) летописное произведение, посвященное или лицу, его составлявшему, или месту его составления, при этом погодность изложения сохраняется. *Летописный фрагмент* — часть любого летописного произведения (часто встречаются в древнерусских сборниках). Значение летописцев и летописных фрагментов для истории русского летописания значительно, так как они донесли до нас сведения о несохранившихся летописных произведениях. Сами древнерусские летописцы по-разному называли свои произведения: в XI в. Летописцем (например, Летописец земли Русской) или Временником, позже Повестью временных лет, Софийским временником, Хронографом, иногда летописи не имели никакого названия.

Любой историографический памятник создается на основе предшествующей летописи, а та, в свою очередь, также на основе предшествующей, таким образом в тексте любой летописи, например, XV в., представлено более десятка этапов работы. История текста летописи может быть представлена в виде цепочки таких этапов. Этапы, выявленные исследователями путем анализа летописного текста, называются *летописными сводами*. Летописный свод — гипотетический этап летописной работы. Самый знаменитый летописный свод — Повесть временных лет (ПВЛ), по предположению исследователей, составлен в начале XII в. Ссылаться на него следует так: ПВЛ по Лаврентьевской летописи или Ипатьевской и т. д. В литературе нет четкого разграничения понятий летопись и летописный свод, они часто смешиваются. А. А. Шахматов, лучший знаток русского летописания, считал, что такое разграничение обязательно, оно привносит четкость и однозначность. Летописям и летописным сводам в исследовательской литературе очень часто даются различные определения: епископская, княжеская, митрополичья, великокняжеская, официальная, оппозиционная, провинциальная и т. д. Все эти определения условны, они появились в результате предварительного, часто первоначального и неверного, анализа летописных текстов.

Каждая летопись имеет свое индивидуальное название, данное ей на основе случайных признаков: по имени владельца или переписчика летописи, ее местонахождению и т. д.

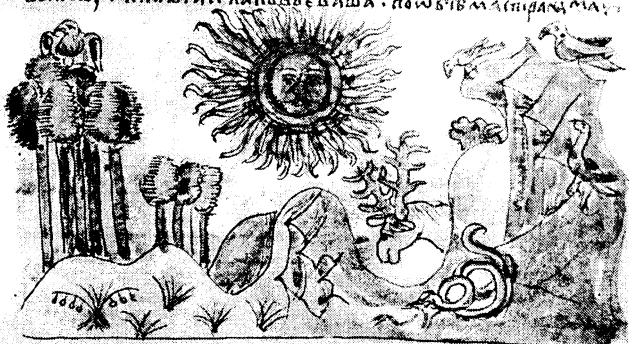
Иногда названия просто неверны и тем самым могут вводить в заблуждение, например: Никоновская летопись названа по имени патриарха Никона, у которого был один из списков этой летописи, но патриарх Никон (годы жизни 1605—1681) никакого отношения к составлению этой летописи не имел, так как она составлена в 20-е гг. XVI в. Некоторые летописи имеют по несколько названий, например, самую древнейшую русскую летопись называют Новгородской (написана в Новгороде), Харатейной (по материалу, на котором она написана — на коже, на пергамене), Новгородской Синодальной (по месту хранения в Синодальном собрании), Новгородской первой старшего извода (в названии отразилась систематизация новгородских летописей).

Летописанием называется весь процесс ведения летописей, охватывающий период с XI—XVIII вв. Отсюда летописание может быть ранним, поздним, киевским, новгородским и т. д. Были попытки ввести в оборот термин «летописеведение» — часть источниковедения, занимающаяся изучением летописей, но этот термин не получил широкого распространения.

Приемы выявления летописных сводов. Любая летопись представляет собой сборник погодных записей, в нем год за годом фиксируются события, происходившие в России. Как определить, где закончил работу один летописец и начал другой? Ведь очень редки случаи, когда автор указывает окончание своей рукописи. За трехвековой период изучения истории русского летописания найдено несколько приемов, позволяющих решить этот вопрос. Главный прием, заимствованный из классической филологии и получивший полное признание после работ А. А. Шахматова — это сравнение текстов двух летописей между собой. Когда, например, две или более летописей при сравнении имеют одинаковый текст до 1110 г., а после этого года каждая из них представляет индивидуальный текст, то исследователь вправе утверждать, что во всех этих летописях отразился летописный свод, доводивший изложение событий до 1110 г.

Помимо этого, основного, приема существует еще несколько. На окончание работы летописца и, тем самым, летописного свода может указывать слово «аминь», стоящее в конце погодной записи; «аминь» в древнерусской письменной практике ставилось в конце большой литературной работы. Например, это слово завершало погодную запись 1093 г.

ВОЛОКОУ. И МНОГА СЕЛА ПОВЕШАША. ПОУБИША И СПАДНА МАУ.

СЕЖЕЛѢ. ПОВЕШАША ПОЛОВЦИ МАЛАХУ. СВА СЛІКО РОСТИ
СЛАВНЧЕЛЪ. ВСЕЖЕЛѢТЪ. ОУМЕРЮРНИКЪ. СНАРОСТИ СЛА
ВЪ. ВЕНКЕВРІМЕНА МНОЗІТЛВЦЮ ОУМІРАХОУ. РАЗЛ
ЧНЫМІНІДОГН. ЯКО ГЛХУ ПРОДАЮЩЕ КРІПЫ. ЯКО ПРО
ДАХО КРІПЪ. ЯКО ѿФНІН ПОВАДНА ДОМА ГОПЪШЪ. 5. ПЫ
САШЪ. СЕЖЕЛѢ. ПРОГРЕХЫША. ЯКО ОУМНОЖИША ГРЕШ
НАШІ. И ПІРАВЪ. СЕЖЕЛѢ. ВІЛА ИМЪ ПОКАІННІ
ИМЪ ПІ. И ПІСТАГНОТІ СѦ ѿГРѢ. И ѿХВІСТИ. И ѿПРО
ЧІНЪ ЛІДІБЛАНІ ПРНІЗНІМЪ. ЛѢ 5. ХА И ПІСТАА.
ПРЕСТАВІ СІА ІКНІ КНЪ ВЪ ГВОЛѢ. СНАРО СЛАВЪ. ПІ
ВОЛОДІМІРА. А ПРН. ГІ. А ПОГРЕБЕНЪ БІ. ДІ. И ІАСТРАСІОЕ
ВЪ. ПІАВІНЪ БІ. ВІА ІАЦІ ЦРКВІ СІБІ ІА СІО ФНІ. И
И ПІАВІО ВІБРМІ ІКНЪ. ВІА ВОЛѢ БІНДІ ТЪ СІА БОЛЮ
ВІА. ЛЮБІА ПІРАВДОУ. КОРМА ОУБОГІА. ВЪХДАІ ЧЕ
СТЬ ЕПІМЪ. И ПРНІЗНІ РОМЪ. И ЗІАХА ЖЕЛЮБАШЕ ЧЕ
РОРНІЦІ. И ПДАША ШІТРЕБОВАННІМЪ. ВІА СЕВЪЗДІ
РЖАІ. ѿПІАМЪ СІА. И ѿНОХОПІ. ПІАМЪ ЛЮБІА ВІА ІОШ
МЪ. СІО ІМЪ. ЯКО ГЛІА ІАЦІО ІКНІО. СІО МОІ. БІА ІО

в летописи, бывшей в руках В. Н. Татищева и ныне утраченной. Ученый считал, что здесь закончил работу один из древнерусских летописцев. В трудах А. А. Шахматова этот летописный свод 1093 г. получил на основе самых разнообразных данных многовариантное обоснование и прочно вошел в историю раннего летописания.

Иногда автор или составитель летописи в виде приписки сообщает о своем участии в работе над летописью, но такие случаи редки. Например, самая ранняя приписка принадлежит игумену Выдубицкого монастыря (недалеко от Киева) Сильвестру, она датирована 6624 (1116) г. Подобные приписки требуют тщательной проверки.

Летописец, составляя свои погодные записи, иногда привлекал для работы внелетописные источники, например, Хронику Георгия Амартола или Паремийник, откуда заимствовал очень часто в дословных цитатах разнообразный материал для характеристик лиц или событий. Если такой источник выявлен и определены все заимствования из него, то последняя погодная запись с цитатой оттуда может служить указанием на примерное время составления летописи. Кроме того, отсутствие заимствований из внелетописного источника в какой-либо летописи служит серьезным и весомым аргументом в пользу ее первичности по отношению к летописи, где подобные заимствования присутствуют. Например, А. А. Шахматов одним из аргументов первичности Новгородской первой летописи младшего извода (Н1ЛМ) в рамках ПВЛ по отношению к летописям Лаврентьевской и Ипатьевской считал отсутствие в Н1ЛМ заимствований из Хроники Георгия Амартола, которые находятся в последних двух летописях.

В самом летописном тексте встречаются и другие прямые или косвенные указания на время окончания работы того или иного летописца. Например, в летописях часто помещаются разнообразные перечни имен князей или митрополитов и выкладки лет, которые могут находиться в любом месте текста и могут служить указанием на время окончания работы того или иного летописца. Например, под 6360 (852) г. помещен перечень князей, доведенный до смерти князя Святополка: «...а от первого лѣта Святослава до первого лѣта Ярополча лѣт 28; а Ярополкъ княжи лѣт 8; а Володимеръ княжи лѣт 37; а Ярославъ княжи лѣт 40. Тѣмже от смерти Ярослава до смерти Святополчи лѣтъ 60». Следовательно, этот перечень указывает год

смерти князя Святополка — 1113 г. как год, в котором работал летописец или до которого он довел свою работу, поскольку преемник князя Святополка на киевском столе князь Владимир Мономах (1113—1125) в этом списке не упомянут.

Часто в летописных текстах встречается выражение «и до сего дня», к которому необходимо относиться с повышенным вниманием, так как оно при благоприятных условиях может служить косвенным указанием на время работы летописца. Например, под 6552 (1044) г. читаем: «В се же льто умре Брячиславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимеръ, отецъ Всеславль, и Всеславль, сынъ его, съде на столъ его, его же роди мати от вълхвованья. Матери бо родивши его, бысть ему язвено на главъ его, рекоша бо волсви матери его: «Се язвено навяжи на нь, да носить е до живота своего», еже носить Всеславъ и до сего дне на собъ; сего ради немилостивъ есть на кровьпролитье». Для летописца, судя по выражению «и до сего дне», князь Всеслав живой, следовательно, зная дату смерти этого князя, можно утверждать, что летописец работал до этого года. Лаврентьевская летопись, откуда была приведена цитата о рождении князя Всеслава, сообщает и о времени его смерти: «В льто 6609. Преставися Всеславъ, полоцкой князь, мѣсяца априля въ 14 день, въ 9 часъ дне, въ среду». Получается, что данный летописец работал до 6609 (1101) г.

Когда погодная запись (со второй половины XI в.) начинается с указания не только года, но и его индикта, то такая двойная датировка в летописном тексте формально указывает на время окончания работы летописца. Например, уже упоминавшийся 1093 год, изложение событий которого оканчивалось в списке В. Н. Татищева словом «аминь», начинается следующим образом: «В льто 6601, индикта 1 льто...» Такая двойная датировка в начале погодной записи, как прием определения времени окончания летописного свода, требует дополнительных проверок.

Иногда летописец ведет рассказ от первого лица, в таких случаях, особенно на позднем материале (XVI—XVII вв.) появляется возможность определить имя автора и, зная его биографию, узнать время его работы над летописью.

Нередко для решения вопроса о времени работы летописца исследователи используют оригинальную манеру письма, но этот прием один из самых ненадежных при всей внешней убедительности.

Обоснование существования того или иного летописного свода и времени его составления всегда должно быть многовариантным, только в этом случае предположение окажется убедительным.

Определение времени составления летописного свода — не самоцель, а фундамент источниковедческого анализа известий, появившихся на этапе создания этого летописного свода. Четкое знание времени создания свода и круга известий, внесенных автором в текст — первый этап критического осмысления известий. Поясню это на примере известия о призвании варягов во главе с князем Рюриком (6372 г.). А. А. Шахматов доказал, что оно появляется в русских летописях в первые десятилетия XII в., то есть на этапе создания ПВЛ. В более ранних летописных сводах, а их в XI в. было не менее четырех, никакого упоминания о Рюрике не существовало. Выяснив время появления известия о Рюрике, мы тем самым можем определить обстоятельства появления подобного известия, о чем будет сказано при характеристике ПВЛ.

Познакомиться с разнообразными приемами анализа древнерусского текста можно по книге: Д. С. Лихачев. Текстология. На материале русской литературы X—XVII веков. (2-е изд. Л., 1987 — или любое другое издание). Эта книга должна быть на столе каждого историка-источниковеда.

Хронология. Основой любого исторического произведения, как и всей исторической науки в целом, является хронология. Вне времени события нет, если же время определено неверно, то характеристика события также будет искажена. В русских летописях хронологические указания занимают в полном смысле видное место, так как каждая погодная запись начинается с даты, первая буква этого указания — «В» очень часто написана киноварью.

Летоисчисление на Руси было византийским, точкой отсчета являлась условная дата сотворения мира. Например, год издания данного пособия — 2002 г. от Рождества Христова, чтобы перевести его в летоисчисление от сотворения мира необходимо к цифре данного года прибавить — 5508 лет, получится 7510 г. от сотворения мира. До петровской реформы календаря в России пользовались византийским летоисчислением, поэтому не следует злоупотреблять переводом древнерусской хронологии на современную, так как существует

целый ряд нюансов, которыми необходимо руководствоваться при таких переводах. Если объектом исследования является письменный источник допетровской Руси, то указывать необходимо двойную дату, например: 6898 (1390) г.

Новый год начинался в Древней Руси в марте, так называемый мартовский год. Начало года в марте часто связывают с остатками язычества на Руси, но мартовский год был распространен по всей западной Европе, так как на этот месяц чаще всего приходится главный христианский праздник — Пасха. Кроме того, мартовский год не имеет четко фиксированного начала, в отличие от сентябрьского и январского, где год начинается 1 числа. В Византии, откуда мы заимствовали летоисчисление, в XI в. общепризнанным был сентябрьский год, начинавшийся 1 сентября, что сохранилось в школьной традиции начала нового учебного года. На Руси на сентябрьский год стали переходить в первой четверти XV в. Указа или грамоты на этот счет не было, в разных центрах письменной культуры переходили в разное время, этот процесс растянулся на четверть века. Одновременное существование разных систем летоисчисления привело к запутанности и ошибкам в нашей хронологии XI—XIV вв.

В Древней Руси в соответствии с византийской традицией год очень часто имел двойное обозначение: год от сотворения мира сопровождался указанием индикта этого года. *Индикт* — порядковое место данного года в 15-летнем цикле, точка отсчета индиктов — сотворение мира, индикт начинается с началом нового года — 1 сентября. В византийских хрониках летоисчисление довольно часто велось только по индиктам, у нас подобной традиции никогда не было. Узнать индикт любого года от сотворения мира очень просто: цифру года необходимо разделить на 15, полученный от деления остаток и будет индиктом этого года. Если остаток будет равен 0, то индиктом года будет — 15. В древнерусском летоисчислении 2002 год обозначается так — 7510 индикта 10 лета. Такая двойная датировка года позволяет производить проверку соответствия года его индикту, в источниках нередко встречаются несоответствия подобных указаний. Найти объяснение подобной ошибки бывает подчас довольно трудно, так как это требует со стороны исследователя глубоких разнообразных знаний чаще всего из области вспомогательных исторических дисциплин. Из употребления индикты исчеза-

ют в летописании, по крайней мере, к концу XV в., но в письменной традиции, чаще всего монашеской, указание индиктом встречается и в XVI–XVII вв.

Каждую дату письменного исторического источника необходимо прежде всего проверять, так как очень часто они бывают ошибочны. Например, первая дата русской истории в летописях — 6360 г. содержит в себе ошибку: «Въ лѣто 6360, индикта 15, наченшю Михаилу царствовати, начася прозывати Руска земля...» Индикт указан верно, но царь Михаил начал царствовать за 10 лет до этого года. Есть несколько объяснений этому несоответствию, но вряд ли они окончательны.

Названия дней недели в древности были несколько иными, главная особенность связана с названием воскресного дня: до XVI в. воскресенье называлось неделей (то есть ничего не делать), отсюда — понедельник, то есть день после недели. В те времена был только один воскресный день в году — день Пасхи. Цифровое обозначение дня часто сопровождалось указанием имени святого, чья память чтилась в этот день. Двойное обозначение даты позволяет делать проверку одного указания через другое. День памяти святого берется из Святцев. Следует помнить, что текст Святцев, как и текст любого письменного памятника, изменялся во времени, например, круг святых, известных русскому человеку XI в., был менее полн, чем круг святых в XV в., и имел некоторые отличия.

Датировка светских событий с точностью до дня появляется в летописях с 60-х гг. XI в., а с точностью до часа с 90-х гг. XI в.

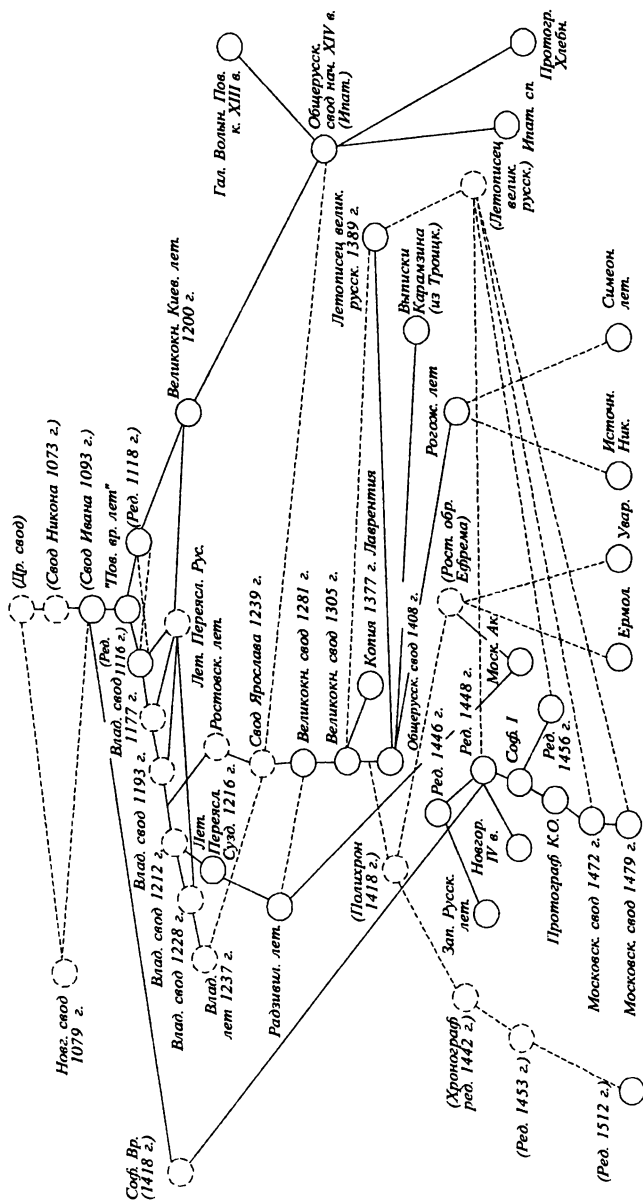
Более обстоятельно с русской хронологией можно познакомиться по книгам: Л. В. Черепнин. Русская хронология. (М., 1944); Н. Г. Бережков. Хронология русского летописания. (М., 1963); С. В. Цыб. Древнерусское летоисчисление в «Повести временных лет». (Барнаул, 1995).

В летописях встречаются упоминания о различных природных явлениях. Все эти упоминания дают возможность проверять древнерусскую хронологию, сравнивая ее с данными других европейских стран или с данными астрономии. По этим вопросам можно рекомендовать две книги: Д. О. Святский. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. (СПб., 1915); Е. П. Борисенков, В. М. Пасецкий. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. (Л., 1983).

Рукопись. Любая русская летопись, как и большинство других письменных исторических источников, дошла до нас в рукописи, поэтому необходимо как можно глубже познакомиться со следующими специальными дисциплинами: археографией, кодикологией и палеографией. При этом необходимо помнить, что оттачивать мастерство работы с рукописью надо на протяжении всей своей научной деятельности, а в студенческие годы следует как можно чаще посещать Рукописные отделы библиотек для того, чтобы возник так называемый творческий диалог между исследователем и рукописью. Без работы с подлинником (в данном случае — с рукописью), нельзя стать профессиональным историком. Рукопись — единственная реальность для историка, только через нее он может входить в прошлое. В зависимости от того, насколько глубоко и тщательно вы проанализируете письменную информацию первоисточника, настолько аргументированным будет ваш научный вклад в разрабатываемый вами вопрос. Для исследователя при анализе письменного исторического источника говорящим, помимо главного — содержания текста, является все: цвет чернил, оттенок и расположение киноварных букв и заголовков, подчистки, плотность и разметка бумаги или пергамента, формат, переплет, пометы и исправления, начертание букв, почерк и мастерство писца. Для историка все знания о рукописи необходимы прежде всего для решения главного вопроса — датировки рукописи, на основе которой разворачивается весь последующий анализ ее содержания. Летописи, в основном, дошли до нас в рукописях, написанных на бумаге, а не пергамене. С момента изобретения бумаги в Европе в XIV в. и до середины XIX в. бумага изготавливалась ручным способом, отчего на бумаге имеются филигранные (водяные знаки). Датировка рукописи по филиграням — самый надежный на сегодняшний день метод, но он требует от исследователя тщательности и обстоятельности: на учет ставятся все водяные знаки рукописи, которые анализируются с помощью всех изданных как у нас, так и в Европе альбомов. Современные требования к датировке рукописи по филиграням столь велики, что предлагается создать новую специальную дисциплину — филигранологию. Рекомендуемая литература: В. Н. Щепкин. Русская палеография. (М., 1967); История и палеография. (Сб.: Вып. 1 и 2. М., 1993).

Схема соотношения основных летописных сводов

* *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 22.

Стеммы. История текста летописи может быть изображена графически, в виде схемы, причем более ранние этапы истории текста чаще всего находятся наверху схемы, а поздние ниже. Эти схемы называются стеммами. Примеры подобных схем представлены в пособии, все они взяты из различных книг по летописанию. Сокращения в стеммах частично раскрыты в списке сокращений в конце пособия.

Периодизация. Создание любой летописи, деятельность любого летописного центра напрямую связаны с политической и отчасти экономической жизнью России, поэтому периодизация истории русского летописания в целом совпадает с периодизацией истории России с XI в. по XVIII в. Так, например, первый этап истории русского летописания, завершившийся созданием летописного свода — ПВЛ, соответствует времени формирования Древнерусского государства с центром в Киеве и его расцвету, которого оно достигло к началу XII в. В XIII в. в связи с нашествием татаро-монгол прекращают свою деятельность летописные центры в Киеве, Переяславле Южном, Чернигове. В XIII—XV вв. летописные центры возникают в тех княжествах, точнее, в главных городах княжеств, которые занимают или стремятся занять ведущее место в политической жизни страны. С конца XV в. положение Москвы как столицы нового государства определило ее главное место в истории русского летописания, именно в Москве с этого времени создаются все значительные летописные произведения. Каждому из трех периодов истории русского летописания посвящена глава данного пособия.

Издания: Полное собрание русских летописей выходит с 1841 г., с того времени издан 41 том, роспись всех томов приводится в конце пособия (с. 504—505).

Литература: *Клосс Б. М., Лурье Я. С.* Русские летописи XI—XV вв. (Материалы для описания) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 2. Ч. 1. М., 1976. С. 78—139; *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947; *Насонов А. Н.* История русского летописания XI—начало XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969; *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. 2-е изд. СПб., 1996; *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979; *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938.

Истоки. Летописание в Киеве в XI—начале XIII в.

1. Первые русские летописные своды

Начало ведения летописей на Руси прямо связано с распространением грамотности у восточных славян. В рамках данного пособия можно отметить следующие бесспорные факты усвоения письменности славянами, в том числе и восточными. До появления двух алфавитов — глаголицы и кириллицы — в IX в. у славян не было письменности, о чем прямо сообщается в Сказании X в. «О письменах» черноризца Храбра: «Ведь прежде славяне, когда были язычниками, не имели письмен, но (читали) и гадали с помощью черт и резов». Стоит обратить внимание на то, что глагол «читали» стоит в скобках, то есть в ранних списках Сказания это слово отсутствовало. Первоначально читалось только «гадали с помощью черт и резов». Такое первоначальное чтение подтверждается последующим изложением в Сказании: «Когда же крестились, то пытались записывать славянскую речь римскими и греческими письменами, без порядка. Но как можно хорошо написать греческими буквами «Бог» или «живот» (у славян есть буквы, например — «ж», отсутствующие в этих языках). Далее черноризец (монах) Храбр сообщает о Константине (Кирилле) Философе, создавшем для славян алфавит: «тридцать письмен и восемь, одни по образцу греческих письмен, другие в соответствии со славянской речью». Вместе с Кириллом участие в создании славянского алфавита принял и его старший брат монах Мефодий: «Если же спросишь славянских книжников, кто вам письмена создал или книги перевел, то все

знают и, отвечая, говорят: святой Константин Философ, названный Кириллом, он и письмена создал, и книги перевел, и Мефодий, брат его» (Сказания о начале славянской письменности. М., 1981). О братьях Кирилле и Мефодии, создателях славянской письменности, известно достаточно много из их Житий, созданных в связи с их канонизацией. Кирилл и Мефодий — святые для всех славянских народов. Старший Мефодий (815–885 гг.) и Константин (827–869 гг.) родились в городе Солуни. Их отец — грек был одним из военначальников этого города и прилежащих к нему областей, где в то время жило много болгар, поэтому предполагается, что они с детства знали славянский язык (существует также легенда об их матери — болгарке). Судьба братьев первоначально сложилась различно. Мефодий рано становится монахом, он известен только под монашеским именем. Константин получил прекрасное по тому времени образование в Константинополе, где обратил на себя внимание своими способностями императора и патриарха Фотия. После нескольких, блестяще выполненных, поездок на восток Константину поручили возглавить Хазарскую миссию (861 г.). Вместе с ним к хазарам отправился и его брат Мефодий. Одной из целей миссии было распространение и пропаганда православия среди хазар. В Херсоне (Крым) произошло событие, породившее бесконечные научные споры в новое время. Это событие в Житии Константина описано так: «Нашел же здесь евангелие и псалтирь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи, и, сравнив ее со своим языком, различил буквы гласные и согласные, и, творя молитву Богу, вскоре начал читать и излагать (их), и многие удивлялись ему, хваля Бога» (Сказания. С. 77–78). Какой язык подразумевается в выражении «русскими письменами» неясно, некоторые предполагают готский язык, другие сирийский и т. д. (однозначного ответа нет). Хазарскую миссию братья выполнили успешно.

В 863 г. по приглашению князя Ростислава в Моравию была направлена Моравская миссия во главе с братьями Константином и Мефодием, главной целью ее было распространение христианства среди славян Моравского государства. В ходе этой миссии братья создали алфавит для славян и Константин «перевел весь церковный чин и научил их и утрене, и

часам, и обедне, и вечерне, и повечерию, и тайной молитве». В 869 г. братья посетили Рим, где Константин умер, перед смертью приняв монашество под именем Кирилла.

Долгое время считалось, что в основе нашего современного алфавита лежит алфавит, созданный Кириллом, отсюда и его название — кириллица. Но после сомнений и споров общепринятой стала другая точка зрения: Кирилл и Мефодий создали глаголицу, а кириллица появилась в конце IX в. на территории Болгарии. Глаголическая письменность — оригинальная славянская (прежде всего западных славян) письменность, в основе ее положен алфавит, происхождение которого до настоящего времени не выяснено. Вполне возможно, что это искусственный алфавит, и, следовательно, он должен иметь ключ к объяснению. Любопытно, что некоторые знаки, находящиеся на камнях и предметах, найденных в причерноморских степях, имеют большое сходство с отдельными буквами глаголицы.

С конца IX в. у славян одновременно существовало два алфавита и, следовательно, две письменные системы — глаголица и кириллица. Первая была распространена в основном среди западных славян (хорваты многие столетия пользовались этой оригинальной письменностью), вторая среди южных славян. Глаголица развивалась под сильным влиянием римской церкви, а кириллица — византийской. Все это имеет непосредственное отношение к письменной культуре Древней Руси. В XI в., когда делались первые и достаточно основательные шаги по усвоению восточными славянами письменности, у них в употреблении одновременно были обе письменные системы — глаголица и кириллица. Об этом говорят надписи на стенах (граффити) соборов святой Софии в Киеве и Новгороде, ставшие достоянием науки только в XX в., где наравне с надписями на кириллице встречаются и глаголические. О латинском влиянии на глаголическую письменность можно судить, например, по «Киевским глаголическим листкам», представляющим собой славянский перевод латинского Миссала. Примерно в XII в. глаголица выходит из употребления у русских людей, а в XV в. ее воспринимают как один из вариантов тайнописи.

Принятие христианства при князе Владимире в 988 г. имело решающее значение в появлении у них письменности, распространению грамотности, зарождению оригинальной на-

циональной литературы. Принятие христианства является точкой отсчета письменной культуры русских людей. Для богослужения необходимы были книги, которые первоначально находились в церквях и соборах. Первой церковью в Киеве была церковь Богородицы (полное название — церковь Успения Божьей Матери), так называемая Десятинная церковь (князь Владимир дал ей на содержание десятую часть от всех своих доходов). Предполагается, что именно при этой церкви был составлен первый русский летописный свод.

Занимаясь историей русского летописания XI в., необходимо помнить об одновременном существовании двух письменностей, у которых были отличающиеся друг от друга ряды цифр, что могло приводить к путанице при переводе цифр из глаголицы в кириллицу (в Древней Руси было буквенное обозначение цифр, заимствованное из Византии).

Круг чтения у русских людей в момент зарождения летописания был достаточно обширен, о чем говорят дошедшие до нас рукописи XI в. Это прежде всего богослужебные книги (Евангелие апракос, минеи служебные, паремийник, псалтырь) и книги для чтения: (Евангелие тетр, жития святых, сборник Златоструй, где много слов и поучений Иоанна Златоуста, различного рода сборники, самые известные из которых сборники 1073 г. и 1076 г., Патерик Синайский, Пандекты Антиоха Черноризца, Паренесис Ефрема Сирина (глаголица), Слова Григория Богослова и т. д.). Этот перечень книг и произведений, бытовавших в Древней Руси в XI в., должен быть расширен за счет тех книг и сочинений, которые дошли до нас в поздних списках. Именно к таким произведениям, созданным в XI в., но дошедшим до нас в рукописях XIV–XVI вв., относятся и ранние русские летописи: ни одной русской летописи XI–XIII вв. не сохранилось в рукописях, синхронных этим векам.

Круг летописей, привлекаемых исследователями для характеристики ранней истории русского летописания, давно уже очерчен. Здесь отмечают наиболее значительные из них. На первом месте стоят две летописи, дошедшие до нас в рукописях на пергамене XIV в. — Лаврентьевская и Новгородская Харатейная. Но последняя, из-за утраты листов в начале рукописи (погодные записи начинаются с полуфразы известий 6524 (1016) г.) и из-за краткости текста (описание

событий XI в. занимает три страницы печатного текста, а в других летописях несколько десятков страниц), почти не привлекается при восстановлении первых этапов летописания. Текст этой летописи можно привлечь для показа одной особенности русских летописей, а именно: в тексте проставлялись года, не имевшие известий, причем иногда перечень «пустых» лет занимал в рукописи значительное место, и это при том, что пергамен был очень дорогим материалом для письма. Лист 2 Новгородской Харатейной летописи выглядит следующим образом:

«Въ льто 6529. Победы Ярославъ Бричислава.

Въ льто 6530.

Въ льто 6531.

Въ льто 6532.

Въ льто 6533.

Въ льто 6534.

Въ льто 6535.

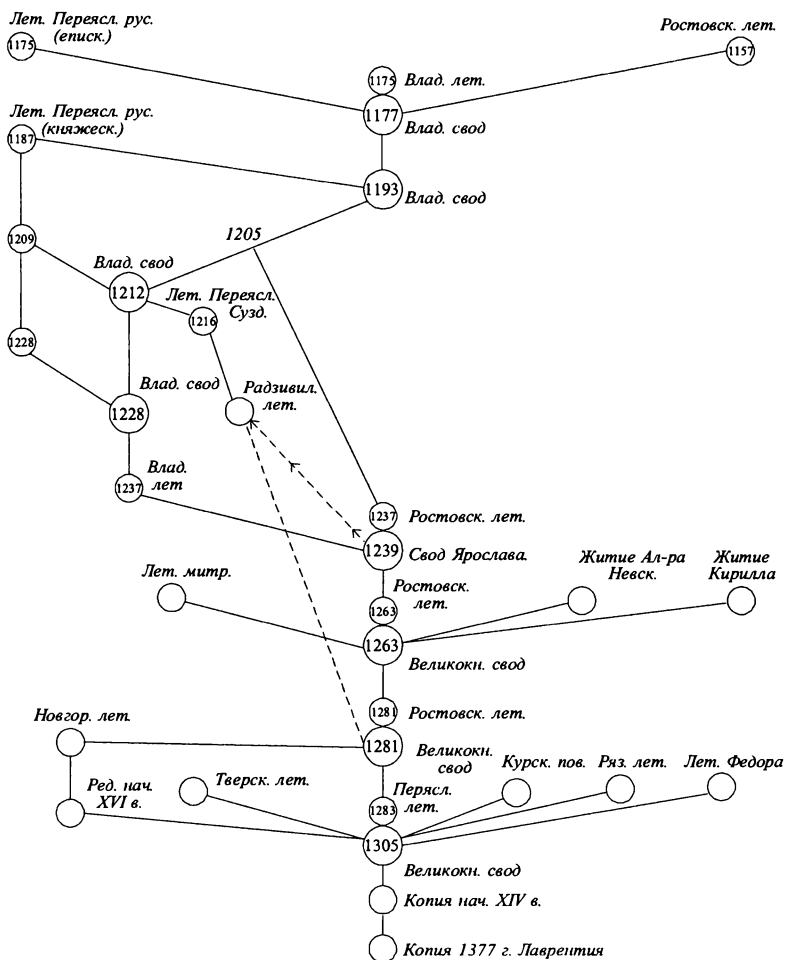
Въ льто 6536. Знамение змиево на небеси явися». И т. д.

Подобное расположение известий встречается иногда в Пасхальных таблицах (определение дня Пасхи на каждый год). В таких таблицах делались краткие записи на полях летописного типа. М. И. Сухомлинов в XIX в. предположил, что именно от Пасхальных таблиц произошла русская традиция обозначения годов без записей событий. Однозначного объяснения этого не найдено, возможно, это приглашение для последующих летописцев заполнить эти года событиями по новым источникам?

Вторая древнейшая русская летопись — Лаврентьевская, ее шифр: РНБ. Ф. п. IV. 2 (шифр обозначает: рукопись находится в Российской Национальной библиотеке в С.-Петербурге; F- размер рукописи (in folio) в лист; буква «п» — обозначает материал рукописи — пергамен; IV — четвертый раздел, куда помещены рукописи исторического содержания; 2-порядковый номер в этом разделе). Долгое время считалось, что текст Лаврентьевской летописи в рамках IX–XII вв. самый авторитетный среди остальных летописей, но как показал анализ, проведенный А. А. Шахматовым, текст ее весьма ненадежен для восстановления по нему первоначального текста ПВЛ.

Для восстановления ранних летописных сводов привлекаются также следующие летописные памятники: летописи Ипатьевская, Радзивилловская, Новгородская первая млад-

Лаврентьевская летопись по М. Д. Приселкову*

* Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996, с. 166, рис. 3.

шего извода (НІЛМ), летописцы Владимирский, Переяславль-Суздальский и Устюжский. Не все эти памятники считаются равнозначными. Например, привлечение последних трех летописцев остается спорным для характеристики раннего летописания. Оценка значимости летописных памятников менялась со временем, например, авторитетность НІЛМ признается всеми после многолетних изысканий А. А. Шахматова. Текст ее оказался ключевым для решения многих вопросов русского летописания XI в. Главное положение ученого — в НІЛМ представлен летописный свод 70-х гг. XI в., который предшествовал ПВЛ, представленной в Лаврентьевской (ЛЛ) и Ипатьевской (ИЛ) летописях.

В начальной части ЛЛ и ИЛ известия приводятся без указания каких-либо дат: расселение сыновей Ноя (Сим, Хам, Афет), между которыми была разделена вся земля. Русь и другие племена находились в Афетовой части. После этого следуют сообщения о расселении славян, о пути из варяг в греки, о пребывании на Руси апостола Андрея и о благословении им этой земли, об основании Киева, о соседях восточных славян, о приходе хазар на русскую землю. Часть этих известий взята из переводных византийских хроник, другая часть основана на легендах и преданиях. Начальный текст НІЛМ значительно отличается от текста ЛЛ-ИЛ, он открывается небольшим предисловием, за которым сразу следует первая погодная запись под 6362 (854) г. с указанием «Начало земли русской», где сообщается легенда об основании Киева, приходе хазар на Русскую землю. НІЛМ не знает легенды о пребывании апостола Андрея на Русской земле. Далее следуют известия, находящиеся в ЛЛ-ИЛ во введении. Начало Устюжского летописца ближе к тексту НІЛМ, но в нем нет ни заголовка, ни предисловия, ни вступительной части, летописец начинается прямо с известия 6360 (852) г. — «Начало руския земли». В тексте Устюжского летописца также отсутствует легенда об апостоле Андрее. При сравнении начал перечисленных летописей видно, что они имеют значительные отличия. Решать вопрос о первичности или вторичности чтений той или иной летописи довольно трудно, особенно при устоявшейся историографической традиции, продолжающей признавать первичность летописей Лаврентьевской и Ипатьевской. Чаще всего наиболее весомые аргументы в пользу первичности той или иной летописи в данной исто-

риографической ситуации могут быть получены при привлечении других письменных источников XI в. Например, при сравнении текстов было найдено, что легенда об апостоле Андрее появляется только в текстах ЛЛ-ИЛ, в основе которых лежат разные редакции ПВЛ, что в более ранних летописных сводах ее не было. Подтверждение этому находим в Житии Бориса и Глеба, написанном монахом Нестором в 70-х гг. XI в., где утверждается, что никто из апостолов на Русской земле не проповедовал и что сам Господь благословил Русскую землю.

Как уже отмечалось, самым результативным приемом анализа письменных исторических источников является сравнительно-текстологический. Только на материале, полученном при сравнении двух и более текстов между собой, можно доказывать свою точку зрения. Ограничиваться результатами сравнения списков интересующего вас памятника нельзя, необходимо их соотносить с данными других литературных и исторических памятников, синхронных анализируемому вами тексту, при этом всегда необходимо искать однотипные явления и факты в письменном наследии других культур. Поясню последнее положение на примере легенды об основании города Киева тремя братьями Кием, Щеком и Хоривом. Еще А.-Л. Шлёцер отметил, что легенда о трех братьях сопровождает появление новых городов во многих странах Европы. Сопоставление данных русских летописей с данными других культур позволяет однозначно воспринимать известие о трех братьях как легенду.

Сравнение текстов дает материал для анализа, выявляет различные дополнительные источники летописца, позволяет говорить не только о приемах работы того или иного летописца, но и воссоздавать, восстанавливать текст, им написанный.

Текстологический анализ любого памятника требует от исследователя широкого интеллектуального фона, без помощи которого текст не раскроет своего содержания, а если и раскроет, то в искаженном или упрощенном виде. Например, для изучения русского летописания XI в. необходимо по возможности знать все русские рукописи и памятники XI в., а также произведения исторического жанра, созданные в это время в Византии и Европе.

Значительный объем летописей существенно затрудняет их анализ и использование. Вас, предположим, интересует какое-то известие XI в., в разных летописях оно читается по-разному, понять суть этих разночтений можно только в контексте разночтений всей летописи в целом, то есть вы обязаны уяснить для себя историю текста всей летописи, чтобы использовать для своих исторических построений какое-то одно ее известие. Незаменимым подспорьем в данном случае являются работы А. А. Шахматова, где дана характеристика текстам почти всех русских летописей.

Первый летописный свод. Вопрос о первом летописном своде, о первом историческом сочинении, посвященном Русской земле, от которого происходят все летописи и вся отечественная историография, всегда был одним из сложнейших. В XVII—XIX вв. первым русским летописцем считали монаха Киево-Печерского монастыря Нестора, якобы написавшего свою летопись в начале XII в. Во второй половине XIX в. И. И. Срезневский высказал предположение, что уже в конце X в. на Руси было создано какое-то историческое сочинение с известиями о русской истории. Предположение И. И. Срезневского получило дальнейшее развитие в работах М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, Б. А. Рыбакова и др. Например, М. Н. Тихомиров считал, что в конце X в. было создано в Киеве кем-то из светских людей «Сказание о русских князьях». Аргументы в пользу этого предположения берутся из текстов ЛЛ-Н1ЛМ-Устюжского летописца. Это аргументы общего порядка, идущие вразрез с такими известными фактами, как: что письменность восточных славян появилась в связи с принятием христианства в 988 г., следовательно, требовалось время для распространения грамотности; что церковные люди (священники, монахи) были первыми грамотными людьми, так как первые русские книги были богослужебными или богословскими. Бесспорным фактом остается, что только от XI в. до нас дошли письменные памятники восточных славян. Надпись на корчаге из Гнездова, представленная одним словом («го-роуща») и якобы датируемая X в., не может служить аргументом существования развитой письменной культуры, а именно это подразумевается, когда речь идет о создании оригинального исторического сочинения.

Д. С. Лихачев первым произведением, посвященным истории Руси, называет гипотетический памятник — «Сказание о распространении христианства», относя его создание к концу 40-х гг. XI в.

Исследователь при решении вопроса о первом русском историческом сочинении должен идти от анализа летописного материала, не прибегая к созданию научных фикций в виде гипотетических памятников. Введение в научный оборот гипотетических памятников возможно, но злоупотреблять ими нельзя, как нельзя решать через них один из сложнейших вопросов нашей историографии — создание первого отечественного исторического произведения.

Древнейший летописный свод 1037 (1039) г. Большинство исследователей сходятся во мнении, что первый летописный свод на Руси был создан в Киеве в первой половине XI в. Наиболее аргументирована точка зрения А. А. Шахматова. Ключевым моментом в его аргументации был анализ текста летописной статьи ЛЛ—ИЛ 6552 (1044) г., состоящей из двух известий, позволивший ему наметить два этапа летописной работы в XI в. В первом известии этого года сообщается: «Въ льто 6552. Выгребоша 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости ею, и положиша я въ церкви святыя Богородицы». Это известие 1044 г. было сопоставлено с известием 6485 (977) г. о трагической гибели одного из братьев — Олега у города Вручева: «И погребоша Ольга на мьсть у города Вручого, и есть могила его и до сего дне у Вручого». Исследователь обратил внимание на выражение «и до сего дне», часто встречающееся в русских летописях и очень важное для анализа летописного текста, и сделал следующее предположение: оно принадлежит летописцу, знавшему о существовании могилы у Вручева и не знавшему о перезахоронении останков князей в 1044 г., значит, он работал до 1044 г. Так был сделан первый шаг в обосновании летописного свода. Далее А. А. Шахматов и за ним М. Д. Приселков уточнили время создания свода, указав 1037 г., как год основания кафедры митрополита в Киеве. Согласно византийской традиции учреждение новой митрополичьей кафедры сопровождалось составлением исторической записки об этом событии. Именно такой запиской и был первый летописный свод, составленный в Киеве в окружении митрополита в 1037 г. Итак, в обоснование свода 1037 г. положены два аргумента: существование могилы до 1044 г.

и византийской традиции при составлении документов. Оба аргумента несовершенно. Под могилой исследователь подразумевает могилу в современном понимании слова — яма для погребения, но языческая могила князя — это курган. Курган (могила) мог остаться и после перезахоронения останков, поэтому выражение «и до сего дне» по отношению к могиле мог употребить любой летописец XI в. и даже XII в., видевший его у города Вручева. Как уже отмечалось, обращение к словарям при анализе летописей обязательно. Значение слов во времени меняется. В Словаре русского языка XI–XVII вв. (Вып. 9. М., 1982. С. 229) о слове «могила» сказано: 1) место захоронения, могильный холм, курган; 2) яма для погребения мертвых. Это слово общеславянское — холм, возвышение, могильный холм. (См.: Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 19. М., 1992. С. 115–119). В Устюжском летописце заповедные слова княгини Ольги, сказанные ей перед смертью сыну Святославу, переданы так: «И заповеда же Ольга ни тризны творити, ни могилы сыпати». Аргумент об учреждении митрополии тоже несовершенно, так как вопросы о первом русском митрополите, об основании митрополии в Киеве остаются спорными и неясными, то есть использовать эти данные для каких-либо утверждений нельзя. (См.: Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1. Первая половина тома. М., 1997. С. 257–332.)

Решение вопроса о первом летописном своде ведется в разных направлениях: предположение о гипотетических памятниках, анализ общеполитических и культурных событий первой половины XI в., поиск каких-либо указующих чтений в летописном тексте. Одно из направлений выявлено А. А. Шахматовым при анализе текста «Память и похвала князю рускому Володимеру, како крестися Володимер и дети своя крести и всю землю Рускую от конца и до конца, и како крестися баба Володимерова Олга прежде Володимера. Списано Иаковом мнихом» (далее — «Память и похвала» мниха Иакова). Это произведение середины XI в. и при его написании была использована какая-то летопись, о чем говорят летописные известия, относящиеся к княжению Владимира (написание имени князя отличалось от современного). Если эти летописные известия из «Памяти и похвалы» собрать воедино, то получится следующая картина: «И седе

(Володимер) на месте отца своего Святослава и деда своего Игоря. А Святослава князя Печенези убиша. А Яропѣлк сядше Кыеве на месте отца своего Святослава. И Ольгу идущю с вои у Вѣруча града, мост ся обломи с вои, и удавиша Ольга в гребли. А Яропѣлка убиша Кыеве мужие Володимирови. И седе Кыеве князь Володимер в осмое лето по смърте отца своего Святослава, месяца июня в 11, в лето 6486. Кръсти же ся князь Володимер в 10-е лето по убиении брата своего Яропѣлка. И каяшеся и плакашеся блаженни князь Володимер вьсего того, елико сътвори в поганьстве, не зная Бога. По святем же крещении пожи блаженни князь Володимер 28 лет. На другое лето по крещении к порогам ходи. На третие Кѣрсунь город възя. На четвертое лето Переяславъ положи. В девятое лето десятину блаженный христолубивый князь Володимер вѣда църкѣви святеи Богородици и от имени своего. О томъ бо и сам Господь рече: идеже есть съкровище ваше, ту и сѣрдьце ваше будетъ. И усъпе с миромъ месяца июля в 15 днь, в лето 6523 о Христе Исусе, Господи нашемъ». (Цит. по кн.: Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. 2-е изд. СПб., 1996. С. 57.)

Ни в одной из дошедших до нас летописей точно такого же текста нет. Разночтений несколько, одно наиболее значительно: сообщение о том, что князь Владимир на третье лето по крещении Корсунь взял. Все другие летописи единогласно сообщают о крещении князя Владимира в Корсунѣ после взятия этого города. Предполагается, что в «Памяти и похвале» отразился какой-то недошедший до нас летописный текст. Но можно высказать и другое предположение: «Память и похвала» мниха Иакова является одним из первых исторических сочинений Древней Руси, оно создавалось до появления первого летописного свода и Корсунской легенды, в нем находящейся, оно было одним из источников первого летописного свода. Высказать подобное предположение легко, но доказать его весьма и весьма трудно. В историко-филологической науке, так же как и в науках точных, любое положение должно доказываться, а доказывать подобные положения можно только на основе современной текстологии.

Вопрос о первом историческом сочинении, о первом летописном своде пока решения не имеет, предложенные варианты малодоказательны, но можно с уверенностью сказать, что такое решение будет найдено.

Существуют ли неопровержимые данные о ведении летописей в XI в.? Такое указание есть в тексте уже упоминавшейся летописной статьи 6552 (1044) г., где полоцкий князь Всеслав упоминается как живой, а о смерти его сообщено под 6609 (1101) г. Следовательно, запись под 1044 г. сделана до 1101 г., то есть в XI в. до момента создания ПВЛ. При проверке даты смерти (проверять следует любое хронологическое указание) выяснилось, что 14 апреля ни в мартовском, ни в сентябрьском 6609 году не было средой. Объяснение данного несоответствия пока не найдено.

О создании летописного свода в XI в. говорят и топографические указания о киевских постройках. Например, о месте, где сидел Кий, сказано «иде же ныне двор Боричов» (Устюжский летописец под 6360 (852) г.); о могиле Аскольда, находившейся на горе — «еже ныне нарицается Угорское, иде же есть двор Альмель, на той могиле постави Альма божницу святого Николы. А Дирова могила за святою Ириною» (Устюжский летописец под 6389 (881) г., в ЛЛ не «Альма», а «Ольма»). В Устюжском летописце под 6453 (945) г. читаем: «...и присташа (древляне) под Боричевом, бе бо тогда вода текущи, подле горы Киевския, и до вины седяху люди на горе. Град же тогда бе Киев, иде же ныне двор Горятин и Никифоров, а двор бяше княж во граде, иде же ныне двор есть Вротиславль един вне града. И бе вне града двор други, иде же двор domestikов за святою Богородицею над горою, двор теремны, бе бо ту терем каменен». В ЛЛ, кроме разночтений имен владельцев, есть небольшое дополнение — «дворъ Воротиславль и Чюдин», «Чюдин» есть и в НІЛМ. Трудно сказать, находился ли «Чюдин» в первоначальном тексте, или был добавлен последующим летописцем. Деталь немаловажная, так как этот Чюдин был заметной фигурой в 60–70-х гг. XI в. Именно он наравне с Микыфором Кыянином упоминается в Правде Ярославичей («Правда уставлена Руськой земли, егда ся съвокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенъгъ, Микыфоръ Кыянинъ, Чюдинъ Микула»). В ЛЛ под 6576 (1068) г. упоминается воевода Коснячъко и его двор, что подтверждает примерную датировку топографических указаний 60-ми гг. XI в.

Еще одним указанием на ведение летописей в 60-х гг. могут служить появляющиеся в это время точные датировки не церковных событий (год, месяц, день). Под 6569

(1061) г. читаем: «Придоша половци первое на Русьскую землю воевать; Всеволодь же изиде противу имъ мѣсяца февраля въ 2 день».

Все перечисленные наблюдения, сделанные разными исследователями, говорят об одном — в 60-е гг. XI в. в Киеве был составлен летописный свод. В литературе высказывалось предположение, что примерно в эти годы над летописью работал знаменитый Иларион, первый русский митрополит.

Летописный свод 1073 г. Датировку событий с точностью до дня, появляющуюся в тексте с 1060-х гг., исследователи относят к летописному своду 1073 г. Вот некоторые из них: 3 февраля 1066 г. — день смерти князя Ростислава в Тмутаракани, 10 июля того же года — захват князя Всеслава Ярославичами; 15 сентября 1068 г. — освобождение князя Всеслава, 1 ноября того же года — победа князя Святослава над половцами; 2 мая 1069 г. — день возвращения князя Изяслава в Киев и т. д.

Летописный свод 1070-х гг. ни у кого из исследователей не вызывает сомнений. Он был составлен в Печерском монастыре, который с этого времени становится одним из центров русского летописания XI–XII вв. Киево-Печерский монастырь основан монахом Антонием при князе Ярославе Мудром. Одними из первых настоятелей были Феодосий Печерский и Никон, посвятивший самого Феодосия в священнический сан. Именно этому Никону и приписано составление летописного свода 1073 г. Сделал это А. А. Шахматов, обративший внимание на одно любопытное обстоятельство. Из «Жития Феодосия Печерского», написанного монахом монастыря Нестором в 80-х гг. XI в., мы узнаем, что Никон в 60–70-е гг. совершал неоднократно поездки из Киева в Тмутаракань, где основал монастырь святой Богородицы. В летописи с 60-х гг. появляются подробные рассказы о событиях, происходивших в далекой Тмутаракани. А. А. Шахматов, сопоставив данные Жития Феодосия Печерского с данными летописи, сделал предположение об участии Никона в составлении летописного свода 1073 г. Этот свод оканчивался описанием событий 1073 г. (изгнание князя Изяслава из Киева), после которых Никон в последний раз бежал в Тмутаракань. Тмутараканские известия Жития Феодосия Печерского и летописи — уникальны. В основном только благодаря им у нас есть хоть какое-то представление

о событиях, происходивших в Тмутараканском княжестве. Появлению этих известий в Житии и летописи в какой-то степени мы обязаны случайности — биография одного из русских летописцев была связана с этим городом. Соотнести все известия о Тмутаракани с Никоном нельзя, так как он умер в 1088 г., а последнее событие внесено в летопись под 1094 г. Вопрос об этих известиях и о летописце, внесшем их в свой труд, еще окончательно не решен. Некоторые из записей явно указывают если не на очевидца описываемых событий, то на человека, хорошо знакомого с ними. Особенно ярко, со знанием деталей, переданы события 6574 (1066) г., рассказывающие об обстоятельствах смерти князя Ростислава: «Ростиславу сущю Тмutorокани и емлющю дань у касогъ и у инѣхъ странѣ, сего же убоявшеся грѣци, послаша с лествю котопана. Оному же пришедшю к Ростиславу и ввѣрившюся ему, чтяшеть и Ростислвѣ. Единою же пьющю Ростиславу с дружиною своею, рече котопанъ: «Княже! Хочу на тя пити». Оному же рекшю: «Пий». Он же испивъ половину, а половину дасть князю пити, дотиснувъся пальцемъ в чашю, бѣ бо имѣя под ногтемъ растворенъе смертное, и вдасть князю, урекъ смерть до дне семаго. Оному же испившю, котопан же, пришедъ Корсуню, повѣдаше, яко в сий день умереть Ростиславъ, якоже и бысть. Сего же котопана побиша камнемъ корсуньстии людье. Бѣ бо Ростиславъ мужъ добль, ратень, возрастомъ же льпъ и красенъ лицемъ, и милостивъ убогымъ. И умре мѣсяца февраля въ 3 день, и тамо положенъ бысть въ церкви святыя Богородица». (Котопан — глава, руководитель, какое-то должностное лицо в Корсуні. Цит. по кн.: Памятники литературы Древней Руси. XI—начало XII века. М., 1978. С. 180.)

Летописный свод 1093 (1095) г. После свода 1073 г. в Печерском монастыре был составлен следующий летописный свод — 1093 г. А. А. Шахматов одно время считал этот текст первоначальным в истории русского летописания, поэтому его иногда называют Начальным сводом. Составителем этого памятника, по предположению исследователя, был игумен Печерского монастыря Иван, поэтому его иногда еще называют сводом Ивана. У В. Н. Татищева был ныне утраченный список летописи, в которой описание событий 1093 г. оканчивалось словом «аминь», то есть указанием на завершение работы.

В летописном своде 1093 г. появились новые черты ведения записей. Датировка событий стала приводиться с максимальной точностью: смерть игумена Печерского монастыря указана с точностью до часа — в 2 часа дня 3 мая, во вторую субботу по Пасхе, 6582 г.; с такой же точностью указано время смерти и преемника Феодосия, второго игумена Печерского монастыря Стефана, ставшего епископом Владимирским (на юге Руси) — в 6-ой час ночи 27 апреля 6612 г. Все эти датировки событий имеют отношение к Печерскому монастырю и сделаны, возможно, одним и тем же лицом.

В своде 1093 г. встречается целая серия мастерски выполненных литературных портретов. Например, под 6586 (1078) г. читаем: «Бъ же Изяславъ мужъ взоромъ красенъ и тѣломъ великъ, незлобивъ нравомъ, криваго ненавидѣ, любя правду. Не бѣ бо в немъ лсти, но простъ мужъ умом, не вздая зла за зло. Колико бо му створиша кияне: самого выгнаша, а дом его разграбиша, и не взда противу тому зла» (Памятники. С. 214). Или, например, под 6594 (1086) г. о князе Ярополке: «Многы бѣды приимъ, без вины изгонимъ от братья своя, обидимъ, разграбленъ, прочее и смерть горкую приять, но вѣчнѣй жизни и покою сподобися. Такъ бѣше блаженный съ князь тихъ, кроткъ, смѣренъ и братолюбивъ, десятину дая святѣй Богородици от всего своего имѣнья по вся лѣта, и моляше Бога всегда...» (Памятники литературы Древней Руси. XI—начало XII века. М., 1978. С. 218). Подобный портрет летописец создал и князю Всеволоду в сообщении о его смерти под 6601 (1093) г., после чего такие описания надолго исчезают из летописного текста.

Редкий летописный свод имеет столько подтверждающих его существование данных, как летописный свод 1093 г. Здесь и слово «аминь» в конце списка В. Н. Татищева, и серия известий о Тмутаракани, оканчивающаяся в районе этой летописной статьи, и двойная датировка в начале погодной записи (Въ лето 6601, индикта 1 лета...). И, что, может быть, самое главное, именно здесь прекращается использование одного из внелетописных источников — Паремийника. Паремийник — древнерусский богослужебный сборник, составленный из различных чтений ветхозаветных и новозаветных книг, его читали во время совершения литургии или вечерни. Паремийник использовался в русской богослужебной практике до XV в., после чего стал выходить из употребле-

ния. Впервые наиболее полно вопрос об использовании Паремийника как внелетописного источника в русском летописании XI в. был разработан А. А. Шахматовым (См.: Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Т. 4. М.; Л., 1940. С. 38–41). Основные положения его наблюдений следующие: заимствования из Паремийника сделаны одним летописцем, заимствования прослеживаются до 1093 г. Если первое положение можно в какой-то мере оспорить (чтения из Паремийника во Владимирском летописце своеобразны и отличаются от заимствований в ЛЛ–ИЛ), то второе — бесспорно. После 1093 г. заимствований из Паремийника в русских летописях не встречается, следовательно, это наблюдение служит еще одним аргументом в пользу окончания летописного свода 1093 г. Заимствования из Паремийника представлены в следующих летописных статьях: 955, 969, 980, 996, 1015, 1019, 1037, 1078, 1093. Этот перечень погодных записей с заимствованиями из Паремийника может служить наглядным примером того, как один из летописцев, доведший свою работу до 1093 г., активно работал с материалом своих предшественников, в данном случае, дополняя его.

Вот пример сопоставления текстов Паремийника (по рукописи XII в.) и летописи¹:

Паремийник. РНБ. Q. п. I. 14,
лл. 42–42 об.

«понеже звахъ и не послушаште, прострохъ словеса и не внимасте, но отметасте моя съветы, моих же обличении не внимасте... възненавидеша бо премудрость, и състраха Божия не изволиша, ни хотяху моихъ внимати съветъ, подражаху же моя обличения».

Летопись под 6463 (955) г.

«понеже звахъ вы и не послушасте мене, прострохъ словеса и не внимасте, но отметасте моя светы, моихъ же обличении не внимасте. Възненавидеша бо премудрость, а страха Господня не изволиша, ни хотяху моихъ внимати светъ, подражаху же мои обличенья».

Данное паремийное чтение включает и еще один пример заимствования, отмеченный А. А. Шахматовым (Притч. 1, 29–31 под 955 г.), так как он разбивает на два фрагмента один цельный текст.

---

¹ При цитировании буква «ѣ» заменена буквой «е».

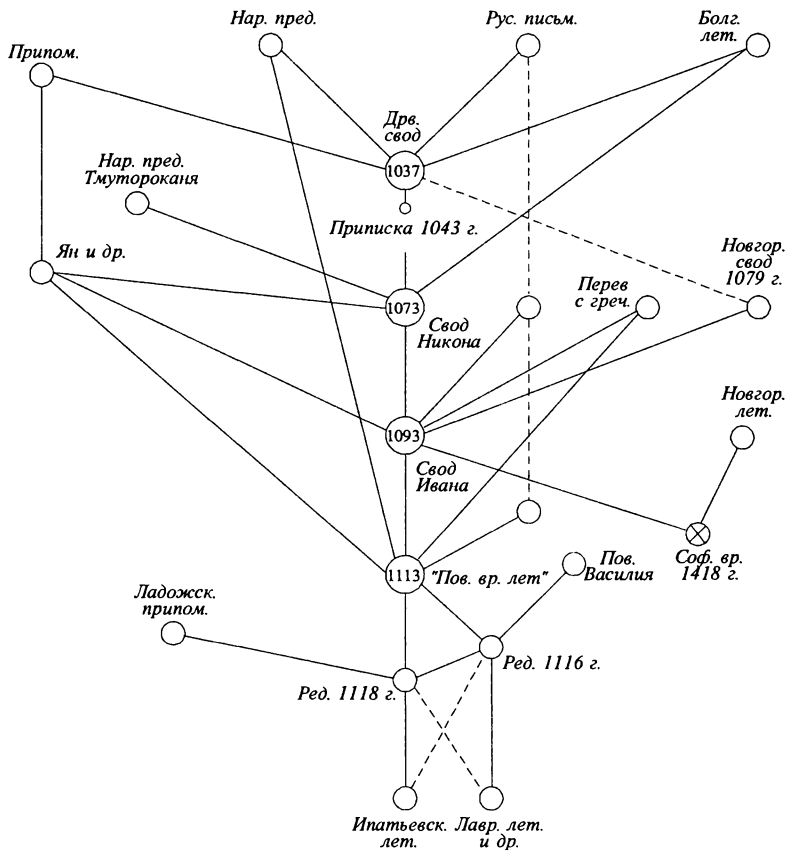
При сравнении текстов становится очевидным, что Паремийник был источником летописи, откуда летописец заимствовал необходимые ему материалы, причем цитируя их почти дословно.

Паремийные заимствования в летописных статьях 1037 г., 1078 г., 1093 г. находятся в обширных отступлениях, сделанных одним из древнерусских летописцев. В первых двух случаях при характеристике личности и деятельности двух князей Ярослава и Изяслава, а в третьем случае — в рассказе о третьем нашествии половцев на Киев (к слову, счет нашествий половцев на этом прекращается). Все три отступления, в отличие от остальных случаев заимствований из Паремийника, завершают погодные изложения событий.

Между летописным сводом 1093 г. и первой редакцией ПВЛ (1113 г.) можно отметить работу еще одного летописца — попа Василия, автора летописной статьи 1097 г., где он сообщил свое имя, назвав себя тезкой князя Василька. Эту статью, по мнению М. Д. Приселкова, с описанием княжеской борьбы и ослепления князя Василька следует считать шедевром не только древнерусской, но и всей средневековой литературы.

ПВЛ и ее редакции. В начале XII в. в Киеве был составлен летописный свод, имевший в своем начале обширный заголовок: «Се повѣсти времяньныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Руская земля, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити, и откуда Руская земля сталъ есть». На время составления первой редакции ПВЛ указывает перечень князей, помещенный под 6360 (852) г., который имеет следующее окончание: «...от смерти Святослава до смерти Ярославли лѣтъ 85, а от смерти Ярославли до смерти Святополчи лѣтъ 60». После князя Святополка, умершего в 1113 г., никто не упомянут. Окончание перечня на Святополке и то, что после него никто из князей, правивших в Киеве, не упомянут, дало возможность исследователям утверждать, что летописец работал в 1113 г., сразу же после смерти князя Святополка. Свою работу он довел, судя по тексту ЛЛ (вторая редакция ПВЛ), до событий 6618 (1110) г. включительно. Предполагается, что автором первой редакции ПВЛ был монах Киево-Печерского монастыря Нестор (о нем смотри ниже). Судя по точным датировкам событий с точностью до часа (1113 г.) ИЛ и указанию индикта в начале погодной записи 6620 (1112) г., автор первой редакции ПВЛ мог довести изложение событий до 1113 г. включительно.

Начало русского летописания по М. Д. Приселкову*

* Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996, с. 83, рис. 1.

Автор первой редакции ПВЛ продолжил работу своего предшественника и пополнил ее различными дополнительными источниками. Среди них не последнее место занимают рассказы очевидцев или участников событий. Например, летописец был знаком с представителями одной из виднейших семей Киева — Вышатичами. О сыне воеводы Вышаты Яне он в летописной статье 6614 (1106) г. пишет: «В се же лѣто преставися Янь, старецъ добрый, живъ лѣтъ 90, в старости мастить; живъ по закону Божью, не хужий бѣ первых праведник. От него же и азъ многа словеса слышах, еже и вписах в лѣтописаньи семь, от него же слышах. Бѣ бо мужъ благу, и кротокъ, смѣренъ, огрѣбаяся всякая вещи, его же и гробъ есть въ Печерьском монастыри, в притворѣ, идеже лежить тѣло его, положено мѣсяца иуны въ 24». Если учесть долгие годы, прожитые старцем Яном, то он о многом мог рассказать летописцу.

Одним из письменных дополнительных источников автора первой редакции ПВЛ была византийская Хроника Георгия Амартола и его продолжателей. Этой Хронике не знал автор летописного свода 70-х гг., так как в тексте НІЛМ заимствований из нее нет. Хроника Георгия Амартола — памятник византийской литературы IX в., где рассказывается всемирная история. Она составлена монахом Георгием и в XI в. была переведена на русский язык. Впервые на использование этого текста в русской летописи указал П. М. Строев. А. А. Шахматов собрал все заимствования из Хроники в летописи, их насчитывается 26. Во вводной части ПВЛ летописец прямо указал на свой источник — «Глаголетъ Георгій в лѣтописаньи». Заимствования часто дословны, например, после ссылки на летописание Георгия следует текст :

«Повесьь временных лет»

«Ибо коемуждо языку овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычаи, зане беззаконьникомъ отечѣствие мнится. Отъ нихъ же первіе Сирии, живушей на конецъ земля, законъ имуть отецъ своихъ и обычаи: не любодѣяти и прелюбодѣяти, ни красти, ни оклеветати, ли убити, ли злодѣяти весма»...

Хроника Амартола

«Ибо коемуждо языку, овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычаи; законъ бо беззаконникомъ отечѣствие мнится. Отъ нихъ же первіе живущии Сирии на концы земля, законъ имуть отецъ своихъ обычаи: не любодѣяти, ли красти, ли прелюбодѣяти, ли оклеветати, ли убити, или злодѣяти весма»...

(Пример сопоставления текстов приведен по работе А. А. Шахматова «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Т. 4. М.; Л., 1940. С. 46).

Заемствования из Хроники распределены летописцем по всему тексту летописи, иногда берется большой отрывок произведения, иногда небольшая уточняющая деталь. Найти все эти заимствования без знания их источника нельзя, в то же время, не зная о них, можно принять факт чужой истории за событие русской действительности.

Предположительно на этапе создания первой редакции ПВЛ в текст летописи были включены договоры русских с греками (6420 г., 6453 г., 6479 г.).

Составитель первой редакции ПВЛ заносил в свою летопись известия о различного рода небесных знамениях, часть которых можно проверить по данным астрономии. Например, под 6599 (1091) г. читаем: «В се же льто бысть знаменье в солнци, яко погыбнути ему, и мало ся его оста, акы мьсяць бысть, в час 2 дне, мьсяца мая 21 день». Именно в этот день по данным астрономии было кольцеобразное затмение. (Святский Д. О. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. СПб., 1915. С. 104.) Подобные записи внесены в летопись под 6614 (1106) г., 6621 (1113) г., 6627 (1115) г. — ИЛ. Все эти записи необходимо проверять по данным астрономии для выяснения точности хронологии летописи.

Вторая редакция ПВЛ представлена в ЛЛ. О времени, месте и обстоятельствах ее составления мы узнаем из приписки, находящейся после летописной статьи 6618 (1110) г.: «Игумень Силивестръ святаго Михаила написах книги си Лѣтописецъ, надѣяся от Бога милость прияти, при князи Влодимеръ, княжашю ему Кыевъ, а мнѣ в то время игуменящю у святаго Михаила въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже чтеть книги сия, то буди ми въ молитвахъ».

При всей краткости эта приписка требует большого внимания, подразумевающего различного рода проверки и уточнения. Из приписки видно, что летописец составлял игумен Выдубицкого монастыря Сильвестр в 6624 г. Прежде всего необходимо проверить соответствуют ли указанные хронологические данные между собой. Да, соответствуют: в этом году на киевском престоле был князь Владимир (1113–1125 гг.), а 6624 г. соответствует 9 индикт. Необходимо также уточнить

каждую часть этой приписки, обращая внимание даже на незначительные детали. Например, Владимир назван князем, не великим князем, как называют его титул в учебниках и различных монографиях. Случайно ли это? Нет, если обратиться к первоисточникам (памятникам письменности, синхронным анализируемому времени), то оказывается, что везде, за одним спорным исключением, встречается титул — князь, а титул великий князь появляется только в XIII в. Сильвестр назвал свой труд «Лѣтописцем», а в начале летописи стоит другое название — «Се повѣсти времянных лѣт...», следовательно, не Сильвестру вероятно, принадлежит заголовок — ПВЛ.

При первом же знакомстве с припиской становится очевидной необходимость различных знаний по истории русской церкви, которые можно почерпнуть из специальных книг. Например, полезно иметь на столе Полный православный богословский энциклопедический словарь (в двух томах, дореволюционное издание, переиздано репринтом в 1992 г.). По словарю можно уточнить значение слова «игумен» и его отличие от слова «архимандрит», получить первое представление об истории православных монастырей. Следует обязательно поинтересоваться именем «Сильвестр» — в честь святого Сильвестра папы римского (314–335 гг.) был назван игумен Выдубицкого монастыря: православные чтят его память 2 января, а католики — 31 декабря. Существует также исчерпывающий труд, посвященный христианским именам: Архиепископ Сергей (Спасский). Полный месяцеслов Восток (В 3 т. Владимир, 1901. Репринт. 1997). Выяснив происхождение имени, следует познакомиться с биографией игумена. Обо всех участниках литературного процесса Древней Руси можно узнать из словаря: Словарь книжников и книжности Древней Руси (Вып. 1. XI—первая половина XIV в. Л., 1987. С. 390–391). Этот словарь даст нам скудные факты из жизни Сильвестра: после игуменства поставлен епископом в Переяславле Южном, где умер в 1123 г. Немаловажен в данном случае не имеющий ответа вопрос: какое имя было у Сильвестра до того, как он стал монахом? В более позднее время существовала традиция сохранять в первой букве монашеского имени первую букву мирского имени. Но была ли эта традиция действующей в XI в., неизвестно. Монастырь святого Михаила — это Выдубицкий Михайловский монастырь, расположенный недалеко от Киева на берегу Днепра. По пре-

данию, он был основан князем Всеволодом в 1070 г., на месте, куда из Киева приплыл сброшенный в Днепр идол Перуна. Церковь в монастыре освящена в 1088 г. Монастырь, основанный князем Всеволодом, стал духовным центром княжеской ветви, родоначальником которой был Всеволод. Почти все княжеские ветви имели свои монастыри в Киеве или в его пригородах. Во время правления сына Всеволода князя Владимира в Киеве в Выдубицком монастыре начинается летописание и, естественно, летописец, писавший в монастыре Всеволодовичей, в своем труде отстаивал интересы этой династии.

В приписке Сильвестра, может быть, самым ключевым является слово «написах». Какую степень участия в работе над летописью оно обозначает? Вопрос, как оказывается, непростой. В XI в. «написах» могло обозначать и «переписал», то есть работу переписчика, и, в прямом смысле, «написал», то есть создал новый оригинальный текст. Именно в последнем смысле воспринял приписку Сильвестра один из русских летописцев, вставив в описание нашествия Эдигея на Москву в 1409 г. следующие слова: «Сиа вся написаннаа аще и нельпо кому видится, иже толико отъ случившихся въ нашей земль несладостнаа намъ и неуласканнаа изглаголавшимъ, но възустителнаа и къ ползъ обрѣтающаася и возставляющаа на благаа и незабытнаа; мы бо не досажаяще, ни поношающе, ни завидяще чти честныхъ, таковаа вчинихомъ, якоже бо обрѣтаемъ началнаго лѣтословца Киевскаго, иже вся временнобытства земскаа, не обинуюся показуеть; но и прѣвии наши властодрѣжцы без гнѣва повельвающе вся добраа и недобраа прилучившаася написовати, да и прочиимъ по нихъ образы явлени будутъ, якже при Володимеръ Маномаъ оного великаго Селивестра Выдобыжскаго, не украшая пишущаго, да аще хоцещи, почти тамо прилѣжно, да почеть почиши» (ПСРЛ. Т. 11. Никоновская летопись. М., 1965. С. 211). Более ранний текст этого отступления находится в Рогожском летописце (ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. С. 185). Из цитаты видно, что один из русских летописцев считал Сильвестра автором киевской летописи, называя его «лѣтословцем». В научной литературе вопрос о степени участия игумена Сильвестра в создании одной из русских летописей остается спорным, одни считают его только переписчиком, другие — автором оригинального произведения.

Третья редакция ПВЛ представлена в тексте ИЛ, в которой, в отличие от Лаврентьевской, события после 6618 (1110) г. не прерываются припиской Сильвестра. Время составления этой редакции определяется следующим образом. Исследователи обратили внимание на то, что один из киевских летописцев под 6604 г. и 6622 г. говорит о своем присутствии на севере, в Новгородской земле. Под 6604 (1096) г. читаем: «Се же хоцю сказати, яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрята Роговичъ Новгородець, глаголя сице, яко «Послахъ отрока своего в Печеру, люди, иже суть дань дающе Новугороду. И пришедшю отроку моему к ним, и оттудъ иде въ Оугру. Оугра же суть людье языкъ нѣмъ, и сосѣдятся съ Самоѣдью на полунощныхъ сторонахъ...» (ПСРЛ. Т. 2. М., 2000. Стб. 224–225). Далее следует рассказ о виденном на севере, о нравах Югры, об их преданиях. Выражение «яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ» понимается исследователями следующим образом: автор писал свою летопись спустя 4 года после поездки в Новгородскую землю. Ответом на вопрос — в каком году этот летописец побывал на севере — является летописная статья 6622 (1114) г. (она есть в Ипатьевской, но отсутствует в Лаврентьевской летописи): «В се же лѣто заложена бысть Ладога каменiemъ на приспѣ Павломъ посадникомъ, при князѣ Мѣстиславѣ. Пришедшю ми в Ладогу, повѣдаша ми Ладожане...» (ПСРЛ. Т. 2. М., 2000. Стб. 277). Из текста видно, что летописец приехал в Ладогу в 6622 (1114) г., следовательно, он работал над летописью в 6626 (1118) г. Близость информации о севере до 6604 (1096) и 6622 (1114) гг. очевидна, в обеих статьях речь идет о Югре, о Самояде, и их обычаях.

На этапе создания третьей редакции ПВЛ в состав летописи была внесена легенда о родоначальнике княжеской династии — Рюрике. Это достаточно убедительно показал в своих исследованиях А. А. Шахматов.

Что же послужило причиной появления этой легенды? При всей спорности вопроса о князе Рюрике, о призвании варягов письменные памятники XI в. позволяют дать следующее объяснение.

В некоторых древнерусских произведениях второй половины XI в. родоначальником русской княжеской династии назван не Рюрик, а Олег, иногда Игорь. Князь Рюрик не известен ни митрополиту Илариону, ни монаху Иакову. Напри-

мер, в «Слове о законе и благодати» митрополит Иларион старейшим русским князем называет Игоря («Похвалим же и мы <...> великаго кагана нашае земли Володимера, внука старого Игоря, сына же славнаго Святослава»). Нет имени Рюрика и в росписи русских князей, помещенной под 6360 (852) г., где летописец, говоря о начале русской земли, упоминает и первого русского князя, которым был, по его мнению, князь Олег.

Таким образом, различные исторические и литературные произведения Древней Руси дают нам несколько версий о родоначальнике княжеской династии: по одним — это Рюрик, по другим — Олег, по третьим — Игорь.

В первые века русской истории, как и в поздние времена, существовала традиция называть новорожденных в честь славных предков. Именем Олега в домонгольский период по данным Лаврентьевской летописи были названы 8 князей (11 — по Никоновской летописи), а имя Игорь по ЛЛ носили 5 князей (6 — по Никоновской). В честь же Рюрика, якобы родоначальника русской княжеской династии, за всю историю России названы только два князя: один в XI в., другой в XII в. (количество князей, носивших имя Рюрик, взято из литературы по русской генеалогии).

На основе летописного материала попробуем разобраться с князьями, носившими имя Рюрик. Первое упоминание о реальном Рюрике находится в летописной статье 6594 (1086) г.: «Бъжа Нерадецъ треклятый (убийца князя Ярополка — В.З.) Перемышлю к Рюрикови...» Считается, что этот Рюрик, сидевший в Перемышле, был братом Володаря и Василько Ростиславичей. Но в летописной статье 6592 (1084) г. говорится не о трех, а о двух братьях Ростиславичах («выбегоста Ростиславича два от Ярополка»). Можно предположить, что под двумя разными именами упомянут один и тот же князь: княжье имя — Рюрик, христианское — Василько. Произошло это следующим образом: один из летописцев (в первом случае) традиционно называл князя княжьим именем, а другой летописец предпочел называть его христианским именем. Можно даже объяснить предпочтение второго летописца: он был священником и тезкой князя по его христианскому имени (под 6605 (1097) г. в летописи помещен подробнейший рассказ об ослеплении князя Василька, записанный попом Василием).

Как бы ни решался вопрос об именах князя XI в., второй бесспорный князь Рюрик, тоже Ростиславич, жил во второй половине XII века и был потомком Всеволода Ярославича (к слову, христианское имя этого Рюрика — Василий).

Если проследить родословие Рюрика XI в. и Рюрика XII в., то окажется, что они являются представителями одной княжеской ветви, ведущей свое начало от брака Ярослава Мудрого с дочерью шведского «короля» Ингигердой: один Рюрик — потомок Владимира Ярославича, другой — Всеволода Ярославича. О втором браке Ярослава и потомстве от него наиболее подробно сообщают исландские саги и анналы: «1019. Конунг Олав Святой женился на Астрид, дочери конунга Олава Шведского, а конунг Ярицлейв в Хольмгарде — на Ингигерд», «... вышла Ингигерд замуж за конунга Ярицлейва. Их сыновьями были Вальдамар, Виссивальд и Хольти Смелый» (Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей X—XIII в. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования (1988—1989 г.). М., 1991. С. 159). Исследователи считают, что Вальдамара и Виссивальда можно отождествить с сыновьями Ярослава Владимиром и Всеволодом, третий сын — Хольти Смелый, остается спорной фигурой.

Суммируя все известное нам, получаем следующие результаты: впервые именем Рюрик назвал своего сына внук Ярослава Мудрого Ростислав (примерно в 70-е гг. XI в.). Только у потомков от брака Ярослава и дочери шведского конунга Ингигерд встречается имя Рюрик. По крайней мере два русских летописца (поп Василий и игумен Сильвестр), принявшие участие в создании ПВЛ, хорошо знали представителей именно этой княжеской ветви (поп Василий — тезка Василия-Рюрика, а Сильвестр — игумен монастыря княжеской ветви Всеволодовичей) и, как можно предположить, отстаивали их политические интересы. Один из летописцев, как мы знаем, посещал Ладогу. Согласно исландским источникам, Ингигерда, выйдя замуж за Ярослава, получила в приданое Альдейгьюборг, то есть Ладогу.

Во второй половине XI в. могло существовать два предания о Рюрике: родовое, связанное с одним из предков Ингигерды (речь идет о ее деде Эрике, чье прозвище Победоносный близко по значению с именем одного из братьев русской легенды — Синеусом; некоторые исследователи слово «Синеус» считают

не именем, а одним из прозвищ Рюрика и переводят его как «победоносный»), и предание об основателе города Ладоги. Оба предания первоначально имеют единую основу — шведскую. В них отсутствует какая-либо хронология, что характерно для преданий. В рамках шведской истории хронологические ориентиры, вполне вероятно, можно было бы отыскать, но шведская «историческая фактура» при переносе на русскую почву полностью утратила эти ориентиры.

Два предания второй половины XI в. о Рюрике и послужили первоначальным материалом одному из русских летописцев для создания легенды о князе Рюрике — родоначальнике русской княжеской династии. Летописец был сторонником именно этой княжеской ветви, к тому же он лично знал одного из «реальных» Рюриков второй половины XI в. Основная цель создания легенды ясна: обоснование первенства и, тем самым, главенства представителей княжеской ветви, происходившей от брака князя Ярослава с Ингигердой. В Лаврентьевской и близких к ней по своей первоначальной истории летописях утверждается, что князь Владимир был старшим сыном Ярослава. Да, старшим, но от второго брака. В Устюжском летописце перечень сыновей князя Ярослава по праву возглавляет князь Изяслав.

Эта легенда, как уже отмечалось, была внесена в русскую летопись около 1118 г. одним из киевских летописцев. Именно в это время в Киеве правил внук Ингигерды князь Владимир Мономах. Легенду летописец внес в созданный его предшественниками рассказ о начале русской истории, взяв за основу первые упоминания об Олеге и Игоре.

Летописный свод, известный под названием ПВЛ, в состав которого была включена легенда о Рюрике, представлен почти во всех русских летописях, в связи с чем искусственно созданная легенда, освященная многовековой традицией, в конечном итоге превратилась в исторический факт. К тому же, на северо-востоке правили потомки Владимира Мономаха. В свою очередь, искусственный исторический факт стал точкой отсчета как для древнерусских людей, так и для исследователей нового времени при создании ими других искусственных интеллектуальных конструкций.

На примере легенды о Рюрике видно, как летописец, отстаивая интересы одной княжеской ветви XII в., активно изменял текст своих предшественников, внося в их труд, а

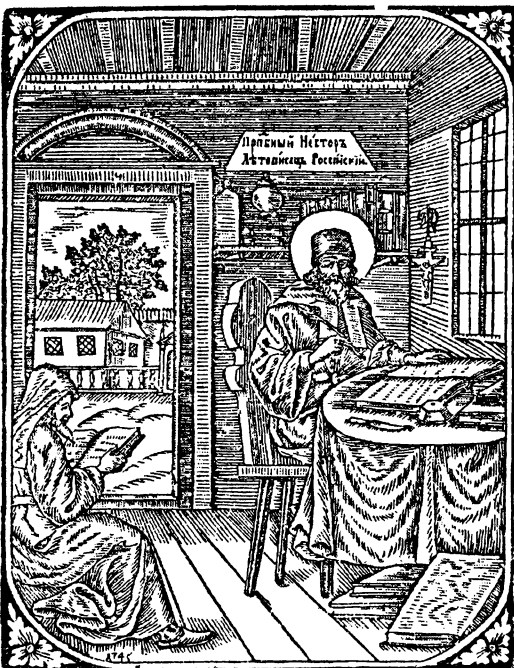
тем самым, в историю Руси, искусственные факты. Отсюда следует, что любой исторический факт, находящийся в летописи, требует предварительного кропотливого анализа, основой которого является история текста летописи в целом и четкое знание этапа, на котором интересующий нас исторический факт был внесен в летопись. Перед тем, как привлечь тот или иной факт, находящийся в рамках ПВЛ, для исторических построений, следует узнать текстологическую характеристику, данную ему в работах А. А. Шахматова.

Источники ПВЛ. Выявление отдельных внелетописных источников ПВЛ осуществлялось несколькими поколениями отечественных ученых. Итоговой работой, глубокой и обстоятельной, по этой теме является исследование А. А. Шахматова «Повесть временных лет и ее источники» (ТОДРЛ. Т. IV. М.; Л., 1940. С. 5—150), где дается обзор и характеристика 12 внелетописным источникам. Это следующие памятники и произведения: 1) Книги «св. Писания», где кроме упоминавшегося Паремийника, отмечаются все цитаты из Псалтыри, Евангелий, Посланий апостольских; 2) Хроника Георгия Амартола и его продолжателей; 3) «Летописец вскоре» патриарха Никифора (ум. 829 г.), представляющий собой хронологический перечень основных событий всемирной истории от Адама до смерти автора. На латинский язык этот памятник бы переведен в 870 г., а на славянский (в Болгарии) в конце IX-начале X в. Существует современное исследование, посвященное «Летописцу вскоре»: Пиотровская Е. К. Византийские хроники IX века и их отражение в памятниках славяно-русской письменности («Летописец вскоре» константинопольского патриарха Никифора) / Православный палестинский сборник. Вып. 97 (34). СПб., 1998). Из «Летописца вскоре» в летопись была взята первая дата русской истории — 6360 (852) г., а также перешли некоторые данные для летописных статей 6366 г., 6377 г., 6410 г.; 4) Житие Василия Нового. На этот источник впервые указал А. Н. Веселовский в 1889 г. Заимствование сделано в статье 6449 (941) г.; 5) Хронограф особого состава — гипотетический памятник русской историографии XI в., содержавший рассказ о всемирной истории; 6) Статья Епифания Кипрского о 12 камнях на ризе Иерусалимского первосвященника. Из этого произведения взято выражение «великая Скифь» (во введении и в статье 6415 (907) г.);

7) «Сказание о преложении книг на славянский язык», заимствования из него есть во введении и в статье 6409 (896) г.; 8) «Откровение» Мефодия Патарского, на него дважды ссылается летописец в рассказе о Югре под 6604 (1096) г. Это тот летописец, который ездил в Ладогу в 6622 (1114) г.; 9) «Поучение о казнях Божиих» — такое название дано А. А. Шахматовым поучению, находящемуся в статье 6576 (1068) г. В основу летописного поучения было положено «Слово о ведре и о казнях Божиих» (оно находится в Симеоновском Златоструе и в других списках Златоструя — сборнике произведений разных авторов, в том числе и Иоанна Златоуста). Вставка Поучения разрывает единый летописный рассказ о нашествии половцев и о выступлении против них Ярославичей (Начало: «Грѣхъ ради нашихъ пусти Богъ на ны поганыя, и побѣгоша русьскыи князи...»). Поучение занимает около двух страниц текста и завершается традиционной в таких случаях фразой: «Мы же на предѣлежащее паки възвратимся»; 10) Договоры русских с греками; 11) «Речь философа» под 6494 (986) г.; 12) Легенда об апостоле Андрее (она находится во введении). Работа по выявлению цитат из внелетописных источников была продолжена и после А. А. Шахматова (Г. М. Баранц, Н. А. Мещерский).

Нестор — монах Киево-Печерского монастыря традиционно считается автором самого значительного летописного свода древнерусского периода — Повести временных лет. Этот свод, дошедший до нас в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, был создан якобы Нестором в начале XII в., точнее, в 1113 г. Кроме этого Нестор написал еще два произведения: Житие Бориса и Глеба и Житие Феодосия Печерского. После длительного изучения письменного наследия Нестора оказалось, что многие исторические факты, описанные в двух Житиях, расходятся с соответствующими летописными фактами: в Житии Бориса и Глеба князь Борис княжил во Владимире Волынском, а по летописи он княжил в Ростове; по Житию Феодосия Печерского Нестор пришел в монастырь при игумене Стефане, то есть между 1074 и 1078 гг., а согласно летописной статье 1051 г., он поступил в монастырь при игумене Феодосии. Таких примеров различного рода противоречий насчитывается до 10, все они давно известны в литературе, но объяснений не имеют.

Подлинные данные биографии Нестора немногочисленны, о них мы узнаем из Жития Феодосия: в Печерский монастырь он пришел при игумене Стефане (1074—1078 гг.) и до написания Жития Феодосия им было написано Житие Бориса и Глеба. В записях монахов Киево-Печерского монастыря начала XIII в. (имеется в виду не дошедшая до нас первоначальная редакция Киево-Печерского патерика) дважды упоминается о том, что Нестор работал над летописью: во втором послании монаха Поликарпа к архимандриту Киево-Печерского монастыря Акиндину читаем «Нестер, иже написа летописец», а в рассказе Поликарпа о святом Агапите враче — «блаженный Нестеръ в летописец написа». Таким образом, мы видим, что монахи монастыря, пускай в виде предания, знали о работе Нестора по созданию какого-то летописца. Обратите внимание, летописца, а не Повести временных лет. К этим бесспорным данным биографии Нестора можно прибавить еще один факт, полученный исследователями при анализе текста Жития Феодосия. Они обратили внимание на то, что в Житии не сообщается о перенесении мощей Феодосия в 1091 г., и при этом игумен Никон (1078—1088 гг.) упоминается как действующий глава монастыря. Из всего этого был сделан вывод о работе Нестора над Житием в конце 80-х гг. XI в. Итак, биографических данных немного. Тогда возникает вопрос, откуда все исследователи XVIII—XX вв. берут другие данные биографии Нестора (время его рождения — 1050 г., смерти — начало XII в.), в том числе и факт его работы над Повестью временных лет в начале XII в.? Все эти данные брались исследователями из двух, опубликованных в XVII в. книг, из Патерика Киево-Печерского и Синописиса, где вся информация летописных статей 1051 г., 1074 г. и 1091 г. была использована без предварительного критического анализа для характеристики Нестора. Следует отметить, что по мере того, как изменялся текст Патерика, начиная с XIII в. и до XVII в., в нем появлялись самые разнообразные факты из жизни монахов XI в. Например, в издании Патерика 1637 г. появилось среди прочих дополнительных данных упоминание о младшем брате Феодосия. Как показал В. Н. Перетц, этот факт биографии Феодосия, как и другие подобные факты, являются плодом фантазии издателя Патерика Сильвестра Коссова. В 1661 г. в новом издании Патерика было опубликовано специально для этого напи-

ЖИТІЕ ПРЕБНАГО ОЦА НАШЕГО Нестора Летописца Русскаго.

Иже написа житіа свѣдѣхъ и преподобныхъ оцъ нашихъ Печерскихъ, также въ первой части Патерика его положена естъ.

Вспомни бже иже писаніемъ оутверждана небыдетъ, въ забвѣніе и невѣдѣніе прїидетъ. Ибоже и въ самомъ началѣ и первомъ строеніи міра, и въ самомъ родоначалницѣ нашемъ адамѣ, иже не бы Мшѣи Бгомъ надченъ, въ книгахъ своихъ, описана быхъ, въ бы то доаготѣ времени покрываа іакимъ, и въ невѣдѣніе привела. но Бгъ пѣматъ твояи чдѣхъ своихъ, въ кое хощетъ время, спсѣтсѣи по-

Мѣ
Октѣвіа
кз днѣ.

первыи лѣ-
тописецъ
сѣ Мшѣи
ѡи р, сѣ

санное житие Нестора (в то время происходила местная канонизация Нестора). В Патерике Нестору приписано написание всей первой части памятника, что, конечно, не соответствует действительности. В тексте Жития Нестора никаких дат не указано, его биография характеризуется на основе летописных статей 1051 г., 1074 г., 1091 г., анализ которых показывает, что они принадлежат перу не одного, а, по крайней мере, двух монахов Киево-Печерского монастыря, и поэтому использовать данные этих статей для характеристики Нестора нельзя. Любопытно, как составитель Жития Нестора, работавший в XVII в., сумел снять противоречие между сообщением летописи под 1051 г. о появлении в монастыре некоего монаха 17-лет при игумене Феодосии и Житием Феодосия о приходе в монастырь Нестора при игумене Стефане: Нестор якобы пришел в монастырь при Феодосии 17-летним юношей и жил в монастыре мирянином, а иноческий образ он принял при Стефане. Надо отметить, что внешне такое объяснение вполне убедительно, но подобные рассуждения при снятии различного рода противоречий в письменных исторических источниках — мешают настоящему анализу этого источника. О времени смерти в Житии сообщается весьма туманно — «по летехъ временыхъ довольныхъ преставися на вечность». В Житии дана и общая характеристика летописи, которую якобы составил Нестор: «написа намъ о начале и первомъ строении Российскаго нашего мира», то есть все первые события нашей истории, описанные в летописи, принадлежат Нестору. Косвенное указание на время кончины Нестора находится в первой части Патерика, в рассказе об обстоятельствах внесения имени Феодосия в Синодик для всенародного поминовения, автором этого Синодика был также якобы Нестор. В этом рассказе встречаются имена конкретных исторических лиц, например, князя Святополка, сидевшего в Киеве в 1093—1113 гг., и даты (крайней датой указан 6620 (1114) г. — год поставления игумена Печерского монастыря Феоктиста, по инициативе которого имя Феодосия и было внесено в Синодик, на епископство в Чернигове). Если собрать все биографические данные Патерика, то получится достаточно полная биография Нестора: 17-летним пришел в Печерский монастырь при игумене Феодосии и до его смерти жил при монастыре, оставаясь мирянином; при игумене Стефане (1074—1078 гг.) пострижен в монахи и

стал дьяконом; в 1091 г. был участником обретения мощей Феодосия; умер после 1112 г. О содержании летописца, написанного Нестором, Патерик также дает общую, но исчерпывающую информацию: весь рассказ о начальной истории России вместе с заголовком — Повесть временных лет — принадлежит Нестору, ему также принадлежат все сообщения о Печерском монастыре по 1112 г. включительно. Эта биография Нестора и характеристика его летописца — итог творческой деятельности нескольких поколений монахов Печерского монастыря, их домыслов, предположений, догадок, ошибок. Неуемная жажда знания, несмотря на полное отсутствие данных, об одном из своих славных собратьев — вот основа поиска.

Все исследователи XVIII–XX вв., говоря о Несторе, прямо или косвенно использовали данные Жития Нестора, созданного, как уже отмечалось, в XVII в., при этом они часто дополняли его на основе своих фантазий и предположений. Например, день памяти Нестора — 27 октября в некоторых книгах указывается как день его смерти, что, конечно, неверно. Приведу еще один пример того, как находили новые факты биографии Нестора. В. Н. Татищев впервые написал о том, что Нестор родился в Белоозере. Как выяснилось, этот мнимый факт биографии Нестора основан на недоразумении, точнее, на неправильном чтении Радзивилловской летописи, где под 6370 (862) г. в рассказе о князе Рюрикe и его братьях читается следующий текст: «... сѣде в Ладозе старей Рюрикъ, а другїй сѣде у нас на Белеозере, а третїй Труворъ въ Изборьске». В. Н. Татищев неправильное чтение Радзивилловской летописи — «сѣде у нас на Белеозере» (должно быть — Синеус на Белеозере) — посчитал самохарактеристикой Нестора. Это ошибочное мнение В. Н. Татищева позволило одному из князей Белосельских-Белозерских считать Нестора своим земляком.

Говоря о Патерике необходимо упомянуть еще одно издание XVII в., где впервые появились различного рода домыслы относительно биографии Нестора — Синописис. Патерик и Синописис были самыми популярными книгами у русских читателей XVII–XIX вв., именно благодаря им фантастическая биография Нестора глубоко вошла в сознание нескольких поколений русских людей.

Если сравнить факты его реальной биографии и описываемых им событий, находящихся в Житии Феодосия, с данными летописного текста НІЛМ, то окажется, что не только исчезнут все известные до последнего времени противоречия в произведениях Нестора, но станет очевидным единство взглядов, высказанных им в этих произведениях. Над летописью Нестор первоначально работал в 1076 г., доведя погодное изложение событий до 1075 г. В НІЛМ окончание летописца Нестора не сохранилось (в ней описание событий, точнее, кончины Феодосия, обрывается, это произошло, скорее всего, из-за утраты последнего листа подлинника), окончание сохранилось в Тверской летописи, где читаем: «Въ лѣто 6583 <...> почата бысть дѣлати церкви камена въ Печерскомъ монастыры игуменомъ Стефаномъ деместьвеникомъ, на основание Феодосиево». О завершении создания церкви в летописи не указано, а это произошло в 1077 г.

И в летописи, и в Житии Феодосия Нестор обращает особое внимание на события, происходившие в Тмутаракани. Можно предположить, что все тмутараканские известия принадлежат перу одного человека — Нестора. Фактом, подтверждающим существование летописца, составленного Нестором в 1070-е гг., является само существование летописного текста НІЛМ, где после известия 1074 г. мы видим случайные краткие записи событий, что даже позволило А. А. Шахматову предположить утрату текста в этом месте летописи. Летописец, созданный Нестором во второй половине 70-х гг. XI в., был положен в основание всего последующего новгородского летописания и потому сохранился в нем в более «чистом виде», чем в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях.

Известно, что творчество Нестора протекало в 70–80-е гг. XI в., поэтому уместно задать вопрос: а продолжал ли Нестор работу над летописью после создания своего летописца в 1076 г.? Отвечаю на этот вопрос положительно на основе следующих наблюдений: Нестор при написании своего труда в 1076 г. использовал внелетописный источник — Паремийник, этот же источник в виде цитат встречается в летописи до 1094 г., после чего заимствований из него больше нет. Еще А. А. Шахматов проанализировал цитаты из Паремийника и предположил, что все они были сделаны одним

автором. Вполне возможно, что к этому произведению обращались два летописца. Первый летописец, работавший до Нестора, цитировал лишь первые предложения из той или иной паремии, при этом незначительный объем цитат не нарушал цельности летописного рассказа, цитаты вносили только уточнения при характеристике князя или события. Нестор работал с Паремийником несколько иначе: все его цитаты являются составной и в какой-то степени неразрывной частью достаточно обширных по объему отступлений, чаще всего богословского содержания, которыми он завершал летописные статьи того или иного года. Когда же Нестор стал описывать события как очевидец, а такие записи он делал с 70-х до середины 90-х гг. XI в., то он использовал цитаты из Паремийника также в объемных отступлениях, чаще всего в похвалах князьям, создавая при этом литературные портреты «похвляемых». Подобно цитатам из Паремийника, известия о событиях, происходивших в Тмутаракани, прослеживаются по 1094 г. включительно.

Представленный в данном учебном пособии вариант биографии Нестора — предварителен, но только на основе восстановленного текста, внесенного Нестором в русскую летопись, можно будет воссоздать в общих чертах его жизненный путь, который будет значительно отличаться, хотя бы в хронологии, от широко распространенного в литературе.

Источники: ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1–2. Л., 1926–1927; ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов — Под ред. и с пред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950 (репринт 2000 г. как 3 том ПСРЛ); Житие Феодосия Печерского // Успенский сборник XII–XIII вв. — Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. Под ред. С. И. Коткова. М., 1971; Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси: начало русской литературы: XI–начало XII века. М., 1978; Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод и комментарии Д. С. Лихачева. СПб., 1996.

Литература: Шлёцер А.-Л. Нестор: русские летописи на древнеславянском языке... Ч. I–III. СПб., 1809–1819; Шахматов А. А. Разыскания о русских древнейших летописных сводах. СПб., 1908; Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938; Приселков М. Д. Нестор-летописец: опыт историко-литературной характеристики. Пб., 1923; Алешковский М. Х. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971; Кузь-

мин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М. 1977; Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII веков. 2-е изд. Л., 1983; Данилевский И. Н. Библиизмы Повести временных лет // Герменевтика древнерусской литературы X–XVI вв. Сб. 3. М., 1992. С. 75–103; Зиборов В. К. О летописи Нестора. Основной летописный свод в русском летописании. XI в. Л., 1995; Романовы и Рюриковичи (о родословной легенде Рюриковичей) // Сб.: Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 47–54.

2. Киевское летописание XII–XIII вв.

Киев оставался главным летописным центром до разгрома этого города войсками татаро-монгол, то есть до 1240 г. Ко времени создания ПВЛ в Киеве сложилось два центра летописания: Киево-Печерский монастырь (1 редакция ПВЛ) и Выдубицкий монастырь (2 и 3 редакции ПВЛ). Эти центры продолжали действовать и на всем протяжении XII–начала XIII в. Следует отметить, что степень изученности истории киевского летописания этого периода менее глубока и обстоятельна, чем история предшествующая. Это определяется состоянием источников, точнее, отсутствием материала для сравнения, так как две летописи, привлекаемые для характеристики киевского летописания — Лаврентьевская и Ипатьевская имеют в какой-то степени единый летописный материал. Прием работы исследователей этого периода летописания — логический анализ материала — несовершенен, так как логические наблюдения и умозаключения делаются на основе неоднозначных и скудных фактов. Правда, без этого приема при анализе летописания XII в. не обойтись, им активно пользовались А. А. Шахматов и М. Д. Приселков, а в последнее время Б. А. Рыбаков, но результаты подобных наблюдений спорны и несовершенны. Поясню это утверждение на следующем примере: исследователь отмечает, что информация о том или ином князе прослеживается систематически на протяжении, предположим, двух десятилетий и на основе этого наблюдения делает вывод о существовании летописи или лето-

писца этого князя. Внешне наблюдение и основанный на нем вывод убедительны, но доказательной основы они не имеют. Записи о действиях этого князя мог делать не только летописец этого князя, но и представитель другого летописного центра, руководствуясь при этом субъективными мотивами (уроженец земель этого князя, его тезка и т. д.). Но когда нет других возможностей анализа, логический прием остается единственно возможным, хотя применение только этого метода порождает нагромождение бесконечного числа летописных сводов, существование которых не может быть подтверждено какими-либо другими данными. Иногда эти гипотетические этапы летописной работы появляются под пером исследователя в интервале 2–5 лет. Но скорей всего новый летописный свод в одном центре летописания появлялся в интервале 10–20 лет. Хотя этот вывод предварителен и приблизителен, но он больше отвечает реальности. Только в случаях появления нового центра летописания, а они не возникают вне сложившейся традиции, могут создаваться близкие по времени летописные своды, например: первая редакция ПВЛ — Киево-Печерский монастырь, вторая редакция ПВЛ — Выдубицкий монастырь (каждый из этих центров действовал не менее ста лет).

Характеристику киевского летописания XII–XIII вв. дают на основе следующих летописей: Лаврентьевской, Ипатьевской, Переяславля-Суздальского летописца, Воскресенской, основной редакции Софийской первой, Никоновской, а также известий В. Н. Татищева в его «Истории Российской».

В Киево-Печерском монастыре после создания первой редакции ПВЛ ведение летописи на какое-то время приостановилось. По мнению М. Д. Приселкова, только во второй половине XII в., при князе Ростиславе Мстиславиче в монастыре возобновилось ведение летописи: игумен Поликарп (поставлен в 1164 г., умер в 1182 г.) составил княжеский летописец. Деятельности игумена Поликарпа посвящено небольшое исследование Б. А. Рыбакова, который считает, что Поликарп до поступления в монастырь уже составлял летописец князя Святослава Олеговича и продолжил эту работу, став сначала монахом, а потом игуменом монастыря. Указание на ведение Поликарпом летописи исследователи находят в записи 6676 (1168) г., где приведена беседа игумена Поликарпа с великим князем Ростиславом Мстиславичем:

«Отче, княжение и миръ не можетъ безъ грѣха быти. А оуже есмь быть не мало на свѣтъ сем, а хотѣлъ бых поревновати, якоже и вси правовѣрнии цари пострадаша и прияха възмѣдие от Господа Бога своего <...> И тако ему повѣстятъ с Поликарпомъ игуменом, и рече ему игумень: «Аще сего желаеши, княже, да воля Божия да будетъ». Ростиславъ же слышавъ от игумена, положи в сердца своемъ, рекъ ему...» и т. д. (ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 530–531). То, что беседа приведена в летописном тексте, и дало повод исследователям считать Поликарпа автором этого произведения.

Летописец Поликарпа не сохранился в «чистом» виде, он дошел до нас (в пределах статей 1141–1171 гг.) в составе летописного свода 1199 г., составленного игуменом Выдубицкого монастыря Моисеем. Свод игумена Моисея (некоторые исследователи датируют его 1198 г. или 1199–1200 гг.) представляет собой памятник летописной традиции Выдубицкого монастыря (начатой игуменом Сильвестром в 1116 г.). Одной из задач составления летописного свода 1198 г. было прославление деятельности великого князя Рюрика Ростиславича, поэтому иногда этот памятник называют первым великокняжеским сводом или летописцем князя Рюрика. Великий князь Рюрик принимал самое непосредственное участие в жизни Выдубицкого монастыря. В летописных известиях, начиная с 1173 г. и до 1199 г. сообщаются разнообразные факты из жизни князя Рюрика и его семьи. В 1199 г. завершилось строительство, производившееся по инициативе князя, подпорной стены со стороны осыпающегося берега Днепра Выдубицкого монастыря (строителем был Миронег — Петр). Это событие для монастыря было столь значительным, что по его поводу был устроен 24 сентября праздник, на котором игумен Моисей произнес речь. Эта торжественная речь помещена в Ипатьевской летописи под 1199 г. (некоторыми исследователями она называется кантатой), именно она послужила основой для утверждения, что игумен Моисей был летописцем. Речь игумена Моисея — выдающееся произведение древнерусской литературы. Автор ее — глубокий знаток многих произведений славянской литературы своего времени. Привожу два фрагмента из этой речи. Перевод на русский язык В. В. Колесова. «Дивна днесь видиста очи наши, мнози бо, прежде насъ бывшей, желаше видити, яже мы видихомъ — и не въдѣша и слышати не сподобишася, яже Богъ намъ дарова твоимъ кня-

жением! Не токмо ибо отяль еси уничижения наша, но и со славою приять ны, поставивъ на пространъ нозъ рабъ твоихъ <...> Утверждающе бо неподвижно нозъ свои на удобренемъ ти зданьи и очима си любезно смотрящи, отвсюду веселие души привлекаше, и мняться яко аера достигше, а тако любовью отходять, похваляюще богومудрество твое...» <...> «Дивное сегодня увидели очи наши; столь многие, прежде нас жившие, желали бы видеть то, что увидели мы, — и не видели, и даже слышать не пришлось им о том, что нам Бог даровал княженьем твоим! Ибо не только не отринул ты ничтожества наши, но и со славой нас принял, по свободной стезе направив рабов твоих... твердо ноги свои поставляя на укрепленной тобою подпоре и очами с весельем взирая, душой насыщаются миром окрест, и кажется им, будто неба достигли, и так, в умиленье, уходят, восславляя твое богомысль». (Цит. по кн.: Памятники литературы Древней Руси XII в. М., 1980. С. 408–411.)

Этой речью игумена Моисея заканчивается летописный свод, источниками которого были семейная хроника Ростиславичей, черниговская летопись Игоря Святославича и Переяславля-Южного летопись Владимира Глебовича (оканчивалась 1187 г. некрологом этому князю). М. Д. Приселков, анализируя текст летописного свода игумена Моисея, отметил характерный для него литературный оборот, использовавшийся при упоминании о смерти того или иного князя: «и приложися к отцам, отда обьщий долг, его же несть оубежати всякому роженому» (этот оборот встречается в известиях следующих годов: 1172, 1179, 1180, 1198). Характерная индивидуальная особенность текста может служить аргументом при обосновании существования того или иного летописного свода, так как она встречается в пределах работы одного летописца.

По мнению Б. А. Рыбакова в Киеве в 80-е гг. XII в. одновременно работали четыре (!) летописца, среди них он особо выделяет киевского боярина Петра Бориславича, работавшего над летописью в 40–90 гг. XII в. Деятельность Петра Бориславича примечательна еще и тем, что он, по мнению Б. А. Рыбакова, был автором «Слова о полку Игореве».

Ведение летописей в Киеве прекратилось в связи с нашествием татаро-монгол, точно указать время окончания летописного дела трудно, предположительно это произошло в 1238 г., так, по крайней мере, считал М. Д. Приселков.

Источники: ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1998; ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998; ПСРЛ. Т. 38. Радзивилловская летопись. Л., 1989; ПСРЛ. Т. 41. Летописец Переяславля Суздальского (Летописец русских царей). М., 1995.

Литература: *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996; *Рыбаков Б. А.* Русские летописи и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972; *Шахматов А. А.* Киевский летописный свод XII века // А. А. Шахматов. 1864–1920. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1947; Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI в. М.; Л., 1938; *Рыбаков Б. А.* Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991.

Новгородское и Псковское летописание

1. Новгородское летописание XI–XVIII вв.

Новгородское летописание представляет собой уникальное явление в истории русского летописания в целом. Погодные записи в Новгороде начали вести, как и в Киеве, почти одновременно, в середине XI в. и составление летописей в этом центре политической и культурной жизни нашей страны не прекращалось до XVIII в. Новгород был самым стабильным и самым значительным из всех существовавших центров русского летописания. Непрерываемая 700-летняя летописная традиция способствовала формированию в Новгороде своей литературной школы, представленной мощным пластом оригинальных литературных произведений. Питающей основой культурного развития Новгорода и его земель было широкое распространение грамотности во всех слоях средневекового общества, о чем говорят сотни берестяных грамот, находки которых продолжают ежегодно. Занимая особое место в политической и экономической жизни Руси, как древнерусского, так и более позднего периода, Новгород в силу различных обстоятельств стал центром, куда стекались все богатства русской письменной культуры. Например, самые значительные и старейшие летописи (Лаврентьевская, Ипатьевская, не говоря уже о Новгородской Синодальной), находились в Новгороде. С этим городом так или иначе были связаны почти все древнерусские рукописи XI в. и позднейших веков. Свое значение

интеллектуального центра России Новгород сохранил даже после потери своей независимости. Многие памятники нашей письменной культуры появились именно здесь: Библия на русском языке при архиепископе Геннадии в 1499 г., грандиозные по своему объему Великие Четьи-минеи при архиепископе Макарии в 30-е гг. XVI в., куда вошли все памятники, созданные русской письменностью за весь предыдущий период. Только мощной культурной традицией можно объяснить всплеск летописной работы в Новгороде во второй половине XVII в., то есть в тот период, когда город уже полностью потерял свое ведущее значение в жизни государства.

Даже немногочисленные ереси средневековой Руси, основой которых было утверждение права на индивидуальное прочтение богословских книг и участие в решении богословских вопросов всех христиан, появились в Новгороде и близком ему по духу и культуре Пскове (у этих городов был единый иерарх — архиепископ Новгородский).

Летописные памятники Новгорода и Новгородской земли сохранили ранние летописные своды XI в., предшествовавшие ПВЛ, например, в Новгородской первой летописи младшего извода до нас дошел летописный свод 70-х г. XI в., а в Устюжской летописи — самый ранний из известных нам летописных сводов.

При всей очевидной значимости Новгородского летописания дать ему общую характеристику довольно трудно, так как в исследовательской литературе отсутствует монография, где бы была дана подробная характеристика. Да и в целом изученность истории Новгородского летописания неглубока. Например, известный по заголовкам некоторых летописей «Софийский временник», датируется с огромным хронологическим разбросом — от XII в. (Д. С. Лихачев считал, что летописный свод 1136 г. был назван «Софийским временником») до XV в. (по А. А. Шахматову одноименный памятник был составлен в 1421 г. или 1434 г.). И. П. Сенигов относил составление этого текста к XIII в.

Все исследователи отмечают одну особенность Новгородского летописания — его язык, простой и близкий к разговорному, поскольку летописи здесь велись не монахами, а представителями белого духовенства (поп, пономарь), чья жизнь протекала в среде народной языковой стихии.

Как и другие русские летописи, новгородские сохранили в своем составе различные внелетописные произведения, например, только в тексте Новгородской первой летописи младшего извода до нас дошел самый ранний законодательный памятник Древней Руси, точнее, его древнейшая редакция, Правда Русская. В новгородских летописях находится подробнейший рассказ о взятии крестоносцами Константинополя в 1204 г. Написанный новгородцем, он во многом дополняет описание этого события в западноевропейских хрониках.

Новгородское летописание представлено большим количеством памятников и списков, поэтому издатели первых томов ПСРЛ пронумеровали новгородские летописи по мере их публикации (от 1 до 5, нумерация при этом была условна). Подобная нумерация не всегда соответствует месту летописи в истории новгородского летописания, например, если по отношению к первой новгородской летописи такая нумерация справедлива, то вторая и третья летописи являются поздними, по крайней мере, по отношению к четвертой. Всего было пронумеровано пять летописей (шестая была только заявлена). Учитывая несовершенство подобной систематизации, позднее новгородским летописям стали давать индивидуальные названия. Например, название Новгородская Карамзинская летопись, как и названия большинства других русских летописей, субъективно и дано произвольно на основе различных признаков и обстоятельств: в данном случае летопись названа по фамилии историографа Н. М. Карамзина, так как он пользовался этим текстом при написании своей «Истории государства Российского».

Историю новгородского летописания можно условно разделить на три периода: 1) XI–XIV вв., 2) конец XIV–70-е гг. XV в., 3) XVI–XVIII вв.

Новгородское летописание XI–XIV вв. Первый период представлен двумя новгородскими летописями: Новгородская первая летопись старшего извода (далее — Н1ЛС) и Новгородская первая летопись младшего извода (далее — Н1ЛМ). Н1ЛС — дошла до нас в рукописи середины XIV в. и является самой древней из известных нам русских летописей. Кроме основного названия, указанного выше, у нее есть еще два: Новгородская Синодальная и Новгородская Харатеиная.

Кроме Новгородской Хронографической известны только две летописи, написанные на пергамене — Лаврентьевская и Троицкая (последняя сгорела в московском пожаре 1812 г.). ННЛС представлена единственным списком — ГИМ, Синод. собр., № 786 (летопись неоднократно издавалась, в том числе и фототипическим способом). Рукопись размером в 4 долю листа, имеет 169 листов, первоначально состояла из 37 тетрадей по 8 листов каждая, судя по сохранившейся нумерации тетрадей, предположительно проставленной в XV в., 6 первых тетрадей утрачены. Из-за утраты начальных листов описание событий в летописи начинается с 6524 (1016) г. с полуфразы: «...а вы плотници суще, а приставимъ вы хоромъ рубити», сказанной новгородцам, выступившим на стороне Ярослава Мудрого в борьбе со Святополком Окаянным. Некоторые исследователи считают, что первая часть рукописи (л. 1—118 об.) написана в XIII в. двумя почерками, а вторая (л. 119—166 об.) одним почерком в первой половине XIV в. (на л. 167 об.—169 приписки разными почерками середины XIV в.). Переплет поздний — картон в коричневой коже, на крышке тиснение золотом — «Летописец новгородский № 67». Рукопись написана уставом, заглавные буквы написаны кинноварью. В середине рукописи есть утрата одной тетради, поэтому изложение событий 6780 (1272) г. частично — 6807 (1299) г. отсутствует. Погодное изложение событий доведено до 6841 (1333) г., после чего следуют приписки под 6845 (1337) г., 6853 (1345) г., 6860 (1352) г.

ННЛМ известна в четырех списках: 1) БАН, 17.8.36., XV в., Академический список, 2) ФИРИ РАН, собр. Археогр. Ком., № 240, XV в., Комиссионный список, 3) РНБ, F IV № 223, XVIII в., Толстовский список, 4) БАН, 31.7.31., XIX в., Воронцовский список.

Сопоставление и анализ текстов ННЛС и ННЛМ позволили исследователям восстановить следующую картину истории новгородского летописания этого периода.

Самый ранний новгородский летописный свод был составлен в 50-е гг. XI в., но наиболее активное ведение летописей началось с XII в. Отмечено несколько центров, где в Новгороде создавались летописи. Считается, что основным центром ведения летописей был двор архиепископа новгородского, поэтому его иногда называют *владычным* летописанием. Высказывалось предположение, что на раннем эта-

пе, а именно в XII в., были попытки ведения княжеского летописания, по крайней мере, это утверждал один из исследователей новгородского летописания Е. Ю. Перфецкий. Он указывал на следы этого текста, отразившегося в летописных сводах южной и северо-восточной Руси. Еще одним центром была церковь святого Иакова, о чем мы узнаем из разнообразных указаний самих летописцев, работавших при этом храме в XII–XIII вв. Исследователи отмечали Юрьевский монастырь, где также, по их мнению, составлялись летописи. Например, И. М. Троицкий считал, что в этом монастыре велось летописание с XII в. по XIV в.

Согласно Д. С. Лихачеву, основным летописным сводом XII в. был свод 1136 г., отразившийся в обеих новгородских летописях. Он возник в связи с политическими событиями, происходившими в это время в Новгороде, а именно с установлением «нового республиканского правления». Свод 1136 г. составлен при архиепископе Нифонте domestиком Антониева монастыря Кириком (этот свод называется в литературе по-разному: владычьим, Нифонта, Кирика, 1136 г.). При обосновании существования летописного свода 1136 г. и участии в его составлении Кирика исследователи обратили внимание на сходство хронологических записей в НІЛС под 6644 (1136) г. и 6645 (1137) г. с текстом «Учения им же ведати человеку числа всех лет», принадлежащего перу Кирика Новгородца. В НІЛС под 6644 (1136) г. читаем: «Индикта лѣта 14, новгородьци призваша плѣсковиче и ладожаны и сдумаша, яко изгонити князя своего Всѣволода, и всадиша въ епископлѣ дворѣ, съ женою и съ дѣтьми и съ тыщею, мѣсяца мая въ 28... Въ то же лѣто приде Новугороду князь Святославъ Олговицъ ис Цернигова, от брата Всеволодка, мѣсяца июля въ 19, преже 14 каланда августа, въ недѣлю, на сборѣ святыя Еуфимие, въ 3 час дне, а луне небеснѣи въ 19 день... Въ лѣто 6645. Настанущю въ 7 марта, индикта лѣту 15, бѣжя Костянтинъ посадникъ къ Всѣволоду...» (Цит. по: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 г. С. 24). Стоит обратить внимание на характерное для новгородцев «цоконье» — «Ольговиц ис Цернигова». Развернутая хронологическая датировка с упоминанием календ, индикта, круга луны в сопоставлении с подобными же данными в трактате Кирика, написанного им в 1136 г., позволило высказать предположение об участии Кирика в составлении одной из новгородских летописей. В своем

трактате «Учение им же ведати человеку числа всех лет» Кирик показал виртуозное умение делать различные хронологические и математические вычисления (и это при том, что обозначение цифр в Древней Руси было буквенным). Например, он подсчитал количество прожитых им часов к моменту составления данного трактата: «Да будет известно, что это исчисление написано в 6644 г. от Адама... Писал же в Великом Новгороде я, грешный монах Антонова (монастыря) Кирик дьякон, domestик церкви святой Богородицы при греческом царе Иоанне и при князе Святославе, сыне Олега в первый год его княжения, в Новгороде, а от роду в тридцатый (да продлит Господь ему года). И еще при архиепископе Новгородском боголюбивом Нифонте. А от рождения моего до настоящего времени 26 лет, а месяцев 312, а недель 1354, а дней 9500 без 3 дней (то есть 9497), а часов 113960 и столько же ночных» (Цит. по: Симонов Р. А. Кирик новгородец — ученый XII века. М., 1980. С. 101).

Новгородский летописец — Герман Воята, священник при церкви святого Иакова представляет другой центр летописания XII в. Об участии Германа Вояты в новгородском летописании узнаем из сопоставления известий двух статей 6652 (1144) г. и 6696 (1188) г., где речь идет об одном и том же новгородце (на это впервые обратил внимание исследователь XIX в. Д. И. Прозоровский). В НІЛС под 6652 (1144) г. читаем: «В то же лѣто постави мя попомъ архиепископъ святыи Нифонтъ» (М., 1950. С. 27). В этом сообщении один из летописцев (запись сделана от первого лица) обнаружил свое участие в новгородском летописании, не указав при этом ни своего имени, ни места ведения летописи. Под 6696 (1188) г. в той же НІЛС читаем: «Томъ же лѣтъ переставися рабъ Божии Германъ, иереи святого Якова, зовемыи Воята, служивъшю ему у святого Иякова полъпятадъсятъ лѣтъ (45—В. 3.) въ кротости и сѣмрении и богобоязньствѣ: поя съ собою Пльскову архепископъ Гаврила, и дошьдъ Пльскова разболеся, и постриже и владыка и въ скиму, и преставися мѣсяця октября въ 13, на святую мученику Карпа и Папула, и положиша и у святого Спаса въ манастири. Покои, Господи, душу раба твоего Германа, отпусти ему вся прегрешения вольная и невольная» (М., 1950. С. 39). Подробнейшая запись о смерти простого священника из окружения архиепископа обратила на себя внимание исследователей, а когда они от

года записи — 1188 г. вычли 45 лет, то с учетом месяцев вышли на запись 1144 г., где один из летописцев обнаружил свою работу над летописью. Так в историю новгородского летописания было вписано имя Германа Вояты и выявлен центр летописания — церковь святого Иакова. По последним данным церковь святого Иакова находилась в Людском конце Новгорода на Добрыне улице. Исследователи, анализируя текст за 40–80-е гг. XII, то есть за период, когда Герман Воята работал над летописью, отметили особенности его манеры письма: часто рассказ он ведет от первого лица, представляя в своих записях городского обывателя, интересующегося слухами, происшествиями, погодой, ценами на дрова и сено.

В последнее время было высказано предположение (А. А. Гиппиус) о том, что при церкви св. Иакова, по крайней мере, при Германе Вояте, составлялась новгородская владычья летопись, то есть церковь не была самостоятельным отдельным центром летописания в Новгороде. При этом уточняется время работы Германа Вояты над летописью: очень 1167—лето 1170 г. (возможно это был 1168 г., где указан индикт года — В. 3.). Следующий этап составления владычной летописи относится к 1199 г.

При церкви святого Иакова летопись продолжала вестись и в XIII в., в ней принимал участие пономарь Тимофей. О времени работы Тимофея в литературе высказывалось несколько точек зрения: одни называют его непосредственным преемником Германа Вояты (конец XII в.), другие считают составителем новгородского свода начала XIII в., третьи относят его работу к концу XIII в. Независимо от решения вопроса о времени работы пономаря Тимофея, его участие в ведении летописи бесспорно. Об этом он косвенно говорит в летописной статье 6738 (1230) г. НЛС в рассказе о смерти игумена Юрьевского монастыря Саввы, прося у него молитв за себя и за всех христиан («даи Богъ молитва его святая всѣмъ крестьяномъ и мнѣ грѣшному Тимофѣю понаманарю»). Этого пономаря Тимофея считают одним и тем же лицом с Тимофеем, переписавшим Лобковский пролог в 1262 г. или в 1282 г. («написахъ книги сия роукою моею грѣшною азъ, грѣшны Тимофѣи, понамарь святого Якова» — Цит. по кн.: Столярова Л. В. Древнерусские надписи XI–XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998. С. 299). При прочтении

приведенного летописного текста под 6738 (1230) г. естественно возникает мысль об участии Тимофея в составлении летописной статьи этого года. Но это будет поспешное предположение, так как в тексте НІЛМ под этим же годом при описании смерти игумена Саввы о молитве последнего просит не Тимофей, а поп Иоанн («Иоанну попови»). Если работу пономаря Тимофея в соответствии с датировкой Лобковского пролога отнести ко второй половине XIII в., то получается, что поп Иоанн был его предшественником и именно ему принадлежит первоначальная запись о смерти игумена Саввы под 1230 г. Таким образом, в XIII в. в Новгороде работали, по крайней мере, два летописца, и оба, как и их предшественник Герман Воята, были представителями белого духовенства. Последнее обстоятельство является характерной особенностью новгородского летописания — там, как правило, летопись велась представителями белого духовенства, а в Киеве этим занимались, в основном, монахи.

Вопрос об идентичности Тимофея, упомянутого в летописи, и Тимофея пономаря — переписчика Лобковского пролога, остается до конца нерешенным. Но независимо от этого роль духовенства церкви святого Иакова в истории новгородского летописания очевидна.

В XIII в. в новгородском летописании выявлено два летописных свода — начала XIII в. и второй половины этого века.

В составе НІЛС под 1204 г. читается текст Повести о взятии Царьграда. Автор Повести, находясь в Константинополе, был очевидцем взятия крестоносцами столицы Византийской империи. Его позиция по отношению к враждующим сторонам нейтральна, он точен в описаниях, хорошо знает топографию столицы, язык повествования прост и выразителен. Степень участия автора этой Повести в новгородском летописании не определена: остается неясным, написана ли эта Повесть специально для летописи или ее включили в нее позднее как один из дополнительных источников.

О сложном взаимоотношении текстов двух старейших новгородских летописей при очевидном первенстве НІЛС говорит следующее наблюдение: в тексте НІЛС отмечены три фрагмента (под 1198 г., 1238 г., 1268 г.), явно заимствованных из начальной части НІЛМ. Эти заимствования предположительно можно отнести к творчеству одного летописца и, таким образом, выйти на летописный свод, составленный в

Новгороде около 1268 г. (после этого года заимствований нет), а это соответствует времени деятельности Тимофея пономаря, переписчика Лобковского пролога.

При сопоставлении текстов НІЛС и НІЛМ отмечено, что они имеют явное сходство до 1330 г., что позволяет предположить существование летописного свода 30-х гг. XIV в.

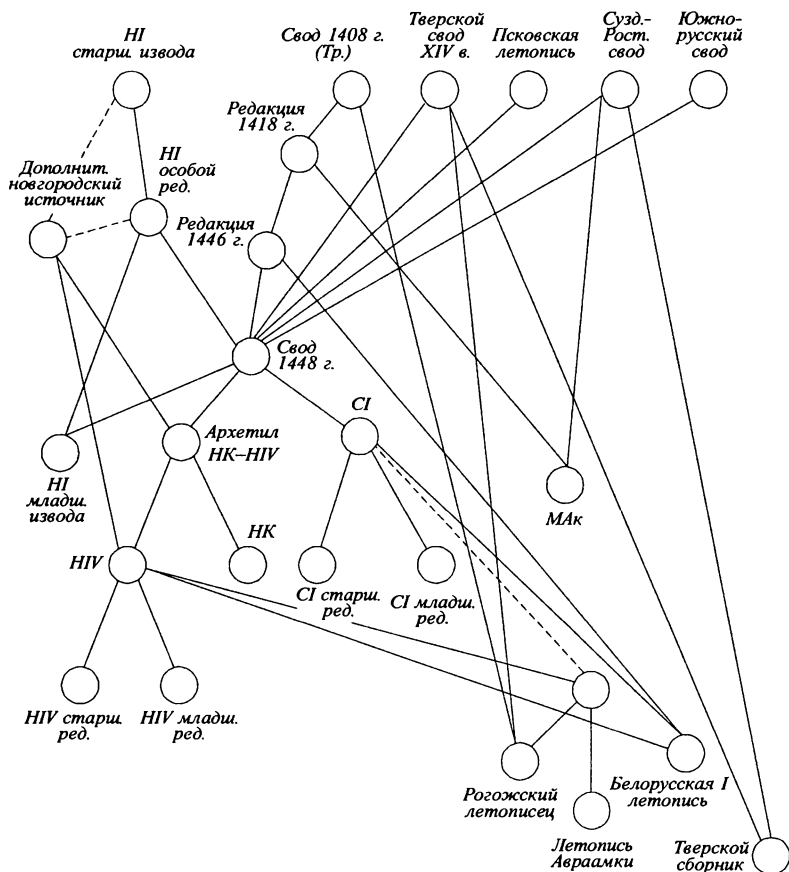
Новгородское летописание конца XIV—70-х гг. XV в. Характер новгородского летописания в этот период меняется. Если в предыдущий в летописях уделялось внимание, в основном, событиям чисто новгородским, то теперь, в связи с претензиями Новгорода на большую самостоятельность и, в какой-то степени, на главенство среди русских земель, в новгородских летописях появляется много записей о событиях, происходивших в других русских княжествах. Общерусский характер новгородских летописей особенно ярко представляют летописи — Новгородская четвертая (далее — НІУЛ), Софийская первая (далее — СІЛ) и тесно с ними связанная Новгородская Карамзинская (далее — НКЛ).

НІУЛ известна в двух редакциях (ПСРЛ. Т. IV.): старшая (с погодным изложением событий до 1437 г.) и младшая (с погодным изложением событий в основной части до 1447 г.). Тексты старшей и младшей редакций сходны до 1428 г. НІУЛ совпадает с СІЛ до 6926 (1418) г., что указывает на общий протограф этих двух летописей. Одним из новгородских источников НІУЛ был семейный летописец Матвея Михайлова (1375 г. — сообщение о рождении самого Матвея, 1382 г. — о смерти отца (дважды), 1405 г. — о смерти матери, 1406 г. — о его женитьбе, 1411 г. — о рождении сына).

СІЛ дошла до нас в большом количестве списков, все они делятся на две редакции: старшая (известия доведены до 1418 г.) и младшая (известия доведены до второй половины XV в.). Вступительная часть СІЛ имеет заголовок «Софийский временник», поэтому летопись первоначально была известна в науке под этим названием.

НІУЛ и СІЛ в своем изложении объединяют описания новгородских и общерусских событий. Одной из особенностей СІЛ является наличие в ее тексте большого количества разных повестей и других литературных памятников, например: Повесть о битве на Калке, Повесть о взятии Царьграда, Повесть о житии князя Александра Невского, Житие Михаила Тверского, Послание новгородского архиепископа Василия о рае и т. д.

Схема происхождения Софийской I и Новгородской IV летописей по Я. С. Лурье*

* Лурье Я С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л. 1976. С. 119.

В тексте С1Л младшей редакции, в отличие от С1Л старшей редакции, явно присутствует промосковская или антиновгородская редактura летописного текста, например, в ней осуждаются новгородские вольности, а поход на Новгород 6979 (1471) г. имеет следующий заголовок — «Словеса избранна от святых писаний... о гордости величавых мужей новгородских».

НКЛ дошла до нас в единственном списке — РНБ, Ф. IV. 603. Текст НКЛ состоит из двух частей или летописей: в первой описание событий охватывает 6497 (989) — 6919 (1411) гг., во второй 6496 (988) — 6936 (1428) гг. Оригинальность текста НКЛ заключается в том, что при объединении ее двух отдельных частей получается текст Н1УЛ. В литературе продолжается спор о том, являются ли части НКЛ самостоятельными памятниками (Г. М. Прохоров) или они получились в результате механической выборки из текста Н1УЛ (А. А. Шахматов, Я. С. Лурье). От решения этого вопроса во многом зависит характеристика истории новгородского летописания первой половины XV в., это тем более очевидно, что первая часть НКЛ была источником С1Л. Значение НКЛ для восстановления истории текста Н1УЛ и С1Л велико, но при этом НКЛ остается неопубликованной. Несколько статей находятся только в НКЛ, например: грамоты константинопольского патриарха Антония в Новгород (1390 г. и 1394 г.).

На основе анализа текстов Н1УЛ, С1Л и НКЛ, а также текстов других летописей восстанавливается история новгородского и отчасти общерусского летописаний конца XIV — середины XV в. Считается, что узловым этапом в истории летописания этого периода был летописный свод 1448 г. (см. о нем в разделе о московском летописании). Этот свод отразился как в НУ1Л, так и в С1Л. Другие этапы новгородского летописания были уже намечены при описании летописей: летописный свод 1418 г. (до этого года тексты Н1УЛ и С1Л совпадают, кроме того, списки С1Л старшей редакции оканчиваются этой датой), летописный свод 1428 г. (до этого года тексты старшей и младшей редакций Н1УЛ сходны).

В XV в., как и в предыдущие века, инициаторами создания летописей в Новгороде являлись архиепископы. В это время на архиепископской кафедре находились два Евфимия: Евфимий I (Емельян) Брадатый (1423—1428 гг.) и Евфимий II (1428—1458 гг.). Именно при них наиболее интенсивно создавались летописи в Новгороде. Следует напомнить, что Н1ЛМ

также писалась в 40-х гг. XV в. Таким образом, почти все наиболее важные новгородские летописи создавались в период правления архиепископа Евфимия II, страстного поборника независимости Новгородской боярской республики.

Подробности создания новгородских летописей мало известны. Кроме наличия нескольких летописных сводов мы знаем о существовании нескольких центров ведения летописей. К уже упоминавшемуся владычному летописанию можно добавить монастырское летописание. Например, какая-то летопись создавалась в Лисицком монастыре, упоминание об этом находится в известиях 1450 г. и 1572 г. в Новгородской второй летописи: «В лѣто 6958. Написа бысть сѧ книга лѣтописецъ во обители пречистеи Рожества на Лисѧ гори повелением раба божия дѣякона инока Геронтия в полдестѣ, держанъ»; «В лѣто 7000 восьмѣдесятага. Мѣсяца февраль въ 5, вторник, а служилъ того дни в манастири на Лисѧ горѣ обидню и смотрил в манастири книги литопистца церковнаго, а сказывал, что литописецъ Лѣсицкои добри сполна, ажо не сполна развие написано в лѣтописцѣ в Лѣсуцкомѣ владыкы Навгороцькые, не вси сполна, писаны развие до владыкы Еуфимия Навгороцького. А смотрилъ въ кельи у старца у келаря у Дионисия» (ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 194, 195).

Дошедший до нас летописный материал позволяет отметить частную инициативу при создании летописей, к упоминавшемуся выше Матвею Михайлову (НІУЛ) можно добавить еще и Анастасию Михайлову, известия о семье которой находятся в летописце епископа Павла (под 6931 г.). Имеет ли отношение к Матвею Михайлову Анастасия Михайлова, или они были просто однофамильцами, сказать трудно, но сходство фамилий двух лиц, имевших отношение к составлению новгородских летописей примерно в одно и то же время, вероятно, вполне не случайно.

После бурного взлета новгородского летописания в 40–70-е гг. (этим временем датируются почти все основные летописи Новгорода и несколько летописных сводов) в связи с общеизвестными политическими событиями наступает определенный спад, длившийся около 40 лет. В начале XVI в. в Новгороде возобновляется ведение летописей, но это уже не летописание одного из лидеров политической жизни Российского государства, а летописание, где главными событиями истории являются только события Новгорода. Удар,

нанесенный Новгородской боярской республике, был сильным, но он не смог поколебать многовековую традицию новгородской письменной культуры. Ни потеря вечевого колокола и институтов самоуправления, ни вывод из города представителей самых сильных новгородских фамилий (что осуществлялось неоднократно, а на их место ввозились семьи из московских земель) не отразились на авторитете Новгорода как интеллектуального центра России.

Новгородские летописи могут служить наглядным примером того, как после насильственного присоединения той или другой земли москвичи поступали с письменным наследием этих земель. Прежде всего, все основные новгородские летописи были вывезены в Москву, а там, судя по рукописи древнейшей русской и в то же время новгородской летописи (Н1ЛС) была произведена тенденциозная идеологическая правка: текст, написанный на пергамене варварски выскребался, а на его место вписывался совершенно противоположный по смыслу текст. Например, под 6746 (1238) г. при описании нашествия татар на Рязанскую землю читается следующее предложение: «Москвичи же ничегоже не видѣвше». Смысл предложения понятен, но в контексте всего рассказа он не очень вразумителен. Неясность станет понятной, если обратиться к комментарию издателя Н1ЛС: «Между словами *москвичи же* и *ничегоже* оставлено чистое место, около половины строки, причем лист протерт; возможно, первоначально было написано какое-то слово и выскоблено. В КАТ (списки Н1ЛМ — В. 3.) после *москвичи же* написано *побѣгоша*» (Изд. 1950 г. С. 75). В Н1ЛМ сохранился первоначальный текст этого темного чтения: «Москвичи же побѣгоша, ничегоже не видѣвше» (Изд. 1950 г. С. 287). Московский редактор, вооруженный скребком, посчитал зазорным для москвичей подобную информацию и слегка подправил ее. Таких примеров московской правки в тексте Н1ЛС несколько. Приведу еще один, под 6840 (1332) г. в харатейной летописи читаем: «Того же лѣта великий князь Иванъ приде изъ Орды и възверже гнѣвъ на Новѣгородъ, прося у нихъ серебра закамьского, и в томъ взя Торжекъ и Бѣжичьскый верхъ за новгородскую измѣну». К последним словам текста издатель летописи сделал следующее примечание: «Слова *за новгородскую измѣну* написаны иными чернилами и почерком по выскобленному» (Изд. 1950 г. С. 99). А что же первоначально

было написано в НІЛС? В НІЛМ, где этот текст сохранился, читаем: «Того же лѣта великий князь Иванъ прииде из Орды и възверже гнѣвъ на Новѣград, прося у них серебра закамьское, и въ томъ взя Торжокъ и Бѣжичький верхъ чересь крестное цѣлование» (Изд. 1950 г. С. 344). Как видим, смысл совершенно противоположный.

Текст рукописи НІЛС являет нам редчайший пример того, как поступали москвичи с наследием присоединенных земель. В случаях с летописями Твери, Рязани и других центров летописания происходило подобное же, но об этом можно только предполагать, так как подлинных летописей этих центров не сохранилось, все они были после значительной редакторской обработки вписаны в тексты многочисленных московских летописей конца XV—середины XVI в.

Летописание XVI—XVIII вв. После присоединения Новгорода к Москве центром ведения летописей в Новгороде продолжал оставаться двор архиепископа. От XVI в. сохранились следующие летописи: Новгородская вторая, Новгородская Дубровского, Новгородская пятая. В Новгородской летописи Дубровского отразился летописный свод 1539 г., составленный при архиепископе Макарии (будущий митрополит Московский), этот же свод представлен и в летописи Архивской (во второй ее части). При сравнении летописи Дубровского с Новгородской Уваровской летописью (памятник XVII в.) выявляется еще один более ранний новгородский свод — 1505 г. (до этого года тексты летописей схожи). История текста Новгородской летописи Дубровского показательна: основным источником ее были НІУЛ и какая-то великокняжеская общерусская летопись, то есть в ней объединились новгородские и московские летописи. Одним из оригинальных известий Новгородской летописи Дубровского является не новгородское, а московское с описанием смерти великого князя Василия III (летописный свод 1539 г., этим же годом датируется еще один новгородский свод, находящийся в так называемой Ростовской летописи).

В Новгородской второй летописи изложение событий доведено до 1572 г., наиболее интересными являются известия 1568—1572 гг. с описанием периода опричнины в Новгороде. Много внимания уделяет новгородский летописец и различным происшествиям, очевидцем которых он был: «В лѣто 7000 восьмьдесятаго... Да того же лѣта царь православной многихъ

своихъ дѣтеи боярскихъ металъ въ Волхову реку съ каменіемъ, топилъ... Да того же мѣсяца августа въ 15 въ пятницу царь православной былъ у Софії премудрости божіей, слушалъ обидныя и съ царевичи, да какъ учали звонити въ другія обидню, и въ тѣ же поры на колоколницы звонецъ звонилъ въ колоколъ въ проскурницѣйской, Семеномъ зовутъ, и у колокола веревка порвалась и звонецъ свалился съ колоколницы на землю, да у него розразило половину головы, да и ногу ливую скорчило. И въ тѣ же поры смятеніе велико стало, люди от колоколницы прочь побѣжали. И звонца причастилъ ключарь Софеѣйской священникъ Иванъ, и Семенъ прѣставился того же мѣсяца въ 20 день въ среду» (ПСРЛ. Т. 30. Новгородская вторая летопись. М., 1965. С. 194).

Исследователи предполагаютъ, что въ XVI в. летописи стали вестись во многихъ монастыряхъ и въ церквахъ Новгорода; вниманіе въ нихъ уделялось местной исторіи, наивысшаго же подъема процессъ летописанія достигъ въ XVII в.

В XVI в. была создана первоначальная редакція Краткаго летописца новгородскихъ владѣй, гдѣ сообщались известія обо всехъ архіепископахъ Новгорода. Наибольшее распространеніе этотъ летописецъ также получилъ въ XVII в., ставъ однимъ изъ дополнительныхъ источниковъ позднихъ новгородскихъ летописей.

В 1630 г. въ Новгородѣ создается Новгородско-Псковская летопись, сохранился ея оригиналъ — РНБ, Софійское собрание, № 1379. По филигранямъ рукопись датируется 30-и гг. XVII в. Источниками ея были Новгородская пятая летопись, Краткій летописецъ новгородскихъ владѣй, Псковская первая летопись, тексты которыхъ были дополнены другими общерусскими и новгородскими известіями, среди нихъ большое мѣсто занимаютъ свѣдѣнія о строителствѣ храмовъ въ Новгородѣ, Псковѣ и Москвѣ.

Во второй половинѣ XVII в. новгородское летописаніе переживаетъ бурный ростъ начиная съ 60-хъ гг., въ интервалѣ 10—20 лѣтъ создаются новыя памятники летописанія, очень значительныя по своимъ объемамъ. Количество списковъ этихъ памятниковъ (болѣе 70), ихъ объемъ (например, Забелинская летопись представляетъ собой рукопись *in folio* 500 л.), интенсивность ихъ созданія выделяютъ послѣдній періодъ новгородскаго летописанія даже на фонѣ всей предыдущей его исторіи. Можно сказать, что исторія уникальнаго новгородскаго летописанія завершается мощнымъ аккордомъ. Гран-

диозность летописной работы в этот период может быть представлена лишь в общих чертах, так как почти все поздние новгородские летописи остаются неопубликованными.

Важность памятников позднего новгородского периода заключается еще и в том, что они позволяют видеть механизм создания древнерусских летописей, который на более раннем материале остается недоступным для исследователей.

Масштабность позднего новгородского летописания стала понятной благодаря работам С. Н. Азбелева, собравшего и систематизировавшего многочисленные списки новгородских летописей. В работах В. В. Яковлева убедительно показан механизм появления новгородских летописей: Корнильевской, Уваровской, Забелинской, Погодинской, Молотковской, Новгородской третьей.

Корнильевская летопись является основным источником для всех последующих новгородских летописей, она дошла до нас в виде оригинала (БАН, 34.4.1., по филиграммам датируется 60-и гг. XVII в.). Эта летопись частично была опубликована еще в 1785 г. (до известий 1424 г.), но считалась одним из незначительных списков Софийского временника, а позже числилась одним из списков Уваровской летописи. Первоначальный текст летописи, созданной в 60-е гг., на протяжении 30 лет неоднократно дополнялся несколькими летописцами. Эти дополнения в виде отдельных повестей, различных хронологических комментариев располагались на полях и чистых листах рукописи. Первые дополнения в летопись появились в 1665 г. и их внесение в текст продолжалось до 1692 г. На разных этапах истории текста Корнильевской летописи с нее снимались копии (нечто подобное маточнику в монетном деле) и в результате получалась новая летопись. При этом следует помнить, что текст каждой новой копии Корнильевской летописи дополнялся другими источниками. Датированные дополнения Корнильевской летописи позволяют датировать поздние новгородские летописи, снятые с нее в виде копий на разных этапах дополнения ее текста. Например, Новгородская третья летопись была создана между 1685 г. и 1692 г.

Наиболее активно текст Корнильевской летописи дополнялся в 1672 г. и в 1683—1685 гг. один из летописцев был новгородец, а другой украинец, сохранилась их полемика на полях рукописи по поводу древности Новгорода и Киева, а также по другим вопросам русской истории.

Известия основного текста Корнильевской летописи доведены до 1646 г., но непрерывная цепь известий доходит только до 1606 г. Источники Корнильевской летописи многочисленны: Новгородская первая, вторая и четвертая летописи, Софийская первая летопись, Краткий летописец новгородских владык, летописцы новгородских церквей и монастырей, предания и легенды, разнообразный эпиграфический материал (надписи на иконах, крестах, стенах церквей), а также синодики. Летописцы, дополнявшие основной текст Корнильевской летописи, широко привлекали печатные издания XVII в. — Синописис, Святцы, Пролог, Служебник.

В исследовании С. Н. Азбелева Корнильевская летопись считалась лишь одним из трех списков Уваровской летописи, но, как убедительно показал В. В. Яковлев, этот список занимает исходное положение по отношению ко всем новгородским летописям, поэтому его следует считать самостоятельным памятником, в связи с чем В. В. Яковлев дал этому списку отдельное название.

Новгородская Уваровская летопись (два списка) является копией с Корнильевской, снятой с нее до 1672 г., то есть до того, как в ее текст был внесен большой дополнительный материал.

Новгородская третья летопись известна в 25 списках, они делятся на списки краткой редакции (составлена не ранее конца XVII в., между 1682 и 1699 г.) и пространной редакции (составлена после 1692 г.). В разных списках встречаются следующие названия этой летописи: «Летописец Руской и Киевской», «Великоновгородский летописец. Сказание вкратце о скифех, и о славянех, о Руси, и о началех, и о здании Великого Новгорода, и о великих государех российских». Новгородская третья летопись — единственная из поздних новгородских летописей, чей текст был опубликован. Основным источником этой летописи была Новгородская Корнильевская летопись.

В литературе часто упоминается Иоакимовская летопись, она — ни что иное, как один из списков Новгородской третьей летописи.

Новгородская Забелинская летопись (9 списков) — самая большая по объему из поздних летописей, составленных в Новгороде. Известия в ней доведены до 1679 г. Текст летописи открывается заголовком: «Списано бысть с новаго с печатного лето-

писца 7182 о начале древнего словенского народа и о наречии или прозвищи его». Основным источником Забелинской была Корнильевская летопись, дополненная псковской летописью, Новым летописцем, Синописисом и др. источниками. При составлении Забелинской летописи использовалась какая-то хара-тейная летопись приблизительно XIII в. В Забелинской летописи наблюдается одна особенность — критическое отношение к своим источникам. Один из списков Забелинской летописи (полной редакции) в XVIII в. принадлежал М. В. Ломоносову, оставившему на ее листах свои пометы (БАН. Текущие поступления, № 1342. Рукопись начала 1720-х гг.).

Новгородская Погодинская летопись (30 списков) представляет собой памятник новгородского летописания XVIII в. Изложение событий в одном из списков доведено до 1716 г., а в других даже до начала XIX в. Заголовок летописи следующий: «Начало Великаго Новаграда и всего славенороссийского народа, откуда начася и како доныне славою пресветлою сияют». В основу Погодинской была положена Забелинская летопись, дополненная Казанской историей и дополнительными новгородскими источниками (эпиграфика, летописцы церквей).

В XVII в. новгородские летописи традиционно составлялись в окружении или по инициативе новгородских владык, бывшими в это время уже митрополитами (Иоаким, Корнилий, Иов), происходило это, скорее всего, при Софийском соборе. Другими центрами летописания в Новгороде были монастыри (Зеленецкий, Антониев, Лисицкий) и церкви (апостола Андрея на Щитной улице, Николо-Дворищенский собор, Двенадцати апостолов, Димитрия Солунского, Никиты, Черносырской пустыни).

Имен летописцев, работавших в Новгороде в XVII в., известно мало. Среди них можно отметить суздальского сына боярского И. Н. Кичигина (вторая половина XVII в.). Он при составлении своей обширной исторической компиляции использовал новгородские летописи, которые лично просматривал и делал из них выписки: «Списывано в Новегороде, в Лисе монастыре, в лета 7187 году, месяца октоврия, в 28 день, суздальской архиепископлъ сын боярской Иван Кичигин своими многогрешными руками». Коренными новгородцами, прямо или косвенно связанными с ведением летописи, были отец Никифор Васильев (его подпись стоит под Соборным

уложением 1649 г.) и сын его Максим Клеткин (Клетка, Клитка). Они были известными библиофилами и книготорговцами. Подлинник Корнильевской летописи одно время находился в библиотеке Максима Клеткина, который в 1689 г. передал его в один из новгородских монастырей. Над текстом Корнильевской летописи наиболее активно работали до того, как она оказалась в монастыре, поэтому вполне вероятно, что одним из летописцев был Максим Клеткин.

Поздние новгородские летописи, а последняя из них была составлена в XVIII в., убедительно показывают, что история русского летописания не прекратилась в середине XVI в., как предполагали раньше, а продолжалась в XVII в. и даже в XVIII в.

Издания: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950; Новгородская Харатейная летопись. М., 1964; ПСРЛ. Т. 30 М., 1965. С. 147–205 (Новгородская вторая летопись); Новгородские летописи. СПб., 1879 (Новгородская третья летопись); ПСРЛ. Т. 4. Пг.; Л., 1915–1925 (Новгородская четвертая летопись); ПСРЛ. Т. 39. Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. М., 1994; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000; Яковлев В. В. Новгородско-Псковская летопись 1630 г. // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. Вып. 4. СПб., 2001. С. 386–467.

Литература: Яниш Н. Н. Новгородская летопись и ее московские переделки. М., 1874; Сенигов И. П. О древнейшем летописном своде Великого Новгорода: Исследование. СПб., 1885. Историко-критическое исследование о новгородских летописях и о Российской истории В. Н. Татищева. М., 1887; Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976; Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 199–218; Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописи ГПБ, Ф. IV. 603 и проблема общерусского летописания // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 165–198; Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960; Янин В. П. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 153–181; Солодкин Я. Г. История позднего русского летописания. М., 1997. С. 139–143; Яковлев В. В. Новгородское летописание XVII века. Автореф. СПб., 1997; Статьи в Словаре книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. СПб., 1993; Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник 6(16). СПб., 1997. С. 3–72; Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001.

2. Псковское летописание

Начало ведения летописей в Пскове некоторые исследователи относят к XII в., а другие к XIII в. Процесс летописания развивался в двух центрах и закончился в XVII в. На первом этапе, когда Псков имел определенную политическую независимость, таким центром был Троицкий собор (инициаторами создания летописей выступали посадники). На втором этапе, после присоединения Пскова к Москве (1510 г.), центр переместился в Псково-Печерский монастырь, где летописание велось на протяжении XVI–XVII вв.

Псковское летописание представлено несколькими летописями, условно названными первая, вторая и третья. Псковская первая летопись известна в пяти списках, два из них соединяют в своем тексте Псковскую первую (до 1464 г.) и Псковскую третью (с 1464 г.). Из всех списков псковских летописей самым ранним является список Псковской второй летописи (единственный), он дошел до нас в рукописи конца XV в. (ГИМ, Синод. собр., № 154), погодное изложение доведено в нем до 1486 г. Псковская третья летопись известна в пяти списках. На основе анализа текстов этих летописей была восстановлена история псковского летописания.

В XIII–XIV вв. псковское летописание носило местный характер, уделяя особое внимание взаимоотношениям с Ливонским орденом и спорам с Великим Новгородом и Литвой. Немецкий исследователь Г.-Ю. Грабмюллер высказал предположение, что первый летописный свод был составлен в 1368 г., но это предположение, как и другое — о существовании целой серии летописных сводов в первой половине XV в., не нашло поддержки у его коллег из-за недостаточности текстологического обоснования. К концу XV в. относится составление первого летописного свода в Пскове, который благодаря своему широкому политическому кругозору при описании различных событий (удельные столкновения, борьба в Орде, события в Новгороде и Литве), отразился в наиболее значительных русских летописях XV в. — в Софийской первой и Новгородской четвертой.

НАКЪ ПЕРВОУ

аще хощеши иже въ
бръбсти. ѿначала.
ѿ пороженіи мири
ѿ первоу божьство
ре нагоу каа дама.
до попопа вьсроды.
ѿ попопа до авраа
ма. ѿ авраама до хъ
ѿ хъ да жь и до блгоу
стиваго црл михан
ла. и црл вѣа. и пррчи
и проповѣди. и на
та вса пбвна и хъ ѿ
вращеши. ^{также} научи
стни книгу сию ѿ до
ски. и тако по радѣ
доидеши до нѣмла
роускыа земли. а
начало рускыа земли
вѣсть снце +

ѿ лѣ. ѿ п. ѿ в. бѣаху
три браты. едино

мѣмла. кынъ вѣоро
моушекъ. а претѣ
моу. хъ рнѣтъ. а сестра
оунихъ бѣ и менѣмъ.
лыбѣдѣ. и постави
ша грана горѣ. и на
рекоша и мѣ градоу
помѣ. вѣтн мѣ бра
та своѣ старѣиша
кысѣвъ. и нача ша
владѣти. и жива
ху кысѣвъ родомъ
своимъ. бѣаху бо
мѣжи мѣдри. и сѣмъ
слени. ѿ нѣтѣ соу
кыа не по лѣнѣ. и до
сего дни. бѣаху же
не вѣрни. и мнози
ни и моушекъ и до
лѣ. вѣтѣ время
на бѣ вѣтѣ грѣкоу
мѣ ханла. и мѣтѣ
ирина. по сѣмъ прѣи
доша до аварага. и
нарекостасѣ кысѣмъ.

В литературе продолжается спор о времени составления первого летописного свода в Пскове. Предложено три варианта: 1368 г., конец XIV в., середина XV в. Относительная изученность псковского летописания отразилась в несколько хаотичной его характеристике, когда на основе единичных наблюдений исследователями предлагается существование того или иного свода, которые появляются в интервале 5–10 лет. Из всех псковских летописных сводов самым бесспорным является свод 1481 г.: по наблюдениям А. А. Шахматова близость текстов трех псковских летописей прослеживается до этого года включительно. Этот этап летописной работы синхронен времени составления Псковской второй летописи, но считается, что летописный свод 1481 г. в этой летописи сокращен и переработан в московском духе. Изложение событий в Псковской второй летописи доведено до 1486 г., что позволило Г. Ю. Грабмюллеру предположить существование летописного свода 1486 г. (в данном случае следовало бы говорить не о летописном своде, а о летописи). Составление этого текста связано, по его мнению, с группой псковских посадников. Среди них особо подчеркивается роль Степана Максимовича Дойниковича (был посадником в 1476–1484 гг., 1486–1499 гг.), известного также в качестве заказчика рукописного сборника исторического содержания.

Летописный свод 1547 г. представлен прежде всего Варшавским списком Псковской первой летописи (он датируется 1548 г.), кроме того, он выявляется при анализе других списков Псковской первой летописи. Появление летописного свода 1547 г. связывают с деятельностью Филофея, монаха Псковского Елеазарова монастыря, создателя знаменитой идеологической формулы «Москва — третий Рим» («Послание на звездочетцов». 1523–1524 гг.). Составитель летописного свода безусловно признает власть Москвы над Псковом, но при этом порицает порядки, установленные московскими наместниками, делая это талантливо и образно (См.: Приложение — описание событий 1510 г., известное в литературе под названием «Повесть о псковском взятии»).

В 1567 г. в Пскове создается новый летописный свод (он представлен в Псковской третьей летописи), в основу которого был положен летописный свод 1481 г. Яркой особенностью этого памятника было резко выраженное в нем неприятие власти московского царя. Предполагается, что летопис-

ный свод 1567 г. создавался в Псково-Печерском монастыре при игумене Корнилии (убит опричниками в 1570 г.). Корнилий является также автором одной из редакций Повести о Псково-Печерском монастыре, о нем князь Андрей Курбский писал: «Муж святой и во преподобию мног и славен: бо от младости своей во мнишеских трудах провозсиял». Строевский список Псковской третьей летописи, где в наиболее «чистом» виде представлен летописный свод 1567 г., хранился в Псково-Печерском монастыре, позже он был продолжен до 1645 г. Для летописного свода 1567 г. характерным является сочетание общерусских с местными известиями (по классификации А. Н. Насонова, которая нашла поддержку не у всех исследователей, этот летописный свод относится к разряду общерусских провинциальных летописей). Из общерусских событий в нем рассказывается о браках великого князя Василия Ивановича, о земельной реформе Елены Глинской, особенно подробно говорится о ходе Ливонской войны, и здесь же сообщается о пожаре в Пскове в 1550 г. и о море 1552/53 г. (умерло 4,8 тыс. человек). С безжалостной критикой описано пребывание в Пскове великого князя Ивана IV в 1546 г., когда в ответ на жалобы псковских челобитчиков он приказал палить им бороды, обливать горячим вином и жечь свечами.

Летописание велось в Пскове и в XVII в. Например, в списке Оболенского Псковской первой летописи, основанной на летописном своде 1547 г., описание событий продолжено до начала царствования Михаила Федоровича. Составитель этого памятника, говоря об общерусских событиях, порицает опричнину, приведшую, по его словам, «к мятежу по всей земле и разделению». В состав летописи вошла «Повесть о бедах и скорбех и напастех», составленная, по мнению М. Н. Тихомирова, жителем псковского посада, в ней представлена живая картина Смутного времени. В Повести упоминается, что царь Борис приказал отравить жениха своей дочери Ксении — датского королевича, а в смерти первой жены царя Михаила Федоровича обвиняются «чаровники». В состав летописи входит и другая повесть — «О смятении и междоусобии и отступлении пскович от Московского государства», где подробно описаны события начала XVII в., а завершается она известиями о взятии шведами Гдова, Корелы, Копорья, Ладogi и Орешка.

В XVII в. один из списков Псковской третьей летописи (Архивский 2-ой) был по приказу сына псковского воеводы В. Н. Собакина (умер в 1677 г.) переписан и дополнен различными источниками, например, выписками из разрядных книг и записями о его отце — Н. С. Собакине. В ней после известия 1650 г. о поставлении Митрофана архимандритом Псково-Печерского монастыря следует целая серия приписок, сделанных одним из писцов рукописи дьячком Андреем Ильиным по прозвищу Коза. В летописи наравне с псковскими подробно описываются общерусские события начала XVI-первой половины XVII в.

Семья Собакиных занимала видное место в политической и культурной жизни Пскова. В. Н. Собакин и его сын Михаил (умер после 1713 г.) были книголюбями, по их заказу кроме летописи составлялись различные сборники исторического содержания, в одном из сборников находится частный летописец, доведенный до 1642 г.

Участие в создании псковских летописных памятников принимали и частные лица, например, в конце XVII в. псковским служилым человеком был переписан «Летописец вскоре» (памятник общерусского летописания) и дополнен псковскими событиями до 1689 г., в другом подобном же летописце псковские известия доведены до 1699 г.

Издания: Псковские летописи / Пригот. к печ. А. Насонов. Вып. 1. М.; Л., 1941; Вып. 2. М., 1955.

Литература: Насонов А. Н. Из истории псковского летописания // Исторические записки. 1946 г. Т. 18. С. 255—294; Охотникова В. И. Повесть о Довмонте. Л., 1985; Охотникова В. И. Статьи о псковском летописании в Словаре книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 27—30; Богданов А. П. «Летописец вскоре» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 2. СПб., 1993. С. 239—243; Солодкин Я. Г. История позднего русского летописания. М., 1997. С. 29—31, 96—99.

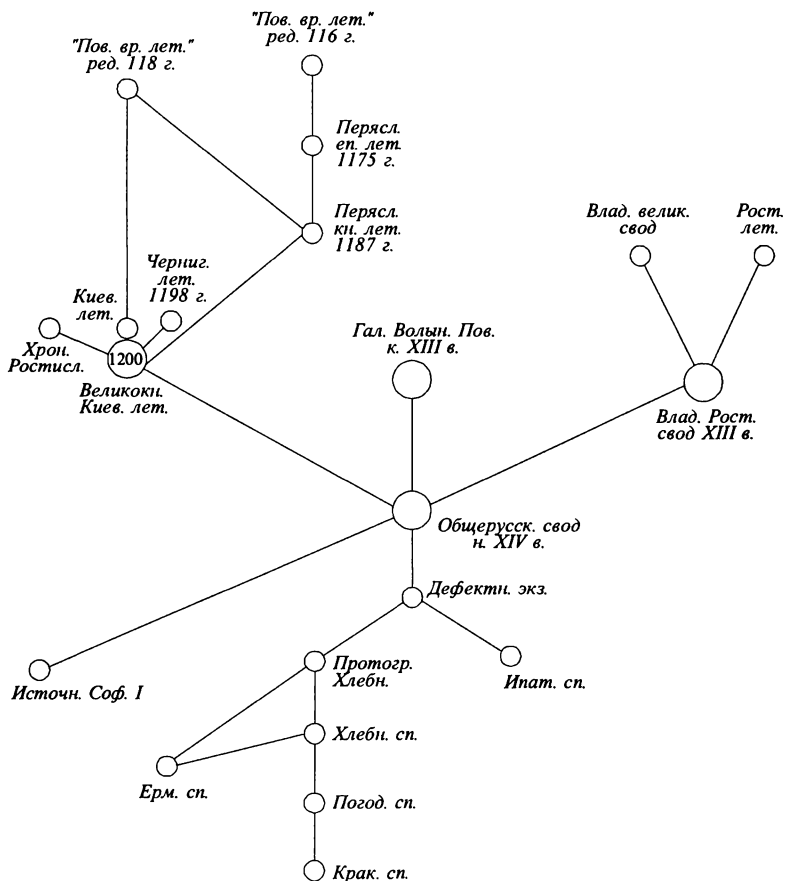
Летописание XII–XV вв.

Еозданный усилиями первых русских летописцев основной летописный свод древнерусского периода — ПВЛ был положен в основу почти всех летописей других летописных центров: Галича, Переяславля-Южного, Чернигова, Владимира-Северного, Ростова, Переяславля-Залесского. Большинство этих летописных центров, возникнув в XII в., прекратили свою деятельность в связи с нашествием татаро-монгол, разоривших многие города до основания. Они возникают взамен уничтоженным центрам летописания юга Руси на севере и северо-востоке: Псков, Тверь, Рязань, Москва. Эти города как бы приняли эстафету и продолжили ведение погодных записей. Новгород и Русь северо-восточная стали преемниками наследия Киевской Руси, хранителями всего культурного ее наследия (почти все древнерусские рукописи, в том числе летописи, сохранились на северо-востоке). После падения Галицко-Волынского княжества на южнорусских землях не осталось ни одного центра летописания. Но память о величии Древнерусского государства всегда жила в летописях северо-восточной Руси, каждая из которых начиналась ПВЛ.

Период XII–XV вв. в истории русского летописания полностью соответствует общеполитическим процессам (татаро-монгольское нашествие и удельная раздробленность): некоторые летописные центры, возникнув в XII в., просуществовали до XIII в., другие центры продолжали действовать и до XV в., третьи, возникнув в XIII в., также прекратили свою деятельность в XV в.

XV в. в истории русского летописания занимает особое место: к концу века сформировался главный центр в государстве — Москва, где будут созданы грандиозные летописные памятники.

Ипатьевская летопись по М. Д. Приселкову*

* Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 98, рис. 2.

Таким образом, деятельность многих центров русского летописания укладывается в этот период, хотя, как и в любом живом деле, условные рамки периодизации не всегда полностью соответствуют реальным фактам. Например, в Новгороде Великом и Пскове после потери независимости этими городами в конце XV—начале XVI в. и после небольшой паузы возобновилось ведение самобытного летописания, что определялось прежде всего своей мощной культурной традицией. Но и новгородское и псковское летописание после потери независимости в XVI—XVII вв. находилось не на магистральном направлении летописного дела, а шло как бы параллельно ему, продолжая оказывать на московских книжников значительное влияние прежде всего новыми замыслами и идеями: отсюда исходила инициатива по созданию Русского Хронографа, Великих Четьи-Миней, Русской Библии, там была создана идеологическая формула «Москва — третий Рим». Но, независимо от этого, для общерусского летописания XVI в. и последующих веков летописание Новгорода и Пскова не было определяющим, оно больше склонялось к интересам внутригородским, краеведческим, потеряв живой нерв государственного видения происходивших событий. Деятельность летописных центров, возникших в XII в. и продолжавших летописное дело и после XV в., характеризуется также в данной главе, что позволяет представить единую картину их истории.

1. Галицко-Волынское летописание XI—XIII вв.

Галицко-Волынское летописание отличается светской направленностью при описании событий, литературным изяществом и в какой-то степени духом рыцарства, присущего некоторым его летописцам. Находясь на юго-западе Древнерусского государства, имея границы и связи с государствами западного мира (Венгрия, Польша, Чехия, германские княжества), оно постепенно становилось частью этого западного мира, усваивая многие культурные веяния того времени.

История Галицко-Волынского летописания изучена достаточно полно, ему посвятили свои работы многие исследователи, среди которых следует выделить А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, А. С. Орлова, Л. В. Черепнина, Д. С. Лихачева, А. И. Генсборского, Н. Ф. Котляра.

Основным источником для характеристики этого летописания является Ипатьевская летопись. Она дошла до нас в семи списках, из которых наиболее важными являются два: Ипатьевский (БАН, 16.4.4, первая четверть XV в.) и Хлебниковский (РНБ, F. IV. 230, XVI в.). Условно текст Ипатьевской летописи делится на три части: 1) от начала до 1118 г. — ПВЛ третьей редакции, 2) от 1119 г. до 1200 г. — киевская летопись, 3) от 1201 г. до 1292 г. — Галицко-Волынская летопись.

Существует одна отличительная особенность этого летописания, судя по Хлебниковскому списку, сохранившему текст в большей первозданности — погодное изложение событий в данной летописи отсутствовало (в Ипатьевском списке погодная сетка событий восстановлена, но сделано это было в Новгороде в начале XV в.).

Ведение первых летописных записей в Галицко-Волынской Руси М. Д. Приселков относит к концу XI в. В описании событий 1097 г. он видит руку одного из местных уроженцев (княжеская борьба между русскими князьями, ослепление князя Василька). Автором описания княжеской борьбы (под 1097 г. изложены без указания на даты события 1098 г., 1099 г., 1100 г.) был тезка князя Василька поп Василий, о чем он сам сообщил в летописи. Все исследователи отмечают высокое литературное мастерство, присущее попу Василию. Вот как характеризовал его творчество М. Д. Приселков, глубокий знаток русских летописей: «Все, кто читал его описание ослепления Василька, должны согласиться, что по реализму, идеальной простоте изложения, по захватывающему драматизму всего рассказа в целом наш автор не имеет соперников среди современных ему писателей не только русских, но и европейских. Описание ослепления Василька можно смело назвать памятником мировой литературы XII в.» (Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. Приложение. С. 287).

Вполне вероятно, что такое блестящее начало галицко-волынского летописания и определило его дальнейшую судьбу — являть собой высокую литературу.

Следующий этап истории связан с серией галицких известий, которые появляются во второй части Ипатьевской летописи с 1147 г.

Самый значительный период в развитии галицко-волынского летописания приходится на XIII в., когда отдельные записи оформляются в летописи, дошедшие до нас в виде летописных сводов. Этот период представлен последней частью Ипатьевской летописи, поэтому третью часть памятника иногда называют Галицко-Волынской летописью. На основе анализа данного текста, который осложняется отсутствием параллельных текстов, исследователи в общих чертах восстановили историю летописания этого периода.

Галицко-Волынская летопись, охватывающая события 1201–1292 гг., создавалась в несколько этапов. В литературе существуют разные варианты объяснения ее создания. Некоторые исследователи делят текст летописи на две части (первая — галицкая летопись с 1201 г. по 1265 г., вторая — волынская летопись с 1266 г. по 1282 г.). А. И. Генсьорский предполагает пять этапов ее создания (до 1234 г., до 1265/66 г., до 1285 г., до 1289 г., до 1292 г.). Не все этапы истории летописания XIII в. имеют равную степень обоснованности. Бесспорными, основанными на проверенных приемах анализа текста, являются два этапа летописной работы. Первый приходится на 1265–1266 г., где, согласно наблюдению А. С. Орлова, прекращается заимствование из дополнительных источников (хроника Малалы, Александрия, хроника Амартола). Другой этап летописной работы был завершен в 6793 (1285) г., летописная статья здесь имеет традиционное для древнерусской письменности указание на окончание работы в виде слова «агиос», которое тождественно в данном случае более часто встречающемуся слову «аминь». В Хлебниковском списке Ипатьевской летописи конец этой летописной статьи имеет следующее завершение: «...а свои полонь отполони, и тако возвратися во свояси с честию великою, хваля и славя въ Троици Отца и Сына и Святаго Духа и въ вся вьки агиос» (ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 896, прим. 50).

Галицко-Волынская летопись, что видно из ее названия, содержит в себе галицкую летопись (1201–1265 гг.) и волынскую (1266–1292 гг.). Перенос центра летописания из одной части княжества в другую связан с общеполитическими событиями того времени.

Характерной особенностью Галицко-Волынской летописи является отсутствие в тексте погодной сетки, традиционной для всех остальных русских летописей. Галицкий летописец принципиально отказался от погодного описания событий, о чем он посчитал необходимым сообщить читателям. Под 6762 (1254) г. в небольшом отступлении он пишет: «Хронографу же нужна есть писати все, и вся бывшая, овогда же писати в передняя, овогда же воступати в задняя. Чьтый мудрый разуметь. Число же лѣтомъ здѣ не писахомъ, в задняя впишемъ по Антивохыйскымъ соромъ, алумъпиядамъ грыцкыми же численицами, римскы же висикостомъ, якоже Евъсвий и Памфильво иннии хронографи списаша от Адама до Хръстоса. Вся же лѣта спишемъ, роцетьше во задьняя». Учитывая специфику данного отступления и его несколько тяжеловатый слог, привожу перевод его на современный русский язык: «Хронографу придется описывать всех и все происходящее, иногда забегать вперед, иногда отступать назад. Мудрый, читая, поймет. Число годов мы здесь не писали, потом впишем — по антиохийскому счету сирийцев, по олимпиадам — греческим исчислениям, по римским високосам, как Евсевий Памфил и другие летописцы написали, от Адама до Христа. А года все напишем после, рассчитав» (Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981: С. 324–325. Перевод О. П. Лихачевой). Это рассуждение о всемирной хронологии галицкий летописец заимствовал из Хроники Иоанна Малалы, которая, как об этом уже упоминалось, была одним из его дополнительных источников. Таким образом, в своем протографе (и это сохранил Хлебниковский список) галицкая летопись не имела погодной сетки, так как она мешала автору вести свободный рассказ, требующий при описании иногда забегать вперед или обращаться к давно прошедшим событиям.

Необычность подобного изложения событий была столь очевидной для русского человека, что когда эта летопись оказалась на севере Руси, то один из новгородских летописцев решил исправить этот, по его мнению, недостаток и вставить погодную сетку в летопись. Сделал он это крайне неудачно, внеся путаницу в хронологию описываемых событий, с которой исследователи пробовали неоднократно разбраться и не всегда при этом результативно. О том, что даты новгородским летописцем были расставлены прибли-

зительно, говорит следующий факт. Киевская летопись, предшествующая галицкой, оканчивалась на 1200 г., поэтому новгородский летописец первое известие галицкой летописи обозначил 1201 г., что оказалось явно ошибочным. 1201 г. он датировал смерть князя Романа Галицкого, но дата смерти этого князя по другим источникам известна точно — 19 июня 1205 г. Вопрос о том, какими соображениями руководствовался новгородский летописец при расстановке дат в галицкой летописи, является спорным. Один из последних и наиболее удачных вариантов объяснения был дан выпускницей исторического факультета Петербургского университета О. В. Романовой. По ее достаточно аргументированному предположению, большинство дат в летописи расставлялось приблизительно на основе формального признака, а именно — в соответствии с киноварными буквами текста.

Другим ярким отличием Галицко-Волынской летописи от других памятников раннего русского летописания является ее светский характер. Традиционно авторами русских летописей выступали представители черного и белого духовенства, а галицкие летописцы были светскими людьми. Одним из них был дружинник из окружения князя Даниила. Светский летописец видит мир в несколько ином ракурсе, чем летописец монах, его интересуют другие детали быта. Отсюда в галицкой летописи такие яркие описания внешнего облика князей и воинов, особое внимание автор обращает на вооружение, на доспехи, на воинскую упряжь боевых коней. Вот как описывает летописец дружинник встречу князя Даниила с венгерским королем под 6760 (1252) г.: «Самъ (Даниил) же ѡхъ подлѣ короля, по обычаю руску. Бѣ бо конь под нимъ дивленію подобенъ, и сѣдло от злата жъжена, и стрѣлы и сабля златомъ украшена иными хитростями, якоже дивитися, кожихъ же оловира грѣцкого и круживы златыми плоскими ошитъ, и сапозы зеленого хѣза шити золотомъ. Немцемъ же зрящимъ, много дивящимся» (Там же. С. 320).

Галицко-Волынские летописцы довели до совершенства жанр литературного портрета, возникший в древнерусской литературе в XI в., у истоков которого стоял Нестор. Вот один из созданных ими портретов князя Владимира Васильковича: «Сій же благовѣрный князь Володимѣрь возрастомъ бѣ высокъ, плечима великъ, лицемъ красенъ, волосы имѣя желты кудрявы, бороду стригый, руки же имѣя красны и ноги,

ръчь же башеть в немъ тольста, и устна исподняя добела. Глаголаше ясно от книгъ, зане бысть философъ великъ. И ловечъ хитръ хороборъ. Кротокъ, смиренъ, незлобивъ, правдивъ, не мздоимецъ, не лживъ, татьбы ненавидяше, питья же не пи от возраста своего...» (Там же. С. 408).

Галицко-Волынское летописание с полным правом можно определить как княжеское летописание, где описание действий правящего князя было главной задачей летописца. Из княжеского архива летописец брал различные документы и использовал их в своей работе. Враги князя — бояре — имеют, в основном, отрицательную характеристику летописца. Например, вот как описывается один из бояр — Жирослав под 6734 (1226) г.: «Бъ бо лукавый лъстьць наречень, и всихъ стропотливее, и ложь пламянъ, всеименитый отцемъ добрымъ. Убожество возбраняше злобу его, лъжею питаешся языкъ его, но мудростию возложаше вѣру на лжюу, красяшся лъстью паче вѣнца, лжеименъць, зане прелщаше не токмо чюжихъ, но и своихъ возлюбленных, имея ради ложь». В переводе на современный русский язык это выглядит следующим образом: «Он слыл лукавым обманщиком, самым лживым из всех, пламенем лжи, известен был всем из-за знатности отца своего. Бедность препятствовала козням его, ложью питался его язык, но он хитростью придавал достоверность обману и радовался лжи больше, чем венцу; лицемер, он обманывал не только чужих, но и своих друзей, лживый ради добычи» (Там же. С. 262–263).

М. Д. Приселков предположил, что на последнем этапе истории Галицко-Волынской летописи ее составитель имел одну цель — обоснование прав преемственности галицкого князя Юрия Львовича на пребывание митрополичьей кафедры в его княжестве, а не в Суздальской Руси.

Галицко-Волынская летопись единогласно признается шедевром древнерусской литературы. Многие исторические факты, сообщаемые ей, уникальны. Не только русские и украинцы, но и поляки, чехи, венгры, литовцы, белорусы находят в этой летописи разнообразную информацию об истории своих земель.

Издания: Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 236–425; ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998.

Литература: *Фирсов Н. Н.* Содержание и характеристика Галицко-Волынской летописи. Казань, 1891; *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. Главы 4–5; *Орлов А. С.* К вопросу об Ипатьевской летописи / ИОРЯС. Л., 1926. Т. 31. С. 93–126; *Орлов А. С.* О галицко-волынском летописании / ТОДРЛ. Т. 5. 1947. С. 15–24; *Черепнин Л. В.* Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. 1941. Т. 12. С. 228–253; *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 176–267; *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950; *Еремин И. П.* Литература Древней Руси. М.; Л., 1966. С. 98–131, 164–184; *Генсьорский А. И.* Галицко-Волинський літопис (процес складання, редакції і редактори). Київ, 1958; *Приселков М. Д.* Летописание Западной Украины и Белоруссии / Приложение к его книге — История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 283–294; *Котляр Н. Ф.* Галицко-Волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // Сб. Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1995 г. М., 1997. С. 80–165.

2. Летописание Переяславля-Русского (Южного)

Этот город находится на Украине на левом берегу Днепра, современный город Переяслав-Хмельницкий.

Начало летописания здесь связывают с именем епископа Сильвестра (поставлен в 1118 г.) — автора второй редакции ПВЛ, бывшего в то время игуменом Выдубицкого монастыря под Киевом. По предположению М. Д. Приселкова, до 1175 г. летописание здесь ведется как летописание епископское. А. Н. Насонов уточнил место создания летописи — церковь святого Михаила. Памятников переяславской историографии до нас не дошло, они восстанавливаются путем анализа текстов Лаврентьевской и Ипатьевской летописей за XII–XIII вв. Например, в Лаврентьевской летописи отразились два летописания Переяславля-Русского — епископское и княжеское. Эти летописания отличались друг от друга хро-

нологией (на один-два года), а так как оба они представлены в тексте Лаврентьевской летописи, произошла дублировка событий (под разными годами описывается одно и то же событие). Например, поход князя Михаила на половцев — под 1169 г. и 1171 г. В описании под 1169 г. победа князя Михаила приписана Десятинной церкви, а под 1171 г. она связывается с молитвой за князя Михаила его отца и деда (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Л., 1927. Стб. 360—361 и 363):

В лето 6677 (1169)

«...Половци побѣгоша, и наши по них погнаша, овы съкуше, овы емлюще, и яша ихъ руками полторы тысячъ, а прочии избиша, а князь ихъ Тоглии оутче. И бысть помощь Христа честнаго и святое Матере Божьи Десятинное Богородици, еяже бяхуть волости заяли. Да аще Богъ не дасть въ обиду человека проста, еда начнуть его обидѣти, аже свое Матери дому. И приде Михалко с Переяславци и с Берендѣи г Киеву, побѣдивше Половци, хрестыяне же избавлени тоя работы, полонении же възвратишася опять в своя си. А прочии вси хрестыяне прославише Бога и святую Богородицю, скорую помощницу роду хрестыаньску».

В лето 6679 (1171)

«...и сступишася с ними битъ. И поможе Богъ Михалку со Всеволодом на поганыя и дѣдня и отня молитва. И сбытся в неделю. Самих поганых избиша, а другыя изымаша, а полонъ свои отяша, 400 чади, и пустиша я во своя си. А сами възвратишася в Киевъ, славяще Бога и святую Богородицю и креста честнаго».

При сравнении текстов видно, что описания одного и того же события отличаются друг от друга, при этом следует обратить внимание на то, что в описании под 1171 г. рядом с именем князя Михила упоминается князь Всеволод — это результат деятельности одного из владимирских летописцев.

Епископское летописание заканчивается 1175 г., а в княжеском — описания событий доводятся до 1193 г. Последним его известием было известие о смерти князя Владимира Гле-

бовича. Епископское и княжеское летописание Переяславля-Русского повлияло на первые летописные своды северо-восточной Руси, точнее, на Владимирское летописание.

На юге Древнерусского государства (кроме Киева, Галича, Переяславля-Русского) летописание велось в Чернигове (XII в.) и предположительно в Вышгороде (XI в.), но выявлять материалы этих летописных центров из текста Лаврентьевской и Ипатьевской летописей достаточно сложно.

Литература: Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996. С. 151—159; Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 79—99.

3. Владимирское летописание

Владимирское летописание — самое значительное летописание на северо-востоке Руси в период со второй половины XII по XIII в., это определялось ведущей ролью Владимирского великого княжества среди других княжеств.

Владимирское летописание в сравнении с другими летописными центрами на северо-востоке изучено наиболее полно. Среди работ, посвященных изучению истории владимирского летописания, следует отметить работы А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, А. Н. Насонова, Ю. А. Лимонова и др.

Летописные своды, составленные во Владимире, не имеют поздних наслоений и дошли до нас в более «чистом» виде, чем, например, летописные своды Рязани. Для восстановления владимирских сводов привлекают почти все авторитетные летописи, часть текстов которых была составлена во Владимире, например, Лаврентьевскую (вторая часть), Радзивиловскую, Московско-Академическую, Летописец Переяславля-Суздальского.

С некоторыми из этих памятников мы познакомились при характеристике ПВЛ, с другими уместно познакомиться здесь. Радзивиловская летопись — древнейшая лицевая (с мини-

атюрами) русская летопись, известная в единственном списке XV в. (БАН, 34.5.30). В XVII в. она находилась в библиотеке князей Радзивилов (отсюда ее название), один из князей подарил ее в библиотеку Кенигсбергского университета, поэтому иногда ее называют Кенигсбергской летописью. Как трофей Семилетней войны она была вывезена в Россию и с тех пор (с 1761 г.) хранится в Библиотеке Академии наук. Погодное изложение событий доведено в летописи до 1206 г. включительно, весь текст проиллюстрирован миниатюрами (более 600). В тексте РЛ отразились два важных этапа в истории русского летописания: ПВЛ и Владимирский свод начала XIII в., имеющий особое значение для истории владимирского летописания. Этот Владимирский летописный свод начала XIII в. представлен также в тексте Московско-Академической летописи (с начала и до 1206 г.) и Летописца Переяславля-Суздальского (с 1138 г.). Они позволяют внести существенные уточнения в текст РЛ. Например, при сравнении всех этих текстов становится очевидной путаница последних листов в РЛ, которая присутствует и в Московско-Академической летописи, что указывает на ее близость к РЛ. Такая близость позволяет выдвинуть обоснованное и очень важное предположение: протограф РЛ, доводивший свое изложение до 1206 г. и составленный в начале XIII в., уже имел рисунки в своем тексте. Основано это предположение на следующем наблюдении: в Московско-Академической летописи при изложении событий 1024 г. есть пропуск текста со слов «И по семь наступи Мстиславъ со дружиною» до слов «а Якун иде за море». Этот текст в РЛ находится между двумя рисунками. Можно предположить, что переписчик Московско-Академической летописи по невнимательности его пропустил.

Летописец Переяславля-Суздальского (в рукописи название другое — «Летописец Русских царей») доводит свое изложение до 1214 г. Он известен в единственном списке конца XV в. (РГАДА, фонд 181 (МГАМИД), № 279/658). Как уже отмечалось, вторая часть этого памятника, начиная с 1138 г., близка к тексту двух вышеуказанных летописей. Последнее известие летописца явно указывает на его составление во Владимиро-Суздальской земле: «В лѣто 6722...Того же лѣта володимирци съ княземъ своимъ Гюрьемъ изгнаша Иоанна изъ епискупства, зане неправо творяше, а Си-

мона поставиши епископомъ, игумена святого Рождества господа нашего Исуса Христа въ градъ Володимири. Того же лѣта поставиши епископомъ Пахомия въ градъ Ростовъ, бывша игумена Святого Петра и Павла. Того же лѣта заложити Костянтинъ церковь съборную святыхъ Богородицы въ градъ Ростовъ. Се же бысть лѣто високостное» (ПСРЛ. Т. 41. М., 1995. С. 132).

Первым летописным сводом, составленным во Владимире, был свод 1177 г. Исследователи обосновывают существование этого памятника на материале текста Лаврентьевской летописи за XII в., северо-восточные известия в которой начинаются с 1120 г. У этого свода был южнорусский источник (епископский летописец Переяславля Русского), где известия были доведены до 1175 г. Известия последних двух лет летописного свода 1177 г. (1176 г. и 1177 г.), а также повесть об убийстве Андрея Боголюбского, помещенная под 1175 г., написаны одновременно около 1177 г. У данного памятника был и местный источник: ростово-суздальские летописные записи XII в. Главной идеей составления летописного свода 1177 г. являлась идея о переносе политического центра Древнерусского государства из южной Руси во Владимирскую северо-восточную Русь. Как отмечает М. Д. Приселков, эта идея, принадлежащая одному из русских летописцев конца 70-х гг. XII в., была усвоена всей отечественной историографией нового времени. При создании летописного свода 1177 г. была высказана еще одна мысль — утверждение авторитета города Владимира по отношению к более старым городам Ростову и Суздалью. Можно предположить, что составителем и одним из авторов этого произведения был церковник Успенского собора, главного храма города Владимира.

Некоторые исследователи относят составление первого владимирского летописного свода к 1185 г. (А. А. Шахматов).

После его создания следует целая серия летописных сводов, написанных во Владимире: 1193 г., 1206 г., 1212 г., 1228–1230 гг. Такая активная летописная работа указывает прежде всего на ведущую роль Владимира в бурной политической жизни того времени.

Владимирский летописный свод 1193 г. наиболее полно представлен в тексте Лаврентьевской летописи. Он был создан на основе предыдущего свода в том же летописном центре, с описанием событий 1178–1193 гг. Известия за указан-

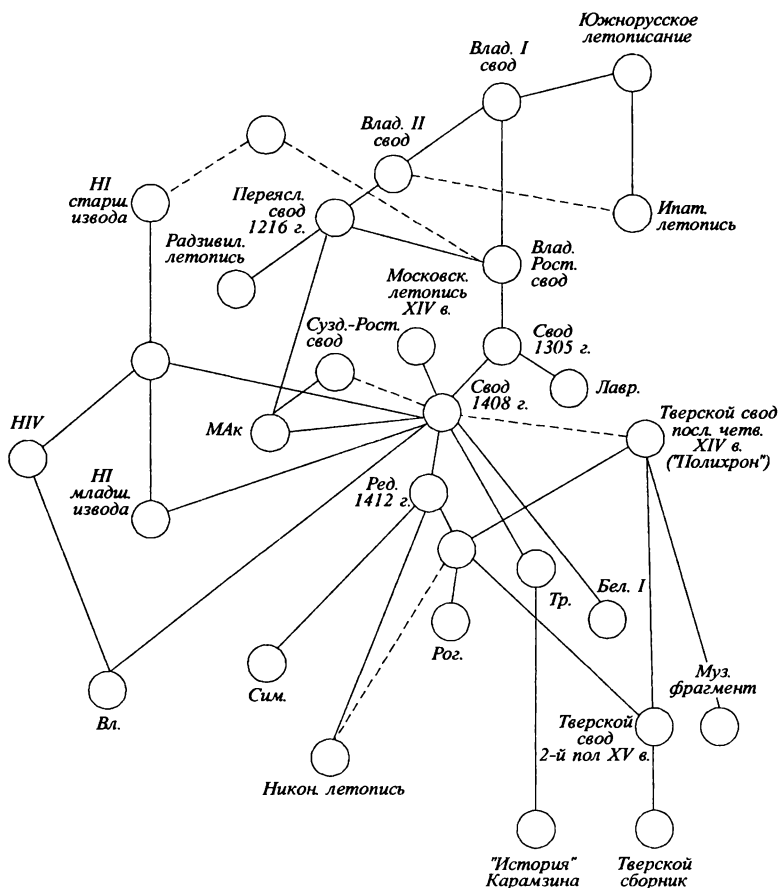
ный период имеют точную датировку событий, ведутся непрерывно, везде присутствует один и тот же литературный прием, когда описания событий заканчиваются богословскими поучениями (подобных поучений нет после 1193 г.) — все это указывает на работу одного автора. Эти наблюдения, сделанные М. Д. Приселковым, могут служить примером того, как на основе тщательного анализа различных сторон летописного текста можно выявлять работу одного летописца с присущими ей характерными особенностями.

Запись событий под 1193 г. заканчивается не только традиционным для этого летописца поучением, но и словом «аминь», которое указывает на завершение большой литературной работы: «В льто 6701. Бысть пожаръ в Володимери городъ месяца июня въ 23 день, в канунъ святою мученику Бориса и Гльба, в четверг, в польночи зажжеся и горъ мало не до вечера. Церкви изгоръша 14, а города половина погоръ, князь дворъ Богомъ и святое Богородии изотяша, дьда его и отца его молитвою святою избавлень бысть от пожара. И много зла оучинися грѣхъ ради наши. Глаголетъ бо к нам Исаиємъ пророкомъ... от тебе бо, о Владыко, и всепречестная его мати всяко данье благо и дари свершени свыше посылаются, всегда и ныне и присно в вѣкы аминь» (ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Л. 1927. Стб. 409—411).

М. Д. Приселков предполагает, что составление летописного свода 1193 г. было связано с получением князем Всеволодом великокняжеского титула. Одним из основных источников свода 1193 г. был летописец Переяславля-Русского.

В 1212 г. во Владимире создается летописный свод, представленный в летописях Радзивиловской и Московско-Академической, а также в Летописце Переяславля-Суздальского. Одной из характерных особенностей работы летописца (представителя церкви) над сводом 1212 г. была его редакторская деятельность, которая становится очевидной при сопоставлении текстов вышеперечисленных летописей с текстом Лаврентьевской летописи (свод 1193). Свою редакторскую правку сводчик 1212 г. вносил на всем протяжении летописи. Целью правки была замена старых, вышедших из употребления слов на новые, более современные. Вот несколько примеров его правки: «ложница» заменяется словом «постельница», «прабошни черевы» — «боты», «набдя» — «кормя», «доспел» — «готов», «детищъ» — «отроча», «крьнеть» — «купить», «комо-

Схема происхождения Лаврентьевской, Троицкой и связанных с ними летописей *по Я. С. Лурье**

* Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 58.

ни» — «кони», «ядь» — «снеть» и т. д. Подобная редакторская правка — незаменимое пособие для филологов при выяснении значения архаичных слов. А исследователю русского летописания она помогает определять работу составителя одного из летописных сводов.

Нашествие татаро-монгол принесло разорение на Русскую землю. Многие города были уничтожены, а уцелевшие пришли в запустение. Как уже отмечалось, в связи с этим нашествием прекратилось ведение летописей почти во всех городах Киевской Руси. Коснулось беда и Владимира, где, по словам М. Д. Приселкова, «после Батыева нашествия... не было постоянного летописания ни великокняжеского, ни церковного» (Приселков М. Д. История русского летописания. С. 156).

В связи с историей владимирского летописания необходимо упомянуть о летописании двух одноименных городов — Переяславля-Русского (Южного) и Переяславля-Суздальского. В этих городах в конце XII—начале XIII вв. велась летописная работа, отразившаяся в летописных владимирских сводах. О летописании Переяславля-Русского уже упоминалось, а в Переяславле-Суздальском было составлено два летописных свода. Ранний свод представлен в Летописце Переяславля-Суздальского, где известия доведены до 1214 г. включительно. Во время его составления на переяславском престоле находился князь Ярослав Всеволодович (отец Александра Невского). О ведении летописания при князе Ярославе, представленном в Летописце Переяславля-Суздальского, говорит следующее наблюдение князя М. А. Оболенского, первого издателя этого памятника. В тексте летописной статьи 6683 (1175) г. помещено молитвенное обращение к Андрею Боголюбскому. Первоначально (Лаврентьевская летопись) там стояло имя князя Всеволода Большое Гнездо, а в Летописце Переяславля-Суздальского оно заменено на имя князя Ярослава: «...молися помиловати князя нашего и господина Ярослава, своего же приснаго и благороднаго сыновца, и даи же ему на противная, и многа лъта съ княгинею, и прижитие дътии благородных, и мирну дръжаву его, и царьство небесное въ бесконечныя вькы, аминь» (ПСРЛ. Т. 41. М., 1995. С. 101). Основным источником текста произведения был Владимирский летописный свод 1212 г., в переяславском летописце он был продолжен записями за 1213–1214 гг., кроме этого в

текст предшественника были внесены известия, связанные с Переяславлем. Например, в описании событий 1176 г. и 1177 г. при упоминании владимирцев вставлено «и переяславци». Не всегда вставки переяславского летописца оказывались удачными. Например, в сообщении 1157 г. о построении Андреем Боголюбским каменной церкви Спаса (в тексте город не указан, но речь, скорее всего, идет о Ростове) переяславский летописец вставил «Переяславли новем». Вставка этих слов сделана неудачно, так как известно, что церковь Спаса в Переяславле была построена Юрием Долгоруким еще в 1152 г. (Типографская летопись). Первый летописный свод, составленный в Переяславле около 1219 г., не имел прямого продолжения.

Анализируя тексты русских летописей за XIII в. (Лаврентьевской, Симеоновской, Рогожского летописца), М. Д. Приселков пришел к выводу о существовании летописного свода 1281 г., составителем которого был переяславец. В момент составления этого летописного свода в Переяславле находились митрополит Кирилл и великий князь владимирский Дмитрий. Это была последняя попытка ведения летописания в Переяславле-Суздальском.

Князем переяславским, а потом великим князем владимирским, был Александр Невский — видная фигура в политической истории Руси XIII в. Его жизнь достаточно подробно освещена как в новгородских, так и во владимирских летописях. Но летописи очень часто, при всей их кажущейся полноте и обстоятельности, не сообщают подчас самых простых фактов. Например, ни в одной из русских летописей не сообщается о дне рождения Александра Невского, более того, ни в одном из письменных исторических источников об этом не говорится.

Возможно ли восполнить отсутствующую в летописи информацию, а если возможно, то как это сделать? Попробуем ответить на этот вопрос на основе биографии великого князя Александра Невского. Итак, русские летописи не знают ни года, ни дня его рождения. Правда, в XVIII в. было высказано предположение о дне его рождения — 30 мая. Однако от этой даты исследователи в дальнейшем отказались.

Первое, о чем следует вспомнить, когда речь идет о дне рождения, это о правилах наречения новорожденного: имя православному младенцу давали на основе святцев по дню

рождения или по дню крещения, которое происходило на восьмой день после рождения. Правда, восьмидневный срок не всегда соблюдался, об этом необходимо помнить.

Обратимся к текстам русских летописей, например, Лаврентьевской и Московского летописного свода конца XV в., и посмотрим, как эти правила действовали в интересующий нас период.

Лаврентьевская летопись под 6739 (1231) г.: «Того же лѣта родися Василку сынъ, месяца июля въ 24 день, в праздник святою мученику Бориса и Глеба, и наречено бысть имя ему Борисъ» (Изд. 1927 г. Стб. 457). Проверим сообщение летописи по святцам. Правильно: в этот день чтится память «святых благоверных князей Бориса и Глеба».

Лаврентьевская летопись под 6761 (1253) г.: «Того же лѣта родися сынъ Борису князю Василковичю, месяца сентября в 11, и нарекоша имя ему в святом крещеньи Дмитрии» (Изд. 1927 г. Стб. 473). В святцах или месяцеслове указано, что 11 сентября среди прочих святых чтится память и мученика Дмитрия.

Московский летописный свод конца XV века под 6834 (1326) г.: «Того же лѣта родися великому князю Ивану сынъ Иоан, марта въ 30, на память Иоана Лествичника» (Изд. 1949 г. С. 167). Под 30 марта в Месяцеслове сообщается: «Преподобного отца нашего Иоанна, списателя Лествицы», то есть того, который «написа Лествицу Рая, вводящего на высоту духовного совершенства».

Московский летописный свод конца XV века под 6835 (1327) г.: «Июля въ 4 родися великому князю Ивану Даниловичу сынъ Андрѣи» (Изд. 1949 г. С. 168). По Месяцеслову узнаем, что в этот день празднуется память «иже во святых, отца нашего Андрея, архиепископа Критского».

Итак, в XIII–XIV вв. имя новорожденному младенцу давали на основе святцев по дню его рождения.

Теперь необходимо установить — в честь какого святого было дано имя князю Александру. Сделать это оказалось возможным только в начале XX в., когда в научный оборот были введены свинцовые печати князя Александра Невского. Они представляют собой патрональный тип печатей, на которых с одной стороны изображается святой — патрон владельца печати, а на другой — святой, патрон его отца, в данном случае, Александр и Федор. На печатях князя

Александра Невского святой Александр (нимб над головой) изображен в виде всадника с мечом в руке, то есть святой Александр воин. Основатель русской сфрагистики (наука о печатях) Н. П. Лихачев, впервые обративший на это внимание, посчитал, что речь идет о святом Александре воине, чья память чтится 9 июля, и на основе этого высказал предположение о дне рождения Александра Невского — 9 июля. Это предположение Н. П. Лихачева нельзя признать бесспорным. Святых Александров воинов известно три, их память чтится 13 мая (воин-римлянин), 10 июня (просто воин), 9 июля (воин египетский). Выбор сузится и будет однозначным, если мы обратимся к древнерусским богослужебным произведениям, бытовавшим в первой половине XIII в., то есть во время рождения князя Александра. В Минее служебной XIII в. упоминается только святой Александр Римлянин, память которого чтится 13 мая, других святых Александров воинов в русских святцах XIII в. еще не было (как и любой письменный памятник средневековья, святцы, точнее, их текст изменяется). В какой-то степени подтверждением правильности данного наблюдения может служить текст «Повести о житии и храбрости благоверного и великаго князя Александра», где митрополит Кирилл о смерти князя произнес следующие слова: «Чада моя, разумеите, яко уже заиде солнце земли Суздальской!». Сравнение святого с солнцем — обычный литературный прием в агиографии, но в текстах, посвященных святым воинам Александрам, только в Минее служебной под 13 мая мы неоднократно встречаем этот образ: «Яко солнце свьтъло от вьстока вьсиявъ обьтече весь миръ ... обиде весь миръ яко солнце пресветьло, разори неистовьство идольское, неисповедимъ явися Александре пресветьле»(РНБ, Соф. Собр., № 203. Минея на май. XIII в.: В четверку. Л. 64, 65 об.).

Комплексный анализ самых разнообразных письменных источников древнерусской истории позволяет в отдельных случаях восстанавливать отсутствующую в летописи информацию, но при этом необходимо соблюдать главное требование любого источниковедческого исследования — работать с первоисточниками. (О комплексном источниковедении — см.: Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977).

В 30 томе ПСРЛ опубликован владимирский летописец, не имеющий отношения к владимирскому летописанию, хотя и связан с городом Владимиром, так как рукопись этого летописца в XVII в. находилась во Владимирском Рождественском монастыре.

Издания: ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1998; ПСРЛ. Т. 38. Радзивилловская летопись. Л., 1989; ПСРЛ. Т. 41. Летописец Переяславля-Суздальского. М., 1995.

Литература: *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М. ; Л., 1938. Гл. 1, 3, 6; *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996. Гл. 3, 4; *Лимонов Ю. А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967; *Зиборов В. К.* О новом экземпляре печати Александра Невского // Сб. Князь Александр Невский и его эпоха: Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 146—150.

4. Ростовское летописание

Самым древним летописанием северо-восточной Руси является летописание Ростовское, возникшее в начале XII в. Сложность его изучения заключается в том, что памятники ростовского летописания XII—XV вв. в «чистом» виде не сохранились. В то же время, по единодушному мнению всех исследователей, ростовские летописные своды представлены почти во всех главнейших русских летописях: Лаврентьевской, Новгородской четвертой, Софийской первой, Ермолинской, Львовской и т. д. История ростовского летописания восстановлена в общих чертах трудами нескольких поколений отечественных исследователей (А. А. Шахматов, М. Д. Приселков, А. Н. Насонов, Ю. А. Лимонов, Л. Л. Муравьева). Монографического исследования о ростовском летописании нет.

О ветхом летописце ростовском упоминает епископ Владимирский Симон (1220-е гг.) в письме к монаху Киево-Печерского монастыря Поликарпу. Это упоминание указывает на существование летописания в Ростове в XII в. Начало

ведения ростовских летописных записей относят к 20–30-м гг. XII в. Эти записи при князе Юрии Долгоруком были оформлены в летописец (М. Д. Приселков, Ю. А. Лимонов). А. Н. Насонов относит начало ростовского летописания ко второй половине XII в., отмечая, что велось оно при ростовском Успенском соборе (свод 1193 г.). Инициаторами создания летописей в Ростове выступали то епископы, то князья. В XIII в. появилась целая серия княжеских летописных сводов: Константина Всеволодовича и его сыновей (записи за 1206–1227 гг.), свод 1239 г. — Ярослава Всеволодовича. Летописный свод 1239 г., составленный в Ростове, был великокняжеским, то есть летописным сводом всей Владимиро-Суздальской земли. Ростовский летописец под 1227 г. при описании поставления епископа во Владимире помянул и себя, правда, традиционно для древнерусской литературы не указав своего имени («приключися и мне, грешному, ту быти и видети»). Этому ростовскому летописцу, по словам М. Д. Приселкова, присуща «агиографическая» манера рассказа — герои повествования произносят длинные молитвенные речи, иногда повторяя их, все повествование проникнуто поучительным тоном.

Во второй половине XIII в. ростовское летописание в связи с разорением большинства русских городов татарами (Ростов не был разорен) становится на короткое время общерусским. В 1263 г. в Ростове составлен общерусский летописный свод, называемый иногда летописным сводом княгини Марии (Д. С. Лихачев). Княгиня Мария была женой ростовского князя Василька Константиновича, убитого татарами в 1238 г. за отказ «быти в их воле и воевать с ними». М. Д. Приселков считал, что летописный свод 1263 г. был составлен «горячим почитателем ростовского епископа Кирилла, умершего в 1263 г.» (Приселков М. Д. История русского летописания. С. 149). Именно этим он объясняет появление жития епископа в летописном тексте под 1231 г. В литературе отмечена определенная связь этого жития с Повестью о житии Александра Невского, также помещенной в летопись составителем летописного свода 1263 г. Епископ Кирилл был известным сочинителем и книжником своего времени. Под 1262 г. летописец, очевидец событий, сообщил о выступлении против татар ростовчан и об убийстве одного из первых русских предателей и о его бесславном конце: «Томъже лъте

оубиша Изосиму преступника, то бѣ мнихъ образомъ, то-чью сотонѣ съсудъ. Бѣ бо пьяница и студословець, празно-ловець и кощюньникъ, конечное же отвержеся Христа и бысть бесурменинъ, вступивъ в прелестъ лжаго пророка Махмеда.-..сего незаконного Зосиму оубиша в городъ Ярославли, бѣ тѣло его ядь псом и ворономъ». (ПСРЛ. Т. 1. Л., 1927. Стб. 476).

С Ростовом связан и самый ранний список (XIII в.) «Летописца вскоре» патриарха Никифора, в котором византийская история продолжена русскими известиями, доведенными до 1276 г., в том числе и ростовскими.

В конце 70-х — начале 80-х гг. XIII в. в Ростове был составлен ещё один летописный свод. На это указывают ростовские известия, прослеживающиеся в Лаврентьевской летописи до 1281 г., а также, по мнению В. С. Иконникова, текст Тверского сборника под 6784 (1276) г.: «По то же лѣто князя лѣтописецъ». Этот летописный свод Ю. А. Лимонов датировал 1279 г.

У В. Н. Татищева в его Истории упоминается о ростовской летописи 1313 г., но самой летописи не сохранилось.

На основе анализа целого ряда русских летописей Л. Л. Муравьева обосновала существование ростовского свода 1365 г., называя его памятником епископско-княжеского летописания.

Для характеристики ростовского летописания конца XIII—начала XV в. особое значение имеет так называемая Московско-Академическая летопись (другое название — московско-академический список Суздальской летописи) — памятник, дошедший до нас в единственном списке (РГБ, ф. 173, собр. МДА, № 236; прежний шифр — собр. МДА, № 5/182). В третьей части этой летописи (с 6746 (1238) г. по 6927 (1419) г.) представлен ростовский летописный свод, доведенный до 1419 г. (последнее известие летописи). Существует особая версия этого свода в виде краткого «Летописца русского». В Московско-Академической летописи, на всем протяжении ее третьей части, присутствуют ростовские известия, подобные следующему: «В лѣто 6919 индикта 4, мѣсяца сентября 26 свершися храмъ пречестныя Богородица в Ростовъ зборная, иже бѣ изгорѣла от пожара, а священа бысть мѣсяца октября 1 боголюбивымъ Григорьемъ епископомъ Ростовьскимъ и Ярославьскимъ» (ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 3. Приложения: Продолжение

Суздальской летописи по Академическому списку: Указатели. Л., 1928. Стб. 539). Предполагается, что составление Московско-Академической летописи было связано с ростовским епископом Григорием (1396–1417 — годы его епископства). Составление всех последующих ростовских летописей связано с епископом ростовским Ефремом, архиепископами Трифоном (1462–1467 гг.), Вассианом и Тихоном (1489–1505 г.). Судя по характеристике ростовского летописания, данного А. А. Шахматовым на основе анализа Типографской и других летописей, почти при каждом новом владыке ростовском создавался новый летописный свод. Эти ростовские летописные своды XV в. активно использовались в других летописных центрах при создании новых летописных памятников. Например, ростовский владычный летописный свод 1472 г. архиепископа Вассиана Рыла был основным источником Ермолинской летописи, а свод 1484 г. архиепископа Тихона был источником Типографской летописи. В последней находится «Повесть о стоянии на реке Угре», которая имеет отличия от подобных Повестей в московских летописях. Автором или редактором этой Повести был ростовский летописец, работавший над летописью в 80-е гг. XV в. при архиепископской кафедре. В тексте Повести он подчеркивает предательскую роль Андрея Большого и Бориса, братьев великого князя, во время противостояния русских и татар. Автор Повести понимает все значение стояния на реке Угре, положившего конец многовековой зависимости России от татар. Здесь же он предупреждает о другой угрозе, исходящей от турецкой империи: «О храбри мужствении сынове русии! Подщитесь свое отечество, Рускую землю, от поганных сохранили, не пощадите своих глав, да не узрят очи ваши разпленения и разграбления домов ваших, и убьяния чад ваших, и поругания над женами и дѣтми вашими, яко же пострадаша инии велиицы славнии земли от турков. Еже глаголю: болгаре, и сербы, и грѣцы, и Трапизон, и Амморея, и албанасы, и хръватыи, и Босна, и Манкуп, и Кафа и инии мнози земли, иже не стяжа мужства и погибоша, отечество изгубиша и землю и государство, и скитаются по чюжим странамъ бѣдне воистину, и странне, и много плача, и слез достойно, укаряеми и поношаеми, оплюваеми, яко немужственности... И пощади, Господи, нас, православных христиан,

молитвами Богородица всех святых. Аминь». (Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. М., 1982. С. 518–520). Как видим, ростовский летописец XV в. не только имел представление о происходивших вокруг России событиях, но и воспринимал их в правильной исторической перспективе.

Другой ростовский летописец на основе одного из владычных летописных сводов составил в конце XV в. краткий ростовский владычный свод, где описаны события с 859 г. по 1490 г.

О ростовском летописании XVI в. известно мало. Существовала какая-то ростовская летопись, оканчивавшаяся временем Ивана IV, но единственный список ее утрачен (находилась в рукописном собрании П. В. Хлебникова).

Известен, например, краткий Летописец Ростовский, составленный в конце XVII в. дьячком одной из ростовских церквей, а в библиотеке Ростовского архиерейского дома в XVII в. находились три русских хронографа, но трудно сказать, составлялись ли они в Ростове. С Ростовом, точнее, его преемником по архиепископской кафедре Ярославлем, связан один из знаменитых русских хронографов XVII в. — хронограф Спасо-Ярославского монастыря, на последних листах которого помещалось «Слово о полку Игореве». Велось летописание в Ростове и в XVII в., но оно несопоставимо по своему значению с ростовскими летописными сводами XV в.

Издания: ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку. 2-е изд. Л., 1928; ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. Пг., 1921; Насонов А. Н. Летописный свод XV в. (по двум спискам) // Материалы по истории СССР. Т. II. М., 1955. С. 273–321; Богданов А. П. Краткий Ростовский летописец конца XVII века // Советские архивы. 1981. № 6. С. 33–37.

Литература: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. Гл. 9, 19, 22; Насонов А. Н. Малоизученные вопросы ростово-суздальского летописания XII в. // Проблемы источниковедения. Вып. X. М., 1962. С. 349–392; Воронин Н. Н. К вопросу о начале ростово-суздальского летописания // Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965. С. 19–39; Буганов В. И. Отечественная историография; Муравьева Л. Л. Летописание северо-восточной Руси конца XIII — начала XV века. М., 1983. Гл. V. Ростовское летописание.

5. Тверское летописание

Как и во многих центрах русского летописания начало ведения летописей в Твери связано с общеполитическими событиями, точнее, с той ролью, которую стала занимать Тверь и Тверское княжество в истории России с конца XIII в. Тверь, наравне с Москвой, Нижним-Новгородом, Рязанью, претендовала на политическое главенство в русских землях. Ведение летописи было одним из признаков политической мощи и зрелости того или иного княжества. Памятников тверского летописания, как и памятников большинства летописных центров XIV—XV вв., сохранилось мало, тем более в «чистом» виде, так как все они как бы растворились в московских летописях XVI—XVII вв. Только на основе сопоставления текстов разных летописей летописные своды Твери могут быть восстановлены.

Историей тверского летописания занимались следующие исследователи: И. А. Тихомиров, А. А. Шахматов, А. Н. Насонов, Б. И. Дубенцов, В. А. Кучкин. Их трудами история тверского летописания в общих чертах воссоздана.

Различные этапы тверского летописания представлены в следующих летописных памятниках: Тверской сборник, Рогожский летописец, Симеоновская и Никоновская летописи и др. Наиболее важными для истории тверского летописания являются Тверской сборник и Рогожский летописец. Вот краткая характеристика этих летописных памятников.

Рогожский летописец. Сохранился в единственном списке XV в. (РГБ, ф. 247, Рогожское обрание, № 253), открыт Н. П. Лихачевым в начале XX в. Текст летописца можно разделить на несколько частей: 1) с начала и до 6796 (1288) г. — краткое изложение общерусских событий; 2) 6796 (1288) г. — 6835 (1327) г. — тверские известия, сходные с соответствующим текстом Тверского сборника; 3) 6836 (1328) г. — 6882 (1374) г. — тверские и общерусские известия, первые сходны с известиями Тверского сборника, вторые — с известиями Симеоновской летописи; 4) с 6883 (1375) г. и до конца текст летописца почти идентичен Симеоновской летописи, где наравне с общерусскими встречаются и тверские известия, особенно в последних летописных записях. Последнее известие Рогожского летописца — тверское: «Въ льто 6920

преставился княгини великая Овдотия князя великаго Ивана Михайловича Тфѣрскаго апрѣля мѣсяца 13 день» (ПСРЛ. Т. 15. Рогожский летописец. М., 2000. Стб. 186) .

Предполагается, что в основу Рогожского летописца был положен летописный свод конца XIV в., представленный также в Троицкой и Симеоновской летописях (временами Рогожский летописец передает текст утраченной Троицкой летописи точнее, чем Симеоновская летопись).

М. Д. Приселков, на основе анализа Повести о нашествии Едигея в 1408 г., предположил, что ее автором в Рогожском летописце был москвич, бежавший от татар в Тверь, поэтому в Повести особо отмечена судьба Тверских земель во время этого нашествия.

Тверская летопись. Полное название — Летописный сборник, именуемый Тверской летописью; летописный памятник XVI в., представленный тремя списками XVII в. (Строевский — РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1414; Забелинский — ГИМ, Музейное собр., № 288; Толстовский — РНБ, Ф. IV. 214, в последнем списке Тверская летопись дополнена по другим источникам). В тексте Тверской летописи с конца XIII в. по конец XV в. содержатся фрагменты тверского летописания. Судя по отступлениям, находящимся в известиях 6496 (988) г. и 6527 (1019) г., Тверская летопись была составлена в 1534 г. уроженцем Ростовской области, который при работе использовал какую-то тверскую летопись конца XV в. Эти отступления достаточно любопытны и показательны. В первом из них летописец, кроме указания года своей работы, высказал мнение по поводу часто встречающегося в летописях выражения «и до сего дне»: «...та же церковь стояла до Корсунского взятia. Понеже въ иныхъ лѣтописцѣхъ пишеть: и до сего дне, занеже писалъ Георгій лѣтописецъ, а тогды Корьсунъ градъ стоялъ; азъ же нынѣ, переписываа его писаниа, тако пишу: до взятia Корсунского, понеже много лѣтъ мину уже, како Корсунъ разорень бысть отъ Руси, еже индѣ скажемъ въ его время; нынѣ же на предо мною лежимое възвращуся. Взя же Володимеръ чѣтыри кони мѣдяны, иже тогда стояли за святою Богородицею въ Киевѣ, нынѣ же того и тамо, якоже рекохъ, нѣсть отъ многихъ плѣнѣний Татарскихъ. Про тѣ же кони мнозии мнѣша яко мраморяни суще. Якоже рѣхъ маломъ выше о Корсунѣ, яко нѣсъ его, но и о инихъ о Рускихъ градѣхъ о многихъ тогда бысть писано: и до сего дне, понеже бысть тако тогда; нынѣ

же азъ начахъ преписывати сие въ лѣто 7042, и тако незгодно написати: и до сего дне; но, не рушаа писаниа Георгиева, тако пишемъ...» (ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 108). Показательность этого отступления заключается в следующем: летописец в 1534 г., работая над летописным текстом 988 г., не только комментирует текст, но в своих комментариях предлагает осмысление древнего текста, допуская при этом явные ошибки. Такой ошибкой является его мнение о Георгии летописце, который якобы описывал взятие Корсуни князем Владимиром. Под Георгием летописцем в тексте ПВЛ имеется в виду Георгий Амартол — автор византийской Хроники IX в., которая была одним из источников ПВЛ. Второе отступление, помещенное в конце летописной статьи 6527 (1019) г., начинается с того, что летописец значительное сокращение текста (он опустил все тексты древних русских законодательных актов) объяснил следующим образом: «азъ же сие преминухъ, множества ради». Далее дается обстоятельная самохарактеристика летописца в традиционной для древнерусской литературы манере: «Еще же молю ваше, братие, преподобие и благородие, чтущихъ и послушающихъ книги сиа, еже аще обрящеть кто много недостаточное, или неисполненное, да не позазрить ми: не бо бѣхъ Кианинь родомъ, ни Новаграда, ни Владимирера, но отъ веси Ростовскихъ областей, и елико обрѣтохъ, толико люботруднѣ написахъ; а елика силъ моей невозможно, то како могу наполнити, егоже не видѣвъ предъ собою лежащаго? Не имамъ бо многыа памяти, ни научихся дохторскому наказанию, еже съчиняти повѣсти и украшати премудрыми словесы, якоже обычай имуть ритори; а яже аще Богъ поручить в руцѣ мои, то прѣвыхъ лѣтъ напоследокъ выпишемъ» (Там же. Стб. 142). О времени работы над Тверской летописью ее составитель говорит и в самом начале текста в конце одного из заголовков, где сообщает, что работал при великом князе Иване Васильевиче «сущу ему трею лѣтъ отъ рода, мати же его Елена, девятыйжедесять отъ Рюрика, прѣваго князя Русскаго» (Там же. Стб. 28).

Подобные отступления летописцев, а они довольно редки, — настоящий подарок для исследователей, так как они раскрывают приемы работы древнерусских авторов и составителей.

Тверские известия в летописи начинаются с 6793 (1285) г. и до 6883 (1375) г. совпадают с текстом Рогожского летописца, после этого они продолжаютсся до 6994 (1486) г. — года присо-

единения Твери к Московскому княжеству. После известия 6910 (1402) г. следует раздел, озаглавленный «Предисловие лѣтописца княжения Тѣрскаго благовѣрныхъ великихъ князей Тѣрьскихъ» (Там же. Стб. 463–464), в котором упоминается один из источников Тверской летописи — «Володимерский поихронъ» (в Толстовском списке этого Предисловия нет).

На основе анализа текстов Рогожского летописца и Тверской летописи, а также других летописных памятников исследователями была восстановлена история тверского летописания.

Летописные записи событий, происходивших в Тверском княжестве, начали вестись с 1285 г. в связи с постройкой в городе Твери соборной церкви святого Спаса. Инициатором ведения этих записей был епископ Тверской Симеон (умер в 1289 г.). На основе летописных записей составляется в 1327 г. первый тверской летописный свод. Этот свод 1327 г. помимо Рогожского летописца и Тверской летописи отразился также в Троицкой и Симеоновской летописях.

В 1375 г. по указанию великого князя Михаила Александровича в обоснование главенства Твери среди земель северо-восточной Руси был составлен новый летописный свод. После поражения Твери от великого князя Московского Дмитрия Ивановича на короткое время летописание там приостанавливается и возобновляется в 80-е гг. XIV в.

По инициативе тверского епископа Арсения (умер в 1409 г.) в начале XV в. создается следующий летописный свод. В Никоновской летописи помещена «Повесть о преставлении блаженного Арсения епископа Тѣрскаго», поэтому этот памятник иногда называют летописным сводом епископа Арсения или сводом 1409 г. Этот «общетверской» летописный свод использовался и в других центрах летописания, поэтому он представлен во многих летописях (Никоновской, Симеоновской, Троицкой).

При тверском князе Иване Михайловиче ведется работа по созданию еще одного летописного свода, фрагменты его представлены, кроме вышеупомянутых летописей, и в тексте Хронографа русской редакции 1512 г. В этом летописном своде 1425 г., составленном уже после смерти князя Ивана Михайловича, обосновывалось главенство Твери среди княжеств и земель северо-восточной Руси, в связи с чем при его составлении в летописный текст были включены материалы

нижегородского, московского и литовского летописания. На основе летописного свода 1425 г. возникает кашинская редакция этого тверского свода, что определилось борьбой великого князя Тверского Ивана с князем Кашинским Василием. Кашинская редакция летописного свода 1425 г. представлена в Никоновской и Симеоновской летописях, в Русском временнике.

После падения Константинополя в 1453 г. на Руси развернулась борьба за наследие «второго Рима» между Тверью и Москвой. В ходе этой борьбы появился новый тверской летописный свод 1455 г., составленный по повелению великого князя Бориса Александровича на основе сокращения и переработки предыдущего тверского летописного свода. А. Н. Насонов следующим образом определил главную задачу, стоявшую перед составителем свода 1455 г.: «Автор дает построение всемирной истории от сотворения мира и до падения Константинополя, причем в центре событий ставится Тверское княжество». Текст летописного свода 1455 г. представлен в Тверской летописи (за 1285—1455 гг.) и Рогожском летописце (до 1375 г.). В последней летописной статье свода тверской князь называется самодержцем, под 6963 (1455) г. читаем: «Богомъ почтенному господину самодръжцу, великому князю Борису Александровичу, и его сыну Михаилу, свершена бысть церковь каменна архистратига Михаила; священна епископомъ Илиею, на память его чюдеси, на его праздникъ.» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 495).

После присоединения Твери к Москве создается последний тверской летописный свод — 1486 г., где тверские записи, доведенные до этого года, сочетаются с записями московскими (Тверская летопись). Далее ведение летописей в Твери прекращается.

В XVI в. памятники тверского летописания под пером московских летописцев активно и тенденциозно перерабатываются. Например, по наблюдениям В. А. Кучкина, Повесть о Михаиле Тверском, входившая в состав первого тверского летописного свода 1327 г., подверглась промосковской цензуре, и в связи с этим появилась новая редакция этой Повести в Никоновской и Воскресенской летописях, Степенной книге. Великие Минеи Четьи сохранили до нас «одну из самых промосковских редакций

памятника». «Хождение за три моря» знаменитого уроженца Твери Афанасия Никитина сохранилось в летописях Львовской и Софийской второй.

Издания: ПСРЛ. Т. 15. Рогожский летописец: Тверской сборник. М., 2000.

Литература: *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI в. М.; Л., 1938. С. 311–321; *Насонов А. Н.* Летописные памятники Тверского княжества // Известия АН СССР. Сер. VII. Л., 1930. № 9–10. С. 709–772; *Насонов А. Н.* О тверском летописном материале в рукописях XVII в. // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 26–40; *Кучкин В. А.* Повесть о Михаиле Тверском. М., 1974; *Муравьева Л. Л.* Летописание северо-восточной Руси конца XIII–начала XV века. М., 1983. Гл. 2. Начало тверского летописания; *Муравьева Л. Л.* Рогожский летописец XV века. М. 1998.

6. Смоленское летописание

Памятников смоленского летописания не сохранилось. При анализе общерусских летописей XIV–XVI вв. (Никоновской, Тверской и Симеоновской, Рогожского летописца) был выявлен значительный пласт смоленских известий, позволяющий исследователям говорить о существовании смоленского летописания с конца XIII по XV в. В литературе неоднократно высказывалось предположение о существовании летописания в Смоленске в XII в. (Я. Н. Шапов, Л. В. Алексев и др.), но из-за почти полного отсутствия источников это предположение не имеет аргументированного обоснования. Плохая сохранность памятников смоленского летописания связана с политической историей Смоленска и Смоленской земли, в разное время входивших в состав различных государственных образований.

Бесспорным является факт составления нескольких летописных памятников в Смоленске в XV в. Например, краткий летописец под названием «Сказание летом вкратце». Он тесно связан с «Хождением» Игнатия Смольянина в Царьград (по версии одних исследователей, был составлен в конце XV в. самим Игнатием Смольянином, по версии других — в

середине XV в. каким-то другим жителем Смоленска). Да и само «Хождение» Игнатия написано в традиционной для летописания манере, по крайней мере с соблюдением погодного изложения: «В лето 6897 Пимин митрополит всеа Руси поиде в третии ко Царюграду, с ним Михаил владыка Смоленский, да архимандрит Спаськой Сергей...

В лето 6899 августа 15 земля треснулася.

О царьском венчании.

В лето 6900 месяца февраля 11, в неделю о блудном венчан бысть царь Мануил на царство...» (Цит. по: Книга хожений: Записки русских путешественников XI–XV в. М., 1984. С. 99, 105).

Предполагается, что смоленская летопись была одним из источников летописного свода 1408 г., отразившегося в Троицкой и Симеоновской летописях.

В 1495 г. в Смоленске книжник Авраамка переписал или составил летопись, известную под его именем — Летопись Авраамки (Рукописное собрание Центральной научной библиотеки Академии наук Литвы, F 22–49). О своем участии в создании данной рукописи он сообщил в конце в приписке: «В льто 7003 написна бысть сиа книга, глаголемыи льтописецъ, во граде Смоленсцъ, при дръжавъ великого князя Александра, изволениемъ Божиимъ и повельниемъ господина владыки епископа Смоленьского Иосифа, рукою многогръшнаго раба Божиа Авраамка» (ПСРЛ. Т. 16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. М., 2000. Стб. 319–320). Участие Авраамки в составлении летописи, носящей его имя, остается спорным. Определять же летопись Авраамки как смоленскую нет никаких оснований: в ней представлены прежде всего памятники новгородского и, частично, общерусского происхождения.

В литературе отмечалось, что смоленское летописание оставило свой след в летописях западнорусских. В XVI в., по предположению А. Насонова, ведением летописи занимался епископ Иосиф.

Литература: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 322–328; Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969; Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 16–20; Муравьева Л. Л. Летописание северо-восточной Руси конца XIII — начала XV века. М., 1983 (Гл. 7. Смоленское летописание).

7. Рязанское летописание

Отдельных памятников рязанского летописания не сохранилось. Фрагменты его находятся в общерусских летописях: Троицкой, Симеоновской, Никоновской. Рязанские материалы представлены в западнорусских хрониках Быховца, Литовской, Жмоитской, а также в «Истории Российской» В. Н. Татищева, где использованы несохранившиеся до нашего времени летописи.

Истории рязанского летописания посвящена специальная монография А. Г. Кузьмина, но несмотря на это наши представления об этой истории невелики.

Рязанскими князьями Ольговичами в начале XV в. был составлен летописный свод, ставший одним из источников Троицой летописи.

Для истории рязанского летописания особое значение имеет Симеоновская летопись (близкая по тексту к сгоревшей Троицкой), составитель которой, по наблюдению А. А. Шахматова, проявил повышенный интерес к событиям в Рязани: в летописном тексте рязанские известия отмечены кинноварными буквицами. Последним известием Симеоновской летописи является сообщение о рязанском пожаре: «В лето 7002-е Сентября въ 17 згоре градъ Рязань весь» (Русские летописи. Том первый. Симеоновская летопись. Рязань, 1997. С. 375. Это перепечатка из ПСРЛ. Т. 18.).

По мнению А. Г. Кузьмина, «совершенно исключительный интерес для вопроса о происхождении рязанского летописного материала представляет Никоновская летопись», при этом исследователь отмечает, что из 200 известных нам рязанских летописных известий 150 находятся в Никоновской летописи.

В Воскресенской летописи в начальных ее статьях приведен родословец под названием «Начало о великих князех Рязанских», который, по мнению В. С. Иконникова, был заимствован из недошедшей до нас рязанской летописи.

В конце XVIII—начале XIX века в Рязани создаются «Рязанские достопамятности», где рязанская история описана с XI в. до 1750 г. (первая редакция). Начальная часть этого па-

мятника имеет название — «Летописи Рязанские». При составлении «Рязанских достопамятностей» использовались разные источники и, в том числе, какая-то «полууставная тетрадь».

Литература: Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. М., 1965; Муравьева Л. Л. Летописание северо-восточной Руси конца XIII—начала XV века. М., 1983. (Гл. 6. Рязанское летописание.).

8. Нижегородское летописание

Нижегородское летописание при всей его малоизученности занимает в истории русского летописания видное место прежде всего потому, что в этом княжестве была написана одна из древнейших летописей — Лаврентьевская. Текст этой летописи завершает приписка монаха Лаврентия, где сообщается о времени и обстоятельствах ее создания. Приведем текст этой приписки полностью: «Радуется купецъ прикупъ створивъ, и кормьчии въ отишье приставъ, и странникъ въ отечество свое пришед; тако радуется и книжный писатель, дошед конца книгам; тако ж и азъ худый недостойный и многогръшный рабъ Божии Лаврентеи мних.

Началь есмь писати книги сия, глаголемыи Лѣтописецъ, месяца генваря в 14, на память святыхъ отецъ нашихъ в Синаи и в Раифѣ избъеныхъ князю великому Дмитрию Костянтиновичю, а по благославенью священнаго епископа Дионисья. И кончалъ есмь месяца марта в 20, на память святыхъ отецъ нашихъ, иже в монастыри святаго Савы избъеныхъ от Срацинъ. В лѣто 6885. При благовърномъ и христолюбивомъ князи великомъ Дмитрии Костянтиновичи и при епископъ нашемъ христолюбивымъ священномъ Дионись Суждальскомъ и Новгородьскомъ и Городьскомъ.

И нынѣ господа отци и братья, оже ся гдѣ буду описалъ или переписалъ или не дописалъ, чтите исправливая Бога дѣля, а не клените, занеже книги ветшаны, а оумъ

молодь не дошелъ. Слышите Павла апостола, глаголяща: не клените, но благославите. А со всеми нами хръстьяны Христось Богъ наш Сынъ Бога живаго; емуже слава, и держава, и честь, и покланянье со Отцемъ и с Святымъ Духомъ, и ныня и присно въ вѣкы аминь» (ПСРЛ. Т. 1. Л., 1927. Стб. 487—488).

Информация, находящаяся в этой приписке, очень важна для истории русского летописания в целом. Из нее мы узнаем, что большая по объему летопись переписывалась чуть более двух месяцев; что заказчиками работы выступали князь и епископ; что летописец, работая в 1377 г., довел изложение событий только до 1305 г., то есть не внес в летопись никаких записей о событиях, очевидцем или современником которых он был; что летопись, составленная в Суздальско-Нижегородском княжестве ничего не сообщает о событиях в этом княжестве; и, последнее, что Лаврентий переписывал с ветхого летописца, где, судя по дошедшей до нас рукописи, были перепутаны и утрачены листы.

Кроме Лаврентьевской летописи, нижегородское летописание представлено двумя памятниками XVII в. На основе анализа их текстов восстанавливается история нижегородско-суздальского летописания XIV и последующих веков. Это прежде всего Летописец о Нижнем Новгороде (заглавие в рукописях — «Летописец о Нижнем Новеграде, в коих годах заложен и при коем великом князе»). В нем на фоне общерусских событий XIII—XVI вв. сообщаются нижегородские известия. Этот летописец, по предположению М. Я. Шайдановой, был составлен в середине XVII в. кем-то из притча Михайло-Архангельского собора, находившегося в кремле. Источниками его были Типографская летопись и Русский хронограф ред. 1617 г. Летописец о Нижнем Новгороде был положен в основание другого памятника — Летописца Нижегородского (заголовки в рукописях — «Выписано из летописца... о Нижнем Новеграде», известно 29 списков XVII—XIX вв.). Текст произведения делится на две части: до 1422 г. (эта часть привлекается исследователями для реконструкции нижегородско-суздальского летописания XIV в.) и с 1509 г. до конца (в разных списках разное окончание, например, в полной редакции известия доведены до 1687 г., а в одном из спис-

ков известия продолжены до 1764 г.). Источниками здесь были Никоновская и Типографская летописи. Этот летописец, как и предыдущий, был составлен в середине XVII в. при Михайло-Архангельском соборе.

На основе вышеуказанных памятников, а также известий о Нижнем Новгороде в других летописях была восстановлена следующая картина истории нижегородского летописания. Оно возникает в виде регулярных погодных записей в 40–50-е гг. XIV в., когда столица Нижегородско-Суздальского княжества была перенесена из Суздаля в Нижний Новгород. В 60–70-е гг. XIV в. создаются первые летописные своды по инициативе великого князя Дмитрия и епископа Дионисия. По мнению Л. Л. Муравьевой, в XIV в. главным летописным сводом был свод 1383 г. Нижегородское летописание отразилось в общерусских сводах XV в. — 1408 г. и 1423 г. По предположению А. Н. Насонова, центром ведения летописей в XIV в. был собор св. Спаса Преображения.

В середине XVII в. в Нижнем Новгороде создается несколько летописных памятников, представленных большим количеством списков, что говорит о стабильности летописного дела в этом городе. Инициаторами создания летописцев в этот период выступали, скорее всего, нижегородские владыки, например, полная редакция Нижегородского летописца была создана в связи с учреждением в городе митрополичьей кафедры.

В XVIII в. ведение летописания продолжается, составителями этих поздних памятников выступают чаще всего частные лица — любители истории своего города и края.

Издания: Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 1886.

Литература: Насонов А. Н. История русского летописания XI — XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969; Муравьева Л. Л. Летописание северо-восточной Руси XIII—XV веков. М., 1983 (Гл. 4. Нижегородско-Суздальское летописание.); Макарихин В. П. Летописные источники по истории Нижнего Новгорода и Нижегородского Поволжья XIII—XV вв. Горький, 1984; Шайданова М. Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. Автореф. кин. М., 1987; Шайданова М. Я. Отдельные статьи в Словаре книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. СПб., 1993.

9. Московское летописание XIV–XV вв.

История московского летописания делится на два периода: с XIV в. по XV в., когда Москва была главным городом одного из русских княжеств, и с XVI по XVIII в., когда являлась столицей государства. Здесь речь пойдет о первом периоде.

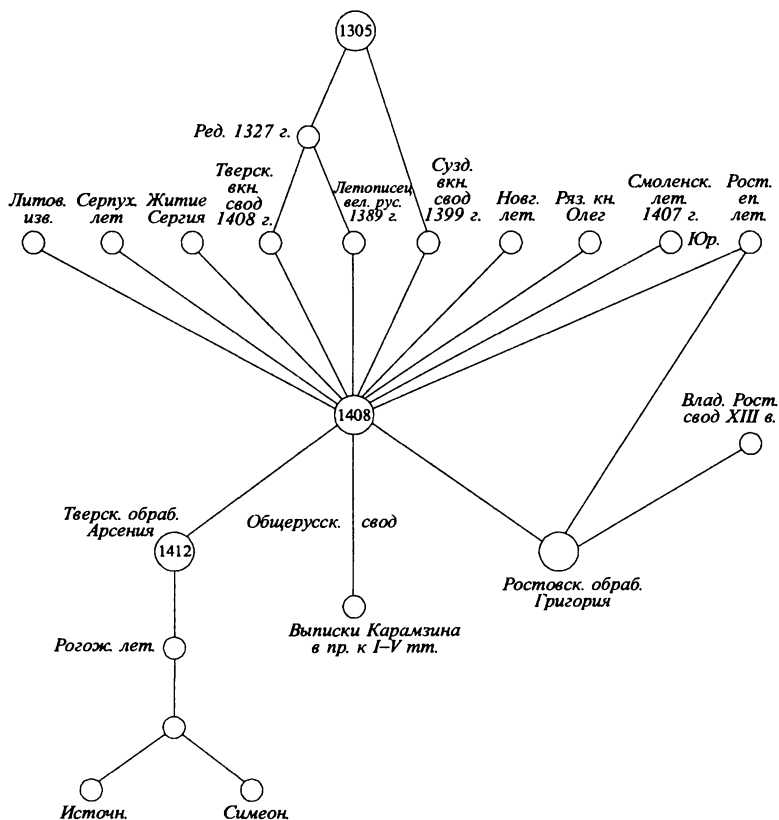
По сравнению с другими центрами русского летописания московское летописание возникает поздно — в XIV в. Для быстрого развития московского летописания имел большое, даже определяющее, значение общеизвестный исторический факт — кафедра митрополитов с начала XIV в. стала находиться в Москве. А именно русские митрополиты на протяжении всей истории были главными инициаторами ведения летописей. На Руси традиционно существовало митрополичье летописание, при создании которого записывались события, происходившие на территории всей митрополии, не зависимо от государственной принадлежности отдельных ее частей (с XIII в. по XV в. при одном церковном центре было несколько политических). Московское летописание сыграло не последнюю роль в формировании взгляда на Москву как на центр православия.

Изучением московского летописания занимались многие исследователи, среди которых следует отметить Н. М. Карамзина, А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, М. Н. Тихомирова и др. В последние десятилетия историей московского летописания занимается Л. Л. Муравьева — автор единственной монографии по этой теме.

Первые погодные записи начали вестись в Москве в 1310–1320-е гг. при митрополичьей кафедре, предположительно, в Успенском соборе Кремля. Основными источниками при восстановлении истории московского летописания XIV в. служат летописи — Троицкая, Симеоновская, Воскресенская, Никоновская и др. Наиболее важные — Троицкая и Симеоновская.

Троицкая летопись — одна из трех русских летописей, написанных на пергамене. Она сгорела во время пожара в Москве в 1812 г. Ее содержание известно нам достаточно полно. Первоначальная ее часть была опубликована до пожара;

Первый общерусский свод 1408 г. («Троицкая летопись») по М. Д. Приселкову*

* Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 203, рис. 4.

Н. М. Карамзин в своей «Истории государства Российского» (в тексте и особенно в примечаниях) очень широко привлекал этот памятник (он во время работы находился у него дома); и, главное, текст его сходен с текстами Симеоновской летописи (с 1177 г.) и Летописца Рогожского (с 1328 по 1375 г.). Используя эти источники, текст Троицкой летописи восстановил М. Д. Приселков (опубликован в 1950 г.). В Троицкой летописи (на телячьей коже, 371 лист) изложение событий доведено до 1408 г., поэтому в литературе ее текст иногда называют летописным сводом 1408 г. Памятник этот был составлен в начале XV в. при митрополичьем дворе на основе предшествующих летописей, одна из которых упомянута в тексте — «Летописец великий русский» (доведен до «князя нынешнего», то есть до Василия I — 1389—1425 гг.). А. А. Шахматов, анализируя текст Троицкой летописи, предположил, что первые московские летописные своды были составлены в 60-е и 80-е гг. XIV в. Некоторые исследователи создание первого московского летописного свода относят к более раннему времени — к 40-м гг. или даже к началу XIV в.

Троицкая летопись открывает новую страницу в истории московского летописания. Ее создание зафиксировало политическую реальность, сложившуюся на Руси к началу XV в. — Москва становится центром политической жизни страны, объединяет усилия по освобождению от татаро-монгольского ига, пробуждает национальное самосознание русского народа. Троицкая летопись была положена в основание всего последующего летописания XV—XVI вв., как московского, так и общерусского.

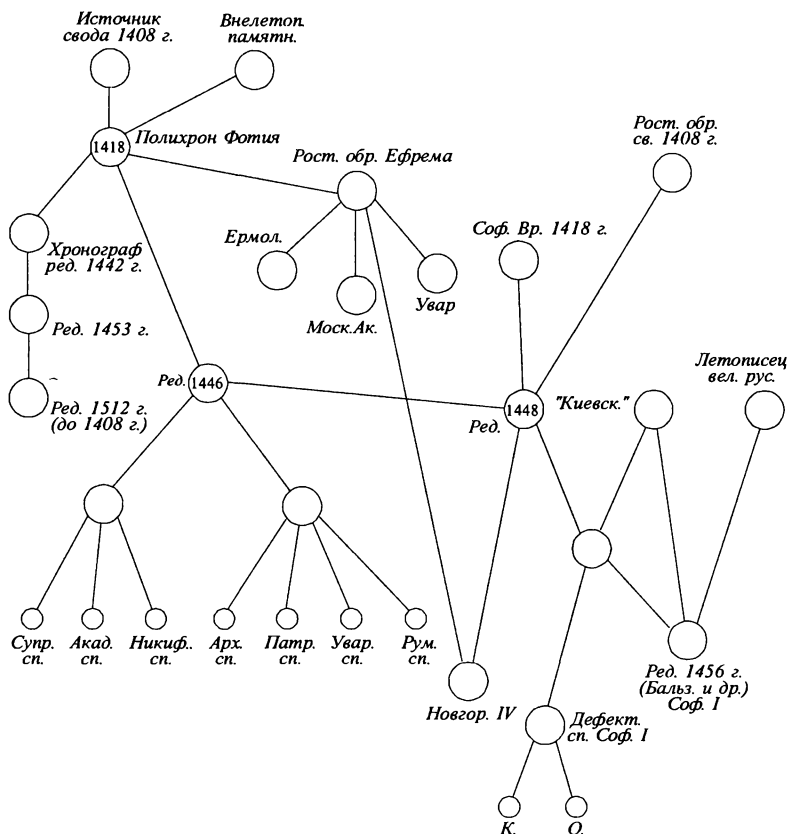
Обращаясь к изучению истории московского летописания XV в., исследователь должен действовать несколько по-другому. Если любой летописный центр до XV в. характеризовался на основе созданных в нем летописных сводов (гипотетичность в основе всех построений), так как от первых четырех веков истории русского летописания не сохранилось почти ни одного памятника в первозданном виде, то начиная с XV в. исследователь имеет дело с летописными памятниками, которые представлены рукописями этого же века. Многие исследователи по инерции продолжают выявление летописных сводов в летописании XV в. и последующих веков, забывая, что на первый план должен быть вынесен вопрос об обстоятельствах создания той или другой

рукописи с летописным текстом. Русское летописание XV—XVI вв. пестрит обилием летописных сводов, реальные же летописи подчас теряются в обилии гипотез и догадок. Главное внимание исследователь должен уделять обстоятельствам создания рукописи с летописным текстом. Вопросы палеографического, кодикологического анализа должны в значительной мере становиться фундаментом текстологических наблюдений. Нечеткость в постановке этого вопроса приводит к очевидной путанице, например, в некоторых исследованиях последний этап создания Троицкой летописи (текст ее доведен до 1408 г.) иногда называют летописным сводом 1408—1409 г., что принципиально неверно. Летописный свод — это гипотетический этап в истории текста той или иной летописи, а Троицкая летопись — реальный памятник.

В исследовательской литературе московское летописание XV в. предстает перед нами в двойственном виде: с одной стороны — целая серия летописных сводов (1408—1409 г., 1422 г., свод Фотия, 1448 г., 1456—58 гг., 1460 г., 1472 г., 1477 г., 1479 г., 1480 г., 1493—1494 г.), с другой — реальные летописи XV в. (Троицкая, Новгородская четвертая, Софийская первая, Никаноровская, Ермолинская и др.). Подобная двойственность характеристики московского летописания приводит к тому, что гипотетические этапы оказываются более важными, чем создание реальных летописей. Ярким примером подобного положения дел может служить летописный свод 1448 г., обоснование существования которого основывается на трактовке только одной выкладки лет, других аргументов не существует. Эта выкладка лет читается в текстах Новгородской четвертой и Софийской первой летописях под 1380 г. : «Благовещение бысть в Великъ день, а первее сего было за 80 и за 4 годы, и потомъ будетъ за 80 без лѣта, потом за 11 лѣтъ» (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. Стб. 454). На основе прочтения данного фрагмента лет и была получена дата создания летописного свода — 1448 г. Суть выкладки лет заключается в следующем: день Пасхи (Велик день) каждый год изменяется, а день Благовещения — постоянный — 25 марта, поэтому временами день Пасхи совпадает с днем Благовещения. Первая часть выкладки указывает на совпадение Пасхи и Благовещения в 1380 г., далее говорится, что подобное совпадение дней было в 6804 (1296) г. и будет в 6967 (1459) г.

Полихрон 1418 г. и последующие митрополичьи своды по М. Д. Приселкову*

* Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 229, рис. 5.

Все это полностью соответствует действительности. Последняя же часть выкладки — «а потомъ будетъ за 11 летъ» — многовариантна. А. А. Шахматов, например, считал, что летописец работал за 11 лет до 6967 (1459) г., то есть в 1448 г.

На этой выкладке лет пришлось остановиться подробно прежде всего из-за важности свода 1448 г. в истории русского летописания XV в. У некоторых исследователей он оказывается центром всего летописания XV в. Но обоснование существования любого летописного свода должно иметь разносторонний характер, причем необходимо, чтобы аргументы в пользу его существования находились бы с совершенно разных сторон; одним, даже выигрышным, аргументом ограничиваться нельзя.

Характеристику московского летописания XV в. лучше давать на основе истории текстов летописей XV в.

Одним из памятников московского великокняжеского летописания XV в. является Музейный летописец, где погодные известия доведены до 1452 г. Этот памятник известен в единственном списке — РГБ, ф. 178, Музейное собрание, № 3271, последняя четверть XV—начало XVI в. Характерной особенностью текста летописца является наиболее ранний вариант Повести об ослеплении Василия II, которая вошла в состав всех последующих летописей.

При сопоставлении текстов Никаноровской и Вологодско-Пермской летописей выявляется один из следующих этапов в истории московского летописания. Никаноровская летопись сохранилась в единственном списке XVII в. (БАН. 16.17.1.). А. А. Шахматов ввел ее в научный оборот, назвав по имени владельца рукописи — игумена Никанора. Известия летописи оканчиваются 1471 г., до этого года текст ее почти идентичен тексту Вологодско-Пермской летописи, в которой после 1471 г. представлены в основном известия о Вологде и северорусских землях. В Никаноровской, как и в близких к ней по тексту летописях, была проведена промовская правка текста основного источника — Софийской первой летописи старшей редакции. Правка касалась сокращения и редактирования новгородских известий, например, выражения новгородских летописей «князя изгнаша» или «выгнаша» заменили на «князь изыде» или «выеха».

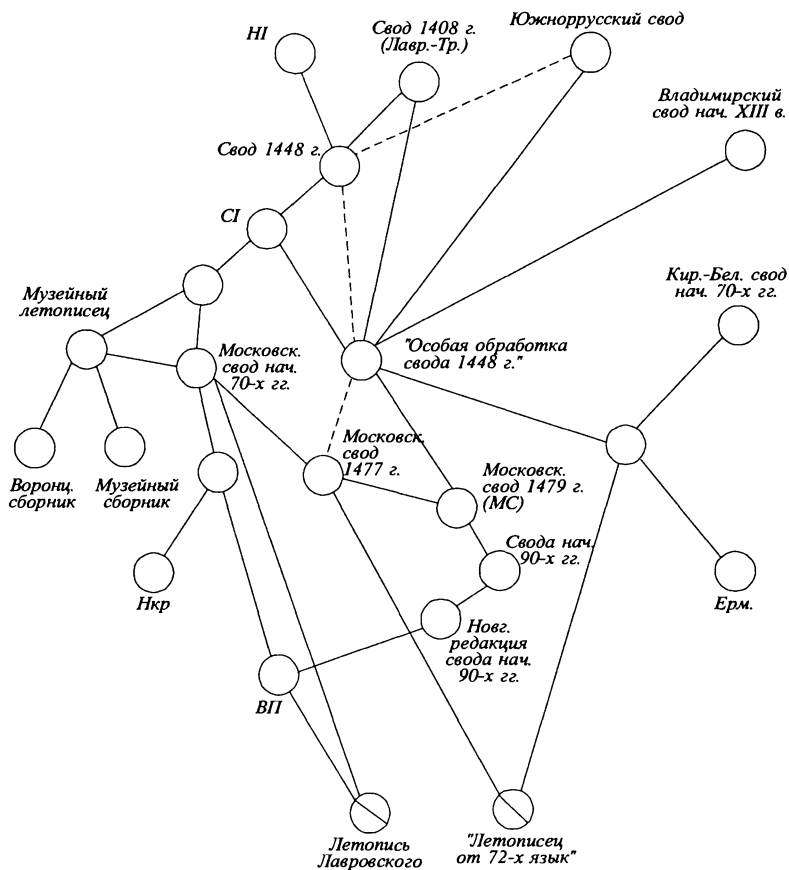
В 1479 г. в Москве был составлен великокняжеский летописный свод, который лег в основу всего официального летописания конца XV—XVI в. Он представлен в следующих лето-

писях: Архивской (РГАДА, ф. 181, № 20/25), Воскресенской, Новгородской Дубровского, Московском великокняжеском своде конца XV в. В этом своде еще более резко осуждаются новгородские вольности. О новгородском обычае менять князей говорится: «таков бо бе обычай оканных смердов изменников». В составлении этого летописного свода принимал какое-то участие дьяк Стефан Брадатый, А. А. Шахматов считал его летописцем. В некоторых летописях, в том числе и в Симеоновской, читаем под 6923 (1425) г.: «Мне же о семь Стефанъ дьякъ сказалъ, а о прежнемъ проречении старца Дементии печатникъ, а ему, сказаше, поведана великаа княгини Мариа» (Симеоновская летопись. Рязань, 1997. С. 232). Отсюда видно, что московский летописец для своей летописи привлекал разнообразный материал, в том числе и рассказы очевидцев или участников событий (дьяк, печатник, княгиня). Дьяка княгини Марии Стефана Брадатого, «умъющаго говорить по летописцемъ рускымъ», великий князь Иван III брал с собой в 1471 г. в поход на Новгород для переговоров с новгородцами как знатока истории, умеющего на примерах обличить «противу ихъ измъны давныя, кое измъняли великимъ княземъ въ давныя времена, отцемъ его и дѣдомъ и прадѣдомъ».

При составлении летописного свода 1479 г. широко использовались документы посольской канцелярии великого князя (наказы, грамоты, дорожный дневник).

В Москве в 1480-е гг. почти одновременно с официальным летописным сводом 1479 г. был составлен один из интереснейших летописных сводов XV в., отличавшийся от прочих ярко выраженной оппозиционностью великокняжеской власти. Памятник этот, представленный в летописях Львовской и Софийской второй, давно является объектом специальных исследований (А. А. Шахматов, М. Д. Приселков, К. В. Базилевич, Я. С. Лурье и др.). Его определяют как митрополичий свод (митрополита Геронтия), что подтверждается находящимися в нем материалами митрополичьего архива, множеством церковных известий, при этом светские известия носят характер разоблачений. Появление подобного оппозиционного свода связано с конфликтом между великим князем Иваном III и митрополитом Геронтием. «Распря» возникла из-за вопросов церковного богослужения, в которой победил митрополит. В оппозиционный свод 80-х гг. включено несколько житийных повестей, автором которых был дьяк Родион Кожух. Под

**Схема происхождения Никаноровской,
Вологодско-Пермской летописей
и Московского свода 1479 г.
по Я. С. Лурье***

* Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 164.

6968 (1460) г. в Львовской и Софийской второй летописях читаем: «Творение Родиона Кожюха, диака митрополича». Часть исследователей предполагает, что именно дьяк Родион Кожух и был составителем летописного свода 80-х гг.; другие говорят о создании его при Успенском соборе в Кремле.

Отличие оппозиционного свода 80-х гг. от великокняжеского свода 1479 г. наглядно видно при сравнении описаний одних и тех же событий. А. Н. Насонов одним из таких примеров считает известия 6963 (1455) г. (Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969. С. 307—308):

Великокняжеский свод
1479 г.

«Того же лѣта приходили татарове Седиахметевы къ Оцѣ рецѣ и перевезошася Оку ниже Коломны, а князь великы посла противу их князя Ивана Юрьевича со многими вои, сretoшася, и бысть им бои, и одолѣша христиане татаром. Тогда убит бысть князь Семен Бабиц, а не на суимѣ, но притчею (то есть по случайности или по неудаче — А. Н.) нѣкоею».

Свод 80-х гг. XV в. 6962
(1454) г.

«Того же лѣта приходилъ Солтанъ царевичъ, сынъ Сиди-Ахметевъ, съ татары къ рѣцѣ Оцѣ, и перелѣзши Оку рѣку и грабили, въ полонѣ имали, и прочѣ ушли, а Иванъ Васильевичъ Ощера стоялъ съ коломенскою ратью да ихъ пустилъ, а не смѣлъ на нихъ ударитися; то слышавъ князь велики посла на нихъ дѣтей своихъ, Ивана да брата его князя Юрия, со множествомъ вои противу оканныхъ, та же и самъ князь велики поиде ихъ противу; они же видѣвши силу велику возвратишася вспять, гнѣвомъ Божиимъ гоними, и Федоръ Басенокъ, дворъ великого князя, татаръ билъ, а полонѣ отъимаъ; тогда убиша князя Семена Бабица».

Если по версии официальной воевода Иван Юрьевич Патрикеев побил татар, то по версии оппозиционной боярин Иван Васильевич Ощера пропустил татар, не посмев с ними

сразиться. Трусость боярина Ивана Васильевича Ощеры в борьбе с татарами разоблачается и при описании событий 1480 г. (стояние на реке Угре). В летописном своде 80-х гг. XV в. находится пространный рассказ о строительстве Успенского собора в Кремле и о его зодчем — итальянце Аристотеле Фиоровати. Летописи, где даны различные оценки одному и тому же событию — прекрасный материал для характеристики политических группировок, существовавших в окружении великого князя Московского.

Сокращенные летописные своды конца XV в., представляющие официальное московское великокняжеское летописание, известны в трех видах (Соловецкий, Погодинский, Мазуринский). В их основу был положен северорусский (Кирилло-белозерский) летописный свод 1472 г., представленный также в Ермолинской летописи. Основанием летописной части Русского хронографа послужил один из Сокращенных летописных сводов конца XV в.

В конце XV в. интенсивность составления новых летописных памятников явно увеличивается, чему особенно способствовала династическая борьба между представителями двух борющихся группировок — с одной стороны, внук Ивана III Дмитрий и его мать Елена, с другой, его сын от второго брака Василий и его мать Софья Палеолог. Эта борьба отразилась, например, в летописной части Хронографа Сергея Кубасова, самый ранний этап в истории этого текста приходится на начало XVI в.

Издания: ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949; Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950; ПСРЛ. Т. 27. Сокращенные летописные свода конца XV в. М.; Л., 1962. С. 163—67.

Литература: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938; Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940; Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976; Муравьева Л. Л. Летописание северо-восточной Руси конца XIII—начала XV века. М., 1983. Гл. 3.; Муравьева Л. Л. Московское летописание второй половины XIV—начала XV века. М., 1991; Зиборов В. К. К вопросу о династической борьбе в конце XV—начале XVI в. // Генезис развития феодализма в России. Вып. 9. Л., 1985. С. 125—131.

Летописание XVI–XVIII вв.

Завершающий период истории русского летописания включает в себя две самые крайние точки в его развитии — небывалый подъем летописного дела в XVI в. сменяется постепенным спадом многовековой летописной традиции и полным исчезновением летописания в XVIII в. Прекращение ведения летописей в какой-то степени было ускорено петровскими реформами, положившими в основание многих явлений нашей культуры опыт Западной Европы. Четко указать временной рубеж, после которого летописи исчезают полностью на сегодняшний день затруднительно из-за слабой изученности русских исторических памятников XVIII в. Одной из причин прекращения ведения летописей, по крайней мере, в Москве была отмена патриаршества (последний патриарх Адриан умер в 1700 г.), так как именно русские патриархи были главными инициаторами и заказчиками летописей наравне с русскими царями.

1. Московское летописание XVI–XVII вв.

Во второй половине XV в. произошли события, имевшие огромное значение для всей дальнейшей истории России. Падение Константинополя 1453 г. определило ведущую роль России в православном мире. В 1480 г. (стояние на реке Угре) был положен конец многовековой зависимости от татарско-

го засилья. К концу века почти все земли северо-восточной Руси объединились вокруг одного центра — Москвы. Россия стала государством, от которого зависело решение многих вопросов общеевропейского уровня. Новое положение потребовало и нового государственного самосознания, в формировании которого русское летописание заняло одно из ведущих мест. Прежде всего активизировалась работа по созданию различных летописных произведений. К концу XV в. за неполные двадцать лет было создано до десятка летописных памятников, называемых в литературе по старой традиции великокняжескими сводами (Летописец от 72 язык, Московский свод 1479 г., Московский свод конца XV в., Сокращенные летописные свод конца XV в., Летописи Архивская и Никаноровская и т. д.). Такая активность в летописании сохранилась и в XVI в., по крайней мере, до конца 70-х гг. В XVI в. появилось и совершенно новое явление — создание на основе летописей исторических памятников иного типа или жанра (Русский Хронограф, Степенная книга). Одухотворенные новым самосознанием русские летописцы и правители активно формировали идеологию, воплотившуюся в чеканную формулу: Москва — третий Рим. Масштабность, иногда доходящая до грандиозности (Лицевой летописный свод), является также характерной особенностью интеллектуальной деятельности русских людей, в том числе и русских летописцев этого времени (первая русская Библия, созданная по инициативе новгородского архиепископа Геннадия в 1499 г., Великие четьи-минеи, куда вошли почти все произведения, созданные славянским и русским миром за несколько сот лет своего развития). Следует отметить, что справиться с таким масштабным наследием так и не смогла отечественная историография: ни один из этих памятников до настоящего времени полностью не опубликован. А некоторые памятники XVI—XVII вв. мало известны даже специалистам, например, в буквальном смысле пудовая (очень большой и тяжелый фолиант) «Икона», где в различных материалах представлена деятельность русских патриархов XVII в.

Главным летописным центром становится Москва, по заказу царей и патриархов в столице и в различных монастырях создаются все наиболее значительные памятники летописания.

На основе летописей, как уже отмечалось, создаются совершенно новые исторические произведения. Русская летопись с точки зрения литературного жанра — явление весьма сложное. В составе почти любой летописи присутствуют произведения почти всех литературных жанров, иногда эти жанры, например, историческая повесть, зарождались и формировались внутри летописного текста. Повесть, сказание, житие, грамота, законодательный акт, послание, поучение, хождение — все это встречается в составе летописных статей. С самого начала истории русского летописания связь летописи с хронографом (всемирная история) неразрывна. Но Русский хронограф конца XV—начала XVI в. отличается от хронографических памятников предшествующего времени: в нем русская история завершает рассказ о всемирной истории, Россия становится наследницей всего обозримого прошлого. Русский хронограф — воплощенная в историческом произведении идея о главенстве России в мире. Русский хронограф известен в нескольких редакциях, старейшая из дошедших до нас называется редакцией 1512 г. (это год ее составления, текст делится на 208 глав). На основе редакции 1512 г. в XVI—XVII вв. было оставлено несколько новых, например, редакция 1617 г., редакция 1620 г., особого состава и др. Спорным остается вопрос о времени написания первоначальной редакции Русского хронографа. Всего известно несколько сотен списков хронографа. Среди исследователей хронографа прежде всего необходимо отметить А. Н. Попова, С. П. Розанова, О. В. Творогова.

Летопись активно используется при создании государственной идеологии. Например, летопись послужила материалом для Степенной книги, где была обоснована совершенно новая идея о том, что история России являет собой постепенное приближение ее к Богу. Богоизбранность русского народа, заявленная еще в XI в. монахом Нестором, стала в XVI в. полной реальностью под пером автора Степенной книги, представившего историю России в виде ступеней, ведущих ее к Богу. Произведения, создававшиеся на основе русских летописей в XVI в., имели одно довольно существенное отличие от летописей: все они создавались автором на одном дыхании, отсюда единый замысел и единая манера письма. Для летописи же не характерно наличие одной, всеобъемлющей идеи.

Идеи, сформулированные и воплощенные в исторических произведениях XVI в., были и остаются реальностью в государственном самосознании русских людей. Исторические памятники XVI в., в том числе и летописи — вершины средневековой русской историографии.

Инициаторами создания многих летописных памятников, начиная с XIII в., были митрополиты. От XV в. сохранились прямые указания на ведение летописей при дворе митрополитов. Например, у В. Н. Татищева о митрополите Киприане (годы жизни ок. 1330—16. X. 1406) сказано: «книги своею рукою пишаше... летопись русскую от начала земли Руския вся порядку... повеле Игнатию Спасскому докончати, яко и соблюдох». В окружении митрополита Геронтия (умер 1489 г.) был дьяк Родион Кожух, большой знаток русских летописей.

В русском летописании XV в., судя по работам А. А. Шахматова и А. Н. Насонова, митрополичьи своды наравне с великокняжескими появляются систематически: 1408 г., 1418 г. (Полихрон), 1446 г., свод митрополитов Фодосия-Филиппа, 1489 г. и т. д.

Традиция ведения летописей при дворе митрополитов, а с 1589 г. — патриархов, не только сохранилась в XVI—XVII вв., но даже стала обязательной.

Одним из митрополичьих летописных сводов XVI в. был свод 1518 г., отразившийся в Львовской и Софийской второй летописях, текст которых, по наблюдениям А. А. Шахматова, идентичен с конца XIV в. по 1518 г. Некоторые исследователи (например Я. С. Лурье) считают этот свод не митрополичьим, а неофициальным монастырским. Бесспорно митрополичьей является Иоасафовская летопись, составленная при митрополичьей кафедре в конце 1520-х гг., в ней изложены события 1437—1520 гг. Свое название она получила по имени митрополита Иоасафа (умер в 1555 или 1556 г.), известного книжника и писателя, которому эта летопись принадлежала.

Также бесспорно митрополичьей является одна из самых значительных летописей XVI в. — Никоновская летопись, первая редакция которой была составлена в 20-е гг. при митрополите Данииле (1522—1539 гг.). Летопись названа по имени патриарха Никона, которому принадлежал один из ее списков. История данного текста в рамках XVI—XVII вв. обстоятельно восстановлена Б. М. Клоссом в его монографии.

Почти каждый этап в истории текста Никоновской летописи представлен рукописью, сохранившей оригинал работы ее составителя. Так, например, первоначальный этап — 20-е гг. XVI в. — представлен списком М. А. Оболенского (РГАДА, ф. 201, № 163).

Самая обширная из всех известных летописей — Никоновская летопись — является уникальным памятником русского летописания; в его состав были включены разнообразные произведения: летописи, сказания, повести, жития святых, архивные документы. Летописными источниками Никоновской летописи были следующие летописи: Симеоновская, Иоасафовская, Новгородская Хронографическая и др. При составлении памятника все составляющие материалы подверглись единовременной литературной и идеологической обработке, что характерно для многих произведений XVI в. Многие актуальные для начала XVI в. вопросы получили отражение в тексте этой летописи, например, право владения землей монастырями, союз духовной и светской властей, борьба с ересями и т. д. Предполагается, что митрополит Даниил был не только инициатором создания летописи, но и ее редактором-составителем. Во второй половине 50-х гг. XVI в. Никоновская летопись была дополнена текстами Воскресенской летописи (вторая после Никоновской по своему объему и значению летопись XVI в.) и Летописца начала царства (изложены известия 1533—1552 гг.), в результате чего получился текст самой объемной русской летописи (Патриарший список сохранился в подлиннике — БАН. 32.17.8.).

В 60-е гг. XVI в. на основе Патриаршего списка создавалась Степенная книга — оригинальный памятник русской историографии (известно 136 списков). Предполагаемым автором Степенной книги был митрополит Афанасий (в миру Андрей), возглавлявший русскую церковь с 1564 г. по 1566 г. Текст ее, написанный в единой литературной манере, доводит изложение событий до 7068 (1560) г. Рассказ о русской истории ведется по степеням. Например, 16 степень имеет следующий заголовок: «Степень шестынадесять и грань шестынадесять въ немъ же митрополиты два: Варлаамъ и Даниль. Главъ же имать 25». Следует отметить, что характерное для летописей погодное изложение событий отсутствует, текст ее разделен на степени, грани и главы (всего 17 степеней). Ядром

каждой степени является биография правящего князя, сопровождаемая произведениями о митрополитах и святых. Текст Степенной книги объединен идеей, изложенной довольно витиевато в обширном заголовке: «Книга степенна царского родословия, иже в Рустей земли в благочестии просиявших богоутвержденных скипетродержателей, иже бяху от Бога, яко райская дровеса насаждени при исходящих вод, и правоверием напаяеми, богоразумием же благодатию возрастаеми, и божественною славою осияваеми явишася, яко сад доброраслен и красен листвием и благоцветущ; многоплоден же и зрел и благоухания исполнен, велик же и высокъ-верх и многочадным рождем, яко светлзрачными ветми разширяем, богоугодными добродетельми преспеваем; и мнози от корени и от ветвей многообразными подвиги, яко златыми степенми на небо восходную лествицу непоколеблемо водрузиша, по ней же невозбранен к Богу восход утвердиша себе же и сущим по них» (Цит. по ст.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 74–75 Н. Н. Покровского «Афанасий»).

Автор Степенной книги своего имени не сообщил (анонимность — правило древнерусской литературы, которое, правда, имело исключения), но косвенные указания на автора в тексте есть. В 21 главе 15 грани («О явлении на воздухе святого великаго князя Александра Невского и о пожаре») сообщается, что автор, находясь в Казанском походе, получил исцеление от гроба Александра Невского, а в Лицевом летописном своде (Шумиловский список) указано имя этого человека — «Афонасий сиггел Благовещенский». Из биографии митрополита Афанасия известно, что он, будучи протопопом придворного Благовещенского собора, участвовал в Казанском походе. Можно предположить, что автор Степенной книги если и не выполнял прямой заказ Ивана IV, то создавал ее именно для него — первого русского царя и его потомков. По мнению А. В. Сиренова частично сохранился черновик Степенной книги (Волховский список). Среди исследователей Степенной книги прежде всего необходимо отметить П. Г. Васенко.

Время Ивана Грозного в истории русского летописания занимает особое место. В период его правления по заказу царя, а иногда и при личном его участии создается целый ряд уникальных памятников русского летописания. Кроме

Степенной книги, это Патриарший список Никоновской летописи, Летописец начала царства, Казанский летописец и грандиозный Лицевой летописный свод. Первое, на что обращается внимание при ознакомлении с этими памятниками, это их объем (монументальность) и четкие идеологические установки. Русские авторы, одухотворенные своим осознанным первенством в истории человечества, создают такие произведения, которых больше не будет в письменной культуре России. Некоторые их идеи остались неосуществленными, но в своем провидении великого будущего России они оказались правы. Таким образом, русские летописцы XVI в. не только историки своей страны, но и мыслители, провидцы. Знание их трудов обязательно для каждого русского человека, как знание книг Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского.

Одним из исторических произведений, в создании которого принимал участие Иван Грозный, был Лицевой летописный свод, который исследователи называют «самым крупным летописно-хронографическим произведением средневековой Руси». Этот памятник дошел до нас в 10-и томах, каждый лист каждого тома украшен миниатюрой, общее количество миниатюр — более 16 000. Этот уникальный памятник русской письменной культуры создавался в течение нескольких лет с 1568 г. по 1576 г. в Александровской слободе. Предполагается, что царь принимал участие в редактировании его текста. В Лицевом летописном своде, подобно Русскому Хронографу, рассказ о всеобщей истории завершают русские события, тем самым Россия является преемницей всемирной истории. Изложение событий доведено до 1568 г., работа над последним, десятым томом по невыясненным причинам была внезапно прервана (рисунки этого тома не раскрашены). Основными источниками Лицевого свода были Еллинский и Римский летописец 2-ой редакции (русское хронографическое произведение второй половины XV в.), «История иудейской войны» Иосифа Флавия, Никоновская летопись, дополненная материалами Русского Хронографа и Воскресенской летописи. Одним из источников последней части был Летописец начала царства, где подробно изложены события русской истории 1533–1552 гг. Эта последняя часть Лицевого летописного свода называется Царственной книгой, в ней изложены события 1533–1568 гг.

Казанский летописец. Рукопись XVII в.
Миниатюра. Иван IV Грозный на коне.

В создании Летописца начала царства (полное название — «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси»), принимал участие А. Ф. Адашев. Некоторые исследователи считают его автором Летописца (события 1533—1552 гг.), так как в его текст включены проекты его реформ.

При Иване Грозном был создан и Казанский летописец (или История о Казанском царстве), возникший в связи с присоединением Казани к Москве в 1552 г. Этот Летописец являет собой новый тип исторического произведения, ставшего популярным в русской литературе XVI—XVII вв., который можно определить как *историческую повесть*. В повестях освещается только часть истории России или земель, с ней граничивших, авторы их отказываются от погодного изложения событий. Для таких повестей характерна одна идея, которую автор развивает на протяжении всего произведения. В Казанском летописце это борьба с татарами. Автор рассказывает об истории Казанского ханства и доводит изложение до 1552 г. (текст делится на 50 глав). Казанский летописец весьма сложный памятник, как по содержанию (историко-публицистическое и одновременно художественное произведение, вобравшее в себя почти все жанры древнерусской литературы), так и по истории текста (более 300 списков XVI—XX вв., подразделяющиеся на 10 редакций). Автор Казанского летописца неоднократно упоминает о себе в тексте, но при этом его имени мы не знаем. Судьба его была трагична: двадцать лет он провел в плену в Казани, служа при дворе хана, был вынужден принять мусульманство, а после освобождения снова крестился. Человек широкого исторического кругозора, внимательный к деталям окружающего его мира, весьма начитанный и, несмотря на долгую неволю, а, может быть, и благодаря этому, неукротимый патриот своей родины. Он создал столь совершенное произведение, что оно стало одним из наиболее читаемых на Руси. Об обстоятельствах создания Летописца и его источниках автор говорит следующее: «...о первомъ зачале царства Казанского, въ кое время, како зачаса, не обретохъ въ летописцехъ Рускихъ, но мало въ Казанскихъ видехъ; много же речью пытахъ ото искуснейшихъ людеи Рускихъ, и глаголаше тако инъ и инако, ни единъ же повѣдая истинны» (ПСРЛ. Т. 19. М., 2000. Стб. 3). Многие события он описал как очеви-

дец, например, рассказав о притеснениях и издевательствах татар по отношению к русским пленникам, он замечает: «Есмь самъ видехъ очима своима — пишу сия, видехъ горкую беду сию» (Стб. 47).

Степенная книга, Летописец начала царства, Казанский летописец, порожденные многовековой летописной традицией, не порвали с ней, а стали объединяться с летописями в разных комбинациях в компиляциях XVII в.: Степенная книга и Русский Хронограф, хронограф и летопись, летопись и Казанский летописец и т. д.

Одновременно с летописью сосуществовали другие жанры исторических произведений, порожденные летописанием. Если до этого летописание занимало ведущее место в отечественной историографии, то теперь оно стало лишь одним из направлений в развитии исторической мысли. Исследователи этот новый этап в истории русского летописания первоначально восприняли как его конец. Устами лучшего знатока русского летописания А. А. Шахматова было заявлено, что ведение русских летописей к концу правления Ивана Грозного прекращается. Как показало более глубокое изучение памятников XVI—XVII вв. русское летописание продолжало развиваться. О ведении летописей в XVII в. даже в XVIII в. писали А. Н. Насонов и М. Н. Тихомиров и др. Как выяснилось, например, работа над Лицевым летописным сводом продолжалась и в правление царя Федора Ивановича (С. О. Шмидт). Одним из достижений отечественной исторической науки последних десятилетий является исследование В. И. Корецкого, посвященное изучению летописания конца XVI—начала XVII в., то есть тому периоду, которого, по мнению предыдущих исследователей, якобы не существовало. В этот период создавались неофициальные летописи времен опричнины и частные боярские летописцы, продолжалось ведение митрополичьего летописания, делались первые шаги патриаршего летописания. В то же время можно говорить об определенном спаде в летописной работе: не было создано ни одного масштабного памятника. Скорее всего, этот спад был связан с политической ситуацией в стране, точнее, с политической нестабильностью, порожденной сменой правящей династии. Борьба разных претендентов на Российский престол не способствовала появлению масштабных исторических произведений, каковыми яв-

ляются летописи. Смутное время было смутным не только для жизни государства, но и для письменной культуры. Характерно, что повести о Смутном времени появляются спустя десятилетие после бурных событий. Любая летопись в момент ее написания подразумевает стабильность политической ситуации, позволяющей ее автору осмыслить прошлое в истории государства.

Как только новая династия Романовых почувствовала себя устойчиво на царском троне, так сразу же по инициативе отца царя Михаила Федоровича, патриарха Филарета, был создан в 1630 г. (между 14 июля и 1 сентября) один из крупнейших памятников русского летописания — Новый летописец («Книга глаголемая Новый летописец»). В нем описываются события русской истории с традиционным погодным изложением от времен Ивана Грозного до 1630 г. Текст Нового летописца разделен на 422 главы. История его текста имеет еще много неразрешенных вопросов, в том числе и вопрос об авторстве. До нас дошло большое количество списков памятника. Источники Нового летописца разнообразны: Утвержденная грамота 1613 г., документы Смутного времени, «История» Авраамия Палицына, различные сказания и повести, Русский Хронограф, Степенная книга и др. Новый летописец активно использовался при создании других исторических произведений как в Москве, так и в других городах. Существует большое количество продолжений и переработок Нового летописца, что говорит о его большой популярности.

Новый летописец, созданный по повелению патриарха Филарета, открывает собой серию летописных памятников так называемого патриаршего летописания. Особенно активно велась летописная работа в патриаршем скриптории при последних русских патриархах: Летопись 1619—1691 г., Летопись 1686 г., Летопись 1696 г., Патриаршие летописные своды 1670 г. и 1680 г. Авторы или составители большинства памятников неизвестны, но имена некоторых из них выявлены. Например, создание патриаршего летописного свода 1670 г. приписывается Варлааму Палицыну — келарю Московского Чудова монастыря (патриарший монастырь). Варлаам Палицын при создании своей обширной исторической компиляции использовал многие произведения: Никоновскую летопись, Русский Хронограф, Новый летописец, Хронику Мартина Бельского и др.

В патриаршем скриптории Чудова монастыря работал и другой составитель летописи — Исидор Сназин (из новгородских детей боярских, конец XVII в.), автор Мазуринского летописца. О его участии в создании этого летописца узнаем из текста летописной статьи 6745 (1237) г., где он в рассказе о нашествии Батыя замечает: «И инии князи многии от него безбожнаго побиты, и грады мнозии рустии поиманы и вырублены, и разорены, и град Киев взят, и Москва, и Володимир, а подлинно обо всем ево похожении и о войне писано в другом летописце, в моем же, Сидора Сназина». (ПСРЛ. Т. 31. М., 1968. С. 68). Изложение событий в Мазуринском летописце доведено до 7190 (1682) г. Последний год описан особенно подробно, описание ведется по дням. Исидор Сназин был сподвижником патриарха Иоакима в его борьбе со старообрядцами, поэтому он уделяет событиям этой борьбы много внимания, донося до читателя различные подробности: «Лето 7190-го... Июля в 5 день приходили в город в Верх невежеством большим в Грановитую полату на собор к светейшему патриарху Иоакиму и ко властем, и ко всему освещенному собору, и к бояром поп Никита Пустосвятов, что преже сево бывал в Суздале в соборной церкви, а был он в ссылке. А с ним приходили чернецы два приезжая неведомо откуда. Да к ним же пристали многия стрельцы и иных чинов люди, а приходили в верх в Грановитую полату, несли евангелие с евангелисты и книги, и налои. Прение у них было в Верху многое время о кресте, как креститьца. И с Верху пошли из Грановитой полаты золотою лесницею, несли евангелие и книги, и налои. И пришли на Лобное место, и на Лобном месте тот поп и чернецы евангелие чли и книги. Собралось к ним множество народа, и были на Лобном месте с час и пошли с книгами и с налои на стоялые свои дворы за Яуские ворота. И после того спустя с неделю попа Микиту Пустосвятова у Лобнова места казнили, голову отсекли, а чернецов сослали в ссылку неведомо куды за их плутость. И ото всего освещеннова собору преданы они, плуты, проклятию» (ПСРЛ. Т. 31. М., 1968. С. 177).

В XVII в. летописи создавались не только в патриаршем скриптории или по повелению царя, очень часто их создавали частные лица (бояре, приказные и служилые люди). Были распространены и популярны фамильные летописцы, где жизнь той или иной персоны или история рода прописывались на фоне общерусской истории.

При царе Алексее Михайловиче была сделана попытка написания истории России в специально созданном государственном учреждении — Записном приказе. Приказ был учрежден 3 ноября 1657 г. и просуществовал до 1659 г. За это время сменилось два руководителя приказа (дьяки Тимофей Кудрявцев и Григорий Кунаков), но ни одной строчки не было написано.

По государеву заказу Ф. А. Грибоедов (умер в 1673 г.) создал продолжение Степенной книги под названием «История о царех и великих князьях земли Русской», где изложение русской истории доведено до 1667 г. Источниками «Истории» Грибоедова были: Степенная книга, Русский Хронограф редакции 1617 г., Сказание Авраамия Палицына и др. Исторический труд Грибоедова использовался в качестве учебника по истории для царских детей, по нему русскую историю изучал и царевич Петр.

Первая русская печатная книга по истории России «Синописис» был настоящим учебником для многих поколений русских людей (первое издание 1670 г.). Предполагается, что автором-составителем его являлся архимандрит Киево-Печерского монастыря Иннокентий Гизель (1606—1683 гг.). Наибольшее распространение получило издание 1680 г. Это издание, представленное тремя разновидностями, легло в основу почти всех последующих перепечаток, и, по сравнению с первым изданием, расширено почти вдвое (в числе других дополнений было включено популярное древнерусское произведение Сказание о Мамаевом побоище). Основными источниками «Синописиса» были: «Хроника» Мацея Стрыйковского, Густынская летопись и другие летописи. В тексте «Синописиса» много «баснословий», особенно в ранней истории славян: само название «славяне» производится здесь от слова «слава», Александр Македонский, по мнению автора, не только знал о славянах, но и оказывал им помощь. Все внимание составителя обращено к событиям Киевской Руси, история Северной России представлена неполно. Популярность «Синописиса» была огромной: в течение XVII—XIX вв. он выдержал около 30 изданий. Только через 100 лет на смену ему пришел «Краткий Российский летописец» М. В. Ломоносова. Уже в XVII в. «Синописис» был переведен на греческий и латинский языки. Профессиональные историки по-разному оценивали значение «Синописиса»: одни считали его

чением для мещан (Н. И. Новиков), другие — «первым младенческим несвязным лепетом русской историографии у нас на севере и юге» (С. М. Соловьев), третьи — произведением, способствовавшим превращению исторических знаний в науку (С. Л. Пештич). Влияние «Синописа» на сознание русских людей бесспорно: почти все русские поэты и писатели XVIII в. черпали из него историческую канву своих произведений, а историки впервые знакомились с историей своей страны. «Синописис» являет собой пример того, как русские летописи, бывшие одним из его источников, продолжали оказывать влияние не только на деятельность профессиональных историков, но и на сознание подданных Российской империи.

Характерной особенностью многих русских летописей XVII в. стало появление в их текстах «новых» разнообразных известий о начальной нашей истории, отсутствующих в древнейших летописях. Очень часто исследователи полностью доверяют подобным сообщениям, что, конечно, неправильно. Перед тем как их использовать, необходимо выяснить обстоятельства их появления, что можно сделать только на основе воссозданной истории текста той или иной летописи. Например, в летописной части хронографа Сергея Кубасова (один из хронографов особого состава XVII в.) встречается известие о том, что легендарный князь Рюрик умер в городе Кореле. В результате проведенного археографического поиска выяснилось: самый ранний список летописного текста с этим известием относится к 30-м гг. XVII в. Если мы обратимся к событиям конца XVI—начала XVII в., то увидим, что г. Корела (шведское название Кексгольм, современное название Приозёрск) оказался в сфере влияния двух государств — Швеции и России. Вопрос о территориальной принадлежности г. Корелы и Корельской области был одним из спорных вопросов между двумя странами, г. Корела неоднократно переходил из рук в руки, пока по Столбовскому мирному договору 1617 г. он не был отдан «навечно» Швеции. Переговоры между Швецией и Россией о границах и спорных территориях продолжались и после 1617 г. Скорей всего летописный текст с известием о смерти князя Рюрика в Кореле был составлен в ходе этих переговоров, чтобы показать шведской стороне всю беспочвенность претензий на г. Корелу, так как этот город еще со времен Рюрика (легендар-

ный первый русский князь) принадлежал русским. Таким образом, когда речь идет о «новых» известиях в поздних летописях, необходимо выяснить время появления подобного известия и попытаться прежде всего соотнести его с событиями этого времени.

Издания: ПСРЛ. Т. 9–13. Никоновская летопись. М., 1965; ПСРЛ. Т. 14. Новый летописец. М., 1965; ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1–2. Книга Степенная царского родословия. СПб., 1908–1913; ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. Хронограф редакции 1512 года. СПб., 1911; ПСРЛ. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968.

Литература: Васенко П. Г. Книга Степенная царского родословия и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904; Клосс Б. М. Никоновский свод и русское летописание XVI–XVII вв. М., 1980; Сиренов А. В. Степенная книга как исторический источник (редакции XVI–начала XVII в.). Автореф. к.и.н. СПб., 2001; Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI–начала XVII в. М., 1986; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989; Вып. 3. Ч. 2. СПб., 1993; Богданов А. П. Летописец и историк конца XIII века. Очерки исторической мысли «переходного времени». М., 1994; Солодкин Я. Г. История позднего русского летописания. М., 1997; Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975; Шмидт С. О. Российское государство в середине XVI столетия. М., 1984 (Царские летописцы).

2. Летописание Поморья

Поморьем или Поморскими городами в XVI–XVII вв. назывался обширный регион, куда входили земли от Вологды и Белоозера до Соловецких островов и Уральских гор. В истории нашего государства этот край занимает особое место. Входя в состав новгородских земель, его жители усвоили республиканские нравы и находились на высоком уровне культурного развития, этот край не знал ни татаро-монгольского засилья, ни в более позднее время крепостного права.

Летописи велись в следующих центрах этого края: Устюге, Вологде, Кирилло-Белозерском монастыре, Холмогорах, Соловецком монастыре, Сольвычегодске, Усть-Выме, Спа-

со-Каменном монастыре и др. Немаловажным фактором, благоприятствующим развитию разнообразных сторон культуры, в том числе и письменной, был бурный экономический рост этих земель в XVI—XVII вв., когда почти вся торговля с Западом шла через Холмогоры и Архангельск. В это время образуются новые центры епархий, а духовные главы епархий традиционно были инициаторами составления летописей. Например, в 1492 г. Вологда была включена в состав Пермской епархии и именно этим временем датируется список первой редакции Вологодско-Пермской летописи; при основании Архангельской епархии в 1682 г., особенно при первом архиепископе Афанасии, создаются разнообразные литературные произведения, в том числе и летописные.

Памятники летописания Поморья стали достоянием науки только в XX в., поэтому история этого летописания может быть представлена лишь в общих чертах.

Устюжское летописание

Устюжское летописание произошло от Ростовского — самого раннего летописания на северо-востоке России. Известно около 60 списков этого летописания. Устюг Великий входил в состав Ростовской епархии. И подобно тому, как летописание в Ростове велось в главном городском храме — Успенском соборе, в Устюге летописи составлялись при соборной церкви Успения. Начало ведения летописей в Устюге некоторые исследователи относят к концу XIII в., а другие — к середине или последней четверти XIV в. Высказано предположение, что в составе Устюжской летописи до нас дошел самый ранний летописный свод Древней Руси (предположение А. А. Шахматова и М. Н. Тихомирова, не получившее пока дальнейшего обоснования). Ранняя история устюжского летописания представлена прежде всего Устюжской летописью, известной науке еще с XVIII в. под разными названиями: Архангелогородский летописец (первое издание — 1781 г.), Устюжский летописный свод, Устюжский летописец. К тексту этой летописи обращались многие ис-

следователи (Н. М. Карамзин, А. А. Шахматов, М. Н. Тихомиров, Я. С. Лурье), но только в последнее время опубликовано специальное исследование К. Н. Сербиной, где центральное место занимает анализ этого памятника.

Известны четыре списка Устюжской летописи (XVII—XVIII вв.), которые делятся на две редакции: первая представлена одним списком (ИРЛИ. Древлехранилище, ф. отд. поступлений, оп. 23, № 134), вторая редакция — тремя списками (ГИМ, отд. рукописей, Синод. собр., № 965; ФИРИ РАН, колл. 115, № 148 (806); РНБ, собр. Погодина, № 1422). В первом списке известия доведены до 7128 (1620) г., в остальных — до 7106 (1598) г. Списки Устюжской летописи не имеют заголовка, их текст начинается прямо с первой даты русской истории: «В лето 6360. Начало Руския земли...». Условно текст Устюжской летописи делится на несколько частей: 1) 852 — 1114 гг., 2) 1124 — 1471 гг., 3) 1471 — 1516 гг., 4) с 1517 г. до конца. Основное содержание — общерусская история, среди известий встречаются уникальные, в других летописях отсутствующие, например, рассказ 1514–1515 гг. о взятии Смоленска, о битве под Оршой и др. Непосредственно устюжские известия начинают проследиваться во второй части летописи.

Анализ текста позволил К. Н. Сербиной нарисовать следующую картину истории устюжского летописания. Оно возникает в виде отдельных летописных записей, первая из них относится к 6798 (1290) г.: «Князь Дмитриеи Борисович посла на Устюг владыку Тарасия свящати церковь великую Успение святыя Богородицы и послал с ним колокол пречистой. И священна бысть церкви на праздник Успения месяца августа в 15 день» (ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 71). При церкви Успения летописные записи велись на протяжении нескольких веков вплоть до конца XV в., когда они впервые были оформлены в «книги» — официальные документы, использовавшиеся для наведения справок. Светские известия появляются в записях только с XV в.

Во второй половине XV в. активизация ведения летописи в Устюге была связана с тем, что город оказывался в центре многих политических событий. Особенно интересны описания различных походов в Приуралье и Сибирь, во главе которых находились устюжане. Летописные известия этого периода отличаются точностью датировок, вниманием к дета-

лям, красочностью языка; очень часто эти известия записывались со слов участников событий. Например, вот небольшой отрывок из описания похода русской рати на Казань в 6977 (1469) г.: «...пришли под Казань. А татаровя Волгу судами заставили. А великого князя силы мало. И начаша на Волге битись в судах, за руки имаясь. Князь Данила и Никита Костянтиновича убили, а Петра Плешиева со многими товарищы полонили и в Казань свели. А Григорей Перхушков пробежал, не бився. А устюжане бились. А князь Василей Ухтомской бился ж и бил их, скачючи по судом, ослопом. И многих татар топили и с судами, занеже татаровя судно за судно вязали... И устюжан изгибло 110 человек, а татар безчисленно побили и потопили. И всея руския силы погибло 430 человек, побили и в полон свели. И князь великий многих из Орды выкупал. А устюжане, пришед к Нижнему к Новуграду, стояли три недели и послали бити челом великому князю, чтоб их государь пожаловал. И князь великий послал им дважды по денге золотой. И они обе денги отдали попу Ивану, кои с ними был под Казанью, а велели Бога молить за государя и за все воинство» (ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 47).

В начале XVI в. составляется наиболее значительный летописный свод в Устюге, известия которого оканчивались 1516/17 г. Этот свод близок общерусской летописи, известной под названием Сокращенный летописный свод конца XV в. (Погодинский — 1493 г., Мазуринский — 1495 г.). Возможно, что у этих памятников был общий протограф — Кирилло-Белозерский свод 70-х гг. XV в. Кроме устюжских известий в своде 1516/17 г. находятся известия общерусские, ростовские и новгородские. По терминологии А. Н. Насонова, этот свод можно назвать общерусской провинциальной летописью. За подробным описанием событий 1515 г., 1516 г. и 1517 г. следуют записи отдельных годов (1584, 1597, 1605, 1609, 1613, 1614, 1620). Кроме этого, на 20-е гг. XVI в. указывает один из источников Никоновской летописи с устюжскими известиями.

После составления летописного свода 1516/17 г. в Устюге Великом активной летописной работы не велось. Ведение летописных записей возобновилось в XVII в. Оно скорей всего связано с постройкой каменной соборной церкви в 7127 (1619) г. Во второй половине XVII в. была создана летопись, оканчивающаяся известиями 1677 г. Этот памятник называ-

ется Летописцем 1679—80 г. Составитель главную цель своей работы видел в том, чтобы дать сведения об Устюге «будущим родом в вечное воспоминание». Вероятно, что составление Летописца было связано с учреждением новой епархии — Великоустюжской и Тотемской в 1682 г.

В 1746 г. в Устюге был составлен новый летописец, основным источником которого был предыдущий. Среди дополнительных источников Летописца 1746 г. находились записи о явлениях и чудесах основателя Устюжского Архангельского монастыря Киприана (время смерти Киприана указано с точностью до часа). Все это позволило предположить, что Летописец 1746 г. составлялся в Архангельском монастыре, а дата его составления — 1746 г. — указана в предисловии: «Ныне же преписася в Устюге Великом лета господня 1746» (кроме этого в двух списках известия доведены до 1746 г.).

Спустя 20 лет в Устюге был составлен Летописец Льва Вологодина, названный по имени его составителя. Известно 29 списков этого памятника. Сохранился подлинник Летописца (БАН, собр. текущ. пост., № 609), что является большой редкостью для более раннего времени, но в XVIII в. подобное встречается часто. Подлинник заверен самим Львом Вологдиным: «Сия книга, глаголемая Летописец Устюга Великого Успенского кафедрального собора священника Льва Яковлева сына Вологодина, которую сочинял, писал и подписывал своеручно в лето от сотворения мира 7273, а от Рождества Христова 1765 в Устюге Великом» (лл. 4—52). В тексте Летописца после краткого предисловия о себе автор сказал: «Ваш послушный раб и слуга Устюга Великого Успенского собора священник Лев». Летописец имеет следующий заголовок: «Летописец о великом граде Устюге, собранный и написанный в вечное воспоминание впредь будущим родом из разных рукописных харатейных книг и достоверных повествователей, в тыя лета и времена житие свое продолжающих, и от приемников их последи бывших и ныне настоящих самовидцев». В основу своей работы Л. Я. Вологдин положил Летописец 1746 г., дополнив его данными из разных книг, печатных изданий и архивов. Так, он использовал опубликованный в 1760 г. «Краткий Российский летописец с родословием» М. В. Ломоносова. В Летописце подробно сообщается о приездах и отъездах епископов Устюжских, по-

стройках, пожарах, церковные известия датируются с точностью до часа. Например, под 7256 (1748) г. сообщается о постройках, произведенных епископом Варлаамом, среди которых «... на каменом фундаменте на прибытие свое прехитро-стным художеством со всеми принадлежащими потребностями зделал низменные деревянные покои, которые внутри убраны немецкими дорогими и московскими манерными шпалерами, а извне кругом расцвечены со изображением эмблем» (ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 144–145).

Летописец Льва Вологодина пользовался большой популярностью у местных жителей. На основе его текста в XVIII–XIX вв. было создано несколько поздних устюжских летописцев: 1774 г. — Данилова, 1793 г. — К. Н. Фризе, летописец 20-х гг. XIX в., 1874 г. — Н. И. Суворова, 1901 г. — К. Н. Брагина, которые лишь условно можно отнести к летописным древнерусским памятникам.

Устюжское летописание являет собой пример многовековой письменной традиции, когда на протяжении нескольких столетий летописные записи велись в одном и том же месте — при церкви Успения.

Издания: ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XV–XVIII вв. Л., 1982.

Литература: Сербина К. Н. Устюжское летописание XVI–XVIII вв. Л., 1985.

Летописание Вологды и других центров Севера

Самой ранней летописью Севера является Вологодско-Пермская летопись. Она представлена несколькими списками конца XV–XVII в., которые делятся на три редакции. Первая редакция составлена в конце XV в. (Лондонский список), вторая — в 20-е гг. XVI в. (Академический список), третья — в середине XVI в. (остальные три списка). Впервые в научный оборот летопись была введена А. А. Шахматовым. Он же от-

метил ее близость с Никаноровской летописью, так как в их основе лежит летописный свод 1472 г. Вологодско-Пермская летопись является в основной своей части общерусской, а с 1472 г. в ней появляется ряд известий о Вологодско-Пермской и Югорской (северо-уральской) землях. Составление первой редакции летописи связано с архиепископом Филофеем Пермским (эта редакция отразилась в Летописце кратком Погодинском и Холмогорской летописи). В основе второй и третьей редакций лежит общерусский летописный свод 20-30-х гг. XVI в. (они близки с Воскресенской летописью), дополненный местными известиями. Таким образом, основываясь на истории текста Вологодско-Пермской летописи, можно говорить о двух этапах летописной работы на Севере — конец XV в. и 20—30-е гг. XVI в. В 70-е гг. XVI в. в Вологодском Спасо-Прилуцком монастыре было составлено дополнение к летописному своду 1497 г., это Прилуцкий вид Летописца о 72-х язык.

Вологодско-Пермская летопись в разной степени отразилась во всех более поздних летописях Севера: Холмогорской летописи, Двинском летописце, Вологодской летописи, Пинежском летописце, летописце Ивана Слободского. В этих памятниках представлены основные этапы истории летописания на Севере.

В середине XVI в. была составлена Холмогорская летопись (известно два списка), в ней известия доведены до 1559 г. включительно. Основное содержание памятника общерусское, только в записях последних лет наравне с другими отмечены холмогорские и двинские события, которыми она и оканчивается : «Того же году писец был на Двине Василей Ивановичь Молчанов, и был от августа до февраля. И царь князь великий спалился на него и велел его, поймав, к Москве свести. Тако и привезоша его, и пограбиша живот его весь. Того ж лета послал царь князь великий на Двину другого писца Василья Михайловича Гагина» (ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 138). В разных своих частях Холмогорская летопись близка к другим памятникам: от начала до 1141 г. — с Типографской летописью, с 1146 г. по 1390 г. — с Львовской летописью, с 1397 г. по 1499 г. — с Вологодско-Пермской летописью, с 1530 г. и до конца с — Двинским летописцем. Вполне возможно, что часть этих памятников были источниками Холмогорской летописи. Кроме летопис-

КНИГА ВЪ ПИСАНЬ КИЕ

вскит . и владычирекит . и в сн
вскит . всѣхъ рѣкнхъ кнзей .
Шибна . тѣ . сш . и иродасиѣ
иповскнхъ кнзей . Слалсло
аш

Попашѣнѣ . с . сѣнаѣаираздѣлнша
сѣнѣ зѣмлю . снѣмъ . ханѣ . асѣнѣ
иасѣапоствѣ снѣаи . перснѣ . па
трѣ . дѣдѣаи . вдолгошѣ .
иашнѣ . идоашнѣ . тѣаоѣ
рѣнѣ . аоствѣ . дѣаи . дополѣаи .
иаснѣ . ииѣнѣ . иасѣаѣ рѣнѣ .
оашнѣ . иорѣ . иасѣаѣ лѣсопо
таиѣ . асѣаѣ старѣиѣаѣ .
иасѣаѣ асѣаѣ . ао . иомасн
ан . рѣнѣаѣ асѣаѣ . асѣаѣаѣаѣаѣ

ных, составитель привлек целый ряд внелетописных источников: Сказание о князьях Владимирских, Послание Филофея Мисюрю Мунехину и др.

Пинежский летописец, составленный предположительно в 60-е гг. XVII в. в семье пинежан Поповых, доводит свое изложение до 1613 г. включительно (известен один список — ИРЛИ, Древлехранилище, Пинежское собр., № 440). Пинежский летописец, названный так по месту его находки на Пинеге в 1969 г., содержит много местных известий, некоторые из которых уникальны. Например, известие о походе в Мангазею: «Лета 7105 году Юрье Долгушин устьцылемец, да пан литовской полоненик, да Смирной пинежанин лавелец первые Мунгазею проведали Надым реку, а на другой год Таз реку» (Копанев А. И. Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 80).

В последней четверти XVII в. был составлен Двинской летописец (заголовок: «Летописец вкратце. Списано о двинских жителях, и о наместниках, и о судиях, и воевоцких, и дьячых приездах». ПСРЛ, Т. 33. Л., 1977. С. 148). Известно 15 списков летописца, которые делятся на три редакции. Первая редакция составлена в 1670 г. местным жителем, изложение событий доведено до 1677 г.; вторая редакция — краткая — до 1682 г.; третья редакция — до 1720 г. Первоначально летописание в Холмогорах велось светскими людьми, а с начала 1690-х гг. при архиерейском доме. Текст Двинского летописца может служить наглядным примером реформы летоисчисления, осуществленной Петром I: 1700 г. обозначен как 208 г. (то есть 7208 г. от сотворения мира, в XVII в. указания на тысячи опускались), а 1701 г. обозначен 701 г. (см. хрестоматию).

В конце XVII в. в Вологде создается общерусская провинциальная летопись в виде Вологодского летописца или летописи (ГИМ, собр. Уварова, № 591), где описание событий доведено до 1700 г. Текст Вологодского летописца состоит из двух частей. Первая с известиями до 1673 г. составлена в Спасо-Прилуцком монастыре, ее источниками были Вологодско-Пермская летопись и, предположительно, Лаврентьевская летопись и Летописец Авраамки; с 1612 г. появляются вологодские известия. Вторая часть Вологодского летописца писалась несколькими составителями, работавшими в Спасо-Прилуцком монастыре; рассказ о событиях XIV–XVI вв.

представляет собой черновой материал со вставками, приписками; некоторые события описаны очевидцами (1676–1678 гг., 1694 г. и т. д.). Источником второй части были общерусские летописи, различные официальные документы, например, указ 1699 г. «о даточных людях». Исследователи отмечают простой и безыскусственный стиль текста этого летописца.

В XIX в. в Ярославских губернских ведомостях (в различных губернских ведомостях XIX в. публиковалось много исторических памятников, в том числе и летописных) был напечатан Тотемский летописец (подлинник не сохранился). Этот летописец составлен в конце XVII в. кем-то из окружения вологодского архиепископа на основе Вологодского летописца с использованием разных дополнительных источников, в том числе и житий (Григория Пельмешского и др.).

В Вологде был составлен Летописец Ивана Слободского (известно три списка, в двух редакциях). Первая редакция памятника составлена в 1716 г. певчим архиепископа вологодского Гавриила. О времени и имени составителя сообщается в предисловии — «О сем пишет Иван Слободской лета господня 1716». Там же сообщается и о цели составления летописца: «изследовать о своем отечестве, а имянно о граде Вологде, отколе состояние и коликих лет ея имущество, кем устроися и где градов первенство; но по многом моем старании и многих градографов и летописцев созерцании не суть намерение исполнися: или за прежде бытныя града раззорения, или древних человек за нетшение отыскать начинание не возмог, точию узрех в разных летописцах другое о житии угодников божиих, вологодских чудотворцев, такожде и синодищных записках обретох в мале изъявления, их же zde во явность будущим рачителем предлагаю» (ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 194). Иван Слободской сообщает о своих источниках (хронограф, летописцы, синодики, жития вологодских святых), которые были дополнены местными преданиями. Летописец охватывает события 6655 (1147) — 784 (1678) гг. В Летописце Ивана Слободского сообщаются уникальные известия, например, только в нем говорится о намерении царя Ивана Грозного уехать в «Поморские страны», для чего в Вологде строились специальные суда. Кроме данного летописца об этом эпизоде жизни царя Ивана сообщают английские дипломаты Дженкенсон и Флетчер.

В Вологде также был составлен частный летописец стряпчим Спасо-Прилуцкого монастыря под названием «Летописец о препровождении маловременныя настоящия сея жизни Матфея Жданова», где он описывает события, начиная с 1661, года своего рождения, 1661 и до 1736 г. В летописце сообщаются в основном факты частной жизни, изложение ведется от третьего лица.

В XVIII–XIX вв. были опубликованы вологодские летописцы А. А. Засецкого Н. И. Суворова.

От 90-х гг. XVII в. сохранились летописные записи дьячка Благовещенского погоста, этот погост находился в месте впадения реки Устье в Вагу (левый приток Северной Двины). О своем имени автор сообщает в тексте статьи 7179 (1671) г. при описании постройки гостиного двора в Благовещенском погосте: «... аз, Аверька, у того строения Гостиного двора книги писал. Гостин двор стал в девятьсот рублей в сорок рублей, пищею я не взял». Он описывает события 1661–1691 гг., заносая в свой летописец известия о пожарах, строительстве, приезде стольников и т. д. (Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 251). Подобные летописные записи делались разными авторами во многих городах России.

Летописание Кирилло-Белозерского монастыря. В XV в. монахи этого монастыря, выполняя литературные заказы Москвы, принимали участие в составлении ряда общерусских летописей: Типографской, Псковской, Новгородской, Софийской первой младшего извода (о последней сообщил М. А. Шибаетов). Со второй половины XV в. Кирилло-Белозерский монастырь был одним из крупнейших книжных центров, в нем работали Ефросин, Нил Сорский, Гурий Тущин и др. Переписывая на заказ различные русские летописи, монахи на их основе составляли для себя краткие летописцы, куда заносили события, связанные с монастырем. Один из первых таких кратких летописцев дошел до нас в подлиннике. Он принадлежал знаменитому книгописцу монаху Ефросину (2 половина XV в.), отличавшемуся своими энциклопедическими знаниями. История также интересовала его, он был знаком со многими историческими произведениями средневековья: Палеей, Летописцем Еллинским и Римским, хронографом, «Историей Иудейской войны» Иосифа Флавия, Летописцем вскоре патриарха Ни-

кифора. В кратком летописце Ефросина русская история изложена до 1445 г. (РНБ, собр. Погодина, № 1554 и Кирилло-Белоз. собр. № 22/1099 — начало). Этот летописец является в какой-то степени конспектом Летописца русского, ранние списки которого связаны с монастырем. Конспективность определяет и манеру изложения: «В лето 6888 (1380) бысть Мамаевчина, Мамятяк за Доном на Усть Непрядвы» или «В лето 6890 (1382) бысть Тахтамышевщина на август 20 на князя на Дмитрия Ивановича и взя Москву и много зла сотвори». В тексте летописца только два известия связаны с Кирилло-Белозерским монастырем (записи о смерти Кирилла и Христофора Белозерских), но в других кратких летописцах этого монастыря, появившихся после Ефросина, белозерские события занимают уже большее место (1501—1511 гг. — летописец Германа Подольского, 1523—1526 гг. — летописец Гурия Тушина, 1530-е гг. — два кратких летописца). Значение подобных кратких летописцев и летописчиков для русской историографии весьма велико, так как очень часто они сохранили до нас в краткой форме недошедшие памятники летописания.

В 70-е гг. XV в. в монастыре создается Северорусский летописный свод 1472 г. (он оканчивался известием о смерти удельного князя Юрия Дмитриевича 12 сентября, этому князю и ранее уделялось большое внимание). Северорусский свод был восстановлен Я. С. Лурье на основе сопоставления текстов Ермолинской летописи и Сокращенных летописных сводов конца XV в. (летописные своды 1494 г. и 1495 г.). Свод 1472 г. определяется как общерусский, составлен он в окружении игумена Кирилло-Белозерского монастыря Трифона. До игуменства Трифон служил Ростовским архиепископом и скептически относился к прославлению ярославских чудотворцев, что и нашло отражение в своде 1472 г. в рассказе под 6971 (1463) г.: «Во градъ Ярославли, при князи Александръ Феодоровиче Ярославскомъ, у святаго Спаса в монастыри во общинѣ явися чюдотворецъ, князь велики Феодоръ Ростиславичъ Смоленский, и з дѣтми, со княземъ Костянтиномъ и з Давидомъ, и почало от ихъ гроба прощати множество людей безчислено. Сии бо чюдотворци явишася не на добро всѣмъ княземъ ярославскимъ: простилися со всѣми своими отчинами на вѣкъ, подавали ихъ великому князю Ивану Васильевичю, а князь велики противъ ихъ отчины подоваль

имъ волости и села; а изъ старины печаловался о них князю великому старому Алекси Полуектович, дьяк великого князя, чтобы отчина та не за ними была. А послѣ того в том же градѣ Ярославли явился новый чудотворецъ, Иоанъ Огафоновичъ Сущей, созиратай Ярославской земли: у кого село добро, инъ отнялъ, а у кого деревня добра, инъ отнялъ да отписалъ на великого князя ю, а кто будетъ самъ добръ, бояринъ или сынъ боярской, инъ его самого записал; а иныхъ его чудесь множество не мощно исписати ни счесть, понеже бо во плоти суще цѣяшось» (Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. М., 1982. С. 433). Из цитаты видно, что составитель летописи с большой долей иронии относился к методам объединения русских земель вокруг Москвы, непосредственных исполнителей такого объединения, в данном случае Ивана Агафоновича, он называет непонятным, на первый взгляд, словом — «цѣяшосомъ». Перед нами зашифрованное с помощью тайнописи (простая лито-рея) слово «дьявол».

В летописях часто встречаются тексты, написанные древнерусской тайнописью, от умения прочесть, а иногда расшифровать эту тайнопись зависит восстановление истории летописи. Например, известно несколько текстов, где время составления памятника зашифровано, и правильного прочтения так и не найдено. (Первоначальные сведения о древнерусской тайнописи можно получить в книге: Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967. Гл. X. Тайнопись, её цели.).

В XVI в. в Кирилло-Белозерском монастыре были переписаны и, вероятно, отредактированы следующие общерусские летописи: Вологодско-Пермская, Уваровская, Летописец начала царства; кроме этого в монастыре созданы сокращенные варианты Ермолинской и Мазуринской летописей.

В других монастырях Белозерья создаются летописные памятники местного характера. Например, в Троицком Усть-Шехонском монастыре создан летописец, в котором указано местонахождение древнего города Белозерска, где по легенде поселился один из братьев князя Рюрика Синеус (у истоков Шексны из Бело озера): «Ныне же место то пусто, зовомо селище Княже, отстоит же от самого устья вниз по реке полтретья поприща».

От XVII в. сохранились следующие летописные памятники, происходившие из Кирилло-Белозерского монастыря: два кратких летописца и Хронограф русской редакции 1617 г. с продолжением до 60-х гг. XVII в. В XVIII в. в монастыре были составлены краткий летописец и «Описание о граде Белеезере». Последнее написано как на основе печатных книг, так и рукописных летописцев.

Летописание Соловецкого монастыря. Летописание в самом северном монастыре Российского государства зародилось в конце XV в. Оно представлено, например, Соловецким видом Сокращенного летописного свода конца XV в. В это же время игумен монастыря Досифей (ему принадлежит один из первых русских экслибрисов) активно собирал и переписывал рукописи для монастырской библиотеки. Следующий этап летописной работы относится к концу XVI в., он представлен кратким летописцем, куда заносились известия о Соловецком монастыре. Первоначальная редакция летописца представлена в сборнике РНБ, Солов. собр. 22/1481, в ней описываются события 862–1606 гг. (заголовок следующий: «Перечень вкратце из летописца»). В. И. Корецкий определил, что основная часть памятника была доведена до 1585 г. и что составителем его был келарь Соловецкого монастыря Петр по прозвищу Ловушка (умер в конце 80-х гг. XVI в.). В тексте летописца старец Петр имени своего не сообщает, но в отдельных записях (1560/61 г., 1566 г., 1567/68 г., 1569/70 г.) упоминает себя. В. И. Корецкий смог определить имя автора летописных записей анализируя эти известия и сопоставляя их с данными расходных монастырских книг. Например, под 7080 (1571/72) г. в летописце читаем: «Того же году были со игуменом *мы* с Варлаамом у государя были в Новгороде». В расходных книгах под этим годом указано, что вместе с игуменом Варлаамом в Новгороде был старец Петр. Записи в расходных книгах помогают также узнать примерное время кончины старца Петра и его прозвище. Сведения о монастыре Петр Ловушка заносил на основе своих воспоминаний и рассказов других старцев. Его частые поездки в Москву, Новгород и другие города позволили ему вносить в летописец не только монастырские известия, что делает его еще более интересным. Текст этот послужил черновым материалом (на полях рукописи помещены различные указания)

для составления другого Соловецкого летописца, находящегося в сборнике начала XVII в. (РНБ, Солов. собр., № 41/1500). При его составлении все косвенные указания о Петре Ловушке были сокращены.

В середине XVII в. в Соловецком монастыре на основе предшествующих летописцев был составлен новый летописный памятник, полностью посвященный истории Соловецкого монастыря. Списков этого летописца сохранилось много. Его текст начинается с изложения событий 1429 г., а оканчивается в разных списках событиями конца XVII—начала XIX в. Заголовок следующий: «Летописец Соловецкий, выписан вкратце от жития преподобных отец Зосимы и Савватия, соловецких чудотворцев, и спостника их аввы Германа, како начаша жити на Соловецком острове, и о преставлении их, и о строении монастырском, и о здании деревянном и каменном, и о прочем». Оканчиваются списки летописца по-разному, например, один из них завершается изложением известия 1701 г. о повреждении от молнии соборной церкви, другой — о приходе в монастырь в 1723 г. царя Петра — третий — о построении кухни «новым манером» в 1796 г.

С XVI в. Соловецкий монастырь занимает видное место в истории нашего государства, происходившие в нем события очень часто имеют общероссийское значение, поэтому было бы желательно появление специального исследования, посвященного Соловецкому летописцу.

Издания: Летописи Соловецкого монастыря. М., 1790; ПСРЛ. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинский летописец. Л., 1977; *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. М., 1981. С. 223—243; ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи. Л., 1982.

Литература: *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 192—206; *Васильев Ю. С.* Летописное наследие Поморья // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XI. Л., 1979. С. 19—42; *Казакова Н. А.* Вологодское летописание XVII—XVIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XII. Л., 1981. С. 66—90; *Зиборов В. К., Лурье Я. С.* Соловецкий вид «Сокращенного свода» последней трети XV в. // Летописи и хроники. 1980 г. В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 147—152.; *Словарь книжников книжности Древней Руси.* Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989 и Вып. 3. Ч. 2. СПб., 1993; *Солодкин Я. Г.* История позднего русского летописания. М., 1997.

3. Летописание Сибири

После похода Ермака в 1582 г. Сибирь стала активно осваиваться русскими людьми: основывались новые города и поселения, прокладывались пути по неведомым землям, велась миссионерская деятельность представителей русской православной церкви. Уже в начале XVII в. записываются со слов участников похода Ермака их рассказы, создается Синодик Ермаковым казакам. На этой основе были написаны первые сибирские летописи.

История сибирского летописания XVII–XVIII вв. представлена многими памятниками, из них самые значительные следующие: Румянцевский летописец, Есиповская летопись, Строгановская летопись, Сибирский летописный свод, Кунгурская летопись и Ремезовская летопись.

Сибирским летописанием стали заниматься еще в XVIII в. (Г.-Ф. Миллер), а в XX в. к нему обращались многие исследователи, в том числе С. В. Бахрушин, А. И. Андреев, Е. И. Дергачева-Скоп и др.

В отличие от традиционных русских летописей любая сибирская летопись начинается не с рассказа о разделении земель между сыновьями Ноя, а с описания похода Ермака. Формально сибирские летописи являются историческими повестями, широко распространенными в русской литературе XVI–XVII вв., в которых при описании одного из важных событий истории Российского государства сохранялось погодное изложение. Но в историографической традиции за этими памятниками прочно закрепилось название — летописи, поэтому в дальнейшем они так и будут называться.

В начале 30-х гг. XVII в. создается один из первых сибирских летописцев — Румянцевский, названный так по одному из пяти его списков. По мнению Е. И. Дергачевой-Скоп, этот летописец послужил источником Есиповской летописи, составленной в 1636 г. Румянцевский летописец имеет следующий заголовок: «О стране Сибирской и о сибирском от Ермака взятии». В нем кратко сообщаются сведения о Сибири, о походе Ермака, о посылке воевод на вновь присоединенные земли. Его текст оканчивается известиями 7095 (1587) г. о приходе воеводы Данилы Чюлкова, об основании города То-

больска, который станет с этого времени главным городом: «И бысть вместо царствующаго града Сибири град Тоболеск, старейшина, понеже ту победа и одоления на бусурман».

Есиповская — одна из основных сибирских летописей — названа по имени ее составителя — Саввы Есипова, взявшего за основу тексты Румянцевского летописца, Синодика, сказок казаков и других памятников (известно 28 списков). Савва Есипов (первая половина XVII в.), дьяк архиерейского дома в Тобольске, сообщил о своем участии в работе над летописью в специальной приписке, завершающей текст, где свое имя зашифровал тайнописью: «Изложена же бысть сия летопись Сибирское царство и княжение и о взятии, и о Тоболске граде в лета 7145-го сентября в 1 день. Слогатай же сей летописи грешен есть, имя же его познавается от четырех букв: сторица сугубая со едином (Са) и вторица со едином (ва). Отчина же его исповестся ото шти букв: первая буква грубая, еже есть Е, прочая же пять: сторица сугубая (с) с сугубою же четверицею (2 умножить на 4 = 8, то есть (и), осмочисленная десятиорица (п) с седмичною десятиорицею (о), едина же сугубая (в), ерь скончевает. Ино же написах с писания, преж мене списавшаго, нечто и стесняемо бе речью, аз же разпространих, беседуя к вашей любви, иже будет изволивый прочитати летописи сия. Ино ж от достоверных муж испытах, иже очима своима видеша и быша в та лета» (ПСРЛ. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М., 1987. С. 72).

Есиповская летопись (заголовок — «О Сибири и сибирском взятии») имеет предисловие, оглавление (37 глав) и текст летописи, каждая глава имеет также заголовок (например: Глава 6. О вере царя Кучума). Последняя погодная запись относится к 7129 (1621) г., где сообщается о приезде в Тобольск первого архиепископа Сибири Киприана.

Существует несколько поздних редакций Есиповской летописи, где произведена литературная обработка текста или продолжено изложение событий и после 1621 г. Есиповская летопись была положена в основание большого по объему Сибирского летописного свода, дополненная также рассказами, бытовавшими в Сибири, о разбойничестве Ермака на Волге. В нем изложение событий доведено до 7194 (1686) г. (в других редакциях вплоть до событий XVIII в., например, в Академической редакции до 1741 г.). Первоначальная редакция Сибирского летописного свода имеет заголовок, где крат-

ко сообщается содержание всего произведения: «Книга записная. Сколько в Сибири, в Тобольску и во всех сибирских городех и острогах, с начала взятия атамана Ермака Тимофеева, в котором году и кто имяны бояр и околничих, и столников, и дворян, и стряпчих на воеводствах бывали, и диаков, и писмянных голов, и с приписью подьячих, и кто которой город ставил, и в котором году, и от которого государя царя кто был» (ПСРЛ. Т. 36. М., 1987. С. 138). Из заголовка видна светская направленность свода, что отличает его от Есиповской летописи. В последней, как и в других памятниках, от нее происшедших, четко изложена основная мысль произведения: действие отряда Ермака является божьим проявлением в борьбе с неверными, при этом ничего не сообщается об обстоятельствах появления отряда в Сибири. В Строгановской летописи, также являющейся одной из основных сибирских летописей, изложена несколько иная точка зрения. В этой летописи, составленной в вотчине Строгановых — Соли-Вычегодской, подчеркивается роль купцов Строгановых в освоении Сибири. Долгое время этот памятник считался первоначальной сибирской летописью, но в последние десятилетия эта роль отводится Есиповской летописи. Датировка же написания Строгановской летописи расширилась: от 1600 г. до 70-х гг. XVII в. Ее заголовок следующий: «О взятии Сибирской земли, како благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси подарова Бог сибирское государство обладати и победити Муртазелиева сына Кучюма салтана сибирскаго...».

Среди источников Строгановской летописи отмечались так называемая Повесть И. М. Катырева-Ростовского, казацкие «написания», грамоты из архива Строгановых, которые цитируются иногда дословно (подлинность этих грамот, по мнению некоторых исследователей, сомнительна). На протяжении XVII—XVIII вв. текст летописи в списках дополняется различными материалами. Например, в одном из списков XVIII в. вставлен текст песни о Ермаке (Глава 8 Толстовского списка).

В Сибири по разным обстоятельствам, начиная со второй половины XVII в., побывали многие видные люди России, скорей всего, благодаря им в Сибирь попадали самые разнообразные памятники древнерусской литературы, которые переписывались местными жителями. Например, сибиряк, сын боярский Сергей Иевлевич Кубасов (составитель хронографа,

названного его именем, умер после 1694 г.) широко известен в отечественной историографии, долгие годы ему приписывалось авторство одной из лучших Повестей о Смутном времени — так называемой Повести И. М. Катырева-Ростовского. После долгого изучения текста хронографа и жизни предполагаемого автора пришли к выводу, что его работу над текстом следует определить как работу компилятора или редактора, поскольку он не был автором ни одной из трех частей, входящих в состав хронографа. Работа С. И. Кубасова в 70–80-е гг. XVII в. над хронографом в Тобольске является одним из многочисленных фактов того, что Тобольск в это время стал настоящим культурным центром в масштабах всей России.

В конце XVII—начале XVIII в. Семен Ульянович Ремезов (1642 — после 1702 г.) создает сибирскую летопись, получившую название по его фамилии, весь текст которой сопровождается рисунками (154 рисунка). Сохранился оригинал летописи — БАН, 16.16.5. (в лист, 39 лл.). В рукописи есть два киноварных заголовка: «История Сибирская» (основная часть) и «Летопись Сибирская, краткая Кунгурская». Текст летописи состоит из 157 (154) глав, каждая страница делится на две неравные части: одну десятую занимает текст, остальную — рисунок. Об авторе летописи сообщается в заключительной статье тайнописью (расшифровка — «писал Семен Ремезов»), здесь же указаны имена сыновей Ремезова Леонтия, Ивана, Семена, Петра, что дает повод некоторым исследователям считать их соавторами отца. Погодное изложение событий, которое не всегда выдержано, оканчивается известиями 7159 (1651) г., где среди прочих событий описывается беседа отца Ремезова Ульяна Моисеева сына с калматским Аблай тайшой о месте захоронения атамана Ермака: «И паки Аблай вопрошаше: «Знаешь ли, Ульянь, где ваш Ермакъ лежить? Ульян жъ снискателен бѣ и хитръ о дѣлехъ, к вопросу отвѣща: «Не вемы до днѣ сего и како погребѣнь, и скончася». И нача Аблай повѣсти деяти о немъ по своей истории: какъ приехалъ в Сибирь, и от Кучюма на перекопе побежа, и утопѣ, и обретенѣ, и стрѣлянѣ, и кровь течаше, и пансыри раздѣлиша и развезоша, как от пансырей и от платья чюдѣсь было, и какъ татара смертной завѣтъ положиша, что про него русакамъ не вѣдати. Аблаю же, приемшу пансырь, и Ульяну стояше, глаголаше о Ермакъ. Ульян жъ испросив у Аблая сказку за его знамѣны и печатью; он жъ

Ремезовская летопись. Рукопись XVII в.

обещая о Ермакѣ подробнѣ возвѣстити» (Памятники литературы Древней Руси: XVII век: Книга вторая. М., 1989. С. 565). Из этой цитаты видно, что Семен Ремезов использовал и рассказы своего отца при написании летописи. Другими его источниками были: «сказки» сведущих людей, Есиповская летопись, предания, песни. На его рисунки оказали влияние миниатюры Царственной книги (С. У. Ремезов бывал в Москве, где занимался картографией), гравюры Синописа. Язык Ремезовской летописи характеризуется исследователями как народный, насыщенный терминологией приказов, ему присуща сжатость и простота. Летопись переведена на английский язык, издана в Лондоне (1975 г.).

В Ремезовскую летопись механически вставлено другое произведение — «Летопись Сибирская, краткая Кунгурская» или Кунгурская летопись (текст ее приводится в Приложении). Первая строка ее достаточно оригинальна: «Начало заворуя Ермака Тимофеева сына Поволскаго». Это краткий летописец, составленный в XVII в., доводит свое изложение до 1601 г. (дата ошибочна), где сообщается о церковном соборе, на котором решили «кликати вечную память» воинам, погибшим в первых сибирских походах. Исследователи отмечают характерную особенность Кунгурской летописи: она представляет собой живой рассказ участника событий. Источники ее разнообразны: предания, легенды, «отписки» и «сказки» землепроходцев. Высказано предположение, что эта летопись через переводчика посольского приказа Андрея Виниуса стала известна Витзену, который использовал ее в своей книге «Noorden Oost Tartaryen», изданной в 1692 г.

Летописные записи велись не только в главном городе Сибири — Тобольске, но и в других сибирских городах (городовое летописание). Ведение летописей продолжалось и в XVIII в.

Издания: Сибирские летописи. СПб., 1907; ПСРЛ. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М., 1987; *Ремезов С. У.* История сибирская. Летопись Сибирская краткая Кунгурская / Памятники литератур Древней Руси: XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 550—582.

Литература: *Андреев А. И.* Очерки источниковедения Сибири. 2-е изд. Вып. 1. М.; Л., 1960; *Дергачева-Скоп Е. И.* Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965; *Ромодановская Е. К.* Русская литература в Сибири первой половины XVII в. (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973;

4. Летописание XVIII в.

А. Н. Насонов в своих исследованиях убедительно показал, что ведение русских летописей не прекратилось во второй половине XVI в., как считали многие его коллеги, а продолжалось в XVII в. и даже в начале XVIII в. При характеристике деятельности разных центров русского летописания уже неоднократно приводились примеры летописей, составленных в XVIII в., например, новгородская Погодинская летопись или сибирская Ремезовская.

Если истории летописания XVII в. в научной литературе последних десятилетий посвящено до сотни статей и публикаций текстов, то о летописании XVIII в. специальных исследований почти нет. Не существует ни перечня памятников, составленных в этом веке, ни, тем более, публикаций летописных текстов.

Летописные центры из столицы государства (там появляются памятники историографии нового времени) перемещаются в провинциальные города, где создается большое количество памятников так называемого городского летописания, посвященных (и при этом выполненных в летописной манере) истории того или иного края.

В конце XVII—начале XVIII в. по инициативе царей еще делались заказы по написанию различного рода летописей, хронографов или степенных книг, но очень часто такие исторические произведения, созданные в традиционной для Древней Руси манере, не устраивали заказчиков. Например, в 1708 г. Ф. П. Поликарпов-Орлов, руководитель самой крупной в государстве московской типографии, получил через начальника монастырского приказа И. А. Мусина-Пушкина распоряжение Петра I о написании русской истории («Историю указал государь писать, почав от царства великого князя Василья Ивановича, даже и до днесь российских дел»). Поликарпов-Орлов выполнил заказ царя в 1715 году. Петр I

остался недоволен его работой, его не устроили ни манера изложения, ни распределение материала, но автору все же было пожаловано 200 рублей. «История» Поликарпова-Орлова не была опубликована, известны три списка, отражающие различные этапы ее создания. В окончательном виде текст озаглавлен так: «История о владении российских великих князей вкратце, о царствовании же десяти российских царей, а наипаче всероссийского монарха Петра Алексеевича (тем именем) Первого и его войне против свейского короля Карола второго на десять пространнее описующая». «История» делится на три части: 1) краткий рассказ о русской истории до середины XVI в., основанный на «Синописе» Иннокентия Гизеля и занимающий всего лишь 30 листов; 2) описание событий до воцарения Романовых (280 листов); источниками для нее послужили Казанская история, «Степенная книга», «История» А. Курбского, «Сказание» Авраамия Палицына, «Новая повесть о преславном российском царстве», русские летописи и грамоты; 3) описание событий начиная с правления царя Михаила Федоровича и до 1710 г. (200 листов, из них пятая часть отведена Северной войне); источниками произведения послужили летописи, грамоты, статейные списки, печатные реляции, манифесты, реестры, журнал военных действий Б. П. Шереметева. «История» написана высоким книжным стилем с многочисленными кальками иностранных слов.

Сложность характеристики исторических произведений XVIII в. заключается в невозможности провести четкую грань между традиционными древнерусскими памятниками и памятниками нового времени. Затруднительно также четко указать время прекращения ведения летописей в XVIII в. (например, А. Н. Насонов называл Петровское время, но в описаниях различных рукописных собраний упоминаются летописи, доводящие изложение событий до 1730 г. и даже до времен правления императрицы Елизаветы). На все эти вопросы можно будет ответить только после тщательного изучения рукописного наследия XVIII в.

Литература: Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969. С. 478—499; Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. 3. Л., 1971. С. 141—168; Зиборов В. К. Поликарпов-Орлов // ТОДРЛ. Т. 45. СПб., 1992. С. 97—100.

Заключение

Русские летописи XI—XVIII вв. являются памятниками не только русской истории, но и сокровищницей русского национального самосознания. В них представлены почти все сферы духовной деятельности русских людей. Наши летописи с полным правом можно назвать священными книгами русского народа, а священные книги должны знать все.

Для историков русские летописи — основной источник, откуда они черпают самую разнообразную информацию об истории нашей Родины с древнейших времен и до XVIII в. Обращаясь к летописи, историк очень часто забывает, что любое летописное известие перед тем, как его использовать для характеристики прошлого, требует предварительного критического осмысления. Летописные известия, в большинстве которых зафиксированы события нашей истории, подчас представляют собой вымысел или догадку летописца, а иногда их появление есть отражение идеологической или политической борьбы, при этом бывают случаи, когда летописное известие появляется в результате ошибки одного или нескольких переписчиков летописи. Таким образом, каждое летописное известие необходимо предварительно взвесить на весах научной критики текста и только после этого использовать его в своих исторических построениях. Когда и при каких обстоятельствах интересующее вас летописное известие было внесено в текст — вот первый и основной вопрос, на который должен ответить историк. Найти ответ на этот вопрос можно только на основе научно восстановленной истории текста летописи (каждая летопись создавалась в несколько этапов, число которых иногда доходит до 10-и, и на каждом из этих этапов текст ее активно дорабатывался и перерабатывался). Незаменимым руководством в решении вопроса об истории текста летописи являются работы А. А. Шахматова и его последователей, восстановивших историю текста почти всех русских летописей. Историк не обязан самостоятельно восстанавливать историю текста интересующей его летописи, но он должен уметь пользоваться накопленными наблюдениями специалистов.

ЧАСТЬ II.
РУССКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ
XI–XVIII вв.
ХРЕСТОМАТИЯ

Предисловие

При подборе летописных текстов для хрестоматии ставились следующие задачи: представить все наиболее важные русские летописи и другие исторические произведения, тесно связанные с летописями, охватить весь период истории русского летописания. Привлечены все существующие варианты публикаций древнерусских текстов (академическая, для широкой аудитории, специальная). Софийская первая летопись младшего извода (1380—1418 гг.) публикуются по рукописи. Делается это осознанно: публикация древнерусских произведений, в том числе и летописей, остается одной из важнейших задач современной историко-филологической науки. К сожалению, наиболее значительные летописи из-за своего огромного объема, например, Никоновская летопись представлены небольшими фрагментами, но для целей первоначального знакомства этого вполне достаточно. Приемы же анализа летописных текстов наиболее отточены на материале ранних русских летописей, поэтому они публикуются в больших фрагментах.

---

1. Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи

Лаврентьевская летопись — одна из древнейших русских летописей, она дошла до нас в рукописи XIV в. на пергамене (РНБ, Ф.п.IV.2.). Названа по имени монаха Лаврентия, переписавшего ее в 6885 (1377) г. Погодное изложение событий в ней доведено до 6813 (1305) г. включительно. История текста летописи может быть представлена в виде серии летописных сводов, среди которых особое место занимает самый знаменитый летописный свод древней Руси — Повесть временных лет. В Лаврентьевской летописи содержится (по А. А. Шахматову) вторая редакция Повести временных лет, составленная в 6624 (1116) г. игуменом Выдубицкого монастыря (в Киеве) Сильвестром. Летопись неоднократно издавалась. Самое авторитетное издание: ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет. Изд. 2-е. Л., 1926; Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Изд. 2-е, Л., 1927; Вып. 3. Приложения: Суздальская летопись по Академическому списку, Указатели. Изд. 2-е. Л., 1928.

Текст публикуется с небольшими сокращениями по изданию: Памятники литературы древней Руси: Начало русской литературы: XI—начало XII века. М., 1978. С. 22—276.

Курсивом выделены добавленные и исправленные слова по Радзивилловской летописи.

Се повѣсти времянныхъ лѣтъ, откуда есть пошла руская земля, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити, и откуду руская земля стала есть

Се начнемъ повѣсть сию.

По потопъ *трие* сынове Ноеви раздѣлиша землю, Симъ, Хамъ, Афетъ. И яся вѣстокъ Симови: Персида, Ватрь, *доже* и до Индикия в долготу, и в ширину *и до Нирокурия*, якоже рещи от вѣстока и до полуденья, и Сурия, и *Мидия* по Ефратъ рѣку, Вавилонъ, Кордуна, асуряне, *Месопотамии*, Аравия Старѣйшая, Елмаисъ, Инди, *Аравия Силная, Колия, Комагини, Финикия* вся.

Хамови же яся полуденная страна: Еюпетъ, Ефивопья, прилежащая ко Индомъ, другая же Ефивопья, из нея же исходитъ рѣка ефиопская Чермна, текущи на вѣстокъ, *Фива, Ливия*, прилежащи до Курии, Марѣмарья, *Сурѣти, Ливия* другая, Нумидья, Масурия, Мавританья *противу сущи* Гадиръ. Сущимъ же ко востокомъ имать Киликию, Памѣфилию, Писидию, *Мисию*, Лукаонию, Фругию, Камалию, Ликию, Карию, Лудью, *Мисию* другую, Троаду, *Еолиду*, Вифунию, Старую Фругию; и *островы* неки имать: Сарѣдани, Критъ, Купръ, и рѣку Гѣону, зовемую *Нилъ*.

Афету же яшася полунощныя страны и *западные*: Мидия, Альванья, *Арменья* Малая и Великая, Кападокия, Фефлагони, Галать, *Кольхисъ*, Воспории, Меоти, Дереви, *Сармати*, Тавриани, *Скуфиа*, Фраци, Макидонья, *Далматия, Малоси, Фесалья, Локрия, Пеления*, яже и Полопонисъ наречеся, Аркадъ, Япиронья, Илюрикъ, Словѣне, *Лухитиа*, Аньдриокія, Оньдрѣятинская пучина. Имать же и острова: Вротанию, Сикилию, Явию, *Родона*, Хиона, Лѣзовона, Кофирана, *Закунфа*, Кефалинья, Ифакину, Керькуру, часть *Асийскыя* страны, нарицаемую Онию, и рѣку Тигру, *текущую* межю Миды и Вавилономъ; до Понетѣскаго моря, на польнощныя страны, Дунай, Дньѣстръ и Кавкаисинския горы, рекше Угорьски, и оттудъ доже и до Дньпра, и прочая рѣки: Десна, Припетъ, Двина, Волховъ, Вольга, яже идетъ на востокъ, в часть Симову. В Афетовъ же части сѣдять русь, чюдъ и вси языци: меря, мурома, весь, морѣдва, заволочьская чюдъ, пермь, печера, ямъ, угра,

литва, зимъгола, корсь, *лътьгола*, любь. Ляхове же, и пруси, чюдь пресъдять к морю Варяжьскому. По сему же морю съдять варязи съмо ко вѣстоку до предѣла Симова, по тому же морю съдять къ западу до земль Агнянски и до Волошьски. Афетово бо и то кольно: варязи, свей, урмане, *готе*, русь, агняне, галичане, волъхва, римляне, нѣмци, корлязи, веньдици, фрягове и прочіе, *ти же* присълять от запада къ *полуденью* и съсѣдаться съ племянемъ Хамовымъ.

Сим же и Хамъ и Афеть, раздѣливше землю, жребьи метавше, не преступати никомуже в жребий братень, *и живяху* кождо въ своей части. Бысть языкъ единъ. И умножившемся челоувкомъ на земли, *и* помыслиша создати столпъ до небесе, въ дни Нектана и Фалека. И собращася на мѣсть Сенаръ поли здати столпъ до небесе и градъ около его Вавилонъ; и созда столпъ то за 40 лѣтъ, *и* не свершенъ бысть. И сниде господь богъ видѣти градъ и столпъ, и рече господь: «Се родъ единъ и языкъ единъ». И съмѣси богъ языки, и раздѣли на 70 и 2 языка, и расъся по всей земли. По размѣшенъи же языкъ богъ вѣтромъ великимъ разраши столпъ, и есть останокъ его промежю Асюра и Вавилона, и есть въ высоту *и въ ширину локотъ 5433 локти*, и в лѣта многа хранимъ останокъ.

По размѣшенъи же столпа и по раздѣленъи языкъ прияша сынове Симови вѣсточныя страны, а Хамови сынове полуденьныя страны. Афетови же прияша западъ и полунощныя страны. От сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словѣнскъ, от племени Афетова, нарци, еже суть словѣне.

По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. От тѣхъ словѣнъ разидошася по земль и прозвашася имени своими, гдѣ съдше на которомъ мѣсть. Яко пришедше съдоша на рѣцъ имянемъ Марава, и прозвашася моравы, а друзии чеси нарекошася. А се ти же словѣни: хровате бѣлии и серебѣ и хорутане. Волхомъ бо нашедшемъ на словѣни на дунайскія, *и* съдшемъ в них и насилищемъ имъ, словѣни же ови пришедше съдоша на Висль, и прозвашася ляхове, а от тѣхъ ляховъ прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне.

Такъ же и ти словѣне пришедше и съдоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древлане, зане съдоша в лѣсѣхъ; а друзии съдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася

дреговичи; *инчи съдоша на Двинъ и нарекошася полочане*, рѣчки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, от сея прозвашася полочане. Словѣни же съдоша около езера Илмеря, *и* прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новъгородъ. А друзии съдоша по Деснѣ, и по *Семи*, по Суль, и *нарекошася* съверъ. *И* тако разидеся словѣньский языкъ, тѣмже и грамота прозвася словѣньская.

Поляномъ же жившимъ особъ по горамъ симъ, бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, *и* по Ловоти внити в Ылмерь озеро великое, из него же озера потечетъ Волховъ и вѣтечетъ в озеро великое *Нево*, *и* того озера внидеть устье в море Варяжское. И по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а от Царягорода прити в *Понтъ море*, *в* не же втечетъ Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече из Оковьскаго *лѣса*, и потечетъ на полѣдне, а Двина ис того же лѣса потечетъ, а идеть на полунощье и внидеть в море Варяжское. Ис того же лѣса потече Волга на вѣстокъ, и вѣтечетъ семьюдесять жерель в море Хвалисьское. Тѣмже и из Руси можетъ ити *по Волзѣ* в Болгары и въ Хвалисы, *и на* вѣстокъ доити въ жребий Симовъ, а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, от Рима *же и* до племени Хамова. А Днѣпръ втечетъ в Понетское море жереломъ, еже море словеть Руское, по нему же училъ святой Онѣдрѣй, братъ Петровъ, якоже рѣша.

Онѣдрѣю учащую въ Синопии и пришедшую ему в Корсунь, *увѣдѣ*, яко ис Корсуны близъ устья Днѣпрское, *и* въсхотѣ пойти в Римъ, и проиде въ вустье Днѣпрское, *и* оттоле поиде по Днѣпру горъ. И по приключая приде и ста подъ горами на березѣ. *И* заутра вѣставъ и рече к сущимъ с нимъ ученикомъ:

«Видите ли горы сия? — яко на сихъ горахъ восияеть благодать божья; имать градъ великъ *быти* и церкви многи богъ въздвигнути имать». *И* въшедъ на горы сия, благослови я, *и* постави крестъ, и помолився богу, и сълзъ съ горы сея, идеже послѣже бысть Киевъ, и поиде по Днѣпру горъ. И приде въ словѣни, идеже нынѣ Новъгородъ, и видѣ ту люди сушая, како естъ обычай имъ, и како ся мыють *и* хвощются, и удивися имъ. *И* иде въ *Варяги*, и приде в Римъ, *и* исповѣда, елико научи и елико видѣ, и рече имъ: «Дивно видѣхъ Словеньскую землю идучи ми съмо. Видѣхъ бани древены, и перезъгутъ ѣ рамяно, *и* совлокуться, и будутъ нази, и обляются

квасомъ уснянымъ, и возмутъ на ся прутье младое, и бьютъ ся сами, и того ся добьютъ, *одва вылезутъ лъ живи*, и облѣются водою студеною, и тако ожиутъ. И то творять по вся дни, не мучими никимже, но сами ся мучать, и то творять мовенъе собѣ, а не мученъе». Ты слышаще дивляхуся. Оньдрѣй же, бывъ в Римѣ, приде в *Синопию*.

Подемъ же жившемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху поляне, и живяху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще каждо родомъ своимъ. И быша 3 братья: единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра ихъ Лыбедь. *Съдѣаше* Кий на горѣ, гдѣже нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ съдѣаше на горѣ, гдѣже нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, от него же прозвася Хоревица. И створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Киевъ. Бѣше около града *лъсъ* и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь, бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся поляне, от нихъ же есть поляне в Киевѣ и до сего дне.

Ини же, не свѣдуше, рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ, у Киева бо бѣше перевозъ тогда с оной стороны Днѣпра; тѣмъ глаголаху: на перевозъ на Киевъ. Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюгороду; но се Кий княжаше в родѣ своемъ, приходившю ему ко царю, якоже скажутъ, яко велику чести приять отъ царя, при которомъ приходивъ цари. Идущю же ему опять, приде къ Дунаеву, и възлюби мѣсто, и сруби градокъ малъ, и хотяше състи с родомъ своимъ, и не даша ему ту близъ живущи; еже и донынѣ наречють *дунайци* городище Киевецъ. Киеви же пришедшю въ свой градъ Киевъ, ту животь свой сконча; и братья его Щекъ, и Хоривъ, и сестра ихъ Лыбедь ту скончашася.

И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженъе в поляхъ, а в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое в Новгородѣ, а другое на Полотѣ, иже полочане. От нихъ же кривичи, *иже* съдѣять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ; туда бо съдѣять кривичи. Таже съверъ отъ нихъ. На Бѣльозерѣ съдѣять весь, а на Ростовскомъ озерѣ меря, а на Клецинѣ озерѣ меря же. А по Оцѣ рѣцѣ, где *втечетъ* в Волгу, мурома языкъ свой, и черемиси свой языкъ, морьдва свой языкъ. Се бо токмо словѣнскъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, ноугородьци, полочане, дреговичи, съверъ, бужане, зане съдоша по Бугу,

послѣже же вельняне. А се суть инии языци, иже дань даютъ Руси: чюдь, меря, весь, мурома, черемись, морьдва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, *нерома*, либь: си суть свой языкъ имуще, от колена Афетова, иже *живуть* въ странахъ полунощныхъ.

Словѣньску же языку, якоже рекохомъ, *живущю* на Дунаи, придоша от скуфъ, рекше от козаръ, рекомии болгаре, и съдоша по Дунаеви, и населници словѣномъ быша. Посемь придоша угри бѣлии, и наслѣдиша землю словѣньску. Си бо угри почаша быти при Ираклии цари, иже находиша на Хоздроя, царя перьскаго. Въ си же времена быша и обри, *иже* ходиша на *Ираклия* царя и мало его не яша. Си же обри воеваху на словѣньхъ, и примучиша дулебы, сущая словѣны, и насиле творяху женамъ *дульбьскимъ*: аще поѣхати будяше обѣрину, не дадыше въпрячи коня ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в тельгу и повести обѣрна, и тако мучаху дульбы. Быша бо обѣръ тѣломъ велици и умоу горди, и богъ потреби я, помроша вси, и не остася ни единъ обѣринъ. *И* есть притѣча в Руси и до сего дне: погибоша аки обѣръ; их же нѣсть племени ни наслѣдка. По сихъ же придоша печенѣзи; паки идоша угри чернии мимо Киевъ, послѣже при Олзѣ.

Поляномъ же жиущемъ особъ, якоже рекохомъ, *сущимъ* от рода словѣньска, и нарекошася поляне, а *деревяне* от словѣнь же, и нарекошася древляне; радимичи бо и вятичи от ляховъ. Бяста бо 2 брата в лясѣхъ,— Радим, а *другий* Вятко,— и пришедъша съдоста Радимъ на Съжю, и прозвашася радимичи, а Вятко съде съ родомъ своимъ по Оцъ, от него же прозвашася вятичи. *И живяху* в миръ поляне, и деревляне, и съверъ, и *радимичи*, вятичи и хрвате. Дульби живяху по Бугу, гдѣ ныне вельняне, а улучи и тиверьци съдыху бо по Днѣстру, присъдыху къ Дунаеви. Бѣ множество ихъ; съдыху бо по Днѣстру *оли* до моря, суть гради их и до сего дне, да то ся зваху от Грекъ Великая скуфъ.

Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своих и преданья, кождо свой нравъ. Поляне бо своих отецъ обычаи имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и к родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣнье имѣху, брачный обычай имяху: не *хожаше* зять по неvěсту, но приводяху вечеръ, а завѣтра приношаху по ней что владуче. А древляне живяху звѣриньс-

кимъ образомъ, *живуще* скотьски: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвицы. И радимичи, и вятичи, и сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху в лѣсѣ, якоже и всякій звѣрь, ядуше все нечисто, и срамословье в нихъ предъ отцы и предъ снохами, и браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская *пѣсни*, и ту умыкаху жены собѣ, с нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены. И еще кто умряше, творяху *трызну* надъ нимъ, и по семь творяху кладу велику, и възложашуть ѳ на кладу, мертвеца сожжаху, и посемь собравше кости вложашу в судину малу, и *поставляху* на столпъ на путехъ, еже творять вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая кривичи и прочии погании, не вѣдуше закона божия, но творяще сами собѣ законъ.

Глаголетъ Георгій в лѣтописаньи. «Ибо комуждо языку овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычаи, зане законъ безаконникомъ отечество мнится. От нихъ же первіе сирии, *живуще* на конецъ земля, законъ имуть *отецъ* своихъ обычаи: не любодѣяти и прелюбодѣяти, ни красти, ни оклеветати, ли убити, ли зло дѣяти весьма. Законъ же и у *вактрианъ*, глаголеми врахмане и островъници, еже от правды показанье и благочестье мяс не ядуше, ни вина пьюше, ни блуда творяще, никакая же злобы творяще, страха ради многа и *божия вѣры*. Ибо явъ *таче* прилежащимъ к нимъ *индиомъ*—убийстводѣици, сквернотворяще, гнѣвливи паче естества; ли в *нутрънѣйши* странѣ ихъ человекъ ядуше и странствующихъ убиваху, паче же ядятъ яко пси. Етеръ же законъ халдѣемъ и вавилонямъ: матери поимати, съ братними чады блудъ дѣяти, и убивати. И всякое *бестудное* дѣянье яко *добродѣтелье* мнятся дѣюше, любо далече страны своея будуть.

Инь же законъ гилиомъ: жены в нихъ орютъ, зижуть храми и мужская дѣла творять, но любы творять елико хоцетъ, не въздержаемы от мужий своихъ весьма, *ли зазрять*; в нихъ же суть храбрѣе жены ловити звѣрь *крѣпкѣи*. Владѣють же жены мужи своими и добляють ими. Во Врѣтанѣи же мнози мужи съ *единою* женою спятъ, и *многыя* жены съ единымъ мужемъ похотѣствуютъ: безаконная яко законъ отецъ творять независимо ни въздержанью. Амазоне же мужа не имуть, но и аки скотъ бесловесный *единою* лѣтомъ къ *вѣшнимъ* днемъ оземь-

ствени будутъ; и сочтаются с *окрестными* мужи, яко *нѣкоторое* имъ торжество и велико празднѣнство время *то* мнѣть. От них заченшимъ въ чревѣ, паки разбѣгнутся отсюду вси. Во время же *хотѣющимъ* родити, аще родится отроча, погубятъ; еще *дѣвическъ* полъ, то въздоятъ и прилѣжнѣ *въспитають*».

Якоже се и при насъ нынѣ половци законъ держать отецъ своихъ: кровь проливати, а *хвалящися* о *семъ*, и ядуше мерьтвечину и всю нечистоту, хомъки и сусолы, и поимають мачехи своя и ятрови, и ины обычая отецъ своихъ. Мы же, хрестіане, елико земля, иже вѣрують въ святую Троицу, въ едино крещеніе, въ едину вѣру, законъ имамъ единъ, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся.

По сихъ же лѣтѣхъ, по смерти братья сея, быша обидимы древлями и инѣми околними. И *наидоша* я козарѣ, съдѣющая на горахъ сихъ въ лѣсѣхъ, и рѣша козари: «Платите намъ дань». Съдумавше же поляне и вдаша от дыма мечъ, и несоша козари ко князю своему и къ *старѣйшинымъ*, и рѣша имъ: «Се, налѣзохомъ дань *нову*». Они же рѣша имъ: «Откуда?» Они же рѣша: «Въ лѣсѣ на *горахъ*, надъ рѣкою Днѣпрскою». Они же рѣша: «Что суть въдали?». Они же показаша мечъ. И рѣша старци козарѣстии: «Не добра дань, княже! Мы ся доискахомъ оружіемъ одиною стороною, *рекше* саблями, а сихъ оружіе *обоюду* остро, рекше мечъ. Си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ». Се же сбѣся все: не от своея воля рекоша, но отъ божья повелѣнья. Яко и при Фаравонѣ, цари еюпетѣстѣмъ, *егда* приведоша Моисѣя предъ Фаравона, и рѣша старѣйшина фараоня: «Се хошетъ смирити область Еюпетѣскую»; якоже и бысть: погибоша еюптяне от Моисѣя, а первое быша работающе имъ. Тако и си: владѣша, и послѣже *самъми* владѣють; якоже и бысть: володѣють *бо* козары русьскіи *князи* и до днешнего дне.

Въ лѣто 6360, индикта 15, наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О семь бо *увѣдахомъ*, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется въ лѣтописаньи гречѣстѣмъ. Тѣмже отселе почнем и числа положимъ, яко «От Адама до потопа лѣтъ 2242; а от потопа до Аврама лѣтъ 1000 и 82, а от Аврама до исхоженья Моисеева *лѣтъ* 430; а от исхоженія *Моисѣева* до Давида лѣтъ 600 и 1; а от Давида и от начала царства Соломона до плѣненья Ярусалимля лѣтъ 448; а от плѣненья до Олексанѣдра лѣтъ 318; а отъ Олексанѣдра до рожества Христова лѣтъ 333; а отъ Хрис-

това рождества до Коньстянтина лѣтъ 318; от Костянтина же до Михаила сего лѣтъ 542». А от первого лѣта Михайлова до первого лѣта Олгова, рускаго князя, лѣтъ 29; а от первого лѣта Олгова, понелиже съде в Киевѣ, до первого лѣта Игоревѣ лѣтъ 31; а от первого лѣта Игоревѣ до первого лѣта Святъ-славля лѣтъ 33; а от первого лѣта Святославля до первого лѣта Ярополча лѣтъ 28; а Ярополкъ княжи лѣтъ 8; а Володимерь княжи лѣтъ 37; а Ярославъ княжил лѣтъ 40. Тѣмже от смерти Ярослави до смерти Святополчи лѣтъ 60.

Но мы на *прежнее* възвратимся и скажемъ, што ся *здѣя в лѣта* си, якоже преже почали бяхомъ первое лѣто Михайломъ, а по ряду положимъ числа.

Въ лѣто 6361. Въ лѣто 6362. Въ лѣто 6363. Въ лѣто 6364. Въ лѣто 6365.

Въ лѣто 6366. Михаилъ царь изиде с вои брегомъ и моремъ на болгары. Болгаре же увидѣше, *яко* не могоша стати противу, креститися просиша и покоритися грекомъ. Царь же крести князя ихъ и боляры вся, и миръ створи с болгары.

Въ лѣто 6367. *Имаху* данъ варязи изъ заморья на чюди и на словѣнех, на мери и на всѣхъ кривичѣхъ. А козари имажу на полянѣх, и на сѣверѣх, и на вятичѣхъ, имажу по бѣлѣ и въверицѣ от дыма.

Въ лѣто 6368. Въ лѣто 6369.

Въ лѣто 6370. Изгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, и быша в нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. *И* рѣша сами в себѣ: «Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». *И* *идоша* за море къ варягомъ, к руси. Сиче бо ся зваху тѣ варязи *русь*, яко се друзии зовутся *свиѣ*, друзии же урмане, анъгляне, друзии гѣте, тако и си. Рѣша *руси* чюдъ, словѣни, и кривичи *и весь*: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ. Да поидете княжитъ и володѣти нами». И избращася 3 братья с роды своими, пояша по собѣ всю русь, и придоша; старѣйший, Рюрикъ, *съде Новѣгородъ*, а другий, Синеусъ, на Бѣлѣозерь, а третій Изборьстѣ, Труворъ. *И* от тѣхъ *варягъ* прозвася Руская земля, новугородьци, ти суть людье ноугородьци от рода варяжска, преже бо быша словѣни. По дву же лѣту Синеусъ умре *и* братъ его Труворъ. И прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ горо-

домъ суть находници варязи, а перьвии насельници в Новѣгородѣ словѣне, въ Полотьски кривичи, в Ростовѣ меря, в Бѣльозерѣ весь, в Муромѣ мурома; и тѣми всеми обладаше Рюрикъ. И бѣста у него 2 мужа, не племени его, *но* боярина, и та испросистася ко Царюгороду с родомъ своимъ. И поидоста по Днѣпру, и идуче мимо и узрѣста на горѣ градокъ. И *упрошаста* и рѣста: «Чий се градокъ?». Они же рѣша: «Была суть 3 братья, Кий, Шекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градоко съ, и изгибоша, и мы съдимъ, *родѣ ихъ, платяче дань козаромъ*». Аскольдъ же и Диръ ооста въ градъ семь, и многи варяги *сѣвокуписта*, и начаста владѣти польскою землею, Рюрику же *княжашу* в Новѣгородѣ.

Въ лѣто 6371. Въ лѣто 6372. Въ лѣто 6373.

Въ лѣто 6374. Иде Аскольдъ и Диръ на греки, и прииде въ 14 *лѣто* Михаила царя. Царю же отшедшю на огаряны, дошедшю же ему Черные рѣкы, вѣсть епархъ посла к нему, яко русь на Царьгородъ идет, и вратися царь. Си же внутрь Суду вшедше, много убийство крестьяномъ створиша, и въ двою сотъ корабль Царьградъ оступиша. Царь же едва въ градъ вниде, *и* с патрехомъ съ Фотьемъ къ сущей церкви святѣй богородицѣ Влахѣрнѣ всю ночь молитву створиша, та же божественую святы богородицы ризу с *пѣсними* изнесъше, *в мори skutъ* омочивше. Тишинѣ сущи *и* морю укротившюся, абѣ буря вѣста с вѣтромъ, и волнамъ вельямъ вѣставшемъ засобъ, безбожныхъ Руси *корабля* смяте, *и* к берегу приверже, и изби я, яко *мало* их от таковыя бѣды избѣгнуги *и* вѣсво-яси възвратишася.

Въ лѣто 6375.

Въ лѣто 6376. *Поча* царствовати *Василий*.

Въ лѣто 6377. *Крещена* бысть вся земля Болъгарская.

Въ лѣто 6378. Въ лѣто 6379. Въ лѣто 6380. Въ лѣто 6381. Въ лѣто 6382. Въ лѣто 6383. Въ лѣто 6384. Въ лѣто 6385. Въ лѣто 6386.

Въ лѣто 6387. Умершю Рюрикови, предасть княженъе свое Олгови, от *рода* ему суща, вѣдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря, *бѣ* бо дѣтескъ вельми.

Въ лѣто 6388. Въ лѣто 6389.

Въ лѣто 6390. Поиде Олегъ, поимъ воя многи, варяги, чюдъ, словѣни, мерю, *весь*, кривичи, и приде къ Смоленску съ кривичи, и прия градъ, и посади мужъ свои. Оттуда поиде внизъ, и взя Любець, и посади мужъ свои. *И* придоста къ горамъ хъ киевскимъ, и *увѣда* Олегъ, яко

Осколдъ и Диръ княжита, *и* похорони вои в лодьях, а другия назади остави, а самъ приде, нося Игоря дѣтска. И приплу подъ Угорьское, похоронивъ вои своя, и присла ко Асколду и Дирови, глаголя, яко «Гость есмь, идемъ въ Греки от Олга и от Игоря княжича. Да придѣта к намъ, к родомъ своимъ». Асколдъ же и Диръ придоста, выскакав же вси прочии изъ лодья, и рече Олегъ Асколду и Дирови: «Вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа», *и* вынесоша Игоря: «А се есть сынъ Рюриковъ». И убиша Асколда и Дира, *и* несоша на гору, *и погребоша* и на горъ, еже ся ныне зоветъ Угорьское, кде ныне Ольминъ дворъ; на той могиль поставилъ *Ольма* церковь святаго Николу; а Дирова могила за святою Ориною. *И* съде Олегъ княжа въ Киевѣ, и рече Олегъ: «Се буди мати градомъ *русьскимъ*». *И* быша у него варязи и словѣни и прочи, прозвашася русью. *Сей* же Олегъ нача города ставити, и устави дани словѣномъ, кривичемъ и мери, *и устави* варягомъ дань даяти от Новгорода гривень 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославъ даяше варягомъ.

Въ лѣто 6391. Поча Олегъ воевати деревляны, *и примучивъ а, имаше* на них дань по чернъ кунъ.

Въ лѣто 6392. Иде *Олегъ* на северяне, и победи съверяны, и възложи на нъ дань легьку, и не дасть имъ козаромъ дани платити, рекъ: «Азъ имъ противень, а вамъ не чему».

Въ лѣто 6393. Посла къ радимичемъ, рька: «*Кому* дань дае-те?». Они же рѣша: «Козаромъ». И рече имъ Олегъ: «Не дайте козаромъ, но мнѣ дайте»...

Въ лѣто 6412. Въ лѣто 6413. Въ лѣто 6414.

Въ лѣто 6415. Иде Олегъ на Греки. Игоря *оставив* Киевѣ, *поя же* множество варяг, и словенъ, и чюдъ, и словене, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и съверо, и вятичи, и хорваты, и дулебы, и тиверци, яже суть толковины: си вси звахуться от грекъ Великая скуфь. *И* съ сими со всѣми поиде Олегъ на конех и на кораблех, и бѣ числомъ кораблей 2000. *И* прииде къ Царюграду; и греци замкоша Суд, а град затвориша. *И* выиде Олегъ на брегъ, и воевати нача, и много убийства сотвори около града грекомъ, и разбита многы полаты, и пожгоша церкви. А их же имаху плѣнники, овѣхъ посекаху, другиа же мучаху, иныя же растреляху, а другыя в море вметаху, и ина многа *зла* творяху русь грекомъ, елико же ратнии творять.

И повель Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и воставляти на колеса корабля. И бывшую покосну вѣтру, въспя парусы съ поля, и идяше къ граду. И видѣвше греци и убояшася, и рѣша, выславше ко Олгови: «Не погубляй града, имемъся *по дань*, якоже хочещи». И устави Олегъ воя, и вынесоша ему брашно и вино, и не приа его — бѣ бо устроено со отравою. И убояшася греци и рѣша: «Нѣсть се Олегъ, но святыи Дмитрей, посланъ на ны от бога». И заповѣда Олегъ *дань* даяти на 2000 корабль, по 12 гривенъ на человекъ, а въ корабли *по* 40 мужъ.

И яшася греци по се, и почаша греци мира просити, дабы не воевал Грецкыи земли. Олегъ же мало отступи от града, нача миръ творити со царьма грецкими, со *Леонѡмъ* и Александрѡмъ, посла к нима въ градъ Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида, глаголя: «Имите ми ся по дань». И рѣша греци: «Чего хочещи, *дамы* ти». И заповѣда Олегъ дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключъ, и потом даяти *уклады*, на рускыи грады: первое на Киевѣ, та же на Черниговѣ, на Переяславѣ, на Полтѣскѣ, на Ростовѣ, на Любечѣ и на прочаа города; по тѣмъ бо городѡмъ сядяху величии князи, под Олгом суще. «Да приходячи русь слюбное емлют, елико хотячи, а иже *придутъ* гости, *да* емлют месячину на 6 мѣсяць, хлебъ, вино, и мясо, и рыбы и *овощь*. И да творят им мовъ, елико хотят. Поидучи же *домовъ*, в Русь, да емлют у царя вашего *на путь* брашно, и якори, и ужища, и парусы, и елико надобѣ». И яшася греци, и рѣста царя и боярство все: «Аще приидуть русь бес купли, да не взимают мѣсячины: да запретити князь словомъ своимъ приходящимъ руси здѣ, да не творят пакости в селѣхъ в странѣ нашей. Приходяще русь да витают у святого Мамы, и *послетъ* царство наше, и да испишут имена их, и тогда возмутъ *мѣсячное* свое, — первое от города Киева, и *паки* ис Чернигова и ис Переслава, и прочии гради. И да входят в град одними вороты со царевымъ мужемъ, без оружья, мужъ 50, и да творят куплю, якоже имъ надобѣ, *не платяче* мыта ни в чемъ же».

Царь же Леонъ со Александрѡмъ миръ сотвориста со Олгом, имшеся по дань и ротъ заходивше межы собою, целовавши *сами* крестъ, а Олга водивше на роту и мужи его по Рускому закону, кляшася оружьемъ своимъ, и Перуномъ, богѡмъ своимъ, и Волосѡмъ, скотѣемъ богѡмъ, и утвердиша миръ. И рече Олегъ: «*Исшийте* парусы паволочиты руси, а словѣ-

номъ *кропильныя*», и бысть тако. И повѣси щит свой въ вратехъ, показуа побѣду, и поиде от Царяграда. И *воспяша русь* парусы паволочиты, а словене кропинны, и раздра а вѣтръ; и рѣша словени: «Имемся своим толстинам, не даны суть словѣном прѣ *паволочиты*». И приде Олегъ к Киеву, нося злато, и паволоки, и овощи, и вина. и всякое узорочье. И прозваша Ольга — выщій: бяху бо людье погани и невѣгласи.

В лѣто 6416. В лѣто 6417. В лѣто 6418.

В лѣто 6419. Явися звѣзда велика на западе *копейным* образомъ.

Въ лѣто 6420. Посла мужи свои Олегъ построить мира и положить ряд межю Русью и Греки, и посла *глаголя*: «Равно другаго свещанія, бывшаго при техъ же царехъ Лва и Александра. Мы от рода рускаго, Карлы, Инегелдъ, Фарлоф, Веремуд, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карнъ, Фрелавъ, *Руаръ*, Актеву, Труанъ, Лидул, Фостъ, Стемид, иже послани от Ольга, великого князя рускаго, и от всѣхъ, иже суть под рукою его, свѣтлыхъ и великихъ князь, и его великихъ боярь, к вам, Лвови и Александрови и Костянтину, великимъ о бозѣ самодержцемъ, царемъ греческимъ, на удержание и на извѣщение от многихъ лѣтъ межю хрестианы и Русью бывшею любовь, похотѣнемъ нашихъ великихъ князь и по повелѣнію от всѣхъ, иже суть под рукою его сущихъ руси. Наша свѣтлость боль инѣхъ *хотящи* еже о бозѣ удержати и извѣстити такую любовь, бывшую межю хрестіанъ и Русью многожды, право судихомъ, *не* точю просто *словесемъ*, и писаниемъ и клятвою твердою, кленшеся оружіемъ своимъ, такую любовь утвердити и извѣстити по вѣре и по закону нашему.

Суть, яко *понеже* мы ся имали о божьи вѣре и о любви, главы таковыя: по первому убо слову да умиримся с вами, греки, да любимъ друг друга от всеа душа и изволения, и не вдадимъ, елико наше изволение, быти от сущихъ *подъ* рукою нашихъ князь свѣтлыхъ никакому же соблазну или винѣ; *но* потщимся, елико по силѣ, на сохранение прочихъ и всегда лѣтъ с вами, греки, исповеданиемъ и написаниемъ со клятвою извѣщаемую любовь непревратну и *непостыжну*. Тако же и вы, греки, да храните *таку* же любовь ко княземъ нашимъ свѣтлымъ рускимъ и ко всѣмъ, иже суть под рукою свѣтлаго князя нашего, *несоблазну* и непреложну всегда и во вся лѣта.

А о главахъ, аже ся ключитъ проказа, *урядимъ* ся сие: да елико явѣ будеть показаніи явленными, да имѣютъ верное о

тацѣх *явление*; а ему же начнуть не *яти* вѣры, да кленется часть та, иже ищетъ неятю вѣры; да егда кленется по вѣре своей, и будетъ казнѣ, якоже явиться согрешенье.

О сем, аще кто убьет или хрестянина русин, или хрестянинъ русина, да умрет, идѣже аще сотворитъ убийство. Аще ли убежитъ сотворивый убийство, да аще есть домовит, да часть его, сирѣчь иже его будетъ по закону, да возьметъ ближний убьенаго, а и жена убившаго да имѣть, толицемъ же пребудеть по закону. Аще ли есть неимовитъ сотворивый убой и убежавъ, да держиться тяжи, дондеже обрящется, и да умереть.

Аще ли ударитъ мечем, или *бьеть* кацѣмъ любо сосудомъ, за то ударение или бьенье да вдасть литръ 5 сребра по закону рускому; аще ли не имовитъ тако сотворивый, да вдасть елико можетъ, да соиметь съ себе и ты самыя порты, в нихъ же ходитъ, да о процѣ да ротъ ходитъ своею вѣрою, яко никакоже иному помощи ему, да пребываетъ тяжа отоле не взыскаема.

О сем, аще украдетъ что *любо русин* у хрестянина, или паки хрестянинъ у русина, и ятъ будетъ в томъ часѣ тать, егда татбу сътворитъ, отъ погубившаго что *любо*; аще приготовиться тать творяй, и убьень будетъ, да не взищется смерть его ни отъ хрестянь, ни отъ Руси; но паче убо да возметъ свое, иже *будеть* погубилъ. Аще *вдасть* руцѣ свои украдый, да ятъ будетъ тѣмъ же, у него же будетъ украдено, и связанъ будетъ, и отдасть тое, еже смѣ створити, и сотворить триичи.

О сем, аще кто отъ хрестянь или отъ Руси мученья образомъ искусь творити, и *насилемъ* явъ возметъ что *любо* дружне, да въспятить троиче.

Аще вывержена будетъ лодья вѣтромъ великимъ на землю чюжую, и обратиться тамо иже отъ насъ руси, да аще кто *иметь* снабдѣти лодию съ рухломъ своимъ и отослати паки на землю хрестяньскую, да проводимъ ю сквозь всяко страшно мѣсто, дондеже приидетъ въ бестрашно мѣсто; аще ли таковая лодья отъ буря, или боронения земнаго боронима, не можетъ *възвратитися* въ своа си мѣста, спотружаемся гребцемъ тоа лодья мы, русь, допроводимъ съ куплею ихъ поздорову. Ти аще ключиться близъ земля Гр ецкаа. Аще ли ключиться тако же проказа лодьи русской, да проводимъ ю в Рускую землю, да продаютъ рухло тоя лодьи, и аще что можетъ про-

дати от лодѣа, *воволочим* мы, русь. Да егда ходим в Греки или с куплею, или въ солбу ко цареви вашему, да пустим с честью проданное рухло лодѣи их. Аще ли лучится кому от лодѣи убеену быти от нас руси, или что взято любо, да повинни будуть то створшии прежереченною епитимею.

О тѣх, аще полоняникъ обою страну держим есть или от руси, или от грекъ, проданъ въ ону страну, аще обрящеться ли русинъ, ли греченинъ, да *искупятъ* и възратят искупное лице въ свою сторону, и возмут цѣну его купящими, или мнисьа в куплю над нѣ челядиннаа цѣна. Тако же аще от рати ять будетъ от тѣх грекъ, тако же да *возратится* въ свою страну, и *отдана* будет цѣна его, якоже речено есть, якоже есть купля.

Егда же *требуетъ* на войну ити, и сии хотять *почтити* царя вашего, да аще въ кое время елико их приидеть, и хотят остати у царя вашего своею волею, да будуть.

О Руси о полонении множаиши. От коеа любо страны пришедшим в Русь и продаемым въ хрестѣяны, и аще же и о хрестѣянех о полоненых от коеа любо страны приходящим в Русь, се продаеми бывають по 20 золота, и да приидут в Греки.

О том, аще украден будетъ челядинъ рускый, или ускочит, или по нужи продан будетъ, и жаловати начнут Русь, да покажется таковое о челядинъ и да поимуть и в Русь; но и гостие *аще* погубиша челядинъ и жалуютъ, да ищуть, обретаемое да поимуть е. Аще ли кто искушенъа сего не дастъ створити местникъ, да погубить правду свою.

И о работающихъ въ Грекох руси у хрестѣянскаго царя. Аще кто умереть, не *урядивъ* своего имениа, ци своих не имать, да възратит имение к малым ближикам в Русь. Аще ли сотворить обряжение таковый, возметь уряженое его, кому будет писал наследити имъне его, да наследит е.

О взирающих куплю руси.

О различныхъ *ходящихъ* во Греки и удолжающих... Аще злодѣй не възратится в Русь, да жалуютъ русь хрестѣянску царству, и ять будет таковый, и възвращен будет, не хотя, в Русь. Си же вся да створять русь грекомъ, идѣже аще ключитьсѣа таково.

На утверженъ же *и неподвижение* быти меже вами, хрестъяны, и Русью, бывший миръ сотворихом Ивановымъ написаниемъ на двою харатью, царя вашего и своею рукою, подлежащимъ честнымъ крестомъ и святою единосущною Троицею единого истиннаго бога *вашего*, извѣсти и дать нашимъ посломъ. Мы же кляхомся ко царю вашему, иже от бога суща, яко *божие* зданіе, по закону и по *покону* языка нашего, не преступити намъ, ни *иному* от страны нашей от уставленныхъ главъ мира и любви. И таковое написаніе дахомъ царства вашего на утверженіе обоему пребывати таковому совещанію, на утверженіе и на извѣщеніе межи вами бывающаго мира. Мѣсяца сентября 2, *индикта 15*, в лѣто созданія мира 6420».

Царь же Леонъ почти послы рускыя дарми, златомъ, и паволоками и фофудьями, и пристави к нимъ мужи свои показати имъ церковную красоту, и полаты златыя и в нихъ сущаа богатество, злата много и паволоки и камѣнье драгое, и страсти господня и венець, и гвоздие, и хламиду багряную, и мощи святыхъ, учаше я къ вѣре своей и показующе имъ истинную вѣру. И тако отпусти а во свою землю с честию великою. Послании же Олгомъ послѣ приидоша ко Олгови, и поведаша вся рѣчи обою царю, како сотвориша миръ, и урядъ положиша межю Грецкою землею и Рускою и клятвы не преступити ни грекомъ, ни руси.

И живяше Олегъ миръ имѣа ко всѣмъ странамъ, княжа в Киевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, *иже* бѣ поставилъ кормити и не вседати на нь. Бѣ бо въпрашалъ волхвовъ *и* кудесникъ: «Отъ чего ми есть *умрети*». И рече ему кудесникъ одинъ: «Княже! Конь, его же любиши и вѣдиши на немъ, отъ того ти *умрети*». Олегъ же приимъ въ умъ, си рече: «Николи же всюду на нь, ни вижю его боле того». И повелѣ кормити *и* не водити его къ нему, и пребы нѣколико лѣтъ не видѣ его, дондеже на Греки иде. И пришедшу ему Киеву и пребывъшю 4 лѣта, на пятое лѣто помяну конь, отъ него же бяхуть рекли волхви *умрети*. И призва старейшину конюхомъ, рече: «*Кде* есть конь мѣй, его же *бѣхъ* поставилъ кормити и блюсти его?». Онъ же рече: «Умерлъ есть». Олегъ же посмѣяся и укори кудесника, река: «То ти неправо глаголють волхви, но *все то лѣжа есть*: конь умерлъ есть, а я живъ». И повелѣ оседлати конь: «А то вижю кости его». И прииде на мѣсто, идѣже бѣша лежаще кости его голы и лобъ голъ, и ссѣде с

коня, и посмеяся рече: «Отъ сего ли лба смърть было взяти мнѣ?». И вѣступи ногою на лобъ; и выникнувши змиа *изъ* лба, и уклону в ногу. И с того разболѣся и умре. И плакашася людѣ вси плачемъ великимъ, и несоша и погребоша *его* на горѣ, еже глаголетъся Щековица; есть же могила *его* и до сего дни, *словеть* могила Ольгова. И бысть всѣхъ лѣтъ княженія *его* 33...

В лѣто 6479. Приде Святославъ в Переяславецъ, и затворишася болгаре въ градъ. И излѣзоша болгаре на съчю противу Святославу, и бысть съча велика, и *одолаху* болгаре. И рече Святославъ воемъ своимъ: «Уже намъ сде пасти; потягнемъ мужьски, братья и дружино!». И къ вечеру одолѣ Святославъ, и взя градъ копьемъ, и посла къ грекомъ, глаголя: «Хочю на вы ити *и* взяти градъ вашъ, яко и сей». И рѣша грѣци: «Мы недужи противу вамъ стати, но возми дань на насъ, и на дружину свою, и повѣжьте ны, колько васъ, да вдамы по числу на главы». Се же рѣша грѣци, лѣстяче подѣ Русью; *суть бо греци лѣтивы и до сего дни*. И рече имъ Святославъ: «Есть насъ 20 тысящъ». И прирече 10 тысящъ, бѣ бо руси 10 тысящъ *толко*. И пристроиша грѣци 100 тысящъ на Святослава, и не даша дани. И поиде Святославъ на греки, и изидоша противу руси. Видѣвъше же русь убояшася зѣло множества вой, и рече Святославъ: «Уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посрамимъ землѣ Рускиѣ, но ляжемъ костями, мертвый бо срама не имамъ. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убѣжати, но станемъ крепко, азъ же предъ вами поиду: аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою». И рѣша вои: «Идеже глава твоя, ту и свои главы сложимъ». И исполчишася русь, и бысть съча велика, и одолѣ Святославъ, и бѣжаша грѣци. И поиде Святославъ ко граду, воюя и грады разбивая, яже *стоятъ* и до днешняго дне *пусты*. И созва царь боляре своя в полату, и рече имъ: «Што створимъ, яко не можемъ противу ему стати?». И рѣша ему боляре: «Посли к нему дары, искусимъ и, любѣзнивъ ли есть злату, ли *паволокамъ*?». И посла к нему злато, и паволоки, и мужа мудра, рѣша ему: «Глядай взора и лица *его* и смысла *его*». Онъ же, вземъ дары, приде къ Святославу. И повѣдаша Святославу, яко придоша грѣци с поклономъ. И рече: «Въведѣте я сѣмо». Придоша, и поклонишася ему, *и* положиша предъ нимъ злато и паволоки. И рече Святославъ, кромѣ зря, отрокомъ своимъ: «Схороните». Они

же придоша ко царю, и созва царь боляры. Рѣша же послании, яко «Придохомъ к нему, и вдахомъ дары, и не *возрѣ* на ня, и повелѣ схоронити». И рече единъ: «Искуси и еще, посли ему оружье». Они же *послушаша* его, и послаша ему мечъ и ино оружье, и принесоша к нему. Онъ же, приимъ, нача хвалити, и любити, и *цѣловати* царя. Придоша опять ко царю, и повѣдаша ему вся бывшая. И рѣша боляре: «Лютъ се мужъ *хочетъ* быти, яко имения не брежетъ, а оружье емлетъ. Ими-ся по дань»...

Створив же миръ Святославъ съ греки, поиде в лодяхъ къ порогомъ. И рече ему воевода отень *Свѣналдъ*: «Поиди, княже, на конихъ около, стоятъ бо печенъзи в порозѣхъ». И не послуша его *и* поиде в лодяхъ. И послаша переяславци къ печенъгомъ, глаголюще: «Се идеть вы Святославъ в Русь, возьмъ именье много у грекъ и полонъ бещисленъ, съ *маломъ* дружины». Слышавше же се печенизи, заступиша пороги. И приде Святославъ къ порогомъ, и не бѣ лъзѣ проити порогъ. И ста зимовати в Бѣлобережьи, и не бѣ у нихъ брашна уже, и бѣ гладъ великъ, яко по полутривнѣ глава коняча, и зимова Святославъ ту.

Веснъ же приспѣвъши, в лѣто 6480, поиде Святославъ в пороги. И нападе на нь Куря, князь печенъжский, и убиша Святослава, *и* взяша главу его, и во лбѣ его съдѣлаша чашю, *оковавши* лобъ его, и пяху *из него*. Свѣналдъ же приде Киеву къ Ярополку. И всѣхъ лѣтъ княженья Святославля лѣтъ 20 и 8.

В лѣто 6481. Нача княжити Ярополкъ.

В лѣто 6482.

В лѣто 6483. Ловъ *дѣющею* Свѣналдичю, именемъ Лютъ; ишедъ бо ис Киева, гна по звѣри в лѣсѣ». И узрѣ и Олегъ, и рече: «Кто се естъ?». И рѣша ему: «Свѣналдичъ». И забхавъ, уби и, бѣ бо ловы дѣя Олегъ. И о *томъ* бысть *межю* ими ненависть, Ярополку на Ольга, и молвѣше всегда Ярополку Свѣналдъ: «Поиди на братъ свой и прими волость его», хотя отмстити сыну своему.

В лѣто 6484.

В лѣто 6485. *Поиде* Ярополкъ на Ольга, брата своего, на Деревьску землю. И изиде противу его Олегъ, и *ополчистася*. Ратившемася полкома, победи Ярополкъ Ольга. Побѣгъшю же Ольгу с вои своими въ градъ, рекомый Вручий, бѣше чересь гроблю мостъ ко *вратомъ* граднымъ, тѣснячеся, другъ друга пихаху въ гроблю. И спехнуша Ольга с мосту в дебрь. Падаху

люде мѣзи, и удавиша кони чловеци. И вышедъ Ярополкъ въ градъ Ольговъ, перея власть его, и посла искать брата своего; *и* искавшие его, не обрѣтоша. И рече единъ деревлянинъ: «Азъ видѣхъ, яко вчера спехнуша с мосту». И посла Ярополкъ искать брата, и влачиша трупъ изъ гробли от утра и до полудне, и налѣзоша и Ольга выподи трупъ, *вынесоша* и, и положиша и на коврѣ. И приде Ярополкъ, надъ немъ плакася, *и рече Свеналду*: «Видѣ, сего ты *еси* хо-тѣлъ!». И погребоша Ольга на мѣстѣ у города Вручого, и естъ могила его и до сего дне у Вручого...

... В лѣто 6489. Иде *Володимѣрь* к ляхомъ и зая грады их, Перемышль, Червень и ины грады, *иже* суть и до сего дне подъ Русью. В сем же лѣтѣ и вятичи побѣди, и възложи на *ня* дань от *плуга*, якоже и отецъ его имаше.

В лѣто 6490. Заратишася вятичи, и иде на *ня* Володимѣрь, и победи *я* второе.

В лѣто 6491. Иде Володимѣрь на *ятвягы*, и победи *ятвягы*, и взя землю их. И иде Киеву и творяше *требу* кумиромъ с людьми своими. И рѣша старци и боляре: «Мечемъ жребий на отрока и дѣвицю; на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ». Бяше варягъ единъ, и бѣ дворъ его, идеже естъ церкви святая богородица, юже сдѣла Володимѣрь. Бѣ же варягъ *той* пришелъ изъ Грекъ, *и* держаше вѣру хрестеяньску. И бѣ у него сынъ красенъ лицемъ и душею; на сего паде жребий по зависти дѣяволи. Не терпяшеть бо дѣволъ, власть имы надо всѣми, *и сей* бяшеть ему аки тернъ въ сердци, *и* тыщашеся потребити оканъный, и наустити люди. *И* рѣша пришедше послании к нему, яко «Паде жребий на сынъ твой, изволиша бо и бози собѣ; да створимъ *требу* богомъ». И рече варягъ: «Не суть *то* бози, *но* древо; днесъ естъ, а утро изгнѣетъ; не ядятъ бо, ни пьютъ, ни молвятъ, но суть дѣлани руками в деревѣ. А богъ естъ единъ, ему же служатъ грѣци и кланяются, *иже* створилъ небо, и землю, *и* звезды, и луну, и солнце, и чловека, *и* даль естъ ему жити на земли. А си бози что сдѣлаша? Сами дѣлани суть. Не дамъ сына своего бѣсомъ». Они же шедше *повѣдаша* людемъ. Они же, взявше оружье, поидоша на нѣ и розѣяша дворъ около его. Онъ же стояще на сѣнѣхъ съ сыномъ своимъ. Рѣша ему: «Вдай сына своего, да вдамы *и* богомъ». Онъ же рече: «Аще суть бози, то единого собе послиють бога, да имуть сынъ мой. А вы чему претребуете *имѣ*?». И *кликнуша*, и посѣкоша сѣни подъ нима, и тако побиша *я*. И не

свѣсть никтоже, гдѣ положиша я. Бяху бо тогда чловѣци невѣголови и погани. Дьяволъ радовашеся сему, не вѣдый, яко близъ погибель хотяше быти ему. Тако бо тѣшашеся погубити родъ *хрестьяньскій*, но прогонимъ бѣше хрестомъ честнымъ и в *иныхъ* странахъ; сде же мняшеся оканьный: яко сде ми есть жилище, сде бо не суть апостоли учили, ни пророци прорекли, не вѣдый пророка, глаголюща: «И *нареку* не люди моя люди моя»; о апостолѣхъ бо рече: «Во всю землю изидоша вѣщанья ихъ, и в конецъ вселенныя глаголи ихъ». Аще и тѣлом апостоли не суть *сдѣ* были, но ученья ихъ аки трубы гласять по вселеннѣй в церквахъ, *ихъ* же ученьемъ побѣждаемъ противнаго врага, попирающе подѣ нози, якоже попраста и си *отечника*, *приемша вѣнецъ* небесный съ святыми мученики и праведники.

В лѣто 6492. Иде Володимиръ на радимичи. Бѣ у него воевода Вольчій Хвостъ, и посла ѿ Володимеръ передѣ собою, Вольчѣя Хвоста; сѣрѣте *радимичи* на рѣцѣ Пищанѣ, и победи радимичѣ Вольчій Хвостъ. Тѣмъ и Русь корятся радимичемъ, глаголюще: «Пищаньци вольчѣя хвоста бѣгаютъ». Быша же радимичи от рода ляховъ; прешедѣше ту ся вселиша, и платятъ дань Руси, повозъ везуть и до сего дне.

В лѣто 6493. Иде Володимиръ на Болгары съ *Добрынею*, съ *уемъ* своимъ, в лодьяхъ, а торьки берегомъ приведе на конихъ: и побѣди *болгары*. Рече Добрына Володимеру: «Сѣглядахъ колодникъ, *и* суть вси в сапозѣхъ. Симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ». И створи миръ Володимиръ съ болгары, и ротъ заходиша межю собѣ, и рѣша болгаре: «Толи не будетъ межю нами мира, *оли* камень начнетъ плавати, а хмель почнетъ тонути». И приде Володимиръ Киеву.

В лѣто 6494. Придоша болгары *вѣры* бохѣмичѣ, глаголюще, яко «Ты князь еси мудръ и смыслень, не вѣси закона; но вѣруй в законъ нашъ и поклонися Бохѣмиту». И рече Володимиръ: «Како есть вѣра ваша?». Они же рѣша: «Вѣруемъ богу, а Бохмичѣ ны учить, глаголя: обрѣзати уды тайныя, и свинины не ясти, вина не пити, *а по смерти же, рече, со женами похоть творити блудную*. Дастъ Бохмичѣ комуждо по семидесятъ женъ красныхъ, исбереть едину красну, и всѣхъ красоту възложить на едину, та будетъ ему жена. *Здѣ* же, рече, достoitъ блудъ творити всякъ. На семь свѣтъ аще *будетъ* кто убогъ, то и *тамъ*», и ина многа лѣсть, ея же нѣ лѣзь псати срама ради. Володимиръ же слушаше ихъ, бѣ бо самъ любя жены и

блуженье многое, послушаше сладко. Но се ему бѣ не любо: обрѣзанье удовъ и о неяденьи мясь свиныхъ, а о питьи *отнудь*, рѣка: «Руси есть веселье питье, не можемъ бес того быти». Потомъ же придоша нѣмцы *от Рима*...

... Отвѣщавше же *боляре (Володимиру — В. 3.) рекоша*: «Аще бы лихъ законъ гречьскій, то не бы баба твоя прияла, Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣхъ человекъ». Отвѣщавъ же Володимерь, рече: «*Гдѣ* крещенье приемъ?» Они же рекоша: «Гдѣ ти любо». И минувшю лѣту.

В лѣто 6496, иде Володимерь съ вои на Корсунь, град гречьскій, и затворишася корсуняне въ градъ. И ста Володимерь об онъ полъ города в лимени, дали града *стрѣлище* едино, и боряхуся крепко изъ града. Володимерь же обѣстоя градъ. Изнемогаху въ градъ людьє, и рече Володимерь къ гражаномъ: «Аще ся не вдасте, имамъ стояти и за 3 лѣта». Они же не послушаша того. Володимерь же изряди воа *своа*, и повель *приспу сыпати* къ граду. Симъ же *спущимъ*, корсуняне, подькопавше стѣну градскую, крадуше сыплемую персть, и ношаху к собѣ въ градъ, сыплюще посредь града. Воини же присыпаху боле, а Володимерь стояше.

И се мужъ корсунянинъ стрѣли, именемъ Настасъ, напсавъ сице на стрѣль: «Кладязи, яже суть за тобою от вѣстока, ис того вода идетъ по трубѣ, копавъ переими». Володимерь же, се слышавъ, възрѣвъ на небо, рече: «Аще се ся сбудет, и самъ ся крещю». И ту абѣ повель копати преки трубамъ, и прѣяша воду. Людьє изнемогоша водною жажею и предашася. Вниде Володимерь въ град и дружина его, и посла Володимерь ко *царема*, Василью и Костянтину, глаголя сице: «Се град ваю славный взях; слышу же се, яко сестру имата дѣвою, да аще еѣ не вдаста за мя, створю граду вашему, якоже и сему створих». И *слышавши* царя, быста печальна, и въздаста вѣсть, сице глаголюща: «Не достоить хрестеянѣмъ за поганяя *даяти*. Аще ся крестиши, то и се получишь, и царство небесное приимеши, и с нами единовѣрникъ будеши. Аще ли сего не хоцещи створити, не можемъ дати *сестры* своеє за тя». Си слышавъ Володимерь, рече посланымъ от царю: «Глаголите *царема* тако; яко азъ крещюся, яко испытахъ преже сихъ дний законъ вашъ, и есть ми *люба* вѣра ваша и служенье, еже бо ми сповѣдаша послании нами мужи». И си слышавша царя рада быста, и умолиста сестру свою, именемъ Аньну, и посласта къ Володими-

ру, глаголюща: «Крестися, и тогда послевь сестру свою к тебѣ». Рече же Володимеръ: «Да пришедъше съ сестрою ва-шею крестятъ мя». И послушаста царя и посласта сестру свою, сановники нѣкия и прозвутеры. Она же не хотяше ити: «Яко в полонѣ, — рече, — иду, *луче бы ми сде умерети*». И рѣста ей *брата*: «Еда како обратитъ богъ тобою Рускую землю в пока-янье, а Гречьскую землю избавишь от лютыя рати. Видиши ли, колько зла створиша Русь грекомъ? И нынѣ аще, не идеши, то же имуть створити намъ». И одва ю принудиша. Она же, съдъши в кубару, цѣловавши ужики своя съ пла-чемъ, поиде чресъ море. И приде къ Корсуню, и изидоша корсуняне с поклономъ, и въведоша ю въ градъ, и посадиша ю въ полать. По божую же устрою в се время разболѣся Воло-димеръ очима, и не видяше ничтоже, тужаше велми, *и не домышляешеться, что створити*. И посла к нему царица, рѣ-щуща: «Аще хоцещи избыти болѣзни сея, то въскорѣ крести-ся, аще ли, то не имаша избыти *недуга* сего». Си слышавъ Володимеръ, рече: «Да аще истина будет, то поистинѣ ве-ликъ богъ будет хрестеянескъ». И повелѣ хрестити ся. Епис-копъ же корсуньскій с попы царицины, огласивъ, крести Володимира, яко възложи руку на нь, абѣ прозрѣ. Видивъ же се Володимеръ напрасное ищѣенье, и прослави бога, рекъ: «Топерво *уведѣхъ* бога истиннаго». Се же видѣвше дружина его, мнози крестяшася. Крести же ся в церкви святаго Васи-ля, и есть церкви та стоящи въ Корсунѣ градъ, на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ дѣють корсуняне; полата же Во-лодимера съ края церкви стоит и до сего дне, а царицина полата за олтаремъ. По крещеньи же приведе царицю на бра-ченье. Се же не сведуще право глаголють, яко крестилъся есть в Киевѣ, *ини* же рѣша: *в Василеве*, друзии же инако скажуть. Крещену же Володимеру, предаша ему въру крес-теяньску, рекуще сице: «Да не прельстятъ тебе нѣции от ере-тикъ, но въруй, сице глаголя: «Вѣрую во единого бога отца, вседержителя, творца небу и земли», до конца въру сию. И паки: «Вѣрую въ единого бога отца нерожена, и въ единого сына рожена, въ единъ святой духъ *исходящ*: три собѣства свершена, мыслена, раздѣляема числомъ *и собѣствънымъ собѣствомъ*, а не *божествомъ*, *раздѣ-ляетъ бо ся не* раздѣлно, и совокупляется неразъмьсно. Отець, богъ отецъ, присно сый пребываетъ во отчѣствѣ нероженъ, безначаленъ, начало и вина всѣмъ, единъмъ *нероженемъ* старѣй сый сыну и духови;

от него же рождается сынъ преже всѣхъ вѣкъ, исходитъ же духъ святой безъ времени и бесъ тѣла; вкупѣ отецъ, вкупѣ сынъ, вкупѣ духъ святой есть. Сынъ *подобесущенъ* отцю, роженъ тобою разньствуя отцю и духу. Духъ есть пресвятой, отцю и сыну *подобносущенъ* и *соприсносущенъ*. Отцю бо отецество, сыну же сыновство, *святому* же духу исхоженъе. *Ни* отецъ бо въ сынъ ли въ духъ *преступаетъ*, ни сынъ во отца и в духа, *ни* духъ въ сынъ ли во отецъ; неподвижена бо свойства...

В лѣто 6506. В лѣто 6507.

В лѣто 6508. Преставися Мальфръдъ. В се же лѣто преставися и Рогънъдъ, мати Ярославля.

В лѣто 6509. Преставися Изяславъ, отецъ Брячиславъ, сынъ Володимеръ.

В лѣто 6510.

В лѣто 6511. Преставися Всеславъ, сынъ Изяславъ, внукъ Володимеръ.

В лѣто 6512. В лѣто 6513. В лѣто 6514.

В лѣто 6515. Пренесени святии въ святую Богородицю.

В лѣто 6516. В лѣто 6517. В лѣто 6518.

В лѣто 6519. Преставися царица Володимеря Анна.

В лѣто 6520. В лѣто 6521.

В лѣто 6522. Ярославу же сущю Новѣгородъ, и урокомъ дающю Киеву двѣ тысячь *гривенъ* от года до года, а тысячу Новѣгородъ гридемъ раздаваху. *И* тако даяху *вси* посадници новѣгородьстии, а Ярославъ сего не даяше *к Киеву* отцю своему. И рече Володимеръ: «Требите путь и мостите мость», — хотяшетъ бо на Ярослава ити, на сына своего, но разболъся.

В лѣто 6523. Хотящю Володимеру ити на Ярослава, Ярославъ же, пославъ за море, приведе варягы, бояся отца своего; но богъ не власть дьяволу радости. Володимеру бо разболѣвшюся, в се же время бѣше у него Борисъ. Печеньгом идущемъ на Русь, посла противу имъ Бориса, самъ бо боляше велми, в ней же болести и скончася мѣсяца иуля въ 15 день. Умре же на Берестовѣмъ, и потайша и, бѣ бо Святополкъ Кыевъ. Ночью же межю *двѣма* клѣтми проймавше помость, обертыше в коверъ и, ужи съвѣсиша на землю; възложыше и на сани, везыше поставиша и въ святѣй Богородици, юже бѣ създалъ самъ. Се же увѣдѣвше людье, бѣ-щисла снисдошася и плакашася по немъ, боляре акы заступника ихъ земли, убозии акы заступника и кормителя. И вложиша и в корсту мороморяну, схра-ниша тѣло его с плачемъ, блаженаго князя.

Се есть новый Костянтинъ великого Рима, иже крестивъ-ся сам и люди своя: тако и съ створи подобно ему. Аще бо бѣ и прежде на сквернѣную похоть желая, но послѣже прилежа к покаянью, якоже апостолъ вѣщавае: «Идеже умножиться грѣхъ, ту изобильствуетъ благодать». Дивно же есть се, колико добра створилъ Русьскій земли, крестивъ ю. Мы же, хресті-яне суще, не въздаем почестья противу оногo, възданью. Аще бо онъ не крестилъ бы насъ, то нынѣ были быхомъ в прельсти дьяволи, якоже и прародители наши погынуша. Да аще бы-хом имѣли потщанье и мольбы приносили богу за нѣ, в день преставленья его, и видя бы богъ тѣшанье наше к нему, прославилъ бы ѿ: намъ бо достойтъ за нѣ бога молити, понеже тѣмъ бога познахом. Но дажъ ти господь по сердцю твоему, и вся прошенья твоя исполни, его же желаше царства небес-наго. Дажъ ти господа вѣнецъ с праведными, в пищи райскій, веселье и ликѣствованье съ Авраомъ и с прочими патриар-хы, якоже Соломонъ рече: «Умершю мужю праведну, не погыбаеъ упованье».

Сего бо в память держать русьстии людье, поминающе святое крещенье, и прославляютъ бога въ молитвахъ и в пѣс-нехъ и въ псалмѣхъ, поюще господеву, новии людье, про-свѣщени святымъ духомъ, чающе надежи великаго *бога* и спаса нашего Иисуса Христа въздати комуждо противу трудомъ неиздреченную радость, юже буди улучити всѣмъ хресті-аномъ.

О у б ѣ н ь и Б о р и с о в ѣ. Святополкъ же съде Кыевъ по отци своему, и съзва кыяны, и нача даяти имъ имѣнье. Они же приимаху, и не бѣ сердце ихъ с нимъ, яко братья ихъ бѣша с Борисомъ. Борису же възвратившюся съ вои, не обрѣтшю печенѣгъ, вѣсть приде к нему: «Отецъ ти *умерлѣ*». И плакася по отци велми, любимъ бо бѣ отцемъ своимъ паче всѣхъ, и ста на Льтѣ пришедъ. Рѣша же ему дружина отня: «Се дружина у тебе отня и вои. Поиди, сяди Кыевъ на столъ отни». Он же рече: «Не буди мнѣ възнати руки на брата своего старѣйшаго: аще и отецъ ми умре, то съ ми буди въ отца мѣсто». И се слышавше, вои разидошася от него. Борисъ же стояше съ отроки своими. Святополкъ же, исполнивъсѣ безаконья, Каиновъ смыслъ примѣ, посы-лая к Борису, глаголаше, яко «С тобою хочю любовь имѣ-ти, и къ отню придамъ ти»; а лѣсть под нимъ, како бы и погубити...

... И събра Ярославъ варягъ тысячу, а прочих вой 40000, и поиде на Святополка, нарекъ бога, рекъ: «Не я почахъ избивати братью, но онъ; да будетъ отмстѣйникъ богъ крове братья моя, зане без вины пролья кровь Борисову и Гльбову *праведную*. Егда и мнѣ сие же створить? Но суди ми, господи, по правдѣ, да скончается злоба грѣшнаго». И поиде на Святополька. *Слышавъ же* Святополкъ идуща Ярослава пристрой бе-шисла вой, *руси и печенъгъ, и изыде противу ему к Любичю об онъ полъ Днѣпра, а Ярославъ объ сю.*

Н а ч а л о к н я ж е н ѣ я Я р о с л а в л я К ы е в ѣ . В лѣто 6524. Приде Ярославъ на *Святополка*, и стаща противу *обаполъ* Днѣпра, и не смяху ни си онѣхъ, ни они сихъ начати, и стояща мѣсяць 3 противу собѣ. И воевода нача Святополчъ, въздя възль берегъ, укаряти новгородцъ, глаголя: «Что придосте с хромъцемъ симъ, а вы плотници суще? А приставимъ вы *хоромовъ* рубити *нашихъ*». Се слышавше новгородци, рѣша Ярославу, яко «Заутра перевеземъся на *ня*; аще кто не поидете с нами, сами потнемъ *его*». Бѣ бо уже в заморозъ. Святополкъ стояше межи двѣма озеромъ, и всю ночь пиль бѣ с дружиною своею. Ярославъ же заутра, исполчивъ дружину свою, противу свѣту перевезеся. И *выседше* на брегъ, отринуща лодь от берега, и поидоша противу собѣ, и сступишася на мѣсть. Бысть съча зла, и не бѣ лзь озеромъ печенъгомъ помагати, и притиснуша Святополка с дружиною *ко озеру*, и вѣступиша на ледъ, и обломися с ними ледъ, и одалати нача Ярославъ, *видѣвъ же Святополкъ и побеже, и одолъ Ярослав.* Святополкъ же бѣжа в Ляхы, Ярославъ же съде Кыевъ на столѣ отъни и дѣдни. И бы тогда Ярославъ лѣтъ 28.

В лѣто 6525. Ярославъ иде в *Киевъ*, и погорѣ церкви.

В лѣто 6526. Приде Болеславъ съ Святополкомъ на Ярослава с ляхы, Ярославъ же, совокупивъ русь, и варягы и словѣнъ, поиде противу Болеславу и Святополку, и приде Волыню, и стаща оба полъ рѣкы Буга. И бѣ у Ярослава кормилецъ и воевода, именемъ Буды, нача укаряти Болеслава, глаголя: «Да то ти прободемъ трѣскою черево твое тольстое». Бѣ бо Болеславъ великъ, и тяжекъ, яко и на кони не могы съдѣти, но бѣше смыслень. И рече Болеславъ къ дружины своей: «Аще вы сего укора не жаль, азъ единъ погину». Всѣдъ на конь, вбрѣде в рѣку и по немъ вои его. Ярославъ же не утягну исполчитися, и победи Болеславъ Ярослава. Ярославъ же убѣжа съ 4-ми мужи Новугороду. Болеславъ же вниде в

Кыевъ съ Святополкомъ. И рече Болеславъ: «Разведете дружину мою по городомъ на покорѣмъ», и бысть тако. Ярославъ же прибѣгшу Новугороду, и хотяше бѣжати за море, и посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрынь, с новгородьци расъкоша лодѣ Ярославль, рекуше: «Хочемъ ся и еще бити съ Болеславомъ и съ Святополкомъ». Начаша скотъ събирати от мужа по 4 куны, а от старость по 10 гривен, а от бояръ по 18 гривен. И приведоша варягы, и вдаша имъ скотъ, и совокупи Ярославъ воя многы. Болеславъ же бѣ Кыевъ съдя, оканьный же Святополкъ рече: «Елико же ляховъ по *городомъ*, избивайте я». И избиша ляхы. Болеславъ же побѣже ис Кыева, възма имѣнье и бояры Ярославль и сестръ его, и Настаса пристави Десятиныаго ко имѣнью, бѣ бо ся ему ввѣрилъ лестью. И людей множество веде с собою, и города червеньскыя зая собѣ, и приде в свою землю. Святополкъ же нача княжити Кыевъ. И поиде Ярославъ на Святополка, и бѣжа Святополкъ в Печенѣгы.

В лѣто 6527. Приде Святополкъ с печенѣгы в силѣ тяжьцѣ, и Ярославъ собра множество *вои*, и *изыде* противу ему на Лѣто. Ярославъ ста на мѣсть, идеже убиша Бориса, въздвѣвъ руцѣ на небо, рече: «Кровь брата моего вопѣть к тобѣ, владыко! Мъсти от крове праведнаго сего, якоже мѣстилъ еси крове Авелевы, положивъ на Каинъ стенанье и трясенье; — тако положи и на семь». Помоливъся, и рекъ: «Брата моя! Аще еста и тѣломъ *отошла* отсюда, но молитвою помозѣта ми на противнаго сего убийцю и гордаго». И се ему рекшу, поидоша противу собѣ, и покрывша *поле* Летьское обои от множества вой. Бѣ же пятокъ тогда, възходящу солнцю, и сступишася обои, бысть съча зла, яка же не была в Руси, и за руки емлюче *сечахуся*, и сступашася трижды, яко по удолюемъ крови тещи. К вечеру же одолѣ Ярославъ, а Святополкъ бѣжа. И бѣжащу ему, нападе на нь бѣсъ, и раслабѣша кости его, не можаше съдѣти *на кони*, и несяхуть и на носилѣхъ. Принесоша и къ *Берестю*, бѣгающе с нимъ. Онъ же глаголаше: «Побѣгнѣте со мною, женуть по насъ!». Отроки же его всылаху противу: «Еда кто женеть по насъ?». И не бѣ никогоже вслѣдъ гонящаго, и бѣжаху с нимъ. Он же в немощи лежа, и възсхопивъся глаголаше: «Осе женуть, *о женуть*, побѣгнѣте». Не можаше терпѣти на единомъ мѣсть, и пробѣжа Лядскую землю, гонимъ божьимъ гнѣвомъ, прибѣжа в пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже злѣ животъ свой *в томѣ*

мъсте. «Его же по правдѣ, яко *неправедна*, суду нашедшю на нь, по *отшествии* сего свѣта прияша муки, оканьнаго. Показоваше явѣ... посланая пагубная рана, въ смерть немилостивно вѣгна», и по смерти вѣчно мучимъ есть связанъ. Есть же могила его в пустыни и до сего дне. Исходить же от нея смрадъ золъ. Се же богъ показа на наказанье княземъ русскимъ, да аще сии еще сие же створять, *се слышавше, ту же казнь примутъ; но и большіи сее, понеже, вѣдая се, створять* такоже зло убийство. 7 бо мстий прия Каинъ, убивъ Авеля, а Ламехъ 70; понеже бѣ Каинъ не вѣдый мщенья прияти от бога, а Ламехъ, вѣдый казнь, *бывшую* на прародителю его, створи убийство. «Рече бо Ламехъ къ своимъ женамъ: мужа убихъ въ вредъ мнѣ и уношю въ язву мнѣ, тмѣже, рече, 70 мстий на мнѣ, понеже, рече, вѣдая створихъ се». Ламехъ уби два брата Енохова, и поя собѣ женъ ею; *сей же* Святополкъ, новый Авимелехъ, иже ся бѣ родилъ от прелюбодѣянна, иже изби братью свою, сыны Гедеоны; тако и съ бысть.

Ярославъ же съде Кыевъ, утеръ пота с дружиною своею, показавъ побѣду и трудъ великъ.

В лѣто 6528. Родился у Ярослава сынъ, и нарече имя ему Володимѣръ.

В лѣто 6529. Приде Брячиславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимѣръ, на Новѣгородъ, и зая Новѣгородъ, и поимъ новгородцъ и имѣнье ихъ, поиде Полотъску опять. И пришедшю ему к Судомири рѣцъ, и Ярославъ ис Кыева въ 7 день постиже и ту. И побѣди Ярославъ Брячислава и новгородцъ вороти Новугороду, а Брячиславъ бѣжа Полотъску.

В лѣто 6530. Приде Ярославъ къ Берестію. Въ си же времена Мьстиславу сущю *Тмуторокани*, поиде на касоги. Слышавъ же се, князь касожскій Редедя изиде противу тому. И ставшема обѣма полкома противу собѣ, и рече Редедя къ Мьстиславу: «Что ради губивъ дружину межи собою? Но *сидеве* ся сама бороть. Да аще одолѣеши ты, то возмеши имѣнье мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою. Аще ли азъ одолѣю, то възму твое все». И рече Мьстиславъ: «Тако буди». И рече Редедя ко Мьстиславу: «Не оружьемъ ся бѣвѣ, но борьбою». И яста ся бороти крѣпко, и надолзъ борющемася има, нача изнемагати Мьстиславъ: бѣ бо великъ и силенъ Редедя. И рече Мьстиславъ: «О пречистая богородице, помози ми. Аще бо *одолѣю* сему, сзижю церковь во имя твое». И се рекъ, уда-

ри имь о землю. И вынзе ножь, и зарьза Редедю. И шедъ в землю его, взя все имънье его, и жену его и дѣти его, и дань възложи на касоги. И пришедъ Тьмutorоканю, заложи церковь святаыя Богородица, и созда ю, яже стоитъ и до сего дне Тьмutorокани.

В лѣто 6531. Поиде Мьстиславъ на Ярослава с козары и с касоги.

В лѣто 6532. Ярославу сущю Новѣгородъ, приде Мьстиславъ ис Тьмutorоканя Киеву, и не прияша его кыяне. Онъ же, шедъ, съде на столъ Черниговъ, Ярославу сущю Новѣгородъ тогда. В се же лѣто вѣсташа волѣсви в Суждали, избиваху старую чадь *по* дьяволю наущенью и бѣсованью, глаголюще, яко си держать гобино. Бѣ мятежъ великъ и голодъ по всей той странѣ; идоша по Волзѣ вси людѣ в Болгары, и привезоша *жито*, и тако ожиша. Слышав же Ярославъ волхвы, приде Суздалю; изымавъ волхвы, расточи, а *другыя* показни, рекъ сице: «Богъ наводитъ по грѣхомъ на куюждо землю гладом или моромъ, ли ведромъ, ли иною казнью, а человекъ не вѣсть ничтоже». И възвративъся Ярославъ, приде *Новугороду*, и посла за море по варягы. И приде Якунъ с варягы, и бе Якунъ *съ лѣнъ*, и луда бѣ у него золотомъ истъкана. И приде къ Ярославу; и иде Ярославъ съ Якуномъ на Мьстислава. Мьстиславъ же, слышавъ, взиде противу има к Листвену. Мьстиславъ же с вечера исполчивъ дружину, и постави съверъ в чело противу варягомъ, а сам ста с дружиною своею по крилома. И бывши нощи, бысть тма, молонья, и громъ, и дождь. И рече Мьстиславъ дружинѣ своей: «Поидемъ на *ня*». И приде Мьстиславъ и Ярославъ противу собѣ, и сступися чело съверъ съ варягы, и *трудишася варязи секуще съверъ, и посемъ наступи Мстиславъ со дружиною своею и нача съчи варязи*. И бысть съча силна, яко посвѣтыше молонья, блещашеться оружье, и бѣ гроза велика и съча силна и страшна. Видѣв же Ярославъ, яко побѣжаемъ естъ, побѣже съ Якуномъ, княземъ варяжъскимъ, и Якунъ ту отбѣже луды златомъ. Ярославъ же приде Новугороду, а Якунъ иде за море. Мьстиславъ же, о светѣ заутра, видѣвъ лежачи съчены от своя съверъ и варягы Ярославлѣ, и рече: «Кто сему не радъ? Се лежитъ съверянинъ, а се варягъ, а дружина своя цѣла». И посла Мьстиславъ по *Ярослава*, глаголя: «Сяди в своемъ Киевѣ: ты еси старѣйшей братъ, а мнѣ буди си сторона». И не смяше Ярославъ ити в Киевъ, дондеже смиристася. И съдѣше

Мьстиславъ Черниговъ, а Ярославъ Новъгородъ, и бѣяху Киевъ мужи Ярославли. *В семъ же лѣтъ* родися у *Ярослава* другой сынъ, и нарече имя ему Изяславъ.

В лѣто 6534. Ярославъ совокупи воя многы, и приде Киеву, и створи миръ с братом своим Мьстиславомъ у Городьця. И раздѣлиста по Днѣпръ Русьскую землю: Ярославъ прия сю сторону, а Мьстиславъ ону. И начаста жити мирно и в братолюбьствѣ, и уста усобица и мятежъ, и бысть тишина велика в земли.

В лѣто 6535. Родися 3-й сынъ Ярославу, и нарече имя ему Святославъ.

...

В лѣто 6550. Иде Володимеръ, сынъ Ярославль, на Ямъ, и *побѣди* я. И помроша кони у вой Володимеръ, яко и еще дышущимъ конемъ, съдираху хзы с ними: толикъ бо бѣ моръ в конихъ.

В лѣто 6551. Посла Ярославъ сына своего Володимера на-Грькы, и вда ему вой *многы*, а *воеводство* поручи Вышатъ, отцю Яневу. И поиде Володимеръ в лодяхъ, и придоша в Дунай, и придоша к Цесарюграду. И бысть буря велика, и разби корабли руси, и князь корабль разби вѣтръ, и взя князя в корабль Иванъ Творимиричъ, *воевода Ярославль*. Прочии же вой Володимери *вывержени* быша на брегъ, числомъ 6000, и *хотѣ* поити в Русь, и *не* идяше с ними *никтоже* от дружины княжее. И рече *Вышата*: «Азъ поиду с ними». И высѣде ис корабля *к нимъ*, и рече: «Аще живъ буду, *то* с *ними*, аще погыну, *то* с *дружиною*». И поидоша, хотяще в Русь. И бысть вѣсть грѣкомъ, яко избило море русь, и *посла* царь, именемъ Мономахъ, по руси олядий 14. Володимеръ же, видѣвъ с дружиною, яко идут по немъ, въспятивъся, изби оляди грѣчьскыя, и възвратися в Русь, всѣдъше в корабль свой. Вышату же яша съ изверженными на брегъ, и приведоша я Цесарюграду, и слѣпиша руси много. По трехъ же лѣтѣхъ, миру бывшю, пущенъ бысть Вышата в Русь къ Ярославу. В си же времена вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира, и вдасть Казимиръ за вѣно людей 8 сотъ, *яже бѣ полонилъ Болеславъ, победив Ярослава*.

В лѣто 6552. *Выгребоша*2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости ею, и положиша я въ церкви свѣтѣя Богородица. В се же лѣто умре Брячиславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимеръ, отецъ Всеславль, и Всеславъ, сынъ его, съде на столъ его, его же роди мати от вѣлхвованья.

Матери бо родивши его, бысть ему язвено на главѣ его, рекоша бо волсви матери его: «Се язвено навяжи на нь, да носить е до живота своего», еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ; сего ради немилостивъ есть на кровьпролитѣе.

В лѣто 6553. Заложѣ Володимеръ святую Софью Новѣгородъ.

В лѣто 6554.

В лѣто 6555. Ярославъ иде на мазовшаны, и побѣди я, и князя ихъ уби *Моислава*, и покори я Казимиру.

В лѣто 6556. В лѣто 6557.

В лѣто 6558. Преставися жена Ярославля княгини.

В лѣто 6559. Поставѣ Ярославъ Лариона митрополитомъ русина въ святѣй Софѣи, собравъ епископы.

И се да скажемъ, *чѣго* ради прозвася Печерскый монастырь. Боголюбивому князю Ярославу любящую Берестовое и церковь ту сущую святыхъ Апостолъ, и попы многы набдящую... и совокупляти нача многы черноризцы, и совокупи братьѣ числомъ 100. И нача искати правила чернечскаго и обрѣтесе тогда Михайлъ, чернецъ монастыря Студийскаго, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ с митрополитомъ Георгиемъ, и нача у него искати устава чернецъ студийскихъ. И обрѣтъ у него, и списа, и устави въ монастыри своемъ, како пѣти пѣнья монастырская, и поклонъ какъ держати, и чтенья почитати, и стоянье в церкви, и весь рядъ церковный, и на трапезѣ съданые, и что ясти в кѣи дни, все съ уставленьемъ. Феодосии всемо изобрѣтъ, предасть монастырю своему. От того же монастыря переяша вси монастыреве уставъ: тѣмъже почтенъ есть монастырь Печерскый *старей всѣхъ*. Феодосьеви же живущю в монастыри, и правящую добродѣтельное житѣе и чернечское правило, и приимающую всякого приходящаго к нему, к нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и приять мя лѣтъ ми сущю 17 от роженья моего. Се же написахъ и положихъ, в кое лѣто почаль быти монастырь, и что ради зоветься Печерскый. А о *Феодосьевѣ* житѣи *паки* скажемъ.

В лѣто 6560. Преставися Володимеръ, сынъ Ярославъ *старей*, Новѣгородъ, и положенъ бысть в святой Софѣи, юже бѣ самъ создалъ.

В лѣто 6561. У Всеволода родися сынъ, и нарече имя ему Володимеръ, от царицъ грѣкынь.

В лѣто 6562. Преставися великый князь русскый Ярославъ. И еще бо живущю ему, нарядѣ сыны своя, рекъ имъ: «Се азъ отхожю свѣта сего, сынове мои; имѣйте в собѣ любовь, по-

неже вы есте братья единого отца и матери. Да аще будете в любви межю собою, богъ будетъ в васъ, и *покорить* вы противныя, подъ вы. И будете мирно живуще. Аще ли будете ненавидно живуще, в распряхъ и которающесе, то погыбнете сами, и *погубите* землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, иже налъзоша трудомъ своимъ великимъ; но пребывайте мирно, послушающе брат брата. Се же поручаю в собе мѣсто столь старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Киевъ; сего послушайте, якоже послушаете мене, да *той* вы будетъ в мене мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а *Игорю Володимерь*, а Вячеславу Смолинескъ». И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предаля братня, ни сгонити, рекъ Изяславу: «Аще кто хоцетъ обидѣти брата своего, то ты помагай, его же обидять». И тако уряди сыны своя пребывати в любви. Самому же болну сущю и пришедшю Вышегороду, разболѣся велми, Изяславу тогда сущю..., а Святославу Володимери, *Всеволоду* же тогда сущю у отца, бѣ бо любимъ отцемъ паче *всехъ* братьи, *его же* имяше присно у собе.

Ярославу же приспѣ конецъ житъя, и предастъ душу свою богу, в суботу 1 поста святаго Феодора. Всеволодъ же спрята тѣло отца своего, възложыше на сани везоша и Киеву, попове поюще обычныя пѣсни. Плакашася по немъ людье; и, *принесше*, положиша и в рацѣ мороморянъ, в церкви святое Софѣ. И плакася по немъ Всеволодъ и людье вси. Жив же всѣхъ лѣтъ 70 и 6.

Н а ч а л о к н я ж е н ѣ я И з я с л а в л я К ы е в ѣ . Пришедъ Изяславъ съде Киевъ, Святославъ Черниговъ, Всеволодъ Переяславли, Игорь Володимери, Вячеславъ Смолинскъ. В се же лѣто иде Всеволодъ на торкы *зимъ к Воину* и побѣди торкы. В семь же лѣтъ приходи Болушь с половыми, и створи Всеволодъ миръ с ними, и возвратишася *половци* вспять, отнюду же пришли.

В лѣто 6564.

В лѣто 6565. Преставися Вячеславъ, сынъ Ярославль, Смолинскъ, и посадиша Игоря Смолинскъ, из Володимеря *выведше*.

В лѣто 6566. Побѣди Изяславъ голяди.

В лѣто 6567. Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ высадиша строя своего *Судислава* ис поруба, сидѣ бо лѣтъ 20 и 4, заводивъше кресту, и бысть чернцемъ.

В лѣто 6568. Преставися Игорьъ, сынъ Ярославль. В семь же лѣтъ Изяславъ, и Святославъ, и Всеволодъ, и Всеславъ *совокупѣша* вои бещислены, и поидоша на конихъ и в лодяхъ, бещислено множество, на торкы. Се слышавше торци, убояшася, пробѣгоша и до сего дне, и помроша бѣгаючи, божьимъ гнѣвомъ гоними, ови от зимы, друзии же гладомъ, ини же моромъ и судомъ божьимъ. Тако богъ избави хрестьяны от поганыхъ.

В лѣто 6569. Придоша половци первое на Русьскую землю воевать; Всеволодъ же изиде противу имъ мѣсяца февраля въ 2 день. И бившимся имъ, побѣдиша Всеволода, и воевавшие отыдоша. Се бысть первое зло от поганых и безбожныхъ врагъ. Бысть же князь ихъ Искаль.

В лѣто 6570.

В лѣто 6571. Судиславъ преставися, Ярославль братъ, и погребоша и въ церкви святаго Георгия. В се же лѣто Новъгородъ иде Волховъ вспять дний 5. Се же знаменье не добро бысть, на 4-е бо лѣто пожеже Всеславъ градъ.

В лѣто 6572. Бѣжа Ростиславъ Тмутороканю, сынъ Володимеръ, внукъ Ярославль, *и с нимъ бѣжа Порѣй и Вышата, сынъ Остромиръ, воеводы Новгородского. И, пришедъ, выгна Глѣба изъ Тмуторокана, а самъ сѣде в него мѣсто.*

В лѣто 6573. *Иде Святолавъ на Ростислава къ Тмутороканю.* Ростиславъ же отступи кромѣ изъ града, не убоявсь его, но не хотя противу строеви своему оружья взяти. Святославъ же пришедъ Тмутороканю, посади сына своего паки Глѣба, и възвратися опять. Ростиславъ же пришедъ, паки выгна Глѣба, и приде Глѣбъ къ отцю своему, Ростиславъ же сѣде Тмуторокани. В се же лѣто Всеславъ рать почаль.

В си же времена бысть знаменье на западѣ, звѣзда превелика, лучъ имущи акы кровавы, възходящи с вечера по заходъ солнечнѣмъ, и пребысть за 7 дний. Се же проявляше не на добро, посемь бо быша усобицъ *многы* и нашествие поганыхъ на Русьскую землю, си бо звѣзда бѣ акы кровава, проявляющи крови пролитье. В си же времена бысть дѣтищь ввержень в *Сѣтомль*; его же детища выволокоша рыболове въ неводъ, его же позоровахомъ до вечера, и паки ввергоша и в воду. Бяшеть бо сицѣ: на лицѣ ему срамнии удове, иного нелзѣ казати срама ради. Пред симъ же временемъ и солнце премънися, и не бысть свѣтло, но акы мѣсяцъ бысть, его же невѣгласи глаголють снѣдаему сущю. Се же бывають сица зна-

меня не на добро, мы бо по сему разумѣмъ, якоже древле, при Антиось, въ Иерусалимъ случися внезапно по всему граду за 40 дний являтися на въздухъ на конихъ рищющимъ, въ оружьи, златы *имущемъ одежда*, и полкы обоя являемы, и оружіемъ двизающимся; се же проявляше нахоженъе Антиохово, нашествие *рати* на Иерусалимъ. Посемъ же при Неронъ цесари в том же Иерусалимъ восия звѣзда, на образъ копійный, надъ градомъ: се же проявляше нахоженъе рати от римлянъ. И паки сие же бысть при Устиньянъ цесари, звѣзда восия на западъ, испущающи луча, юже прозываху блистаницю, и бысть блистающи дний 20; посемъ же бысть звѣздамъ теченъе, с вечера до заутрѣя, яко мнѣти всѣмъ, яко падають звѣзды, и паки солнце без лучъ съяше: се же проявляше крамолы, недужи челоувѣкомъ умертвие бяше. Паки же при Маврикии цесари бысть сие: жена дѣтищъ роди безъ очью и безъ руку, в чересла бѣ ему рыбий хвостъ прирослъ; и песь родися шестоногъ; въ Африкии же 2 детища родистася, единъ о 4-хъ ногахъ, а другой о двою главу. Посемъ же бысть при Костянтинъ иконоборци *цари*, сына Леонова: теченъе звѣздное бысть на небѣ, отторваху бо ся на землю, яко видящимъ мнѣти кончину; тогда же въздухъ възлияся повелику; в Сурии же бысть трусь великъ, земли расѣдшиися трий поприщъ, изиде дивно и-земль мѣска, челоувѣчьскимъ гласомъ глаголющи и проповѣдающи наитѣе языка, еже и бысть: наидоша бо срацини на Палестиньскую землю. Знаменья бо въ небеси, или звездахъ, ли солнци, ли птицами, ли етеромъ чимъ, не *на благо бывають*; но знаменья сия на зло бывають, ли проявленъе рати, ли гладу, ли смерть *проявляютъ*.

В лѣто 6574. Ростиславу сущю Тматорокани и емлющю дань у касогъ и у инѣхъ *странъ*, сего же убоявшеся грѣци, послаша с лестью котопана. Оному же пришедшю к Ростиславу и вѣрившюся ему, чтяшеть и Ростиславъ. Единою же пьющю Ростиславу с дружиною своею, рече котопанъ: «Княже! Хочу на тя пити». Оному же рекшю: «Пий». Он же испивъ половину, а половину дасть князю *пити*, дотиснувъся палцемъ в чашю, бѣ бо имѣя под ногтемъ растворенъе смертное, и вдасть князю, урекъ смерть до дне семаго. Оному же испившю, котопанъ же, пришедъ Корсуню, повѣдаше, яко в сии день умереть Ростиславъ, якоже и бысть. Сего же котопана побиша камнемъ корсуньстии людье. Бѣ же Ростиславъ мужъ добль,

ратенъ, возрастомъ же лѣтъ и красенъ лицемъ, и милостивъ убогимъ. И умре мѣсяца февраля въ 3 день, и тамо положенъ бысть въ церкви святыя Богородица.

В лѣто 6575. Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полочскъ, и зая Новѣгородъ. Ярославичи же трие, — Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, — совокупивше вои, идоша на Всеслава, зимъ сущи велицъ. И придоша ко Мѣньску, и мѣняне затворишася в градъ. Си же братья взяша Мѣнескъ, и иськоша мужъ, а жены и дѣти вдаша на щиты, и поидоша к Немизъ, и Всеславъ поиде противу. И совокупишася обои на Немизъ, мѣсяца марта въ 3 день; и бяше снѣгъ великъ, и поидоша противу собъ. И бысть съча зла, и мнози падоша, и одолюша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Всеславъ же бѣжа. По семь же, мѣсяца июля въ 10 день, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, цѣловавше крестъ честный къ Всеславу, рекше ему: «Приди к намъ, яко не створимъ ти зла». Он же, надѣявсѣя цѣлованью креста, *перѣѣха* в лодыи чересъ Днѣпръ. Изяславу же в шатеръ предъидушую, и тако яша Всеслава на Рши у Смолинска, преступивше крестъ. Изяславъ же приведъ Всеслава Кыеву, всади и в порубъ съ двѣма сынома.

В лѣто 6576. Придоша иноплемѣнники на Русьску землю, половцы мнози. Изяславъ же, и Святославъ и Всеволодъ, изидоша противу имъ на Лѣто. И бывши ноши, подыдоша противу собъ. Грѣхъ же ради нашихъ пусти богъ на ны поганья, и побѣгоша русьскыи князи, и побѣдиша половцы.

Наводитъ бо богъ по гнѣву своему иноплемѣнники на землю, и тако, скрушенымъ имъ, воспоминаются къ богу; усобная же рать бываетъ от соблажненья дьяволя. Богъ бо не хочетъ зла челоувкомъ, но блага; а дьяволъ радуется злему убийству и крови пролитью, подвизая свары и зависти, братоненавидѣнны, клеветы. Земли же *согрѣшивши* которѣй любо, казнить богъ смертию, ли голодомъ, ли *наведеньемъ* поганныхъ, ли ведромъ, ли гусъницею, ли инѣми казними; аще ли покаявшесѣя будемъ, в немъ же ны богъ велить жити, глаголетъ бо пророкомъ намъ: «Обратитесь ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, постомъ и плачемъ». Да аще сие створимъ, всѣхъ грѣхъ прощена будемъ: но мы на злое възвращаемся, акы свинья в калъ грѣховнѣмъ присно каляющеся, и тако пребываемъ. Тѣмже пророкомъ намъ глаголетъ: «*Разумѣхъ*, — рече, — яко жестокъ еси, и шия железная твоя», того ради «Удержажъ от васъ дождь, предѣлъ единъ одождихъ, а другаго не одождихъ,

исше»; «*И* поразихъ вы зноемъ и различными казньми; то и тако не обратитесь ко мнѣ». Сего ради винограды вашѣ, и смоковыя ваше, нивы и дубравы ваша истрохъ, глаголетъ господь, а злобъ вашихъ не могахъ истерти. «Послахъ на вы различныя болѣзни и смерти тяжкыя», и на скоты казнь свою послахъ, «то и ту не обратитесь», но рвѣте: «Мужаемся». Доколь не насытитесь злобъ вашихъ? Вы бо уклонистесь от пути моего, глаголетъ господь, и соблазните многы; сего ради! «Буду свидѣтель скорѣ на противныя, и на прелюбодѣица, и на кленущаяся именемъ моимъ во лжу, и на лишаящая мзды *наимника*, насильствующая сиротѣ и вдовици, и на уклоняющая судъ кривъ. Почто не сдержастесь о грѣсѣхъ вашихъ? Но уклонисте законы моя и не схранили ихъ. Обратитесь ко мнѣ, — и обращаюся къ вамъ, глаголетъ господь, и азъ отверзю вамъ хляби небесныя и отвращу отъ васъ гнѣвъ мой, дондеже все обилуетъ вамъ, и не имутъ изнемощи виногради ваши, ни нивы. Но вы отяжасте на мя словеса ваша, глаголюще: суеи работай богу». *Тѣмже* «Усты чтутъ мя, а сердце ихъ далече отстоитъ мене». Сего ради, ихъ же просимъ, не приемлемъ; «Будетъ бо, рече, егда призовете мя, азъ же не *послушаю* васъ». Взищите мене зли, и не обрящете; не всхотѣша бо ходити по путемъ моимъ; да того ради затворяется небо, ово ли злѣ отверзается, градъ *въ дождя* мѣсто пуская, ово ли мразомъ плоды узнабляя и землю зноемъ томя, нашихъ ради злобъ. Аще ли ся покаемъ отъ злобъ нашихъ, то «Акъ чадомъ своимъ дасть намъ вся прошенія, и *одождитъ* намъ дождь ранъ и позденъ. И наполнятся гумна ваша пшеницъ. Прольются точила винная и масляная. И въздамъ вамъ за лѣта, яже пояша пружи, и хрустове, и гусъница; сила моя великая, юже послахъ на вы», *глаголетъ* господь вседержитель. Си слышаще, встѣгнемъ на добро, взищѣте суда, избавите обидимаго, на покаяныя придемъ, не въздающе зла за зло, ни клеветы за клевету, но любовью прильпимся господи божь нашемъ, постомъ, и рыданьемъ и слезами омывающе вся прегрѣшенія *наша*, не словомъ нарицающеся хрестіани, а поганьскы живуще. Се бо не погански ли живемъ, аще усрѣсти вѣрующе? Аще бо кто усрящеть черноризца, то возвращается, *ли* единецъ, ли свинью; то не поганьскы ли се есть? Се бо по дьяволю наученію кобъ сию держать; друзии же и закиханью вѣрують, еже бываетъ на *здравье* главъ. Но сими дьяволъ лститъ и другими нравы, всячьскими лѣстми превабляя и отъ бога, трубами и скоморохы, гуслими

и русальи. Видим бо игрища утолочена, и людей много множество *на них*, *яко* упихати начнуть другъ друга, позоры дѣюще от бѣса замышленаго дѣла, а церкви стоятъ; егда же бываетъ годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается в церкви. Да сего ради казни приемлемъ от бога всячскыя и нахоженье ратныхъ, по божью повелѣнью приемлемъ казнь грѣхъ ради нашихъ.

Мы же на предълежащее *наки* възвратимся. Изяславу же с Всеволодомъ Кыеву побѣгшу, а Святославу Чернигову, людѣ киевстии прибѣгоша Кыеву, и створиша вѣче на торговищи, и рѣша, пославшеся ко князю: «Се половци росулися по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними». Изяслав же сего не послуша. И *начаша* людие *говорити* на воеводу на Коснячка; идоша на гору, съ вѣча, и придоша на дворъ Коснячковъ, и не обрѣтше его, стаха у двора Брячиславля и рѣша: «Поидем, высадим дружину свою ис погребѣ». И раздѣлишася надвое: *половина* ихъ иде к погребу, а половина ихъ иде по Мосту; си же придоша на княжъ дворъ. Изяславу же сѣдящу на сѣнѣхъ с дружиною своею, начаша прѣтися со княземъ, стояще долъ. Князю же из оконця зрящу и дружину *стоящи* у князя, рече Туки, братъ Чюдинъ, Изяславу: «Видиши, княже, людѣ възвыли; посли, ать Всеслава блюдуть». И се ему глаголющу, другая половина людей приде от погребѣ, отворивше погребъ. И рекоша дружина князю: «Се зло есть; посли ко Всеславу, ать призвавше лестью ко оконцю, пронзуть и мечемъ». И не послуша сего князь. Людѣ же кликнуша и идоша к порубу Всеславу. Изяслав же, се видѣвъ, со Всеволодомъ побѣгоста з двора, людѣ же высѣкоша Всеслава не поруба, въ 15 день сентября, и прославиша и средѣ двора кѣняжа. Дворъ жъ княжъ разграбиша, бещисленное множество злата и сребра, кунами и бѣлью. Изяслав же бѣжа в Ляхы.

Посемъ же половцемъ воюющимъ по землѣ Русьстѣ, Святославу сущю Черниговъ, и половцемъ воюющимъ около Чернигова, Святослав же собравъ дружины нѣколико, изиде на *ня* ко Сновьску. И узрѣша половци идущъ полкъ, пристроившася противу. И видѣвъ Святославъ множество ихъ, и рече дружину *своей*: «Потягнѣмъ, уже нам не лѣзь камо ся дѣти». И удариша в конѣ, и одолѣ Святославъ в трех тысячахъ, а половець бѣ 12 тысячи; и тако бѣеми, а друзии потопоша въ *Снови*, а князя ихъ яша рукама, въ 1 день ноября. И възвратившася с побѣдою в градъ свой Святославъ.

Всеслав же съде Кыевъ. Се же богъ яви силу крестную: понеже Изяславъ цѣловавъ крестъ и я и; тѣмже наведе богъ поганья, сего же явъ избави крестъ честный. В день бо Въздвиженья Всеславъ, вздохнувъ, рече: «О кресте честный! Понеже к тобѣ вѣровахъ, избави мя от рва сего». Богъ же показа силу крестную *на* показанье земль Русьстѣй, да не преступають честнаго креста, цѣловавше его; аще ли преступить кто, то и здѣ приметъ казнь и на придущемъ вѣцѣ казнь вѣчную. Понеже велика есть сила крестная: крестомъ бо побѣжени бывають силы бѣсовскыя, *крестъ* бо княземъ в бранехъ пособить, въ бранехъ крестомъ согражаеми вѣрнии людье побѣжаютъ супостаты противныя, крестъ бо вскоре избавляеть от напастей призывающимъ его с вѣрою. Ничтоже ся боять бѣси, токмо креста. Аще бо бывають от бѣсъ мечта-нья, знаменавше лице крестомъ, прогоними бывають. Все-слав же съде Кыевъ мѣсяць 7.

В лѣто 6577. Поиде Изяславъ с Болеславомъ на Всеслава; Всеслав же поиде противу. И приде Бѣлугороду Всеславъ, и бывши нощи, утаивъся кыянъ, бѣжа из Бѣлгорода Полотъску. Заутра же *видѣвши* людье князя бѣжавша, вѣзвратишася Кыеву, и створиша вѣче, и послашася къ Святославу и къ Всеволоду, глаголюще: «Мы уже зло створили есмы, князя своего прогнавши, а се *ведеть* на ны Лядскую землю, а поидѣта в градъ отца своего; аще ли не хочета, то нам неволя: *зажегше* градъ свой, ступимъ въ Гречьску землю». И рече имъ Святославъ: «Въ послевѣ к брату своему; аще поидеть на вы с ляхы губити васъ, то въ противу ему ратью, не давъ бо погубити града отца своего; аще ли хочеть с миромъ, то в малѣ придетъ дружинъ». И утѣшиста кыяны. Святославъ же и Всеволодъ посласта к Изяславу, *глаголюща*: «Всеславъ ти бѣжалъ, а не води ляховъ Кыеву, противна бо ти нѣту; аще ли хоцещи гнѣвъ имѣти и погубити градъ, то вѣси, яко нама жаль отня стола». То слышавъ Изяславъ, остави ляхы и поиде с Болеславомъ, мало ляховъ поимъ; посла же пред собою сына своего Мѣстислава Кыеву. И пришедъ Мѣстиславъ, истече *кыяны*, иже бѣша высѣкли Всеслава, числомъ 70 чади, а другыя слѣпиша, другыя же безъ вины погуби, не испытавъ. Изяславу же идущю къ граду, изидоша людье противу с поклономъ, и прияша князь свой кыяне; и съде Изяславъ на столѣ своемъ, мѣсяца мая въ 2 день. И распуша ляхы на по-

кормъ, и избиваху ляхы отай; и възвратися в Ляхы Болеславъ, в землю свою. Изяславъ же възгна торгъ на гору и прогна Всеслава ис Полотъска, посади сына своего Мъстислава Полотъска; он же вскорь умре ту. И посади в него мѣсто брата его Святополка, Всеславу же бѣжавшю...

Начало княжения Всеволожа в Кieve. Всеволодъ же съде Кыевъ на столъ отца своего и брата своего, *приимъ* власть русьскую всю. И посади сына своего Володимера Черниговъ, а Ярополка Володимери, придавъ ему Туров.

В лѣто 6587. Приде Романъ с половци къ Воину. Всеволодъ же ста у Переяславля и створи миръ с половци. И възвратися Романъ с половци въспять, и убиша и половци мѣсяца августа 2 день. Суть кости его и досель *лежаче тамо*, сына Святославля, внука Ярославля. А Ольга емше *козаре* поточиша и за море Цесарюграду. Всеволодъ же посади посадника Ратибора Тмуторокани.

В лѣто 6588. Заратишася торци переяславъстии на Русь, Всеволодъ же посла *на ня* сына своего Володимера. Володимеръ же, шедъ, побѣди тѣрky.

В лѣто 6589. Бѣжа Игоревичъ Давыдъ с Володаремъ Ростиславичемъ мѣсяца мая 18 день. И придоста Тмутороканю, и яста Ратибора, и съдоста Тмуторокани.

В лѣто 6590. Осень умре, половецьскый князь.

В лѣто 6591. Приде Олегъ из Грекъ Тмутороконю; и я Давыда и Володаря Ростиславича и съде Тмуторокани. И истче козары, иже бѣша свѣтници на *убьенье* брата его и на самого, а Давыда и Володаря пусти.

В лѣто 6592. Приходи Ярополкъ ко Всеволоду на Великъ день. В се же время выбѣгоста Ростиславича 2 от Ярополка, и *пришедша* прогнаста Ярополка, и посла *Всеволодъ* Володимера, сына своего, и выгна Ростиславича, и посади Ярополка Володимери. В се же лѣто Давыдъ зая грѣкы въ Олешьи, и зая у них имѣнье. Всеволодъ же, пославъ, приведе и, и вда ему Дорогобужъ.

В лѣто 6593. Ярополкъ же хотяше ити на Всеволода, послушавъ злыхъ свѣтникъ. Се *увѣдавъ*, Всеволодъ посла противу ему сына своего Володимера. Ярополкъ же, оставивъ мать свою и дружину Лучьскъ, бѣжа в Ляхы. Володимеру же пришедшю Лучьску, и вдашася лучане. Володимеръ же посади Давыда Володимери, въ Ярополка мѣсто, а мать Ярополчю и жену его и дружину его приведе Кыеву, и имѣнье возьмъ его.

В лѣто 6594. Приде Ярополкъ из Ляховъ, и створи миръ с Володимеромъ, и иде Володимеръ вспять Чернигову. Ярополкъ же съде Володимери. И пересѣдев мало *дний*, иде Звенигороду. И не дошедшу ему града, и прободенъ бысть от проклятаго Нерадѣя, от дьяволя наученья и от злыхъ челоувѣкъ. Лежащю ему ту на возъ, саблюю с коня прободе и, мѣсяца ноямбря въ 22 день. И тогда въздвигнувъся Ярополкъ, выторгну изъ себе саблю, и возпи великимъ гласомъ: «Охъ, тот мя враже улови». Бѣжа Нерадець *треклятый* Перемышлю к Рюрикови, и Ярополка взявше отроки на конь передъ ся, Радько, Вѣнкина и инии мнози, несоша и Володимерю, а оттуду Киеву. И изиде противу ему благовѣрный князь Всеволодъ с своимъ сынѣма, с Володимеромъ и Ростиславомъ, и вси боляре, и блаженный митрополитъ Иоанъ с черноризци и с прозвутеры. И вси кияне великъ плачь створиша над ним со псалмы и пѣснями проводиша и до святаго Дмитрея, спрятавше тѣло его, с честию положиша и в рацѣ мраморянѣ в церкви святаго апостола Петра, юже бѣ самъ началъ здати преже, мѣсяца декабря въ 5 день. Многы бѣды приимъ, без вины изгонимъ от братья своея, обидимъ, разграбленъ, прочее и смерть горкую приять, но вѣчнѣй жизни и покою сподобися. Такъ бѣше блаженный съ князь тихъ, кроткъ, смѣренъ и братолюбивъ, десятину дая святѣй Богородици от всего своего имѣнья по вся лѣта, и моляше бога всегда, глаголя: «Господи боже мой! Приими молитву мою, и дажь ми смерть, якоже двѣма братама моима, Борису и Глѣбу, от чюжую руку, да омыю грѣхы вся своею кровью, и избуду суетнаго сего свѣта и мятежа, съти вражии». Его же прошенъя не лиши его благый богъ: въсприя благая она, их же око не видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце челоувѣку не взиде, еже уготова богъ любящимъ его.

В лѣто 6595.

В лѣто 6596. Священа бысть церкы святаго Михаила монастыря Всеволожа митрополитомъ Ивановъ, а игуменьство тогда держащю того монастыря *Лаззреви*. Того же лѣта иде *Святополкъ из Новагорода к Турову жити*. В се же лѣто умре *Никонъ игумень Печерскый*. В се же лѣто възяша болгаре Муром.

В лѣто 6597. Священа бысть церквы Печерская святыя Богородица монастыря Феодосьева Иоаномъ митрополитомъ, и Лукою Бѣлогородскымъ епископомъ, Исаиемъ, Черни-

говьскимъ епископомъ, при благородньмъ князи Всеволодъ, *державнемъ* Русьскыя земля, и *чаду* его, *Володимеръ* и *Ростиславъ*, воеводство держащу кыевьскыя тысяща Яневи, игуменьство держащу Иоану. В се же лѣто преставися Иоанъ митрополитъ. Бысть же Иоанъ мужъ хытръ книгамъ и ученью, милостивъ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ же ко всякому, богатъ и убогу, смѣренъ же и кротокъ, молчаливъ, рѣчистъ же, книгами святыми утѣшая печальныя, и сякого не бысть преже в Руси, ни по немъ не будетъ сякъ. В се лѣто иде Янъка *в Греки, дщи* Всеволожа, *реченая* преже. И приведе Янка митрополита Иоана скопчину, его же *видѣвши* людье вси рекоша «Се *навѣ* пришелъ». От года бо до года пребывъ, умре. Бѣ же *сей* мужъ *не* книженъ, но умомъ простъ и *просторѣкъ*. В се же лѣто священа бысть церкви святаго Михаила *Переяславская* Ефрѣмом, митрополитомъ тоя церкви, юже бѣ создалъ велику сущю, бѣ бо преже в Переяславлѣ митрополѣя, и пристрой ю великою пристроюю, украсивъ ю всякою красотою, церковными *сосуды*. *Сии* бо Ефрѣмъ бѣ скопецъ, высокъ тѣломъ. Бѣ бо тогда многа зданья въздвиже: докончавъ церковь святаго Михаила, заложи церковь на воротѣхъ городныхъ во имя святаго мученика Феодора, и посемь святаго Андрѣя у церкви от воротъ и строенье банное *камено*, сего же не бысть преже в Руси. И градъ бѣ заложилъ камень, от церкви святаго мученика Феодора, *и украси город Переяславский зданіи церковными* и прочими зданьи.

В лѣто 6599. Игумень и черноризци свѣтъ створше, рѣша: «Не добро есть лежати отцю нашему Феодосѣви кромѣ монастыря *и* церкви своя, понеже *той* есть основалъ церковь и черноризци совокупилъ». Свѣтъ створше, повелѣша устроити мѣсто, идеже положити мощь его. И приспѣвшю празднику Успенья Богородицы тремя деньми, повелѣ игумень рушити, кдѣ лежать мощь его, отца нашего Феодосѣя, его же повелѣнью быхъ азъ грѣшнѣйшій первое самовидецъ; еже скажу, не слухомъ бо слышавъ, но самъ о семъ начальникъ. Пришедшю же игумену ко мнѣ и рекшю ми: «Поиде въ пещеру к Феодосѣви». Азъ же пришедъ и со игуменомъ, не свѣдущю никомуже, разглядавши, кудѣ копати, и знаменовавши мѣсто, гдѣ копати, кромѣ устья. Рече же ко мнѣ игумень: «Не мози повѣдати никомуже *от брати, да не увѣдаетъ никтоже*; но поими, его же хощещи, да ти поможетъ». Азъ же пристроихъ семь дний рогалие, ими же копати. И въ вторникъ, вечеръ в

суморок, пояхъ с собою 2 брата, не вѣдущую никомуже, приход в пещеру, и отпѣвъ псалмы, почая копати. *И утрудився* вдахъ другому брату, копахомъ до полуночья, трудихомся, и не могуче ся докопати, начах тужити, еда како на страну копаемъ. Азъ же, возьмъ рогалью, начах копати рамено, и другу моему опочивающую передъ пещерою, и рече ми: «*Удариша в било*». И азъ в *тѣ* чинъ прокопах на мощъ Феодосьеви. Оному глаголющую ко мнѣ: «Удариша в било»; мнѣ же рекущую: «Прокопахъ уже». Егда же прокопахъ, обдержашеть мя ужастъ, и начах звати: «Господи помилуй!». О се чинъ же съдѣста 2 брата в монастыри, еда игумень, утаився, нѣ с *кымъ* пренесеть его отай, к пещерѣ зряща. Егда удариша в било, видѣста 3 столпы, ако дуги зарны, и стоявшѣ придоша надъ верхъ церкви, идеже положенъ бысть Феодосий. В се же время видѣ Стефанъ, иже бысть в него мѣсто игумень, — в се же время бысть епископъ, — видѣ въ своемъ монастыри *чрес* поле зарю велику надъ пещерою; мнѣвъ, яко несутъ Феодосья, бѣ бо ему възвыщено преже днемъ единѣмъ, и сжаливъси, яко без него *преносятъ* и, всѣдъ на конь, вборзъ поѣха, поимъ с собою *Климентя*, его же игумена постави в свое мѣсто. И идѣста, видуче зарю велику. *И* яко придѣста близъ, видѣста свѣщъ многы надъ пещерою, и придѣста къ пещерѣ, *и* не видѣста ничтоже, и придѣста дну в пещеру, намъ съдѣшемъ у мощей его. Егда бо прокопахъ, послахъ къ игумену: «Приди да вынемемъ и». Игумен же приде з двѣма братома; *и* прокопахъ велми, и влѣзохом, и *видѣхомъ* лежащъ мощьми, но *состави* не распалися быша, и власи главнии притяскли бяху. *И* взложыше и на варимантъю и, *взѣмше на рамо*, вынесоша и предъ пещеру. На другой же день собращася епископи: Ефрѣмъ Переяславскій, Стефанъ Володимѣрьскій, Иоан Черниговскій, *Маринъ Гурьгевскій*, игумени отъ всѣхъ монастыревъ с черноризци; придѣша и людеѣ благовѣрнии, и взяша мощъ Феодосьеви с тѣмьяномъ и съ свѣщами. И принесеши положиша и в церкви своей ему, в притворѣ на деснѣй странѣ мѣсяца августа въ 14 день, в день четвертъкъ, въ час 1 дне, индикта 14, лѣта... *И* праздноваша свѣтло въ тѣ день.

Се же повѣмъ мало нѣчто, еже ся събысть прореченье Феодосьево. Игуменьство бо Феодосью держащую в животъ своемъ правящую стадо, порученое ему богомъ, — черноризци, не токмо *же* си едины, но и мирьскими печашеся о душахъ ихъ, како быша спаслися, паче же о духовныхъ сынѣхъ

своихъ, утѣшая и наказая приходящая к нему, *другоици* в домы ихъ приходя и благословенье имъ подавая. Единою бо ему пришедшую в домъ Яневъ къ Яневи и к подружью его Марьи, — Феодосий бо бѣ любя я, зане же живяста по заповеди господни и в любви межи собою пребывааста, — единою же ему пришедшую к нима, и учашеть я о милостыни къ убогымъ, о цесарьствии небеснѣмъ, еже прияти праведником, а грѣшником муку, и о смертнѣмъ часѣ. И се ему глаголющую о положении тѣла в гробъ има, рече ему *Яневая*: «Кто вѣсть, кдѣ си мя положить? Рече же ей Феодосий: «Поистинѣ идѣже лягу азъ, ту и ты положена будеши». Се же сбысться. Игумену же бо преставльшюся прежде, о 18 лѣто се сбысться: в се бо лѣто преставися Яневая, именемъ Марья, мѣсяца августа 16 день, и пришедше черноризьци, пѣвше обычныя пѣсни, и, принесше, положиша ю в церкви святыя Богородицы, противу гробу Феодосьеву, на шюей странѣ. Феодосии бо положенъ бысть въ 14, а *сія* въ 16.

Се же сбысться прореченье блаженнаго отца нашего Феодосья, добраго пастуха, иже пасяше словесныя овцы нелицемѣрно, с кротостью и с рассмотреньемъ, блюда ихъ и бдя за *ня*, моляся за порученое ему стадо и за люди хрестьянскыя, за землю Русьскую, иже и по *отшествии* твоємъ от сея жизни молишися за люди вѣрныя и за своя ученики, иже, взирающе на раку твою, поминають ученье твое и въздержанье твое, и прославляютъ бога. Азъ же, грѣшный твой рабъ и ученикъ, недоумью, чимъ похвалити добраго твоего житья и въздержанья. Но се реку мало нѣчто: «Радуйся, отче нашъ и наставниче, мирьскыя плища отринувъ, молчанье възлюбивъ, богу послужилъ еси в тишинѣ, въ мнишьскомъ жити, всяко собѣ принесенье божественное принеслъ еси, пощеньемъ превозвышъся, плотскихъ страстий и сласти възненавидѣвъ, красоту и желанье свѣта сего отринувъ, вслѣдую *стопама* высокомысленнымъ отцемъ, ревнуя *им*, молчаньемъ възвышася, смѣреньемъ украшася, в словесѣхъ книжныхъ веселюся. Радуйся, укрѣплъся надежею вѣчныхъ благъ, *их же* приимъ, умертвивъ плотскую похоть, источникъ безаконья и мятежъ, преподобне, бѣсовскихъ *козней* избѣгъ и отсѣти его. С праведными, отче, почилъ еси, възприимъ противу трудомъ своимъ възмездье, отцемъ наслѣдникъ бывъ, послѣдовавъ ученью ихъ и нраву ихъ, въздержанью ихъ, и правило ихъ правя. Паче же ревноваше великому Феодосью

нравомъ и житьемъ, подобяся житью его и въздержанью ревнуя, послѣдствуя обычаю его, и преходя от дѣла в дѣло унѣшнее, и обычныя молбы богу въздая, в воню благоуханья принося кадило молитвенное, темьянъ благовонный. Побѣдивъ мирскую похоть и миродержца князя вѣка сего, супротивника поправъ дьявола и его козни, побѣдникъ явися, противнымъ его стрѣламъ и гордымъ помысломъ ставъ супротивно, укрѣпився оружіемъ крестнымъ и вѣрою непобѣдимою, божьею помощію. Молися за мя, отче честный, избавлену быти от сѣти неприязины, и от противника врага сблуди мя твоими молитвами».

В се же лѣто *бысть* знаменье в солнци, яко погыбнути ему, и мало ся его оста, акы мѣсяць бысть, в часъ 2 дне, мѣсяца мая 21 день. В се же лѣто бысть: Всеволоду ловы дѣющю звѣриныя за Вышегородомъ, замѣтавшимъ тенета и кличаномъ кликнувшимъ, спаде превеликъ змій от небесе, *и* ужасошася вси людье. В се же время земля стукну, яко мнози слышаша. В се же лѣто волхвъ явися Ростовъ, иже вскорѣ погыбе.

В лѣто 6600. Предивно бысть *чудо* Полотѣскъ в мечтѣ: бываше в нощи тутѣнъ, станяше по улицѣ, яко челоувѣци рищюще бѣси. Аще кто вылѣзаше ис хоромины, хотя видѣти, абѣ уязвенъ будяше невидимо от бѣсовъ язвою, и с того умираху, и не смяху излазити ис хоромъ. Посемъ же начаша в дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди *полоцкыя* и его область. Тѣмъ и челоувѣци глаголаху, яко *навѣе* бѣють полочаны. Се же знаменье поча быти от Дрютьска. В си же времена бысть знаменье въ небеси, яко крутъ бысть посредѣ неба превеликъ. В се же лѣто ведро бѣше, яко изгараше земля, и мнози борове възгарахуся сами и болота; *и* многа знаменья бываху по мѣстомъ; и рать велика бѣше от половець и отвсюду; взяша 3 грады: Пѣсочень, Переволоку, *Прилукъ*, и многа села воеваша по объѣма страномъ. В се же лѣто воеваша половци ляхы с Василькомъ Ростиславичемъ. В се же лѣто умре Рюрикъ, сынъ Ростиславль. В си же времена мнози челоувѣци умираху различными недугы, якоже глаголаху продающе корсты, яко «Продахомъ корсты от Филипова дне до мясопуста 7 тысячъ». Се же бысть за грѣхы наша, яко умножишася грѣси наши *и* неправды. Се же наведе на ны богъ, веля намъ имѣти покаянье и вѣстягнутися от грѣха, и от зависти и от прочихъ злыхъ дѣлъ неприязинъ.

В лѣто 6601, индикта 1 лѣто, преставися великий князь Всеволодъ, сынъ Ярославль, внукъ Володимерь, мѣсяца априля въ 13 день, а погребенъ бысть 14 день, недѣли суши тогда страстный и дни сущю четвертку, в онъ же положенъ бысть в гробъ в велицѣй церкви святыя Софѣя. Сий бо благовѣрный князь Всеволодъ бѣ издѣтска боголюбивъ, любя правду, набдя убогыхъ, въздая честь епископомъ и презвύτεромъ, излиха же любяше черноризци и подающе требованье имъ. Бѣ же и самъ въздержася от *пьянства* и от похоти, тѣмъ любимъ бѣ отцемъ своимъ, яко глаголати отцю к нему: «Сыну мой! Благо тобѣ, яко слышу о тобѣ кротость, и радуюся, яко ты покоиши старость мою. Аще ти подасть богъ прияти власть стола моего, по братѣи своей, с правдою, а не с насильемъ, то егда богъ отведеть тя от житѣя сего, да ляжешы, идеже азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче братѣи твоее». Се же сбысться *глаголь* отца его, якоже глаголаъ бѣ. Сему приимшю послѣже всея братѣя столъ отца своего, по смерти брата своего, съде Киевъ княжа. Быша ему печали болше паче, неже съдящю ему в Переяславли. Съдящю бо ему Киевъ, печаль бысть ему от сыновецъ своихъ, яко начаша ему стужати, хотя власти *ов сея, ово же другие; сей же, омиряя их раздаваша власти* имъ. В сихъ печали всташа и недужи ему, и приспѣваше старость к симъ. И нача любити смыслъ уныхъ, свѣтъ творя с ними; си же начаша заводити и негодовати дружины своя первая, и людем не доходити княже правды, начаша ти унии грабити, людей продавати, сему не *въдушу* в болѣзняхъ своихъ. Разболѣвшюся ему велми, посла по сына своего Володимера Чернигову. Пришедшю Володимеру, видѣвъ и велми болна суща, и *плакася*. Пресѣдящю Володимеру и Ростиславу, сыну его меньшему, прешедшю же часу, преставися тихо и кротко и *приложися* ко отцемъ своимъ, княживъ лѣтъ 15 Киевъ...

...

Половци воеваша много, и възвратишася к Торцьскому, и изнемогоша людье в градъ гладомъ и предашася ратнымъ. Половци же, приимше градъ, запалиша и огнемъ, люди раздѣлиша и ведоша в вежъ к сердоболемъ своимъ и сродникомъ своимъ; мѣного роду хрестьяньска: стражуще, печални, мучими, зимою оцѣпляеми, въ алчи и в жажи и в бѣдѣ, опустнѣвшы лици, почернѣвшы телесы; *незнаемою* странною,

языкомъ испаленым, нази ходяще и боси, ноги имуще сбодены тернѣемъ; со слезами отвѣщеваху другъ къ другу, глаголюще: «Азь бѣхъ сего города», и други: «А язь сея вси»; тако съупрашаются со слезами, родъ свой повѣдающе и въздышюще, очи возводяще на небо къ вышнему, сведущему тайная.

Да никтоже дерзнетъ рещи, яко ненавидими богомъ есмы! Да не будетъ! Кого бо тако богъ любить, якоже не възлюбиль есть? Кого тако почель есть, якоже ны прославиль есть и възнесль? Никого же! Имъ же паче ярость свою въздвиже на ны, яко паче всѣхъ почтени бывше, горѣ всѣхъ сдѣяхомъ грѣхы. Якоже паче всѣхъ просвѣщени бывше, владычню волю *въдуше*, и презрѣвше, в лѣпоту паче инѣхъ казними есмы. Се бо азь грѣшный и много и часто бога прогнѣваю, и часто согрѣшаю по вся дни.

В се же лѣто преставися Ростиславъ, сынъ Мѣстиславль, внукъ Изяславль, мѣсяца октябрия въ 1 день; а погребенъ бысть ноябрия въ 16, в церкви святыя Богородица Десятиныныя.

В лѣто 6602. Сотвори миръ Святополкъ с половци и поя собѣ жену дщерь Тугорканю, князя половецкаго. Том же лѣтъ приде Олегъ с половци ис Тѣмуторокона, и приде Чернигову, Володимеръ же затворися в градъ. Олегъ же приде к граду и пожже около града, и монастырь пожже. Володимеръ же створи миръ съ Олгомъ, и иде из града на столъ отень Переяславлю; а Олегъ вниде в град отца своего. Половци же начаша воевати около Чернигова, Олгови не *възбраняющую*, бѣ бо самъ повелѣлъ имъ воевати. Се уже третье навеле поганья на землю Русьскую, его же грѣха дабы и богъ простилъ, зане же много хрестыанъ изгублено бысть, а друзии полонени и расточени по землям. В се же лѣто придоша пружи на Русьскую землю, мѣсяца августа въ 26, и поѣдоша всяку траву и многа жита. И не бѣ сего слышано в днѣхъ первыхъ в земли Русьстѣ, яже видѣста очи наши, за грѣхы наша. В се же лѣто преставися епископъ Володимерскый Стефан, мѣсяца априля въ 27 день, въ часъ 6 нощи, бывъ преже игуменъ Печерьскому монастырю.

В лѣто 6603. Идоша половци на Грькы с Девгениевичемъ, воеваша по Гречѣстѣй земли; и цесарь я Девгенича, и повелѣ и слѣпити. В то же лѣто придоша половци, Итларъ и Кытанъ, к Володимеру на миръ. Приде Итларъ в градъ Переяславль, а Кытанъ ста межи валомъ с вои; и вда Володимеръ Кытанови сына своего Святослава въ тали, а Итларъ бысть в градъ с

лѣпшею *дружиною*. В то же время бѣше пришесть Славята из Кыева к Володимеру от Святополка *на нѣкое орудие*; и нача думати дружина Ратибора со княземъ Володимером о погублѣнѣи *Итларевы* чади. Володимеру же не *хотящу* сего створити, отвѣща бо: «Како се могу створити, ротъ с ними ходивъ». Отвѣщавше же дружина, *рекоша* Володимеру: «Княже! Нѣту ти в томъ грѣха; да они, всегда к тобѣ ходяче ротъ, губять землю Русьскую и кровь хрестьянскую проливають бесперестани». И послуша ихъ Володимеръ, и в ту ночь посла Володимеръ Славяту с нѣколикою дружиною и с торки межи валы. *И* выкрадше первое Святослава, потомъ убиша Кытана и дружину его избиша. Вечеру сущю тогда суботному, а Итлареву в ту ночь лежащю у Ратибора на дворѣ с дружиною своею и не *въдущу*, что ся надъ Кытаномъ створи. Наутрия *же*, в недѣлю, заутрени *сущи* годинѣ, пристрои Ратиборъ отроки въ оружьи, *и* истобку пристави истопити имъ. И присла Володимеръ отрока своего Бяндюка по Итлареву чадѣ, и рече Бяндюкъ Итлареву: «Зоветъ вы князь Володимеръ, реклъ тако: обувшеся в теплѣ избѣ *и* заутрокавше у Ратибора, приѣдите ко мнѣ». И рече Итларь: «Тако буди». *И* яко влѣзша въ истобку, тако запрени быша. Възлѣзше на истобку, прокопаша *верхъ*, и тако Ольбегъ Ратиборичъ *примъ* лукъ свой и наложивъ стрѣлу, удари Итларя в сердце, и дружину его всю избиша. *И* тако злѣ испроверже животъ свой Итларь, в недѣлю сыропустную, въ часъ 1 дне, месяца февраля въ 24 день.

Святополкъ же и Володимеръ посласта къ Ольгови, *веляща* ему поити на половци с собою. Олегъ же обѣщавшеся с нима, и пошедъ, не иде с нима в путь единѣ. Святополкъ же и Володимеръ идоста на вежѣ, и взяста вежѣ, *и* полониша скоты и конѣ, вельблуды и челядѣ, и приведоста *я* в землю свою. И начаста гнѣвъ имѣти на Олга, яко не шедшю ему с нима на поганья. *И посласта* Святополкъ и Володимеръ къ Олгови, глаголюще сиче: «Се ты не шель еси с нама на поганья, иже погубили суть землю Русьскую, а се у тебе есть Итларевич: любо убий, любо и дай нама. То есть ворогъ *нама* и Русьстѣй земли». Олегъ же сего не послуша, и бысть межи ими ненависть.

В се же лѣто приидоша половци к Гургеvu, и *стояша* около его лѣто все, и мало не взяша его. Святополкъ же омири *я*. Половци же *приидоша* за Росѣ, гургевци же выбѣгоша и идоша

Киеву. Святополкъ же повелъ рубити городъ на Вытечевъ холму, в свое имя нарекъ Святополчь городъ, и повелъ епископу *Марину* съ *гургевци* състи ту, и засаковцемъ, и прочимъ от инѣхъ градъ; а Гюргевъ зажгоша половци тощъ. Сего же лѣта исходяща, иде Давыдъ Святославичъ из Новагорода Смолинську; новгородци же идоша Ростову по Мьстислава Володимерича. *И* поемше ведоша и Новугороду, а Давыдови рекоша: «Не ходи к намъ». *И* пошедъ Давыдъ, воротися Смолинську, и съде Смолинскъ, а Мьстиславъ Новъгородъ съде. В се же время приде Изяславъ, сынъ Володимерь, ис Курска к Мурому. *И* прияша и муромци, и посадника я Олгова. В се же лѣто придоша пружи, *мѣсяца августа* въ 28, и покрыша землю, и бѣ видѣти страшно, идяху к полунощнымъ странамъ, *ядуще* траву и проса.

В лѣто 6000 и 604. Святополкъ и Володимерь *посласта* к Олгови, глаголюща сице: «Поиди Киеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли пред епископы, и пред игумены, и пред мужи отецъ нашихъ, и пред людьми градъскими, да быхом оборонили Русьскую землю от поганыхъ». Олег же въсприимъ смыслъ буй и словеса величава, рече сице: «Нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменом, ли смердомъ». И не въсхотѣ ити к братома своимъ, послушавъ злыхъ свѣтникъ. Святополкъ же и Володимерь рекоста к нему: «Да се ты ни на поганяя идеши, ни на свѣтъ к нама, то ты мыслиши на наю и поганымъ помагати хочеши, а богъ промежи нами будетъ». Святополкъ же и Володимерь *поидоста* на Олга Чернигову; Олег же выбѣже изъ Чернигова, *мѣсяца мая* въ 3 день, в суботу. Святополкъ же и Володимерь *гнаста по немъ, Олегъ же вбѣже въ Стародубъ и затворися ту; Святополкъ же и Володимерь* оступиста и в градъ, и бѣхутся из города крѣпко, а си приступаху къ граду, и язвени бываху мнози от обоихъ... И вдасть Мстиславъ стягъ Володимерь половчину, именем Кунуй, и вдавъ ему пѣшыцъ, и постави и на правѣмъ крилѣ. И заведъ Кунуй пѣшыцъ, напя стягъ Володимерь, и узрѣ Олегъ стягъ Володимерь, и убояся, и ужась нападе на нь и на воь его. *И* поидоша к боеви противу собѣ, *и поиде* Олегъ противу Мстиславу, а Ярославъ поиде противу Вячеславу. Мстиславъ же перешедъ пожаръ с новгородци, *и сседоша с коней новгородци*, и сступишася на Кулачыцъ, и бысть брань крѣпка, и нача одалати Мстиславъ. И видѣ Олегъ, яко поиде стягъ Володимерь, нача заходити в тылъ его, и убоявъся побѣже

Олегъ, и одолѣ Мстиславъ. Олег же прибѣже к Мурому, и затвори Ярослава Муромъ, а самъ иде Рязаню. Мстислав же приде Мурому, и створи миръ с *муромци*, и поя своя люди, ростовци и суждалци, и поиде к Рязаню по Олзѣ. Олег же выбѣже из Рязаня, а Мстиславъ, пришед, створи миръ с рязанци, и поя люди своя, яже бѣ заточилъ Олегъ. И посла къ Олгови, глаголя: «Не бѣгай никаможе, но пошлися к братьи своей с молбою не лишать тя Русьскыѣ земли. И азъ пошлю къ отцю молится о тобѣ». Олег же общася тако створити. Мстислав же възвративъся вспять Суждалю, оттуду поиде Новугороду в свой град, молитвами преподобнаго епископа Никиты. Се же бысть исходящю лѣту 6604, индикта 4 на полы.

В лѣто 6605. Придоша Святополкъ и Володимеръ, и Давыдъ Игоревичъ, и Василко Ростиславичъ, и *Давыдъ* Святославичъ, и брат его Олегъ, и сняшася Любяти на устроенье мира, и глаголаша к собѣ, рекуще: «Почто губим Русьскую землю, сами на ся котору дѣюще? А половци землю нашу несутъ розно, и ради суть, оже межю нами рати. Да нонѣ отсель имемся въ едино сердце, и блюдем Рускыѣ земли; кождо да держитъ отчину свою: Святополкъ Кыевъ *Изяславлю*, Володимеръ *Всеволозю*, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ *Святославлю*, а им же роздаялъ Всеволодъ города: Давыду Володимеръ, Ростиславичема — Перемышль Володареви, Теробовль Василкови». И на том цѣловаша крѣст: «Да аще кто отсель на кого будет, то на того будем вси и крѣст честный». Рекоша вси: «Да будет *на нь хрестъ честный* и вся земля Русьская». И цѣловавшеся поидоша в свояси.

И приде Святополкъ с Давыдомъ Кыеву, и ради быша людье вси: но токмо дьяволъ печалень баше о любви сей. И влѣзе сотона *в сердце* нѣкоторым мужем, и почаша глаголати к Давыдови Игоревичю, рекуще сице, яко «Володимеръ сложился есть с Василком на Святополка и на тя». Давыдъ же, емъ вѣру лживым *словесемъ*, нача молвити на Василка, глаголя: «Кто есть убилъ брата твоего Ярополка, а нынѣ мыслить на мя и на тя, и сложился есть с Володимером? Да промышляй о своей головѣ».

Святополкъ же смятеся умом, река: «Еда се право будетъ, или лжа, не вѣдъ». И рече Святополкъ к Давыдови: «Да аще право глаголеши, богъ ти буди послух; да аще ли завистью молвишь, богъ будет за тѣмъ». Святополкъ же сжалиси

по братья своим, и о собѣ нача помышляти, еда се право будет? И я вѣру Давыдови, и прелсти Давыдъ Святополка, и начаста думати о Василькѣ; а Василко сего не вѣдѣше и Володимерь. И нача Давыдъ глаголати: «Аще не имевъ Василка, то ни тобѣ княженья Киевѣ, ни мнѣ в Володимери». И послуша его Святополкѣ. И приде Василко въ 4 ноямбря, и перевезеся на Выдобычъ, и иде поклонитися къ святому Михаилу в монастырь, и ужина ту, а товары своя *постави* на Рудици; вечеру же бывшую приде в товаръ свой. И наутрия же бывшую, присла Святополкѣ, река: «Не ходи от именинъ моихъ». Василко же отпрѣся, река: «Не могу ждати: еда будет рать дома». И присла к нему Давыдъ: «Не ходи, брате, не ослушайся брата старѣйшаго». И не всхотѣ Василко послушати. И рече Давыдъ Святополку: «Видиши ли, не помнить тебе, ходя в твою руку. Аще ти отъидеть в свою волость, *самъ узриши*, аще ти не займетъ град твоихъ Турова, и Пиньска, и прочих град твоих. Да помянешъ мене. Но призвавъ *нынѣ* и, емъ и дажъ мнѣ». И послуша его Святополкѣ, и посла по Василка, глаголя: «Да аще не хочешь остати до именинъ моихъ, да приди нынѣ, цѣлуеши мя, и посѣдим вси с Давыдомъ». Василко же общася прити, не вѣдый лсти, юже имѣше на нѣ Давыдъ. Василко же всѣдъ на конь поѣха, и устрѣте и дѣтскый его, и повѣда ему, глаголя: «Не ходи, княже, хотять тя яти». И не послуша его, помышляя: «Како мя хотять яти? *Оногды, целовали* крѣст, рекуще: аще кто на кого будет, то на того будетъ крѣстъ и мы вси». И помысливъ си прекрестися, рекъ: «Воля господня да будетъ». И приѣха въ малъ дружинѣ на княжъ дворъ, и выльзе противу его Святополкѣ, и идоша выстобку, и приде Давыдъ, и сѣдоша. И нача глаголати Святополкѣ: «Останися» на святокѣ». И рече Василко: «Не могу остати, брате; уже есмѣ повелѣлъ *товаромъ* поити переди». Давыдъ же сѣдѣше акы нѣмѣ. И рече Святополкѣ: «Да заутрокай, брате!» И общася Василко заутрокаати. И рече Святополкѣ: «Посѣдита вы сѣдъ, а язѣ лѣзу, наряжю». И лѣзе вонъ, а Давыдъ с Василкомъ сѣдоста. И нача Василко глаголати к Давыдови, и, не бѣ в Давыдѣ гласа, ни послушанья: бѣ бо ужаслѣся, и лѣсть имѣя въ сердци. И посѣдѣвъ Давыдъ малоы, рече: «Кде есть братъ?» Они же рѣша ему: «Стоить на сѣнѣх». И вставъ Давыдъ, рече: «Азѣ иду по нѣ; а ты, брате, посѣди». И, вставъ, иде вонъ. И яко выступи Давыдъ, и запроша Василка, въ 5-й ноямбря; и оковаша и

въ двои оковы, и приставиша к нему сторожъ на ночь. Наутро же Святополкъ созва бояръ и кыянъ, и повѣда имъ, еже бѣ ему повѣдалъ Давыдъ, яко «Брата ти убилъ, а на тя свѣчался с Володимеромъ, и *хочеть* тя убити и грады твоя зяти». И *рѣша* бояре и людье: «Тобѣ, княже, достоить блюсти головы своее. Да аще есть право молвилъ Давыд, да прииметь Василко казнь; аще ли неправо глагола Давыдъ, да прииметь *мечь* от бога и отвѣчает пред богомъ». И *увѣдѣша* игумени, и начаша молитися о Василкѣ Святополку; и рече имъ Святополкъ: «Ото Давыдъ». Увѣдѣвъ же *се* Давыдъ, нача поущати на ослѣпленье: «Аще ли сего не створишь, апустишь и, то ни тобѣ *княжити*, ни мнѣ». Святополкъ же хотяше пустити и, но Давыдъ не хотяше, блюдася его. И на ту ночь ведоша и Бѣлугороду, иже град малъ у Киева, яко 10 верстъ в дале, и привезоша и на колѣх, окована суца, ссадиша и с колѣ и ведоша и в-ыстобку малу. И съдящю ему, узрѣ Василко торчина, *остряца* ножъ, и разумѣ, яко хотят и слѣпити, възпи к богу плачем великим и стенаньем. И се влѣзоша послании Святополком и Давыдомъ, Сновидъ Изечевичъ, конюх Святополчъ, и Дмитръ, конюх Давыдовъ, и почаа простирати коверъ, и *простерша* яста Василка и хотяща и поврещи; и боряшется с нима крѣпко, и не можаста его поврещи. И се влѣзше друзии повергоша и, и связаша и, и снемше доску с печи, и възложиша на перси его. И съдоста обаполы Сновидъ Изечевичъ и Дмитръ, и не можаста удержати. И приступиста ина два, и снята другую дску с печи, и съдоста, и удавиша и рамяно, яко персем троскотати. И приступи торчинъ, именем Беренди, овчюхъ Святополчъ, держа ножъ, и хотя ударити в око, и грѣшися ока, и перерѣза ему лице, и есть рана та *на* Василкѣ и нынѣ. И посем удари и в око, и изя зѣницю, и посем в другое око, и изя другую зѣницю. И томъ часѣ бысть яко и мертвъ. И взявше и на коверъ възложиша на кола яко мертва, повезоша и Володимерю. И бысть везому ему, стаща с ним, перешедше мость Звиженьскый, на торговищи, и сволокоша с него сорочку, кроваву суцю, и вдаша *попадѣи* опрати. Попадѣя же, оправши, възложи на нь, онѣм объдующим, и плакатися нача попадѣя, яко мертву суцю оному. И очюти плачь, и рече: «Кдѣ се есмь?» Они же рекоша ему: «Въ Звиждени городѣ». И вприси воды, они же даша ему, и испи воды, и вступи во нь душа, и упомянуся, и пощюпа сорочки и рече: «Чему есте сняли с

мене? Да бых в той сорочкѣ кровавъ смерть приялъ и стал пред богом». Онѣм же объдавшим, поидоша с ним вскорѣ на кольхъ, а по грудну пути, бѣ бо тогда мѣсяць грудень, рекше ноябрь. И придоша с ним Володимерю в 6 день.

Приде же и Давыдъ с ним, акы нѣкакъ уловъ уловивъ. И посадиша и въ дворъ Вакъевъ, и приставиша 30 мужъ стере-чи и 2 отрока княжа, Уланъ и Колчко.

Володимеръ же слышавъ, яко ятъ бысть Василко и слѣпленъ, ужасеся, и всплакавъ и рече: «Сего не бывало естъ в Русьскѣй земли ни при дѣдѣхъ нашихъ, ни при отцѣхъ нашихъ, сякого зла». И ту абѣ посла к Давыду и к Олгови Святославичема, глаголя: «Поидѣта к Городцю, да поправим сего зла, еже ся створи се в Русьскѣй земли и в насъ, в братѣи, оже *вверженъ в ны ножъ*. Да аще сего не правимъ, то болшее зло встанеть *в нас*, и начнетъ брат брата закалати, и погыбнуть земля Руская, и врази наши, половци, пришедше возмутъ землю Русскую». Се слышавъ Давыдъ и Олегъ, печална быста велми и плакастася, рекуще, яко «Сего не было в родъ нашемъ». И ту абѣ *собравши* воѣ, придоста к Володимеру. Володимеру же с вои стоящю в бору, Володимеръ же и Давыдъ и Олегъ послаша мужъ свои, глаголюще к Святополку: «Что се зло створилъ еси в Русьстѣй земли и вверглъ еси ножъ в ны? Чему еси слѣпилъ брат свой? Аще ти бы вина кая была на нь, обличил бы и пред нами, и упрѣвъ *бы и*, створил ему. А нонъ яви вину его, оже ему се створилъ еси». И рече Святополкъ, яко «Повѣда ми Давыдъ Игоревичъ яко «Василко брата ти убилъ, Ярополка, и тебе *хочетъ* убити и зяти волость твою, Туровъ, и Пинескъ, и Берестіе и *Погорину*, а заходилъ ротъ с Володимером, яко състи Володимеру Киевъ, а Василкови Володимери». А неволя ми своее головы блюсти. И не язъ его слѣпилъ, но Давыдъ, и велъ и к собѣ». И рѣша мужи Володимери, и Давыдови, и Олгови: «Извѣта о семъ не имѣй, яко Давыдъ естъ слѣпилъ и. Не в Давыдовъ городъ ятъ ни слѣпленъ, но в твоємъ градѣ ятъ и слѣпленъ». И се имъ глаголющимъ, разидошася разнѣ. Наутрѣя же хотящимъ чресъ Днѣпръ на Святополка, Святополкъ же хотѣ побѣгнуги ис Киева, *и* не даша ему кыяне *побѣгнуги*, но послаша Всеволожую и митрополита Николу к Володимеру, глаголюще: «Молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыя земли. Аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоватися, и возмутъ зем-

лю нашу, иже быша, стяжали отци ваши и дѣди ваши трудом великим и храбрѣствомъ, *побарающе* по Русьскѣй земли, ины земли приискываху, а вы хотите погубити землю Русьскую». Всеволожая же и митрополить придоста к Володимеру и молиастя ему, и повѣдаста молбу кыянъ, яко творити миръ, и блюсти земль Русьскѣ; и брань имѣти с погаными. Се слышавъ, Володимеръ расплакавъся и рече: «Поистинѣ отци наши и дѣди наши зблюли землю Русьскую, а мы хотимъ погубити». И преклонися на молбу княгинину, чтяшеть ю акы мать, отца ради своего, бѣ бо любимъ отцю своему повелику, и в животъ и по смерти не ослушайся его ни в чемъ же; тѣмъ же и послуша ея, акы матере, и митрополита тако же, чтяше санъ святительскѣй, не преслуша молбы его.

Володимеръ бо такъ бѣше любезнивъ: любовь имѣя к митрополитомъ, и къ епископомъ и къ игуменомъ, паче же и чернечскѣй чинъ любя, и черници любя, приходящая к нему напитае и напаяе, акы мати дѣти своя. Аще кого видяше ли шюмна, ли в коемъ зазорѣ, не осудяше, но вся, на любовь прекладаше и *утешаше*. Но мы на свое възвратимся.

Княгини же бывши у Володимера, приде Киеву, и повѣда вся рѣчи Святополку и кыаномъ, *яко миръ будетъ. И начаша межи собою мужи слати, и умиришася на семь, яко рѣша Святополку*, яко «Се Давыдова сколота; то иди ты, Святополче, на Давыда, любо ими, любо прожени и». Святополкъ же емься по се, и *цѣловаша* крестъ межу собою, миръ створше.

Василкови же сущю Володимери, на прежереченѣмъ мѣстѣ, и яко приближися постъ великѣй, и мнѣ ту сущю, Володимери, въ едину нощь присла по мя князь Давыдъ. И приходъ к нему, и сѣдяху около его дружина, и посадивъ мя и рече ми: «Се молвилъ Василко си ночи к Уланови и Колчи, рекль тако: «Се слышу, оже идеть Володимеръ и Святополкъ на Давыда: да же бы мене Давыдъ послушалъ, да быхъ послалъ мужъ свой к Володимеру воротиться, вѣдъ бо ся с нимъ что *молвилъ, и не поидеть*». Да се, Василю, шлю тя, иди к Василкови, тезу своему, с сима отрокома, и молви ему тако: «Оже хоцещи послати мужъ свой, и воротится Володимеръ, то вдамъ ти которой ти городъ любъ, любо Всеволожь, любо Шеполь, любо Перемиль». Азь же идохъ к Василкови, и повѣдахъ ему вся рѣчи Давыдовы. Онъ же рече: «Сего есмь не молвилъ, но надѣюся на богъ. Пошлю *къ Володимеру*, да быша не прольяхи мене ради крови. Но сему *ми* дивно, даетъ ми городъ

свой, а мой Теребовль, моя власть и ныне и пождавше»; якоже и бысть; вскорѣ бо прия власть свою. Мнѣ же рече: «Иди к Давыдови и рци ему: Пришли ми Кульмѣя, *а ти* пошлю к Володимеру». И не послуша его Давыдъ, и посла мя паки река: «Нѣ ту Кульмѣя». И рече ми Василко: «Посѣди мало». И повелѣ служь своему ити вонъ, и съде со мною, и нача ми глаголати: «Се слышу, оже мя *хочетъ* дати ляхом Давыдъ; то се мало ся насытилъ крове моея, а се *хочетъ* боле насытитися, оже мя вдасть имъ? Азъ бо ляхом много зла тво-рих, и хотѣлъ *есмь* створити и мстити Русскѣй земли. И аще мя вдасть ляхом, не боюся смерти; но се повѣдаю ти поисти-не, яко на мя богъ наведе за мое възвышенье...

и ста Святополкъ с своею дружиною, а Давыдъ и Олегъ с своею разнo, кромѣ себе. А Давыдъ Игоревичъ съдыаше кромѣ, и не припустяху его к собѣ, но особѣ думаху о Давыдѣ. И сдумавше послаша к Давыду мужи своѣ, Святополкъ Путя-ту, Володимеръ Орогостя и Ратибора, Давыдъ и Олегъ Торчи-на. Послании же придоша к Давыдови и рекоша ему: «Се ти молвятъ братья: «Не *хочемъ* ти дати стола Володимерьскаго, зане ввергль еси ножъ в ны, его же не было в Русскѣй земли. Да се мы тебе не имемъ, ни *иного ти зла* не створим, но се ти даем: шед, сяди в Бужьскѣмъ въ *Острожь*, а Дубенъ и Черто-рьескъ то ти даетъ Святополкъ, а се ти даетъ Володимеръ 200 гривен, а Давыдъ и Олегъ 200 гривен». И тогда послаша слы своя к Володареви и к Василкови: «Поими брат своего Васил-ка к собѣ, и буди вама едина власть, Перемышль. Да аще *вам* любо, да съдита, аще ли ни, — да пусти Василка съмо, да его кормимъ сдѣ. А холопы наша выдайта и смерды». И не послуша сего Володарь, ни Василко. А Давыдъ съде Божьскѣмъ, и по-семъ вдасть Святополкъ Давыдови Дорогобужь, в нем же *и* умре; а Володимеръ вда сынови своему Ярославу.

В лѣто 6609. Преставися Всеславъ, *полоцкий* князь, мѣсяца априля въ 14 день, въ 9 часъ дне, въ среду. В то же лѣто заратися Ярославъ Ярополчичъ Берестьи и иде на нѣ Святополкъ, и заста и в градѣ, и емъ и, и окова, и приведе и Киеву. И молися о немъ митрополитъ и игумени, и умолиша Свято-полка, и заводиша и у раку святою Бориса и Глѣба, и сняша с него оковы, и пустиша и. Томъ же лѣтъ совокупишася вся братья: Святополкъ, Володимеръ, и Давыдъ, и Олегъ, Ярос-лавъ, брат ею, на Золотьчи. И прислаша половци слы отъ всѣхъ

князий ко всей братъи, просяще мира. И рѣша имъ русскыи князи: «Да аще хочете мира, да совокупимся у Сакова». И послаша по половцѣ, и сняшася у Сакова, и створиша миръ с половци, и пояша тали межи собою, мѣсяца семтября въ 15 день, и разидошася разнѡ.

В лѣто 6610. Выбѣже Ярославъ Ярополчичъ ис Кыева, мѣсяца октябрия въ 1. Того же мѣсяца на исходѣ, прелстивъ Ярославъ Святополчичъ Ярослава Ярополчича, и ятъ и на Нурѣ, и приведе и къ отцю Святополку, и оковаша и. Том же лѣтъ, мѣсяца декабрия въ 20, приде Мстиславъ, сынъ Володимерь, с новгородци; бѣ бо Святополкъ с Володимеромъ рядъ *имѣлъ*, яко Новугороду быти Святополчю и посадити сынъ свой в немъ, а Володимеру посадити сынъ свой в Володимери. И приде Мстиславъ Кыеву, и съдоша в-ызбѣ, и рѣша мужи Володимери: «Се прислалъ Володимерь сына своего, да се съдятъ *новгородци*, да поимше сына твоего и идутъ Новугороду, а Мъстиславъ да идетъ Володимерю»...

В лѣто 6612. Ведена дщи Володарева за царевичъ за Олексиничъ, Цесарюгороду, мѣсяца иулия въ 20. Томъ же лѣтъ ведена Передьслава, дщи Святополча, в Угры, за королевичъ, августа въ 21 день. Том же лѣтъ приде митрополитъ Никифоръ в Русь, мѣсяца декабрия въ 6 день. Того же мѣсяца представился Вячеславъ Ярополчичъ въ 13 день. Того же мѣсяца въ 18 Никифоръ митрополитъ на столѣ посаженъ. Се же скажемъ: сего же лѣта исходяща, посла Святополкъ Путятю на Мѣнескъ, а Володимерь сына своего Ярополка, а Олегъ сам иде на Глѣба, поемше Давыда Всеславича; и не успѣша ничтоже и възвратишася опять. И родися у Святополка сынъ, и нарекоша имя ему Брячиславъ. В се же лѣто бысть знаменье: стояше солнце в крузѣ, а посредѣ круга крестъ, а посредѣ креста солнце, а внѣ круга обаполы два солнца, а надъ солнцемъ, кромѣ круга, дуга рогома на сѣверѣ; тако же знаменье и в лунѣ тѣм же образомъ мѣсяца февраля въ 4 и 5 и 6 день, в дне по 3 дни, а в ночь в лунѣ по 3 нощи.

В лѣто 6613. Постави митрополитъ епископа Анфилофія Володимерю мѣсяца августа въ 27 день. Томъ же лѣтъ постави Лазаря в Переславль ноябрия въ 12. Томъ же лѣтъ постави Мину Полотьску декабрия въ 13 день.

В лѣто 6614. Воеваша половци около Зарѣчьска, и посла по них Святополкъ Яня и Иванка Захарьича, Козарина: и угониша половцѣ и полонѣ отяша. В се же лѣто преставися Янь,

старецъ добрый, живъ лѣтъ 90, в старости маститъ; живъ по закону божью, не хужий бѣ первыхъ праведникъ. Отъ него же и язъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ въ лѣтописаньи семь, отъ него же слышахъ. Бѣ бо мужъ благъ, и кротокъ, и смѣренъ, огрѣбаяся всякая вещи, его же и гробъ есть въ Печерьскомъ монастыри, в притворѣ, идеже лежитъ тѣло его, положено мѣсяца иуны въ 24. В се же лѣто пострижесе Еупракси, Всеволожа дщи, мѣсяца декабря въ 6. В то же лѣто прибѣже Избыгнѣвъ къ Святополку. В то же лѣто пострижесе Святославъ, сынъ Давыдовъ, внукъ Святославль, мѣсяца февралѣ въ 17 день. Томъ же лѣте побѣдиша зимъгола Всеславичъ, всю братью, и дружины убиша 9 тысящъ.

В лѣто 6615, индикта, кругъ луны 4 лѣто, а солнечнаго круга 8 лѣто. В се же лѣто преставися Володимеря, мѣсяца мая въ 7 день. Того же мѣсяца воева Бонякъ и зая конь у Переяславля. Томъ же лѣтъ приде Бонякъ, и Шаруканъ старый и ини князи мнози, и стаща около Лубна. Святополкъ же, и Володимеръ, и Олегъ, Святославъ, Мстиславъ, Вячеславъ, Ярополкъ идоша на половци къ Лубну, и въ 6 час дне бродишася чресъ Суду, и кликнуша на нихъ. Половци же ужасошася, отъ страха не възмогаша ни стяга поставити, но побѣгоша, хватающе кони, а друзии пѣши побѣгоша.

Наши же *почаша* съчи, женуши я, а другыѣ руками имати, и гнаша ноли до Хорола. Убиша же Таза, Бонякова брата, а Сугра яша и брата его, а Шаруканъ едва утече. Отбѣгоша же товара своего, еже взяша руский вои, мѣсяца августа въ 12, и възвратишася всояси с побѣдою великою. Святополкъ же приде в Печерьскый монастырь на заутреню на Успенье святыя богородица, и братья цѣловаша и с радостью великою, яко врази наша побѣжени быша, молитвами святыя богородица и святаго отца нашего Феодосья. Такъ бо обычай имѣаше Святополкъ: коли идяше на войну, или инамо, оли поклонивъся у гроба *Феодосиева* и молитву возьмъ у игумена, ту сушаго, то же идяше на путь свой. В то же лѣто преставися княгини, Святополча мати, мѣсяца генваря въ 4 день. Томъ же лѣтъ, мѣсяца того же, иде Володимеръ, и Давыдъ и Олегъ къ Аепъ и ко другому Аепъ, и створиша миръ. И поя Володимеръ за Юргя Аепину дщерь, Осеневу внуку, а Олегъ поя за сына Аепину дщерь, Гиргеневу внуку мѣсяца генваря 12 день. *А февраля 5 трясеса земля предъ зорями в нощи.*

В лѣто 6616. Заложена бысть церкви святаго Михаила, Золотоверхая, Святополком князем, въ 11 иулия мѣсяца. И кончаша трапезницу Печерскаго монастыря при *Феоктисть* игумень, иже ю и заложи повелѣньемъ Глѣбовымъ, иже ю и стяжа. В се же лѣто вода бысть велика въ Днѣпрѣ, и в Деснѣ, и въ Припетѣ. В сем же лѣтѣ вложи богъ в сердце *Феоктисту*, игумену печерьскому, и нача възвѣщати князю Святополку, дабы вписалъ Феодосѣя в сѣнаникъ. И радъ бывъ, обеща-ся и створи, повелѣ митрополиту вписати в синодикъ. И повелѣ вписывати, по всѣмъ епископѣямъ, и вси же епископи с радостью вписаша, и поминати и на всѣхъ зборѣхъ. В се же лѣто преставися Катерина, Всеволожа дщи, мѣсяца иулия в 11. В се же лѣто. кончаша верхъ святаго богородица на Кловѣ, *заложеньй* Стефаномъ игуменомъ печерьскимъ.

В лѣто 6617. Преставися Евпракси, дщи Всеволожа, мѣсяца иулия въ 10 день, и положена бысть в Печерскомъ монастырѣ у дверей, яже ко угу. И здѣлаша над нею божонку, идеже лежитъ тѣло ея. В то же лѣто, мѣсяца декабря въ 2 день. Дмитръ Иворовичъ взя вежъ половецкыя у Дону.

В лѣто 6618. Идоша веснѣ на половцѣ Святополкъ, и Володимеръ, и Давыдъ. И дошедше Воиня, и воротишася. Там же лѣтъ бысть знаменье в Печерьстѣмъ монастырѣ въ 11 день февраля мѣсяца: явился столпъ огненъ отъ земли до небеси, а молнѣя освѣтиша всю землю, и в небеси погромъ в часъ 1 нощи; и весь миръ видѣ. *Сей* же столпъ первѣе ста на трапезниці каменѣй, яко не видѣти бысть креста, и постоявъ мало, съступи на церковь и ста надъ гробомъ Феодосѣевымъ и потомъ ступи на верхъ акы ко востоку *лицемъ*, и потомъ невидимъ бысть. Се же бѣаше не огненный столпъ, но видѣ ангелескъ: ангелъ бо сице является, ово столпомъ огненнымъ, ово же пламенемъ. Акоже рече Давыдъ: «Творя ангелы своя духы и слугы своя огонь полящъ», и шлеми суть повелѣньемъ божьимъ, амо же хоцетъ владыка и творецъ всѣхъ. Ангелъ бо приходитъ, кдѣ благая мѣста и молитвенни домове, и ту *показаетъ* нѣчто мало видѣнья своего яко мощно видѣти человекомъ; не мощно бо зрѣти человекомъ естества ангельскаго, яко и Моиси великій не возможе видѣти ангелскаго естества: водяшетъ бо я въ день столпъ облаченъ, а в нощи столпъ огненъ, то се не столпъ водяше ихъ, но ангелъ идяше предъ ними в нощи и въ дне. Тако и се явленье нѣкоторое показываше, ему же *бѣ* быти, *еже* и бысть на 2-е бо лѣто не съ ли ангелъ *вожъ* бысть на

иноплеменники и супостаты, якоже рече: «Ангел пред тобою предъидеть», и паки: «Ангель твой буди с тобою»?

Игуменъ Силивестръ святаго Михаила написах книги си Лѣтописецъ, надѣяся от бога милость прияти, при князи Володимеръ, княжащю ему Кыевъ, а мнѣ в то время игуменящю у святаго Михаила въ 6624, индикта 9 лѣта. А иже чтеть книги сия, то буди ми въ молитвахъ.

---

2. Новгородская первая летопись младшего извода (до 967 г., 1430–1447 гг.).

дна из ранних новгородских летописей, где известия доведены до 1447 г. В ее тексте представлен летописный свод 70-х гг. XI в., предшествующий Повести временных лет. Только в составе Н1ЛМ дошла до нас Краткая редакция Русской Правды — древнейшего законодательного акта Древней Руси. Известны два основных списка Н1ЛМ: Академический (БАН, 17.8.36.) и Комиссионный (СПбФ ИРИ, собр. Археогр. ком., № 249). Самое авторитетное издание: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред., предисловие А. Н. Насонова. М., Л., 1950. Публикация осуществляется по этому изданию. Разночтения приводятся только для первых трех страниц издания.

Временникъ, еже есть нарицается летописание^а князей и земля Руския^а, и како избра богъ страну нашу на послѣднѣе время, и грады почаша бывати по мѣстомъ, прежде Новгородчкая^б волость и потомъ Киевская, и о поставлении Киева, како во^в имя назвася^в Киевъ.

Якоже древле царь Римъ, назвася и во имя его город Римъ; и паки Антиохъ, и бысть Антиохиа великаа; и паки Селевки, и бысть Селевкиа; и паки Александри, и бысть въ имя его Александриа; и^г по многая мѣста^г тако прозвани быша грады в имена царевъ тѣхъ и князей тѣхъ: тако жъ и в нашей странѣ званъ бысть градъ великимъ княземъ во имя Кия, его же нарицають тако перевозника бывша; инѣи^д же: ловы дѣяше^д около города. И тако бо есть промыслъ божий, еже явъ в послѣднѣя^е куда же древле погании* жряху бѣсомъ на горахъ, нынѣ же паки туды святыя церкви златѣверхія каменозданныя стоятъ, и монастыреве велицы поставлены быша, и черноризецъ в нихъ исполнено бысть, безпрестани славяще бога в молитвахъ, въ бдѣнии, в постѣ и в слезахъ, ихъ же ради молитвъ миръ стоитъ. Аще бо къ святымъ сии прибѣгнемъ,^з церквамъ, тѣмъ велику ползу прииметь души и тѣлу. Мы же паки на послѣдование возвратимся, глаголюще сие о началѣ Русьскія земля и о князѣхъ, како откуду быша. Васъ молю, стадо христово, с любовью приклоните уши ваши разумно: како быша древнии князи и мужие ихъ, и како отбараху Руския^и землѣ, и ины страны придаху^к под ся; тѣи бо князи не збираху многа имѣния, ни творимыхъ^л вирь, ни

---

^{а - а} В рукописи летописание князей князь и земля руския, причем перед князь вставлено чистое место для написания нескольких букв.

^б буква д над строкой.

^{в - в} Новг. 4-й летописи воименовася.

^{г - г} В рукописи по описке ибо не многая мѣста. В Новг. 4-й и по многа мѣста.

^{д - д} Соф. 1-й инии же, яко и ловы дѣяше.

^е В рукописи после слова послѣднѣя оставлено чистое место для написания нескольких букв. В Новг. 4-й послѣднѣя лѣта.

^ж В рукописи попании.

^з В Новг. 4-й прибѣгнеть.

^и В рукописи ския.

^к В Новг. 4-й приимаю.

^л В рукописи тво, причем далее оставлено чистое место для написания нескольких букв. В Новг. 4-й творимыхъ.

продаж въскладаху^а люди; но^б оже^б будяше правая вира, а ту возмя, дааше дружинъ || на оружье. А дружина его кормяхуся, воююще ины страны и быющеса и ркуше: «братие, потягнемъ по своемъ князь и по Руской земль»; глаголюще^в «мало^г есть намъ, княже, двусотъ гривенъ». Они бо не складаху на своя жены златыхъ обручей, но хожуху жены ихъ в сребряныхъ; и расплодили были землю Рускую. За наше несытоство навелъ богъ на ны поганяя, а и скоты наши и села наша и имѣния за тѣми суть, а мы своихъ злыхъ дѣлъ не оставимъ. Пишетъ бо ся: богатество неправдою собираемо извѣтсѣя^з. И паки: собираетъ, и не вѣсть, кому собираетъ я. И паки: лучше малое праведнику, паче богатства грѣшныхъ || многа^с. Да отсель, братия моя возлюбленная¹, останемся² от несытства³ своего, нѣ⁴ доволни будете уроки⁵ вашими, яко и Павелъ пишетъ⁶: емуже дань, то дань; емуже урокъ, то урокъ; никому же насилья⁷ творяще, милостинею оцвѣтуше, страннолюбимъ, въ⁸ страсъ божий и правовѣрии свое спасение сдѣваючи, да и здѣ добръ [поживем]* и тамо вѣчнѣи⁹ жизни причастники¹⁰ будемъ. Си же таковая¹¹. Мы же¹² от начала Рускы¹³ земля¹⁴ до сего лѣта и все по ряду извѣстно¹⁵ да скажемъ, от Михаила цесаря до Александра и Исакия.³

В лѣто 6362. Начало земли Руской. Живяху кождо¹⁶ съ родомъ своимъ на своихъ мѣстехъ¹⁷ и¹⁷ странахъ, владѣюща

^а В рукописи въсила, причем далее оставлено чистое место для написания нескольких букв. В Новг. 4-й въскладаху на.

^б - ^в В рукописи ониже. В Новг. 4-й нѣ (но) оже.

^в В Соф. 1-й не ждяху (испр.: жадаху).

^г В рукописи мало ми.

^з В рукописи извѣ есть. В Новг. 4-й извѣтсѣя.

^с От слов многа да отсель Толстовский список печатаем не в основном тексте, а в вариантах. От слов многа да отсель в основном тексте напечатан Комиссионный список, в котором начала Новгородской летописи недостает. Комиссионный список Новгородской летописи начинается с этих слов.

* В квадратных скобках из Т.

¹ възлюбленаа; ² останемся; ³ несытоства; ⁴ не; ⁵ уроки; ⁶ пишетъ; ⁷ насилія; ⁸ в; ⁹ вѣчнѣи; ¹⁰ причастники; ¹¹ таковаа; ¹² жѣ; ¹³ руской; ¹⁴ земли; ¹⁵ извѣстно.

³ В Троицком списке читалось до Олекси Исакия (см. А. А. Шахматова Киевской начальный свод 1095 года в сборнике «А. А. Шахматов», 1947 г., стр. 131).

^а В рукописи кождо

¹⁶ кождо

¹⁷ - ¹⁷ Нет

кождо^{а1} родомъ своимъ. И быша три братия: единому имя Кии, второму² же² имя Щекъ, третьему³ же³ имя Хоривъ, а сестра их Лыбедь. И съдѣше Кии⁴ на горъ, идѣже нынѣ увоз Боричевъ, и бѣ с родомъ своимъ; а⁶ братъ его Щекъ на друзии⁵ горъ, от него же прозвася Щековица; а третии Хоривъ, от него же прозвася Хоривица. И сотвориша градокъ, во имя брата своего старѣшаго и⁶ наркоша имя Кыевъ⁶. И бяше около их лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловища⁷ звѣрие⁸. И быша⁹ мужи¹⁰ мудри¹¹ и смысленъ¹², нарѣчахуся¹³ Поляне, и¹⁴ до сего дне от них же¹⁴ суть кыянъ¹⁵; || бяху же поганъ¹⁶, жруще озером и кладязем и¹⁷ рощениемъ, якоже прочии¹⁸ погани¹⁹.

В си²⁰ же времена бысть²¹ въ Грѣчько²² земли цесарь²³, именемъ Михаилъ²⁴, и мати его Ирина, иже проповѣдаетъ²⁵ поклоняние иконамъ въ прѣвую²⁶ недѣлю поста. При семъ²⁷ приидоша Русь²⁸ на Царьград въ кораблех, бещислено^в корабль^в; а²⁹ въ двусту²⁹ вшедше въ Суд³⁰, много зло створиша³¹ Грекомъ и убийство³² велико³³ крестияномъ³⁴. Цесарь же съ патриархомъ Фотѣмъ молбу³⁵ створи въ церкви святыхъ Богородица Влахернъ³⁶ всю ночь; тацъ³⁷ святѣи богородици ризу изьнесъше³⁸, въ море скудь³⁹ омочиша; а⁴⁰ во время то яко⁴⁰ тишинъ суши, и⁴¹ абие буря вѣста⁴², и потапляше⁴³ корабля рускыя, и⁴⁴ изверже я на брегъ, и во своя сы⁴⁵ возвратишася⁴⁶.

⁴ В рукописи кождо.

¹ кождо;

² — 2^а другому;

³ — 3^а третьему;

⁴ кии.

⁶ Буква подправлена другими чернилами.

⁵ другой;

⁶ — ⁶ нарекоша имя граду тому киевъ;

⁷ уловища; ⁸ звѣрье; ⁹ быша; ¹⁰ мужие; ¹¹ мудры; ¹² смыслени; ¹³ и нарицахуся; ¹⁴ — ¹⁴ от них же; ¹⁵ нынѣ поляне и до сего дне; ¹⁶ погани; ¹⁷ Нет; ¹⁸ проции; ¹⁹ погании; ²⁰ сия; ²¹ бысь; ²² греческой; ²³ рекше царскомъ градъ; ²⁴ михайлъ царь; ²⁵ проповѣдасть; ²⁶ первую; ²⁷ семь же цари паки; ²⁸ на русь.

^в — ^в Написано на полях вверху тем же почерком, но более светлыми чернилами, с выносным знаком.

²⁹ — ²⁹ двѣ стѣ; ³⁰ суды; ³¹ сотвориша; ³² убийство; ³³ великое; ³⁴ хрестьяномъ; ³⁵ мольбу; ³⁶ влахернъ; ³⁷ тако же; ³⁸ изнесше; ³⁹ скутъ; ⁴⁰ — ⁴⁰ Нет; ⁴¹ Нет; ⁴² вѣста; ⁴³ потопляше; ⁴⁴ в моръ и; ⁴⁵ си; ⁴⁶ взвратишася.

По сих лѣтех¹ братиѣ² сии изгыбоша³; и быша обидими⁴ Древлѣяны⁵, инѣми⁶ околними⁷. И наидоша⁸ я Козаре на горахъ сихъ сѣдяща в лѣсѣхъ, и рѣша: «платите⁹ намъ дань». Съдумавши¹⁰ же Полянѣ¹¹ и даша от дыма мечъ. И несоша¹² Козаре¹³ къ¹⁴ князю своему и старѣишинамъ своимъ. Князь же созва старѣишины своя и рече имъ: «се налѣзохомъ дань нову». Онъ же рѣша ему: «откуда». Он же рече: «в лѣсѣ на горахъ надъ рѣкою Днепрскою». Они же рѣша: «что суть далѣ». И показа им мечъ; и рѣша старци козарьстѣи¹⁶: «не добра дань¹⁷, княже; мы ся доискахомъ оружіемъ единой страны, рекше саблѣями; а сихъ же оружіе¹⁸ обоямо остро, рекше мечи; сии имут и на нас имати дань и на иныхъ странахъ». Се сбысться все; не от своя воля рекше, от божіа повелѣнія. Якоже при фараонѣ цесари египетстѣ, егда приведоша Моисѣа, и рѣша старѣишины фараоня: «сей хоцетъ смирити власть Египетскую»; яко и бысть; и погыбоша Египтяне от Моисѣа, а первѣе бѣша работающе имъ; тако и си прѣвѣ владѣша, послѣ же самими владѣша; якоже и бысть: владѣютъ бо Козары князи рускыи и до днешняго дни. Нѣ мы на преднее возратимъся. И по сихъ, братиѣи тои, приидоста два Варяга и нарекостася князема: единому бѣ имя Асколдъ, а другому Диръ; и бѣста княжаща в Киевѣ, и владѣюща Полями; и бѣша ратнии съ Древлѣяны и съ Улицы.

Въ времена же Кыева и Щека и Хорива новгородстии людіе, рекомии Словени, и Кривици и Меря: Словенъ свою волость имѣли, а Кривици свою, а Мере свою; каждо своимъ родомъ владѣше; а Чюдѣ своимъ родомъ; и дань даяху Варягомъ от мужа по бѣлѣи вѣверици; а иже бяху у нихъ, то ти насилѣе дѣяху Словеномъ, Кривичемъ и Мерямъ и Чюди. И вѣсташа Словенъ и Кривици и Меря и Чюдѣ на Варягы, и изгнаша я за море; и начаша владѣти сами собѣ и города ставити. И вѣсташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велика и усобица, и вѣсташа град на град, и не бѣше в нихъ правды. И рѣша к себѣ: «князя поищемъ, иже бы владѣлъ нами и рядилъ ны по праву». Идоша за море к Варягомъ и ркоша: «земля наша велика и обилна, а наряда у насъ нѣту; да поидѣте к намъ княжитъ и владѣти нами». Изъбрашася 3 брата

¹ лѣтѣхъ; ² братиѣ; ³ изгыбоша; ⁴ обидимъ; ⁵ древлѣяны; ⁶ инѣми; ⁷ околными; ⁸ наидоша; ⁹ платити; ¹⁰ сдумавше; ¹¹ поляне ¹² нѣсоша; ¹³ козарѣ; ¹⁴ ко; ¹⁵ они; ¹⁶ козарьстѣи; ¹⁷ дань сѣа есѣ намъ; ¹⁸ оружіе.

с роды своими, и пояша со собою дружину многу и предивну, и приидоша к Новугороду. И съде старѣишии в Новъгородѣ, бѣ имя ему Рюрикъ; а другыи съде на Бѣлѣозерь, Синеусъ; а третей въ Изборьскѣ, имя ему Труворъ. И от тѣх Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь, и от тѣх словес Руская земля; и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжска.

По двою же лѣту умре Синеусъ и брат его Труворъ, и прия власть единъ Рюрикъ, обою брату власть, и нача владѣти единъ. И роди сынъ, и нарече имя ему Игорь. И възрастъшю же ему, Игорю, и бысть храборъ и мудръ. И бысть у него воевода, именемъ Олегъ, муж мудръ и храборъ. И начаста воевати, и налѣзоста Днѣпръ рѣку и Смолнескъ град. И оттолъ поидоша внизъ по Днѣпру, и приидоша къ горамъ кыевъскимъ, и узрѣста городъ Киевъ, и испыташа, кто в немъ княжить; и рѣша: «два брата, Асколдъ и Диръ». Игорь же и Олегъ, творящася мимоидуща, и потаистася въ лодяхъ, и с малою дружиною излѣзоста на берегъ, творящася подугорьскими гостями, и съзваста Асколда и Дира. Слѣзъшима же има, выскакаша прочии воины з лодѣи, Игоревы, на берегъ; и рече Игорь ко Асколду: «вы нѣста князя, ни роду княжа, нѣ азъ есмь князь, и мнѣ достоить княжити». И убиша Асколда и Дира; и абие несъше на гору, и погребоша и Асколда на горѣ, еже ся нынѣ Угорское наричетъ, идеже есть дворъ Олминъ; на тои могылѣ постави Олма церковь святого Николу, а Дирева могыла за святою Ириною. И съде Игорь, княжа, в Киевѣ; и бѣша у него Варязи мужи Словенъ, и оттолъ прочии прозвашася Русью. Сеи же Игорь нача грады ставити и дани устави Словеномъ и Варягомъ даяти, и Кривичемъ и Мерямъ дань даяти Варягомъ, а от Новагорода 300 гривенъ на лѣто мира дѣля, еже не даютъ. И паки приведе себѣ жену от Плескова, именемъ Олгу, и бѣ мудра и смысла, от нея же родися сынъ Святославъ. По сих же паки временехъ.

В лѣто 6428. Посла князь Игорь на Грѣкы вои Русь скидеи 10 тысящ. И приплыша ко Цесарюграду, и многа зла створиша Русь: Суд бо весь пожгоша огнемъ; а ихъ же имше плѣнники, овѣхъ растинаху, иныя же къ землѣ посѣкаху, другыя же поставляюще, стрелами стрѣляху; елико же ратнии творят, изломяще опаки руцѣ и связавъше, гвозды желѣзны посрѣде главъ вбивающе; и многыи церкви огневи преда-

ша. Въ время же то царствующю во градъ Роману, и абие посла Романъ цесарь патрикия Феофана съ вои на Русь, и огненнымъ строемъ пожже корабля рускыя. И възратишася Русь въ своя. Том же лѣтъ препочиша и другое, на третье идоша.

В лѣто 6429. Игорь и Олегъ пристроиста воя многы, и Варягы и Полянѣ и Словенѣ и Кривичи, и корабля многы бе-
щисленни.

В лѣто 6430. Иде Олегъ на Грѣки и прииде къ Цесарюграду; и Греци замкоша Съсуд, а град затвориша. И вѣлъзъ Олегъ, и повелѣ извѣлещи корабля на брегъ, и повоева около града, и много убийство створиша Грекомъ, и разбиша многы полаты и церкви. И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и вѣставити корабля на колеса. И бывъшую покосну вѣтру, и вѣспяша прѣ, и с поля идоша къ граду. И увидѣвше же, убояшася Греци, и рѣша, выславше къ Ольгови: «не погубляи града; имемъся по дань, якоже хоцещи». И исѣстави Олегъ воя; и внесоша ему брашно и вино, и не прия его, бѣ бо устроено съ отравою. И убояшася Грѣчи, и рѣша: «нѣсть се Олегъ, нѣ святыи Дмитрии посланъ от бога на ны». И заповѣда Олегъ дань даяти на 100, 200 корабль, по 12 гривнѣ на челоуѣкъ, а в корабль по сороку мужъ. Самъ же взя злато и паволоки, и возложи дань, юже дають и доселѣ княземъ рускимъ. И рече Олегъ: «шиите прѣ паволочитъ Руси, а Словеномъ кропинны»; и бысть тако. Повѣси щитъ свои въ вратехъ, показая побѣду; и поиде от Цесаряграда. И воспяша прѣ Русь паволочитыя, а Словенѣ кропинныя; и раздра вѣтръ кропинныя. И рѣша Словенце: «имемъся своихъ тольстинахъ; не даны суть Словеномъ прѣ». Прииде Олегъ къ Киеву и ко Игорю, несый злато и паволоки и вино и овощъ. И прозваша Олга вѣщии; и бяху людие погани и невѣгласи. Иде Олегъ к Новугороду и оттуда в Ладогу. Друзии же говорятъ, яко идущю ему за море, и уклону змиа в ногу, и с того умре; естъ могила его в Ладозѣ.

Игорь же сѣдѣше в Киевѣ княжа, и воюя на Древляны и на Угличѣ. И бѣ у него воевода, именемъ Свѣнделдъ и примучи Угличѣ възложи на ня дань, и вѣдѣсть Свѣнделду. И не вѣдѣяшется единъ град, именемъ Пересѣченъ; и сѣде около его три лѣта, и едва взя. И бѣша сѣдѣще Угличѣ по Днепру вѣнизъ, и посемъ приидоша межи Бѣгъ и Днѣстръ, и сѣдоша тамо. И дасть же дань деревъскую Свѣнделду, и имаша по

чернь кунъ от дыма. И рѣша дружина Игоревъ: «се далъ еси единому мужевъ много». Посем скажемъ въ преключившихся лѣтахъ сихъ.

В лѣто 6431.

В лѣто 6432.

В лѣто 6433.

В лѣто 6434.

В лѣто 6435.

В лѣто 6436.

В лѣто 6437.

В лѣто 6438.

В лѣто 6439.

В лѣто 6440.

В лѣто 6441.

В лѣто 6442.

В лѣто 6443.

В лѣто 6444.

В лѣто 6445.

В лѣто 6446.

В лѣто 6447.

В лѣто 6448. В се лѣто яшася Уличи по дань Игорю, и Пересѣченъ взятъ бысть. В се же лѣто дастъ дань на нихъ Свѣнделду.

В лѣто 6449.

В лѣто 6450. Вѣдасть дань деревъскую Свѣнделду тому же.

В лѣто 6451.

В лѣто 6452.

В лѣто 6453. В то же лѣто ркоша дружина ко Игоревъ: «отрочи Свѣнѣлжи изодѣлися суть оружиемъ и порты, а мы назѣ; а поиди, княже, с нами на дань: а ты добудеши, и мы». И послуша ихъ Игорьъ, иде в дань, и насилѣаше имъ и мужи его; и возмѣ дань, поиде въ свой градъ. Идушу же ему въспѣять, размысливъ, рече дружинѣ своей: «идѣте с данью домовъ, а язъ возвращуся и похожу еще». И пусти дружину свою домовъ, с малою дружиною вѣзратися, желая болшаго имѣнія. Слышавше Древляне, яко опять идетъ, сдумавше же Древляне съ княземъ своимъ Маломъ: «аще ся волкъ въ овця вводитъ, то выноситъ все стадо, аще не убьютъ его; тако и сей, аще его не убьемъ, то все ны погубитъ». И послаша к нему, глаголюще сѣ: «почто идеши опять; поймаешь еси всю дань». И не послуша Игорьъ; и изшедше Древляне из града Корестеня противу, и убиша Игоря и дружину его: бѣ бо ихъ мало.

И погребоша Игоря; и есть могила его близъ града Коростеня въ Древах и до сего дни. А Олга же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ дѣтскомъ Святославомъ, и кормилецъ его Асмудъ, и воевода бѣ Свѣнделдъ, тѣтъ же отецъ Мъстишинъ. Рѣша же к себѣ Дрѣвляне: «се князя убихомъ рускаго; поимемъ жену его Олгу за князь свои Малъ, и Святослава, и створимъ ему, якоже хочеть». И послаша Дрѣвляне лучьшихъ мужъ, числомъ 20, в лодыи к Олзѣ; и присташа под Биричевомъ, бѣ бо тогда вода текущи подлѣ горы Киевскыя, и на полѣ не съдаху людие, нѣ на горѣ; градъ же бяше Киевъ, идеже есть нынѣ Гродятинъ и Микифоровъ дворъ, а князь бяше дворъ во градѣ, идеже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ; а первѣе сиче бѣ внѣ града дворъ другыи, бѣ бо ту теремъ каменъ. И повѣдаша Олзѣ, яко Дрѣвлянѣ приидоша, и возва я Олга к собѣ, и рече имъ: «добръ приидоша гостѣе». И рече Олга: «да глаголете: что ради приидосте съмо». Рѣша же Дрѣвлянѣ: «посла насъ Деревьская земля, ркуще сиче: мужа твоего убихомъ, бяше бо мужъ твои акы волкъ, восхыщая и грабя; а наши князи добри суть, расплодили землю нашу. И поиди за князь нашъ за Малъ: бѣ бо имя князю нашему деревьскому Малъ». Рече же имъ Олга: «люба ми есть рѣчь ваша, уже мнѣ своего мужа не въскресити; нѣ хочу вы почтити наутрия предъ людьми своими, а нынѣ идете в лодью свою и ляжете в лодыи, величающесе; и азъ заутра пошлю по васъ, вы же, величающесе, рцѣте: не идемъ на конехъ, ни пѣши идемъ, но понесете ны в лодыи; и вознесутъ вы въ лодыи». И отпусти я в лодыи. И Олга же повелѣ ископати яму велику и глубоку на дворѣ теремьстѣмъ внѣ града. И заутра Олга, сѣдящи в теремѣ, посла по гости. И приидоша к нимъ, глаголюще: «зоветь вы Олга на честь велику». Они же рѣша: «не идемъ на конѣхъ, ни на возехъ; нѣ понесете ны в лодыи». И рѣша кыянѣ: «неволя есть намъ; князь нашъ убиенъ бысть, а княгынѣ наша хочеть за вашъ князь»; и понесоша я в лодыи. Онѣ же сѣдяще и гордящесе въ великихъ перегбехъ и сустугахъ. И пакы принесоша я на дворъ къ Олзѣ, и абие въринуша въ яму и с лодьею. И Олга съшедши к нимъ и приникъши, видѣ и рече имъ: «вы есте послове Деревьскои земли и приидосте к намъ от своего князя Мала; добра ли вы есть честь». Они же рѣша: «пусти намъ бысть Игоревъ смерти». И княгынѣ Олга повелѣ засыпати ихъ живыхъ; и абие засыпаша ихъ. Якоже пославши Олга къ Дрѣвлянѣмъ и сиче глагола

имъ: «аще мя право просите, то пришлите мужи нарочиты, да в велицъ чести поиду за вашъ князь, понеже бо не пустять мене людье кыевьстѣи». Се слышавши Древлянѣ, избраша лучьшии мужи нарочиты, иже держаша Деревъскую землю, и послаша их по Олгу. Древлянѣмъ же пришедшимъ къ Киеву къ княгинѣ Ольги, и прияше Ольга въ честь деревьскихъ муж, и повелѣ на них мовѣ створити: «измывшесея, приидѣте ко мнѣ». Они же преждоша избу, и влѣзоша Древляне мытсѣ; и запроша избу о них, и повелѣ зажещи на нихъ огнемъ от двери, и ту сѣгорѣша вси. И пакы приложи к тому Ольга послати къ Древлянѣмъ, сице глаголющи имъ: «се уже иду к вамъ; да пристроите ми меды многы у града, идеже убисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ его, и створю тризну мужевѣ своему». И они же то слышавше, свезоша медъ многъ зло и извариша. А Ольга же поимши мало дружины и легко идущи, прииде къ гробу его, и плакася по мужи своемъ плачемъ велиимъ зло. А людемъ въ время то повелѣ съсыпати могылу велику; и яко ссыпаша, и повелѣ тризну створити. И посемъ съдоша пити Древлянѣ; и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити предъ ними. И рѣша Древлянѣ къ Олзѣ: «гдѣ сущѣ дружина наша, ихъ же послахомъ по тебе». Она же рече: «идуть по мнѣ с дружиною мужа моего». И яко упишася Древляне, и повелѣ отрокомъ своимъ пити на нѣ, а сама отъиде кромѣ, и повелѣ дружинѣ съчи Древляны; и иссѣкоша ихъ 5000. А Ольга възратися в Киевъ, и пристрой вои на прокъ ихъ.

Н а ч а л о к н я ж е н ѣ я С в я т о с л а в л я . В лѣто 6454. Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ събра вои многы и храбры, иде на Деревъскую землю. Изидоша Древляне противу; и снемшимася обѣима полкома на совокупѣ, и суну копѣемъ Святославъ на Древляны, и копие летѣ сквозъ уши коневъ, бѣ бо велми дѣтескъ. И рече Свѣнделдъ и Асмудъ: «князь уже потягль; потягнѣмъ, дружино, и мы по князѣ». И побѣдиша Древляны; и возложиша на нихъ дань тяжку, и двѣ части дани Киеву идет, а третьяя Вышегороду ко Олзѣ: бѣ бо Вышегород Олгинъ град. И иде Ольга по Деревьстѣи землѣ съ сыномъ своимъ и с дружиною своею, уставляющи уставы и урокъ; и сущѣ становища ея и ловища. И прииде въ свой град Киевъ съ сыномъ своимъ Святославомъ, и пребывши лѣто едино.

В лѣто 6455. Иде Ольга к Новугороду, и устави по Мьстѣ погосты и дань; и ловища ея сущѣ по всей землѣ, и знамение и мѣста по всей землѣ, и погосты; а санки ея стоятъ во

Псковъ и до сего дни; по Днѣпру перевѣсища и села, и по Деснѣ есть село ея и досель. И възвратися къ сыну своему Киеву, и пребываше с нимъ въ любви.

Въ лѣто 6456.

Въ лѣто 6457.

Въ лѣто 6458.

Въ лѣто 6459.

Въ лѣто 6460.

Въ лѣто 6461.

Въ лѣто 6462.

Въ лѣто 6463. Иде Ольга во Греки и прииде Цесарюграду. И бѣ тогда цесарь именемъ Чемьскыи; они же повѣдаша цесарю приходъ ея, и абие цесарь возва ю к собѣ; она же иде к нему, ничто же медлящи. И видѣвъ ю цесарь зѣло добру сущу лицом и смыслену въ премудрости, удививъ же ся цесарь разуму ея, и паки бесѣдовавши, рече к неи: «подобна еси с нами царствовати въ градъ семъ». Она же разумѣвши, рече ко цесарю: «азъ погана есмь; да аще мя хощещи крестити, то крести мя самъ; аще ли сего не сотвориши, то не имамъ креститися». Царь же послуша словесъ сего и абие крестити ю съ патриархомъ. Просвѣщена же бывши, и она же тогда радовашеся душею и тѣломъ. И тѣмъ яко поучивши ю патриархъ о вѣрѣ, и рече ей: «благословена ты въ женахъ русскихъ, сие бо оставивши тму, а свѣтъ возлюби; и благословити тя имуть сынове русѣи в послѣдняя дни родове внука твоихъ». И заповѣда ей о церковномъ уставѣ и молитвѣ и о постѣ, и о милостинѣ и о воздержании тѣла чиста. Она же, поклонивши главу, стояше, акы губа напаяема, внимающи учению; и поклонившись патриарху, глаголюще: «молитвами твоими съхранена буду, честнейшии владыко, от сѣи неприязнены». Бѣ бо имя ей наречено въ крещении Елена, яко древняя цесарица, мати великаго Костянтина. И благослови ю патриархъ и отпуси. И по крещении призва ю цесарь, и глагола ей: «хощу тя поняти себѣ женою». Она же рече: «како хощещи мя поняти, крестивъ мя сам и нарекъ мя себѣ дщерью; а въ крестиянѣхъ сего нѣсть закона, а ты, цесарю, самъ вѣси». И рече цесарь прѣдстоящимъ ту велможамъ своимъ: «упремудри мя Ольга словесы своими»; бѣ же она мудра словесы. Цесарь же паки Чемьскыи, слышавши глаголы ея, дастъ ей дары многы: злато и сребро, и паволоки, и съсуды разнѣоличныя; и абие цесарь отпусти ю, нарекъ себѣ дщерью. И Ольга, кня-

гынъ руская, хотящи възвратитися къ странъ своеи, прииде къ патриарху, благословения просящи на домъ свои, и рече ему: «людие мои погани, и сынъ мои тако же поганъ бѣ, да бы мя богъ съблюлъ от всего зла». И рече еи патриархъ: «чадо върное; въ Христа крестилася еси, въ Христа облечеся, Христос имать съхранити тя; якоже съхрани Еноха въ пръвыи род, и потомъ Ноя в ковчезъ, Авраама от Авимелеха, Лота от содомлянъ, Моисѣя от фараона, Давыда от Саула, трие отроки от печи, Данила от звѣри, и тако и тебе избавить от неприязнъ и от сътеи его». И благословивъши патриархъ со вселеньскимъ соборомъ, и отпусти ю с миромъ въ свою землю; и пришедши еи паки къ Киеву, принявши святое крещение и божественныя дары въ Цесарьскомъ градѣ от честнѣишаго патриарха. Се же тако бысть, яко при Соломонъ царь: прииде ефиопская цесарица къ Соломону, слышати хотящи премудрость Соломону многу и знаменія видѣти: тако си блаженная Олга искаше добра и мудрости божия; нѣ она челоувѣческая, а си божия. Ищущии бо премудрость обрящутъ; понеже бо премудрость на исходящихъ поется, на путехъ же дерзновение водить, на краихъ же стѣнозабралныхъ проповѣдается, въ вратехъ же градныхъ держаючи глаголет, елико убо лѣтъ незлобии держатся по правду. И си бо от възраста блаженная Олга искаше мудростию всего въ свѣтъ семь и налѣзе бисеръ многоцѣнныи, еже есть христось. Рече бо Соломонъ: «желание благовѣрныхъ наслаждать душу, и приложиши сердце твое в разумъ; азъ любящая люблю, и ищущии мене обрящетъ». И рече господь: приходящая ко мнѣ не иждену вонь. Сия же Олга, по внегда пришедши еи уже в Киевъ, и якоже о неи въпредъ рекохомъ, посла же к неи царь Чемыскыи, глаголя сиче, яко «много одарихъ ты; ты бо ми рекла еси тако, яко аще възращуся в Русь, и многы дары пришлю ти, челядь и воскъ и скору, и вои в помощь». И отвѣщавши же Олга, и рече къ Соломѣру: «аще ты сиче глаголеши от Чемьскаго цесаря, рци ему: тако пришедши, постоиши у мене в Почаинѣ, якоже и азъ у тебе въ Съсуду стоявши, то тогда ти дамъ». И сиа паки словеса глаголавши много, и абие отпусти приходящая послове къ Царьскому граду. Живущи же Олга съ сыномъ своимъ Святославомъ, и учаше его мати креститися, нѣ небрежаше того словесъ, ни въ уши влагаше себѣ; нѣ аще кто хотяще волею креститися, не възбраняху ему, нѣ паче ругахуся тому. Нев-

ърнымъ бо есть въра крестианьска уродство есть; не смыслиша бо, ни разумъша, во тмъ ходяща, не видят славы господня; одобельша бо сердца ихъ, и ушима тяжко слышати и очима видѣти. Рече бо Соломонъ: «дѣлатель нечѣстивыхъ далече от разума; понеже звахъ вы, не послушаете, и прострохъ словеса, не внимаете, нъ отметаєте моя советы, моихъ же обличении не внимаете; възненавидѣша бо премудрость, а страха господня не изволиша, ни хотяху внимати моихъ словесъ, подражаху моя обличения». Якоже и Ольга часто глаголаше: «и азъ, сыну мой, бога познахъ и радуюся; аще ты познаеши, и радоватися начнеши». Онъ же не внимаше, глаголя: «како азъ хочу инъ законъ принять единъ, а дружина смѣяться начнуть и ругатися». Ольга же рече ему: «сыну, аще крестишися, вси имутъ то же творити». Онъ же не послушаше матери, творяше нравы поганьскыя; не въдыи бо, аще кто матери не послушаетъ, и паки в бѣду впадаетъ, якоже рече: «аще кто отца не слушаетъ или матери, смерть прииметь». Сеи же к тому гнѣвашеся на мать. Соломонъ же рече: «кажа злыя прииметь собѣ досаждение; обличая злыхъ, да възненавидитъ тебе». Нъ обаче любляше Ольга сына своего Святослава, рекущи к себѣ: «воля божия да будетъ; аще хочетъ богъ помиловати роду моего и земли Рускыя, да возложить имъ богъ на сердце обратитися къ богу, якоже и мнѣ богъ дарова». И се рекъши, моляшеться за люди и за сына и по вся нощи и дни, кормящи сына своего до мужества своего и до возраста его.

В лѣто 6464.

В лѣто 6465.

В лѣто 6466.

В лѣто 6467.

В лѣто 6468.

В лѣто 6469.

В лѣто 6470.

В лѣто 6471.

В лѣто 6472. Князю Святославу възрастъшю и возмужавшю, нача вои совокупляти многы храбры; и бѣ бо самъ храборъ, и легко ходя, акы пардусъ; воины многы творяше ходя, а возовъ по собѣ не вожаше, ни котла, ни мясь варяше, нъ потонку мяса изрѣзавше; конину или звѣрину, грядину на углехъ испекъ, ядыа; ни шатра имяше, нъ подкладъ постилаше, а сѣдло в головахъ; такоже у него и прочии вси вои бѣху.

И паки посылаше къ странамъ, глаголя имъ сице: «хощу на вы ити». И абие поиде на Оку рѣку и на Волгу. И налѣзе Вятици, и рече Вятицемъ: «кому дань даете». Они же рѣша: «Козаромъ дань даемъ по щялягу от рала».

В лѣто 6473. Иде Святославъ на Козары. Слышавши же Козары, изидоша противу съ княземъ своим каганомъ, и съступишася на бои, и бысть брань, одолѣ Святославъ Козаромъ, и град ихъ Бѣлу вежю взя. И Ясы побѣди и Касоги, и приведе Киеву.

В лѣто 6474. Победи Святославъ Вятицевъ и дань на них возложи.

В лѣто 6475. Иде Святославъ на Дунаи на Болгары. И бившемся обоимъ, одолѣ Святославъ Болгаромъ, и взя городовъ 80 по Дунаю, и съде княжа ту въ Переяславци, и емя дань на Грецехъ.

В лѣто 6939. Преставися на Москвѣ митрополит Фотѣи. Того же лѣта ходиша князи русѣи въ Рду: Юрьи Дмитриевич, Василии Васильевич.

В лѣто 6940. Выидоша князи русѣи из Орды без великаго княжения. Того лѣта владыка Еуфимии священноинокъ постави церковь древяну святых Апостолъ на Чюдинцевъ улицы. Тои осени прииха в Новѣгород князь Юрьи Семенович из Литвы. Тои же осени погорѣ околотокъ всѣ и владычнъ дворъ. Того же лѣта заложилъ церковь камену святого Юрья на Борковъ улицъ.

В лѣто 6940. Выидоша князи русѣи из Орды: князь Василии Васильевич, Юрьи Дмитриевич; цесарь Махметъ даше княжение великое князю Василию Васильевичю на всеи Руской земли. Того лѣта владыка Еуфимии постави церковь древяну святых Апостолъ на Чюдинцевъ улицы. Тои осени прииха в Новѣгород князь Юрьи Семенович съ своею княгинею из Литовской земли.

В лѣто 6941. Загорѣся веснѣ на Яневъ улицы и погорѣ Загородчкый конецъ и Людинъ конецъ до Лукинъ улицъ. Того же лѣта свершилъ борковци церковь камену святого Георгия. Того лѣта постави преподобнии нареченнии владыка Еуфимей полату въ дворъ у себе, а двери у ней 30: а мастера дѣлалъ нѣмечкый изъ Заморья с нгородскими масторы.

В лѣто 6942. Князь Юрьи Дмитриевич взя град Москву и сяде на великом княженъи. Того же лѣта, въ веснѣ, прииха князь великой Василии Васильевич в Новѣгород на святой недѣли, априля въ 1. Тогда же на святой недѣли, априля въ 5, выиха весь великий Новѣгород ратью на поле на Зарѣчскую сторону к Жилотугу, а князь Василии былъ тогда на Городищи, и не бысть новгородцем ничего же. Того же [лѣта] преставися князь великий Юрьи Дмитриевич. Тои веснѣ поиха на поставление Еуфимей новгородчкий к митрополиту Герасиму въ Смоленско априля 11; а князь Василии поиха на Москву априля 26. Тои же веснѣ подписана бысть прежняя полата въ владычнѣ дворѣ. Того лѣта прииха в Новѣгород архиепископъ владыка Еуфимей, поставленъ и благословенъ митрополитом Герасимомъ месяца мая 26. Того же лѣта прииха князь Василии Юрьевич в Новѣгород при владыци Еуфимии. Тои осени выиха из Новагорода князь Василии Юрьевичъ и много пограби, ѣдуци по Мьстѣ и по Бѣжичкому верху и по Заволочью, и много зла бысть от него. Тои же осени поставиша церковь камену в околоткѣ Иоанн Златоустъ, на старой основѣ, посадникъ Григории Кирилович и Есифъ Ондръянович Горошкова [внукъ].

В лѣто 6943. Ъздиша воеводы новгородчкий в зимѣ: посадникъ новгородчкой Иванъ Васильевичъ, и посадникъ Григории Кюрилович, и тысячкой Федоръ Олисиевич, Есифъ Васильевичъ, Онанья Семенович, Остафъи Есифович, и бояри новгородскый и новгородчовъ иного, а с рушаны Федоръ Остафьевъ, Михаила Буиновъ и порховицъ; и идоша триима путми, и казниша ржевицъ, и села вся пожгоша по Ръжевѣ, по плесковскый рубежъ, божиею помощью приидоша в Новѣгород вси здрави и с полономъ. Тои же зимѣ князь великий Василии Васильевич человаше крестъ к новгородчомъ, а новгородци къ князю великому человаша крестъ, отступитися князю великому новгородчкой отцины Бѣжичкаго верха и на Ламьском волокъ и на Вологдѣ, а новгородчкымъ бояром отступитися князьщинѣ, гдѣ ни есть; и князь великий нялся слати своих бояр на развод землѣ на Петровъ день, а новгородцом слати своих бояр. Того лѣта заложи архиепископъ Еуфимии у себе во дворѣ церковь камену на воротех святыи Иоанн Златоустъ. Тои осени свершиша церковь ту; толко мастера сверъшивъ сошлѣ съ церкви, и том часѣ церковь паде.

В лѣто 6944. Ослѣплень бысть на Москвѣ от князя Василья Васильевича князь Василии Юрьевичъ. Того лѣта послаша новгородци на отвод земли на Бѣжичкыи верхъ посадникъ Григории Кюрилович и Ивана Максимова, а житых Кузму Тарьсына, Ивана Максимова, а иных на Ламьскыи волокъ и на Вологду; и князь великой своих бояръ не посла, ни отцины новгородчкои нигдѣ же новгородцом не отведе, ни неправы не учини. Того лѣта архиепископъ Еуфимии опять сверши святого Иоанна Златоустаго въ другии ряд и часы надъ полатою наряди звонящий. Того лѣта владыка Еуфимии заложи церковь камену святого Николу на Вежищах. Тои осени, божиимъ попущениемъ, мразъ побѣ обилье в жатву уже во всей Новгородчкои области; и тои же осени бысть вода велика и выломи ледом ночь мержею у великого мосту 7 городънь и Жилотугъ мостокъ снесе. Тои зимы послаша новгородци посадника новгородского Григория Кюриловича к Жидимонту, и князь Литовскыи Жидимонтъ человаше крестъ к новгородцемъ к послом, и взяша миръ.

В лѣто 6945. Прииха в Новѣгород с Москвѣ, от князя великаго Василья Васильевича, князь Юрьи Патракиевич чорнаго бору прошати, и новгородци даша князю черныи боръ, и выиха из Новагорода князь Юрьи Патрикиевич. Тои веснѣ подписанъ бысть Иоанн Златоустъ въ владычнѣ дворѣ на воротех. Тои же веснѣ прииха изо Цесаряграда на Москву от патриарха Иосифа митрополит Сидоръ Гричинъ на митрополию. Тои веснѣ вода подмывала у Дитинца город, и оползевала земля от стѣны, и падеся стѣна камена и колоколница от Волхова. Того лѣта владыка Еуфимии на въцѣ в ризахъ благослови крестомъ посадниковъ и тысячкых и весь великыи Новѣгород в недѣлю, и поиха на Москву к митрополиту Сидору июля въ 7, на память святого Фомы. Того лѣта паде церковь на Вежищах святыи Никола камень. Того лѣта владыка Еуфимии заложи церковь камену святыи Петръ на воротех у себе въ дворѣ, а старую церковь порушавъ. Того лѣта мость Великыи свершиша. Тои осени прииха с Москвы в Новѣгород митрополит Сидоръ Гричинъ октября въ 9, и почестиша его владыка и посадники и бояръ и купчи и весь великыи Новѣград, и на зимѣ поиха митрополит въ Псковъ [и] къ Цесарюграду; и во Псковъ постави имъ анхимандрита Геласья и дасть ему суд владычнѣ и вси пошлыны.

В лѣто 6946 В веснѣ прииха в Новѣгород князь Юрьи Семенович, марта въ 3. Того лѣта опять поставиша церковь святого Николу на Вежищах, на старои основѣ, камень.

В лѣто 6947. Постави архиепископъ Еуфимии ключницу хлебную камену. Того лѣта архиепископъ Еуфимии омаза извистью святую Софью всю. Того же лѣта постави архиепископъ Еуфимии колоколницу камену на старомъ мѣстѣ, на городѣ, идѣже палася до основаниа. Того же лѣта обрѣтоно бысть тѣло архиепископа Иоана, при коемъ былъ суздалецъ под Новымъгородом. Того же лѣта архиепископъ Еуфимии позлати гробъ князя Володимера, внука великаго Володимера, и подписа; такоже и матери его гробъ подписа, и покровъ положи, и память имъ устави творити на всякое лѣто мѣсяца октябрю въ 4.

В лѣто 6948. Убьенъ бысть в Литвы князь великий Литовскыи Жигимонтъ Кестутьевич Олександромъ Черторискымъ и братомъ его Иваномъ, а княжилъ 9 лѣт. Сеи бѣ князь лют и немилостивъ и серебрюлюбивъ паче чловѣкъ и много князеи литовскыхъ погуби и иныя истопи, а ины погуби мечем, а паневъ и земьскихъ людеи не мало безъ милосердия изгуби; того ради и богъ на него наведе сию злую смерть. И тако не яшася за сына его за Михаилу, за злобу отца его, и всѣ литовскыи грады и рускыи избраша собѣ князя великаго Казимира королевича, Ягоилова сына, и посадиша его в Вилнѣ на великомъ княженъи тихо и безмятежно. Того же лѣта погорѣ Полтескъ всѣ; а князь Юрьи Семенович из Новаграда великаго выѣха в Литву, и князь великий Казимиръ дал ему очину его всю, Мстиславъ и Кричевъ, иныхъ градовъ и волостей не мало; он же възгордився, засяде Смоленско, и Полоческъ, и Витепскъ и бяше ему не полезно и людемъ на мятежъ великъ и на брань. Тои же осени, убоявся, видя свою дерзость, еже не разумѣемъ створи, избѣже на Москву. Того же лѣта постави владыка церковь камену святую Анастасию. Того же лѣта постави владыка комнату камену меншую.

В лѣто 6949. На зимѣ князь великий Московскыи Василий Васильевичъ възверже нелюбье на Новѣгород Великий, присла грамоту розметную и повоева волости новгородчкихъ много. Новгородци же послаша архиепископа Еуфимья и с нимъ бояръ и житыхъ людеи, и наѣхаша его в Деревяхъ у города у Дѣмяна, и докончаша с нимъ миръ по старинѣ, и даша ему 8000 рублевъ; а псковичи, пособляя князю великому

Василью, много земель Новгородчкои повоеваша и пакости створиша не мало. В то же время воеводы новгородчкыя с заволочаны по князя великого земли повоеваша много противу того, что князь воевалъ новгородчкыя волости. Тои же зимъ приѣха митрополить Исидоръ съ осмого сбора на Русь из Рима, и нача зватися легатосомъ от ребра апостольскаго, съдалища римскыя власти, и митрополитомъ римскимъ, и нача поминати папу римскаго въ службѣ, и иныя вещи новыя, их же николиже слышахомъ от крещения Рускыя земля; а повелъ в лячкых божницах рускымъ попом свою службу служити, а в рускых церквахъ капланомъ, Литва же и Русь за то не изымашася. Того же лѣта, повелънемъ пресвященнаго архиепископа великого Новагорода владыкы Еуфимья, подписана бысть церковь святыи Никола на Вежищахъ. Того же лѣта подписана бысть полата болшая владычня и съни пережнии. Того же лѣта постави архиепископъ Еуфимей церковь святыи Борисъ и Глѣбъ, на старои основъ, во Околоткъ; и быша ему пособьници новгородци.

В лѣто 6950. Приѣха митрополить из Литвы на Москву, и князь великий Василей Васильевич повелъ ему служити; слышавъ от него въ службѣ, что поминаеть папу римскаго, а не патриарха Цесаряграда, и иных вещи много не по обычаю Рускыя земля, и рече князь великий: «при нашей братии князеи великих Рускыя земля, сего не бывало, и азъ сего не хочу слышати»; и повелъ жити ему в монастырь и приставомъ повелъ стрещи его, он же избѣже въ Тферь и оттолъ в Литву. Того же лѣта князь великий московскыи възверже нелюбие на князя Дмитрея Юрьевича и погонися по немъ; и онъ отбѣжа в новгородчкыи Бѣжичкыи верхъ, и много волостемъ пакости учини; и присла в Новгород посоль: «что бы есте мене приялъ на своей волѣ». Новгородци же отвѣщаша: «хощь, княже, и ты к намъ поѣди; а не въсхощь, ино какъ тобѣ любо». Того же лѣта постави боголюбивыи архиепископъ новгородчкыи владыка Еуфимей святого Спаса Преображение в Русь, на старой основъ, а быша пособьници новгородци и рушани; и свершена бысть семтября мѣсяца въ 13 день. В тои же день приѣха из Новагорода архиепископъ, и повелъ быти блѣнью всенощному, господьскаго ради праздника, и облечеса въ вся свящєныя одежа, и с нимъ сборъ святыя Софія, в повелъ рускымъ игуменомъ и попомъ с собою службу служити, и свяща ю самъ на праздникъ Въздви-

жения честнаго креста, и святую литургию свершигъ; веселяшеся блаженни сердцемъ и душою, възирая на храмъ святаго Спаса и видя своего дѣла начатоу добру свершену еже устроивъ собѣ на память вѣчную и на оставление грѣховъ, и всимъ христьяномъ прибѣжище и радость и веселье вѣрнымъ, и похвала архиепископу отъ людий, приходящихъ въ домъ святаго Спаса и възирающимъ на церковь и глаголющимъ: «благословенъ богъ, иже положивъ на сердце господину нашему создати храмъ святаго Спаса высочайше первою». И добру ю украси, и иконы на златѣ добрымъ писаньемъ устрои, иныя потребныя мѣста добру сверши, якоже подобаетъ церкви на красоту, и церковныя служебныя съсуды серебряныя створи, и иныя сосуды серебряныя устрои на потребу монастырю. Въ то же время былъ посадникъ новгородчкый Иванъ Васильевичъ, держалъ русское посадничество. А священа бысть при игуменъ Иванъ святаго Спаса. Того же лѣта постави архиепископъ владыка Еуфимей церковь камену святаго Николу въ своемъ дворѣ. Того же лѣта доставиша церковь камену святаго Прокопья на Бѣлои. Того же лѣта постави архиепископъ владыка Еуфимей поваренъ камены и комнату каменную въ своемъ дворѣ. Того же лѣта бысть пожаръ въ Плотьничьскомъ концѣ: загорѣся отъ Щитной улицѣ мая въ 4, и погорѣ половина Конюховы улицѣ и Запольская вся, и за городъ прешедъ, погорѣ до Онтонова монастыря. И пакы, того же мѣсяца мая 11, на память священномученика Мокиа, загорѣся на Подоль, и бысть пожаръ лють и пакости людемъ много, и церкви каменныхъ огорѣ 12, и христьянскихъ душъ богъ вѣсть колко погорѣ, и конецъ весь погорѣ до святаго Георгия, и ту преста на Лубяницѣ. И по малѣ время, того же мѣсяца, погорѣ Заполье Микитины улицѣ, и бысть пакость людемъ велика, кои вносилися къ нимъ съ животы своими. Си же пожары бывають грѣхъ ради нашихъ, да ся быхомъ покаляемъ отъ злобъ своихъ. Въ то же время людие отъ скорби тоя великыя пожарныя, похвативше люди, глаголюще отъ ярости смущени: «въ тайнѣ ходите и людемъ не являйтеся, и зажигаете градъ, и людѣи губите»; и овѣхъ на огнь сожгоша, а иныхъ с мосту сметаха. А богъ вѣсть, испытая сердца челоувѣческая, право ли есть глаголющаа.

Въ лѣто 6951. Постави архиепископъ великаго Новгорода владыка Еуфимей духовницу камену и сторожну камену въ своемъ дворѣ. Того же лѣта поставиша церковь камену святаго Николу на Кречевѣ.

В лѣто 6952. Сѣмтября 14 приѣхалъ князь Иванъ Володимировичъ в Новѣгород на пригороды, на которыхъ был Лугвень и сынъ его Юрьи по новгородчкому прошению; а князь Юрьи Лугвеньевич поѣха къ Нѣмцемъ, и Нѣмць ему пути не даша, и онъ отѣхъ на Москву. Тои же осени пришедши Нѣмць у Ямъ города посад пожьгоша и берегъ повоеваша, а в Новѣгород прислаша: «мы вас не воюемъ, а воюеть васъ князь Григории изъ заморья Клевѣскыи про своего проводника Итолка Ругодивца»; а то все лгаша Нѣмци. Той же осени изъ князя великого отчины изъ Тферьскаго много повоеваша земль и селъ Новгородчких Бѣжичкыи верхъ и Заборовье и Новоторскыи волости вси. А из Литвы князь великыи Казимиръ присла в Новѣгород, а ркъ такъ: «возмите моих намѣстниковъ на Городише, а язь васъ хочу боронити; а съ княземъ есмь с московскымъ миру не взялъ васъ дѣля»; и новгородци по тому не яшася. Тои же зимы, шедше новгородци в Нѣмѣцкую землю за Нарову съ княземъ Иваномъ Володимировичемъ, поплениша и пожгоша много около Ругодива и до Пурдознѣ, и подлѣ Норову и до Чюдьскаго озера. Того же лѣта, събравшеся Нѣмци, местерь со всеми своими вои, пришедше под город под Яму, бывше и пушками, и стоявше 5 днии, и по Вочкои земли и по Ижеръ и по Невѣ поплениша и пожгоша; а города ублюде богъ и святыи архистратигъ Михаилъ, не взяша, а самых Нѣмѣць много паде под городомъ, а инѣи язвени отъидоша въ свою землю. А в то же время в городъ въ Ямъ былъ князь Василеи Юрьевичъ Суздальскыхъ князей; а новгородци послаша селниковъ лускихъ и вочкихъ и ижерьскихъ бояръ наперед, а сами хотѣша ити с ними за Нарову воевати съ княземъ Иваномъ Володимировичемъ. И в то же время, по грѣхомъ нашимъ, начаша кони мрети в городъ и по волостемъ велми много; новгородци же въспятишася и не поидоша за Нарову. А в то время псковици прислаша в Новѣгород свои послы о миру, и узрѣша, оже в Новѣгородѣ кони много падутъ, а новгородци не идоша за Нарову, и отѣхаша безъ миру. Того же лѣта ходиша Корѣла на Мурманъ, избиша ихъ и повоеваша, и пленивше, и приидоша здоровъ.

В лѣто 6953. Архиепископъ великаго Новагорода владыка Еуфимей постави церковь камену на Хутинѣ святого Варлама, а на верху колоколницу. Того же лѣта архиепископъ Еуфимей великаго Новагорода заложи манастирь святого Георгия в Городкѣ, и стѣну каменую понови, и церковь святого Ге-

оргия понови и подписа, идѣже опало, и покры ю чешую, и бысть христьяномъ прибежище. Того же лѣта приѣхъ в Новъ-город с Москвы князь Юрьи Лугвеньевич, и новгородци даща ему корѣмление, по волости хлѣбъ, а пригородовъ не даща; а князь Иванъ отѣхъ в Литву. Той же зимѣ князь великий Василенасла Тотарь, два царевица на литовьскыи города, на Вязму и на Брянскъ, и на иныи города безъвѣстно, и много потратиша, и въ полонъ сведоша и пожьгоша, мало и не до Смоленска. И то слышавъ князь Литовьскыи Казимиръ, и посла своихъ пановъ и рать свою на Можаетскъ и на иныи города, 5 городовъ взя, и плени земли много и повоева, и христьянству погибель велика бысть. Тои же зимы поиде князь великий Василии противу тотарьскаго цесаря Махмета, и много христьянъ от мразъ изьмре, а иныхъ Тотарове избиша и землю пусту сѣтвориша; и пособи богъ князю великому Василью, и побьгоша Тотарове, а иныи побьены быша. Тои же зимѣ князь Тферьскои Борисъ взялъ новгородчкихъ волостей 50, повоева и пограби бѣжичкихъ^а и около Торьжку, и Торжокъ взялъ. Тои же зимы послаша новгородци на съездъ с Нѣмци, с местеромъ, князя Юрья и боярь и купцевъ; и местерь же захотѣ Острова,^б того ради безъ миру розѣхавшеся. А в Новъгородѣ хлѣбъ дорогъ бысть не толко сего единого году, но всю десять лѣтъ: по двѣ коробыи на полтину, иногда боле мало, иногда менши, иногда нѣгдѣ купить; и бысть скорбь и туга христьяномъ велми, толко слышати плачь и рыданье по улицамъ и по торгу; и мнозѣ от глада падающе умираху, дѣти предъ родители своими, отци и матери предъ детьми своими; и много разидошася: инии в Литву, а инии в Латынство, инѣи же бесерменомъ и Жидомъ ис хлѣба даяхуся гостемъ. А в то же время не бѣ в Новъгородѣ правдѣ и праваго суда, и вѣсташа ябетници, изнарядиша чѣты и объты и целованья на неправду, и начаша грабити по селамъ и по волостемъ и по городу; и бѣахомъ в поруганье сусѣдомъ нашимъ, сущимъ окрестъ нас; и бѣ по волости изьѣжа велика и боры частыя, криць и рыдание и вопль и клятва всеми людьми на старейшины наша и на град нашъ, зане не бѣ в насъ милости и суда права. Того же лѣта постави архиепископъ Еуфимей церковь камену святого Еуфимья теплую у себе в сѣнехъ, и подыписа и иконами украси; а все

^а Так в рукописи

^б В рукописи острова

то здылано в четыре мѣсяци. Того же лѣта поставиша княжанци церковь камену святыхъ Мироносицъ на старои основѣ. Того же лѣта поставиша в Русь церковь камену святыи Дмитрии. Того же лѣта Василии Шенкурской и Михаила Яколь, воеводы новгородчкыи, поидоша ратью заволочкою въ трехъ тысяцахъ на Югру; и поймавше югорьскихъ людеи много, и жонъ яхъ и дѣтеи, и расположишася; онъ же, Югрици, dospвше над ними облестъ, а ркъ тако: «мы хотимъ вамъ дань даяти, а хотимъ счестися, и указати вамъ станы и острова, уречища»; а в то время скопившеся и ударившеся на острогъ на Васильевъ, и много добрыхъ людеи, дѣтеи боярьскихъ и удалыхъ людеи избиша 80; и бѣ жалостно слышати убьенье ихъ. А Василии убѣжа съ сыномъ своимъ Семеономъ в малъ дружинъ, а иныи разбѣгошася по лѣсу; а другыи воевода Михаила Яколь в то время былъ во инои рѣкѣ, и потомъ Михаила приѣхалъ къ Васильеву острогу и видѣ острогъ разоренъ, а своихъ побитыхъ, а иныя разбѣгышися, и нача искати своихъ по рѣцѣ; и скопишася к нему Василеи съ сыномъ и иная и вси, и приѣхаша въ свою землю. Того же лѣта приидоша Свѣя Мурманъ безвестно за Волокъ на Двину ратью, на Неноксу, повоевавъ и пожгоша и людеи переськоша, а иныхъ в полонъ поведоша. Услышавше то движенъ, придоша вборзъ иныхъ исськоша, а иныхъ прислаша въ Новгородъ съ четьредесять; а воеводы ихъ, Ивора и Петра и третьего, убиша; инѣи же, мало вметавшеся в корабли, отбѣгоша. Того же лѣта створися знаменьѣ велико во градъ Суздаль, въ церкви святыя Богородица сборнои, мѣсяца априля 20, в канунъ Препловенья, при великомъ князи Василии Васильевичѣ, при епископѣ суздальскомъ Аврамѣи: начашася напрасно святительскыя гробы внутри горѣсти и падати, а на завтрее, въ самыи празникъ Препловленья, падеся церкви сборная святая Богородица. Того же лѣта князь великий Василии, собравъ вой, и поиде на того же Махмета и приде въ Суздаль; и бывшу ему въ Еуфимьева монастыря, и безвѣсти наидоша Тотарове, и бысть съча велика князю великому съ Тотары, и по грѣхомъ нашимъ побѣженъ бысть князь великий; изымавше его Тотарове, и ведоша его во Орду, а с нимъ князя Михаила Ондრѣвича и иныхъ множество боярь и молодыхъ людеи и чернцевъ и черницъ, а иныхъ множество исськоша; а князь Иванъ Ондрѣвич и князь Василии Ярославлич а тыи ранены в малъ дружинъ утекоша. А опослѣ

того побитья от Тотарь и сие бысть зло: на 6 день, егда збѣгшася въ Москву и со животы изо всех сторонъ останокъ людеи, и загорься Москва внутри города и выгорь вся, и много христьянъ погорь, числомъ семьсотъ; а животы все погорьша, и верхъ въпаде церкви сборныя святого Михаила, а другая церковь паде Въздвиженье честнаго креста. Того же лѣта, месяца августа 7 день, архиепископъ великого Новгорода владыка Еуфимии, благословивъ своихъ дѣтей посадниковъ и тысячких и весь великий Новъгород, и поѣха за Волокъ благословити новгородчкую отчину и свою архиепископью и своихъ дѣтей. Того же лѣта, месяца августа 22, князь тѣрьскый Борисъ, приславъ своихъ воевод на Торжокъ, останокъ людеи разгна и пограби, а иныя погуби, а иныя на окупъ подая; а животовъ и товара московского и новгородского и новоторьского сорокъ павосковъ свезе въ Тѣрь, а иныя павоскы потопиша в рѣцъ с товаромъ; а в Бѣжичкомъ верху и по Заборовью осмидесят волостей повоева въ два году.

В лѣто 6954. Отпусти цесарь Махмет князя великого Василья на Рускую землю и взя на немъ окупъ двѣсти тысяць рублевъ, а иное богъ вѣсть да онъ. Того же лѣта начаша людие денгъ хулити серебряныя, даже и все новгородци другъ на друга смотря, и бысть межи ими голка и мятежь и нелюбовь; и посадник и тысячкий и весь Новъгород уставиша 5 дѣнежниковъ, начаша переливати старыи денги, а новыи ковати в ту же мѣру, на 4 почки таковых же, а от дѣла от гривны по полуденги; и бысть христьяном скорбь велика и убытокъ в городъ и по волостемъ; да и сие не забвено будетъ в послѣдних родех. Того же лѣта генваря въ 3, бысть облакъ тученосенъ и з дождемъ, и паде вкупъ пшеница и рожь и жито на полъ и на лѣсъ от града за 5 верстъ, вдаль от Волховца и до Мьсть рѣкъ на 15 верстъ; людье събравше елико кто изобрѣтъ, и принесоша въ град; гражданъ же стекошася видити сие преславное чюдо, откуда и како бысть. Тои же зимы, месяца генваря 23, приѣха архиепископъ изъ Заволочья в Новъгород. Того же мѣсяца въ 30, на память святыхъ треи святитель, Василья Великого, Григорья Богослова, Иоана Златоустаго, архиепископъ Еуфимей свяща сборомъ церковь теплую святого Еуфимья.^а

---

^а Внизу на полях почерком второй половины XV в. написано в лѣто 6984 гма была в заговенье в, далее следы нескольких букв. На словах святого Еуфимья кончается Комиссионный список Новгородской первой летописи. Лист 264 об. оставлен чистым.

---

3. Новгородская первая летопись старшего извода (1136–1177 гг., 1200–1247 гг.).

Самая древняя из русских летописей, дошла до нас в рукописи XIV в. на пергамене (ГИМ, Синод, собр., № 786). Иногда называется Синодальной (по месту нахождения) или Харатейной (по материалу рукописи). Из-за утраты листов текст начинается с известия 6524 (1016 г.). Непрерывное погодное изложение доводится до 6841 (1333 г.), после чего приписаны известия трех лет. Существует фототипическое издание рукописи: Новгородская харатейная летопись. /Изд. под набл. акад. М. Н. Тихомирова (М., 1964). Публикация осуществляется по изданию: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов/. Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова. М., Л.; 1950. В сносках буквами КАТ обозначены списки Новгородскоой первой летописи младшего извода: Комиссионный — К, Академический — А, Толстовский — Т.

... Въ лѣто 6644. Индикта лѣта 14, новгородьци призваша плъсковиче и ладожаны и сдумаща, яко изгонити князя своего Всеволода, и въсадиша въ епископлѣ дворѣ, съ женою и съ детьми и съ тыщею, мѣсяця мая въ 28; и стражѣе стрѣжаху день и ношѣ съ оружіемъ, 30 мужъ на день. И съде 2 мѣсяця, и пустиша из города июля въ 15, а Володимира, сына его, прияша. А се вины его творяху: 1, не блюдетъ смердѣ; 2, «чему хотель еси сести Переяславли»; 3-е, «ехаль еси съ пѣлку переди всѣхъ, а на то много; на початыи велевъ ны, рече, къ Всеволоду приступити, а пакы отступити велить»¹; не пустиша его донелѣже инѣ князь приде. Тѣгда же съгорѣ церкы святого Въскресения монастырь. Въ то же лѣто приде Новгороду князь Святославъ Олговицъ ис Цернигова, от брата Всеволодка, мѣсяця июля въ 19, преже 14 каланда августа, въ неделю, на сборѣ святыя Еуфиміе, въ 3 час дне, а луне небесной въ 19 день. Томъ же лѣтѣ, наставъшю индикта 15, убиша Гюргя Жирославиця и съ моста съвѣргоша, мѣсяця септября. Въ то же лѣто святиша церковь святого Николы великымъ священіемъ, въ 5 декабря. Въ то же лѣто оженися Святославъ Олговицъ Новегородѣ, и вѣнчяся своими попы у святого Николы; а Нифонт его не² вѣнчя, ни попомъ на сватбу³, ни церенцемъ дасть, глаголя: «не достоить ея пояти». Въ то же лѣто стрѣлиша князя милостьниці Всѣволожи, нѣ живѣ бысть.

Въ лѣто 6645. Настанущю въ 7 марта, индикта лѣту 15, бѣжя Костянтинъ посадникъ къ Всѣволоду и инѣхъ добрыхъ мужъ нѣколико; и вѣдаша посадницити Якуну Мирославицю Новѣгородѣ. Въ то же лѣта приде князь Мѣстиславицъ Всѣволодъ Плскову, хотя сѣсти опятѣ на столе своемъ Новѣгородѣ, позванъ отаи новгородьскими и плсковьскими мужи, приятели его: «поиди, княже, хотятѣ тебе опятѣ». И яко услышано бысть се, яко Всѣволодъ Плсковъ съ братомъ Святотѣлкомъ, и мятежъ бысть великъ Новегородѣ: не въсхотѣша люде Всѣволода; и побѣгоша друзии къ Всѣволоду Плскову, и вѣзяша на разграбление дома ихъ, Къснятинѣ, Нѣжятинѣ и инѣхъ много, и еще же ищуще то, кто Всево-

---

¹ Буква и неясна.

² Перед словом не были написаны какие-то буквы, по-видимому его; видны следы букв го

³ Буква б неясна.

лоду¹ приятель бояръ, тѣ имаша на нихъ нѣ съ полуторы тысяще гривень, и даша купцемъ крутиться на воину; нѣ сягоша и невиноватыхъ. Потомъ же Святославъ Олговицъ съвѣкупи всю землю Новгородскую, и брата своего приведе Глѣбъка, куряны съ Половцы, идоша на Пльсковъ прогонять Всеволода. И не покоришася пльсковичи имъ, ни выгнаша князя отъ себе, нѣ бяхуться устерегли, засеки² осеки всѣ; и съдумавъше князь и людье на пути, въспятишася на Дубровнѣ, и еще рекъше: «не проливаемъ крѣви съ своею братьею, нѣгли богъ управить своимъ промысломъ». Тѣгда же прѣставися князь Всѣволодъ Мѣстиславицъ Пльсковъ, и яшася пльсковичи по брата его Святопѣлка; и не бе мира съ ними, ни съ суждальци, ни съ смольняны³, ни съ полоцканы, ни съ кыяны. И стоя всѣ лѣто осмѣнька великая по 7 резан.

Въ лѣто 6646. Мѣсяца марта, въ 9 день, на 40 Святыхъ, бысть громъ велии, яко слышахомъ чисто, въ истѣбѣ сѣдяще. Въ то же лѣто выгнаша князя Святослава, сына Ольгова, изъ Новагорода, мѣсяца априля 17, въ неделю 3 по⁴ пасхѣ⁴, съдевъша 2 лѣта бесъ трии мѣсяць. Томъ же лѣтъ сласяся по Гюргя Володимириця Суждалю; а въ 23 того мѣсяца пополошишася людье: сѣлгаша бо, яко Святопѣлкъ у города съ пльсковичи; и высушася всѣ городъ къ Сильнищю, и не бы ничтоже, а Святославлюю приаша Новегородъ съ лучшими мужи, а самого Святослава яша на пути смольняне и стрѣжахуть его на Смядинѣ въ монастыри, якоже и жену его Новегородъ у святое Варвары въ монастыри, жидуше оправы Яропѣлку съ Всѣволодомъ. Въ то же лѣто въниде князь Ярославъ, сынъ Гюргевъ, внукъ Володимиръ, и-Суждаля Новугороду на столѣ, маия въ 10; и съ пльсковичи сѣмиришася. Въ то же лѣто⁵ князь Кыевскыи Яропѣлкъ, и сѣдъ на столѣ братъ его Вячеславъ.

Въ лѣто 6647. Приде Гюрги князь и-Суждаля Смольнску и зваше новгородѣце на Кыевъ на Всѣволодка, и не послушаша его. И тѣгда бѣжа Ростиславъ Смольнску къ отцю изъ

---

¹ В рукописи по описке Всеволоде

² В рукописи засеки засеки

³ Правый нижний угол с вырезами. Текст написан после того, как угол был вырезан.

⁴ — ⁴ В рукописи ппа и с над строкой под дугой.

⁵ В К того же лѣта прѣставися

Новагорода, сентября 1, съдѣвъ въ Новѣгородѣ 8 лѣтъ и 4 мѣсяць; и разгнѣвася Гюрги, идя опять Суждалю, възъ Новыи тѣргъ. И послашася новгородци Киеву по Святослава по Олговиця, заходивыше ротѣ; и бѣ мятежь Новѣгородѣ, а Святослав длѣго не бяше. Въ то же лѣто въниде князь Святослав¹ Олговиць Новугороду и съдѣ на столѣ мѣсяця декабря въ 25.

В лѣто 6648. Въ 20 марта бысть знамение въ солнчи, и толико оста его, якоже бываетъ мѣсяць 4 днии, и паки до захода напылнися.

Въ то же лѣто потоциша Киеву къ Всѣволоду Къснятина Микульциця, и паки по немъ инѣхъ муж 6, оковавъше, Полюда Къснятиниця, Дъмьяна, инѣхъ колико.

Въ лѣто 6649. Априля въ 1 бысть знамение на небеси дивно велми: 6 круговъ, 3 около солнця, а кроме солнця другыя 3 великы, и стоя близъ не весь день. Въ то же лѣто придоша ис Киева от Всеволода по брата Святослава вести Киеву²; «а сына моего, рече, примите собе князя». И яко послаша епископа по сына его и много лепышихъ людии, а Святославу реша: «а ты пожди брата, то же поидеши»; онъ же убоивъся новгородѣцъ: чи прѣльстивыше мя имуть, и бежа отаи въ ноць; Якунъ съ нимъ бежа. И Якуна яша на Плисъ, и приведъше и семо съ братомъ его Прокопьею, малы не до смерти³, обнаживъше, яко мати родила, и съверша и съ моста; нѣ богъ избави, прибрѣде къ берегу, и боле его не биша, нѣ възяша у него 1000 гривенъ, а у брата его 100 гривенъ, такоже и у инѣхъ имаща; и затоциша Якуна въ Чюдъ съ братомъ, оковавъше и руцѣ къ шыи. И последъ приведе я къ собе Гюрги и жены ея из Новагорода, и у себе я държаше въ милости. И разгнѣвася Всеволодъ, и прия слы вся и епископа и гостѣ. И съдѣша новгородци бес князя 9 мѣсяць: и призваша и-Суждаля Судилу, Нежату, Страшка, оже бѣху бежали из Новагорода, Святослава дѣля и Якуна; и даща посадництво Судилу Новѣгородѣ; и послаша по Гюргя по князя Суждалю, и не иде, нѣ посла сынъ свои Ростислав, оже тои преже былъ. Въ то же лѣто въниде Ростислав Гюргевиць Новугороду на столѣ, мѣсяця ноября въ 26.

---

¹ Буква а переделана из ъ.

² В рукописи кые.

³ В Новгородской 4-й летописи бивше мало не до смерти.

Въ лѣто 6650. Епископъ и купцы и слы новгородскыя не пушаху из Руси, и они не хотяху иного князя, развѣ Святопѣлка; и вѣда имъ Святопѣлка и-своею руку; вѣротивъся Гюрги, оже пустилъ сынъ свои Новгороду. И слышаша Новгородъ, яко Святопѣлкъ идеть къ нимъ съ вѣсми людми ихъ, и яша Ростислава, и вѣсадиша въ епископлѣ дворъ, съдѣвѣша 4 мѣсяци. Въ то же лѣто вѣниде Святопѣлкъ Новгороду, 19 априля; и пустиша Ростислава къ отцю. Въ то же лѣто приходиша ѿмъ и воеваша область Новгородскую; избиша я ладожане 400 и не пустиша ни мужа. Въ то же лѣто приходи Свѣискеи князь съ епископомъ въ 60 шнекъ на гость, иже и-заморья шли въ 3 лодьяхъ; и бишася, не успеха ничтоже, и отлучиша ихъ 3 лодье, избиша ихъ полутораста.

Въ лѣто 6651. Стояше вся осенина дѣждева, от Госпожина дни до Корочюна, тепло, дѣжгъ; и бы вода велика вельми въ Волхове и всюде, сено и дрѣва разнесе; озеро морози въ ночь, и растърза вѣтръ, и вѣнесе въ Волхово, и поломи мостъ, 4 городнѣ отинудъ бе-знатбе занесе. Въ то же лѣто оженися Святопѣлкъ Новгородъ, приведе жену из Моравы, межи¹ Рожествомъ и Крещениемъ. Въ то же лѣто ходиша Корела на Емь, и отбѣжаша 2 лоиву² бити.

Въ лѣто 6652. Дѣлаша мостъ вѣсь цересъ Волхово, по стороне ветхаго, новъ вѣсь. Въ то же лѣто погоре Хѣлмъ вѣсь и церкви святого Илье. Въ то же лѣто испѣсаша честно притворы вся въ святой Софии Новгородъ, архиепископъ Нифонтъ. Тѣгда же даша посадничество Нежати Твѣрдятицю. Въ то же лѣто съвѣршиша церковь камяну святой Богородици на Тѣрговищи, Новогородъ. Въ то же лѣто постави мя попомъ архиепископъ святыи Нифонтъ.

Въ лѣто 6653. Стояста 2 недели пѣльне, яко искря гуце, теплѣ вельми, переже жатвы; потомъ наиде дѣжгъ, яко не видехомъ ясна дни ни до зимы; и много бы уимъ жить и сѣна не удѣлаша; а вода бы больши третяго лѣта на ту осень; а на зиму не бысть снѣга велика, ни ясна дни, и до марта. Въ то же лѣто утоста 2 попа, и не да епископъ надъ нима пѣти. Въ, то же лѣто заложиша церковь камяну на Смядинѣ, Борис и Глѣб, Смольньскъ³. Томъ же лѣтъ ходиша вся Русска земля на Галиць и много попустиша область ихъ, а города не

---

¹ Буква и, *кажется» переделана из ю*

² *Можно прочесть также леиву*

³ *В строке смольнь и с над строкой.*

възяша ни единого, и воротишася, ходиша же и из Новгорода помочье кыяномъ, съ воеводою Неревиномъ, и воротишася съ любвьвю¹.

Въ лѣто 6654. Прѣставися въ Руси Всѣволодъ² мѣсяця июля, и съдѣ на столѣ его брат Игорьъ, и съдѣ 2 недели; и негодовахуть его людье, и въздаша вѣсть къ Изяславу Мѣстиславичю Переяславлю, и приде съ вои, и бишася; и поможе богъ Изяславу, и сѣде Изяслав на столѣ, и Игоря самого яша 5 день по побоищи³, и порубиша и; а на осень вымолися постричься, и пострижеся. Тѣгда же даша посадничество Костянтину Мукульцицю, и у Нѣжатѣ отъмѣше. Томъ же лѣтѣ съдѣлаша 4 церкви: святую мученику Бориса и Глѣба въ градѣ, святаго пророка Илье, и святую апостолу Петра и Павла на Хѣлмѣ⁴, и святую безмздьнику Козму и Дамияна.

Въ лѣто 6655. На осень ходи Святопѣлкъ съ всею областью Новѣгородскою на Гюргя, хотя на Суждалѣ, и воротишася на Новемъ тѣргу, распутѣ дѣля. Томъ же лѣтѣ прѣставися зимѣ Костянтинъ посадникъ, и даша Судилови Иванковицю опять. Тѣгда же умре Онтонъ игумень.

Въ то же лѣто вдаша игуменьство Андрееви по Онтонѣ. Томъ же лѣтѣ убиша Игоря князя Олговиця кыянь.

Въ лѣто 6656. Бысть дѣжгъ съ градомъ июня въ 27, в неделю, и зажѣже громъ церковь святѣя Богородиця въ Звериньци манастирь. Въ то же лѣто ходи архепископъ Нифонтъ Суждалю, мира дѣля, къ Гюргеви; и приять и съ любвьвю Гюрги, и церковь святѣя Богородици великымъ священіемъ, и новотѣдржѣцъ всѣ выправи и гостѣ всѣ цѣль, и посла съ цѣстію Новугороду; нѣ мира не дасть. Тои же осени присла Изяслав⁵ ис Кыева сына своего Ярослава, и прияша новгородѣци, а Святопѣлка⁶ выведе злобы его ради и дасть ему Володимирѣ. Тои же зимѣ приде Изяслав Новугороду, сынъ Мѣстиславль, ис Кыева, иде на Гюргя Ростову съ новгородѣци; и мѣного воеваша людье Гюргево, и по Волзѣ възаша 6 городѣкъ, оли до Ярослава попустиша, а головъ възаша 7000, и воротишася распутія дѣля.

---

¹ В листе отверстие, существовавшее до того, как был написан текст.

² Последняя буква неясна.

³ На месте буквы и пятно.

⁴ Первая буква стерлась.

⁶ Буква а переделана из ъ.

Въ лѣто 6657. Иде архепископъ новгородскыи Нифонтъ въ Русь, позванъ Изяславомъ и Климомъ митрополитомъ: ставилъ бо его бѣше Изяславъ съ епископы Русскыя¹ области, не славъ Цесарюграду; а Нифонтъ тако мѣлвляше: «не достоинъ есть сталь, оже не благословенъ есть от великаго сбора, ни ставленъ»; а онъ про то не бързо отрядивъ его, нъ посади и въ Печерьстѣмъ манастири, дондеже Гюрги придетъ. Въ то же лѣто Гюрги приде на Кыевъ², позванъ Святославомъ Олговицѣмъ, и бишася у Переяславля, и переяславци съдоша на щитъ, наущениемъ Гюргя; и съде Гюрги Кыевъ, а Изяславъ бѣжа Володимирю. На то же лѣто идоша даньници новгородскыи въ малъ; и учювъ Гюрги, оже въ мале шли, и посла князя Берладскаго съ вои, и бивъшеся мало негде, стаха новгородци на островъ, а они противу ставите, начаша городъ чинити въ лодьяхъ; идоша новгородци к нимъ на третии день, и бишася; и много леже обоихъ, нъ суждалыцъ бещисла. На ту же зиму придоша Емъ на Водъ ратью нъ въ тысящи; и услышавъше новгородци любо въ 500 съ Водью, идоша по нихъ, и не упустиша ни мужа³. Тои же нощи бысть знамение въ лунѣ: вся погыбе, въ заутрънюю паки напълнися, феурар.

Въ лѣто 6658. Приде архепископъ Нифонтъ ис Кыева, пушенъ Гюргемъ княземъ; и ради быша людье Новгородъ.

Въ лѣто 6659. Победи Изяславъ съ Вяцеславомъ Гюргя у Переяславля, иуля 17. На ту же зиму преставися княгыни Изяславля⁴. Въ то же лѣто архиепископъ Нифонтъ побѣ святу ю Софию свиньцѣмъ всю прямъ, извѣстѣю маза всю около. Тѣгда же създаша 2 церкви: святого Василя и святу ю Костянтина и матере его Елены.

Въ лѣто 6660. Априля 23 загорѣся церкви святого Михаила въ средъ Тѣргу, и много бысть зла; и погорѣ всѣ Тѣргъ и двори до ручья, а сѣмо до Славина, и церквии съгоре 8, а 9-я Варязская.

Въ лѣто 6661. Иде боголюбивыи архепископъ Нифонтъ въ Ладогу, и заложи церковь камяну святого Климента. В то же лѣто съруби Аркадъ игуменъ церковь святыхъ Богородицы Успение и състави собе манастирь; и бысть крестьяномъ прибежище, ангеломъ радость, а дьяволу пагуба.

---

¹ В строке роускы и с над строкою под дугой.

² Верхняя горизонтальная черта в букве ѣ едва заметна.

³ В рукописи муж.

⁴ В рукописи изяславлявля.

Въ лѣто 6662. Изгнаша новгородици князя Ярослава въ 26 марта, и въведоша Ростислава, сына Мѣстислава, априля въ 17. Въ то же лѣто поставиша церковь святого Савы. Въ то же лѣто прѣставися Изяслав Кыевъ, ноября 14. Тѣгда же иде Ростислав из Новагорода Кыеву на столъ, оставивъ сына Давыда Новгородъ; и възнегодоваша новгородци, зяне не створи имъ ряду, нѣ боле раздѣра, и показаша путь по немъ сынови его. Тѣгда послаша владыку Нифонта съ передьними мужи къ Гюргеви по сынѣ, и въведоша Мѣстислава, сына Гюргева, генваря въ 30. Тои же зимѣ прѣставися Вячеслав Кыевъ. Тѣгда же иде Ростиславъ къ Чернигову ис Кыева, съдевъ Кыевъ¹ недѣлю 1, и побѣдиша² и, прѣльстивъше; и съде Изяслав Давыдовиць Кыевъ.

Въ лѣто 6663. На вѣрбницю вѣниде князь Гюрги Кыеву и съде на столъ, а Изяслав избежа Давыдовиць Чернигову; и прия Гюрги сыновѣцъ въ мирѣ съ любовью, и волости имъ раздая достойныя; и бысть тишина въ Русьстѣи земли.

Въ лѣто 6664. Выгнаша новгородѣци Судила ис посадничества, и по томъ изгнаніи 5-и день умре; и потомъ даша посадничество Якуну Мирославицю. Тои же веснѣ прѣставися архиепископъ Нифонтъ, априля въ 21: шлъ бѣше Кыеву противу митрополита; инии же мнози глаголаху, яко, получивъ святую Софію, пошлъ Цесарюграду; и много глаголаху на нѣ, нѣ собе на грѣхъ. О семъ бы разумети комуждо насъ: которыи епископъ тако украси святую Софію, притворы испѣса, кивотъ створи и всю извѣну украси; а Пльсковѣ святого Спаса церковь създа камяну, другую въ Ладозѣ святого Климента. Мнѣю бо, яко не хотя богъ, по грѣхомъ нашимъ, дати намъ на утеху гроба его, отведе и Кыеву, и тамо прѣставися; и положиша и въ Печерьскомъ монастыри, у святѣи Богородици въ пещере. В то же лѣто събрася всѣ град людии³, изволиша собе епископъ поставити мужа богомъ избрана Аркадія; и шдѣше всѣ народъ, пояша и из монастыря от святѣи Богородици, и князь Мѣстиславъ Гюргевиць, и всѣ клиросъ святѣи Софіе, и вси попове городстѣи, игумени и чернѣици, и въведоша и, поручивъше епископѣю въ дворѣ

---

¹ Между буквами кые и буквами ѣ оставлено чистое место, вероятно, потому, что в этом месте поверхностный слой листа содран.

² Между буквами по и бѣ в листѣ отверстие.

³ В строкѣ люи и д над строкѣю.

святыя Софіе, дондеже придетъ митрополитъ въ Русь; и тогда поидеши ставиться. Въ то же лѣто поставиша заморьстии церковь святыя Пятницѣ на Търговищи.

Въ лѣто 6665. Бысть котора зла¹ въ людѣхъ, и вѣсташа на князя Мѣстислава на Гюргевицѣ, и начаяша изгонити из Новагорода, търговии же полъ сташа въ оружии по немъ; и съвадишася братья, и мость переимаша на Вѣлхове, и сташа сторожи у городныхъ воротъ, а друзии на ономъ полу, малы же и крѣви не проляша межи собою. И тогда вѣнидоста Ростиславицѣ, Святослав и Давыдъ; и на ту ночь бежа Мѣстислав из города. По трѣхъ днѣхъ вѣниде Ростислав самъ, и сънидошася братья, и не бысть зла ничто же. Тои же веснѣ представися Гюрги князь Кыевъ, и посадиша Изяслава Давыдовицѣ кыеане на столѣ. Томъ же лѣтѣ преставися Андрѣи, игумень святыя Богородицѣ, и поставиша Ольксу въ него мѣсто. На то же осень зѣло страшно бысть: громъ и мѣлния, градъ же яко яблѣковъ боле, мѣсяця ноября въ 7 день, въ час 5 нощи.

Въ лѣто 6666. Иде Ростислав Смольску² и съ княгынею, а сынъ свои Святослав посади Новгородъ на столѣ, а Давыда на Новемъ търгу. Въ то же лѣто, по грѣхомъ нашимъ, моръ бысть въ людѣхъ многъ, и конь мѣножьство помре, яко нѣлзѣ быше доити до търгу сквозъ городъ, ни по грѣбли, ни на поле выити смороды; такоже и скоть помре рогатыи. Том же лѣтѣ ходи Аркадъ Кыеву ставиться епископомъ, и поставленъ бысть от митрополита Костянтина, и приде въ Новгородъ, мѣсяця септября въ 13 день, на канонъ святого Въздвигения. Томъ же лѣтѣ победи Мѣстиславъ Изяславицѣ Давыдовицѣ Изяслава, и прогна ис Кыева³, и позва Ростислава, стрѣя своего, Кыеву на столѣ. Тои же осѣни поставиша Дионисия игуменомъ у святого Георгия⁴.

Въ лѣто 6667. Иде Мѣстислав Кыеву и седѣ Кыевъ на столѣ. В то же лѣто преставися Костянтинъ, митрополитъ русьскыи, Църниговъ.

Въ лѣто 6668. Прияша новгородьци Ростиславицѣ Святослава, и поправиша и въ Ладогу, а княгыню въпустиша въ

---

¹ В рукописи по описке зла

² В К смоленску

³ Можно прочесть также и с Кыева

⁴ В рукописи гергия

манастирь святых Варвары, а дружину¹ его въ погрьбъ вьса-
жаша; и вьвьдоша² Мьстислава Ростиславиця, вьнука Гюрге-
ва, мьсяця июня въ 21. Тои же зимъ вьдаша посадницьство
Нъжатъ, и ведоша³ Святослава въ Ладогу, и оттолъ бежа въ
Смолньскъ. Томъ же лть, на зиму, победи Ростислав Изяс-
лава Давыдовиця у Бьлагограда, и самого убиша, и множь-
ство Половць паде.

Въ лто 6669. Уладися Ростислав съ Андрємь о Новьго-
родъ, и вьвьдоста Мьстислава, Гюргевь вьнукъ, седевьшю
ему годъ до года без недьль, а Святослава вьвьдоша опять на
всьи воли его, сентября въ 28. Тьгда же отяшя посадницьство
у Нъжате, а Захарию даша. Томъ же лть стоя вь лто ведромъ
и пригоръ вьс жито, а на оснь уби всю ярь морозъ. Еще же,
за гръхы наша, не то зло оставися, нъ паки на зиму ста вся
зима тепломъ и дъжгемъ, и громъ бысть; и купляхомъ кадку
малую по 7 кунъ. О, велика скърбъ бьаше въ людьхъ и нужда.

Въ лто 6670. Пръставися игумень Олькса святыхъ Богоро-
диця, и поставиша по немъ игуменомъ Мануила. Томъ же
лть у святого Духа Съшьствия поставиша игуменомъ Саву.

Въ лто 6671. Пръставися епископъ новьгородьскыи Ар-
кадии септября въ 19; положиша и съ чьстью вьликою въ
притворе святыхъ София.

Въ лто 6672. Придоша Свье подъ Ладугу⁴, и пожьгоша
ладожане⁵ хоромы своя, а сами затворишася въ градъ⁶ съ по-
садникомъ съ Нежатою⁷, а по князя послаша и по новгород-
це. Они же приступиша подъ городъ въ субботу и не успьша
ничтоже къ граду, нъ большую рану вьсприяшя; и отступиша
въ рьку Воронаи. Пятыи же день приспъ князь Святослав съ
новгородьци и съ посадникомъ Захарию, и наворопиша⁸ на
ня, мьсяця мая въ 28, на святого Еладия, въ четвьрток, въ
час 5 дни; и побьдиша я божиею помощью, овы иськоша, а
иныя изимаша: пришли бо бяху въ полушестадьсятъ шнекъ,
изьмаша 43 шнекъ; а мало ихъ убежаша и ти вьзвни.

---

¹ В рукописи по описке дужину

² Буква о переделана, невидимому, из с, а буква ш из ч или т

³ Буква о, возможно, переделана из буквы р

⁴ В рукописи ладоугоу

⁵ Буква а (перед н) неясна.

⁶ В строке гра и д над строкой под дугой.

⁷ Буква а неясна.

⁸ В рукописи по описке наворониша

Въ, лѣто 6673. Поставленъ бысть Илія архіепископъ новгородскій от митрополита Іоанна, при князи Русьстѣмъ Ростиславъ, мѣсяца марта въ 28, на вѣрбницу, и приде Новугороду мѣсяца мая въ 11, при князи Новгородѣстѣмъ Святославе, а при посаднице Захаріи. Томъ же лѣтъ поставиша церковь святыхъ Троица¹ шетициници, а другую на Городищи святого Николы князь Святослав. Въ то же лѣто ходи игуменъ Дионисіи съ любовью въ Русь, и повелено бысть владыцѣ архіепископство митрополитомъ. Тои же зимѣ бѣше сильнѣ морозъ.

Въ лѣто 6674. Преставися митрополитъ Іоанн Кыевъ. Томъ же лѣтъ заложена бысть церкы камяна святого Спаса на вортѣхъ въ манастири святого Георгия. Въ то же лѣто, на зиму приде Ростиславъ ис Кыева на Луки, и позва новгородѣце на порядъ: огнищане, гридь, купце вячшее; и ту ся разболе самъ, и воротися опять, и преставися на пути; и везоша и Киеву, и положиша и о святого Федора.

Въ лѣто 6675. Седе Мъстислав Изяславицъ Кыевъ на столѣ. На ту же весну заложи Съдко Сытиничъ церковь камяну святую мученику Бориса и Глѣба, при князи Святославе Ростиславици, при² архіепископъ Ілии. Въ то же лѣто приде Костянтинъ митрополитъ³ въ Русь. Въ то же лѣто выиде князь Святославъ из Новагорода на Луки, и присла въ Новъгородъ, яко «не хочу у васъ княжити». Новгородѣци же цѣловавъше святую Богородицу, яко «не хотимъ его», идоша прогнать его съ Лукъ. Онъ же услышавъ, оже идуть на нь, иде Торопью, а новгородѣци послаша въ Русь⁴ къ Мъстиславу по сынъ. Святославъ же иде на Вѣлгу, и вѣда ему Аньдреи помощь, и пожже Новый тѣргъ, а новотѣржѣци отступиша къ Новугороду; и много пакости творяше домомъ ихъ, и села ихъ потрати. А брат его Романъ и Мъстиславъ пожгоста Луки; а люцѣне устерегосшася⁵ и отступиша они⁶ въ городъ, а ини Пльскову. И съложишася на Новъгородъ Андреи съ смолняны и съ полоцяны, и пути заяша, и сълы изымаша новгородскыя вѣсьде, вести не дадуце Киеву къ Мъстисла-

---

¹ В рукописи црѣя с титлом; испр. по КА.

² В рукописи пра.

³ В рукописи митрополититъ.

⁴ В рукописи ру

⁵ Так в рукописи; ниже под 6706 г. устерегосшася

⁶ В К также они

ву; а Святослава силою мѣстяче въ городъ, а то слово рекуще: «нѣту вамъ князя иного, развѣ Святослава». Новгородъци же того не бережаху и убиша Захарию посадника и Неревина и Несду бириця, яко творяхуть е переветъ дръжаше къ Святославу. И налезоша собе путь на Вяцька и на Володаря; и иде Даньславъ Лазутиницъ съ дружиною Киеву къ Мьстиславу по сынъ; а Святославъ приде съ суждалци и съ братома и съ смолняны и съ полоцаны къ Русь; идоша новгородъци съ Якуномъ противу ихъ, они же, не дошедъше¹, воротишася: не успѣша бо ничтоже. Тѣгда же даша посадничество Якунови; и сѣдеша новгородци бес князя от Сменя дни до велика дни о Якунѣ, жѣдуче от Мьстислава сына. На ту же зиму ходи Мьстиславъ на Половѣце, и победи е, и приведе полонъ въ Русьску землю толь сильно, яко и числа не бѣше. Въ то же лѣто преставися раба божия Анна, игуменія святыя Варвара; и поставиша на мѣсте ея Марьмяну.

Въ лѣто 6676. Приде князь Романъ Мьстиславицъ, вѣнукъ Изяславъ, Новугороду на столъ, мѣсяця априля въ 14, въ вѣторую недѣлю по велице дни, индикта пѣрваго; и ради быша новгородъци своему хотению. Въ то же лѣто ходиша новгородъци съ плѣсковичи къ Полотъску и пожъгыше волость, воротишася от города за 30 вѣрсть. Тому же лѣту исходящу, на весну ходи Романъ съ новгородъци къ Торопѣцю, и пожъгоша дома ихъ, и головъ множество полониша. Въ то же врѣмя ходиша Ростиславици съ Андреевицѣмъ и съ смолняны и съ полочяны и съ муромьци² и съ рязаньци на Мьстислава Киеву; онъ же не бѣяся с ними, отступи волею Киева.

Въ лѣто 6677. Иде Даньславъ Лазутиницъ за Волокъ даньникомъ съ дружиною; и присла Андреи пѣлкъ свои на нь, и бишася с ними, и бѣше новгородѣцъ 400, а суждальцѣ 7000; и пособи богъ новгородцемъ, и паде ихъ 300 и 1000, а новгородѣцъ 15 муж; и отступиша новгородъци, и опять воротившеся, вѣзяша всю дань, а на суждальскыхъ смѣрдѣхъ другую, и придоша сторови вси. Въ то же лѣто, на зиму, придоша подѣ Новгородъ суждальци съ Андреевицѣмъ, Романъ и Мьстиславъ съ смольняны и съ торопѣцяны, муромьци и рязаньци съ двема князьма, полоцьскыи князь съ полоцяны, и вся земля просто Руськая. Новгородъци же стаха твѣрдо о

¹ В рукописи не дошедъшѣдѣше.

² Последняя буква неясна.

князи Романъ о Мъстиславлици, о Изяслави вънуче, и о посадницъ о Якунъ, и устроиша острогъ около города. И приступиша къ граду въ неделю на съборъ, и съездишася по 3 дни въ четвъртый же день въ среду приступиша силою и бишася всь день и къ вечеру победи я князь Романъ съ новгородьци, силою крестною и святою богородицею и молитвами благовърнаго владыкы Илие, мѣсяця феуаря въ 25, на святого епископа Тарасия, овы иськоша, а другыя измаша, а прокъ ихъ злѣ отбѣгоша, и купляху суждальць по 2 ногать.

Въ лѣто 6678. Бысть дорогъвъ Новгородъ: и купляху кадъ рѣжи по 4 гривнѣ, а хлѣбъ по 2 ногать, а медъ по 10 кунъ пудъ. И съдумавъше новгородьци показаша путь князю Роману, а сами послаша къ Ондрѣви по миръ на всѣи воли своеи. Въ то же лѣто въниде князь Рюрикъ Ростиславиць въ Новъгородъ, мѣсяця октября въ 4, на святого Иерофея. Въ то же лѣто архиепископъ боголюбивый Илия съ братомъ Гавриломъ създаста манастирь, церковь святыя Богородиця Благовещение. Томъ же лѣтъ прѣставися князь Мъстиславъ Изяславиць, Володимиръ вънукъ. Въ то же лѣто прѣставися князь Кыевъ Глѣбъ Гюргевиць; и въвъдоша Володимира Мъстиславиця.

Въ лѣто 6679. Прѣставися князь Кыевъ Володимиръ, съдѣвъ на столѣ. 3 мѣсяць. Томъ же лѣтъ отя князь Рюрикъ посадничество у Жирослава Новгородъ, и выгна и из города, иде¹ Суждалю къ Ондрееви; и даша посадничество Иванку Захарииницю. Въ то же лѣто съде на столѣ Кыевъ Романъ Ростиславиць. Томъ же лѣтъ иде, на зиму, Рюрикъ² из Новгорода, и послаша новгородьци къ Ондрею по князь; и присла Жирослава посадничить съ мужи своими.

Въ лѣто 6680. Приде Новугороду князь Гюрги Андреевиць, Гюргевъ вънукъ. Въ то же лѣто заложиша церковь камяну святого Якова въ Неревъскомъ коньци. Томъ же лѣтъ выиде Романъ ис Кыева Ростиславиць волею, и съде Михалко Гюргевиць Кыевъ. Томъ же лѣтъ, на зиму, ходи архиепископъ новгородьскый Илия къ Ондрееви, Володимирю, на вьюю правду. Тѣгда же и даша опять посадничество Иванъкови Захарииницю.

---

¹ В рукописи иле

² В рукописи рюрюкъ

Въ лѣто 6681. Иде князь Гюрги Андреевицъ съ новгородъци и съ ростовици Кыеву на Ростиславице и прогнаша е ис Кыева, и стояше подъ Вышегородъмъ 7 недель, и придоша сторови¹ вси Новугороду; а Ярославъ съде Кыевъ Изяславицъ. Томъ же лѣтъ святи церковь Новегородъ Илия архиепископъ новгородскыи, святую мученику Бориса и Глеба, камяную, въ градъ, мѣсяця октября² в 14, а другую святого Спаса на воротѣхъ святого Георгия, камяну.

Въ лѣто 6682. Убиша Володимири князя Андрея свои милостьници: на канонъ святою Петру и Павлу, в нощъ, спящую ему въ Боголюбьмъ, и бяше с нимъ одинъ кошей малъ; избивъше стороже двѣрныя, придоша къ снѣмъ, князю же очютивъше, попадъ мечъ и ста у двѣрии, боряся с ними, оныхъ же бяше много, а князь одинъ; яко налегоса силою и выломиша двѣри и вълѣзоша на нь, и ту и насунуша рогатины и ту сконьця животъ свои. И великъ мятежъ бысть въ земли тои и велика бѣда, и множество паде головъ, яко и числа нѣту; и потомъ посадиша на столъ Мъстислава Ростиславиця съ братомъ Яропѣлкомъ. Томъ же лѣтъ съдѣ Кыеве Романъ Ростиславицъ, вѣнукъ Мъстиславль.

Въ лѣто 6683. Выведоша из Новагорода князя Гюргя Андреевиця; а Мъстиславъ сынъ свои посади Новегородъ. Томъ же лѣтъ вѣниде самъ въ Новѣгородъ, бивъся съ стрѣмъ своимъ Михалкомъ, и съде Новегородъ; а Михалко седе Володимири, а брата посади Переяслави Всеволода. Въ то же лѣто загореся пожаръ от³ Деигуницъ, и сѣгорѣша церкви 3: святого Михаила и святого Якова и святого Възнесения.

Въ то же лѣто преставися посадникъ Новегородъ Иванко Захарииницъ, и даша Жирославу опять; и концяющюся лѣту тому, выгнаша Жирослава ис посадничества и даша Завиду Неревеницю.

Въ лѣто 6684. Иде Вълхово опять на възводѣ по 5 днии. Тои же весне оженися князь Мъстиславъ Новегородъ⁴ и поя у Якуна дѣчерь у Мирославиця. И потомъ позваша и ростовъци къ собе, и иде Ростову съ дружиною своею, а сынъ остави въ Новегородъ; и приде Ростову. И въ то врѣмя умирль бяше Михалко; и поиде съ ростовъци и съ суждальци къ Во-

---

¹ Второе о переделано из в.

² Первое я переделано из р.

³ Внизу на полях другою рукою иосифа.

⁴ Последние две буквы неясны.

лодимирю, и постави Всъволодъ съ володимирьци и съ перяславъци противу его пълкъ, и бишася, и паде обоихъ множество много, и одолъ Всъволодъ. И възвратися Мъстиславъ въ Новъгородъ, и не прияша его новгородьци, нъ путь ему показаша и съ сыномъ съ Святославомъ; и пояша новгородьци у Всъволода сынъ себе Ярослав. На ту же зиму иде Мъстяславъ съ зятѣмъ съ Глѣбомъ и съ братомъ Яропѣлкомъ на Суждаль, и бишася за Калакшею, и ту побѣдиша рязанце, и яша князя Глѣба и съ сыномъ и Мъстислава съ братомъ Яропѣлкомъ, порубиша я. Тои же зиме приходиша вся Чюдѣска земля къ Пльскову, и бишася с ними, и убиша ти Вячеслава и Микиту Захарииница и Станимира Иваница и инѣхъ, а Чюди множество избиша. Томъ же лѣтъ постави церковь нову Михаль Степаницъ святого Михаила, а другую Моисѣи Доманѣжицъ святого Иоанна Усѣкновеніе главы на Чюдинѣцевѣ улиціи.

Въ лѣто 6685. Преставися Глѣбъ, князь Рязанѣскіи, Володимири въ порубѣ. Въ то же врѣмя слепленъ бысть Мъстиславъ князь съ братомъ Яропѣлкомъ от стрѣя¹ своего Всъволода, и пусти я въ Русь; ведома же има слепома и² гнѣющема очима, и яко доидоста Смольнѣска³ и придоста на Смядино въ церковь святую мученику Бориса и Глѣба, и ту абие съпостиже я божія благодать и святія Владычица наша богородица и святую новоявленою мученику Бориса и Глѣба, и ту прозрѣста. Томъ же лѣтъ, осень, погоре Неревѣскіи конѣць от Иванѣковее, и церкви сѣгоръ 5. И на зиму приде князь Мъстиславъ съ братомъ Ярополкомъ в Новъгород, и посадиша новгородьци Мъстислава на столъ, а Яропѣлка на Новемъ тѣргу, а Ярослава на Ламѣскомъ волоце, и тако ся управиша по воли.

Въ лѣта 6686. Индикта 10, мѣсяця априля въ 20, преставися князь Мстиславъ, сынъ Ростаславъ, а вѣнукъ Гюргевъ, и положиша и въ святѣи Софії въ притворе; а брата его Яропѣлка посадиша Новегородъ на столъ...

...Въ лѣто 6708. Ловоть възяша Литва и до Налюця, съ Бѣлее⁴ до Свинорта и до Ворча середу; и гнашася новгородьци по нихъ и до Цѣрнянъ, и бишася с ними, и убиша Литвы мужъ

---

¹ Буква р переделана из какой-то другой буквы.

² В рукописи м.

³ В рукописи мольнѣска.

⁴ От слов съ Бѣлее начинается другой почерк.

80, а новгородьць 15: Рагуилу Прокопииница съ братомъ Ольксою, Гюргя Събышкиница, Ратьмира Нѣжатииница, Страшка серебряника въся, Вънезда Ягиница, Луку Ми-рошкинъ отрок, Микиту Лазоревиця, Жирошку Огасовиця, Осипа подвоискаго, Романа Пѣкта, инѣхъ 4 муж, а полонѣ въсь отяша, а избѣтъкъ убѣжаша¹. Въ то же лѣто иде Нездила Пѣхциниѣ на Луку воеводою; иде съ Лукъ съ маломъ дру-жины въ Лотыголу на тороне, и засташа я въ одринахъ, и убиша ихъ 40 муж, а жены ихъ и дѣти поимаша, а сами придоша на Луку сторови въси; а кто бѣ нѣ пошълъ по нихъ Столбовиця² съ нѣколькомъ дружины, а у тѣхъ кун поима-ша, бивъше.

Въ лѣто 6709. Новѣгородьци богомъ избранаго Митрофана въведоша въ епископю по Мартурии, и иде въ Русь ста-виться къ митрополиту съ новгородьскими мужи и съ всѣво-ложими, и поставленъ бысть мѣсяця июля въ 3 день, на свя-того Уакинфа; и приде въ Новѣгородъ сѣнтября въ 14, на Въздвижение чѣстнаго хреста; и ради быша новгородьци своему владыѣ. Въ то же лѣто мѣсяця априля въ 15 сѣгорѣ церкы от грома святого Николы на Городищи; и ста всѣ лѣто дѣжгево. А Варягы пустиша без мира за море. Того же лѣта сѣрубиша въ Русѣ городъ. А на осѣнь придоша Варязи горою на мирѣ, и даша имъ мирѣ на всѣи воли своеи.

Въ лѣто 6710. Сѣвършиша церковь камяну святого проро-ка Илие на Хѣлмѣ, конѣць Славьна, и святи ю владыка Мит-рофанъ на празникъ.

Въ лѣто 6711. Рюрикъ съ Ольговици и съ погаными По-ловци, Концякъ и Данила Бяковиѣ, възяша град Киевъ на щитѣ въ 1 день генваря, на святого Василия; а кого доидеть рука, цѣрньця ли, цѣрниѣ ли, попа ли, попадѣе ли, а ты въдоша въ поганья; а что гости, иноземѣця въсякого языка, затворишася въ церквахъ, и въдаша имъ животѣ, а товарѣ съ ними роздѣлиша на полы; а что по манастиремъ и по всѣмъ церквама, вся узорочья и иконы одраща и везоша погании въ землю свою; а град пожгоша. Въ то же лѣто побѣдиша Олговиця Литву: избиша ихъ 7 сотѣ и 1000. Томъ же лѣтѣ прѣставися Мирошьшка, посадникъ новѣгородьский, пост-

---

¹ *Справа что-то написано другими чернилами и почерком и смазано: можно разобратъ: и ван.*

² *Вторая и третья буквы неясны; можно также читать с Толбовиця.*

ригься у святого Георгия; и по том даша посадничество Михалку Степаницу. Томь же лть, по грѣхомъ нашимъ, измроша кони Новгородъ и по селомъ, яко нѣлзъ быше поити смрады никуда же.

Въ лѣто 6712¹. Царствующю Ольксе въ Цесариградѣ, въ царствѣ Исаковѣ, брата своего, егоже слѣпивъ, а самъ цесаремъ ста, а сына его Олексу затвори въ стѣнахъ высокихъ стражею, яко не выиндетъ. И временомъ минувшемъ, и дѣръзну Исакъ молитися о сыну своемъ, дабы его испустилъ ис твѣрди прѣдъ ся; и умоли брата Исакъ, и прияста извѣщение съ сыномъ, яко не помыслити на царство, и спущенъ бысть ис твѣрди и хожашеть въ своей воли. Цесарь же Олькса не печашеся о немъ, вѣря брату Исакови и сынови его, зане прияста извѣщение; и потомъ Исакъ помысливъ, и вѣсхотѣ царства, и учашеть сына, посылая потаи, яко «добро створи хъ брату моему Ольксѣ, отъ поганныхъ выкупихъ его, а онъ противу зло ми вѣзда, слѣпивъ мя, царство мое вѣзя». И вѣсхотѣ сынъ его, якоже учашеть его, и мышляшъта, како ему изити изъ града въ дальняя страны и оттолѣ искати царства. И вѣвъденъ бысть въ корабль, и вѣсаженъ бысть въ бочку, имущи 3 дна при единѣмъ концѣ, за нимъ же Исаковицъ сѣдѣше, а въ другомъ концѣ вода, идеже гвоздъ: нѣлзъ бо быше инако изити изъ града; и тако изиде изъ Грѣчскѣи земли. И увѣдавъ цесарь, посла искать его; и начаша искати его въ мнозѣхъ мѣстѣхъ, и внидоша въ тѣ корабль, идеже бѣшеть, и вся мѣста обискаша, а изъ бѣчкѣ гвозды вынимаша, и видѣше воду текущую, идеша прочъ, и не обрѣтоша его. И тако изиде Исаковицъ, и приде къ нѣмѣчскому цесарю Филипови, къ зятѣ и къ сѣстрѣ своей. Цесарь нѣмѣчскѣи посла къ папѣ въ Римъ, и тако увѣчаща, яко нѣ воевати на Цесарьградъ, нѣ якоже рече Исаковицъ: «всѣ градъ Костянтинъ хотѣтъ моего царства²». Также посадыча его на прѣстолъ, поидете же къ Иерусалиму въ помочъ; не вѣсхотѣтъ ли его, а ведете и опять къ мнѣ, а пакости не деите Грѣчской земли. Фрязи же

---

¹ Далее следует обширная повесть о взятии крестоносцами Царьграда. О ней см. Ф. И. Успенский, История крестовых походов, СПб., 1901 г., стр. 139; М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV века, Л., 1934 г. С. 39.

² В т. III ПСРЛ, на стр. 27 сделано примечание: «Здесь нечто пропущено. Далее следует не продолжение речи Алексия, но увещание крестоносцам императора Филиппа или папы Иннокентия III»... и т. д.

и вси воеводы ихъ възлюбиша злато и сръбро, иже мѣняшеть имъ Исаковиць, а цесарева веления забыша и папина: първое пришьдѣше въ Судъ, замкы желѣзныя разбиша, и приступивъше къ граду, огонь въвергоша 4-рь мѣсть въ храмы. Тѣгда цесарь Олъкса, узрѣвъ пламень, не створи брани противу имъ. Призвавъ брата Исака, егоже слѣпи, посади его на прѣстолъ, и рече: «даже еси, брат, тако створилъ, прости мене, а се твое царство»; избѣжа из града. И пожъженъ бысть град и церкви несказьны лепотою, имъ же не можемъ числа съповѣдати; и святое Софіе притворъ погорѣ, идеже патриарси вси написани, и подрумье и до моря; а семо по Цесаревъ затворъ и до Суда погорѣ. И тѣгда погна Исаковиць по цесари Олексъ съ Фрягы, и не постиже его и възвратися въ град, и съгна отца съ престола, а самъ цесаремъ ста: «ты еси слѣпъ, како можеша царство държати, азъ есмь цесарь». Тѣгда Исакъ цесарь, много съжаливъсь о градъ и о царствъ своемъ и о граблении монастырьскихъ, еже даяста Фрягомъ злата и сръбро, посуленное имъ, разболѣвъсь, и бысть мнихъ, и отъиде свѣта сего. По Исаковъ же смерти людие на сына его вѣсташа про зажъжение градное и за пограбление монастырьское; и събрачеса чернь, и волочаху добрые мужи¹, думающе с ними, кого цесаря поставятъ. И вси хотяху Радиноса; онъ же не хотяше царства, нъ крѣяшеся от нихъ, измѣнивъсь въ чърны ризы; жену же его, имѣше, приведоша въ святую Софію и много нудиша ю: «повѣжь намъ: кде есть муж твои»; и не сказа о мужи своемъ. Потомъ же яша челоувѣка, именъмъ Ни- колу воина, и на того възложиша вѣнъць бес патриарха, и ту быша² с нимъ² въ святѣи Софії 6 днии и 6 ночии. Цесарь же Исаковиць бяшетъ въ Влахернѣ, и хотяше въвести Фрягы отаи боярь въ град; бояре же, увѣдавъше, утолиша цесаря, не даша ему напустити Фрягъ, рекуче: «мы с тобою есмь». Тѣгда³ бояре, убоявъшеся въвѣдения Фрягъ, съдумавъше съ Мюрчюфломъ, яша цесаря Исаковиця, а на Мюрчюфла вѣнъчь възложиша; а Мюрчюфла бяше высадишь ис тѣмънице Исаковиць, и приялъ извѣщение, яко не искати подъ Исаковицемъ царства, нъ блюсти подъ нимъ. Мюрчюфлъ же посла къ Николѣ и къ людѣмъ въ святую Софію: «язъ ялъ ворога вашего Иса-

---

¹ В рукописи по описке можа; испр. по КА.

² — ² В К бысть снемъ .

³ Буква ѣ неявна..

ковиця, язъ вашъ цесарь; а Николь даю първыи въ боярехъ, сложи съ себе вѣнъцъ». И вси людие не даша ему сложити вѣнъця, нѣ боле заклѣшася: кто отступитъ от Николы, да будетъ проклятъ. Того же дне, дождавъше ночи, разбѣгошася вси, а Николу яша, и жену его я Мюрчюфль, и вѣсади я въ тѣмницу, и Ольксу Исаковиця утвѣрди въ стѣнѣхъ, а самъ цесаремъ ста Мюрчюфль феуларя въ 5 день, надѣяся избита Фрягы. Фрязи же уведавъше ята Исаковиця, воеваша волость около города, просяче у Мюрчюфла: «даи намъ Исаковиця, ото¹ поидемъ къ Нѣмечьскому цесарю, отнележе есме послани: а тобе царство его». Мурчюфль же и вси бояре не даша его жива, и уморивъше Исаковиця, и рекоша Фрягомъ: «умьрль естъ; придете и видите и». Тѣгда же Фрязи печальни бывъше за прослушание свое: не тако бо бѣ казалъ имъ цесарь нѣмѣцьскыи и папа римьскыи, якоже си зло учиниша Цесарюграду; сами к собе вси: «оже намъ нѣту Исаковиця, с нимъ же есме пришли, да луче ны естъ умрети у Цесаряграда, нежели съ срамомъ отѣйти»; оттоль начаша строити брань къ граду. И замыслиша, якоже и прѣже, на кораблехъ раями на шыглахъ, на иныхъ же кораблехъ исыщиниша пороки и лѣствиця, а на инѣхъ замыслиша съвѣшивати бѣчькы чересь град, накладены смолины, и лучины зажъгыше, пустиша на хоромы, якоже и прѣже пожъгоша градъ. И приступиша къ граду априля въ 9 день, въ пятъкъ 5 недѣли поста, и не успѣша ничѣтоже граду; нѣ Фрягъ избиша близъ 100 муж. И стояша ту Фрязи 3 дни; и въ понедѣльникъ верѣбной недѣли приступиша къ граду, солнцю вѣсходящю, противу святому Спасу, зовеми Вергетись, противу Испигасу, сташа же и до Лахерны². Приступиша же на 40 корабль въ великихъ; бяху же изременани межи ими, въ нихъ³ же людье на конихъ, одени въ брѣне и коне ихъ; инии же корабли ихъ и галѣе ихъ стояху назаде, боящеся зажъжения, якоже и прѣже бяхуть Грьци пустили на не 10 кораблевъ съ огньмъ; и въ пряхъ извеременивъше погодѣ вѣтра, на Василиевъ день полуноци, и не успѣша ничѣтоже фрязьскымъ кораблемъ: вѣсть бо

---

¹ В рукописи от.

² О монастыре Спаса Евергета по Испигасе см. Путешествие новгор. архиеп. Антония в Царьград в конце 12-го столетия, изд. П. Савваитова, СПб., 1872 г., прим. 151 и 12.

³ В рукописи нихъхъ.

имъ быше далъ Исаковиць, а Грькомъ повеле пустити¹ на корабле на не; тъмъ же и не погорѣша Фрязи. И тако бысть възятие Цесаряграда велико²: и привлеце корабль къ стѣнь градънѣи вѣтръ, и быша скалы ихъ великыя чръсъ град, а нижнее скалы равно забороломъ; и бяхуть съ высокыхъ скалъ на градъ Грькы и Варягы каменiemъ и стрелами и сулицами, а съ нижнихъ на градъ сълзоша; и тако възвѣша градъ. Цесарь же Мюрчюфоль крѣпляше бояры и все люди, хотя ту брань створити съ Фрягы, и не послушаша его: побѣгоша от него вси. Цесарь же побѣже от нихъ, и угони³ е на Коньнемъ тѣргу, и многа жалова на бояры и на все люди. Тѣгда же цесарь избеже изъ града, и патриархъ и вси бояре; и внидоша въ градъ Фрязи вси, априля въ 12 день, на святого Василия исповѣдника, въ понедѣльник, и сташа на мѣсте, идеже стояше цесарь Грьчскыи, у святого Спаса, и ту сташа и на ночь. Заутра же, солнчу възходящу, внидоша въ святую Софию, и одѣраша двѣри и раскоча, а онболъ окованъ быше въ сребромъ, и столпы сребрьные 12, а 4 кивотныя, и тябло⁴ искоша, и 12 креста, иже надъ олтаремъ бяху, межи ими шишкы, яко дрѣва вышѣша муж, и прыграды олтарьныя межи стѣлпы, а то все сребрно; и трапезу чюдную одѣраша драгыи камень и велии жнѣчюгъ, а саму невѣдомо камо ю дѣша; и 40 кубьковъ великихъ, иже бяху прыдъ олтаремъ, и понекадѣла и свѣтилна сребрьная, яко не можемъ числа повѣдати, съ праздничными съсуды бесцѣнными поимаша; служебное еуангелие и хресты честныя, иконы бесцѣныя все одѣраша; и подъ трапезою крѣвь наидоша 40 кадие чистаго злата; а на полатѣхъ и въ стѣнахъ и въ съсудохранильници невѣде колико злата и сребра, яко нету числа, и бесцѣнныхъ съсудъ. То же въ единой Софии сказахъ; а святую Богородицу, иже въ Влахѣрнѣ, идеже святыи духъ съхожаше на вся пятницѣ, и ту одѣраша; инѣхъ же церкви не можетъ человекъ сказати, яко бесчисла. Дигитрию же чюдную, иже по граду хожаше, святую богородицу, съблюде ю богъ добрыми людьми, и ныне есть, на нюже надѣмься; инѣе церкви въ градъ и вънѣ града, и монастыри въ градъ и вънѣ

---

¹ В строке пути и над строкой под дугой буква с.

² В К велиаго.

³ В К угониша.

⁴ В рукописи тягло, вероятно по описке; в К тябло.

града, пограбиша все, имъ же не можемъ числа, ни красоты ихъ сказати. Черньче же и чернице и попы облупиша, и нѣко-
лико ихъ избиша; Грькы же и Варягы изгнаша изъ града,
иже бяхуть остали. Се же имена воеводамъ ихъ: 1 Маркосъ от
Рима, въ градъ Бърне, идеже бе жилъ поганый злыи Дед-
рикъ; а 2-й Кондофъ¹ Офланѣдръ; а 3 Дужъ слепыи от Мар-
кова острова Венедикъ². Сего Дужа слѣпилъ Мануиль цесарь;
мнози бо философи моляхуться цесареви: аще сего Дужа от-
пустиши съдрава, ть много зла створить твоему царству; царь
же не хотя его убити, повелъ очи ему слѣпити стькломъ, и
быста очи ему яко невреженъ, нъ не видяше ничего же. Съ же
Дужъ много брании замышляше на град, и вси его послуша-
ху, и корабли его велиции бяхуть, с нихъ же градъ възяша.
Стоянъя же Фряжъска у Цесаряграда от декабря до априля,
доколь городъ възяшъ. А мѣсяця мая въ 9 поставиша цесаря
своего Латина Кондо Фларенда своими пискупы, и власть собе
раздѣлиша: цесареви град, а Маркосу судъ³, а Дужеви десяти-
на. И тако погыбе царство богохранимаго Костянтинаграда и
земля Грьчская въ свадъ цесаревъ, еюже обладають Фрязи.

Въ лѣто 6713. Мѣсяць освѣте въ 8 ноции. Того же лѣта при-
сла великий князь Всеволодъ въ Новѣгородъ, река тако: «въ
земли вашей рать ходитъ, а князь вашъ, сынъ мои Святос-
лавъ, малъ; а даю вы сынъ свои старейшии Костянтинъ». Тьгда
же отяшя посаднищство у Михалка и даша Дмитру Мирош-
киницу. Въ то же лѣто приде князь Костянтинъ Всеволо-
диць, внукъ Гюргевъ, въ Новѣгородъ, мѣсяця марта въ 20,
на святого Герасима; и радъ бысть всь град своему хотѣнию.
Въ то же лѣто прѣставися княгыни Всеволожая.

Въ лѣто 6714. Прѣставися рабъ божий Митрофанъ, а мирь-
скы Михалько, постригъся у святой Богородици въ Аркажи
монастыри мая въ 18, посадникъ новгородъскыи. Въ то же

---

¹ Можно прочесть также 2 Икондофъ.

² В т. III ПСРЛ на стр. 29 сделано следующее примечание: «Здесь исчисле-
ны три главные предводителя рати крестоносцев: Фландрский граф Бол-
дуин, Монфератский маркиз Вонифатий и Венецианский дож Дандоло.
«Икондофъ Офланѣдръ, Кондофларендъ» и проч. происходят от conto di
Flandria; comte de Flandre; «маркосъ» — от marchio, marchisus (по Дюканжу
marcae vel marchae, seu provinciae limitaneae praefectus); «дужъ» от dux. В
рукописных Хронографах (Синод, библ. № 151 и 342) встречаются: «Бол-
довинъ отъ Филандрии, Филандринъ и Фляндеръ» и «Вонифатий маркесъ».
«Дедрикъ», вероятно, есть Феодорик Готский».

³ Можно прочесть также Судъ.

лѣто постави Твърдислав церковь на воротѣхъ въ Оркажи манастири Михалковиць, святого Съмена Стѣльпника, иже на Дивнѣи горѣ.

Въ лѣто 6715. Поставиша церковь святого Лукы на Лубяньи улици, перенесѣше съ Колѣня, Володаревиць и Носовици. Того же лѣта съвършиша церковь святѣя Пятница заморьскѣи, августа въ 30. Того же лѣта съвърши церковь святого Пянтѣльмимона Федорѣ Пинещиниць. Въ то же лѣто прѣставися рабѣ божий Парфурии, а мирьскы Прокша Малышевиць, постригъся у святого Спаса на Хутинѣ, при игумене Варламе; а покои господи душою его.

Въ лѣто 6716. Приде Лазорѣ, Всеволожѣ муж, из Володи-миря, и Борисе Мирошкиниць повелѣ убити Ольксу Събыс-лавиця на Ярославли дворѣ, и убиша и без вины, въ субботу марта въ 17, на святого Альксѣя; а заутра плака святая Богородиця у святого Якова въ Неревѣскомѣ конци.

Въ лѣто 6717. Идоша новгородѣци на Чѣрниговѣ съ князьмъ Костянтиномъ, позвани Всеволодомъ; и придоша на рѣку на Оку, и ту ся скопиша вси вои, а князи рязанѣстѣи и сташа об ону страну Окѣ, въ помочѣ Всеволоду. И позва е Всѣволодѣ на объѣдѣ, и съдоша б князь въ шатрѣ, а Глѣбѣ и Ольгѣ у Всеволода въ шатрѣ, и новгородѣци. И ту обадиша Володимириця братью свою: «и не ими, княже, вѣры братьѣи наю, суть на тя съвѣтали съ чѣрниговѣскимъ князи», и тѣмъ е облици рязанѣстѣи князи. И Всеволодѣ изма е и муж ихъ, и сковавъ, посла е въ Володимирѣ, а самъ поиде съ новгородѣци и съ клеветникома на Рязанѣскую волость; и приде къ Проньску, и рече: «передайте ми ся». Они же сташа съ князьмъ Изяславомъ съ третиемъ Володимиричемъ; кюрѣ Михаилѣ¹ побеже переди ис Проньска. И отѣя у нихъ воду, и они передашася; и я княгыню кюрѣ Михайловую, товары пойма бещисла, а съ Изяславомъ мирѣ възъ, и отѣидоша сторови. А новгородѣци пусти ис² Коломна Новугороду, одаривъ бещисла, и вда имъ волю всю и уставы старыхъ князь, егоже хотѣху новгородѣци, и рече имъ: «кто вы добръ, того любите, а злыхъ казните»; а собою³ поя сына своего Костянтина и посадника Дѣмитра, стрелена подѣ Проньскомѣ, а вятѣшихъ 7.

---

¹ Буква а переделана, из буквы ъ.

² Можно прочесть также с.

³ В рукописи собоюю.

Новгородъци же, пришьдъше Новугороду, створиша въче на посадника Дмитра и на братью его, яко ти повълъша на новгородъцихъ сребро имати, а по волости куры брати, по купцемъ виру дикую, и повозы возити, и все зло; идоша на дворы ихъ грабежъмъ, а Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажьгоша, а житие ихъ поимаша, а села ихъ распродаша и челядь, а скровища ихъ изискаша и поимаша бечисла, а избытъкъ роздѣлиша по зубу, по 3 гривнъ по всему городу, и на щить; аще кто потаи похватилъ, а того единъ богъ въдаеть, и от того мнози разбогатъша; а что на дъщкахъ, а то князю оставиша. Того же лѣта привезоша Дмитра Мирошкинича мъртвого из Володимиря и погрѣбоша и у святого Георгия въ монастыри, подъле отчя; а новгородъци хотяху съ моста съврѣщи, нъ възбрани имъ архепископъ Митрофанъ. Присла Всеволодъ сына своего Святослава въ Новъгородъ, въ неделю мясопустную. Тъгда даша посадницъство Твърдиславу Михалковицю, и даша дъщкы Дмитровы Святославу, а бѣше на нихъ бечисла; и цѣловаша новгородци честный хрестъ, око¹ «не хочемъ у себе държати дѣтии Дмитровыхъ, ни Володислава, ни Бориса, ни Твърдислава Станиловиця и Овъстрата Домажировиця»; и поточи я князь къ отцю, а на инѣхъ серебро поимаша бечисла.

Въ лѣто 6718. Новгородъци угонивъше Литву въ Ходынищихъ, избиша съ князьмъ Володимиромъ и с посадникомъ Твърдиславомъ. Того же лѣта ходи Всеволодъ на Рязань, и рече имъ: «пойде² къ мнѣ съ сыномъ моимъ Ярославомъ за Оку на ряды»; и переидоша к нему, и ту я изма, и посла пълкы, изма жены и дѣти, а градъ ихъ зажьже; и тако я расточи я по градомъ. На ту же зиму приде князь Мъстислав Мъстиславицъ на Тържкъ и изма дворянъ Святослави, и посадника оковаша, а товары ихъ кого рука доидеть; а в Новъгородъ присла: «кланяся свягъи Софии и гробу отця моего и всѣмъ новгородъцемъ; пришьлъ есмъ къ вамъ, слышавъ насилъе от князь, и жалъ ми своя отцины». То слышавъше, новгородъци послаша по нь съ великою честию: «пойди, княже, на столъ»; а Святослава посадиша въ владычъни дворъ и съ мужи его, донеле будетъ управа съ отцемъ. Приде Мъстиславъ въ Новъгородъ, и посадиша и на

---

¹ Так в рукописи, вместо яко.

² Вероятно, по описке вместо пойдете. В А пойдете.

столю отци, и ради быша новгородьци. И поиде Мьстиславъ съ всею пълкомъ на Всеволода; и быша на Плоскъи, и присла къ нему Всеволодъ: «ты ми еси сынъ, а язъ тѣбе отецъ; пусти Святослава съ мужи, и всѣ, еже заседель, исправи; язъ гость¹ пускаю и товаръ», И пусти Мьстиславъ Святослава и мужи² его, а Всеволодъ пусти гость съ товары; хрестъ человаста и миръ възвѣста; и приде Мьстиславъ въ Новѣгородъ.

Въ лѣто 6719. Приде Дмитръ Якуницъ изъ Руси, и съступи-ся Твърдиславъ посадничества по своей воли старѣишу себе: тѣгда же даша посадничество Дмитру Якуницю. И посла князь Мьстиславъ Дмитра Якуниця на Луки съ новгородьци города ставить, а самъ иде на Тържкъ блюсть волости, исъ Тържку иде въ Торопѣчь, исъ Торопця иде на Луки, и сѣняся съ новгородьци; а лучяномъ да князя Володимира Пльсковскаго. Того же лѣта, волею божиею, съвърши церковь камяну Вячеславъ Прокшиницъ, вѣнукъ Малышевъ, Святыхъ 40; а даи богъ ему въ спасение молитвами святыхъ 40. Том же лѣтъ бесѣ князя и безъ новгородьцъ Новѣгородъ бысть пожаръ великъ: загорѣся на Радятинѣ улици и сѣгорѣ дворовъ 4000 и 300, а церкви 15. Того же лѣта, на зиму, мѣсяца генваря въ 22, на святого Климента, и злодѣи испърва нехотѣ добра, зависть вѣложи людѣмъ на архиепископа Митрофана съ князьмъ Мьстиславомъ, и не даша ему правитися, и ведоша и въ Торопѣчь; онъ же то прия съ радостию, яко Иоаннъ Златоустѣцъ и Григорий Акраганьскыи, тую же и съ прия печаль, славя бога. Тѣгда же бѣше пришълъ, прѣже изгнания Митрофаня архиепископа, Добрына Ядрѣковицъ изъ Цесаряграда и привезъ съ собою гробъ господень, а самъ пострижеса на Хутинѣ у святого Спаса; и волею божиею възлюбѣ и князь Мьстиславъ и вси новгородьци, и послаша и въ Русь ставитися; и приде поставленъ архиепископъ Антоний и створи полату Митрофаню церковь въ имя святого Антония.

Въ лѣто 6720. Ходи Мьстиславъ на Чюдѣ, рекомую Търму, съ новгородьци, и много полониша, скота бещисла привелоша. Потом же на зиму иде князь Мьстиславъ съ новгородьци на³ чюдѣскыи городъ, рекомыи Медвѣжю голову, села ихъ потрати; и придоша подѣ городъ и поклонѣшася Чюдѣ князю, и дань на нихъ възвѣ, и придоша вси сдрави.

¹ В рукописи кость очевидно по описке.

² В рукописи муж.

³ В рукописи иде на.

Въ лѣто 6721. Въ Петрово говение изѣхаша Литва безбожная Пльсковъ и пожгоша: пльковици бо бяху въ то время изгнали князя Володимира от себе, а пльковици бяху на озърѣ; и много створиша зла и отъидоша.

Въ лѣто 6722. Мѣсяця февраля въ 1 день, въ недѣлю сыропустную, громъ бысть по заутрени, и вси слышаша; и потомъ тѣгда¹ же зми видѣша лѣтящъ. Томъ же дне² иде князь Мѣстиславъ съ новгородьци на Чюдъ на Ереву, сквозе землю Чюдскую къ морю; села ихъ потрати и оськы ихъ възьма³; и ста съ новгородци подъ городомъ Воробииномъ, и Чюдъ поклонилася ему; и Мѣстиславъ же князь възь на нихъ дань, и да новгородцемъ двѣ чѣсти дани, а третью чѣсть дворяномъ; бѣше же ту и Пльсковскыи князь Всеволодъ Борисовицъ съ пльковици, и Торопыцкыи князь Давыдъ, Володимиръ братъ; и придоша сдрави вси съ множествомъ полона. Въ то же лѣто изгони Всеволодъ Чърмныи сынъ Святославъ, правнукъ Олговъ, внуку Ростиславле из Руси, тако река: «брата моя есте 2 князя повесили вы въ Галици, яко злодѣя и положили есте укоръ на всѣхъ; и нѣту вамъ чѣсти въ Русской земли». Того же лѣта прислаша внуци Ростиславли въ Новъгородъ къ Мѣстиславу Мѣстиславицу: «се не творить намъ Всеволодъ Святославицъ чѣсти въ Русьской земли; а поиди, поищемъ своеи отцины». Мѣстиславъ же съзва вѣче на Ярослави дворъ и почѣ звати новгородчѣ Киеву на Всеволода Чърмнаго. Рекоша ему новгородьци: «камо, княже, очима позриши ты, тамо мы главами своими вѣржемъ». И поиде князь Мѣстиславъ съ новгородци къ Киеву мѣсяця июня, на святого Феодора; и доидоша Смольньска, и бысть распрѣ новгородцемъ съ смолняны, и убиша новгородци смолнянина, а по князи не поидоша. Князь же Мѣстиславъ въ вѣче почѣ звати, они же не повѣидоша; князь же чѣловавъ всѣхъ, поклонивъся, поиде; новгородьци же, створивъше вѣче о собе, почаша гадати. И рече Твърдиславъ посадникъ: «яко, братие страдали дѣди наши и отчи за Русьскую землю, тако, братѣе, и мы поидимъ по своему князи»; и тако поидоша и Смольньска, и постигыше князя, и начаша воевати по Днѣпру городъ черниговскѣе и възьша Рѣчицъ на щитъ и иные городъ мнозъ чърниговскыя. И придоша подъ Вышегородъ и

¹ В рукописи кѣгда. В КА тогда.

² В рукописи дне с титлом.

³ Буква ѣ неясна.

начаша ся бити, и одолѣ Мѣстиславъ съ братьею и съ новгородьци, и яша 2 князя: Ростислава Ярославича и Яропѣлка, брата его, вѣнука Олгова, а вышегородци поклонишася, отвориша врата, а Всеволодъ ис Кыева выбежа за Дѣнепръ; и вѣиде Мѣстиславъ съ братьею и съ новгородьци въ Кыевъ, и поклонишася кыяне, и посадиша Кыевъ Мѣстислава Романовича, вѣнукъ Ростиславль. Идоша ис Кыева къ Чѣрнигову, и стоявъше 12 дни, вѣзяша миръ, и вѣземъше дары, придоша Новугороду вси сдрави.

Въ лѣто 6723. Поиде князь Мѣстиславъ по своей воли Кыеву, и створи вѣщъ на Ярославли дворъ, и рече новгородцемъ: «суть ми орудия въ Руси, а вы вольни въ князѣхъ». Того же лѣта новѣгородьци, много гадавъше, послаша по Ярослава по Всеволодича, по Гюргевъ вѣнукъ, Гюргя Иванъковича¹ посадника и Якуна тысяцьскаго и купѣць старѣшихъ 10 муж; и вѣиде князь Ярославъ въ Новѣгородъ, и усрѣте и архиепископъ Антонъ съ новгородьци. Того же лѣта князь Ярославъ я Якуна Зуболомича, а по Фому посла по Доброшничу, по новоторожскыи посадникъ, и оковавъ потоци и на Тѣхвѣрь; и по грѣхомъ нашимъ обади Федоръ Лазутиничъ и Иворъ Новотѣржечъ Якуна тысяцьскаго Намнѣжича. Князь же Ярославъ створи вѣщъ на Ярославли дворъ; идоша на дворъ Якунь, и розграбиша, и жену его яша; а Якунь заутра иде съ посадникомъ къ князю, и князь повѣле яти сына его Христофора, маия въ 21. Тѣгда же на сборъ убиша пруси Овѣстрата и сынъ его Луготу, и вѣвѣргоша и въ грѣблю мѣртвъ; князь же о томъ пожали на новгородѣ. Того же лѣта поиде князь Ярославъ на Тѣржѣкъ, поимя съ собою Тѣврдислава Михалковича, Микифора, Полюда, Сбыслава, Смена, Ольксу, и много бояръ, и одаривъ, присла въ Новѣгородъ; а самъ седе на Тѣрожѣку. Тои же осени много зла ся створи: поби мразъ обилье по² волости, а на Тѣрожѣку³ все чело бысть. И зая князь вѣршь на Тѣрожѣку, не пусти въ городъ ни воза; и послаша по князя Смена Борисовича, Вячеслава Климѣтича, Зубѣця Якуна, и тѣхъ прия, и кого послашь и князь прия. А Новѣгородъ зло бысть вельми: кадъ ржи купляхуть по 10 гривенъ, а овса по 3 гривнъ, а рѣпъ возъ по 2 гривнъ; ядыху люди сосновую кору и листь липовъ и мохъ. О, горь тѣгда, братье,

¹ Нижний угол листа срезан еще до того, как был написан текст.

² Буква п переделана из н.

³ Буква о переделана из ъ.

бѣше: дѣти свое даяхуть одѣренъ; и поставиша скудельницу, и наметаша полну. О, горѣ бѣше: по тѣргу трупѣ, по улицѣмъ трупѣ, по полю трупѣ, не можаху пси изѣдати челоуѣкъ; а Вожане помроша, а останѣке разидеся; и тако, по грѣхомъ нашимъ, разидеся власть наша и градъ нашъ. Новгородци же, останѣке живыхъ, послаша Гюргя Иванковиця посадника и Степана Твърдиславиця, ины мужа по князя, и тѣхъ прия; а въ Новѣгородъ приславъ Ивора и Чапоноса, выведе княгыню свою к собе, дѣчерь Мѣстислалю; и потомъ послаша Мануилу Ягольчевича съ последнею речью: «пойди въ свою отчину къ святой Софѣи; не идеши ли, а повежъ ны». Ярославъ же и тѣхъ не пусти, а гость новѣгородскыи всѣ прия; и бысть Новѣгородъ печаль и въплъ. Тѣгда же учювъ Мѣстиславъ Мѣстиславицъ зло то, вѣеха въ Новѣгородъ мѣсяця февралѣ въ 11 день, и я Хота Григоревѣиця, намѣстника Ярослава, и всѣ дворяны искова; и выеха на Ярослава дворъ, и цѣлова честныи крестъ, а новгородци к нему, яко с нимъ въ животь и въ смерть: «любо изищю мужи новгородстыи и волости, паки ли а головою повалю за Новѣгородъ». Ярославъ же бысть вѣсть на Тѣржѣкъ, и изгошиша тѣрдъ, а пути от Новагорода все засекоша и рѣку Тѣхвѣрцу; а въ Новѣгородъ вѣсла 100 муж новгородѣцъ Мѣстислава проваживать из Новагорода; и не яшася по то, нѣ вси быша единодушно, и то 100 муж. И посла князь Мѣстиславъ съ новгородци къ Ярославу на Тѣржѣкъ попа Гюргя святого Иоанна на Тѣрговищи, и свои мужъ пусти: «сыну кланяю ти ся; муж мои и гость пусти, а самъ съ Торожѣку пойди, а съ мною любѣвь вѣзми». Князь же Ярослав того не улюбивъ, пусти попъ безъ мира; а новгородце съзва на поле за Тѣржѣкъ, въ мясопустную суботу, всѣи мужи и гостѣбници, измавъ я вся, посла исковавъ по своимъ городомъ, а товары ихъ раздая и коне; а бѣше всѣхъ новгородѣцъ боле 2000. И приде вѣсть въ Новѣгородъ; бѣше же новгородѣцевъ мало: ано тамо измано вѣчышии мужи, а мѣньшее они розидошася, а иное помѣрло голодомъ. Князь же Мѣстиславъ створи вѣщъ на Ярослава дворъ: «и поидемъ, рече, поищемъ мужъ своихъ, вашей братѣи, и волости своеи; да не будетъ Новыи тѣргъ Новгородомъ, ни Новгородъ Тѣржѣкомъ; нѣ кѣде святая Софѣя, ту Новгородъ; а и въ мнозѣ богъ, и въ малѣ богъ и правда¹».

---

¹ В рукописи правд.

Въ лѣто 6724. Мѣсяця марта въ 1 день, въ вѣторникъ по чистѣи недѣли, поиде князь Мѣстиславъ на зятѣ свои¹ Ярослава съ новгородци, въ четвѣртокъ² побѣгоша къ Ярославу прѣступници кресту: человали бо бяху хрестъ честѣныи къ Мѣстиславу съ всѣми новгородци, яко всѣмъ одинакымъ быти, Володиславъ Завидицъ, Гаврила Игоревицъ, Гюрги Ольксиницъ, Гаврильцъ Милятинцъ, и съ женами и съ дѣтьми. Мѣстиславъ же поиде Серегеремъ, и вѣниде въ свою волость, и рече новгородьцемъ: «идете въ зажития, толико головъ не емлете». Идоша, исполнишася кѣрма, и сами и кони, и быша върху Вълзъ; ослѣ Святославъ Рѣжевку, городьцъ Мѣстиславъ, съ пълкы въ 10 тысящъ. Мѣстиславъ же съ Володимиромъ съ Пльсковьскымъ поиде бѣрзѣхъ въ 5 сѣтъ: толико бо всехъ воеи бѣшетъ; и пригони, оли побегли прочъ; а Ярунъ бѣше затворилъся въ градъ въ 100 и отбися ихъ. И поиде Мѣстиславъ и вѣзя Зубьчевъ, и быша на Возузъ; и приде Володимиръ Рюриковицъ съ смольняны, идоша по Волзъ, воююще; и рекоша ему: «княже, поиди къ Переяслалю; естъ у наю третии другъ». И не бы вести, кде Ярославъ, въ Торожку ли, въ Тѣхвѣри ли. И наехаша на Яруна сторожи за Тѣхвѣрю Ярославли; и пособи богъ Яруну, и многы побѣша, а иныхъ измаша, а инии убежаша въ Тѣхвѣрь. И бы вѣсть у тѣхъ на Ярослава, и поидоша по Волзе, воююще; и пожѣгоша Шешю, и Дубну, и Кѣснѣтинъ, и все Поволожье. И устрѣте Еремеи от князя Костянтина съ любѣвѣю и съ поклономъ; поидоша къ Переяслалю, воююще. И быша на Городищи на рѣцъ Саррѣ, у святой Маринѣ, въ великую субботу, мѣсяця априля въ 9; приде князь Костянтинъ съ ростовьци, хрестъ цѣловаша. Ярославъ же поиде съ Торожку, поймавъ стареишии мужи съ собою новгородьстии, и молодыхъ изборомъ, а новотѣржѣи вси; и приде Переяславлю и скопи волость свою всю, а Гюрги свою Володимири такоже, а Святославъ такоже; и выиде ис Переяслаля съ пълкы, и съ новгородьци и съ новотѣржѣи. Олѣ страшно чюдо и дивно, братѣе; поидоша сынове на отца, братъ на брата, рабъ на господина, господинъ на рабъ. И ста Ярославъ и Гюрги съ братѣею на рѣче Хзъ; Мѣстиславъ же и

¹ Между свои и Ярослава вставлено позднее, вероятно» на. Можно прочесть только я. В КАТ на.

² В строке четвь и к над строкой под дугой.

Костянтинъ и два Володимира съ новгородци сташа на рѣцъ Липичи; и узрѣша пѣлкъ стояща, и послаша Лариона сочѣскаго къ Гюргю: «кланяемъ ти ся; нѣту ны съ тобою обиды, съ Ярославомъ ны обида; пусти¹ мужи мои новгородьци и новоторжьци и, что еси зашѣлъ волости нашей новгородьскои Волокъ, въспяти; миръ с нами възьми, а крестъ къ намъ цѣлуй; а крови не проливаиме». Отвѣташа² же: «мира не хотимъ, мужи у мене; а далече есте шли, и вышли есте акы рыбы на сухо». И сказа Лариянъ ту речъ Мьстиславу и новгородьчемъ; и рекоша новгородци: «кѣняже, не хотимъ измерети на конихъ, нѣ яко отчи наши билися на Кулачьскѣи пѣши». Князь же Мьстиславъ радъ бысть тому; новгородци же съседавъше съ конь и порты съметаваъше, босии, сапогы съметаваъше, поскочиша; а Мьстиславъ поеха за ними на конихъ; и съступися пѣлкъ, новгородьскѣи съ Ярославимъ пѣлкомъ. И тако, божиею силою и помощью святѣя София одолѣ Мьстиславъ, а Ярославъ вда плечи, и пѣлкъ его. Гюрги же състоя Костянтину, и узрѣ Ярославъ полкъ побегъшь Гюрги, и тѣ вда плече, мѣсяця априля въ 21, на святого Тимофея и Федора и Альксандры цесариця. О, мѣного победы, братѣе, бещисльное число, око³ не можетъ умъ чловѣчьскъ домыслити избѣенныхъ а⁴ повязанныхъ; Ярославъ вѣбегъ⁴ въ Переяславъ, повеле вѣметати въ погребъ, что естъ новгородьцъ, а иныхъ въ гридницю, и ту ся издѣхоша въ множествѣ. Мьстиславъ же и Костянтинъ и два Володимира съ пѣлкъ поидоша по Гюрги къ Володимирию; и пришѣдъше, сташа подѣ городомъ; и тои ноци загорѣся городъ и княжъ дворъ. И хотѣша новгородьци полести къ городу, и не да имъ князь Мьстиславъ. И бысть заутра, высла князь Гюрги: съ поклономъ къ княземъ: «не деите мене днесъ, а заутра поиду из города». И иде Гюрги из Володимирия въ Радиловъ Городъчъ; и посадиша новгородци Костянтина въ Володимири на столъ отни. Костянтинъ же одари чествью князи и новгородьци бещисла. Мьстиславъ же поиде съ новгородьци къ Пе-

---

¹ Здесь — пропуск. В Новг. 4-й летописи читаем: отвѣшавъ же Юрьи: одинъ есмь братъ съ Ярославомъ. И посласта къ Ярославу, глаголюще: пусти мужи новгородца и новоторжци и т. д.

² Возможно — описка. В А отвѣшаша.

³ Так в рукописи. Ст. выше под 6717 г.

⁴ -4 В А и повязанных; ярославъ же вѣбгъ и т. д.

реяславлю; и не идя къ городу, пойма дары; пославъ, поядъщерь свою, жену Ярославлю, и что живыхъ новгородьць, и что было съ Ярославомъ въ полку; и придоша въ Новъгородъ съдрави вси.

О, великъ е, братъе, промыслъ божи; на томъ победиши Гюргевыхъ и Ярославихъ вои паде бещисла, а новгородьць¹ убиша на съступъ Дмитра Пльсковитина, Онтон котелника, Иванъка Прибышениця опоньника; а въ загонъ: Иванка поповиця, Сьмьюна Петриловиця, тьрьскаго даньника. Приде Мьстиславъ въ Новъгородъ, и радъ бысть владыка и вси новгородьци. Тгда отьяша посадничьство у Гюргя у Иванковиця и даша Твьрдиславу Михалковицю².

Въ лѣто 6725. Поиде Мьстиславъ Кыеву, оставивъ Новогородъ княгину и сына своего Василия; и поя съ собою Гюргя Иванковиця, Сбыслава Степаниця, Ольксу Путиловиця. Тгда же поиде Володимиръ въ Новъгородъ своими орудии. И воеваша Литва въ Шелонъ; новгородци идоша по нихъ и не състигоша ихъ. И поидоша къ Медвѣжи голове съ княземъ Володимиромъ и съ посадникомъ Твьрдиславомъ, и сташа подъ городомъ. Чюдъ же начаша слати съ поклономъ лъстью, а по Нъмци послаша; и начаша новгородци гадати съ пльсковичи о чюдьскои речи, отшедыше далече товаръ, а сторожи ночью бяху пришли, а днѣвнии бяху не пошли; а наѣхаша³ на товары безъ вѣсти, новгородци же побегоша съ вѣча въ товары, и поймавшие оружие и выбиша е ис товаръ; и побегоша Нъмци къ городу, и убиша новгородци два воеводъ, а третии руками яша, а коневъ отьяша 700, и придоша сдрави вси. Князь же Мьстиславъ приде въ Новъгородъ безъ нихъ; и я Станимира Дърновиця съ сыномъ Нездилою и, оковавъ, потоци, и товаръ пойма бещисла, и опять пусти. Тои же веснѣ загорѣся мѣсяця мая въ 31 отъ Ивана отъ Ярышевиця въ середѣ утра, печъне, и погорѣ до уднья все⁴ полъ, не остана ни хорома; а кто бѣаше въбеглъ въ камяныя божнице съ товары, а ту изгорѣша и сами съ товары; а въ Варязьскои божници изгорѣ товаръ вѣсь варязьскыи бещисла; а церквии съгорѣ 15, а у камяныхъ вѣрхы огорѣша и притворы.

---

¹ В рукописи новородьць.

² В рукописи в строке млкови и буквы х и ц над строкой под дугой.

³ В рукописи по описке неяхаша. В А наѣхаша.

⁴ Буква с переделана из подскобленной буквы х.

Въ лѣто 6726. Приде князь Мѣстиславъ на Тържекъ, и я Борислава Некуришница, и поймавъ товаръ много, и пусти¹ и¹. Тѣгда же разболѣся княжиць Василии Мѣстиславичъ на Тържку, и привезоша и въ Новѣгородъ мертвъ; и положиша и у святой Софии, головахъ у дѣда, въ святѣи Богородици. Того же лѣта заложѣ архиепископъ Антонии церковь камяну святѣя Варвары манастиръ. Съзва Мѣстиславъ вѣць на Ярославъ дворъ, рече: «кланяюся святѣи Софии и гробу отца моего и вамъ; хоцю поискати Галиця, а васъ не забуду; даи богъ леци у отца у святѣи Софии». Новгородѣи же много моляхуся: «не ходи, княже»; и не можахуть его уяти, и поклонивъся поиде. Того же лѣта приде из Володимиря архиепископъ Митрофан, и провадиша и новгородѣи къ святѣи богородици Благовѣщенію. Поиде Мѣстиславъ въ Русь; новгородѣи же послашася Смольнѣску по Святослава по Ростиславиця, и приде в Новѣгородъ мѣсяця августа въ 1. Томъ же лѣтъ Глѣбъ, князь Рязаньскыи, Володимиричъ, научень сы сотоною на убиство, сдумавъ въ своемъ оканьнѣмъ помыслъ, имѣя поспешника Костянтина, брата своего, и с нимъ диявола, юже и прельсти, помыслъ има выложи, рѣкшема има, яко избѣе сѣхъ, а сама приимѣва власть всю. И не вѣси, оканьнѣ, божія смотренія: даеъ власть ему же хощеть, поставляеъ цесаря и князя вышнии. Что прѣя Каинъ от бога, убивъ Авеля, брата своего: не прокляте ли и трясение; или вашъ сродникъ оканьныи Святопѣлкъ, избивъ братѣю свою: онема вѣнѣць царства, а собе вѣчнѣю муку. Сѣ же оканьныи Глѣбъ Святопѣлчу ту же мыслъ приимъ, и сѣкры ю въ сердци своемъ сѣ братомъ своимъ. Сънѣмъшемъ всѣмъ на исадѣхъ на порядъ: Изяславъ, кюръ Михаилъ, Ростиславъ, Святославъ, Глѣбъ, Романъ; Ингворъ же не приспѣ приехати к нимъ: не бе бо приспело врѣмя его. Глѣбъ же Володимиць сѣ братомъ позва я к собе, яко на честь пиренія, въ свои шатѣрь; они же не вѣдуще злыя его мысли и прельсти, вси б князь, кождо сѣ своими бояры и дворяны, придоша въ шатѣрь ею. Сѣ же Глѣбъ прѣже прихода ихъ изнарядивъ свое дворяне и братне и поганыхъ Половѣчь множество въ оружии, и сѣкры я въ полостьници близъ шатра, въ немъ же бе имъ пити, не вѣдущю ихъ никому же, развѣ тою зломысльною князю и ихъ проклятыхъ думѣчь. Яко начаша пити и веселитися, ту абие оканьныи, проклятыи Глѣбъ сѣ братомъ, изымше мечя

---

⁵⁻⁵ В строке поуи, а над строкой с под дугой.

своя, начаста съчи прѣже князи, та же бояры и дворянъ множество: одинѣхъ князь 6, а прочихъ бояръ и дворянъ множество, съ своими дворяны и съ Половчи. Си же благочѣстивии князи рязанѣстии коняшася мѣсяця июля въ 20, на святого пророка Илии, и прияша вѣнця от господа бога, и съ своею дружиною, аky агньци непорочни прѣдаша душа своя богови. Съ же оканьнии Глѣбъ и Костянтинъ, брат его, онѣмъ уготова царство небесное, а собе муку вѣчную и съ думыци своими. И бысть на зиму, побеже Матеи Душильцевичъ, съвязавъ Моисѣица бириць ябетницъ; новгородци же, угонивше и, яша и ведоша и на Городище, и въиде лжа въ городъ: выдалъ Твърдиславъ князю Матѣя, и възвониша у святого Николы ониполовици цересъ ночь, а Неревъскый коньчъ у Святыхъ 40, такоже копяче люди на Твърдислава. И бысть заутра, пусти князь Матѣя, учювъ гълку и мятежъ въ городъ. И поидоша ониполовици и до дѣтии въ брѣняхъ, аky на рать, а неревляне такоже; а загородьци не вѣсташа ни по сихъ, ни по сихъ, нѣ зряху перезора. Твърдиславъ же, позря на святую Софию, и рече: «даже буду виновать, да буду ту мертвъ; буду ли правъ, а ты мя оправи, господи»; и поиде съ Людинымъ концемъ и с пруси. И бысть сеця у городьныхъ воротъ, и побѣгоша на онъ полъ, а друзии въ коньць, и мость переметаша, и переехаша ониполовици въ лодьяхъ, и поидоша силою. О, великое, братѣе, чюдо съвади оканьнии дияволь; кѣгда баше брани быти на поганья, тѣгда ся начяша бити межи собою; и убиша муж прус, а конянь другии, а оныхъполовиць Ивана Душильцевича, брат Матеевъ, а въ Неревъскомъ конци Къснятина Прокопиинича, иныхъ 6 муж, а раненыхъ много обоихъ. Бысть же се мѣсяця генваря въ 27, на святого Иоанна Златоуста, и тако быша вѣча по всю недѣлю. Нѣ богомъ дияволь попрянь бысть и святою Софиею, крестъ възвеличанъ бысть; и съидошася братѣя въкупъ однодушно, и крестъ цѣловаша. Князь же Святослав присла свои тысяцкый на вѣче, рече: «не могу быти съ Твърдиславомъ и отъимаю от него посадьничѣство». Рекоша же новгородьци: «е ли вина его». Онъ же рече: «безъ вины». Рече Твърдислав: «тому есмъ радъ, оже вины моеи нѣту; а вы, братѣе, въ посадничѣствѣ и въ князѣхъ». Новгородци же отвѣщаша: «княже, оже нѣту вины его, ты к намъ крестъ цѣловалъ без вины мужа не лишити; а тобе ся кланяемъ, а се нашъ посадник, а вто ся не владимъ»; и бысть миръ.

Въ лѣто 6727. Присла великий князь Мѣстиславъ Романо-
вицѣ ис Кыева сынъ свои Всѣволодъ¹, рече: «примете собе
князя Всеволода, а Святослава старейшаго пустите къ мнѣ».
Новгородьци же волю его створиша. Поиде тоя зимы Сѣмьюнъ
Еминъ въ 4-хъ стѣхъ на Тоимокары, и не пусти ихъ Гюрги,
ни Ярославъ сквозь свою землю; и придоша Новугороду въ
лодыахъ, и ста по полю шатры на зло; и замыслиша Твѣрдис-
лавъ и Якунъ тысячьскыи, засли² къ Гюргю, не пусти³ ихъ
туда; и възвадиша городъ. Тѣгда отѣяша посадничество у
Твѣрдислава и даша Смену Борисовицѣ, а тысяцьское у Якуна
и даша Сѣмьюну Емину. Тѣгда⁴ же концяша церковь камяну
святыя Варвары. Того же лѣта заложиста Твѣрдиславъ съ Фе-
доромъ церковь камяну святого Михаила, а другую святыхъ 3
отрокъ посторонъ малу, съвѣршиша ю въ 4 дни. Поиде князь
Мѣстиславъ и Володимиръ ис Кыева къ Галицию на короле-
вицѣ, и выидоша галицяне противу, и Чехове и Ляхове и
Морава и Угре, и съступишася полкове. И пособи богъ
Мѣстиславу, и въ городъ Галицъ въеха, а королевѣица рука-
мѣя и съ женою, и взя миръ съ королемъ, а сынъ его пусти,
а самъ съѣдъ въ Галици, а Володимиръ Рюриковицѣ Кыевъ. Томъ
же лѣтъ иде князь Всеволодъ съ новгородьци къ Пѣртуеву, и
устретоша стороже Нѣмьци, Литва, Либъ, и бишася; и по-
соби богъ новгородьцемъ, идоша подъ городъ и стояша 2
недѣли, не взяша города, и придоша сторови. Того же лѣта
иде Антонъ архиепископъ новгородьскыи на Тѣржжкъ; нов-
городьци же въведоша архиепископа Митрофана въ дворъ
опять на столъ, а къ Онтонию послаша: «поиди, кде ти любо».
Антонии же поиде въ Новгородъ и святого Спаса⁵ въ Нере-
дицяхъ. Князь и новгородьци рекоша Митрофану и Онтону:
«идита къ митрополиту, да кого намъ прислеть, то нашъ вла-
дыка»; и пустиша с нима цѣрньця Васияна попа, а другого
попа Бориса. Пришьдыше же от Пѣртуева, вдаша посадничь-
ство Твѣрдиславу, а Якуну тысяцьское опять.

Въ лѣто 6728. Приде архиепископъ Митрофанъ, оправивъся
богомъ и святою Софіею, въ Новгородъ марта въ 17; а Анто-
ния митрополить у себе въ чести, въда ему епископью въ

---

¹ В рукописи всѣводъ.

² В КАТ заслаша

³ В КАТ не пустити. Так можно читать и в С: в рукописи поусти.

⁴ Лист у буквы ъ продран.

⁵ В КАТ къ святому спасу. В Новг., 4-й летописи и съѣдъ у святого Спаса.

Перемышли. Того же лѣта иде князь Всѣволодъ въ Смолньскъ своимъ орудиемъ. Тои же зимѣ приде князь Всеволодъ и-Смольньска на Тържкъ. Не хотя же дьяволъ добра роду крестяньску и злии чловѣчи, и вложи князю грѣхъ въ сердци, гнѣвъ до Твърдислава, а без вины; и приде въ Новѣгородъ, и възвади весь городъ, хотя убити Твърдислава; а Твърдислав бѣше больнѣ. И поиде князь Всеволодъ съ Городища съ всемъ дворомъ своимъ, и скрутяся въ брѣне, акы на рать, и приеха на Ярославъ дворъ; новгородци к нему въ оружии и сташа пълкомъ на княжи дворъ. Твърдислав же бѣше немоцнѣ, и вывезоша и на санкахъ къ Борису Глѣбу, и скопишася о немъ пруси и Людинѣ коньць и загородци, и сташа около его пълкомъ и урядивъше на 5 пълковъ. Князь же узрѣвъ рядъ ихъ, оже хотять крѣпко животъ свои отдати, и не поеха, нѣ присла владыку Митрофана съ всеми добрыми повѣстьми; и съвѣде и владыка въ любовь, и крестъ цѣлова и князь и Твърдислав. Богомъ и святою Софіею крестъ възвеличянь бысть, а дьяволъ попранъ; а братья вся въкупъ быша. Твърдиславъ же съшѣдъся съ князьмъ въ любовь, и лишися посадничества: немочнѣ бо бѣ; и даша посадничество Иваньку Дмитровицю; въ тои же немочи пребы 7 недель, и прия и больши немочъ; и утаивъся женѣ и дѣтии и вси братьи, иде къ святѣи Богородици въ Аркажъ манастирь и пострижеся февраля въ 8 день. Тѣгда и жена въ друзмъ манастири пострижеся у святѣи Варвары.

Въ лѣто 6729. Показаша путь новгородци князю Всеволоду: «не хотимъ тебе; поиди, камо хочеши»; иде къ отцеви въ Русь.

Въ лѣто 6730. Послаша владыку Митрофана и посадника Иванка и старѣишии мужи Володимирю къ Гюргю къ Всѣволодицю по сынѣ, и вда имъ Всѣволода на вси воли новгородьстѣи. Приде князь Всѣволодъ в Новѣгородъ, и владыка и вси мужи одарени бещисла; и ради быша новгородьци, и бысть миръ. Того же лѣта Гюрги князь присла брата своего Святослава новгородьчемъ въ помощь; идоша новгородьци съ Святославомъ къ Кеси, и придоша Литва въ помощь же; и много воеваша, нѣ города¹ не възяша. На ту же зиму князь Всѣволодъ побеже въ ночь, утаивъся из Новагорода, съ всемъ дворомъ своимъ; новгородьци же печальни быша о томъ. Тог-

---

¹ Первое о переделано из р.

да же новгородци послаша мужи старѣишии къ Гюргю: «оже ти не угодно държати Новагорода сыномъ, а вѣда ны брат»; и дасть имъ брата своего Ярослава.

Въ лѣто 6731. Приде князь Ярослав в Новѣгородъ, и ради быша новгородци. Воеваша Литва около Торопця; и гонися по нихъ Ярослав с новгородци до Вѣсвята, не угони ихъ. Въ то же лѣто прѣставися архиепископъ новгородскыи Митрофанъ, мѣсяця июля въ 3, на святого Уакинфа, понедельник свитающю, и положенъ бысть въ святѣи Софії въ притворе; а даи богъ его святую молитвою¹ князю и всемъ новгородцемъ. Томъ же дни вѣведоша въ дворъ Арсению цѣрньця съ Хутина, мужа добра и зѣло боящася бога. Приде князь Ярославъ от брата, и иде съ всею областію къ Колываню, и повоева всю землю Чюдскую, а полона приводе бещисла, нѣ города не взяша, злата много взяша, и придоша вси съдрави. Поиде князь Ярослав съ княгынею и съ дѣтми Переяслаю; новгородци же кланяхутся² ему: «не ходи, княже»; онъ же поиде по своей воли. Новгородѣци же послаша³ къ Гюргю по сынъ, и дасть имъ опять сынъ свои Всеволодъ.

Въ лѣто 6732. Приде князь Всеволодъ Гюргевицъ въ Новѣгород. Того же лѣта убиша князя Вячка Немѣци въ Гюргевъ, а городъ взяша. Въ то же лѣто, по грѣхомъ нашимъ, не ту ся зло створи: выеха Федоръ посадникъ съ рушаны, и бися съ Литвою, и съгониша рушанъ съ конь и много коневъ отѣяша, и убиша Домажира Търлиница и сынъ⁴ его, а рушанъ Богъшю, а иныхъ много, а другихъ по лѣсу розгониша. Томъ же лѣтъ по грѣхомъ нашимъ, придоша языци незнаеми, ихъ же добре никто же не вѣсть, кто суть и отколе изидоша, и что языкъ ихъ, и котораго племени суть, и что вѣра ихъ; а зовуть я Татары, а инии глаголють Таурмены, а друзии Печенѣзи; инии же глаголють, яко се суть, о нихъ же Мефодии, Патомскыи епископъ, съвѣдѣтельствуеъ, яко си суть ишли ис пустыня Етриевскыя, суще межи вѣстокомъ и сѣверомъ. Тако бо Мефодии глаголетъ, яко скончанию врѣменъ явити-

---

¹ *Здесь текст неисправен. В К а даи богъ его святою молитвою князю и всемъ новгородцемъ многа лѣта.*

² *Перед словом кланяхутся в листе трещина, существовавшая до того, как был написан текст.*

³ *Между буквами по и слаша в листе трещины, существовавшие до того, как был написан текст.*

⁴ *Так в рукописи, по-видимому, по описке.*

ся тѣмъ, яже загна Гедѣонъ, и поплѣнять всю землю от вѣстокъ до Ефранта и от Тигръ до Поньскаго моря, кромѣ Ефиопія. Богъ единъ вѣсть, кто суть и отколъ изидоша; прѣмудрии мужи вѣдять я добръ кто книги разумѣть; мы же ихъ не вѣмы, кто суть; нѣ сде въписахомъ о нихъ памяти ради рускыхъ князь и бѣды, яже бысть от нихъ имъ. Слышахомъ бо, яко многы страны поплѣниша, Ясы, Обезы, Касогы, и Половьчъ безбожныхъ множество избиша, а инѣхъ загнаша, и тако измроша убиваемы гнѣвомъ божиемъ и пречистая его матере; много бо зла створиша ти оканънии Половчи Русьской земли, того ради всемилостивый богъ хотя погубити безбожныя сыны Измаиловы Куманы, яко да отмстятъ крѣвь крестьянскую, еже и бысть над ними незаконными. Проидоша¹ бо ти Таурмени всю страну Куманскую и придоша близъ Руси, идеже зоветься валъ Половьчъскы. И прибегоша оканънии Половчи, избѣенныхъ избытъкъ, Котянь с ѡнѣми князи, а Даниль Кобяковиць и Гюрги убѣна быста², с нимъ множество Половьчъ; съ же Котянь бѣ тѣсть Мѣстиславу Галицьскому. И приде съ поклономъ съ князи Половьчъскими къ зяти въ Галичь къ Мѣстиславу и къ всемъ княземъ русьскимъ, и дары принесе многы: кони и вельблуды и буволы и дѣвки, и одариша князь русьскыхъ, а рекуче тако: «нашу землю днесъ отъяли, а ваша заутро възята³ будетъ»; и възмолися Котянь зяти своему. Мѣстислав же поця молитися княземъ русьскимъ, братьи своеи, река тако: «оже мы, братье, симъ не поможемъ, тѣ си имуть придатися к нимъ, тѣ онѣмъ большы будетъ сила». И тако думавъше много о собе, яшася по путь, и поклѡна дѣля и молбы князь половьчъскыхъ. И начаша вое пристраивати, кождо свою власть; и поидоша, съвъкупивъше землю всю Русскую противу Татаромъ, и быша на Днѣпрѣ на Зарубе. Тѣгда же увѣдавъше Татари, оже идуть русстии князи противу имъ, и прислаша послы, къ русскимъ княземъ: «се слышимъ оже идете противу насъ, послушавше Половьчъ; а мы вашей земли не заяхомъ, ни городъ вашихъ, ни селъ вашихъ, ни на васъ придохомъ, нѣ⁴ придохомъ богомъ пущени на холопы и на конюси⁵

---

¹ В рукописи придоша. В К проидоша.

² В рукописи быс.

³ Буква в передѣлана, невидимому, из г.

⁴ В рукописи ни. В А нѣ.

⁵ Буква и передѣлана, по-видимому, из букв х и ы.

свое на поганяныя Половче; а вы възмите с нами миръ; аже выбежать къ вамъ, а биите ихъ оттолъ, а товары емлите к собе: занеже слышахомъ, яко и вамъ много зла створиша; того же дѣля и мы биємъ». Того же русстии князи не послушаша, нъ послы избиша, а сами поидоша противу имъ; и не дошдьше Ольшья, и сташа на Днѣпръ. И прислаша к нимъ второе послы Татари, рекуще тако: «а есте послушали Половчъ, а послы наша есте избили, а идете противу нас, ть вы поидите; а мы васъ не заяли, да всѣмъ богъ»; и отпустиша прочъ послы ихъ. Тѣгда же Мѣстиславъ перебродяся Днѣпръ, прѣиде в 1000 вои на сторожи татарьскыя, и победи я, а прокъ ихъ въбѣже съ воеводою своимъ Гемябѣгомъ въ курганъ Половчѣскыи, и ту имъ не бы мочи, и погрѣбоша воеводу своего Гемябега живавъ земли, хотяще животъ его ублюсти; и ту и налестоша, испросивъше Половци у Мѣстислава, и убиша и. Слышавъше же то князи русстии, поидоша за Днѣпръ и поидоша вси въкупъ, по нихъ же идоша 9 днии, и заидоша за Калакъ рѣку, и послаша въ сторожихъ Яруна с Половци, а сами станомъ сташа ту. Тѣгда же Ярунъ съступи-ся с ними, хотя битися, и побегоша не успѣвъше ничтоже Половци назадъ, и потѣпташа бежаще станы русскыхъ князь, не успѣша бо исполчитися противу имъ; и съмятошася вся, и бысть сѣя зла и люта. Мѣстиславъ же, Киевѣскыи князь, видя се зло, не движесе съ мѣста никамо же; сталь бо бѣ на горѣ надъ рѣкою надъ Калкомъ, бѣ бо мѣсто то камянисто, и ту угоши городъ около себе въ колѣхъ, и бися с ними из города того по 3 дни. Ини же Татари поидоша по русскыхъ князихъ, бѣюче до Днѣпра; а у города того оста 2 воеводѣ Цыгырканъ и Тешюканъ на Мѣстислава и на зяти его на Андрѣя и на Ольксандра Дубровѣцкаго: беста бо 2 князя съ Мѣстиславомъ. Ту же и бродници съ Татары быша, и воевода Плоскына, и тѣ оканьнии воевода цѣловавъ крестъ чѣстныи къ Мѣстиславу и къ обѣма князема, око ихъ не избити, нъ пустити ихъ на искупъ, и сѣлга оканьнии: прѣда ихъ, извѣзавъ, Татаромъ; а городъ възашъ, и люди иськоша, и ту костью падоша; а князи имѣше, издавиша, подѣкладъше подѣдѣскы, а сами върху съдоша обѣдати, и тако животъ ихъ кончаша. А иныхъ князь до Днѣпръ гоняче, убиша 6: Святослава Яневѣскаго, Изяслава Ингворовица, Святослава Шюмѣскаго, Мѣстислава Церниговѣскаго съ сыномъ, Гюргя Невѣжскаго. Тѣгда же Мѣстиславъ Мѣстисланицъ переже перебегъ

Днѣпръ, отръя от берега лодье, да не идуть Татари по нихъ, а самъ одва убежа; а прочии вои десятыи приде кождо въ свояси; а иныхъ Половци побиха ис коня, а иного ис порта. И тако за грѣхы наша богъ вложи недоумение въ нас, и погыбе много бещисла людии; и бысть въплъ и плачь и печаль по городомъ и по селомъ. Си же злоба сътворися мѣсяца мая въ 31, на святого Ерѣмья. Татари же възвратишася от рѣкы Днѣпра; и не съвѣдаемъ, откуда суть пришли и кдѣся дѣша опять: богъ вѣсть, отколе приде на нас за грѣхы наша. В то же лѣто съвершиша церковь камяну святого Михаила Твърдислав и Феодоръ. Томъ же лѣтъ бысть громъ страшнѣ мая въ 20, на святого Фаллѣя: съгорѣ церкы святыя Троица, а 2 человека мертва быста. Въ то же лѣто създа Борисовичъ Сменъ церковь камяну святого Павла, и святого Смена Богоприимьця, и святую Костянтина и Елены, и святиша ноября въ 6, на Павловъ день. Того же лѣта святиша церковь святого Михаила на праздъник. Въ то же лѣто поиде князь Всеволодъ другое из Новагорода въ ночь утаивъся, съ всѣмъ дворомъ своимъ. И приехавъ, съде на Тържкѣ; и приеха къ нему отецъ Гюрги съ пылкъ и брат его Ярославъ и Василко Костянтиновицъ съ ростовци, Михаилъ съ черниговьци. И послаша новгородци къ Гюргю на Тържкѣ 2 мужа: «княже, пустивъ к намъ дѣтя, а самъ поиди съ Тържкѣ». Гюрги рече посломъ: «выдайте ми Якима Иванковиця, Микифора Тудоровиця, Иванка Тимошкиниця, Сдилу Савиниц, Вячка, Иваца, Радка; не выдадите ли, а я поилъ есмь коне Тѣхвѣрю, а еще Волховомъ напою». Новгородци же скопиша всю волость, а около города острогъ доспеша, а къ Гюргю послаша Полюда, Вячеслава Прокшиниця, Иванка Ярышевиця: «княже, кланяемъ ти ся, а братьи свои не выдаваемъ, а крѣви не проливаи; паки ли твои мечь, а наше головы». Новгородци же по путьмъ сторожи поставиша, а твърди издѣлаша; хотѣша умрети за святую Софию о посадницѣ о Иванцѣ о Дмитровици. Князь же Гюрги съ нашими мужи мужъ свои присла, Романа тысячьского и Михайловъ: «поимите у мене¹ мои шюринѣ Михаила». Новгородци же послаша мужъ свои по Михаила, а Гюрги съ князи поиде съ Тържкѣ, много имъ пакостивъ, възъа у нихъ 7000 новуо.

---

¹ В рукописи мене сынъ, причем слово сынъ смазано. В КА сынъ нет.

Въ лѣто 6733. Приде князь Михаилъ в Новѣгородъ, сынъ Всеволожъ, внукъ Олговъ; и бысть лѣгко по волости Новугороду. И того лѣта иде князь Михаилъ къ Гюргю, пойма съ собою мужи новгородскыя, править товаровъ, что поималъ на Тържку и по своей волости. Того же лѣта приде князь Михаилъ, исправивъ товары у Гюргя, и ста на Ярославли дворъ, и рече новгородъчемъ: «не хочу у васъ княжити, иду Църнигову; гость къ мнѣ пускайте, а яко земля ваша, тако земля моя». Новгородци же много уимаша и, молячесь, и не могоша его умолити, и тако проводиша и съ цѣстью. Новгородци же послаша къ Ярославу Переяславлю. Приде архиепископъ Антоний ис Перемышля въ Новгородъ и съде на своемъ столѣ, и ради быша новгородъци своему владыцѣ. Тои же зимѣ придоша Литва, повоеваша около Тържку бещисла и не доганяша Тържку¹ за 3 вѣрсты, беше бо ихъ 7000, и гость биша многъ, и Торопыцкую волость всю поимаша. Князь же, Ярославъ и Володимиръ съ сыномъ и с новотържъци, княжъ дворъ, новгородцевъ мало, торопцяне съ княземъ своимъ Давыдомъ поидоша по нихъ, а новгородци послаша: они же, дошедъше Русы, въспятишася. Князь же Ярославъ съгони е на Всвятъ и наворопи на не; и тако, божиею помочью и святыя София, отымаша всъ полонъ, а самъхъ избиша 2000, а прокъ ихъ разбегосаша; ту же убиша князя Торопычскаго Давыда и Василя, меченошу Ярославля.

Въ лѣто 6734. Приде князь Ярослав в Новѣгородъ, и не положи того въ гнѣвъ, оже не пошлы по немъ. Тѣгда поставиша церковь святого Рожества христова. Въ то же лѣто прѣставися игумень святого Георгия Саватия, архимандритъ новгородскыи, априля въ 16 день, въ великыи четвърток. Прѣже своего прѣставления Саватии съзва владыку Антония и посадника Иванка и всъ новгородце, и запраша братье своей и всѣхъ новгородъцъ: «изберете собъ игумена». Они же рекоша: «кого ты благословиши». Онъ же рече: «въведете Гръцина, попа святую Костянтину и Елены». И въведоша мужа добра и зѣло боящася бога Гръцина, и постригоша и того дни, марта въ 2, на святого Федота; и поставиша и игуменомъ марта въ 8, на святого Фефилакта, на сборъ. Того же лѣта zaloжиша церковь святого Иякова камяну въ Неревьскомъ концѣ².

---

¹ В рукописи тържоу.

² В рукописи конц.

Въ лѣто 6735. Иде князь Ярославъ съ човгородци на Емь и повоева всю землю, и полонъ приведе бещисла. Того же лѣта ижгоша вѣлхвы 4, творяхуть е потворы дѣюще, а богъ вѣсть; и сѣжгоша ихъ на Ярославли дворе. Въ то же лѣто исписа церковь Святыхъ 40 Вячеславъ Малышевъ¹ вѣнукъ; а и² богъ ему спасение.

Въ лѣто 6736. Поиде Антонии, архиепископъ новгородскыи, на Хутино къ святому Спасу по своей воли. Того же лѣта придоша Емь воевать въ Ладозское озеро в лодкахъ; и приде на Спасовъ день вѣсть въ Новгородъ. Новгородци же, вѣсѣдавшѣ въ насады, вѣгрѣбоша в Ладогу съ князьмъ Ярославомъ. Володислав, посадник ладозскыи, съ ладожаны, не ждя новгородѣцъ, гонися в лодияхъ по нихъ въ слѣдъ, кде они воюють, и постиже я и бися с ними; и бысть ношъ, и отступиша въ островѣлецъ, а Емь на брѣзъ съ полономъ³; воевали бо бяху около озера на исадѣхъ и Олоньсь. Тои же ноци просивѣше мира, и не да имъ посадникъ съ ладожаны, а они иськше полонъ всъ, а сами побегоша на лѣсъ⁴, лодкы пометавшѣ, пѣши много ихъ ту паде, а лодкы ихъ ижгоша. Новгородѣци же стоявшѣ въ Невѣ неколико днии, створиша вѣче и хотѣша убити Судимира, и сѣкры и князь въ насаде у себе; оттоле вѣспятишася въ Новѣгородъ, ни ладожанъ ждавшѣ. Послѣдъ же оставѣшеся Ижеряне⁵ устрѣтоша ихъ бегающе, и ту ихъ избиша много, а прокъ ихъ разбежеся, куды кто видя; нѣ тѣхъ Корѣла, кде обидуче, въ лѣсе ли, выводяче, избиша: бе бо ихъ пришло творяху 2000 или боле, богъ вѣсть, а то все мертво. Томъ же лѣтѣ князь Ярославъ, преже сеи рати, поиде въ Пльсковъ съ посадникомъ Иванкомъ и тысячскыи Вячеслав. И слышавше пльсковици, яко идеть к нимъ князь, и затворишася въ городъ, не пустиша къ собѣ; князь же, постоявъ на Дубровнѣ, вѣспятися в Новѣгород: промѣкла бо ся вѣсть бѣше си въ Пльсковѣ, яко везеть оковы, хотя ковати вяцѣшее мужи. И пришѣдъ, створи вѣче въ владычѣни дворѣ и рече, яко «не мыслиль есмь до пльско-

---

¹ Первоначально было написано малышевицъ, но последние буквы переделаны на ѣ въ.

² В КАТ даи.

³ Буква о неясна.

⁴ Перед буквой ѣ и перед буквой с были написаны и смыты какие-то две буквы.

⁵ В рукописи оставѣшеся ижеряне оставѣшеся.

вичь груба ничегоже; нъ везлъ есмь бытъ въ коробьяхъ дары: паволокы и овощь, а они мя обществовали»; и положи на нихъ жалобу велику. Тѣгда же приведе пѣлкы ис Переяславля, а река: «хочю ити на Ригу»; и сташа около Городища шатры, а инии въ Славнѣ по дворомъ. И въздорожиша все по тѣргу: и хлѣбъ, и мяса, и рыбы; и оттолѣ ста дороговъ: купляху хлѣбъ по 2 кунѣ, а кадь ржи по 3 гривнѣ, а пшеницю по 5 гривенѣ, а пшена по 7 гривенѣ; и тако ста по 3 лѣта. То же слышавъше плѣсковици, яко приведе Ярослав пѣлкы, убо явшеся того, възяша миръ съ рижаны, Новгородъ выложивъше, а рекуче: «то вы, а то новгородьци; а намъ ненадобе; нъ оже поидуть¹ на насъ, тѣ вы намъ помозите»; и они рекоша: «такъ буди»; и пояша у нихъ 40 мужъ въ талбу. Новгородци же, увѣдавъше, рекоша: «князь насъ зоветъ на Ригу, а хотя ити на Плѣсковъ». Тѣгда же князь посла Мишу въ Плѣсковъ, река: «поидите съ мною на путь, а зла до васъ есмь не мыслилъ никотораго же; а тѣхъ ми выдаите, кто мя обадилъ къ вамъ». И рекоша плѣсковици, приславъше Гръчина: «тобе ся, княже, кланяемъ и братъи новгородьцемъ; на путь не идемъ, а братъи свои не выдаемъ; а с рижаны есме миръ взяли. Къ Колываню есте ходивъше, серебро поимали, а сами поидосте в Новѣгородъ, а правды не створися, города не взясте, а у Къси такоже, а у Медвѣже головъ такоже; а за то нашу братью избиша на озѣрѣ, а инии повѣдени, а вы, роздравше, та прочь; или есте на нас удумали, тѣ мы противу васъ съ святою богородицею и съ поклономъ; то вы лучше насъ исъчите, а жены и дѣти поемлете собе, а не лучше погании; тѣ вамъ ся кланяемъ». Новгородьци же князю рекоша: «мы бе своя братья бес плѣсковицъ не имаемъся на Ригу; а тобе ся, княже, кланяемъ». Много же князь нудивъ, и не яшася по путь. Тѣгда же князь Ярославъ пѣлкы своя домовъ посла. Плѣсковици же тѣгда бяху подвѣegli Нѣмьци и Чюдъ, Лотыголу и Либъ, и отпустиша я опять; а тѣхъ, кто ималъ придатькъ у Ярослава, выгнаша исъ Плѣскова: «поидите по князи своемъ, намъ есте не братья». Тѣгда же Ярославъ поиде съ княгынею из Новгорода Переяславлю, а Новѣгородъ остави 2 сына своя, Феодора и Алѣксандра, съ Федоромъ Даниловицемъ², съ тиу-

---

¹ В рукописи поиду, очевидно, по описке.

² В рукописи буква л переделана из какой-то другой буквы, возможно, из буквы д.

номъ Якимомъ. Тои же осени наиде дѣжгъ великъ и день и ночь, на Госпожькинъ день, оли и до Никулина дни не видѣ́ хомъ светла дни, ни сѣна людѣмъ бѣше лѣзъ добыти, ни нивѣ дѣлати. Тѣгда же оканьный дияволъ, испърва не хотяи добра роду челоувѣчу и завидѣвъ ему, зане прогоняшеть его ношнымъ стояниемъ, пѣниемъ и молитвами, и въздвиже на Арсения, мужа кротка и смирена, крамолу велику, простую чядь. И створше вѣче на Ярославли дворе, и поидоша на владычнь дворъ, рекуче: «того дѣля стоить тепло дѣлго, выпровадилъ Антония владыку на Хутино, а самъ сѣлъ, давъ мѣзду князю»; и акы злодѣя пѣхающе за воротъ, выгнаша; малъ ублюде богъ от смерти: затворися въ церкви святѣи Софѣи, иде на Хутино. А заутра вѣвѣдоша опять Антония архиепископа и посадиша с нимъ 2 мужа: Якуна Моисѣвиця, Микифора щитник. И недосыти бы зла, нѣ еще боле того: възмѣтѣся всѣ городъ, и поидоша сѣ вѣца въ оружии на тысячьскаго Вячеслава, и розграбиша дворъ его и брата его Богуслава и Андреичевъ, владычня стольника, и Давыдковъ Софѣискаго, и Судимировъ; а на Душильця, на Липньскаго старосту, тамо послаша грабить, а самого хотѣша повѣсити, нѣ ускоци къ Ярославу; а жену его яша, рекуче, яко «ти на зло князя водять»; и бысть мятежъ въ городъ вѣликъ. Тои же осѣни бысть вода велика въ Вѣлховъ: поима около озера сѣна и по Волхову. Тѣгда помѣрзѣшю озѣру и стоявшю 3 дни, и въздрѣ угъ вѣтръ, изламавъ, вѣнесе все въ Вѣлхово, и въздрѣ 9 городнь великаго моста, и принесе къ Питѣ въ свѣтѣи Николу 8 городнь въ ночь, а 9-ю рознесе, мѣсяця декабрия въ 8 день, на свѣтого Патапия. Не хотѣшеть бо богъ видѣти крѣвопролития въ братѣи, ни дияволу радости дати: радуеть бо сѣ оканьный о крѣвопролитии братни; нѣ изволи благѣи богъ тако быти. Тѣгда отѣша¹ тысячьское у Вячеслава и даша Борису Нѣгочевичю, а къ князю послаша къ Ярославу на томъ: «поеди к намъ, забожнице отложи, судѣ по волости не слати; на всѣи воли нашеи и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ ты нашъ князь; или ты себе, а мы себе». Тои же зимѣ побѣже Федоръ Даниловицъ сѣ тиуномъ Якимомъ, поимѣше сѣ собою 2 княжичя, Федора и Альксандра, сыропустныя недѣли въ уторник, в ночь. Тѣгда же новгородци рѣша:

---

¹ В рукописи отяшатяша.

«дажъ что зло съдумавъ¹ на святую Софию, а побегль; а мы ихъ не гонили, нъ братью свою есме казнили; а князю есме зла не отворили никотораго же; да оно имъ богъ и крестъ честныи, а мы собъ князя промыслимъ»; и цѣловаша святую Богородицю, яко быти всемъ одинакымъ; и послаша по Михаила въ Цѣрниговъ Хота Станимировиця, Гаврилу на Лубяници. И быша Смольнскъ, и не пусти ихъ князь Смольнскыи по науцению Ярославлю, и пути заяша вся. Нъ оже богъ по насъ, кто на ны: и увѣдавъ Михайль, яко прияти суть послѣ новгородстии въ Смольнскъ, бѣ бо тѣгда въ Брыну съ сыномъ, и поиде въ борзѣхъ² на Тържкѣ, и приде на вѣрбницю въ Тържкѣ, и ради быша людѣе вси.

Въ лѣто 6737. Приде князь Михайль ис Чернигова въ Новгородъ, по велицѣ дни Фоминѣ недѣли исходяче, и ради быша новгородци своему хотѣнью. И цѣлова крестъ на всѣи воли новгородстѣи и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ; и вда свободу смѣрдомъ на 5 лѣтъ дании не платити, кто сбежалъ на чужю землю, а симъ повеле, кѣто сде живеть, како уставили переднии князи, тако платите дань. А на Ярославлихъ любѣвницехъ поимаша новгородци кунъ много и на городищанохъ, а дворовъ ихъ не грабѣче, и даша на великыи мостъ. Въ то же лѣто заложѣша великыи мостъ выше стараго моста. Тѣгда же отѣша посадничѣство у Иванка у Дѣмитровиця и даша Вънезду Воловику, а Иванку даша Тържкѣ; иде на Тържкѣ, и не прияша его новоторожѣци, и оттуду иде къ Ярославу. Томъ же лѣтъ рече князь Михайль: «се у васъ нѣту владыкы, а не лѣпо быти граду сему безъ владыцъ; оже богъ казнъ свою възложилъ на Онтонія, а вы сочите таковаго мужа въ попѣхъ ли, в ѣгуменехъ ли, въ черенѣцѣхъ ли». И рекоша нѣкотории князю: «есть чѣрнѣцъ дѣяконъ у святаго Георгия, именемъ Спиридонъ, достоинъ есть того»; а инии Осафа, епископа володимѣрьскаго вельнѣскаго, а друзии Грѣцина: «кого дасть митрополитъ, тотъ намъ отецъ». И рече князь Михайль: «да положимъ 3 жрѣбѣя, да которыи богъ дасть намъ». И положиша на святѣи тряпѣзѣ, имена написавши, и послаша из гридѣницъ владычѣне княжиця Ростислава; изводи богъ слушателя собе и пастуха словесныхъ овчѣ Новугороду и всѣи области его, и выѣся Спυридонъ. И послаша по нь въ манас-

---

¹ Буква в переделана из буквы и.

² В рукописи рзѣхъ.

тырь и, приведъше, посадиша и въ дворъ, дондеже поиде Киеву ставиться. Томъ же лѣтъ поиде князь Михаилъ въ Църниговъ къ братѣи, поимя съ собою новгородце Богуслава Гориславиця, Сбыслава Якунковиця, Домаша Твѣрдиславиця, Глѣба, посадницъ сынъ, Михаилка Микифоровиц¹, Михалѣ Прикупова; а сына своего Ростислава остави Новѣгородъ. «А мнѣ, рече, даи богъ исправити правда новгородская, тоже от вас пояти сына своего». И посла къ Ярославу Нездилу Прокшиниця, Иванка Тудорковиця, река: «отступися Волока, и что есть новгородскаго за тобою, силою еси зашьлѣ, а крестъ цѣлуй». И рече Ярослав: «того не отступаю, а крест не цѣлую; вы собе, а я собе»; и дѣржа послы все лѣто. Томъ же лѣтъ поиде Спиридонъ Киеву ставиться къ митрополиту, декабря въ 17. Тои же зимѣ придоша Литва, и воеваша Любне и Мореву и Серегеръ, и гонишася по нихъ новгородци, и угонивше ихъ, и биша, а полонъ отяшя всѣ, мѣсяця генвря.

Въ лѣто 6738. Трясеса земля въ пятък по велицѣ дни 5 недѣли, въ обѣдъ, а инии уже бяху отобѣдали. То же, братѣе, не на добро, на зло; грѣхъ дѣля нашихъ богъ намъ знаменія кажетъ, да быхомъ ся покаjali от грѣхъ нашихъ. Колику богъ наведе на ны смерть тои весны, да то мы видяще, не разумѣхомъ своея погыбели, нѣ скорѣиши быхомъ на зло. Того же лѣта солнче помѣрце мая въ 14, на святого Сидора, въ уторник, въ срьдѣ утра, и бы акы въ 5 ноции мѣсяць, и опять наполнися, и ради быхомъ небози. Того же мѣсяця въ 19, на сборъ святыхъ отецъ 300 и 18, приде архиепископъ Спиридонъ в Новѣгородъ, поставленъ от митрополита Кюрила; поставленъ бысть попомъ въ сыропустную недѣлю, архиепископомъ по чистѣи недѣли на сборъ. Въ то же лѣто князь Михаилъ створи пострѣгы сынови своему Ростиславу Новѣгородъ у святыи Софii и уя влас архиепископъ Спиридон²; и посади его на столъ, а самъ поиде въ Църниговъ. Томъ же лѣтъ роспрѣся Степанъ Твѣрдиславицъ съ Водовикомъ, Иванке Тимошкиницъ по Степанъ, и биша Иванка паробчи посадници; то же бысть на Городищи; а заутра створи вѣцъ на посадника на Ярослави дворъ, и поиде на дворъ его, и розграбиша и. Посадник же опять възъвари городъ всѣ, и Сменъ

¹ Буква ц неясна.

² Нижний правый угол листа срезан до того, как был написан текст.

Борисовиць на Иванка и на Якима Влунковица и на Прокшю Лашнева; поидоша съ вѣча и много дворовъ розграбиша, а Волоса Блуткиниця на вѣчи убиша; рече посадник: «ты еси мой дворъ хотель зажечи»; а Прокшинъ¹ дворъ зажоша; а Якимъ бежа къ Ярославу, а инии схоронишася; нѣ и тѣхъ, уротивше, пустиша; а Иванка после имѣш², уби Водовикъ, вѣвъргошъ въ Волхово. Того же богъ видя наша безакония и братоненавидение и непокорение другъ къ другу и зависть, и крестомъ вѣрящеся въ лжю, егоже ангели не могутъ зрѣти и многоочити, крылы закрываються, того же мы, въ рукахъ държаще, сквѣрньны усты цѣлуемъ; и за то богъ на насъ поганыя навѣдъ, и землю нашу пусту положиша; а иное сами не блюдуче, безъ милости истеряхомъ свою власть, и тако бысть пуста: и тако ны господь богъ възда по дѣломъ нашимъ. Изби мразъ на Въздвигение честнаго хреста обиле по волости нашей, и оттолъ горе уставися велико: почухомъ купити хлѣбъ по 8 кунъ, а ржи кадь по 20 гривенъ, а въ дворехъ по пол-30, а пшениць по 40 гривенъ, а пшена по 50, а овсъ по 13 гривен. И разидеся градъ нашъ и волость наша, и полни быша чюжии гради и страны братье нашей и сестрь, а останкъъ почаша мерети. И кто не просльзится о семь, видяще мъртвця по уличамъ лежаща, и младѣнця отъ пьсь изедаемы. И вѣложи богъ въ сердце благое створити архиепископу Спуридону: и постави скуделницу у святыхъ Апостолъ, въ ямъ, на Просьской уличѣ; и пристави мужа блага, смирена, именемъ Станила, возити мъртвця на кони, кде обидуце по городу; и тако беспрестани по вся дни влачаше, и наполни до върха, иже бысть в неѣ числомъ 3000 и 30. На ту же зиму поиде княжиць Ростиславъ съ посадникомъ Вънездомъ на Тържкъ, мѣсяця декабрия въ 8, въ недѣлю; а завтра убиша Смена Борисовица въ 9, а домъ его всѣ розграбиша и села, а жену его яша, а самого погрьбоша у святого Гюргя въ манастири; такоже и Водовиковъ дворъ и села, и брата его Михалѣ, и Даньслава, и Борисовъ тысячьскаго, и Творимириць, иныхъ много дворовъ. А Водовикъ, то зло услышавъ, побеже съ Торжъку съ братьею, и Борисъ тысячьскыи и новотържъчи къ Михаилу въ Църниговъ. И даша посадничестве Степану Твърдиславичю, а тысячьское Миките Петрилови-

---

¹ В рукописи пропрокшинъ.

² Буква ш над строкой. В А имѣше.

цю, а добытъкъ Смечовъ и Водовиковъ по стомъ розделиша. Они трудишася¹, събирающе, а си въ трудъ ихъ вънидоша; о таковыхъ бо рече духъ святыи: събираеть, а нѣ вѣсть, кому сбираетъ. А княжицю Ростиславу путь показаша с Торожку къ отцеви въ Църниговъ: «како отецъ твои реклъ былъ вѣсѣсти на коне на воину съ Въздвижения и крестъ цѣловаль, а се уже Микулинъ день, съ нас крестное челование; а ты поиди прочь, а мы собе князя промыслимъ». И послаша по Ярослава на всеи воли новгородьсти; Ярослав же въбързъ приде въ Новъгородъ мѣсяця декабря въ 30, и створи вѣщъ, и цѣлова святую Богородицю на грамотахъ на всѣхъ Ярославлихъ. И съдѣвъ 2 недѣли, иде опять въ Переяслалъ, поя съ собою мужи новгородьскыя моложьшая, а сына своя 2 посади Новъгородъ, Феодора и Ольксандра. Тои же зимъ вѣвъдоша съ Хутина от святого Спаса Арсьнѣя игумена, мужа кротка и смирена, князь Ярослав, владыка Спуридонъ и всѣ Новгородъ, и даша игуменьство у святого Георгия; а Саву лишиша, посадиша и въ келии; и разболеся, лежавъ 6 недѣль, и прѣставися марта въ 15, въ субботу предъ обѣднею, и тако погрѣбень бысть игуменомъ Арсьнѣемъ и всѣю братьею; а даи богъ молитва его святая всѣмъ крестьяномъ и мнѣ грѣшному Тимофею понаманарю: бѣшетъ бо мужъ благъ, кроткъ, съмѣренъ и незлобивъ; покои богъ душу его съ всѣми правдыными въ царствии небеснѣмъ. Мы же на прѣднее възвратимъся, на горкую и бедную память тоя весны. Что бо реши или что глаголати о бывшей на нас от бога казни. Яко инии простая чадъ рѣзяху люди живыя и ядыху, а инии мъртвая мяса и трупиѣ обрѣзающе ядыху, а друзии конину, псину, кошкы: нѣ тѣхъ осочивъше, тако творяху, овѣихъ огньмъ ижгоша, а другихъ оськоша, иныхъ извъшаша; ини же мѣхъ ядыху, ушь, сосну, кору липову и листь, ильмъ, кто что замысля; а инии паки злии чловѣци почаша добрыхъ людѣи домы зажигати, кде чююче рожъ, и тако разграбляху имяне ихъ, въ покаяния мѣсто злое; и горцяиши того быхомъ на зло, а видяще предъ очима нашими гнѣвъ божиѣ: мъртвѣци по улицамъ² и по тѣргу и по мосту по великому отпѣси зедаемы, оже не можаху погрѣбати. И поставиша другую скудельницу на поли, коньць Чюдинъчевъ улицы, и бысть

---

¹ Буква я неясна.

² В рукописи учамъ.

та пълна, в нѣже числа нѣсть; а 3-тѣю поставиша на Колѣни, за святымъ Рожествомъ, и та же бысть пълна, въ неже числа нѣсть. Тоже бы намъ все видяше предъ очима, лучшимъ быти, мы же быхомъ пушцыи: братъ брату¹ не съжальшеться, ни отечъ сынови, ни мати дѣчери, ни сусѣдъ сусѣду не уламляше хлѣба; не бысть милости межи нами, нѣ бѣше туга и печаль, на улици скѣрбь другъ съ другомъ, дома тѣска, зряще дѣтии плачуще хлѣба, а другая умирающа. И купляхомъ по гривнѣ хлѣбъ и поболшю, а ржи 4-ю часть кади купляхомъ по гривнѣ серебра; и даяху отци и матери дѣти свое одѣренъ ис хлѣба гостѣмъ. Се же горе бысть не въ нашей земли въ одинои, нѣ по всей области Русѣи, кромѣ Кыева одиного. И тако ны богъ възда по дѣломъ нашимъ.

Въ лѣто 6739. Загорѣся от Матѣева двора от Вышковицы, и погорѣ весь конѣцъ Славньскыи оли и до конѣца Хѣлма, мимо святого Илию; нѣ ублюде богъ святыхъ церквѣ; нѣ толми бѣше лють пожаръ, яко по водѣ огнь горяше, ходя чрѣсъ Вѣлхово, всѣмъ людѣмъ зрящимъ, и головѣ нѣколико истопѣ въ Волховѣ. Того же лѣта открь богъ милосердіе свое на насъ грѣшныхъ, створи милость свою въскорѣ прибѣгоша Нѣмци и-заморія съ житомъ и мукою, и створиша много добра; а уже бѣше при конци городъ сии. Тои же осени ходи Ярославъ ратию на Цѣрниговскую волость съ новгородци и съ всюю властью своею на Михаила, и пожже Шереньскъ; и стоявъ подѣ Мосальскомъ, и въспятися въспять, истративъ обилия мѣного. Ту же подѣ городомъ застрѣлиша Олдана подвоискаго, и безъ мира отѣидоша. Томъ же лѣтѣ прѣставися Водовикъ Вѣнездъ, посадникъ новгородскыи, въ Цѣрниговѣ.

Въ лѣто 6740. Придоша ис Цѣрнигова Борисъ Негоцевичъ, Михаль съ братомъ, Петре Водовиковичъ, Глѣбъ Сменовъ братъ, Миша, съ князьмъ² Святославомъ опять³ въ Русь, урозумѣвъ, яко си сългаша имъ; они же въгонивше въ Пльсковѣ, яша Вячеслава, и бивѣше его, оковаша и. Въ Новѣ же городѣ бысть мятежъ великъ: не бѣше бо князя Ярослава, нѣ въ Переяслали бѣ тѣгда; и приехавъ князь ис Переславля, изима пльсковичи и посади я на Городищи въ гридници; и посла

---

¹ В рукописи брата брата.

² По сторонам и сверху букв зѣмь начертаны кинovarью три креста.

³ Здесь в Синодальном списке пропуск. В К и быша в Буици, селѣ святого Георгіа, и оттолъ въспятися назадъ князь Святославъ въ Русь.

въ Пльсковъ, рече: «мужа моего пустите, а темъ путь покажите прочь, откуда пришли». Они же сташа за ними крепко, нъ рекоша: «прислите к нимъ жены ихъ и товаръ, тоже мы Вячеслава пустимъ; или вы собъ, а мы себе». И тако быша безъ мира лѣто все; и не пусти князь гости къ нимъ, и купляху соль по 7 гривенъ бърковскъ, и пустиша Вячеслава; князь пусти к нимъ жены Борисовую, Глѣбовую, Мишиную, а мира не взя. Бысть на зиму, придоша пльсковичи, поклонишася князю: «ты наш князь»; и въспросиша у Ярослава сына Федора, и не да имъ сына, и рече: «се даю вы шюринъ свои Гюргя»; и ведоша и, поимше, Пльскову, а Борисове чади показаша путь съ женами. Они же идоша въ Мѣдвѣжю голову. Въ то же лѣто взя Святославъ Смолнскъ на щить съ полочаны на Боришь день, истъ смолняны, а самъ съде на столѣ. Томъ же лѣтъ прѣставися архиепископъ Антонии, октября въ 8. Сии же блаженнии архиепископъ Антонии преже изгнания съде въ епископии лѣтъ 8 по Митрофане, а въ изгнании лѣтъ 6; по сѣмъ приде ис Перемышля в Новъгородъ, и седе лѣта 2, и онѣмъ на святого Ольксия; бысть лѣтъ 6 въ болезни тои и 7 мѣсяць и 9 дний, и тако умре, и положиша и у святѣи Софії въ притворе, при князи Ярославе Всеволодицѣ, при архиепископѣ Спуридонѣ.

Въ лѣто 6741. Изгониша Изборскъ Борисова чадъ съ князьмъ Ярославомъ Володимирицемъ и съ Нѣмци. Пльсковичи же, оступивше Изборскъ, измаша и кнѣзя, и Нѣмцинь убиша Данилу, а ини побегоша; и даша я великому Ярославу; князь же, исковавъ, поточи я въ Переяславъ. Томъ же лѣтъ прѣставися князь Феодоръ, сынъ Ярославъ вячѣшии, июня въ 10, и положенъ бысть въ монастыри святого Георгия, и еще младъ. И кто не пожалуетъ сего: сватба пристроена, меды изварены, невеста приведена, князи позвани; и бысть въ веселия мѣсто плачь и сътование за грѣхы наша. Нѣ, господи, слава тебе, цесарю небесный, извольшу ти тако, нѣ покой его съ всеми правдыными. Въ то же лѣто заложена бысть церкы на воротѣхъ от Неревскаго конца святѣи Феодоръ. Томъ же лѣтъ прѣставися блаженнии митрополить всѣя Руси Киевскыи, именемъ Кюрилъ, родомъ Грыцинъ бѣ, приведенъ бысть из Никѣя. Въ то же лѣто изгониша Нѣмци Кюрила Синкиница въ Тѣсвѣ, и ведоша и въ Мѣдвѣжю голову; и съде окованъ от госпожкина дни до великаго говѣния, князю Ярославу не сущю Новъгородъ, нѣ въ Переяславъ

отшълъ бѣ. И пришѣдъ князь, выправи божиею помощю святѣя Софія; а пѣлкъ своя¹ приведе в Новѣгородъ множество, хотя ити на нѣ.

Въ лѣто 6742. Иде князь Ярослав съ новгородци и съ всюю областью и с полкъ своими на Нѣмци подѣ Гюргевѣ; и ста князь, не дошедъ града, съ пѣлкъ, и пусти люди своя въ зажитие воевать; Нѣмци же из града высушася, а инии из Медвѣже головы на сторожи, и бишася с ними и до пѣлку. И поможе богъ князю Ярославу съ новгородѣци и биша я и до рѣкы, и ту паде лучшихъ Нѣмѣцъ нѣколико; и яко быша на рѣче на Омовыжи Нѣмѣци, и ту обломишася истопѣ ихъ много, а ини язвѣни въбегоша въ Гюргевѣ, а друзии въ Медвѣжю голову; и много попустошиша земле ихъ и обилие потратиша. И поклонишася Нѣмѣци князю, Ярослав же взя с ними миръ на всеи правды своеи; и възвратишася новгородци сдрави вси, а низовѣчъ нѣколико паде.² Того же лѣта съгорѣ церкви от грома святого Луки въ Людинѣ конци июня въ 10, съ вечера. Томъ же лѣтѣ изгониша Литва Русь оли до тѣргу, и сташа рушанѣ, и засада: огнишанѣ и гридба, и кто купѣцъ и гости, и выгнаша я ис посада опять, быюшеся на поли³; и ту убиша нѣколико Литвы, а рушанѣ 4 мужа: попа Петрилу, 2 Павла Обрадиця, а ина два мужа; а манастирь святого Спаса весь пограбиша, и церковь полупиша всю, и иконы и прѣстолѣ, и цѣренци 4 убиша, и отступиша на Клинь. Тѣгда же вѣсть приде в Новѣгородъ къ кнѣзю Ярославу; князь же съ новгородѣци, вѣседавъше въ насады, а инии на конихъ, поидоша по нихъ по Ловоти; и яко быша у Моравиинѣ, и вѣспятишася лодѣиници оттоле въ городѣ, и князь я отпусти: недостало бо у нихъ бѣше хлѣба; а самъ поиде съ конѣники по нихъ. И постиже я на Дубровнѣ, на селищи въ Торопѣчской волости, и ту ся би съ безбожными оканѣною Литвою; и ту пособи богъ и крестѣ честѣнии и святая Софія, прѣмудрость божия, надѣ поганѣми князю Ярославу съ новгородци: и отѣяша у нихъ конѣ 300 и съ товаромъ ихъ, а сами побѣгоша на лесѣ, пометавѣше оружия, и щиты, и сови, и все от себе; а инии ту костью падоша. А новгородѣцъ ту

---

¹ Последние три буквы восстанавливаются предположительно.

² Правый край листа полукругом вырезан до того, как был написан текст (край шкуры).

³ Буква и неясна.

убиша 10 мужъ¹: Феда Якуновича тысячьского, Гаврила щитника, Нѣгутина на Лубяници, Нѣжилу серебреника, Гостилца на Кузмадемьяни улици, Федора Ума князь дѣцкой, другое городишанинъ, и инѣхъ 3 мужи; а покои господи душа ихъ въ царствии небеснѣхъ, пролившихъ крѣви своя за свя-тую Софью и за кровь христьянскую.

В лѣто 6743. Не хотя исперва оканьнии, всепагубнии дьяволъ роду человеческому добра, въздвиже крамолу межи русьскими князи, да быша челоуѣци не жили мирно: о томъ бо ся злыи радуеть кровопролитию крестьянскую. Поиде князь Володимиръ Рюриковичъ съ кыяны и Данило Романовичъ с галичаны на Михаила Всеволодича Черного къ Чернигову, а Изяславъ бѣжа в Половци; и много воева около Чернигова, и посадъ пожже, а Михаиле выступи ис Чернигова; и много пустошивъ около Чернигова, поиде опять; и Михаиле створивъ прелестъ на Даниль и много би галичанъ и бещисла, Данило же едва уиде; а Володимиръ пришедъ опять, съде в Києвъ. И не ту бы того до сыти зла, но приде Изяславъ с погаными Половци в силъ тяжцъ и Михаиле с черниговци подъ Києвъ, и взяша Києвъ; а Володимира и княгыню его имше Половци, поведоша в землю свою и много зла створиша кыяномъ; а Михаиле съде в Галичи, а Изяславъ в Києвъ; и опять пустиша Володимира Половци на искупъ и жену его; и на Нѣмцихъ имаша искупъ князи.

В лѣто 6744. Поиде князь Ярославъ изъ Новагорода Киеву на столъ, поимя съ собою новгородци вятшихъ: Судимира въ Славнѣ, Якима Влунковича, Косту Вячеславича, а новоторжець 100 муж; а в Новѣгородъ посади сына своего Олександра. И, пришедъ, съде в Києвъ на столъ; и державъ новгородцевъ и новоторжцевъ одну недѣлю и одаривъ я, отпусти проче; и придоша здрави вси. Том же лѣтъ пришедше безбожнии Татарове, плѣниша всю землю Болгарьскую, и градъ ихъ Великыи взяша, и иськоша вся и жены и дѣти.

В лѣто 6745. Бысть знамение въ солнци мѣсяца августа въ 3 день, на память святыхъ отецъ Далмата, Фауста, Исакия, въ уденье; бысть таково знамение: тма бысть въ солнци съ запада, акы мѣсяць бысть въ 5 ночки, а съ востока светло, и опять со востока тма бысть такоже, акы мѣсяць 5 ночки, а с запада

---

¹ *От слов 10 мужъ текст писан другим (третьим) почерком и другими чернилами.*

светло, и тако исполнися опятъ. Того же лѣта придоша в силѣ велицѣ Нѣмци изъ заморія в Ригу, и ту совкупившеся вси, и рижане и вся Чюдская земля, и плсковичи от себе послаша помощь мужъ 200, идоша на безбожную Литву; и тако, грѣхъ ради нашихъ, безбожными погаными побѣжени быша, придоша кождо десятии въ дома своя. Того же лѣта приде митрополитъ Гръчинъ изъ Никѣя въ Киевъ, именем Есифъ.

В лѣто 6746. Створи монастырь у святого Павла Семеновая Борисовича. В то лѣто придоша иноплемѣнники, глаголемии Татарове, на землю Рязанскую, множество бещисла, акы пружи; и первое пришедше и стаха о Нузль, и взяша ю, и стаха станомъ ту. И оттолъ послаша послы своя, жену чародѣицу и два мужа с нею, къ княземъ рязанскимъ, просяче у нихъ десятины во всемъ: и в людехъ, и въ князехъ, и въ конихъ, во всякомъ десятое. Князи же Рязанстии Гюрги, Инъгворовъ братъ, Олегъ, Романъ Инъгоровичъ, и Муромьскы и Проньскыи, не въпустяче къ градомъ, выѣхаша противу имъ на Воронажъ. И рекоша имъ князи: «олна насъ всѣхъ не будетъ, тоже все то ваше будетъ». И оттолъ пустиша ихъ къ Юрью въ Володимиръ, и оттолъ пустиша о Нухль Татары въ Воронажи. Послаша же рязанстии князи къ Юрью Володимирьскому, просяче помочи, или самому поити. Юрьи же самъ не поиде, ни послуша князии рязаньскихъ молбы, но самъ хотъ особъ брань створити. Но уже бѣаше божию гнѣву не противитися, яко речено бысть дръвле Иусу Наугину богомъ; егда веде я на землю обѣтованую, тогда рече: азъ послю на ня преже васъ недоумение, и грозу, и страхъ, и трепеть. Также и преже сихъ отъя господь у насъ силу, а недоумение, и грозу, и страхъ, и трепеть вложи в насъ за грѣхы наша. Тогда же иноплемѣнники погании оступиша Рязань и острогомъ оградisha и; князь же Рязаньскыи Юрьи затворися въ градъ с людьми; князь же Романъ Инъгоровичъ ста битися противу ихъ съ своими людьми. Князь же Юрьи Володимирьскыи тогда посла Еремѣя въ сторожихъ воеводою, и сняся с Романомъ; и оступиша ихъ Татарове у Коломны, и бишася крепко, и прогониша ихъ к надолобомъ¹, и ту убиша князя Романа и Еремѣя, и много паде ту съ княземъ и съ

---

¹ На нижнем поле листа другим почерком и чернилами помощи.

Еремѣемъ. Москвичи же ничегоже¹ не видѣвше. Татарове же взяша градъ мѣсяца декабря въ 21, а приступили въ 16 того же мѣсяца. Также избиша князя и княгиню, и мужи и жены и дѣти, чернѣца и черноризицы, иерѣя, овы огнемъ, а инѣхъ мечемъ, поругание черницамъ и попадаемъ и добрымъ женамъ и дѣвицамъ предъ матерями и сестрами; а епископа ублюде богъ: отъѣха проче во тѣ годъ, егда рать оступи градъ. И кто, братѣе, о семъ не поплачется, кто ся насъ осталъ живыхъ, како они нужную и горкую смерть подъяша. Да и мы то видѣвше, устрашилися быхомъ и грѣховъ своихъ плакалися съ въздыханиемъ день и ночь; мы же въздыхаемъ день и ночь, пекущеся о имении и о ненависти братѣи. Но на предлагающая възвратимся. Тогда же Рязанъ безбожнымъ и поганымъ Татаромъ вземшемъ, поидоша къ Володимири множество кровопролитецъ крестьянскихъ крѣви. Князь же Юрьи выступи изъ Володимира и бѣжа на Ярославль, а въ Володимири затворися сынъ его Всеволодъ съ матерью и съ владыкою и со всею областью своею. Безаконный же Измаилѣти приближася къ граду, и оступиша градъ силою, и отыниша тыномъ всѣ. И бысть на заутрѣе, увидѣ князь Всеволодъ и владыка Митрофанъ, яко уже взяту быти граду, внидоша въ церковь святую Богородицу, и истригошася вси въ образъ, таже въ скиму, отъ владыки Митрофана, князь и княгини, дѣти и сноха, и добрии мужи и жены. И яко уже безаконный приближася, поставивше пороки, взяша градъ и запалиша и огнемъ, в пятъкъ преже мясопустныхъ недѣли. И увидѣвше князь и владыка и княгини, яко зажженъ бысть градъ, а людѣе уже огнемъ кончаваются, а инии мечемъ, вбѣгоша въ святую Богородицу и затворишася в полатѣ. Погании же, отбивше двѣри, зажгоша церковь, наволочивше лѣса, и издвужиша вся: ти тако скончашася, предавъше душа своя господави; инии же погнашася по Юрьи князи на Ярославль. Князь же Юрьи посла Дорожа въ просоки въ 3-хъ 1000-хъ; и прибѣжа Дорожъ, и рече: «а уже, княже, обишли насъ около». И нача князь полкъ ставити около себе, и се внезапу Татарове приспѣша; князь же не успѣвъ ничтоже, побѣже; и бы на рѣцѣ

---

¹ Между словами москвичи же и ничегоже оставлено чистое место, около половины строки, причем лист протерт; возможно, первоначально было написано какое-то слово и выскоблено. В КАТ после москвичи же написано побѣгоша.

Сити, и постигоша и, и животь свои сконча ту. Богъ же въсть, како скончася: много бо глаголють о немъ инии. Ростовъ же и Суждаль разидеся розно. Оканьнии же они оттоль пришедше, взяша Москву, Переяславль, Юрьевъ, Дмитровъ, Волокъ, Тфъръ; ту же и сынъ Ярославль убиша. Оттоль же придоша безаконьнии, и оступиша Торжекъ на сборъ чистовъ недѣли, и отыниша тыномъ весь около, якоже инии гради имаху; и бишася ту оканнии пороки по двѣ недѣли, и изнемогашася людье въ градъ, а из Новагорода имъ не бы помочи, но уже кто же собъ сталъ бѣ в недоумении и страсъ; и тако погании взяша градъ, и исъкоша вся¹ от мужьска полу и до женьска, иеръиский чинъ весь и черноризьскыи, а все изъобнажено и поругано, горкою и бедною смертию предаша душа своя господави, мѣсяца марта въ 5, на память святого мученика Никона, въ среду средохрестъную. Туже убьени быша Иванко, посадникъ новоторжьскыи, Якимъ Влоуеньковичъ, Глѣбъ Борисовичъ, Михаило Моисиевичъ. Тогда же ганяшася оканьнии безбожници от Торжку Серегърьскымъ путемъ оли и до Игнача² креста, а все люди съкуше акы траву, за 100 верстъ до Новагорода. Новъгородъ же заступи богъ и святая великая и зборная апостольская церкы святая Софья и святыи Кюрилъ и святыхъ правовѣрныхъ архиепископъ молитва и благовѣрныхъ князии и преподобныхъ черноризецъ иеръискаго сбора. Да кто, братье и отци и дѣти, видѣвше божие попущение се на всеи Русьской земли³. Грѣхъ же ради нашихъ попусти богъ поганыхъ на ны. Наводить богъ, по гнѣву своему, иноплемьеники на землю, и тако съкрушеномъ имъ въспоманутся къ богу. Усобная же рать бываетъ от сважения дьяволя: богъ бо не хочетъ зла въ чловѣцѣхъ, но блага; а дьяволъ радуется злomu убииству и кровопролитию. Земли же сгрѣшивши которой, любо казнить богъ смертию или гладомъ или наведениемъ поганыхъ или ведромъ или дъждемъ силнымъ или казнми инѣми, аще ли покаемся и в немъ же ны богъ велить жити, глаголетъ бо к намъ пророкомъ: обратитесь ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, постомъ и плачемъ, да еще сие створимъ, всѣхъ грѣхъ прощени будемъ. Но мы

---

¹ В рукописи вся вся.

² Справа в листе небольшая трещина, существовавшая до того, как был написан текст, и следы подшивки.

³ Здесь пропуск; в Софийской 1-й летописи и не плачется.

на злая възрашаемъ, акы свинья валяющесе в калъ грѣхонѣмъ присно, и тако пребываемъ; да сего ради казни приемлемъ всякыя от бога, и нахождение ратныхъ; по божию повелению, грѣхъ ради нашихъ казнъ приемлемъ.

В лѣто 6747. Оженися князь Олександръ, сынъ Ярославль в Новѣгородѣ, поя в Полотѣськѣ у Брячѣслава дочь, и вѣнчася в Торопчи; ту кашю чини, а в Новѣгородѣ другую. Того же лѣта князь Александръ с новгородци сруби городци по Шелонѣ.

В лѣто 6748. Придоша Свѣи в силѣ велицѣ, и Мурмане, и Сумь; и Тѣмъ в кораблехъ множество много зѣло; Свѣи съ княземъ и съ пискупы своими; и стаха в Невѣ устьѣ Ижеры, хотяче восприяти Ладогу, просто же реку и Новѣгород и всю область Новгородскую. Но еще преблагыи, премилостивыи челоуколюбецъ богъ ублюде ны и заштити от иноплеменикъ, яко всеу трудишася без божия повеления: приде бо вѣсть в Новѣгородѣ, яко Свѣи идуть къ Ладозѣ. Князь же Олександръ не умедли ни мало с новгородци и с ладожаны приде на ня, и победи я силою святыя Софѣя и молитвами владычица нашея богородица и приснодѣвица Марія, мѣсяца июля въ 15, на память святого Кюрика и Улиты, в недѣлю на Сборъ святыхъ отецъ 630, иже в Халкидонѣ; и ту бысть велика съча Свѣемъ. И ту убиенъ бысть воевода ихъ, именемъ Спиридонъ; а инии творяху, яко и пискупъ убьенъ бысть ту же; и множество много ихъ паде; и накладше корабля два вятшихъ мужъ, преже себе пустиша и к морю; а прокъ ихъ, ископавше яму, вметаша в ню бещисла; а инии мнози язвѣни быша; и в ту ношъ, не дождавше свѣта понедѣльника, посрамлени отъидоша. Новгородець же ту паде: Костянтинъ Луготиниць, Гюрята Пинешиниць, Намѣсть, Дрочило Нездыловъ сынъ кожевника, а всѣхъ 20 мужъ с ладожаны, или мене¹, богъ вѣсть. Князь же Олександръ съ новгородци и с ладожаны придоша вси здрави въ своя си, сохранени богомъ и святою Софѣею и молитвами всѣхъ святыхъ. Того же лѣта взяша Нѣмци, медвѣжане, юрьевци, вельядци с княземъ Ярославомъ Володимиричемъ Изборьско. И приде вѣсть въ Пльсковъ, яко взяша Нѣмци Изборьскъ; и выидоша пльсковичи вси, и бишася с ними, и побѣдиша я Нѣмци. Ту же убиша Гаврила Горислалича воеводу; а пльсковичъ гоняче, много побиша, а инѣхъ

---

¹ В КТ менши.

руками изымаша. И пригонивше подъ городъ, и зажгоша посадъ весь; и много зла бысть: и погорѣша церкви и честныя иконы и книги и еуангелія¹; и много сель попустиша около Пльскова. И стояша подъ городомъ неделю, но города не взяша; но дѣти поимаша у добрыхъ мужъ в тали, и отыдиоша проче; и тако быша безъ мира: бяху бо перевѣть держаче с Нѣмци пльсковичи, и подѣвели ихъ Твердило Иванковичъ съ инѣми, и самъ поча владѣти Пльсковомъ с Нѣмци, воюя села новгородская; а инии пльсковичи вбѣжаша в Новѣгородъ с женами и с дѣтьми. В то же лѣто, тои же зимы выиде князь Олександръ из Новагорода къ отцю в Переяславль съ матерью и с женою и со всѣмъ дворомъ своимъ, распрѣвсь с новгородци. Тои же зимы придоша Нѣмци на Водь с Чюдью, и повоеваша и дань на нихъ възложиша, а городъ учиниша в Копорьи погостъ. И не то бысть зло, но и Тесовъ взяша, и за 30 верстъ до Новагорода гаяшася, гостъ биюче; а сѣмо Лугу и до Сабля. Новгородци же послаша къ Ярославу по князя, и дасть имъ сына своего Андрѣя. Тогда же сдумавше новгородци, послаша владыку с мужи опять по Олександра; а на волость Новгородскую наидоша Литва, Нѣмци, Чюдь, и поимаша по Лугъ вси кони и скоть, и нелзъ бяше орати по селомъ и нѣчимъ, олна вда Ярославъ сына своего Александра опять.

В лѣто 6749. Приде Олександръ князь в Новѣгородъ, и ради быша новгородци. Того же лѣта поиде князь Олександръ на Нѣмци на городъ Копорью, с новгородци и с ладожаны и с Корѣлою и съ Ижеряны, и взя городъ, а Нѣмци приведе в Новѣгородъ, а инѣхъ пусти по своей воли; а Вожанъ и Чюдцю перевѣтники извѣша.

В лѣто 6750. Поиде князь Олександръ с новгородци и с братомъ Андрѣемъ и с низовци на Чюдскую землю на Нѣмци и зая вси пути и до Пльскова; и изгони князь Пльсковъ, изыма Нѣмци и Чюдь, и сковавъ поточи в Новѣгородъ, а самъ поиде на Чюдь. И яко быша на земли, пусти полкъ весь в зажития; а Домашъ Твердиславичъ и Кербетъ быша в розгонѣ, и усрѣтоша я Нѣмци и Чюдь у моста, и бишася ту; и убиша ту Домаша, брата посаднича, мужа честна, и инѣхъ с нимъ избиша, а инѣхъ руками изымаша, а инии къ князю прибѣгоша в полкъ; князь же въспятися на озеро, Нѣмци же

---

¹ Буква у переделана из какой-то другой буквы.

и Чюдь поидоша по нихъ. Узрѣвъ же князь Олександръ и новгородци, поставиша полкъ на Чюдьскомъ озеръ¹, на Узмени, у Воронья камени; и наѣхаша на полкъ Нѣмци и Чюдь прошибошася свиньею сквозъ полкъ, и бысть съча ту велика Нѣмцемъ и Чюди. Богъ же и святая Софья и святою мученику Бориса и Глѣба, еюже ради новгородци кровь свою прольяша, тѣхъ святыхъ великими молитвами пособи богъ князю Александру; а Нѣмци ту падоша, а Чюдь даша плеща; и, гоняче, биша ихъ на 7-ми верстѣ по леду до Суболичьскаго берега; и паде Чюди бещисла, а Нѣмецъ 400, а 50 руками яша и приведоша в Новѣгородъ. А бишася мѣсяца априля въ 5, на память святого мученика Клавдия, на похвалу святыхъ Богородица, в субботу. Того же лѣта Нѣмци прислаша с поклономъ: «безъ князя что есмы зашли Водъ, Лугу, Пльскову Лотыголу мечемъ, того ся всего отступаемъ; а что есмы изымали мужии вашихъ, а тѣми ся розмѣнимъ: мы ваши пустимъ, а вы наши пустите»; и таль пльсковскую пустиша и умиришася. Того же лѣта князь Ярославъ Всеволодичъ позванъ цесаремъ татарскимъ Батыемъ, иде к нему въ Орду.

В лѣто 6751. Преставися рабъ божии Варламъ, а мирьскы Вячеславъ Прокшиничъ, на Хутинъ у святого Спаса², мѣсяца мая въ 4; а погребенъ бысть заутра, въ 5, на память святыхъ Ирины, архиепископомъ Спиридономъ и игуменомъ Сидоромъ, при князи Александрѣ. Того же мѣсяца въ 18, на память святого мученика Александра, явися знаменье въ Пльсковѣ у святого Иоана в монастыри, от иконы святого Спаса надъ гробомъ княгыниномъ Ярославлѣ Володимирича, юже уби свои пасынокъ в Медвѣжи головѣ: иде мюро от иконы по 12 днии, наиде 4 вощаницы яко въ стѣкланицю; и привезоша в Новѣгородъ двѣ на благословение, а въ Пльсковѣ оставиша двѣ собѣ. Но, господи, слава тобѣ, давыи намъ недостойнымъ и грѣшнымъ рабомъ своимъ таково благословение; на тя уповаемъ, господи вседержателю, яко призираеши на нас убогихъ своею многою милостью, челоувѣколюбче. Того же лѣта, мѣсяца августа въ 16 преставися рабъ божии Стефанъ, посадникъ новгородьскыи, Твердиславичъ, внукъ

---

¹ Внизу на полях другим почерком и чернилами богъ намъ п.

² После слова Спаса было что-то написано теми же чернилами и крестом зачеркнуто другими чернилами.

Михалковъ, в недѣлю, въ 1 час ночи на память святою Павла и Ульяны, въ притворъ святыя Софѣя, идеже Аркадии и Мартурии архиепископа лежита; посадничавъ 13 лѣтъ безъ 3 мѣсяць.

В лѣто 6752. Преставися княгыни Ярославля, постригшися у святого Георгия в монастыри; ту же и положена бысть, сторонъ сына своего Федора, мѣсяца маия въ 4, на память святыя Ирины; наречено бысть имя еи Ефросинья.

В лѣто 6753. Воеваша Литва около Торжку и Бѣжици; и гнашася по нихъ новоторжди съ княземъ Ярославомъ Володимиричемъ и бишася с ними; и отѣяша у новоторжцевъ кони, и самѣхъ биша, и поидоша с полономъ проче. Погониша по нихъ Явидъ и Ербетъ со тѣричи и дмитровци, и Ярославъ с новоторжци; и биша я подѣ Торопчемъ, и княжици ихъ вѣбѣгоша в Торопечь. Заутра приспѣ Александръ с новгородци, и отѣяша полонъ всѣ, а княжицѣ исъче или боле 8. И оттолѣ новгородца вѣспятиша; а князь погонися по нихъ съ своимъ дворомъ, и би я подѣ Зиждьемъ, и не упусти ихъ ни мужа, и ту изби избытокъ княжичѣ; а самъ поима сына своего из Витебска, поѣха в малѣ дружинѣ, и срѣте иную рать у Вѣсвѣта; и ту ему богъ поможе, и тѣхъ изби, а самъ приде сдравъ и дружина его.

В лѣто 6754. Поѣха князь Олександръ в Татары.

В лѣто 6755. Преставися рабъ божии Костянтинъ Вячеслаличъ, а чернечское имя Анкюдинъ; и положенъ бысть честно у девятого Спаса на Хутинѣ...

---

4. Галицко-Волынская летопись по Ипатьевскому списку (1201–1292 гг. с сокращениями)

Галицко-Волынской летописью называется последняя часть Ипатьевской летописи (с 1200 г. по 1292 г.). Известна в нескольких списках, самыми важными являются: Ипатьевский (БАН, 16.4.4. I четв. XV в.) и Хлебниковский (РНБ, F, IV. 230. XVI в.). Публикация осуществляется по изданию: Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981.

В лѣто 6709 начало княжения великаго князя Романа, како *державего* бывша всей Руской земли князя галичкого.

По смерти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержьца всея Руси...

Одолѣвша всимъ поганьскимъ языкомъ ума мудростью, ходяша по заповѣдемъ божимъ: устремил бо ся бяше на поганья, яко и левъ, сердить же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодилъ; и прехоужаше землю ихъ, яко и орелъ, храборъ бо бѣ, яко и туръ. Ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганья измаилтяны, рекомыя половци, изгнавшю Отрока во обезы, за Желѣзныя врата, Сърчанови же оставшю у Дону, рыбою ожившю. Тогда Володимеръ и Мономахъ пилъ золотомъ шоломомъ Донъ, и приемшю землю ихъ всю и загнавшю оканьныя агаряны. По смерти же Володимеръ оставшю у Сыръчана единому гудцю же Ореви, посла и во обезы, река: «Володимеръ умерлъ есть. А воротися, брате, поиди в землю свою. Молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни половѣцкия. Оже ти не восхочеть, дай ему поухати зелья, именемъ евшанъ». Оному же не восхотѣвшю обратитися, ни послушати, и дасть ему зелье. Оному же обухавшю, и восплакавшю, рче: «Да лучше есть на своей землѣ костью лечи, и не ли на чюже славну быти». И приде во свою землю. От него родившюся Кончаку, иже снесе Сулу пѣшь ходя, котель нося на плечеву.

Роману же князю ревновавшю за то, и тщашеся погубити иноплеменьники.

... велику мятежю воставшю в землѣ Руской, оставивши-ма же ся двоима сынома его: единъ 4 лѣтъ, а другии дву лѣтъ.

Въ лѣто 6710. Собравшю же Рурику половци и руси много, и приде на Галичъ, оставивъ мниский чинъ, бѣ бо приялъ боязни ради Романовы. И пришедшю ему на Галичъ, и срѣтоша и бояре галичкыи, и володимерьстии, у Микулина на рѣцѣ Сереть, и бившимася има всѣ днь о рѣку Сереть, и мнози язвени быша, и не стерпѣвше, и възвратишася в Галичъ. И пришедшю же Рюрику в Галичъ, и не успѣвши ничтоже.

За то бѣ по смерти Романовъ снимался король со ятровью своею во Саноцѣ. Приялъ бо бѣ Данила, како милога сына своего, оставил бо бѣ у него засаду: Мокъя великаго слепоокого, и Корочюна, Вѣлпта, и сына его Витомира, и Благиню, иныи угры многи. И за то не смѣша галичанъ ничтоже створити, бѣ бо инѣхъ много угоръ.

Тогда же два князя половецкая Сутоерича Котянь и Со-могурь поткоста на пьшыць, и убьена быста коня под ними, и за мало ихъ не яша.

Рюрикъ же воротися Кыеву.

Малу же времени минувшую, и приведоша Кормиличича, иже бе загналъ великый князь Романъ не въры ради: славяху бо Иго-ревича. Послушав же ихъ галичкыи бояре, и послаша по нихъ, и посадиша и: в Галичъ Володимера, а Романа во Звенигородъ.

Княгини же Романова, взявше дѣтять свои, и бѣжа в Володимеръ. И еще же хотящу Володимеру искоренити пле-мя Романове, поспѣвающимъ же безбожнымъ галичаномъ. Посла же Володимеръ со свѣтомъ галичкихъ бояръ, на рѣчь е попомъ, к Володимерцемъ, реки имъ: «Не имать остатися градъ вашъ, аще ми не выдаете Романовичю, аще не при-имете брата моего Святослава княжити в Володимеръ». Во-лодимерцемъ же хотящимъ убити попа, Мстьбогъ и Мон-чюкъ и Микифоръ и рѣша: «Не подобаеть намъ убити посла». Имѣяху бо лествъ во сердца своемъ, яко предати господу свою и градъ. Спасенъ же ими бысть попъ.

Наутрѣ же увѣдавши княгини, и свѣтъ створи с Миросла-вомъ и с дядькомъ, и на ночь бѣжаша в Ляхы. Данила ж возмѣ дядька передъ ся изииде изъ града. Василка же Юрьи попъ с кормилицею возмѣ, изииде дырею градною, не въдыху бо, камо бѣжаше, бѣ бо Романъ убьенъ на ляхохъ, а Лестько мира не створилъ. Богу же бывшу поспѣшнику: Лестко не помяну враж-ды, но с великою честию прия ятровъ свою и дѣтять, сожаливъ си и рече, яко: «Дьяволъ есть воверглъ вражду межи нами». Бѣ бо Володиславъ лествя межи има и зазоръ имѣя любви его.

Въ лѣто 6711. Данило посла Лестько во Угры и с нимъ послалъ посолъ свои Вячеслава Лысого, реки королеви: «Язъ не помянухъ свады Романовы. Тобѣ бо другъ бѣ. Клялася бо бѣста, яко оставшую в животь племени его, любовь имѣти. Нынѣ же изгнание бысть на них. Нынѣ же идемъ, и вземша предаемъ имъ отчѣство ихъ». Король же си словеса приимъ, сжалиси о бывшемъ, остави же Данила у себе, а Лестько княгиню и Василка у себе.

Володимеръ же многи дары посла королеви и Лестькови.

По сем же долгу времени минувшую, мятежъ бысть межи братома и Володимеромъ и Романомъ. Роман же ѣха во Угры и бися с братомъ и победи въза Галичъ, а Володимеръ бѣжа во Путивль.

Въ лѣто 6712. Возведе Олександръ Лестька и Коньдрата. Придоша ляховъ на Володимеръ. И отвориша имъ врата володимерци, рекуще: «Се сыновець Романови». Ляховъ поплъниша городъ весь. Олександру молящюся Лестькови о останцѣ града и о церкви святѣи Богородици. Твердымъ же бывшимъ дверемъ, не могоша исъчи, донележе Лестько приѣха и Коньдрать, и возбиста ляхы своя ти. Тако спасена бысть церкви, и останокъ людии. И жаляхуся володимерци, емше имъ вѣры и присязь ихъ: «Аще не былъ бы сродникъ ихъ с ними Олександръ, то не перешли быша ни *Буга*».

Святослава же яша и ведоша и в Ляхы. Олександръ же съде в Володимеръ. Тогда же яша Володимера Пиньскаго. Бѣ бо Инъгваръ с ляхы и Мьстиславъ. Потомъ же съде Инъгваръ в Володимеръ. Поя у него Лестько дщерь и пусти, иде же ко Орельску.

И приѣха берестьяне ко Лестькови и просиша Романови княгини и дѣтии, бѣаста бо млада суци. И вдасть имъ, да владѣть ими. Они же с великою радостью срътоша и, яко великаго Романа *жива* видящи.

Потомъ же Олександръ живяше въ Бѣлзѣ, а Инъгваръ в Володимеръ, бояромъ же не любящимъ Инъгвара. Олександръ же свѣтомъ Лестьковымъ прия Володимеръ. Княгини же Романовая посла Мирослава ко Лестькови глаголющи, яко: «Сии всю землю нашу и отчину держить, а сынъ мой во единомъ Берестѣи». Олександръ прия Угровескъ, Верещинъ, Столпъ, Комовъ и да Василкови Белзъ.

Въ лѣто 6713. Олександру съдящю в Володимеръ, а брату его Всеволоду в Червнѣ, литва же и ятвѣзь воеваху, и повоеваша же Турискъ и около Комова, оли и до Червена, и бишася у воротъ Червенескихъ, и застава бѣ Уханяхъ. Тогда же убиша Матѣя, Любова зятя, и Доброгостя, выехавша у сторожа. Бѣда бо бѣ в землѣ Володимерьстѣи от воеванья литовьскаго и ятвяжьскаго. Мы же на преднее возвратимся, случившихся в Галичѣ.

Андрѣй же и король увѣдивъ безаконье галичкое и мятежъ, и посла Бенедикта со воими, и я Романа в бани мыющася и посла и во Угры.

Бѣ бо Тимофѣй в Галичѣ премудръ книжникъ, отчество имѣя во градъ Киевъ. Притчею рече слово о семь томители Бѣнедиктѣ, яко: «В последняя времена трема имени наречется антихристъ». Бѣгаше бо Тимофей от лица его. Бѣ бо

томитель бояромъ и гражаномъ. И блудъ творя и оскверняху жены же и черници и попадьи. В правду бѣ антихристъ за скверная дѣла его.

Въ лѣто 6714. Приведоша же галичане Мьстислава на Бенедикта. И прииде к Галичю, и не успѣвшю ему ничто же. Щепановичъ Илия возведъ и на галицину могилу, ослабився, рече ему: «Княже, уже еси на галицини могиль посѣдѣлъ, тако и в Галичъ княжилъ еси». Смѣяху бо ся ему, воротися в Пересопницю. И по семь скажемъ о галицинъ могылъ, и о начатѣи Галича, откуду ся почаль.

Роман же утече изъ Угоръ. И послаша галичанъ ко брату его Володимеру глаголюще: «Сгрѣшихомъ к вамъ. Избави ны томителя сего Бенедикта». Они же поидоша ратью, а Бенедиктъ бѣжа во Угры. Седе же Володимеръ в Галичъ, а Романъ во Звенигородъ, а Святославъ в Перемышли, а сыну своему да Теробовль Изяславу, а Всеволода сына своего посла во Угры ко королеви с дары.

Данилови сущю во Угрѣхъ, король же Андрѣи и бояръ угорьстѣи и вся земля хотяше дати дщерь свою за князя Данила, обѣима дѣтскома бывшими, зане сына у него не бѣ.

В лѣто 6715. Убьенъ бысть царь великый Филипъ Римскыи совѣтомъ брата королевое. Моляшеся сестрѣ, да бы ему нашла помощника. Она же никако могущи помощи брату своему си, и да дщерь свою за лонокрабовича за Лудовика. Бѣ бо мужъ силенъ и помощникъ брату ее. Юже нынѣ святу нарѣчают именемъ Алъжбѣить, преднее бо имя ей Кинека, много бо послужи богови по мужи своемъ, и святу нарѣчаютъ. Но мы на преднее возвратимся, якоже преже почали быхомъ.

Въ лѣто 6716. Съвѣтъ же створиша Игоревичи на бояре галичкыи, да избьютъ. И по прилучаю избьени быша, и убьенъ же бысть Юрьи Витановичъ, Илия Щепановичъ, инии велиции бояре. Убьено же бысть ихъ числомъ 500, а инии разбѣгошася.

Володиславъ же Кормиличичъ бѣжа во Угры, и Судиславъ, и Филипъ. Наидоша Данила во Угорьской землѣ дѣтска суша и просиша у короля угорьского: «Дай намъ отчича Галичю Данила, атъ с нимъ приимемъ и от Игоричевъ». Король же с великою любовью посла *воевъ* в силѣ тяжцѣ, и великого дворьского Пота, поручивъ ему воеводство надо всими воими. Имена же бывши воеводамъ с нимъ:

первый Петръ Туровичъ, второй Банко, трети Мика Братый, четвертый Лотохаротъ, пятый Мокъянъ, шестый Тибрець, седмы Мароцель, и инии мнозии, ихже не мощно сказати и ни писати.

И совокупившеся вси. Первое придоша на град Перемышль. И пришедши же Володиславу ко граду и рече имъ: «Братье, почто смышляетесь? Не сии ли избиша отци ваши и братью вашу? А инѣи имѣние ваше разграбиша, и дщери ваша даша за рабы ваша! А отчъствию вашими владѣша инии пришелицы! То за тѣхъ ли хотите душу свою положить?». Они же сжалившись о бывшихъ, предаша градъ и князя ихъ Святослава яша.

Оттуду же придоша ко Звенигороду. Звенигородцемъ же лютъ борющимся имъ с ними и не пушающимъ ко граду, ни ко острожнымъ вратомъ, онем же стоящимъ окрестъ града.

Василку же княжашю во Белзѣ, и придоша же от него великий Вячеславъ Толъстый и Мирославъ и Дъмьянъ и Воротиславъ, инии бояре мнозъ и вои от Белза, а от Лестка из Ляховъ Судиславъ Бернатовичъ со многими поляны, и от Пересопничи приде Мъстиславъ Немый со многими вои, Олександръ с братомъ от Володимеря со многими воими. Инъгваръ же посла сына своего из Лучька, из Дорогобужа со многими вои и Шюмьска.

И приѣхаша же и половци Романови на помощь, Изяславъ с ними Володимеричъ. Угром же не побѣдившимъ во емъ, и гнаша со становъ своихъ. Мика же убоденъ и Тѣбаша и главу ему стялъ. Половци же узрѣвшимъ е крѣпци налегоса на ня. Онем же ѣдущимъ напред ними к Лютой рѣцѣ, оже быша не приѣхалъ ляховъ и русь. И сошедше одва препровадиша рѣку Лютую, половцемъ стрѣляющимъ и руси противу имъ. Ту же Марцель хоругве своее отбѣже, и русь взять ю, и поругъ великъ бысть Марцелови. И возвратишася во колымагы свои, и рекше во станы.

Оттуду же Романъ изииде из града, помощи ища в рускыхъ князехъ. И бывшую ему Шумьскы на Мосцѣ, ятъ бысть Зернькомъ и Чюхомою и приведенъ бысть во станъ ко князю Даниловы и ко всимъ княземъ и к воеводамъ угорскимъ. И послаша ко гражаномъ рекуще: «Предайтеся, князь вашъ ятъ бысть». Онѣмо же не имущимъ въры, донележе извѣсто бысть имъ, и предашася звенигородьци.

Оттуду же поидоша к Галичю И Володимеръ бѣжа из Галича и сынъ его Изяславъ, и гнаша и до Нѣзды. Изяслав же бися *на мѣстѣ* Нѣзды рѣкы, и отъяша от него коня сумныя, потом же возвратишася в Галичъ.

Тогда же приѣха княгини великая Романовая видить сына своего присного Данила. Тогда же бояре володимѣрьстии и галичкыи и Вячеславъ Володимѣрьскый и вси бояре володимѣрьстии и галичкыи и воеводы угорьскыя и посадиша князя Данила на столъ отца своего великаго князя Романа во церкви святѣя Богородица приснодѣвица Марья.

Король же Андрѣи не забы любви своея первыя, иже имѣяше ко брату си великому князю Романови, но посла воя своя и посади сына своего в Галичи. Ятым же бывшим княземъ Роману, Святославу, Ростиславу, угромъ же хотящемъ е вести королеви. Галичаномъ же молящимся имъ, да быша и повѣсили мѣсти ради. Убѣжени же бывше угре великими даръми, предани быша на повѣшение месяца сентября.

Данилу же княжашю в Галичи, тако младу сушу, яко и материи своей не позна. Минувшю же времени галичанъ же выгнаша Данилову мать изъ Галича. Даниль же не хотѣ оставити матери своей и плакашеся по ней, младъ сый. И приѣхавъ Олександръ, тивунъ Шюмавиньскый, и я и за поводъ. Онъ же измокъ мечъ, тя его, и потя конь его подь нимъ. Мати же взявши мечъ из руку, умоливше его, остави в Галичи, а сама иде в Белзъ, оставивши и у невѣрных галичанъ, Володиславимъ свѣтомъ хотяща бо княжити сама. Увѣдавъ король о изгнаньи ея, съжалиси.

Въ лѣто 6717. Приде король в Галичъ и приводе ятровъ свою великую княгиню Романовую и бояре Володимѣрьскыи, и Инѣгваръ приде из Лучска, инии князи. Свѣтъ створи со ятровью своею и с бояры володимѣрьскыми, рече: «Володиславъ княжится, а ятровъ мою выгналъ». Яту же бывшую Володиславу и Судиславу и Филипу и мучену бывшую. И много имения давъ, Судиславъ же во злато пременися, рекше, много злата давъ избавися. Володислава же оковавше, ведоша и во Угры. Володиславу же ведену бывшую во Угры, Яволоду и Ярополку, брату его, бежавшую в Пересопъницу ко Мѣстиславу, возведшемъ Мѣстислава. И приде Мѣстиславъ с ними ко Бозьку. Глѣбъ же Потковичъ избѣже изъ Бозьку. И Станиславичъ Иванко и братъ его Збыславъ приѣгоша в Галичъ, повѣдающе рать и оступление галичанъ. Княгини же

Романовая сыномъ своимъ Даниломъ и с Вячеславомъ Толъстымъ бѣжавша во угры, а Василко с Мирославомъ ехаша во Белзъ. Времени же минувшую, король спѣшетъ рать велику.

Въ лѣто 6718. Приде Лестько к Белзу, убѣженъ Александромъ, Олександръ же не прияше, хотя зла Романовичемъ. И прия Белзъ, и да Олександрови, а бояре не изневьришася, но идоша вси со княземъ Василкомъ в Каменьць.

Король же пусти Володислава, и собра много вои и иде на Галичь. Ставше же во монастырь Лелесовъ, невѣрнии же бояръ хотѣша его убити.

И убиша же жену его, а шюринъ его одва утече, патрархъ Авлѣскый, и мнозии нѣмци избити быша. И потомъ королеви обратившюся, мнозъ избити быша, а другия разбѣгошася. Мятѣжу же бывшую, королеви не могшю вѣины учинити за безаконие ихъ.

Володиславу же ѣхавшю на передъ со всѣми галичаны. Мьстиславъ убо увѣдавъ королеву рать великую, избѣжа из Галича. Володиславъ же воѣха в Галичь и вокняжися и сѣде на столѣ.

Даниль же отъиде с матерью своею в Ляхи, отпросився от короля. Лестько же прия Данила с великою честью. И оттуда же иде в Каменьць с матерью си, братъ же его Василко и бояре вси срьтоша и с великою радостью.

В лѣто 6719. Княжаше Всеволодъ в Києвъ Святославичъ, имѣя велику любовь к дѣтемъ Романовое.

Потомъ же Мьстиславъ Пересопницкый, посадивъ Лестька, поиде в Галичь. Лестько же поя Данила ис Каменца, а Олександра из Володимера, а Всеволода из Белза, кождо ихъ со своими вои. Бѣ бо вои Даниловъ болши и крѣплѣйши, бяху бояре велиции отца его вси у него. Видивъ бо Лестько се, и поча имѣти любовь велику ко князю Данилу и брату его Василку.

Затворившю же ся Ярополку и Яволоду в Галичи, а Володиславъ выеде съ угры и чехы своими, и собравъ с галичаны, и приде на рѣку Бобрѣку. Увѣдавъ Лестько и посла на него ляхы, а от Данила же — Мирослава и Дѣмьяна, а от Мьстислава — Глѣбъ Зеремѣвичъ и Прокопѣичъ Юрья.

Бывши же съчи велицъ, и одолѣша ляховъ и русь. Данилу же тогда дѣтску сущю, якоже можаше на конѣ ѣздити. А Володиславъ бѣжа мнозии избити от вои его. И по-

том же Лестько не можаше прияти Галича, но шедъ воева около Теребовля и около Моклекова и Збыража. И Быковень взять бысть ляхи и русью. И взя плънь великъ и воротися в Ляхы.

Потом же Данило и Василко Лестьковою помощью при-
яста Тихомль и Перемиль от Олександра и княжаста с мате-
рью в немь. А на Володимерь зряща: «Се ли, ово ли, Володи-
мерь будетъ наю, божиею помощью», на Володимерь призи-
рающа.

Потом же король поиде на Лестька, Данилови же у Лест-
ка-сущю. Лестько же посла посла своего Лъсьтича и Пакосла-
ва воеводу, рекый: «Не есть льпо боярину княжити в Га-
личичи, но поими дщерь мою за сына своего Коломана и по-
сади и в Галичи». Улюби же король Андрый свѣто съ Пакославль
и сняся съ Лестькомъ во Зъпиши, и поя дщерь его за сына си.
И пославъ и я Володислава в Галичи, заточи и; и в томъ
заточеньи умре: нашедъ зло племени своему и детемъ своимъ
княжения дѣля. Вси бо князи не призряху дѣтии его того
ради.

Король посади сына своего в Галичи, а Лестькови да Пере-
мышль, а Пакославу Любачевъ. Пакославъ бо бѣ приятель и
Романовой и детемъ ея. Свѣтом же Пакославлимъ Лестько по-
сла ко Александрови, рекый: «Дай Володимерь Романовиче-
ма, Данилови да Василькови. Не даси ли, иду на тя и с Ро-
мановичема». Оному же не давшю, Лестько же посади Рома-
новича в Володимери.

Въ лѣто 6720. Король отъя Перемышль от Лестька Люба-
чевъ. Лестько же сжалиси о срамотѣ своей и посла к Новуго-
роду по Мъстислава и реки: «Брать ми еси. Поиди и сяди в
Галичъ». Мъстислав же поиде на Галичъ со свѣтомъ Лестько-
вымъ. Галичани же вси и Судиславъ послашася по Данила.
Данил же не утяже ѣхати, а Бенедиктъ Лысы бѣжа во угры со
Судиславомъ, а Мстиславъ седе в Галичи.

Въ лѣто 6721. Поя у него Данилъ дщерь именемъ Анну и
родишася от нея сынови и дщери. Первѣнъць бо бѣ у него
Ираклий, по нем же Левъ и по немъ Романъ, Мистиславъ,
Шеварно и инии, бо млади отъидоша свѣта сего.

Времени же минувшю еха Данилъ ко Мъстиславу в Га-
лич, реки на Лестька, яко: «Отчину мою держить». Оному
же въщавшю: «Сыну, за первую любовь не могу на нь воста-
ти; а налъзи собѣ други».

Данилу же возвратившуся к домови, и ѡха с братомъ, и прия Берестий, и Угровескъ, и Верещинъ, и Столпъ, Кормовъ, и всю украину.

Лестько же великъ гнѣвъ имѣя на Данилу. Въснѣ же бывши, и ѡхаша ляховъ воевать, и воеваша по Бугу. И посла по нихъ Даниль Гаврила Душиловича и Семена Олуевича, Василка Гавриловича, и биша и до Сухое Дорогве, и колодники изымаша, и возвратишася в Володимеръ с великою славою.

Тогда же Климъ убьенъ бысть Хрѣстиничъ, един от всихъ его воинъ, его же крестъ и доныне стоитъ на Сухой Дорогви.

Ляхы же многи избиша и гнаша по нихъ до рѣкы Вепря.

Льстькови же творящи, Мьстиславимъ свѣтомъ Даниль приялъ естъ Берестии, Лестько же посла ко королеви: «Не хочу части в Галичи, но дай его зяти моему». Король же посла вои многи и Лестко, и придоша к Перемышлю. *Яронови* же тогда тысящю держащю в Перемышли, избѣже передъ ними.

Мьстиславъ бо бѣ со всеми князьями рускими и Черниговьскими. И посла Дмитра, Мирослава, Михалка Глебовича противу им к Городку. Городокъ бо бѣ отложился; бяхуть в немъ людѣ Судиславли. И Дмитрови бьющися подъ городомъ, придоша на нь угре и ляхове, и побѣже Дмитръ. Тогда же и Василь дѣякъ, рекомый Молза, застрѣленъ бысть подъ городомъ. Михалка же Скулу убиша, согонивше на Ширѣцъ, а главу его сосѣкоша, трои чепи сняше золоты и принесоша главу его ко Коломанови.

Мьстиславу же стоящу на Зубрьи. Дмитръ прибѣже к нему. Мьстиславу же не могшу биться съ угры и просяще зятя своего Данила и Олександра, да быста затвориласта в Галичѣ. Обѣщася ему Даниль и Лександръ ити в Галичѣ. Даниль же затворися в Галичѣ, а Олександру не смѣвъшю.

Тогда же великая княгини Романовая восприимши мниский чинъ.

Потом же приде рать подъ городъ, Каломан и ляховъ. И многу бою бывшю на Кровавомъ броду, и паде на ня снѣгъ, не могоша стояти, идоша за Рогожину, идоша на Мьстислава и прогнаша и земли.

Мьстиславу же повѣдавшю Данилови: «Изииди из града». Даниль же изииде с Дмитромъ тысячьким и с Гльбомъ Зеремьевичемъ и со Мирославомъ. Изиидоша из града и быша противу Толмачю, угони и неверный Витовичъ Володиславъ. Наворотившеся на нь, и прогнаша и, и коня от него отѣяша.

Даниль бо младъ бѣ, и видѣвъ Глѣба Зеремиевича и Семьюна Кодьниньского мужескы въздѣша, и приѣха к нима, укрепляя и. И инии же устрѣмилися *бяхуть* на бѣгъ.

Того же дни бишася весь днь олнѣ до нощи. Тое же нощи увернушася Даниль и Глѣбъ Зеремѣвичъ, яста Яньца, младъ сы показа мужество свое. И всю нощь бистася. Наутрѣ же угони и Глѣбъ Василевичъ. Уверьнувшѣ же ся Даниль на нѣ, и гна и дале поприща. Оному же утекиши пред нимъ, борзости ради коньское. Данилови же возвратившюся, и единому едушю межи ими, онем же не смѣющимъ наѣхати на нѣ, донележе възѣха к нему Глѣбъ Судиловичъ, и Гаврило Ивовичъ, и Перенѣжко.

Оттуду проидоша в Онутъ и идоша в поле. Бывшю же гладу велику. Поидоша вози и къ Плаву на канун святаго Дмитрѣя. Возмше возы накормишася изобилно и похвалиша бога и святаго Дмитрѣя, яко накорми я. Оттуду же придоша ниже Кучелемина, мысляще, кудѣ преити рѣку Днѣстръ. Божию же милостию придоша лодѣя из Олешѣя, и приѣхаша в нихъ на Днѣстръ, и насытишася рыбѣ и вина.

Оттуду же приѣха Даниль ко Мѣстиславу. Мѣстиславъ же великую похвалу створи Данилови и *дары* ему дасть великыи и конь свой борзый сивый, и рече ему: «Поиди, княже, в Володимѣрь, а я поиду в половци, мѣстивъ сорома своего». Данилови же приехавшю в Володимѣрь.

Въ лѣто 6722. Бысть тишина.

Въ лѣто 6723. Божиимъ повелениемъ прислаша князи Литовскыи к великой княгини Романовѣ и Данилови и Василкови, мир *дающе*. Быху же имена литовскихъ князей се: старейшей Живинъбудъ, Давѣять, Довѣспрункъ, брат его Мидогъ, братъ Довѣяловъ Виликаиль. А жемотьскыи князи: Ерьдивиль, Выкынтъ, а Рушьковичевъ — Кинтибутъ, Вонибутъ, Бутовить, Вижъикъ, и сынъ его Вишлий, Китений, Пликосова, а се Булевичи — Вишимут его же уби Миндого тѣ, и жену его поялъ, и братью его побилъ, Едивила, Спрудъика. А се князи из Дяволтвы: Юдьки, Пукъикъ, Бикши, Ликиикъ. Си же вси миръ даша князю Данилови и Василку, и бѣ земля покойна. Ляхом же не престающимъ пакостящимъ, и приводе на нѣ литву, и воеваша ляхы, и много убиства створиша в нихъ.

Въ лѣто 6724. Не бысть ничто же.

...Въ лѣто 6741. Королевич же и Судиславъ выведе Дьяниша на Данила. Даниль же ѣха Кыеву и приведе половцъ и Изяслава противу имъ, и со Изяславом водися у божницю и со Володимеромъ. Придоста противу Данишу. Изяславъ же лѣсть створи и вѣлъ воевали землю Данилову, и взяша Тихомль, и возвратишася, оставышуся Володимеру с Даниломъ и Котяневи одному. О лѣсть зла есть, якоже Омиръ пишеть, — до *обличеня сладка*, обличѣна же зла есть. Кто в нѣй ходить. конѣць золь прииметь. О злѣе зла зло есть!

Оттуда же идоша ко Перемилю. Андрѣй королевичъ, Дьянишь и угре бишася о мость со Володимѣромъ и Даниломъ, и отбивышися имъ. Угре же воротишася к Галичю и пороки пометаша. Володимѣръ же и Даниль поидоста по нихъ. Василко же и Олександръ приде ко брату. И сняшася в Бужьска. Володимеръ же и Котянь, Изяславъ воротншася.

Въ лѣто 6742. *Отступи* Глѣбъ Зеремѣвичъ от королевича к Данилови.

Даниль же и Василко и однако идоша к Галичю, стрѣтоша и болшаа половина Галича: Доброславъ и Глѣбъ, инии бояре мнози, и пришедъ ста на березѣ Днестра. И прия землю Галичьскую и розда города бояромъ и воеводамъ. И бѣаше корма у нихъ много. Королевичъ же и Дьянишь и Судиславъ изнемогаху гладомъ в градѣ. Стояше же 9 недѣль воюя, жда леду, дондеже перешли на нѣ. Судиславъ же лѣстью посла ко Александрови, река: «Дамъ тобѣ Галичъ, поиди от брата». Он же поиде прочъ. Галичани же думаху яти, галичани же выѣхаша по Даниль.

Малу же времени минувшую, королевичъ умре. Послаша галичанъ по Данила Чермьного Семейюнка, а Судиславъ иде Угры.

Всѣнь же бывши, Олександръ убоявоя злаго своего створения, поиде ко тѣсту своему Кыевъ. Даниль же увѣдавъ изиде на нѣ из Галича, угони и во Полономъ, и яша и в лузѣ Хоморьскомъ. Данилови же не спавышу три дни и 3 ноши, такоже и воемъ его.

Будущю же Володимеру Кыевъ, присла сына своего Ростислава в Галичъ, и прия с нимъ братство и любовь велику, Михайлови же Изяславу одинако не престающа на нѣ враждою. Оставиль у него Глѣба Зеремѣича и Мирослава, инии бояре многы. Посла же Володимеръ рекий: «Помози ми, брате!» Даниль же вѣлѣю любовью скоро собравъ полкы поиде.

Михаиль же не стерпѣвъ отъиде отъ Кыева. Даниль же поиде ко Володимеру, и поидоста Чернигову. И приде к нима Мьстиславъ Глѣбовичъ. Оттуда же поидоша плѣнячи землю, поимаша грады многы по Деснѣ, ту же взяша и Хороборъ, и Сосницю, и Сновескъ, иныи грады многии, и придоша же опять Чернигову. Створиша же миръ со Володимеромъ и Даниломъ Мьстиславъ и черниговъчи. Люто бо бѣ бой у Чернигова, оже и таранъ на нь поставиша, меташа бо каменемъ полтора перестрѣла, а камень, якоже можаху 4 мужи силнии подъяти. Оттуда с миромъ преидоша Кыеву.

Изяславъ же одинако не престааше, возвелъ бѣ полвцъ на Киевъ.

Даниль бо и вои его бѣ иструдилася. Поплѣнилъ бо бѣ всѣ Черниговскыи страны, воевалъ бо бѣ отъ Крещения до Вознесения, створи миръ, воротися Кыеву.

Половцемъ же пришедшимъ Кыеву и плѣнящимъ землю Рускую. Даниль бо бѣ изнемогъся. Даниль же хотяше изиити домови лесною страною, Володимеру же просящу, Мирославу же помогающе ему: «Изиидемъ на поганыи половцѣ!» Срѣтоша же половцѣ у Звенигорода. Володимеру же хотящу возвратитися, и Мирославу глаголюще на возвращение, Данилови же рекшу: «Не подобаетъ воину, устремившуся на брань — или победу прияти, или пастися отъ ратныхъ. Азъ бо възбраняхъ вамъ. Ныне же вижу, яко страшливу душу имате. Азъ вамъ не рѣхъ ли, яко не подобитъ изиити труднымъ во емъ противу цѣлымъ? Ныне же почто смущаетеся? Изидите противу иимъ».

Срѣтѣвшимъ же ся воемъ многимъ половецкимъ у Торчскаго, бысть съча люта. Данилови же гоняшу по половцехъ, донележе конь его застрѣленъ бысть гнѣдый. Преже бо инии половци наворотилъ на бѣгъ. Даниль же, видѣвъ бежащй конь свой стрѣлянь, наворотися на бѣгъ. Володимеру же *ятому* бывшу в Торцкомъ, и Мирославу, свѣтомъ безбожнаго Григоря Василевича и Молибогичевъ, инѣмъ бояремъ многимъ ятымъ бывшимъ.

Данилу же прибѣгшу къ Галичю, Василкови же бывшу в Галичи с полкомъ, и сретѣ брата си. Борисъ же Межибожскый свѣтомъ Доброславylimъ и Збыславylimъ посла къ Данилови, рекый: «Изяславъ и половци идуть къ Володимеру». Лестъ бо бѣ се. Даниль же посла ко брату си: «Стерези Володимера». Узрѣвше же бояре Галичстии Василка отшедша с по-

лономъ, воздвигоша крамолу. Судиславу же Ильючу рекшу: «Княже, лъстивъ глаголѣ имеютъ галичане, не погуби се, поиди прочь!» Данилови увѣдавшу крамолу ихъ, изииде Угры.

Зимѣ же приспѣвши, иде Василко Галичю, поима ляхы. Даниль же в то время приде ко брату си изо Угорѣ. И воиваша, не дошедше Галича, воротися домовъ.

Ве лето 6743. Придоша Галичане на Каменецъ и вси Болоховьскіи князи с ними, и повоеваша по Хомору, и поидоша ко Каменцю, взявши полонѣ великъ, поидоша. В то же время послалѣ бѣше Володимиръ Данилови помощь Торцькыи Данила Нажировича. Данилови же бояре выехавши ис Каменца, снемьшеся со *торки* и постигоша ѣ. И побѣжени быша невѣрнии галичане. И вси князи Болоховьскіи изоимани быша, и приведоша е Володимѣръ ко князю Данилови.

Лѣту же наставшу, нача посылати Михаилъ и Изяславъ, грозяча: «Дай нашу братью, или придемъ на тя войною». Данилови же молящюся богу, святому архиерѣю Николѣ, иже казачюдо свое. Возвелѣ бо бѣшетъ на Данила Михаилъ и Изяславъ ляхъ и русь и половець множество. Кондратови же ставшу, кде нынѣ град Холмъ стоитъ, пославшю ему ко Червѣну воевать. Василковичемъ же срѣтившимъ е и бившимъся с ними, поимаща Лядскіе бояре, приведоша е *перед* Данила во Городокъ.

Михайлови же стоящу на Подъгораи, хотящю снятися с Кондратомъ и ожидающю половець со Изяславомъ. Половци же придоша в землю Галичскую, не восхотѣша ити на Данила, взявшю всю землю Галичскую, возвратишася. То слышавъ, Михаилъ возвратися в Галичъ, а Кондратъ побѣже доляховъ чересъ ночь и топился бѣшетъ от вои его во Вепрю множество.

Лету же наставшу, собравъшася, идоста на Галичъ на Михаила и Ростислава. Затворила бо ся бѣяста во градѣ. И угорѣ множество бѣшетъ у него. И возвративъшися воеваста около Звенигорода, города же хотяща и не возяста, бѣ бо святаа Богородица в немъ, чудная икона.

Тое же осени умиристася.

Веснѣ же бывши, поидоста на ятвезъ, и приидоста Берестью, рѣкамъ наводнившимся и не возмогоста ити на ятвезъ.

Данилови рекъшу: «Не лѣпо естъ держати наше отчины крижевникомъ Тепличемъ, рекомымъ Соломоничемъ». И поидоста на нѣ в силѣ тяжецѣ. Приаства градъ мѣсяца марта, старейшину ихъ Бруна яша, и *вои* изоимаша и возвратися Володимѣръ.

Данилови же в томъ же лѣтъ пошедъшу на Михаила на Галичъ. Онем же мира просящимъ, даша ему Перемышль. По томъ же лѣтъ Даниль же возведе на Кондрата литву Миньдога, Изяслава Новгородского.

Даниль же в то время шель бѣше со братомъ своимъ Угры ко королеви, бѣ бо звалъ его на честь.

В то время пошелъ бѣше Фридрихъ царь на гърцика войною, и восхотѣста ити Даниль со братомъ Василкомъ гърцикови во помощь. Королеви же возбранившу има, возвратистася во землю свою.

И потомъ приде Ярославъ Суждальскый и взя Киевъ подъ Володимеромъ, не мога его держати, иде паки Суждалю. И взя подъ нимъ Михаилъ, а Ростислава, сына своего, остави в Галичи. И отгяша от Данила Перемышль. Бывшую же межю ими овогда миру, овогда рати.

И шедъшу же Ростиславу во поле, богу же поспѣвшу, приде вѣсть Данилу, во Холмъ будущю ему, яко Ростиславъ сошелъ есть на литву со всеми бояры и снужники. Сему же прилучившуся, изииде Даниль со воии со Холма и бывшую ему третій день у Галичи. Любяхуть же и гражане. Подъехавшу же ему подъ городъ и рече имъ: «О мужи градьстии, доколь хотите терпѣти иноплемьныхъ князий державу?» Они же воскликнувшѣ рѣша, яко: «Се есть держатель нашъ богомъ данный!», и пустишася, яко дѣти ко отцю, яко пчелы к матцѣ, яко жажющи воды ко источнику. Пискупу же Артѣмью и дворьскому Григорью возбраняющу ему, узрѣвшима же има, яко не можета удеръжати града, яко малодушна блюдящася о преданьи града, изиидоста слезнами очима и ослабленомъ лицемъ, и лижюща уста своя, яко не имѣюща власти княженья своего, рѣста же с нужею: «Прииди, княже Данило, приими градъ!» Данило же вниде во градъ свой и прииде ко пречистѣ святѣй Богородици, и прия столъ отца своего, и обличи побѣду, и постави на нѣмѣчьскихъ вратѣхъ хоруговъ свою.

Наутрѣ же приде к нему вѣсть, яко Ростиславъ пошелъ бѣ к Галичю, слышавъ же приятѣ градское, бѣжа во Угры путемъ, им же идяше на Борьсуков Дѣль, и прииде к Бани, рекомѣй Родна, и оттуда иде Угры.

Бояре же пришедше падше на ногу его просяще милости, яко: «Согрѣшихом ти, иного князя державомъ». Онъ же отвѣщавъ рче имъ: «Милость получите, паки же сего не створисте, да не во горышая впадете».

Данилови же увѣдавшу входъ ихъ, посла на нѣ вое свое, и гнаша по нихъ до Горы и возвратишася.

Побоище Батыево

Въ лѣто 6745. Придоша безбожнии измаилтянъ, преже бившеся со князя рускими на Калкохъ.

Бысть первое приходъ ихъ на землю Рязанскую и взяша град Рязанъ копьемъ, изведше на лъсти князя Юрья, и ведоша Прыньску, бѣ бо в то время княгини его Прыньскы. Изведоша княгиню его на лъсти, убиша князя Юрья и княгини его, и всю землю избиша и не пощадыша отрочать до сущихъ млека. Кюръ Михайловичъ же утече со своими людьми до Суждаля и поведи великому князю Юрьеву безбожныхъ *агарянъ* приходъ, нашествие.

То слышавъ великий князь Юрьи посла сына своего Всеволода со всеми людьми и с нимъ кюръ Михайловичъ. Батыеви же устремлешюся на землю Суждальскую, и срѣте и Всеволодъ на Колоднѣ, и бившимся имъ и падшимъ многимъ от нихъ от обоихъ. Побѣжену бывшу Всеволоду, исповѣда отцю бывшую брань устремленныхъ на землю и грады его. Юрьи же князь, оставивъ сынъ свой во Володимеръ и княгиню, изииде изъ града, и совокупляющу ему около себе вои, и не имѣющу сторожи, изѣхаша бысть незаконнымъ Бурондаема, всѣ городъ изогна и самого князя Юрья убиша. Батыеви же стоящу у града, борющуся крѣпко о градъ, молвящимъ имъ лъстью гражаномъ: «Гдѣ суть князи Рязаньстии, вашъ град, и князь вашъ великий Юрьи? Не рука ли наша емиши и смерти преда и?»

Услышавъ о семъ преподобный Митрофанъ епископъ начать глаголати со слезами ко всимъ: «Чада, не убоимся о прельщеньи от нечестивыхъ и ни примемъ си во умъ тленьнаго сего и скоро минующаго житья, но ономъ не скоро минующемъ житьи попечемъся, еже со ангелы житье. Аще и градъ нашъ пленьше копиемъ возмутъ и смерти ны предасть, азъ о томъ, чада, поручьникъ есмь, яко вънца нетлѣньнаа от Христа бога примете». О семъ же словеси слышавше, вси начаша крѣпко боротися. Тотаромъ же пороки градъ быющемъ, стрелами бежисла стрѣляющимъ. Се увидѣвъ князь Все-

володь, яко крѣпчѣ брань належить, убояся, бѣ бо и самъ младъ, самъ изъ града изииде с маломъ дружины и несы со собою дары многии, надѣяше бо ся от него животь прияти. Онъ же, яко свѣрпый звѣрь, не пощади унести его, вель предъ собою зарѣзати, и градъ весь избѣе. Епископу же преподобному во церковь убѣгшу со княгинею и с дѣтми и повѣль нечестивый огньмъ зажещи, ти тако душа своя предаша в руцѣ богу.

Град ему избившу Володимѣрь, поплѣни грады Суждальские и приде ко граду Козельску. Будущу в немъ князю младу именемъ Василью. Увѣдавши же нечестивии, яко умъ крѣпкодушный имѣють людѣе во градъ, словесы лестными не возможно бѣ града прияти. Козлянъ жѣ свѣтъ створше не вдатися Батыю, рекше яко: «Аще князь нашъ младъ есть, но положимъ животь свой за нь, и сде славу сего свѣта приимше, и тамъ небесныя вѣнца от Христа бога приимемъ». Тотаром же бѣущимся о град, прияти хотящимъ град, разбившимъ граду стѣну, и возиидоша на валъ татаре. Козляне же ножи рѣзахуся с ними. Свѣтъ же створиша изиити на полкы тотарьскыя, и исшедше изъ града, иськоша праща ихъ, нападше на полкы ихъ, и убиша от татаръ 4 тысящи, и самъ же избѣени быша. Батый же взя городъ, избѣи вси, и не пощади от отрочать до сосущихъ млеко. О князи Васильи неведомо есть, и инии глаголаху, яко во крови утонулъ есть, понеже убо младъ бѣше есть. Оттуду же во татарѣхъ не смѣють его нареци град Козлескъ, но град злый, понеже бишася по семь недель. Убиша бо от татаръ сыны темничѣ три. Татарѣ же искавше и не могоша ихъ изнайти во множество трупъ мертвыхъ.

Батыеви же возьмшю Козлескъ, и поиде в землю *Половецкую*. Оттуда же почѣ посылати на грады Русьскыя и взять град Переяславль копьемъ, избѣи весь, и церковь архангела Михаила скруши, и сосуды церковьныя бесчисленныя, златыя и драгаго каменя взять, и епископа преподобнаго Семена убиша.

В то же время посла на Черниговъ, обступѣиша град в силѣ тяжцѣ. Слышавъ же Мѣстиславъ Глѣбовичъ нападение на град иноплемѣнныхъ, приде на ны со всеми вои. Бившимся имъ, побѣженъ бысть Мѣстиславъ, и множество от вои его избѣенымъ бысть, и градъ взяша и запалиша огньмъ. Епископа оставѣиша жива и ведоша и во Глуховъ.

Меньгуканови же пришедшу сглядать града Кыева. Ставшу же ему на оной странъ Днѣпра во градъка Пъсочного, видивъ град, удивися красотъ его и величеству его, присла послы свои к Михаилу и ко гражаномъ, хотя е прельстити, и не послушаша его.

В лѣто 6746. Михаилъ бѣжа по сыну своему передъ татары Угры, а Ростиславъ Мьстиславичъ Смоленского съдъ Кыевъ. Даниль же ѣха на нь, и я его, и остави в немъ Дмитра, и вдасть Кыевъ в руцъ Дмитрови обьдержати противу иноплемьныхъ языкъ, безбожныхъ татаровъ.

... Яко бѣжалъ естъ Михаилъ ис Кыева в Угры, ѣхавъ я княгиню его и бояръ его поима, и город Каменьць взя. Слышавъ же се Даниль посла слы река: «Пусти сестру ко мнѣ, зане яко Михаилъ обьима нама зло мыслить». И Ярославъ услыша словеса Данилова, и бысть тако, и приде к нима сестра, к Данилу и Василку, и держаста ю во велицъ чести.

Король же не вдасть дѣвки своей Ростиславу и погна и прочъ. Идоста Михаилъ и Ростиславъ ко уеви своему в ляхы и ко Кондратови. Присла бо Михаилъ слы Данилу и Василку, река: «Многokrаты согрѣшихо вам и многokrаты пакости творях ти. Что ти обьщахъ и того не створих. Аще коли хотяхъ любовь имѣти с тобою, невѣрнии галичанъ не вдаяхут ми. Нынѣ же клятвою клену ти ся, яко николи же вражды с тобою не имамъ имѣти».

Даниль же и Василко не помянуста зла, выдаста ему сестру и приведоста его из Ляховъ. Даниль же свѣтъ створи собратом си, обьща ему Кыевъ Михайлови, а сынови его Ростиславу вдасть Луческъ. Михаилъ иже за страхъ татарскый не смѣ ити Кыеву. Даниль же и Василко выдаста ему ходити по земль своей, и даста ему пшеницъ много и меду и говяждъ и овцъ доволъ. Михаилъ же увѣдѣвъ приятъе Кыевское и бѣжа со сыномъ своимъ во Ляхы Кондратови. Приблизившимъ же ся татаромъ, то не стерпѣ тутю, иде в землю Воротьславьску и приде ко мѣсту Немьцкому именемъ Середа. Узрѣвши же нѣмци, яко товара много естъ, избиша ему люди, и товара много отъяша и унуку его убиша. Михаилу иже не дошедшю и собравшюся, и бысть в печали величъ: уже бо бяхут татары пришли на бой ко Иньдриховичю. Михаилъ же воротися назадъ опять Кондратови.

Мы же на преднее возвратимся.

Вльто 6747.

Въ льто 6748. Приде Батый Киеву в силъ тяжьць, многомъ множествомъ силы своей, и окружи град, и остолпи сила татарская, и бысть град в обьдержаньи велиць. И бѣ Батый у города и отроци его обсьдяху град. И не бѣ слышати от гласа скрипання тельгъ его, множества ревения вельблудъ его, и рѣжання от гласа стадъ конь его, и бѣ исполнена земля Руская ратныхъ.

Яша же в них татарина именемъ Товрулъ, и тѣ исповѣда имъ всю силу ихъ. Се бяху братья его силнии воеводы: Урдю и Байдаръ, Бирюй, Кайданъ, Бечакъ и Меньгу и Кююкъ, — иже вратися увѣдавъ смерть канову, и бысть каномъ, не от роду же его, но бѣ воевода его перьвый — Себдйя богатуръ и Бурундаяи багатырь, — иже взя Болгарьскую землю и Суждальскую, — инѣхъ бечисла воеводъ, их же не исписахомъ zde.

Постави же Баты пороки городу подълъ вратъ Лядьскыхъ. Ту бо бѣаху пришли дебри. Порокомъ же бес престани бьющимъ день и ночь, выбиша стѣны. И возиидоша горожаны на избыть стѣны, и ту бѣаше видити ломъ копейный, щетъ скѣпанье, стрѣлы омрачиша свѣтъ. Побѣженным и Дмитрови ранену бывшу, взиидоша татаръ на стѣны и съдоша. Того дне и ноши гражданъ же создаша паки другой град около святое Богородиць. Наутрѣя же придоша на нѣ, и бысть брань межи ими велика. Людем же узбѣгшимъ и на церковь и на комаръ церковныя и с товары своими; от тягости повалишася с ними стѣны церковныя. И приять бысть град сице воими. Дмитрѣя же изведоша язвена, и не убиша его мужьства ради его.

В то же время ѡхаль бѣаше Даниль Угры королеви и еще бо бѣашеть не слышалъ приходъ поганыхъ татаръ на Киевъ.

Батыю же вземшю град Киевъ и слышавъшу ему о Даниль, яко Угрѣхъ есть, поиде самъ Володимеру, и приде к городу Колодяжну. И постави порока 12, и не може разбити стѣны, и начатъ перемольвливати люди. Они же, послушавше злого свѣта его, передашася, и сами избити быша. И приде Каменцю, Изяславлю, взять я. Видивъ же Кремянѣць и градъ Даниловъ, яко не возможно прияти ему, и отиде от нихъ. И приде к *Володимеру*, и взя и копьемъ, и изби и не щадя. Тако же и град Галичъ, иньи грады многы, имже нѣсть числа.

Дмитрови же, Киевському тысяцкому Данилову, рекшу Батыєви: «*Не мози стряпати в земль сей долго, время ти есть на угры уже поити. Аще ли встряпаеши, земля ти есть силна. Сберуться на тя и не пустятъ тебе в землю свою*». Про то же рече ему, види бо землю гибнущу Рускую от нечестиваго.

Батый же послуша свѣта Дмитрова, иде Угры. Король жъ Бѣла и Каломанъ срътоша ъ на рѣцъ Солоной. Бившимся имъ полкомъ, бѣжаща угре, и гнаша ъ татары до рѣкъ Дуная. Стояша по побѣдѣ три лѣта.

Преже того ѡхаль бѣ Данило князь ко королеви Угры, хотя имѣти с нимъ любовь сватѣства, и не бы любви межи има. И воротися от короля и приѣха въ Синеволодьско во манастирь святыя Богородица. Наутрея же воставъ видѣ множество бѣжащихъ от безбожныхъ татаръ и воротися назадъ Угры. Не може бо проити Руское земли, зане мало бѣ с нимъ дружины. И оставивъ сына своего Угрѣхъ и вѣдасть и ву руцъ галичаномъ, вѣдаа невѣрствие ихъ, про то его не поя с собою.

Иде изо Угоръ во Ляхы на Бардуевъ и приде во Судомирь. Слыша о братѣ си и о дѣтѣхъ и о *княгини* своей, яко вышли суть из Руское земль в Ляхы предѣ безбожными татары, и потосьнуса взискати ихъ, и обрете ихъ на рѣцъ рекомѣй Полцѣ, и возрадовашася о совокупленьи своемъ, и жалишася о побѣдѣ земль Руское и о *взятыхъ* град от иноплемѣнникъ множества.

Данилови же рекшу, яко: «Не добро намъ стояти сѣде близъ воюющихъ насъ иноплемѣнникомъ!» Иде в землю во Омазовьскую ко Болеславу Кондратову сынови. И вѣдасть ему князь Болеславъ град Вышегородъ. И бысть ту, дондеже вѣсть прия, яко сошли суть и земль Руское безбожнии.

И возвратися в землю свою, и приде ко граду Дорогычину, и восхотѣ внити во град, и вѣстьно бысть ему, яко «Не внидеши во град!» Оному рекшу, яко: «Се былъ град нашъ, и отецъ нашихъ, вы же не изволисте внити вонъ». И отиде мысля си.

Иже богъ послѣже отмѣстье створи держателю града того, и вѣдасть и в руцъ Данилу. И обнови вы и созда церковь прекрасну святое Богородици, и рече: «Се градъ мой, прежде бо прияхъ и копѣемъ».

Данилови же со братомъ пришедшу ко Берестю и не могоста ити в поле смрада ради множества избѣеныхъ. Не бѣ бо на Володимѣрь не осталъ живой, церкви святой Богородици исполнена трупья, иныя церкви наполнены быша трупья и телесъ мертвыхъ.

Потом же Михаилъ иде от уя своего на Володимѣрь сыномъ своим и оттуда иде Пиньску. Ростислав же Володимѣричь приде к Данилу во Холмъ, одержалъ бо бѣаше богъ от безбожных татаръ. Ростислав же показа правду свою, яко не есть во свѣтъ с Михаиломъ. Михаилъ же не показа правды воз добродѣанье Данилу же и Василку, но проиде землю его и и пославъ посла иде, въ Киевъ, и живяше подъ Киевомъ во островъ, а сынъ его иде в Черниговъ Ростиславъ.

Вышедшу же Лвови изъ Угорь с бояры галичкими и приѣха во Водаву ко отцю си, и радъ бысть ему отецъ.

Бояре же галичстии Данила княземъ собѣ называху, а самъ всю землю державу. Доброслав же вокняжилъся бѣ и Судычъ, поповъ внукъ, и грабяше всю землю, и въшед в Бакоту, все Понизье прия, безъ княжа повеления. Григорьи же Васильевичъ собѣ горную страну Перемышльскую мысляше одержати. И бысть мятежъ великъ в землѣ и грабежъ от них. Данилъ же, увѣдавъ, посла Якова, столника своего, с великою жалостью ко Доброславу, глаголя к нимъ: «Князь вашъ азъ есмь. Повеления моего не творите, землю грабите. Черниговскихъ бояр не велѣх ти, Доброславе, приимати, нѣ дати волости галичкимъ. А Коломыйскую соль отлучите на мя». Оному же рекшу: «Да будетъ тако!». В тѣ де часъ, Якову сѣдѣящу у него, придоста Лазоръ Домажирецъ и Иворъ Молибожичъ, два безаконника от племени смердѣя, и поклонистася ему до землѣ. Якову же удивившуся и прашавшу вины, про что поклонистася. Доброславу же рекшу: «Вдахъ има Коломыю». Якову же рекшу ему: «Како можеши бес повеления княжа отдати ю сима! Яко величии князи держать сию Коломыю на роздавание оружьникомъ, си бо еста недостойна ни Вотьнина держати». Он же усмѣявъся рече: «То что могу же глаголати. Яковъ же, приехавъ, вся си сказа князю Данилови. Данилъ же скорбяше и моляшеся богу о отчинѣ своей, яко нечестивымъ симъ держати ю и обладати ею.

И малу же времени минувшу присла Доброславъ на Григоря, река, яко: «Невѣренъ ти естъ». Противляшеся ему, а самъ хотяше всю землю одержати. Свадившеся сами и приѣхавша с великою гордынею. Едучю Доброславу во одной сорочыцѣ, гордящу, ни на землю смотрящу, галичаном же текущимъ у стремени его.

Данилови же видящу и Василкови гордость его, болшую вражду на нь воздвигнуста. Доброславу же и Григорю обоимъ лоящимъ на ся. Слышав же Даниль рѣчи ихъ, яко полны суть лъсти, и не хотятъ по воли его ходити, и власть его иному предати, сомыслив же се братомъ, понужи же, видя безаконие ихъ, и повель его изоимати.

Въ лѣто 6749. Ростиславъ собра князь болоховскыи и останокъ галичанъ, приде ко Бакоть. Курилови же сущю печатнику тогда въ Бакоть, послану Даниломъ княземъ и Василкомъ исписати грабительства нечестивыхъ бояр, утѣшити землю. Бившимъ же ся имъ у вратъ, отступився, хотяше премолвити его словесы многими. Куриль же отвѣща ему: «Се ли твори возмездье уема своимъ воз добродѣанье! Не помниши ли ся, яко король угорьскый изгналь тя бѣ и земль съ отцемъ ти? Како ты восприаста огосподина моя, уя твоя, отча ти во величи чести держаста, и Киевъ обѣчаста тобѣ, Луческъ вдаста, и мать твою и сестру свою изъ Ярославлю руку изьяста и отчѣю ти вдаста». Инеми словесы мудрыми глаголаста ему много. Видѣвъ же, не послуша его, изииде на нь со пѣшцы. Онъ же увѣдѣвъ то, поиде прочь. Онъ же мудростью и крепостью удержъ Бакоту. Ростиславъ же изииде за Днѣпръ.

Слышавъ же Даниль приходъ Ростиславль со князи Болоховскими на Бакоту, абѣ устремися на нь, грады ихъ огневи предасть, и гребля ихъ раскопа. Василько же князь осталъ бѣ стеречи земль от Литвы, послалъ бѣаше вое свое со братомъ. Даниль же возмъа плѣнь много вратися и поима грады ихъ: Деревичъ, Губинъ и Кобудъ, Кудинъ, Городѣцъ, Божьскый, Дядьковъ. Приде же Куриль, печатникъ князя Данила, со треими тысящами пѣшець и трѣими стѣ коньникъ, и водасть имъ взяти Дядьковъ градъ.

Оттуда же плѣнивъ землю Болоховскую и пожегъ. Оставили бо ихъ татарове, да имъ орють пшеницю и проса. Даниль же на нь болшую вражду, яко от тотаръ болшую надежу имѣаху, князь же ихъ изъа от руку Болеславльу, князя Мазовьского. Рекшу Болеславу: «Почто суть вошли во землю мою, яко не влахъ имъ», — рекый: «Не суть вои твои, но суть особнии князи». И хотяше разграбити е. Они же обѣчашася работъ быти. Онемъ же молящимся, Даниль же и Василко за нь хоти с ними брань створити. Василко же ехавъ убѣди и, рекше умоли и, и дасть ему дары многи на избавление ихъ.

Онѣм же одинако не помнящи добродѣянья, богъ возмездье имъ дастъ, яко не оста ничтоже во градъ ихъ, еже бысть не пленено. И приде ко брату си милостью божиею, обличая побѣду.

Ростислав же одинако не престааше о злобѣ своей, но вои собравъ и Володислава неверного, поиде на Галичъ. И пришедъ ко Печерь Домамири, и прельсти е Володиславъ, и вдашася Ростиславу, и оттуда поима, поиде ко Галичю, рекый, яко: «Твой есть Галичъ». А самъ прия тысячу от него. Слышавъ же Даниль и Василко, собравша воя скоро поидоста на нихъ. Онъ же не стерпѣ выбѣже из Галича до Шекотова, и с нимъ бѣжа Артѣмѣй, епископъ галичскый, и инии галичани. Данилови же и Василку, женушу по немъ, вѣсть приде ему, яко татарове вышли суть и земль Угорское, идуть в землю Галичскую, и тою вестью спасесе, и нѣколико от бояръ его ято бысть.

Даниль же, хотя уставити землю, и еха до Бакоты и Калиуса, а Василко еха во Володимѣрь. Даниль же дворечкого посла на Перемышль, на Костянтина Рязаньского, посланого от Ростислава, и владыцъ Перемышльскому, коромолующе с нимъ. И слышавъ Костянтинъ Адрѣа, грядуща на нь, избѣже ношью. Андрѣй же не удоси его, но удоси владыку, и слуги его разъграби гордые, и тулы ихъ бобровые раздра, и прилбичѣ ихъ волчѣе и борьсуковые раздраны быша. Словутного пѣвца Митусу, древле за гордость не восхотѣвша служити князю Данилу, раздраного, *акы* связаного приводоша. Сирѣчь, якоже рече приточникъ: «Буеть дому твоего скрушиться, бобръ и волкъ и язвѣць снѣдаться». Си же притчею речена быша.

Въ лѣто 6750. Не бысть ничтоже.

Въ лѣто 6751. Ростислава розгнаша татарове во Борку, и бѣжа угры, и власть занъ паки король угорскый дочѣрь свою.

Данилу же будушу во Холмъ, прибѣже к нему половчинъ его именемъ Актай, рекый, яко: «Батый воротился есть изо Угоръ, и отрядил есть на тя два богатыря возискати тебе: Манѣмана и Балаа». Даниль же затворивъ Холмъ, еха ко брату си Василкови, поима с собою Курила митрополита. А татарове воеваша до Володавы и по озерамъ много зла створше.

Въ лѣто 6752. Не бысть ничтоже.

... Въ лѣто 6759. Умре князь великий лядскый Кондрать, иже бѣ славенъ и предобръ. Сожалиси по немъ Данило и Василько. Потом же сынъ его умре Болеславъ Мазовешскый

князь, и власть Мазовешь брату своему Сомовитови, послушавъ князя Данила: бѣ бо братучада его за нимъ, дочи Александрова, именемъ Настасья, яже посяже потомъ за боярина угорьского, именемъ Дмитра.

В та же лѣта седе Самовитъ во Мазовши. Посла к нему Данило и Василко, рекша ему, яко: «Добро видилъ еси от наю и изиди с нами на ятвезъ». И у Болеслава помочь пояста Суда воеводу и Сигнѣва, и сняшася во Дорогычинъ, и поидоша, и преидоша болота, и наидоша на страну ихъ.

Не стерпѣвшимъ же ляхомъ, зажгоша ихъ первую всѣ: тѣмъ бо зло створиша и знаменье имъ подаша, гнѣвъ бо имеше на нѣ Данилъ и Василко. И воеваша ѣ до вечера, и плѣнъ великъ приемше. Вечеру же бывшу, приѣхаша злиньци, и собрався вся земля Ятвеская, и прислаша Данилу Небѣста, рекуще: «Оставъ намъ ляхы, а самъ поиди миренъ изъ землѣ нашее». И хотѣния не *получиша*. Ляхомъ же осторожившимся, нападоша ношъ на ляхы. А руси не острожившимся. Ляхомъ же крепко борюще и суличами мечюще и головнями яко молнья идяху, и каменье яко дождь с небеси идяше. Ляхомъ же злѣ стражующимъ, посла Сомовитъ моляся: «Пришлита ми стрѣльцѣ». Она же держаста гнѣвъ про зажъженье первое, одва посласта, занеже острогъ проломити хотяху, из ручь бодяхуся Пришедшимъ же стрѣлчємъ, многи язвиша, и многи умориша стрелами, и возразиша ѣ от острога. Тое же нощи не бысть покоя от нихъ.

Наутрѣя же собращася вси ятвязѣ, пѣшци и снузничии мнози злѣ, яко и лѣсомъ ихъ наполѣлнитися. Воставше же, зажъгоша колимогы своя, рекше станы, во день воскресения, рекше, недѣля. Данилови же князю пошедшу напередъ и отшедшу далече с Болеславли ляхы, Василкови же оставшу со Сомовитомъ. Лазореви же назади бывшу с половци, нападоша на нѣ крепко и хоруговъ его отѣяша. Прибѣгши же ему к Василкови и Сомовитови, бысть брань люта межи има. Падающимъ же от обоихъ много. Василкови же и Сомовитови крѣпко держати брань. Андрѣеви же дворьскому, сердце крепко имущю, нездравие же тѣло его обѣдѣрѣжаше и руцѣ, потокшу же ему во ротныѣ, копие упусти и за мало не убѣенъ бысть.

Посла же Василко ко брату си, глаголя, яко: «Брань си велика естъ. Потѣснися к намъ». Данилови же навратившуся, и гнаша ѣ до лѣса. Онѣмъ же одинако належащимъ на нѣ,

падшимъ же многимъ межи ими. Федоръ Дмитровичъ крѣпко боря раненъ бысть, еже с тоя раны смерть приять на рѣцѣ Нарвѣ. Яшелъту же рекшу: «Лѣпо есть съдѣти намъ! Аще ли жалуете насъ, то преже себе жалуйте, и бещестья своего: нашими бо головами сдержати честь свою». И и бысть тако, каза Даниле сосѣдати воемъ своимъ. Съѣдше же поидоша же и поидоша и умякчиша сердца ятвязьмъ, узрѣвше крепость рускую и лядскую.

Идущимъ же имъ и плѣнящимъ и жгущимъ землю ихъ, прешедшимъ же имъ рѣку Олегъ, хотѣвшимъ имъ стати в тесныхъ мѣстѣхъ, узрѣвъ же князь Даниль, воспивъ и рече имъ: «О мужи воистии! Не вѣсте ли, яко крестьяномъ пространство есть крепость, поганымъ же есть теснота, деряждѣ обычай есть на брань». И проиде жаку плѣняя и прииде на чиста мѣста, сташа станомъ. Ятвяземъ же одинако нападающимъ на нѣ, и гнаша русь и ляхове по них, и мнози князи ятвязьсци избѣбени быша; и гнаша ъ до рѣкы Ольга, и преста брань.

Наутрея же вожемъ не въдушимъ, блудяшимъ я, два варва убѣена быста, третьего жива яша рукама, и приведенъ бысть ко князю Данилови. Рече же ему: «Изведи мя на путь правый, животь примешу». И вдасть ему руку, изведе его, и предоша рѣку Лѣкъ.

Наутрея же пригнавшимъ к нимъ прусомъ и бортомъ. И воемъ же всимъ съѣдшимъ, и оружіемъ пѣшцемъ исо стана, щить же ихъ, яко заря бѣ, шоломъ же ихъ, яко солнцю восходяшу, копиемъ же ихъ дрѣжащимъ в рукахъ, яко трѣсти мнози, стрѣлчемъ же обаполь идущимъ и держащимъ в рукахъ рожанци своѣ и наложившимъ на нѣ стрелы своя противу ратнымъ, Данилови же, на конѣ сѣдѣшу и воѣ рядящу. И рѣша пружи ятвяземъ: «Можете ли древо поддрѣжати древо суличами и на сию рать дерзнути?» Они же видѣвше и возвратишася восвояси.

Оттуда же князь Даниль приде ко Визнь и преиде рѣку Наровъ. И мнози крестьяны от пленения избависта, и пѣснь славу пояху има, богу помогшу има, и придоша со славою на землю свою, наследивши путь отца своего великаго Романа, иже бѣ изоострился на поганяя, яко левъ, имже половци дѣти страшаху.

Въ лѣто 6760. Присла король угорьскы к Данилу, прося его на помощь, бѣ бо имъ рать на бой с нѣмци. Иде ему на помощь и приде къ Пожгу. Пришли бо бяху послѣ нѣмьцкыи

к нему. Бѣ бо царь обьдержаетъ в едень землю Ракушьску и Штирьску, герцюкъ бо уже убьень бысть. Бѣ бо имена по-сламъ: воевода царевъ и пискупъ Жалошьпурьскый, рекомый Сольскый, и Гарихъ Поруньскый, и Отагаре теньникъ, Пѣтовьскый. Възѣха же король с ними противу же Данилу князю. Данила же приде к нему, исполни вся люди своѣ. Нѣмьци же дивящеся оружью татарьскому, бѣша бо кони в личинахъ и в коярѣхъ кожаныхъ, и людѣ во ярыцѣхъ, и бѣ полковъ его светлость велика от оружья блистающася. Самъ же ѣха подлѣ короля, по обычаю руску. Бѣ бо конь под нимъ дивленію подобенъ, и сѣдло от злата жѣжена, и стрелы и сабля златомъ украшена иными хитростями, якоже дивитися, кожую же оловира грѣцкого и круживы златыми плоскими ошить, и сапозы зеленого хѣза шити золотомъ. Немцемъ же зрящимъ, много дивящимся. Рече ему король: «Не взялъ быхъ тысяще серебра за то, оже еси пришелъ обычаемъ рускимъ отцевъ своихъ». И просися у него въ станъ, зане зной бѣ великъ дне того. Онъ же я и за руку; и веде его в полату свою, и самъ соволочашеть его, и облачашеть и во порты своѣ, и таку честь творяшеть ему. И прииде в домъ свой.

Въ то же лѣто изгна Миндогъ сыновца своего Тевтевила и Едивида, пославшю ему на войну *со вуемъ своимъ* на войну со Выконтomъ, на Русь воевать ко Смоленьку. И рече: «Што хто приемлетъ, собѣ деръжитъ». Вражбою бо за ворожьство с ними литву зая, поимана бѣ вся земля Литовьская и бешисленое имение ихъ, притрано бѣ богатство ихъ. И посла на нѣ вое своѣ, хотя убити и я. Онѣма же увѣдавшима, и бѣжаста ко князю Данилу и Василкови, и приѣхаша во Володимерь. Миндогови же приславшю слы своя, река: «Не чини има милости». Не послушавъшима има Данилови и Василкови, зане сестра бѣ ею за Даниломъ.

Потомъ же Данило сгада с братомъ си и посла в ляхы ко княземъ лядьскымъ, река, яко: «Время есть христьяномъ на поганѣ, яко сами имѣють рать межи собою». Ляхове же обѣщашася, нѣ нѣ исполниша. Данилу же и Василку пославшима Выкынѣта во ятвязь и во жемойтъ ко нѣмцемъ в Ригу, и Викынѣтъ же убѣди я серебромъ и дарми многими ятвязь и полъ жимойти. Немцемъ же отвѣщавшимъ Данилу, яко: «Тебе дѣля миръ створимъ со Выкынтомъ, зане братью нашу многу погуби». Обѣщаша же ся немци братья ити на помощь Тевтивулу. Данило же и Василко поидоста к Нову-

городу. Даниль же и Василко, братъ его, розгадавъ со сыномъ, брата си посла на Волковыескъ, а сына на Услонимъ, а самъ иде ко Здитову. И поимаша грады многы и звратишася в домы.

Потом же присла Выкынтъ, рекый, яко нѣмцѣ хотятъ востати на помощь Тевтивилу. И посла Данило Тевтивила и помочь собѣ и с нимъ русь и половцѣ, и многое воевание бысть межи ими.

Оттуда же Тевтивиль иде с полономъ Даниловымъ в Ригу, и прияша рижани с великою честью, и крещенъ бысть.

Увядав же се Миндого, яко хотятъ ему помогати божии дворянъ и пискупъ и вся вои рижзкая, и убоявся, посла тайнъ ко Андрѣви, мастеру рижьску, и убъди и дарми многими, сирѣчь умоли его, послалъ бо бѣ злата много и сребра, и сосуды серебрянии и златыи и красныи, и конѣ многы, рекый: «Ашь убъеши и женеши Тевтивила, и еще болша сих приимеши». Оному же рекъшу: «Не можеши избавлень быти, аще не поспеши к папѣ и приимеши крещения, не одолъеши врагу. Дружбу имѣю к тебе». О злѣ зла! Златомъ ослѣпихъ очи свои, имже нынѣ паки от нихъ бѣду приемлеть. Миндогъ же посла к папѣ и прия крещение, крещение же его льстиво бысть, жряше богомъ своимъ в тайнѣ: первому Нѣнадѣви, и Телявели, и Диверикъзу заеячому богу, и Мѣидѣину, — егда выѣхаше на поле, и выбѣгнаше заяць на поле, в лѣсъ рошѣния не вохожаше вону и не смѣяше ни розгы уломити. И богомъ своимъ жряше, и мертвых тела сожигаше, и поганьство свое явѣ творяше.

Тевтивилу же исповѣдъ пискупъ и пребошь Виръжанъ, сожалишася по немъ, въдаху бо, аще Тевтивиль не бы изгнанъ. Литовская земля в руку бѣ ихъ, и крещение неволею прияли быша. Си же вся некрестяных литву створи Андрѣй, и изгнанъ бысть сану своего от братья. Тевтевилъ же прибѣже во Жемойтъ ко воеви своему Выкынтowi, пойма ятвязъ и жемойтъ и помощь Данилову, иже бѣ далъ ему Даниль древле, иде на Мидогва.

Миндѣвгъ же собрался бѣ и умысливъ же собѣ не битися с ними полкомъ, нѣ вниде во град именемъ Ворута. И высла шурина своего ношъ, и розгнаша и русь и ятвязъ. Наутрѣ же выѣхаша нѣмцѣ со самострелы, и ѣхаша на нѣ русь с половци и стрѣлами и ятвязи со сулицами, и гонишася на поли подобной игрѣ. Оттуда же вратишася во жемойтъ.

И приде Миндовгъ, собравъ силу велику, на город Выкинтовъ именовъ Твиреметь. Выѣха же Тевтевилъ изъ города, русь и половци Даниловы с ними и жемойть с ними и мнозии пѣшцы. Гонящимъ же имъ застрѣли кочь половчинъ Миндогова въ стегно, и возвратися Минодовгъ в землю свою. Многимъ же ратьнымъ бывшимъ межи ими. Висимоть подѣтъмъ же градомъ убѣенъ бысть.

Въ лѣто 6761. Тевтевилъ присла Ревбу река: «Поиди к Новгороду». Данило же поиде с братомъ Василкомъ и со сыномъ Лвом и с половци со сватомъ своимъ Тѣгакомъ, и приде к Пиньску. Князи же Пиньсцыи имѣяху лѣсть и поя ѣ со собою неволею на войну. И послаша сторожъ литва на озеръ Зѣять, и гнаша чересь болота до рѣкы Шарѣ. Совокупившимъ же ся воиемъ всимъ, свѣтъ створиша, рекуше, яко: «Вѣсть уже есть на насъ». Прящимъ же ся имъ, не хотящимъ ити воевать, Данилъ же мудростью рѣчь створи, яко: «Срамоту имѣем от литвы и от всихъ земель, аще не доидемъ и вратимъся. Наутрѣя же — рече — свѣтъ створимъ». Тоѣ нощи пославъ по всимъ воемъ, рекой: «Поидете, да разумно будетъ всимъ не хотящимъ ити на войну». И зрѣвшѣ же воѣ пошедшии, и сами нужею поидоша, инии же вси.

Наутрѣя же плѣниша всю землю Новгородскую. Оттуда же возвратишася в домъ свой. Ятвяземъ же поехавшимъ на помощь Данилу, не могоша доѣхати, зане снѣзи велицѣ быша. Оттуда же возвратишася с помощьюъ божиею, приемше плѣнь великъ.

Потомъ же посла с братомъ и со сыномъ Романомъ люди своя, и взяста Городень, а сама воротистася от Бѣльска. Потомъ же посласта многы своя пѣшцы и коньники на град ихъ и плѣниша всю воотчину ихъ и страны ихъ.

Миндогъ же посла сына си и воева около Турьска.

Того же лѣта присла Миндовгъ к Данилу, прося миру и хотя любви, о сватѣствѣ. Тогда же Тевтилъ прибѣже к Данилу и жемойть и ятвязь, река, яко: «Миндовгъ убѣди я серебромъ многимъ». Данилу же гнѣвъ имѣюще на нѣ.

Въ лѣто 6762. В та же лѣта времени минувшу.

Хронографу же нужна есть писати все, и вся бывшая, овогда же писати в передняя, овогда же воступати в задняя. Чѣтый мудрый разумѣть. Число же лѣтомъ здѣ не писахомъ, в задняя впишемъ по Антивохыйскимъ соромъ,

алумъпиядамъ грѣцкими же численицами, римскы же висикостомъ, якоже Евъсѣвий и Памфилъво иннии хронографи списаша от Адама до Хрѣстоса. Вся же лѣта спишемъ, рошетъше во задньѣя.

По убьеньи же геръцюковъ, рекомаго Фридриха, — бився одолѣ королеви угорьскому и убьень бысть от своих бояръ во брани, — мятежю же бывшу межу силными людьми о честь и о волость геръцюкову убьеного, о землю Ракушьску и о землю Штирьску. Королеви же угорьску риксу и королеви чѣшьску бьющимся о ню.

Король же угорьскый возведе искаше помощи, хотяше прияти землю нѣмѣцкую. И посла к Данилови, рекый: «Пошли ми сына Романа, да вдамъ за нь сестру герцикову, и вдамъ ему землю Нѣмѣцкую». И ѣха во нѣмѣцъ с Романомъ, и да сестру герцикову за Романа, и створитъ обѣтъ, его же за множество весь не списахомъ.

Потом же посла к Данилови, рекый: «Ужика ми и свать еси, помози ми на чехы». И убѣди и. И поиде на Опаву путемъ своимъ, самъ бо плѣняше землю Моравьскую, и многы города расыпа, и вси пожже, и велико убийство створи земль той.

Даниль же снемся с Болеславомъ, мысляше, како проити землю Опавьскую. Болеславу же яко не хотящу, жена же его помогаше Данилови словесы, бѣ бо дщи короля угорьского именемъ Кинька. Данилови же князю хотящу ово короля ради, ово славы хотя, — не бѣ бо в земль Русѣй первее, иже бѣ воевалъ землю Чѣшьску; ни Святославъ хоробры, ни Володимерь Святый. Богъ хотѣние его исполни. Спѣшаше бо и тосняшеся на войну. Поем же сына своего Лва и помочь от брата Василка тысячкого Юрья, снемьшеся с Болеславомъ и поиде съ Кракова.

Придоша на рѣку Одру къ городу Козлии, и приѣха к нему Володиславъ, сынъ Казимиръ Лѣсконогого Межькы, и поимъ коньники и пѣшѣ. И придоша к рѣцѣ Псинѣ, и створи же свѣтъ Данило и Левъ с Володиславомъ, куда бы воевати. Он же не исповѣдъ правды и дасть вождь на лѣсти. Посла же князь Данил Лва, и Тевтивила, и Едивида, и дворьского, и всѣ воѣ, самъ же оста в малѣ со старыми бояры, со Юрьемъ тысяцкимъ. Левъ же иде и воева, и видѣ, яко лжють вожевь, и не слуша ихъ, иде в горы лесныя и взя полонъ великъ.

Идущю же Данилу с Болеславомъ ко Опавъ, пославъ сторожи ляхы своя. Выѣха же Андрѣй изо Опавы с чехы. И срѣтшимся имъ и сразившимся, одолѣ Андрѣй: мало бѣ ляховъ. Иныѣ изби, а иныѣ изоима. И вниде вели страхъ в ляхы.

Приѣхав же Данило и рече имъ: «Почто ужасывается? Не вѣсте ли, яко война безъ падшихъ мертвыхъ не бываетъ? Не вѣсте ли, яко на мужи на ратныхъ нашли есте, а не на жены? Аще мужъ убьенъ есть на рати, то кое чюдо есть? Инии же и дома умирають безъ славы, си же со славою умроша! Укрѣпите сердца ваша и подвигнете оружье свое на ратныхъ!» Сими же словы укрѣпивъ ѣ, иное много глаголавъ имъ. И поиде ко Опавъ.

Видѣвъ же окрестная села, бѣжащая во градъ, много же множество, и нѣ бѣ ему кого послати. Рече же Володиславу: «Мнѣ еси учинилъ неправду, а себе еси погубилъ. Аще бы Левъ и людье мои сде былъ вси, то уразъ велий быша земли сей учинилъ и градъ съ аче съ приять бы былъ». И сожались, отславъ сына си Лва и воѣ. Ляхы же нудяше ѣхати ко граду, одинако же имъ не хотящимъ. Видивъ се, печаленъ бысть, не вѣдый о сыну своемъ и о воихъ, кдѣ суть. Ляховъ же не хотѣша ѣхати ко граду, но хотѣша дачече стати города.

Снемъ бо бѣ рѣченъ всимъ воемъ воевалнымъ приѣхати имъ ко граду.

Даниловы же рекшю: «Аще вы хотите ити прочь, но азъ хочу ся остатися самъ в малъ дружинъ и сожѣдати воевъ моихъ». Послушавъ же Болеславъ и ляхове и стаща ниже града на рѣцъ Опавъ, не смѣяху бо ся отлучитися его.

Того же вечера приде Левъ с вой, имы плѣнь великъ со собою. Того же вѣчера створиша свѣтъ, да наутрѣя преидуть рѣку и обидутъ градъ и пожгутъ вся внѣшняя: храмы и ограды и гумна.

Утру же бывшу, створиша тако. Болеславъ же не изииде за рѣку, но ста на горахъ, исполчився. Володиславъ же иде; и пришедъ к первымъ вратомъ, пожгоша, и приидоша на другая врата. И выѣхаша Чехове, и неколико ихъ убиша, а другая выгнаша. Бенешъ же стояше предъ враты со хоругвою. И около другихъ вратъ пожгоша окрестная града. Пришедшимъ же ко третьимъ вратомъ, каза Данило сосѣдати и жечи окрестная града. Людемъ же внезапно пустившимся ко граду, нѣмцъ же видѣвше устремленье руское крѣпко, и побѣгоша, и неколико ихъ убиша во вратѣхъ, и вратъ не затвориша бѣжаще.

Данило бо бѣ очима напрасно боля, и не видѣ бывшаго во вратѣхъ. Видѣ бо люди своя текуща и обнажи мечь свой, возгна ъ, и тѣмъ не прия градъ. Потомъ же видѣвше стужиси о непрियाхъ града. Больстью же унуженъ и утрудився, рече сынови своему: «Пожъжи вся окрестная града. Азъ же поиду во колымагъ свой», рекше во станъ. Бѣ бо всю войну болень очима. И мнози нудяхуть вратитися, онъ же не створи того.

Наутрѣ же снемшеся, поиде во верхъ Опавы, плѣняя и жгя, и ста близъ града рекомаго Насилья. Слышавъ, яко русь и ляхове яти суть во градъ томъ, наутрѣ же исполчився, поиде, къ нему. Видѣвше же многое множество полкомъ устремление, не стерпѣша, но предашася. Вземъ градъ, испусти колодьники, и постави хоругвь свою на градъ, и обличи побѣду, а самъхъ помилова. Отшед же ста на вси Нѣмѣцкой.

Слышавъ же Данилъ, яко Бенешъ ѣхалъ естъ во Глубичи. Наутрѣ же сполчився съ Болеславомъ поиде, плѣняя и жга, ко Глубичичемъ. Пославъ же Володиславъ вожже вся окрестная вси, рекомая околняя, и зло створи, тѣмъ бо не взяша града.

Пришедшу же Данилу и Болеславу ко граду, вси вои хотяху взяти града приметомъ. Вѣтру же напрасно вѣющу на градъ, а градъ же елиню створенъ бысть, и греблю малу видящу. Искахуть бо вои, вѣдѣюще сѣмо и сѣмо, дѣрова и соломы; што бы приврещи граду, не обрѣтоша. Вся бо бѣ пожегль Володиславъ окрестная и ближняя вси, и тѣмъ не зажженъ бѣ градъ.

Того же вечера думаша: «Камъ поидемъ: или ко Особолозъ или на Гѣрьборта, или возвратимся въ дома свои» Гѣрьбортъ же присла Данилови мечъ и покорение свое. Сгадавше Данило и Болеславъ, яко: «Всю землю поплѣнилъ есмы». Наутрѣ же возвратився во свояси, и преиде реку Одру, и проиде землю Володиславлю.

Тогда же во Краковъ бѣша послѣ папини, носяще благословение отъ папъ и вѣнѣцъ и санъ королевства, хотяще видѣти князя Данила. Онъ же рече имъ: «Не подобаетъ ми видѣтися съ вами чужей земли, нѣ паки».

Оттуда же проиде землю Судомирскую и приде во градъ Холмъ съ честью и со славою, въ домъ Пречистой, падъ поклонися и прослави бога о бывшемъ, не бѣ бо нѣкоторый князь рускый воевалъ землю Чѣшское. И видѣвся со братомъ

своимъ, и бысть в радости велиць, и прибываше в дому сѣятаго Ивана во городъ Холмъ, с веселиемъ славя бога и пречистую его мать и сѣятаго Ивана Златоустаго.

Въ лѣто 6763. Присла папа послы честны, носяще вѣнцы и скипетръ и коруну, еже наречеться королевскыи санъ, рекый: «Сыну, приими от насъ вѣнцы королевства». Древле бо того прислалъ к нему пискупа Береньскаго и Каменецкаго, река ему: «И приими вѣнцы королевства». Он же в то время не приялъ бѣ, рѣка: «Рать татарская не престае злѣ живущи с нами, то како могу прияти вѣнцы бес помощи твоей». Опица же приде вѣнцы нося, обѣщаваяся, яко: «Помощь имѣти ти от папы». Оному же одинако не хотящу, и убѣди его мати его, и Болеславъ, и Семовитъ, и бояре Лядскыи, рекуще, дабы приялъ бы вѣнцы. «А мы есмь на помощь противу поганымъ».

Онъ же вѣнцы от бога прия, от церкви святыхъ апостолъ, от стола сѣятаго Петра, и от отца своего папы Некентия, и от всихъ епископовъ своихъ. Некентий бо кляняше тѣхъ хулящимъ вѣру грецкую правоверную, и хотящу ему сборъ творити о правой вѣрѣ, о воединенъи церкви. Данило же прия от бога вѣнцы в городъ Дорогычинъ...

...Въ лѣто 6770. Идоша литва на ляхы воевать от Миндовга и Остафьи *Костянтиновичъ* с ними, оканьный и незаконный, бѣ бо забѣглъ из Рязаня. Литва же изгнаша Ездовъ на канунъ и Ивана дни на самая купалья. Ту же и Сомовита князя убиша, а сына его Кондрата яша, и полона много яша, и тако возвратишася во свояси.

Вспомяну Миндовгъ, оже Василко князь с богатыремъ воевалъ землю Литовскую, и посла рать на Василка, и воеваша около Каменца. Князь же Василко не ѣха по нихъ, зане надѣяшеться другой рати. Посла по нихъ Желислава же Степана Медушника, и гониша по нихъ, ольно до Ясолны, и не угониша ихъ, бяшетъ бо рать мала, полона же взяли бяхуть, тѣмъ же и уйдоша борзо. Другая же рать воеваша то же недѣль около Мѣлницъ. Бяше же с ними воевода Тюдияминовичъ Ковдижадъ. Взяша же полона много.

Князь же Василко поѣха по нихъ сыномъ своимъ Володимѣромъ и с бояры и со слугами, возложивъ упование на бога и на пречистую его мать и на силу честнаго хреста, и угониша я у Небля города. Литва же бяше стала при озерѣ, и видивше полкы, изрядишася, и сѣдоша во три ряды за

щиты по своему норову. Василко же, изрядивъ свои полки, поиде противу имъ, и сразишася обои. Литва же, не стерпѣвши, устремишася на бѣгъ. И не бысть лѣзъ утечи, обишло бо бѣшетъ озеро около. И тако начаша съчи ъ, а друзии во озерѣ истопоша. И тако избиша я всѣ, и не оста отъ нихъ ни одинъ.

Се же услышавъше князи Пиньскіи Федоръ, и Демидъ, и Юрьи, и приѣхаша къ Василкови съ питьемъ, и начаша веселитися, видяще бо ворогы своя избиты, а дружина вся чѣла. Токмо одинъ убить отъ полка Василкова Прѣборъ, сынъ Степановъ Родивича. Посем же князи Пиньскіи поѣхаша во свояси, а Василко поѣха къ Володимѣрю съ победою и честию великою, слава и хвала бога, створшаго предивная, покоршаго ворогы подъ нозѣ Василкови князю.

Посла же саигать брату своему королеви съ Борисомъ и со Изъболкомъ. Король же бѣшетъ поѣхалъ въ Угры. И угони его Борисъ у Телича.

Король же бѣше печалую о братѣ по велику и о сыновцѣ своемъ Володимерѣ, зане молодъ бѣше. Нѣкто отъ слугъ его вшедъ нача повѣдати сиче: «О господине, людѣе кацѣ се едутъ за щиты со суличами, а конѣ съ ними поводънии». Король же, отъ радости воскочивъ и въздѣвъ руцѣ, хвалу воздавъ богу, рече: «Слава тебѣ, господи! Тотъ Василко побѣдилъ литву». Борисъ же приѣха и привеле саигать королеви и конѣи во сѣдлѣхъ, щиты, суличѣ, шеломы. Король же нача впрашати о здоровьи брата своего и сыновца, Борисъ же повѣда здоровье обою, и вся збывшаяся сказа ему. Бысть радость велика королеви о здоровьи брата своего и сыновца, а ворози избити. Бориса же одаривъ отпусти ко брату своему.

Посем же бысть снемъ рускимъ княземъ съ лядскимъ княземъ съ Болеславомъ, и снимашася въ Тернавѣ: Данило князь со обѣима сынома своимъ, со Лвомъ и со Шъварномъ, а Василко князь со своимъ сыномъ Володимеромъ. И положиша рядъ межи собою о землю Рускую и Лядскую, утвердивъшеся крестомъ честнымъ, и тако розѣхашася во свояси.

Посем же сонмъ минувшу лѣту единому, и во осень убить бысть великий князь Литовскій Миньдовгъ, самодержецъ бысть во всей земли Литовской. Убиство же его сиче скажемъ.

Бысть князящю ему въ земли Литовской, и нача избивати братью свою и сыновцѣ свои, а другія выгна и землѣ, и нача княжити одинъ во всей землѣ Литовской. И нача гордѣти

велми, и вознесся славою и гордостью великою, и не творяше противу себе никогоже. Бяже же у него сынъ Воишелкъ же, дъчи. Дщерь же отда за Шварна за Даниловича до Холма.

И Воишелкъ же нача княжити в Новѣгородчѣ, в поганьствѣ буда, и нача проливати крови много. Убивашеть бо на всякъ день по три, по чetyри. Которого же дни не убьашеть кого, печаловашеть тогда. Коли же убьашеть кого, тогда весель бяшеть. Посем же вниде страхъ божий во сердце его, помысли в собѣ, хотя прияти святое крещение. И крестися ту в Новѣгородьцѣ, и нача быти во крѣстьянствѣ. И по семь иде Воишелкъ до Галича к Данилови князу и Василкови, хотя прияти мниский чинъ. Тогда же и Вошелкъ хрести Юрья Лзовича. Тоже потомъ иде в Полонину ко Григорьеву в манастырь, и пострижеса во черныцѣ, и бысть в монастыри у Григорья 3 лѣта, оттолъ же поиде во Святую Гору, приемъ благословление от Григорья. Григоръ же бяшеть чловѣкъ святъ, акого же не будетъ перед нимъ, и ни по немъ не будетъ.

Воишелкъ же не може дойти до Святой Горѣ, зане мятежъ бысть великъ тогда в тыхъ земляхъ, и приде опять в Новѣгородокъ, и учини собѣ манастырь на рѣцѣ на Немнѣ межи Литвою и Новымъгородькомъ, и ту живяше.

Отецъ же его Миндовгъ укаривашеться ему по его житью. Онъ же на отца своего нелюбовашеть велми. В то же вереме умре княгини Миндовговая, и поча карити по ней. Бяшеть бо сестра ей за Домонтомъ за Нальшаньскимъ княземъ. И посла Миндовгъ до Нальшанъ по свою свестъ, тако река: «Се сестра твоя мертва. А поѣди карить по своей сестрѣ». Оной же приехавши карить, Миндовгъ же восхотѣ пояти свестъ свою за ся. И нача ей молвити: «Сестра твоя умираючи велѣла мѣ ты пояти за ся. Тако рекла — ать иная дѣтий не цвѣлить». И поя ю за ся. Довѣмонтъ же, се услышавъ, печалень бысть велми о семь, мысляшеть бо, акы како убити Миндовга, но не можаше, зане бысть сила его мала, а сего велика. Довѣмонтъ же искашеть собѣ, абы с кимъ мочи убити ему Миндовга. Изнаиде собѣ Треняту, сестричича Миндовгова, и с тѣмъ думашеть убити Миндовга. Тренята же бяшеть тогда в Жомоти.

Въ лѣто 6771. Послалъ бяшеть Миндовгъ всю свою силу за Днѣпръ на Романа на брянскаго князя. Довѣмонтъ же бяшеть с ними пошелъ на войну, и усмотри время подобно собѣ, и воротися назадъ, тако река: «Кобѣ ми не дасть с вами

поити». Воротивъ же ся назадъ, и погна вборзъ, изогна Миндовга, ту же и уби его, и оба сына его с нимъ уби, Рукля же Репекъ. И тако бысть конѣчь Миндовгову убитью.

По Миндовговъ же убитии Воишелкъ убоявъся того же и бѣжа до Пиньска, и ту живяшетъ, а Тренята нача княжити во всей землѣ Литовьской и в Жемоти. И посла по брата своего, по Товтивила, до Полотьска, река тако: «Брате, приѣди семо, роздѣливъ землю и добытокъ Миндовъговъ». Оному же приѣхавъшу к нему, и поча думати Товтивиль, хотя убити Треняту, а Тренята собѣ думашетъ на Товтивила пакъ. И пронесе думу Товтивилу бояринъ его Прокопий Полочанинъ. Тренята же попередивъ и убивъ Товтивила, и нача княжити одинъ. Посем же *начаша* думати конюси Миндовгови, 4 паробци, како бы лзъ имъ убити Треняту. Оному же идушу до мовнича мыться, они же усмотрѣвше собѣ время такова, убиша Треняту. И тако бысть конѣць убитья Трентиана.

Се же услышавъ Воишелкъ, поиде с пиняны к Новугороду, и оттолъ поя со собою новгородцы, и поиде в Литву княжити. Литва же вся прияша и с радостью, своего господича.

Въ лѣто 6772. Воишелкъ же нача княжити во всей земли Литовьской, и поча вороги своѣ избивати, изби ихъ бещисленое множество, а друзии разбѣгошася, камо кто видя, и оного Остафья уби, оканьнаго, проклятаго, безаконьного, о немже передъ псахомъ.

Въ прежерченемъ же лѣтъ Миндовгова убитья бысть свадьба у Романа князя у Бряньского. И нача отдавати милую свою дочь, именемъ Олгу, за Володимера князя, сына Василкова, внука великаго князя Романа Галичкаго. И в то время рать приде литовьская на Романа. Он же бися с ними и победи я, самъ же раненъ бысть, и не мало бо показа мужьство свое. И приѣха во Брянескъ с победою и честью великою. И не мня раненъ на тѣлеси своемъ за радость, и отда дочь свою. Бѣхуть бо у него иныхъ три, а се четвертая — сия же бяшетъ ему всихъ милѣе. И посла с нею сына *своего* старѣйшего Михаила и бояръ много. Мы же на преднее возвратимся.

Княжашу же Воишелькови в Литвѣ, и поча ему помагати Шварно князь, и Василко. Нареклъ бо бяшетъ Василка отца собѣ и господина.

А король бяшетъ тогда впаль в болѣсть велику, в ней же и сконча животь свой. И положиша во церкви святѣ Богородици в Холмѣ, юже бѣ самъ создалъ.

Се же король Данило князь добрый, хоробрый и мудрый, иже созда города многи, и церкви постави, и украси ѣ различными красотами. Бяшетъ бо братолюбьемъ святыся с братомъ своимъ Василкомъ. Сей же Данило бяшетъ второй по Соломонъ.

Посем же Шварно поиде в помочь Воишелкови, а Василко князь от себе посла ему помочь всю свою рать. Воишелкъ же нареклъ и бяшетъ Василка аки отца собѣ и господина.

И приде же Шварно с помочью в Литву к *Воишелкови*, и видѣвъ *Воишелкъ* помочь Шварнову и Василкову, отца своего, и радъ бысть велми и нача пристраватися, и поиде в силъ тяжьцѣ, и нача города имати во Дявельтѣвъ и в Нальщанехъ. Города же поймавъ, а ворогы своя избивъ, и тако поидоша восворяси.

Въ лѣто 6773. Явися звѣзда на востоцѣ хвостатая, образомъ страшнымъ, испущающе от себе лучъ великы, си же звѣзда нарѣчается власатая. От видения же сея звѣзды страхъ обя вся челоувѣки и ужастъ. Хитрѣчи же смотрѣвше, тако рекоша, оже мятежъ великъ будетъ в земли, но богъ спасетъ своею волею. И не бысть ничтоже.

Того же лѣта преставися великая княгине Василковая, именемъ Олена. И положиша тѣло ея во церкви святѣй Богородицѣ во пискупьи Володимерьской.

Въ лѣто 6774. Бысть мятежъ великъ в самѣхъ татарѣхъ, избишася сами промежи собою бесчисленное множество, акъ пѣсокъ морьскы.

... Въ лѣто 6793. Начаша повѣдати оже в нѣмцихъ вышел море и потопило землю гнѣвомъ божиимъ, боле шьстидесять тысячъ душъ потонуло, а церквий каменныхъ одиннадесять и сто проче деревяныхъ.

Того же лѣта. Лестько Казимиричъ, пославъ полкъ свой, воева князя Кондрата Сомовитовича. Князь же Кондрать, собравъ дружину свою? гна по нихъ и бися с ними, и победи я божиимъ пособьемъ, и многи изби от полку Лестькова бояръ и простую чадъ, и воеводу его уби Серажъского Матѣя, а свой полонъ отполони, и тако возвратися во свояси с честию великою, хваля и славя въ троици отца и сына и святого духа и нынѣ, и въ вся вѣки.

Въ лѣто 6794. Ходиша литва вся и жемоть вся на нѣмцѣхъ къ Ризи. Онѣмъ же вѣсть бысть, и збѣгошася въ города. Они же пришедъше къ городу, не воспѣвъ ничегоже, и оттолѣ же идоша на Лотыголу. И доходивше города Мѣдвѣжьей Головы, и не воспѣвъше у него ничтоже, и тако возвратишася во свояси, добывше мало полона.

Се же услышавше торуньскѣи нѣмцѣхъ, оже жемоть вся пошла на Ригу, идоша на жемоть, помагающе своимъ нѣмцемъ. И поимаша ихъ бещисленное множество, а другія избиша, и тако придоша во свояси со множествомъ полона.

Того же лѣта преставися великій князь Лѣстько Казимиръ *Краковскій*. Епископъ же, и игумены, и поповѣ, и дьякони спрятавшѣ тѣло его, пѣвшѣ обычныя пѣсни, и тако положиша тѣло его въ Краковъ городъ въ церкви святѣй Троицѣ, и плакашася по немъ вси людѣе, боярѣ и простии, плачемъ великомъ.

Въ лѣто 6795. Посла богъ на насъ мѣчь свой, иже послужить гнѣву своему за умножение грѣховъ нашихъ. Идушу же Телебузъ и Алгуевъ съ нимъ въ силѣ тяжкѣ, и съ ними рускѣи князи Левъ и Мѣстиславъ, и Володимѣръ, и Юрѣи Львовичъ, инии князи мнози. Тогда бяхуть вси князи рускѣи въ воли татарской, покорени гнѣвомъ божиимъ. И тако поидоша вси вкупѣ.

Володимеру же князю болну сушу, зане бысть рана послана на нь отъ бога неисцѣлимая.

Идушимъ же имъ въ ляхы, и доидоша рѣкы, нарицаемаго Сана, Володимѣръ же князь, сотѣснувъси немощью тѣла своего, и нача слати ко брату своему Мѣстиславу, тако река: «Брате видишь мою немощь, оже не могу, а ни у мене дѣтий. А даю тебѣ брату своему, землю свою всю и города по своему животу. А се ти даю при царихъ и при его рядьцахъ». Мѣстиславъ же удари челомъ передъ братомъ своимъ Володимѣромъ.

И посла Володимѣръ ко брату ко Львови, ко сыновцю ко Юрѣви съ теми словы: «Се вама повѣдаю, далъ есмь брату своему Мѣстиславу землю свою и города». Левъ же рече Володимѣру: «Тако и гораздо, оже еси далъ мнѣ. Подъ нимъ мы и искати по своему животу? А вси ходимъ подъ богомъ. Абы мы далъ богъ и своимъ мочи изволѣдти въ се время».

И посемъ посла Мѣстиславъ ко брату ко Львови, и ко сыновцю своему, тако река: «Се же, брате мой, Володимиръ далъ ми землю свою всю и города. А чего восхочешъ? Чего

искати по животъ брата моего и своего, осе же ти цареве, а се царь, а се азъ. Молви со мною, што восхочешь». Левъ же *не рече* противу слову ничегоже.

Посем же поиде Тельбуга в Ляхы и Алгуй с нимъ, вси князи, а Володимѣра воротиша назадъ, зане бысть жалостно зрѣти на нь, видячи его болна суца. И приѣха Володимѣръ, и ради быша вси людѣе, видяче своего господина приѣхавша во здоровьи. И перебивъ мало дний у Володимери, и нача молвити княгини своей и бояромъ: «Хотѣль быхъ доѣхати до Любомля, зане дѣла мѣ *с погаными нет*, а человекъ есмь боленъ, ни я с ними могу повѣстити. А прояли мѣ уже и на печенехъ. А се мене мѣсто епископъ же Маркъ». И поѣха до Любомля, со княгинею и со слугами своими дворьними. Из Любомля поѣха до Берестья, и перебивъ во Берестьи 2 дни, поѣха до Каменца. Ту и лежаша во болести своей, во Каменьци, и рче княгини своей и слугамъ: «Олны же минеть поганъ си изъ земль, то же поедемъ до Любомля».

Минувшим же днемъ нѣколичемъ, приѣхаша слуги его к нему въ Каменьчъ, иже то были в ляхохъ на воинъ с татары. Володимѣръ же нача вопрошати ихъ о Телебузѣ, уже ли пошелъ и земль Лядьской. Онѣмъ же повѣдающимъ: «Пошелъ». «А братъ ми Левъ, и Мѣстиславъ, и сыновець ми — во здоровьи ли?» Онемъ же повѣдающимъ: «Господине, добри вси и здоровъ, и бояръ и слуги». Володимѣръ же о томъ похвали бога. А Мѣстислава повѣдаша, оже пошелъ с Телебугою на Лвовъ. Тогда же повѣдаше: «*Брат ти* дасть городъ Всеволожь бояромъ, и села роздаваетъ». Володимѣру же *нелюбье* бысть велико на брата своего, и нача молвити: «Се лежю въ болести, а братъ мой придалъ ми и еще большее болести. Мнѣ и еще живу суцу, а онъ роздаваетъ города мое и села моа. Олны могль по моемъ животъ роздавати!»

И посла Володимѣръ посолъ свой со жалобою ко брату своему Мѣстиславу, река: «Брате, ты мене ни на полку ялъ, ни копьемъ мя еси добылъ, ни из городовъ моихъ выбил мя есь ратью, пришедъ на мя. Оже сяко чиниши надо мною? Ты ми братъ есь, а другой ми братъ Левъ, а сыновець ми Юрьи, язъ же у васъ трехъ избралъ есмь тебе единого, и далъ ти есмь землю свою всю и города по своемъ животъ, а при моемъ ти животъ не воступатися ни во что же. Се же есмь учинилъ за гордость брата своего и сыновца своего, далъ есмь тобѣ землю свою».

Мьстиславъ же рече брату своему: «Господине, — рци, — братиа твоиа, земля божия и твоя, и города твои, а я над ними не воленъ. Но язъ есмь по твоей воли, а дай ми тя богъ имѣти, аки отца собѣ, и служити тобѣ со всею правдою, до моего живота, а бы ты, господине, здоровъ был, а болшая мѣ *надежа* по тобѣ, рци». И приѣха к Володимеру посоль его в Каменецъ, повѣдая речъ Мьстиславлю. Володимѣру же любя бысть речъ та.

Посем же поѣха ис Каменца до Раю. Будущу же ему ту, и начать молвити княгини своей: «Хочю послати по брата своего по Мьстислава, а быхъ с нимъ рядъ учинилъ о землю и о города и о тобѣ, княгини моа мила Олго, и о семь дѣяти о Изяславъ, иже миловахъ ю, аки свою дочь родимую. Богъ бо не дал ми своихъ родити за мои грѣхы, но си ми бысть, аки от своее княгинѣ рожена, взялъ бо есмь ю от своее матери в пеленахъ и вскормилъ».

И посла ко брату епископа своего Володимерьскаго Евъсгнѣа, а с нимъ Борка же Оловянца, и с тѣми словы река ему: «Брате, приѣдь ко мнѣ. Хощю с *тобою* рядъ учинити про все». Мьстиславъ же приѣха к нему в Рай со своими бояры и со слугами и с ними епископъ Володимерьскій, и Борко, и Оловянецъ. Мьстиславъ же ста на подворьи, и повѣдаша слуги его Володимѣру: «Брат ти приѣхалъ». Оному же лежащу в болести своей, услышавъ братенъ приѣздъ, воставъ и съѣдъ, и посла по брата. Он же приде к нему и поклонися ему. Володимеръ же нача вопрошати его о Телебузѣ, како ся дѣяло в Ляхохъ, и куда и выходъ его из ляховъ. Он же сказа ему все по ряду бывшее, и иныи речи многи повѣсти с нимъ.

Мьстиславъ же поиде на подворье. Володимеръ же посла к нем епископа своего с Боркомъ и со Оловянцемъ, тако река: «Брате мой, на то и тя — рци — есмь призвалъ, хочю с *тобою* рядъ учинити о землю и о города и о княгинѣ своей и о семь дѣяти. Хочю грамоты писати». Мьстиславъ же рече епископу брата своего: «Господине — рци — брате мой, я сего ци хотѣлъ, оже бы мне искати твоей землѣ по твоемъ животъ? Сего ни на сердцѣ моемъ не было. Но реклъ ми есь былъ в ляхохъ, коли есмь былъ с Телебугою и Алгумемъ, а братъ мой Левъ туто же и сыновецъ ми Юрьи. Ты же, господине мой братъ мой, прислалъ ко мнѣ тако река — Мьстиславе, даю ти землю свою всю и города по своемъ животъ».

Мьстислав же рече епископу брата своего: «Господине, рчи брату, како богу любо и тобѣ. Оже хочешь грамоты писати, како божья воля и твоя». Епископу же пришедшу ото Мьстислава, повѣдаючи речь братьню, Володимерь же повелъ писцю своему Федорцю писать грамоты.

Князя Володимирия рукописание

«Во имя отца и сына и святаго духа, молитвами святыа богородица и приснодѣвица Марья, и святыхъ ангель. Се язъ, князь Володимерь, сынъ Василковъ, внукъ Романовъ, даю землю свою всю и города по моему животе брату своему Мьстиславу и столный свой городъ Володимиръ. Другую же грамоту напсахъ брату своему такую же, хочю и еще и княгинь своей псати грамоту такую же.

Въ имя отца и сына и святого духа, молитвами святыа богородица и приснодѣвица Марья, святыхъ ангель. Се язъ, князь Володимиръ, сынъ Василковъ, внукъ Романовъ, пишу грамоту. Даль есмь княгинь своей по моему животь городъ свой Кобрынъ, и с людьми и з данью. Како при мнѣ даяли, тако и по мнѣ ать даютъ княгинь моей. Иже дал есмь ей село свое Городелъ и с мытом, а людье, како то на мя страдалъ, тако и на княгиню мою по моему животь. Аже будетъ князю городъ рубити, и они к городу, а поборомъ и тотарьщиною ко князю. А Садовое ей Сомино же даль есмь, княгинь свое, и монастырь свой Апостолы же создах и своею силою, а село есмь купилъ Березовичъ у Юрьевича у Давыдовича Фодорка, а даль есмь на немъ 50 гривенъ кунъ, а 5 локоть скорлата, да бронъ дощатые, а тое даль есмь ко Апостоламъ же. А княгини моа по моему животь, оже восхочетъ в черничъ поити, поидеть, аже не восхочетъ ити, а како ей любо. Мнѣ не воставши смотреть, что кто иметь чинити по моему животь».

Посем же посла Володимерь ко брату, тако река: «Брате мой Мьстиславе, цѣлуй ко мнѣ хрестъ на томъ, како ти не отъяти ничегоже ото княгини моей по моему животь, что есмь ей далъ, и от сего дѣтища, от Изяславы же, не отдать еѣ неволею ни за кого же, но кдѣ будетъ княгинь моей любо, тутотъ ю дати». Мьстиславъ же рече: «Господине —рчи — брате, не дай ми богъ того, оже бы мнѣ отъяти что по твоюму

животь у твоей княгинь и у сего дѣти'ца, но дай ми богъ имѣти свою ятровь, аки достойную мать собѣ и чтити. А про се дѣтя, оже сяко молвишь, абы ю богъ того довелъ, дай ми богъ ю отдати, аки свою дочь родимую». И на томъ крестѣ челова.

Се же дѣяшеть Федоровы недели. Взем же рядъ с братомъ, поѣха до Володимѣря. И приѣха Володимѣрь, ѣха во пископью ко святу Богородици, и созва бояры володимѣрьскыя брата своего, а мѣстичъ русци и нѣмцъ, и повелъ передо всеми чести грамоту братну о даньи земль и всѣхъ городовъ, и столного города Володимѣря, и слышаша вси от мала и до велика.

Епископъ же володимѣрьскій Евѣсѣгнѣй и благослови Мѣстислава крестомъ воздвизалнымъ на княжение володимѣрьское. Хотяшеть бо уже княжити в Володимѣрь, но братъ ему не да, тако река: «Моглъ ольны по моему животь княжити». Мѣстиславъ же пребывъ несколько дний у Володимѣри ѣха во свои города: в Луческъ и в Дубень, и во иныи города, ихъ же не псахъ.

Володимѣрь же приѣха из Раю в Любомль, ту же и лежаще всю зиму в болести своей, росылая слуги свои на ловы. Бяшеть бо и самъ ловечъ добр, хороборъ, николи же ко вепреви и ни к медвѣде не ждаше слугъ своихъ, а быша ему помогли, скоро самъ убиваше всяки звѣрь. Тѣмъ же и прослулъ бяшеть по всей земль, понеже далъ бяшеть ему богъ вазнь не токмо и на одиныхъ ловехъ, но и во всемъ, за его добро и правду. Но мы на предлежащее возвратимся.

Наставшу же лѣту, и услыша Конѣдрать князь Сомовичъ, братъ Володимѣровъ, оже далъ землю свою всю и города, присла к Володимѣрю посолъ свой, тако река: «Господине братъ мой, ты же ми былъ во отца мѣсто. Какъ мя еси держалъ подъ своею *рукою*, своею милостью, тобою есмь, господине, княжилъ и города свои держалъ, и брати своей отъялься есмь и грозень былъ. И ныне, господине, *слышалъ* есмь, оже еси далъ землю свою всю и города брату своему Мѣстиславу, а надѣюся на богъ и на тя, абы ты, господинъ мой, послалъ свой посолъ с моимъ посломъ ко брату своему Мѣстиславу, абы мя, господине, со твоею милостью приялъ братъ твой подъ свою руку и стоялъ бы за мя во мою обиду, како ты, господинъ мой, стоялъ за мною во мою обиду».

Володимеръ же посла ко брату своему Мьстиславу, тако река: «Братъ мой, самъ въдаешъ, како есмь имѣлъ брата своего Кондрата и честилъ и дарилъ, а в обиду его стоялъ есмь за нимъ, како и за собою. Абы ты тако же мене дѣля приялъ и с любовью подъ свою руку и стоялъ за нимъ во его зло». Мьстиславъ же обѣчася *такое створити* Володимиру, тако река: «Брате мой, радъ тебе дѣля приимаю с любовью под свою руку, а в обиду его дай ми богъ голову свою сложити за нь». И по семь присла Мьстиславъ к Володимеру, река ему: «Хотел ся быхъ сняти со Кондратомъ, а докладываю бога и тебе, како ми велишь». Володимеръ же рече: «Соимися с нимъ». Мьстислав же посла посоль свой ко Кондратови, река: «Хочю ся сняти с тобою, приедь ко мнѣ». И приѣха посоль Мьстиславъ, повѣдая речъ Мьстиславу Володимеру. И возрадовася о семь.

Посемь поѣха Кондрать ко Мьстиславу. И приѣха во Берестий, и посемь приѣха в Любомль. Повѣдаша Володимѣру слуги его, рекуче: «Брат ти, господине, приѣхалъ Кондрать». Онъ вѣлъ ему прити к собѣ. Кондрать же приде к Володимеру, идеже лежаше в болести своей, крепко стража. И вшедъ поклонися ему, и плакася по велику, видя болестъ его и унынье тѣла его краснаго. Повѣстивъ же со братомъ рѣчи многии, о нѣхже передъ писахомъ, иде на подворье. Володимеръ же присла конь свой ему добрый. Обѣдавъ же и поеха до Володимѣра, из Володимѣря же поѣха ко Луцку.

Бывшу же ему в Луцки, Мьстиславу же не сушу ту, но близъ города нѣкоемъ мѣстѣ, именемъ в Гаи. Мѣсто же то красно въдѣниемъ и устроено различными хоромы. Церкви же бѣаше в немъ предивна, красотою сияющи. Тѣм же угодно бысть князю пребывати в немъ. И поѣха Кондрать из Луцка в Гай. Мьстислав же срѣте с бояры своими и со слугами и прия с честию и с любовью подъ свою руку, по братню слову по Володимѣрову, тако река: «Како ты имѣлъ братъ мой, и честилъ, и дарилъ, а мнѣ дай богъ тако же имѣти тя, и честити, и дарити, и стояти за тобою во твою обиду». И посемь начаша веселитися. Мьстиславъ же одаривъ Кондрата конми красными и в сѣдлѣхъ в дивныхъ, и порты дорогими, ины дары многи вдавъ ему, и тако отпусти со честию.

По отъѣзде же Кондратовъ из Любомля, пригна Ярѣтакъ ляхъ из Люблина. И повѣдаша Володимирови: «Ярѣтакъ приѣхалъ». И не вѣле ему передъ ся, но рече княгини своей, иже:

«Роспроси его, с чимъ приѣхаль». Княгини же посла посла по нь. Он же приде вборзъ. И нача вопрошати его: «Князь ти молвити: с чимъ есь приѣхаль, повѣжь». Онъ же нача повѣдити: «Князь Лѣстко мертвъ». Володимиръ же сжалился и расплакася по немъ. «А прислали мя *люблинцы*, хотятъ князя Кондрата княжить во Краковъ. А наборзи хочю найти Кондрата. Кдѣ будетъ?» Княгини же, вшедши, повѣдь рѣчь Ярѣтакову. Володимиръ же велѣ дати... подо нь конь, его бо конь пристали бѣхуть. И погна вборзъ.

И наиде и в Володимиръ, и нача молвити Кондратови: «Князь Лѣстко мертвъ, а прислали мя *люблинцы*. Поедь княжить к намъ до Кракова». Кондратъ же возвеселися сердцемъ и возрадовася душою о княженъи Краковоском. И поѣха вборзъ, и приѣха во Любомль, хотяшетъ бо посѣдѣти со братомъ о томъ, абы ему како погадалъ. Володимиръ же не вѣлъ ему к собѣ прити, но рече княгини своей: «Иди же повѣсти в нимъ, та отряди и, ать поѣдетъ прочь, а у мене ему нь что дѣяти». Княгини же вшедши повѣда рѣчь Кондратову: «Брат ти, господине, молвити: пошли со мною своего Дунаа, ать ми честию».

И поѣха вборзъ к Люблину.

Приехавшу же ему к Люблину, и запроша ляховъ городъ, а Кондрата не пустиша к собѣ. И ста Кондратъ на горѣ у мниховъ, И посла к горожаномъ, тако река: «На что мя есте привели, да нынѣ городъ есть передо мною затворилъ?» Горожани же рекоша: «Мы тебе не привели и ни слалъ по тя, но голова намъ Краковъ, тамо же и воеводы наши и бояри велиции. Оже имешъ княжити во Краковъ, то тѣ мы готовъ твой».

Посем же повѣдаша Кондратови: «Рать идеть к городу». Творяхуть бо рать литовскую и пополошишася. И выбѣже Кондратъ во столпъ ко мнихомъ с бояры своими и слугами, и Дунай Володимировъ с нимъ. Рати же пришедши к городу, познаша, оже руская рать. Кондратъ же воспроси ратьныхъ: «Кто естъ воевода в сей рати?» Они же повѣдаша: «Князь Юрьи Лвовичъ. Хотяшетъ бо собѣ Люблина и земль Люблинской».

И приѣха Юрьи к городу. Горожани же не подаша ему города, но пристравахуться крѣпко на бой. Юрьи же позналестъ ихъ. Онѣмъ же молвящимъ: «Княже, лихо ѣздишь, рать с тобою мала. Приедутъ ляховъ мнозии, соромъ ти будетъ

великъ». Юрьи же слышавъ си *словеса* от нихъ, распустити дружину свою воевать, и взяша полона много, а жита пожгоша и села, и не остася ни в лѣсѣхъ, но все пожжено бысть ратными. И тако возвратися во свояси со множествомъ полонна, челяди, и скота, и коний.

А Кондрать поѣха во свояси, возьмъ собѣ соромъ великъ, лѣпши бы не живѣ былъ.

Посем же мятежъ бысть великъ в землѣ Лядьской.

Въ лѣто 6796. Присла Юрьи Лвовичъ посоль свой ко строюви своему князю Володимеру, река ему: «Господине строю мой, богъ въдаеть и ты, како ти есмь служилъ со всею правдою своею, имѣл ты есмь аки отца собѣ. Абы тобѣ сжалилося моее службы. А нынѣ, господине, отецъ мой прислалъ ко мнѣ отнимаетъ у мене города, что ми былъ далъ: Белзъ, и Червень, и Холмъ. А велить ми быти в Дорогычинъ и в Мѣлницъ. А бью челом богу и тобѣ, строюви своему, — дай ми, господине, Берестий, то бы мѣ с полу было». Володимеръ же рече послу: «Сыновче — рци — не дамъ. Въдаешь самъ, оже я не двою рѣчью, ни я пакъ ложь былъ, а богъ въдаеть, и вся подънебесная, не могу порушити ряду, что есмь докончалъ с братомъ своимъ Мѣстиславомъ. Далъ есмь ему землю свою всю и города, и грамоты есмь пописалъ». С тѣми словы отряди посла сыновца своего.

Посем же посла Володимеръ слугу своего доброго верного, именемъ Ратчышю, ко брату своему Мѣстиславу, тако река: «Молви брату моему: прислалъ — рци — ко мнѣ сыновъчъ мой Юрьи просить у мене Берестья, азъ же ему не далъ ни *града*, ни села, а ты — рчи — не давай ничего же».

...Пришедшю же ему (Володимиру) от церкви и леже потомъ, вонъ не вылазя. Но болми нача изнемогати. И опада ему мясо все с бороды, и кость бородная перегнила бѣшет, и бысть видети гортань. И не вокуша по семь недѣль ничего же, развѣе единое воды, и то же по скуду. И бысть в четвергъ на ночь, поча изнемогати, и яко бысть в куры, и позна в собѣ духъ изнемогающъ ко исходу души, и възрѣвъ на небо и воздавъ хвалу богу, глаголя: «Бесмертный боже, хвалю тебе о всемъ! Царь бо еси всим. Ты единъ во истину подавая всей твари всебогатыствомъ наслаждение. Ты бо створи въ мира сего, ты соблюдаешь, ожидаа душа, яже посла, да добру жизнь жившимъ почтеша, яко богъ, а еже не покорившуся твоимъ

заповѣдемъ, предаши суду. Всѣ бо суд праведный от тебе, и бес конца жизнь от тебе, благодатью своею вся милуешь притѣкающая к тебе». И кончавъ молитву, воздвѣвъ руцѣ на небо, и предать душу свою в руцѣ божии, и приложися ко отцемъ своим и дѣдомъ, отдавъ общій долгъ, егоже нѣсть убѣжати всякому роженому. Свѣтающю же пятку, и тако представися благоверный христілюбивый великій князь Володимѣрь, сынъ Василковъ, внукъ Романовъ, княживъ по отци 20 лѣтъ. Преставление же его бысть во Любомли городѣ в лѣто 6797, мѣсяца декабря во 10 день, на святаго отца Мины. Княгини же его съ слугами дворьными, омывше его, и увиша и оксамитомъ со круживомъ, яко же достоить царемъ, и возложиша и на сани, и повезоша до Володимѣря. Горожаномъ же от мала и до велика, мужи, и жены, и дети с плачемъ великимъ проводиша своего господина.

Привезшимъ же и во Володимѣрь у епископю ко святоѣ Богородици, и тако поставиша и на санѣхъ во церкви, зане бысть поздно. Того же вечера по всему городу увѣдана бысть смерть князя.

Наутрѣ же по отпѣтьи заутрении приде княгини его, и сестра ему Олга, и княгини Олена, черничи, с плачемъ великимъ приидоша, и весь город сойдеся, и бояри вси стари и молодии, и плакахуся надъ нимъ. Епископъ же Володимѣрьскій Евъсѣгнѣй и вси игумени, и Огапоть, печѣрьскій игумень, и вси поповѣ всего *города*, пѣвше надъ нимъ обычныя пѣсни, и проводиша и со благопохвалными пѣснями и кадилы добровоньными, и положиша тѣло его во отни гробъ, и плакашася по немъ володимерчи, поминаючи его добросердье до себе. Паче же слугы его плакахуся по немъ слезами обливающи личе свое, и послѣднюю службу створыше ему, опрятавше тѣло его, тело вложиша и во гробъ, мѣсяца декабря во 11 день, на память святаго Данила Столпника, в субботу.

Княгини же его беспрестани плакашеся, предстоящи у гроба, слезы от себе изливающи, аки воду, сиче вопиюще, глаголюще: «Царю мой благый, кроткій, смиренный, правдивый! Воистину наречено бысть тобѣ имя во крещеньи Иванъ, всею добродѣтелью подобенъ еси ему. Многя досады примѣ от своихъ сродникѣ. Не видѣхъ тя, господине мой, ни коли же противу ихъ, злу некоторогоже зла воздающа, но на божѣ вся покладывая».

Провожаше наипаче же плакахуся по немь лѣпшии мужи володимерьстии, рекуче: «Добрый ны господине, с тобою умрети, створшему толикую свободу, якоже и дѣдъ твой Романъ свободилъ бѣшетъ от всихъ обидъ, ты же бѣше, господине, сему поревновалъ и наслѣдилъ путь дѣда своего. Нынѣ же, господине, уже к тому не можемъ тебе зрѣти, уже бо солнце наше зайде ны, и во обидъ всѣхъ остахомъ».

И тако плакавшеся надъ нимъ все множество володимерчевъ: мужи, и жены, и дѣти, нѣмци, и сурожьцѣ, и новгородци, и жидове плакахуся, аки и во взятѣе Иерусалиму, егда ведяхуть я во полонъ Вавилоньскій, и нищій и *убозици*, и чернорисчи. Бѣ бо милостивъ на вся нищяя.

Сии же благоверный князь Володимѣръ возрастомъ бѣ высокъ, плечима великъ, лицемъ красенъ, волосы имѣя желты кудрявы, бороду стригый, руки же имѣя красны и ноги, рѣчь же бѣшетъ в немъ тольста, и устна исподняя добела. Глаголаше ясно от книгъ, зане бысть философъ великъ. И ловечъ хитръ хороборъ. Кротокъ, смиренъ, незлобивъ, правдивъ, не мздоимъцѣ, не лживъ, татьбы ненавиждаше, питья же не пи отвоздраста своего. Любь же имѣяше ко всимъ, паче же и ко братьи своей, во хрестьномъ же челованьи стояше со всею правдою истинною, нелицемѣрною, страха же божия наполненъ, паче же милостыни предлагаше, монастыря набдя, чернъцѣ утѣшаа и вси игуменъ любовью приимая. И монастыря многи созда, на весь церковный чинъ и на церьковники отверзлъ ему бѣшетъ богъ сердце и очи, иже не помрачи своего ума пьянствомъ, кормитель бо бѣшетъ чернъцемъ и черничамъ, и убогимъ, и всякому чину, яко возлюбленный отцемъ бѣшетъ. Паче милостынею бѣше милостивъ, слыша господа, глаголюща: «Аще отворите братьи моей меншей, то и мнѣ створисте», паки Давидъ *глаголетъ*: «Блаженъ мужъ милуя и дая всь день о господѣ не потькнеться». Мужьство и умъ в немъ живяше, правда же и истина с нимъ ходяста, иного добродѣянья в немъ много бѣаше, гордости же в немъ не бѣше, зане уничижена есть гордость предъ богомъ и челоуѣкы, но всегда смиряше образъ свой скрушенымъ сердцемъ, и воздыхание от сердца износя, и слезы от очью испущаше, покаяние Давыдове приимъ, плачася о грѣсехъ своихъ, возлюбивъ нетленная паче тлѣнныхъ, и небесная паче временныхъ, и царство со святыми у вседержителя бога паче притекущаго

сего царства земнаго. И чести ты общника господь на небесехъ сподоби благовѣрья твоего ради, еже имъ в животь своемъ, добръ послухъ благовѣрью твоему, обителниче святая, церкви святая Богородица Марья, юже созда прадѣль твой на правовѣрней основѣ, идеже и мужественое твое тѣло лежить, жда трубы архангеловы. Добръ зѣло послухъ брат твой Мьстиславъ, егоже сотвори господь наместника по тобѣ твоему владычеству, не рушаща твоихъ уставъ, но утверждающа, ни умаляюща твоему благовѣрью положенія, но паче прилагающа, не казняща, но вчиняюща, иже нескончаная твоя учиняюща, аки Соломонъ Давида, иже в домъ божий великий и святой его мудростью созда на святость и очищение граду твоему, иже всякою красотою украси, златомъ и сребромъ и каменѣмъ драгимъ, и сосуды честными, яже церкви дивна и славна всѣмъ окружнымъ сторонамъ, акаже ина не обрящется во всей полунощий земля от востока и до запада. И славный городъ твой Володимеръ, величествомъ, акы вѣнчемъ, обложенъ! Преда люди твоя и городъ святой славный и скорей на помощь христьяномъ святой богородици. Да еже челование архангелово дасть богородици, — будетъ и городу сему. Ко оной бо: «Радуйся, обрадованная, господь с тобою!», к городу же «Радуйся, благовѣрный городе, господь с тобою!»

Востани от гроба твоего, о честная главо, востани, отряси сонъ, нѣси бо умерлъ, но спишь до общаго востанія! Востани, нѣси бо вѣмерлъ! Нѣсть бо ти умерети, льпо вѣровавшу во Христа, всему миру живодавча. Отряси сонъ! Возведи очи, да видиши, какая ты чести господь тамо сподобив постави. И на земль не бес памяти ты поставиль братомъ твоимъ Мьстиславомъ. Востани, видь брата твоего, *красяща*го столь земля твоя и зренія сладкаго лице его насыщаася. Моли о земли брата своего преданія ему тобою, и о людехъ, в нихъ же благовѣрно владычествова, да съхраниши я въ миръ и въ благовѣрии, и да славится в немъ правовѣрию и да блюдетъ господь богъ от всякоа рати и преданія, и от голода, нашествія иноплеменникъ, и от усобныа рати. Паче же помолися о брать своемъ Мьстиславъ добрыми дѣлы, без соблазна богомъ данныа ему люди, управившю, стати с тобою непостыдно, предъ престоломъ вседръжителя бога, и за трудъ паствы людий его приати от него вѣнецъ славы нетленія съ всѣми праведными. Аминь.

К сему же вижь и благовѣрную свою княгиню, како благовѣрье держить по преданью твоему, како покланяется имени твоему. Вѣде же, яко аще не тѣломъ, но духомъ показываетъ ти господь вся си, яко твое вѣрное вѣсьанье нѣ исушено бысть зноем невѣрья, но дождемъ божия поспѣшениа расположено бысть многоподнѣ.

Радуйся, учителю нашъ и наставниче благовѣрья! Ты правдою бѣ оболченъ, крепостью препоясанъ, и милостынею, яко гривною, утварью златою, украсяся, истиною обвить, смысломъ вѣнчанъ! Ты бѣ, о честная главо, нагимъ одѣние, ты бѣ алчущимъ корѣмля и жажущимъ *въ* оутробѣ *охлаждение*, вдовицамъ помощникъ, и странньнымъ покоище, беспокровнымъ покровъ, обидимымъ заступникъ, убогимъ обогатѣние, страненьприимникъ, имже благымъ дѣломъ инѣмъ возмѣздѣ приемля на небесѣхъ благая, яже уготова богъ любящимъ отца и сына и святаго духа.

Князь же Володимеръ въ княженіи своемъ многы города зруби по отци своемъ. Зруби Берестий, и за Берестиемъ зруби городъ на пустомъ мѣстѣ, нарицаемъмъ Лѣстнѣ, и нарече имя ему Каменецъ, зане бысть камена земля. Създа же въ немъ столпъ камень выотою 17 саженой, подобенъ удивленію всѣмъ зрящимъ на нь. И церковь постави Благовѣщенія святаго богородица, и украси ю иконами златыми, и съсуды скова служебныя сребрены и Еуагліе опракос оковано серебромъ, Апостолъ опракосъ, и Парамѣя, и Съборникъ отца своего туто же положи, и крестъ въздвизалный положи. Также и у Бѣлску поустрои церковь иконами и книгами. У Володимери же списа святаго Дмитрея всего и съсуды служебныя серебряныя скова, и икону пресвятыя Богородица окова серебромъ с каменіемъ дорогимъ, и завесы золотомъ шиты, а другыя оксамитныя съ дробницею, и всѣми узорочіи украси ю. У епископи же у святаго Богородица образъ Спаса велика окова серебромъ, Еуагліе списавъ опракос, святой Богородици да, и съсуды служебныя жъженого золота съ каменіемъ драгимъ Богородици же да. Образъ Спасовъ, окованъ золотомъ съ драгимъ каменіемъ, постави у святаго Богородица въ память събѣ. Въ манастирь въ свои Апостолы да Еуагліе опракос и Апостолъ, самъ списавъ, и Съборникъ великій отца своего туто же положи, и крестъ въздвизалный и молитвеникъ да. Въ епископью перемышльскую да Еуагліе опракос, окованно серебромъ съ женчюгомъ, самъ же съписалъ бѣше. А до Чернѣгова по-

славъ въ епископыю Еуаглие опракос золотом писано, а окованно серебром съ женчюгом, и среди его Спаса с финиптом. Въ Луцкую епископыю да крестъ велик серебрян позлотистъ съ честнымъ дровом.

Създа же и церкви многы. В Любомли же постави церковь каменну святаго и великого мученика Христова Георгия, украси ю иконами коваными, и съсуды служебныя серебряныя, и платцы оксамитны шиты золотом съ женчюгом, херувими и серафими, и иньдятья золотом шита вся, а другаа паволокы бълчатое, а в малую олтару обь иньдятьи, бълчатое же паволокы, Еуглие списа опракос, окова е все золотом и каменьемъ дорогымъ съ женчюгом, и деисус на нем скован от злата, цыты великы съ финиптом, чюдно видением, а другое Еуаглие опракос же волочено оловиром, и цыту възложи на не с финиптом, а на ней святаа мученика Гльбъ и Борисъ. Апостоль опракос, Прологы списа 12 месяца, изложено житиа святыхъ отецъ, и дѣяния святыхъ мученикъ, како вѣнчашася своею крѣвию за Христа, и мѣнеи 12 списа, и триоди, и охтай, и ермолой. Списа же и служебникъ святому Георгию, и молитвы вечернии и утрѣнии списа особъ молитвеника. Молитвеник же купил в протопопиное и да на нем 8 гривен кун, и да святому Георгию, кадилници двѣ, одина сребрена, а другаа мѣденаа, и крестъ въздвизалный да святому Георгию, икону же списа на золотъ намѣстную святаго Георгия и гривну златую възложи на нь съ женчюгом, и святую богородицю списа на золотъ же намѣстную, и възложи на ню монисто золото с каменьемъ дорогымъ, и двери солиа мѣдяныя, почалъ же бѣше писати ю и списа всѣ три олтарь, и шия вся съписана бысть, но не скончана, заиде бо и болѣсть.

Полиа же и колоколы дивны слышаниемъ, такихъ же не бысть въ всей земли. В Берестии же създа стѣпь каменъ, высотою, яко и Каменецкый. Постави же и церковь святаго Петра, и Евангелие да опракос оковано серебром, и служебныя съсуды скованы сребрены, и кадилница сребрена, и крестъ въздвизалный туто положи. И инаа многаа добродѣяния съдѣа въ животь своемъ, яже словут по всѣмъ землям. Тутю же положимъ конецъ Вѣлодимерову княжению.

Сему же благовѣрному князю Володимерю, нареченному въ святомъ крещении Иоанну, сыну Василкову, вложену въ гробъ, и лежа въ гробъ тѣло его незамазано от 11 дне месяца декабря

до 6 дне месяца априля. Княгини его не можаше ся втолити, но пришедши съ епископом Евсегениемъ и съ всѣмъ крилосомъ, открывши гробъ и видиша тело его цѣло и бѣло, и благоухание от гроба бысть и воня подобна арамат многоцѣнныхъ, и тако чудо видѣ, видѣвше же прославиша бога. И замазаша гробъ его месяца априля въ 6 день, в среду Страстное недѣли.

Начало княжения Великаго князя Мъстислава в Володимерѣ

Въ лѣто 6797. Князь же Мъстиславъ не притяже на погребенье тѣла брата своего Володимѣря, но приѣха послѣ с бояры своими и со слугами, и ѣха в епископью ко святѣй Богородици, идеже положень бысть братъ его Володимѣрь, и плакася надъ гробомъ его плачемъ великимъ зѣло, аки по отцѣ своемъ по король.

И утоливъ же ся от плача, и нача росылати засаду по всимъ городомъ. Хотящу же ему послати до Берестья и до Каменьца и до Бѣльска, и приде ему вѣсть, оже уже засада Юрьева в Берестѣи, и во Каменци и во Бѣльски. Берестѣяни бо учинили бяхуть коромолу и, еще Володимеру князю болну сущю, они же вѣхавше къ Юрьеву князю, цѣловаша крестъ на томъ, рекуче: «Како не достанетъ стрѣя твоего, ино мы твои и городъ твой, а ты нашъ князь».

Володимеру же преставлешюся и Юрьи услыша вѣсть о стрѣи своимъ, и вѣеха въ Берестий, и нача княжити в немъ, по свѣту безумныхъ своихъ бояръ молодыхъ и коромолниковъ берестѣанъ. Мъстиславу же рекоша бояръ его и братни бояре: «Господине, сыновѣцъ твой велику соромоту возложи на тя. Тебѣ далъ богъ и братъ твой и молитва дѣда твоего и отца твоего. Можемъ, господине, головы своѣ положить за тя, и дѣти наши. Поиди первое, заими городъ его Белзъ и Червень, но тоже поидеши къ Берестѣю». Князь же Мъстиславъ бяшетъ легосердъ и рече бояромъ своимъ: «Не дай ми богъ того учинити, оже бы мнѣ пролити кровь неповинную, но я исправлю богомъ и благословениемъ брата своего Володимера».

И посла послы ко сыновцю своему, тако река: «Сыновче, оже бы ми ты не былъ на томъ пути и не слышалъ ты, но ты самъ слышалъ гораздо и отецъ твой, и вся рать слышала, оже

братъ мой Володимиръ дал ми землю свою всю и города по своему животь, при царьхъ и при его рядцяхъ, а вамъ повѣдалъ, а я повѣдалъ же. Аже чего еси хотѣлъ, чему есь тогда со мною не молвилъ при царьхъ? А повѣж ми, то самъ ли есь в Бѣрестьи сълъ своею волею, ци ли велениемъ отца своего, а бы мѣ вѣдомо было. Не на мя же та кровь будетъ, но на виноватомъ, а по правомъ богъ помощник и хрестъ честный. Я же хочу правити татары, а ты сѣди. Аже не поедешь добромъ, а зломъ пакъ поѣдешь же».

Посемъ посла ко брату своему ко Лвови епископа своего володимерского, река ему: «Жалую, — рци, — богу и тобѣ, зане ми — рци — есь по бозѣ братъ ми есь старбиший. Повѣж ли, брате мой, право, своею ли волею сынъ твой сълъ в Берестьи, ци ли твоимъ повелениемъ? Оже будетъ твоимъ повелениемъ се учинилъ, се же ти повѣдаю, брате мой, не тая: послалъ есмь возводить татаръ, а самъ пристраваюся, а како мя богъ расудить с вами, а не на мнѣ та кровь будетъ, но на виноватомъ, но на томъ, кто будетъ криво учинилъ».

Левъ же убоися того велми, и еще бо ему не сошла оскоми-на Телебужины рати, и рече епископу брата своего: «Сынъ мой — рци — не моимъ вѣданиемъ се учинилъ, то одинъ богъ вѣдаетъ, но своему молодымъ умомъ учинилъ, о семъ, — рци — брате мой, не печалуй, шлю я к нему, ать поѣдетъ вонъ из города сынъ мой». Епископъ же приѣха ко Мьстиславу и нача повѣдати рѣчь братну. Мьстиславу же любо бысть то.

Посемъ же Мьстиславъ вборзъ посла гонцъ по Юрьи князи Пороскомъ, веля воротити и назадъ, послалъ бо бѣшетъ возводить татаръ на сыновца своего. Тогда бо Юрьи Пороский служаше Мьстиславу, а первое служилъ Володимиру.

Се же услышавъ, Левъ князь посла Семена своего дядьковича ко сынови своему с прочними рѣчьми, река ему: «Поѣдь вонъ из города, не погуби землѣ, братъ мой послалъ возводить татаръ. Не поѣдешь ли вонъ, я же ти буду помочникъ брату своему на тя. Аже ми будетъ смерть, по своему животь даю землю свою всю брату своему Мьстиславу, а тобѣ не дамъ, оже мене не слушаешь, отца своего».

Семенови же ѣдущю ко Юрьеву, Мьстиславъ же посла с нимъ Павла Деонисьевича, тѣмъ бо ѣздѣлъ бѣшетъ ко Лвови и вѣдаетъ вси рѣчи, посла же с нимъ и отца своего духовнаго, река Павлови: «Оже ти поидетъ вонъ сыновѣцъ ми, наряди же до мене кормъ и питье, тако же и в Каменци наряди».

Семенови же приѣхавшу ко Юрьеву и повѣдаючи рѣчь отню, и бысть назавѣтрѣ поѣха Юрью вонь из города с великимъ соромомъ, пограбивъ всѣ дома стрѣя своего, и не остася камень на камени в Берестѣи и в Каменци и в Бѣльскѣи. Павелъ же Мѣстиславу повѣда: «Сыновѣцъ уже поѣхалъ, а ты, господине, поѣдь во свой городъ».

Мѣстиславъ же поѣха до Берестѣи. Ёдущю же ему к городу, и срътоша его горожанѣ со кресты от мала и до велика, и приѣша и с радостью великою, своего господина. Берестѣяни же начальницъ коромоль бѣжаша по Юрью до Дорогичина, цѣловалъ бо к нимъ крестъ на томъ: «Не выдамъ васъ стрѣви своему». Мѣстиславъ же пребывъ мало дний в Берестѣи, и ѣха до Каменца и до Бѣльска, и ради быша ему вси людье. Утвердивъ люди, и засаду посади в Бѣльски и в Каменци.

И приѣха въ Берестѣи и рече бояромъ своимъ: «Есть ли ловчий здѣ?» Они же рекоша: «Нѣтуть, господине, из вѣка». Мѣстиславъ же рече: «Азъ пакъ уставляю на нѣ ловчее за ихъ коромолу, абы мѣ не позрѣти на нихъ кровь». И повелъ писцю своему писати грамоту:

«Се азъ князь Мѣстиславъ, сынъ королевъ, внукъ Романовъ, уставляю ловчее на берестѣяны и в вѣкы за ихъ коромолу: со ста по двѣ лукнѣ меду, а по двѣ овцѣ, а по пятидесятъ десяткѣвъ лну, а по сту хлѣба, а по пяти цебровъ овса, а по пяти цебровъ ржи, а по 20 куръ, а по толку со всякаго ста. А на горожанехъ 4 гривны кунъ, а хто мое слово порушить, а станеть со мною передъ богомъ. А вопсалъ есмь в Лѣтописецъ коромолу ихъ».

Князь же Мѣстиславъ съѣдъ на столѣ брата своего Володимѣра на самый Великъ День мѣсяца априля въ 10 день, и нача княжити по братъ своему правдолюбьемъ свѣтятся ко всей братѣи своей и къ бояромъ, къ простымъ людемъ. И бысть радость велика тогда людемъ: се Воскресение господне, а се княже сидение. Миръ держа с околными сторонами, с ляхы и с нѣмци, с литвою, одержа землю свою величествомъ, олны по тотары, а сѣмо по ляхы, по литву.

Тогда же литовскій князь Будикидъ и братъ его Будивидъ даша князю Мѣстиславу городъ свой Волѣковескъ, абы с ними миръ держалъ.

И утвердивъ же засаду в Берестѣи, и поеха до Володимѣра. И приѣхавшу ему в Володимѣрь, и съѣхашася к нему бояръ его старѣи и молодии бѣщисленное множество. Тогда же приѣ-

ѣхаль бѣшеть Кондрать князь Сомовитовичъ ко Мьстиславу, прося собѣ помочи на ляхы, поити хотя на княжение Судомирское. Мьстиславъ же обща ему, а Кондрата одари и бояры его всѣ, и отпусти рекъ ему: «Ты поѣдь, а я по тобѣ пошлю рать свою». Кондратови же поѣхавшу, Мьстиславъ же совокупи рать свою, посла ю, нарекъ Чюдина воеводу. И тако съде Кондрать князь в Судомиръ княземъ Мьстиславомъ, сыномъ королевымъ, и его помочю.

Въ лѣто 6798. По Лѣстьцѣ же съде во Краковъ Болеславъ Сомовитовичъ, брат Кондратовъ. И пришед Индрихъ князь Воротьславскій, выгна и, хотя самъ княжити. Болеславъ же, совокупивъ рать свою и братью свою Кондрата и Локотка, поидоша на Андриха Кракову. Индрихъ же не стерпѣ прихода ихъ и выѣха вѣнъ до Воротьславля, а засаду свою посади во Краковъ: нѣмцѣ, лутшии свои мужъ, общався имъ дарми великими и волостями, а самѣхъ води ко кресту, какъ бы не передати города Болеславу. Они же цѣловаше, рекуще: «Можемъ головы свои за тя сложити, а не передадимъ города». Индрихъ же и кормъ имъ остави до изобилья. Болеславу же пришедшу с братьею своею, и вѣхъ въ мѣсто, а в городъ нелзѣ бысть вѣхати ратными, зане боряху крепко из него пороки и самострѣлы. Тѣмъ же немощно бысть приступити к нему. И стаха около города, изъѣдающе села, и бысть ѣха в зажитѣе единою въздале от города, мьститчѣ же не бѣяхуся по Болеславъ с горожаны, но рекоша: «Кто сядетъ княжити во Краковъ, то нашъ князь». И стояша у города лѣто цѣло, бѣючеся у города, и не успѣша у него ничтоже.

Въ лѣто 6799. Левъ князь, брат Мьстиславъ, сынъ королевъ, внукъ *Романовъ*, самъ иде в помощь Болеславу. Пришедшу бо ему ко Кракову, и рад бысть ему Болеславъ, и Кондрать и Локотко, акы отцю своему, зане бысть Левъ князь думенъ и хороборъ и крѣпокъ на рати, не мало бо показа мужество свое во многихъ ратѣхъ.

И нача Левъ ѣздити около города, абы ему куда мочно взяти, горожаномъ грозу подавая, и не бысть мочно никуда же, весь бо бѣше учиненъ от камени, и утвержение его немало — пороки и самострѣлы коловоротныи, великими и малыми. Посем же ѣха во станы своя.

И наутрѣя же воставъ, и възходящую солнцю, и поиде к Тынцю, и бишася у него крѣпко, одва города не взяша. Мнози горожани от нихъ избити быша, а друзии ранени, а свои

вси цѣль быша. И приде Левъ опять ко Кракову, и повель воемъ своимъ пристраватися, хотя поити битися к городу, и ляхомъ тако же повель. И поидоша вси, и пользоша ко забороломъ, и бяхуся крѣпко обои. И в то веремя приде вѣсть Лвови князю, оже рать идеть на нь велика. И повель перестати от боя. И нача наряжати полкы своя, а Болеславъ с Кондратомъ своѣ полкы, а сторожъ пославъ на сгляданіе ратныхъ, и не бысть ничегоже. Но воеводы лядскіи сами полошахутся и, абы не взяти города. Левъ же усмотрѣвъ лѣсть ихъ и дума много с бояры своими, посла рать свою к Воротѣславу воевати Индрихъвы земли. И взяша бещисленое множество челяди и скота и конии и товара, зане не входила башеть никакаже рать толь глубоко в землю его, и придоша ко Лвови с честию великою и со множествомъ полона. Лвови же радость бысть велика, оже свои вси добри здорови, а полона много.

Тогда же Левъ ѣха в чехы на снемъ къ королеви, зане любовь держаше с нимъ велику, и доконцавъ с нимъ миръ до своего живота. Король же одаривъ Лва дарми всякими дорогами, и тако отпусти с великою честию, и приѣха ко своимъ полкомъ. И радъ быша ему бояръ его и слугы его, видяще своего *господина*. У города же у Кракова не успѣша ничтоже. И поиде Левъ во свояси с честию великою, возьмъ бесчисленное множество полона, челядии и скота, и конии, и товара, славяще бога и пречистую его мать, помогшу ему.

Того же лѣта. Мьстиславу князю вложи ему богъ во сердце мысль благу созда гробницу камену надъ гробомъ бабы своей Романовой в монастырь въ святого. И свяща ю во имя праведнику Акима и Анны, и службу в ней створи.

Того же лѣта в Черторыйскы в городъ заложи столпъ камен.

Въ лѣто 6800. Преставися Пиньскій князь Юрь, сынъ Володимировъ, кроткій, смиреный, правдивый. И плакася по немъ княгини его и сынове его и брать его Демидъ князь, и вси людье плакахуся по немъ плачемъ великимъ.

Тое же зимы преставися Степаньскій князь Иванъ, сынъ Гльбовъ. Плакахуся по немъ вси людье от мала и до велика. И нача княжити в него мѣсто сынъ его Володимиръ.

---

5. Софийская первая летопись младшего извода (1380–1418 гг.).

По рукописи РНБ, ОСПК, Ф. IV. 211 (60–70 гг. XV в.) Толстовский список). Одна из основных общерусских летописей XV в., доводит свое изложение до 1418 г. Публикацию текста по рукописи подготовил М. А. Шибаев.

Правила передачи текста.

Правописание сохраняется. Знаки препинания проставляются согласно современным правилам, но с учетом особенностей текста рукописи. Полужирным шрифтом передаются киноварные буквы. ѣ и ѵ сохраняются;

Ѹ и ѹ передаются как оу;

Ѡ и ѡ передаются как я;

Ѣ передается как у;

Ѧ передаются как ф;

Ѩ и ѩ передаются как и;

Ѫ и ѫ передаются как з;

Титла раскрываются. Выносные вносятся в строку. В круглых скобках ( ) помещаются реконструируемые буквы, написание которых неустойчиво в рукописи.

В квадратных скобках [ ] помещаются механически утраченные буквы, реконструкция которых производится по другим спискам.

// л. 226 об. В лѣто 6888. Благовѣщеніе бысть в Великъ день, а перво сего было за 80¹ лѣт и за 4 лѣта, а потом боудеть за² 80 лѣтъ без лѣта, а потом боудеть за 11 лѣтъ.

Побоище великого князя Дмитрия Ивановичя на Доноу с Мамаемъ. Прииде ординьскій князь Мамаи съ единомысленики своими, со всѣми князи ординьскими и со всею силою тотарскою и половецскою, а еще к томуу рати понаимоваль: бесермены, нарменія, фрязы, черкасы, ясы, боуртасы. Тако же съ Момаем вкоупъ, въ единой мысли и въ единой доумъ и литовскій князь Ягаило Олгордович и со всею силою литовскою и лятскою, съ ними жи в одиначѣствъ и князь Олегъ Иванович рязаньскій со всѣми сими совѣтники, поиде на великого князя Дмитрия Ивановича. Но хотя человеколюбивыи Богъ спасти и свободити род человеческыи хр(и)стіяньскыи молитвами пречистыа его Матери, от работы измалтѣскыа, от поганана Мамаа и от сонма нечестиваго Ягаила, и от велерѣчиваго и от хоудаго Олга рязаньскаго, не снабдѣвшемуу своего хр(и)стіяньства; приидеть емоу день великыи Господень в соуд. Оканныи же Мамаи разгордѣся, мнѣ в себе акы царя и начя злыи съвѣтъ творити, темныа своя князя поганая звати, рече имъ: «Поидемъ на роусьскаго князя и на всю Роусьскоую землю, яко же при Батыи цари было, хр(и)стіяньство потеряемъ, а церкви Бож(и)а попалимъ огнемъ, законъ их погоубимъ, а кровь хр(и)стіаньскоую пролиемъ». Сего ради нечестивыи лють гнѣ // л. 227 ваяся о своих друзѣх и любовницѣх, о князех избиеных на Вождь рѣцѣ. И нача сверѣпыи напрасно силы своя копити, съ яростию подвижеса со многою силою, хотя плѣнити хр(и)стіяны. Тогда двигноушася вся колѣна татарская, и начя посылати к Литвѣ, к поганомуу Ягаилоу и къ лѣстивомуу сотонщикуу, дияволу съвѣтникуу, отлоученомуу сына Божия, помраченномуу тмою грѣховною, не въсхотѣвшоу разоумѣти Олгоу рязаньскомуу, поборникуу бесерменьскомуу, лоукавомуу князю. Яко же рече Христос: «От насъ изидоша, а на ны быша». И оучини себѣ старыи злодѣи Мамаи съвѣтъ нечестивыи с поганою литвою и съ доушегоубным Олгом, стати им оу Оки на березѣ на Семень день на благовѣрнаго великаго князя Дмитрия Ивановичя. Доушегоубныи же Олегъ

¹ Кириллическая цифра 80 (п) переделана из 8 (н).

² После за поставлена палочка І, но без точек.

начя зло ко злоу прилагати, и посылаше къ безбожномуу Мамаю и к нечестивомуу Ягаилоу своего боярина единомысленаго антихристова предотечю, именем Епифана Корьева, веля имъ быти на тои же срокъ, еже свѣщали: стати имоу Оки на березѣ с треглавными звѣреми и с сыроядци и кровопролитыци хр(и)стіяньскими. О враже, измѣнниче Олже! Лихоимства открываеши образъ, а не въси, яко мечъ Божии острится на тя. Яко же пророкъ рече: «Оружие извлекоша грѣшници, и напругоша лоуки своя стрѣляти в мращъ правыя сердцемъ. Оружие их внидеть въ сердца их, лоуци ихъ скроушатся». Бысть же мѣсяца августа, приидоша от Орды таковыя вѣсти: ко хр(и)столюбивомуу великомуу князю Дмитрию Иванович(оу), оже въздвижется на хр(и)стіяньство и // л. 227 об. змаилтеиский род. Олгоу же оуже отпадшемуу сана своего от Бога, иже злыи съвѣтъ сътвори с погаными, и посла к великомуу князю Дмитрею Иванович(оу) с вѣстію лестною, что Мамаи идеть со всѣм своимъ царствомъ в мою землю Рязаньскоую на мене и на тебе. А то ти вѣдомо боуди, и князь литовский Ягаило идеть на тобѣ со всею силою. Великий же князь Дмитрии Иванович слышавъ не веселую тоу годиную, что идоуть на него вся царства творящая безаконія, а ркоуще: «Еще наша роука высока есть». Великий же князь Дѣмитрии Иванович иде къ съборной церкви, къ пречистѣи Матери Божии Богородици пролия слезы и рече: «Господи, ты всемошныи и всесилныи, и крѣпкы въ бранех, воистинноу еси царь славы, сътворивыи небо и землю, помилоуи ны пречистыя ти ради Матерѣ молитвами, не остави нас, егда оунываем. Ты бо еси Богъ нашъ, а мы людие твои, послѣ роукоу твою свыше и помилоуи ны, посрами враги наша, и помилоуи ны, и оружія ихъ притоупи. Силенъ еси, Господи, и кто противится тебѣ. Помяни, Господи, милость свою, юже от вѣка имаши на родъ хр(и)стіяньстѣм. О многоименитая Госпоже царице небесныхъ чиновъ, присно всея вселенныа и всего живота человѣческаго кормительнице! Въздвигни, Госпоже, роуцъ свои пречистыя, има же носила еси Бога воплощенна, не презри хр(и)стіянь сихъ, и избави насъ от сыроядецъ сихъ и помилоуи». Вста от молитвы, изиде из церкви, и посла по брата своего князя Володимера Андрѣявича и по всѣхъ князеи роусьскихъ и по великы воеводы. И рече князь великий братоу сво // л. 228 емоу князю Володимероу Андреевичю и ко всѣмъ княземъ роусь-

ским: «Поидемъ противоу сего оканнаго и безбожнаго и нечестиваго и темнаго сыроядца Мамаю, за правовѣрноую вѣроу хр(и)стіяньскоую и за святыя церкви и за вся хр(и)стіяны». И возьмъ с собою скипетръ царя небеснаго, непобѣдимую побѣдоу, восприим Авраамлю доблесть и нарекъ Бога и рече: «Господи, в помощь мою вонми, Боже, на помощь мою потщися. Да постыдятся и посрамлятся и познають, яко имя тебѣ Господь, яко ты единъ вышній по всеи земли». И совокупися съ всѣми князи роусьскими и со всею силою, и поиде противоу ихъ вборзъ с Москвы, хотя боронити свою вотчину и прииде на Коломну: и собравъ вои своих 100 тысящъ и сто опроче князеи роусьскихъ и воевод мѣстных: от начала миру такова не бывала сила роусьскихъ князеи и воевод мѣстных, яко же при сем великом князи Дмитрии Ивановичѣ. Бяше всея силы и всѣхъ ратей числомъ с полтораста тысящъ или съ двѣсть тысящъ. Еще к томуу приспѣша вотчинъ разныхъ издаlechъ велици князи Олгордовичи: князь Андрей Олгордович полотьскый со псковичи и братъ его князь Дмитрей Олгордовичъ брянскый со всею брянскою силою приѣхали¹ поклонитися и послужити великому князю Дмитрею Ивановичю. Мамаи же ста за Дономъ възбоуяся и възгордѣся и гнѣваяся, стоя три недѣли со всѣмъ своимъ царствомъ. И прииде другая вѣсть паки к великому князю Дмитрею Ивановичю, повѣдаша емоу Мамаю за Дономъ, в полѣ сто // л. 228 об. яща собравшася, ждоущи к себѣ на помощь князя литовскаго Ягаила с литвою. Да егда сбероутся вкупѣ и сътворять побѣдоу с одного. И начя Мамаи слати к великому князю Дмитрею Ивановичю выхода просити, какъ было при Занбѣкъ цари, а не по своемуу dokonчанию. Боголюбивый же князь великый Дмитрии Иванович, не хотя кровопролития и хотѣ емоу выходъ дати по хр(и)стіяньскои силѣ и по своемуу dokonчаню, какъ с нимъ кончалъ. Он же не въсхотѣ, но высоко мысляще ожидаше своего нечестиваго съвѣта литовскаго.

Олегъ же, отстоупникъ нашъ, приединився ко зловѣрномуу и поганомуу Мамаю и нечестивомуу Ягаилоу и начя выходъ емоу даяти и силоу свою к немуу слати на великаго князя Дмитрия Ивановича. Великый же князь Дмитрей Иванович оувѣдавъ лѣсть лоукаваго Олга, кровопивца хр(и)стіяньскаго, новаго Июдоу предателя, на своего владыкоу бѣсит-

---

¹ В слове приехали ли дополнено более светлыми чернилами над строкой.

ся. Великий же князь Дмитрии Иванович въздохнуувъ из глоубины сердца и рече: «Господи! Съвьты неправедных разори, а зачинающих рать погуби. Не азъ почаль кровь проливати хр(и)стианьскоую, но онъ, Святополкъ новыи. Въздаи же емоу, Господи, седмьдесят седмерицею, яко во тмъ ходять забывъ благодать твою, и поостри яко молнию мечь мои, и приметь соуд роука моя, и въздамъ месть врагом и ненавидящим мя въздамъ и оупою стрълоу мою от крови их, да не ркоуть невѣрнии, гдѣ есть, или кто Богъ их. Отъврати, Господи, лице свое от нихъ и покажи им вся, Господи, злая напоследокъ, яко // л. 229 род развращаемыи есть и нѣсть вѣры в нихъ твоея, Господи. Пролъи на ня гнѣвъ твои на языки незнающе тебе, Господи, и имени твоего святого не призваша. Кто Богъ велии яко Богъ нашъ! Ты еси Богъ творяи чюдеса единъ». И кончавъ молитвоу иде къ церкви святая Богородица, и къ епискоупоу Герасимоу, и рече емоу: «Благослови мя, отче, поидти противоу окааннаго сего сыроядца Мамаю, и нечестиваго Ягаила, и отъстоупьника нашего Олга, отстоупившему свѣта во тмоу». И святитель Герасим благослови великого князя Дмитрия Ивановича и вся воя его. И поидти противоу нечестивыхъ агарянь. И поиде с Коломны великою ратию противоу безбожныхъ татаръ мѣсяца августа въ 20 день, оуповая на милосердие Божие и на пречистую его Матерь приснодевоу Марию, и призывая на помощь честныи крестъ. И прошед свою отчиноу великое княжение, и ста оу Оки на оустъ Лопастны, переимая вѣсти отъ поганых. И тоу наѣха его брать его князь Володимерь Андрѣвич и воевода его Тимофѣи Василиевич и всѣ вои останочные, что были оставлены на Москвѣ, и начаша возитися за рѣкоу, за неделю до Семеня дни, въ день неделныи, и переѣхаша за рѣкоу, и внидоша в землю Рязаньскоую. А сам великий князь Дмитрии Иванович в понедельник пѣбродися своимъ двором, а на Москвѣ остави воеводъ своихъ оу великыѣ княгини и оу сыновъ своихъ Феодора Андреевича. И слышавше в градъ на Москвѣ и в Переяславль, и в Володимерь, и в Ростовъ, и на Костромъ, и во всѣхъ градѣхъ великого князя и всѣхъ князеи // л. 229 об. роусьскихъ, что пошоль князь великий за Окоу. И бысть въ градъ на Москвѣ и по всѣмъ градомъ тоуга велика¹ и плачь горекъ, и глас

---

¹ После слова стоит непонятный значок, напоминающий палочку с запятой.

рыдания. И слышано бысть сирѣчь в высокихъ: Рахиль же есть рыдание крѣпко плачущееся чадъ своихъ с великимъ рыданиемъ и съ въздыханиемъ, нехотяше оутѣшиться, занеже пошли с великимъ княземъ за всю землю Роусскоую на острые копия. Да хто оуже не плачется женъ онѣхъ рыдания и горкаго ихъ плача? Зряще оубо ихъ, каяждо к себѣ глагола(а)ше: «ОУвы нам, оубогая наша чадца! ОУне бы нам было, да бы ся есть не родили. За сия злострастныя и горкыя печали и вашего оубииства не подъяли быхом почто быхомъ повинни пагоубѣ вашей». Великий же князь Дмитреи Иванович прииде к рѣцѣ к Доноу за два дни до Рождества святыя Богородица. Тогда же приспѣла грамота от преподобного игумена Сергия от святого старца благословеная. Въ ней же писано благословение его таково, веля емоу битися с тотары: «Чтобы еси, господине, такъ и пошелъ, а поможет ти Богъ и святая Троица». Великий же князь рече: «Сии на колесницахъ, а сии на конехъ. Мы же имя Господа Бога нашего призовемъ, и побѣды даи ми, Господи, на соупостаты, и пособи ны и оружиемъ крестнымъ низложи врагы наша, и на тя оуповающе побѣждаемъ, молящеся прилѣжено Пречисти-ви ти Матери». И се изрекъ нача полци ставити, и оустроишася въ одежда местную, яко велиции ратници, и воеводы ополчиша свои полки. И приидоша к Доноу, и стаща тоу много доумаяще, овии глаголаху: «Поиди, княже, за Донъ». А инии глаголаху: «Не ходи, занеже оумножишася врази наши, не токмо // л. 230 татарове, но и литва, и рязанци». Мамаи же слышавъ приходъ великого князя Дмитрия Ивановича со всѣми князи роусьскими и со всею силою своею к рѣцѣ Доноу, и съченыя своя видѣ, и възъярися зракомъ, и смоутися оумомъ, и распалися лютою яростию, и наполни-ся акы аспида нѣкая гнѣвомъ дышоуще. И рече княземъ своимъ темнымъ: «Двигнемся всею силою моею темною и станемъ оу Доноу противоу князя Дмитрия, доколе приспѣеть к намъ свѣтъникъ нашъ князь Ягаило со всею силою своею литовскою». Великий же князь Дмитреи Иванович слышевъ хвалоу Мамаевоу, и рече: «Господи, не повелѣлъ еси в чюжии предѣлъ престоупати, аз же, Господи, не престоупихъ. Сии же приходяще, акы змии къ гнѣздоу окаанныи Мамаи, нечестивыи, сыроядець, на хр(и)стіяныство дерзноюль, кровь мою хотя проліяти, и всю землю осквернити и церкви свя-тыя разорити». И рече: «Что есть великое сверѣпство Мама-

ево? Акы нъкая ехидна прыскаюше, пришед отъ нъкыя поустыня, пожрети ны хоцеть. Не предаи же мене, Господи, окаанному семоу Мамаю! Покажи ми, Господи, славою Божества своего, Владыко! Гдѣ ти ангельстии лици, гдѣ ти херовимское предстояние, гдѣ серафимское шестокрильное слоужение? Тебѣ трепещоуть вся тварь, тебѣ поклоняются небесныя силы, ты солнце и луноу сътвори и землю оукра си всѣми лѣпотами! Яви ми, Боже, славою твою, и нынѣ, Господи, преложи печаль мою на радость, и помилоуи мя. Яко же помиловаль еси слоугоу своего Моисея, в горести доуша възпивша к тебѣ, и столпоу огненоу повелѣль еси пред нимъ и // **л. 230 об.** тти и морьскоую глоубиноу на соушоу предложи, яко владыка сыи Господь, страшно възмоущение на тишиноу преложиль еси». И си вся изрекшоу братоу своему князю Володимероу Андрѣевич(оу) и всѣмъ княземъ роусскимъ и воеводам великим: «Приспѣ время, брате, наша брани. Прииде праздникъ пречистое Богоматери царици Богородици и всѣхъ небесныхъ чиновъ Госпожѣ всея вселенныя, и честнаго ея рожества. Аще оживемъ, Господеви оживем, аще ли оумремъ за миро съ, Господеви, есмы». И повелѣ мосты мостити чресъ рѣкоу Донѣ и бродовѣ пытати, тое ночи, в каноунѣ праздника пречистые. Заутра же, в соуботоу пораноу, мѣсяца септебрия въ 8 день, в самыи праздникъ Рожества Пречистыя, възходящую солнцю, и бысть тма велика по всеи земли, и мгыляно бѣше было оутро до третияго часа. И повелѣ Господь тмѣ оустоупити, а свѣта пришествие дарова. Великий же князь Дмитрей Ивановичъ начя полци ставити, и вси князи роусстии свои полци оустроиша, и велиции его воеводы облекошася въ одежа мѣстныя, и ключа смертныя растерзахоуся. Троусъ же бѣ страшень и оужась събраннымъ чадомъ отъ востока и запада. И поидоша за Донѣ в далняя чясти земля и переидоша въскоре за Донѣ, люто и великимъ сверѣпствомъ, и напрасно, яко земномуу основанию двигнуутися отъ множества силы роусьскыя. Великий же князь Дѣмитрий Ивановичъ перешедъ за Донѣ в поле чисто в Ординьскыя земли, на оустѣ Непрядвы рѣкы, Господь Богъ единъ вождааше его и не бѣ с нимъ Богъ чюдѣ. Отъ крѣпкыя и тверд[ы]я¹ дерзости моужьства! О // **л. 231** како не оубоя-

---

¹ В слове твердыя ы заклеено при переплетении, восстановлено по другим спискам.

ся, ни оусоумнься толика множества противных рати! Се бо всташа на нь три земли и три рати: татарская, литовская, рязаньская. Но обаче всѣх сихъ не оубояся, никако же не оустрашишася, но еже к Богу вѣрю вѣоружеся и креста честнаго силою вѣоружившася, и оукрѣпися молитвами пречистыя Богородица, и оградися предстательствомъ небесныхъ силъ, и помолися Богу глаголя: «Помози ми, Господи Боже мой, и спаси мя милости твоея ради, и виждь враги моя яко оумножишася на мя. Господи! Что ся оумножишася стоужающии мнѣ? Мнози всташа на мя, и мнози борющеся со мною, мнози гонящеи мя, и вси языци обыдоша мя. Именемъ Господнимъ противляхся имъ». И бысть в шестоую годиною дни, начяша появливатися погании окааннии измаилтяне в полѣ чистѣ, и тоу исполчишася безбожнии татарове своими полкы противоу хр(и)стіяномъ, и начяша съзиратися обои полци, бысть обоихъ многое множество, яко и земля тоутняше, горы и холми трясахоуся. Они же извлекоша ороужия своя обоюдоуостри в роукахъ ихъ, и орли сбирахоуся, яко же есть писано: гдѣ троупия, тоу и орли. Пришедшимъ же рокомъ, яко начяша съжждатися стороживыя полкы роусскыя и татарскыя. Самъ же великый князь Дмитрии Ивановичъ нахъ напередъ въ сторожевомъ полкоу на поганого царя Теляка, нареченаго плотнаго диявола Мамаю, таче потомъ недолго попоустя отъхъ в великыя полкы. И се поиде великая рать Мамаева и вся сила татарская, а отъсель поиде великый князь Дмитрей Ивановичъ со всѣми князи роусьскыми, // л. 231 об. изрядивъ полкы противоу поганыхъ со всѣми ратми своими. И възрѣвъ на небо оумиленыма очима, въздохнуувъ из глоубины сердца, и рече слово псаломское: «Братіе! Богъ намъ прибѣжище и сила». И абие състоупишася обои силы великыя на долгъ часъ вмѣсто, и покрыша поле полкы, яко на десяти верстѣ, отъ множества вои, и бысть съча велика и брань крѣпка и троусъ великъ злы, яко от начала мироу не бывала съча такова великимъ княземъ роусьскимъ, яко же семоу великому князю всея Роуси Дмитрею Ивановичю. Биющимъ же ся имъ от шестаго часа до девятаго, пролияша кровь, акы дождевая тоуча, обоихъ, крестіянъ и тотарь, и множество много безчислено падоша троупия мертвыхъ обоихъ, и много роуси биено от тотарь, и от роуси тотарь, и паде троупъ на троупъ, паде тѣло татарское на тѣль хр(и)стіяньскомъ, а индѣ видѣти роусинъ за тотариномъ гонится, а

тотаринъ роуси насътигаше. Смятоша бо ся и размъсишася, коиждо бо своего соупротивника искаше погубити. И рече к себѣ Момаи: «Власи наши растерзаются, очи наши не могоуть огненныхъ слезъ испоущати, языци наши связаются, гор-тани пересыхаютъ, сердце раставаетъ и чресла ми протерзаются кольни изнемогають, и роуцъми оцъпають». Что намъ реши или глаголати, видящи злострастную сию смерть? Инии¹ бо мечемъ посъкаемы бываютъ, а инии соулицами прободаемы, а инии на копия взимаемы. Мнози же небывалци москвичи видѣвши тоу оустрашишася, и живота отчаявши-ся, а не помяноуша, яко же моу // л. 232 ченици, глаголаху другъ къ другоу: «Братие! Потерпимъ мало, зима яра, но раи сладокъ, и страстенъ мечъ, но сладостно вѣнчание». А иные сыны агарины на побѣгъ възвратишася отъ клича великаго и зря злаго оубииства. По сихъ же въ 9 часъ дни призръ Господь милостивыма очима на великаго князя Дмитрия Ивановича и на всѣ князи роусьскія и на крѣпкія воеводы и на вся хр(и)стіяны, и не оустрашишася хр(и)стіяне, дернзоуша, яко велици ратници. Видѣша вѣрнии, яко въ 9 часъ биющеся, аггели помогающе хр(и)стіяномъ и святыхъ мученикъ полкы, и воина великаго Христова Георгия и славнаго Дмитрия и великихъ князей тезоименитныхъ Бориса и Глѣба, въ нихъ же бѣ воевода свершаннаго полка небесныхъ силъ великыи архистратигъ Михаилъ. Двоѣ воеводы видѣша погании полци тресолночныя полкы и пламенныя ихъ стрѣлы, яже идоуть на нихъ. Безбожнии же татарове отъ страха Божія и отъ ороужія хр(и)стіяньскаго падаху. Възнесе Богъ десницею великаго князя Дмитрия Ивановича на побѣдоу иноплеменикъ. Безбожнии же Мамаи со страхомъ вострепетавъ и велми вѣстонавъ и рече: «Великъ Богъ кр(и)стіяньскъ, и велика сила его». И рече: «Братие измаиловичи! Побѣжимъ не готовыми дорогами». А самъ вдавъ плещи свои побѣже въскорѣ пакы къ Ордѣ. И то слышавше всѣ князи темныя и вся сила татарская и побѣгоша. И то видѣвши прочіи иноплеменици гоними гнѣвомъ Божиимъ, и страхомъ одержими соуше, от мала и до велика ихъ на бѣгъ оустремишася. Видѣвши же хр(и)стіяне, яко татарове побѣгоша съ Мамаемъ, и погониша за ними въ // л. 232 об. слѣдъ ихъ, биюще и съкоуще поганыхъ без милости. Богъ бо невидимую силою оустраши полкы пога-

---

¹ После слова зачеркнуто нии.

ных, и побѣгоша даша плещи свои на язвы. В погони же тои овии тотарове оружием от хр(и)стіянь падахоу, а друзії же в рѣцѣ истопоша. И гониша их до Мечи до рѣкы, и тамо бѣжащихъ безчисленное множество избиено бысть. Княжи же полци гоняще били и до содомлянъ и до стану ихъ, и полониша богатства много, и вся имѣнія ихъ и стада вся татарская. Тогда же, на томъ побоищи, оубиенъ бысть на състоупѣ: князь Федоръ Романовичъ бѣлозерскій, сынъ его князь Иванъ, князь Федоръ тороусскій, братъ его князь Мьстиславъ, князь Дмитрей Монастыревъ, Семень Михайловичъ, Микоула Василеевичъ, Михайло Ивановъ, сынъ Окинфовича, Иванъ Александровичъ, Андрѣи Серкизь, Тимофѣи Васильевичъ, Акатіевичъ, нарицаемыи Волоуи, Михайло Бренковъ, Левъ Морозовъ, Семень Меликъ, Дмитрей Миниичъ, Александръ Пересвѣтъ, бывъ преже бояринъ бреньскій, и инии мнози. Ихъ же имена соутъ писана в книгахъ животныхъ, сдѣ же не всѣ писахъ избиенныхъ имена, не писахъ множества ради именъ, токмо князи и бояре нарочитыя и воеводы, а прочихъ бояръ и слоугъ оставихъ, имена не писахъ множества ради именъ, мнози бо на тои брани побиени быша. Самому же великому князю Дмитрею Иванович(оу) бѣше видѣти доспѣхъ весь битъ на немъ и язвенъ, но на телеси его не бысть раны никоея же. А бился с татары в лице, ставъ напередѣ на первомъ соудѣ. О семь оубо // л. 233 мнози князи и воеводы глаголахоу емоу: «Княже, господине! Не ставися напередѣ битися, но назади, или на криль, или идѣ в опришнемъ мѣстѣ». Онъ же отвѣща имъ: «Да како азъ възглаголю: братіе моя, потягнемъ вкоупъ со единого, а самъ лице свое почноу крыти, или хоронитися назаду? Но яко же хощу словомъ тако и дѣломъ, напередъ всѣхъ и предъ всѣми главою свою положить за свою братію и за вся хр(и)стіяны, да прочіи то видѣвши приимутъ съ оусердіемъ дерзновение». Да яко же рече, тако и сътвори: бѣяше бо ся с тотары тогда ставъ напередѣ всѣхъ, а елико одесною его и ошоую его множество вои его битыхъ, самого же въкроугъ остоупиша, акы вода многа обаполы, и многа оударения по главѣ его оударишася и по плещема его, но отъ всѣхъ сихъ Богъ застоупилъ его въ день брани, и щитомъ истинны, и оружиемъ благоволения осянилъ есть над главою его, и десницею своею защитилъ есть его, роукою крѣпкою и мышцею высокою Богъ избавилъ есть и оукрѣпѣвы и его, тако промежи многими ратными цѣль съхраненъ

бысть. Не на лоукъ бо мои оуповаю, и оружие мое не спасеть мене, яко же рече Давыдъ пророкъ: «Вышняго положилъ еси прибъжище твое, не приидеть к тебѣ зло и рана не пристоупитъ к телеси твоему, яко ангеломъ своимъ заповѣсть от тебѣ, сохранить тя во всѣхъ поутехъ твоихъ, и не оубоишися от стрѣлы летящая во дне». Се же бысть грѣхъ ради нашихъ: вооружаются на ны иноплеменици, да быхом ся отстоупили отъ своихъ неправдъ, отъ братоненавидѣнія, // л. 233 об. и от сребролюбия в неправдоу соудящихъ, и от насилия. Но милосердъ есть благии человеколюбецъ Богъ не до конца прогнѣвается Господь, ни в веки враждуетъ. А отсель, от страны Литовския, князь Ягаило литовскій прииде со всею силою литовскою Момаю посабляти и поганымъ тотаромъ на помощь, а хр(и)стіяномъ на пакость, но и от тѣхъ Богъ избавилъ. Не поспѣша на срокъ за малымъ за едино днище или менши, но точию слышавше князь Ягаило Олгордовичъ и вся сила его, яко великому князю Дмитрию Иванович(оу) с Мамаемъ бои былъ, и великыи князь одолѣлъ, а Мамай побѣже безо всякого пождания. Князь же Ягаило со всею силою литовскою побѣжа назад со многою скоростію, никим же гоним, не видѣша бо тогда князя великого, ни рати его, ни оружия его¹, токмо имени его бояхоуся и трепетахоу. Великий же князь Дмитрии Иванович с братомъ своимъ со княземъ Володимеромъ Андрѣвичемъ и съ всѣми князи русьскими, и с воеводами, и с прочими бояры, и со всѣми вои оставшимися, ставъ тоя нощи на поганыхъ обѣдищѣхъ и на костехъ татарскихъ, оутерь потоу своего, и отдохнуувъ от троуда своего, велико благодарение принесе Богу, давшему таковою на поганыхъ побѣдоу, избавляющему раба своего от оружия люта: «Помянуулъ еси, Господи, милость свою, ни избавил ны еси, от сыроядецъ сихъ, отъ поганого Мамай и отъ нечестивыхъ измаиловичъ, отъ незаконныхъ агарянь, подавая честь яко сынъ своеи матери. И оуставилъ еси стремление страстное, и яко // л. 234 же еси оуставилъ слоузъ своему Моисею и древнему Дав(ы)доу, и новому царю Костянтиноу, и великому князю Ярославу Володимировичю, сродникоу великихъ князеи нашихъ, на окааннаго и проклятаго братомъ оубилицю безъглавнаго звѣри Святополка; и ты, пресвятая Богородице, помиловала еси милостию своею

---

¹ Ни оружия его дописано сверху над строкой более светлыми чернилами.

нась грѣшных рабѣ своихъ и весь родъ хр(и)стіяньскій, оумолила еси безлѣтнаго сына своего». И мнози князи роусьстии и воеводы прехвалными похвалами прославиша пречистую Матерь Божию Богородицу. И паки христілюбивыи великий князь Дмитрей Ивановичъ похваливъ дружиноу свою, иже крѣпко бишася со иноплеменики, и моужьскы, и храброваша, дерзноюша по Бозѣ и за вѣроу хр(и)стіяньскоую. И възвратися оттоуду въ богохранимый градъ Москву и въ свою отчину с побѣдоу великою, одолѣвъ ратныхъ, побѣдивъ врагы своя. И мнози вои его възрадовашася, яко обрѣтающе корысть многу, пригна бо с собою многа стада коней и вельблюди, и воли, им же нѣсть числа, и доспѣхы, и порты, и товаръ. Повѣдаша же великому князю Дмитрею Иванович(оу), что князь Олегъ рязаньскій послалъ Мамаю на помощь свою силу, а самъ на рѣкахъ мосты переметалъ, а хто поѣхалъ зъ Доновскаго побоища домовъ к Москвѣ сквозъ его отчину, Рязаньскоую землю, бояре или слоуги, а тѣхъ велѣлъ имати и грабити и нагихъ поущати. Великий же князь Дмитрей Ивановичъ хотѣ противу послати рать свою на князя Олга, и се внезапноу приѣхаша к нему бояре рязаньстии и поведаша, что князь Олегъ // л. 234 об. повергль свою отчину, землю Рязаньскоую, а самъ побѣжа и со княгынею и с дѣтми и съ бояры, и молиша его много о семъ, дабы на нихъ рати не послалъ, а сами биша емоу челомъ в рядъ и оурядишася оу него. Великий же князь послуша ихъ, приимъ челобитіе ихъ, рати на нихъ не посла, а на рязаньскомъ княженіи посажа намѣстници своя. Тогда же Мамаи не въ мнозѣ оубѣжа, и прибѣжа въ землю свою въ малѣ дружинѣ, видя себѣ бита и побѣжена, и посрамлена, и пороугана. И паки гнѣвашеся и яряся зло, и собра останочную свою силу, еще въсхотѣ итти изгономъ на Роусь. И сице емоу оумыслившоу, и се прииде к нему въсть, что идетъ на него нѣкій царь со востока, именемъ Тактамышъ, изъ Синіе Орды. Мамаи же, иже на ны рать оуготова, и с тою ратию готовою поиде противу его, и срѣтошася на Калкахъ, и бысть имѣ бои, и царь Тактамышъ побѣди Мамаю и прогна его. Мамаевы же князи шедше съ конь своихъ, и биша челомъ царю Тактамышю, и даша емоу правдоу по своей вѣрѣ, и яшася за него, а Мамаю оставиша пороугана. Мамаи же то видѣ побѣже съ единомысленики. Царь же Тактамышъ посла за нимъ въ погоню вой своя. Мамаи же гонимъ сыи бѣгая предъ Тактамышевыми гонители; и при-

бже близъ города Кафы, и сослася с ними по dokonчаниу и по опасоу, дабы его прияли на избавление, дондѣже избоудеть отъ всѣхъ гонящихъ его. И повелѣша емоу, и прибѣжа Мамаи в Кафоу со множествомъ // л. 235 имѣния, злата и сребра; кафинци съвѣщахася и сотвориша над нимъ облесть, и тоу отъ нихъ оубиенъ бысть, тако конецъ безбожному Мамаю. Самъ же царь Тактамышъ шедъ взя Ордоу Мамаевоу и царици его и казноу его, и оулоусы всѣ поима, и богатство Мамаево раздѣли дружинѣ своей. И отпусти послы своя на Роусь къ великому князю Дмитрею Ивановичю и ко всѣмъ княземъ роусьскимъ, повѣда имъ свои приходъ, како сълъ на царство и побѣдилъ спорника своего и ихъ врага Мамаю побѣди, а самъ сѣде на царствѣ Волжскомъ. Князи же роусскыя посла его отпустиша съ честію и с дары, а сами на весноу тоу за ними послаша в Ордоу ко царю кождо своихъ киличѣи со многими дары. **В** то же лѣто поставленъ бысть на Роусь Поуминъ митрополит. **В** то же лѣто бысть мятежъ великъ в Литвѣ, Богоу попоущешоу на нѣя гнѣвъ свои, вѣсташа сами на ся, и оубиша великого князя Кестютія Гедимановича, и бояръ его избиша. А сынъ его князь Витовтъ бѣжа в Нѣмци, и много зла сѣтвори земли Литовской, подъя бо быше Кестютеи великое княжение подъ княземъ Ягаиломъ.

В лѣто 6889. Оженися великий князь Ягаило Олгордович, поя нѣкотороую королицю, не имоущю ни оца, ни матери ея же ради достася емоу королевство в Лядской земли. Тое же осени стоялъ князь литовскій подъ Полотъскомъ Скиригаило со всею силою своею, бысть же с нимъ и немецкая сила, и бысть много тягости горожаномъ, и отидоша города не взявше.

В лѣто 6890. // л. 235 об. **О Московскомъ взятии отъ царя Тактамыша и о плѣнении земля Роусьскыя.** Бысть нѣкое проявление, по многы нощи являшеся таково знамение на небеси: на встоцѣ предъ раннею зарею звѣзда нѣкая акы хвостата и акы копейнымъ образомъ, овогда же в вечернѣи зорѣ являшеся, то многожды бываше. Се же знамение проявляше злое пришествіе Тактамышово на Роусьскоую землю и горкое поганыхъ татаръ нахождение на хр(и)стіанѣхъ. Яко же се бысть гнѣвомъ Божиимъ за оумножение грѣховъ нашихъ. Бысть въ третіе лѣто царства Тактамышева, царствующю емоу в Ордѣ и в Сарай, и того же лѣта царства его посла татаръ своихъ в Болгары, еже есть градъ на Волзѣ, и повелѣ торговци

роусьскыя избити и гости грабити, а соуды их и с товаром отимати и попровадити к себѣ на перевозѣ. А самъ потщався съ яростию, собравъ воя многы и поиде к Волзѣ со всею силою своею и перевезеся на сю страну Волги со всеми князи своими и з безбожною силою татарскою, и поиде изгоном на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю Роусьскоую землю: ведяше бо рать изневѣсти внезапно, со оумъниемъ и тацѣмъ злохитриемъ, не дающе вѣсти предъ собѣ, да не оуслышано боудеть на Роусьской земли оустремление его. **И** то слышавъ великий князь Дмитрии Костянтинович соуздадьскый, и посла два сына своя ко царю Тахтамышю: князя Василия да князя Семена. Они же пришедше не обрѣтоша его, бѣ бо грядый борзо на Роусь, и гнаша въ слѣдъ его нѣколко днии, и переня // **л. 236** ша дорогоу его на мѣстѣ нарицаемомъ Серначѣ, и поидоша за нимъ со тщаниемъ дорогою, и състигоша его близъ предѣлъ рязаньскыхъ. А князь Олегъ рязаньскый срѣте царя Тахтамыша, преже да же не вниде в землю Рязанскоую, и бивъ емоу челомъ, и бысть емоу помощникъ на побѣдоу Роуси, но и поспѣшникъ на пакость хр(и)стіяном, и иная нѣкаа словеса изнесе о том, како плѣнити землю Роусьскоую, и како без троуда взяти камень город Москвою, и како побѣдити и изнимати великого князя Дмитрия Ивановича. Еще же и царя обведе около своя вотчины земли Рязаньскыя, хотяше добра не намъ, но своему княжению помагаше. А в то время нѣколи си едва прииде вѣсть великому князю Дмитрею Иванович(оу), възвѣщающе рать татарскоую. Аще бо и не хотяше Тахтамышъ, дабы кто принесть вѣсти на Роускоую землю о его приходѣ, того бо ради вси гости роусьскыя поимани быша и пограблении и оудержани дабы не было вѣсти Роуси, но обаче соуть нѣции доброхоты на предѣлахъ ординьскых на то оустроени, поборници соуще земли Роусьской. Великий же князь Дмитрии Иванович слыша таковою вѣсть, оже идеть на него сам царь во множество силы своя, и начя совкоупляти свои полци ратных, и выѣха из города с Москвы хотя итти противоу ратных. И начяша доумати таковою доумоу великий князь Дмитреи Иванович со всеми князи роусьскими, и обрѣтеша разность в нихъ, не хотяхоу помагати. Не помянуша Дав(ы)да пророка глаголю // **л. 236 об.** ша: «Се коль добро и коль красно, еже жити братии вкоупъ!». И другомоу приснопомънимому рекше: «Другъ другоу да посабляя и братъ

братоу помагая яко град твердь есть». Бывши же промежи ими не одиначествоу и неимовѣрствоу, и то познавъ и разоумѣвъ великий князь Дмитрей Иванович и бысть в недооумѣнии и размышлении, не хотя стати противоу самого царя. Но поѣха въ свои град Переяславль и оттоудоу мимо Ростовъ, и паки рекоу вборзъ и на Костромоу. А Киприянь митрополить приѣха на Москвоу, въ градъ же на Москвѣ бысть замѣтна велика, бѣхоу людие смоущени, акы овца не имоущи пастыря, гражданстии народи възмѣтошася: ови хотяхоу състи въ градъ и затворитися, а друзії бѣжати помышляхоу. И бывши распрѣ промежи има велицѣ, овии с роухлядию вмѣщающесе въ град, а друзії из града бѣжахоу ограблени соуще. И сотвориша вѣче, позвониша во всѣ колоки, и сташа соуимомъ народи мятежници, крамолници: иже хотяхоу изитти из града не токмо не поущахоу из града, но и грабляхоу, ни самого митрополита не стыдѣшася, ни бояръ великих не оусрамишася, но на вся огрозишася, и сташа на всѣх воротѣх градских, и сверхоу камениемъ шибахоу, а доль на земли со оружиемъ стояхоу со обнаженным, не поущающе выльсти изъ града и едва оумолени бывше, поздѣ некогда, выпустиша ихъ из града и то ограбивъше. Градоу же единаче мятоущюся акы морю в велицѣ боури, ниоткоудоу же оутѣшения обрѣтши, но паче бо // л. 237 лших золь ожидающе». Потом же приѣха к ним в городъ нѣкоторые князь литовський, именемъ Остѣи, вноукъ великого князя Олгерда, и тои окрѣпивъ народы и мятеж градный оустави, и затворися с ними въ градъ во осадѣ со множеством народа, с тѣми, елико ся их оста и елико бѣ бѣжлянь сбѣжалося с волостей, и от иных градовъ елико приключшихся в то время и от странъ, бояре, и соуроужане и соуконьники, и прочии коупци, и архимандриты, и игоумены, и протопопы, прозвитеры и дьяконы, и черныци, и всякъ възрастъ моужьска полоу и женьскаго и со младенци. Князь Олегъ обведе царя около своея вотчины, земли Рязаньскыя, и оуказа емоу вся соущая броды на рѣцѣ на Оцѣ. Царь же перешед рекоу Окоу, и преже всѣх взя град Серпоховъ. Отътоудоу же прииде к Москвѣ градоу, напрасно оустремися, наполнися доуха ратнаго, волости и села воюючи и жгоуще, а народ хр(и)-стіаньскыи съкоуще, и оубивающе всячьскыи, а иныя люди в полонъ емлючи. И прииде ратию к городу Москвѣ, а сила татарская прииде месяца августа въ 23 в понедѣльникъ и

приидоша не вси половци к городуу. И начяша кличюще въпрошивати, глаголюще: «Есть ли здѣ в градъ великий князь Димитрей?» Они же съ града съ забралъ глаголаху имъ: «Нѣтоу». Татарове же отстоупиша и поѣхаша около города обзирающе и разсмотряюще пристоповъ и ровъ, и вратъ, и забралъ, и стрѣльницъ, и паки стаха зря на градъ. Тогда же в градъ добрые люди моляхоуся Богу день и ночь и пристояще постоу и молитвѣ ожидающе смерти, готовящиеся с покаяниемъ // л. 237 об. и с причастиемъ и со слезами. Нѣции же недобрии чловеци начяша обходити по дворомъ и износяще ис погребовъ меды господьскыя и соуды серебряныя, и стѣкляницы драгия, и оупивахоуся до великого пьяна, и к шатанию дерзость прилагаху глаголюще: «Не оустрашаемся нахождения поганыхъ татаръ, се ликъ твердъ град имоуше, иже соуть стѣны камены и врата желѣзна. Не терпятъ бо ти под градомъ долго стояти, соугоубъ страх имоуше, изноутри града боици, а внѣоуду града князеи наших совкоупляемых нахождения блюдоутся». И паки възлазяе на град, пьяни соуще и шатахоуся, и роугающиеся татаромъ, образом безстудным досажаяще, и нѣкая словеса износяще исполнь оукоризны и хоулы кидаху на ня, мняхоуть бо только силы татарьскыя и есть. Татарове же прямо к нимъ на град голыми саблями своими машюще, образом аки тинахоу, наживающе из далеча. И в тотъ день тѣ полци отстоупиша от града. Наутрия же самъ царь пристопи ко граду со всею силою своею под градъ. Гражане же оузрѣвши съ града силоу великоу и оужасошася зѣло. Татарове же паки поидоша к городуу, гражане же поустиша на них по стрѣль, они же паче своими стрѣлами стрѣляхоу на град, аky дождь оумножень зѣло, не дадоуше ни прозрѣти, и мнози на градных заборолех стояхоу и от стрѣль падаху язвени, и одолѣвахоут бо стрѣлы татарьскыя паче, нежели градскыя, бяхоуть бо оу них стрѣльци гораздо велми, овии от нихъ стояще стрѣляхоу, а инии скоро рищюще, изоушени соуще, а друзии отъ нихъ на конех скоро яздяще, на о // л. 238 бѣ роуцѣ, наперед и назад, скоро и оулоучно без прогрѣхи стрѣляхоу. А инии от них створиша лѣствици и присланияхоу ко граду и лазяхоуть на стѣноу. Гражане же водоу в котлѣх варяще и кипятнею лияхоуть на нь, ти тако възбраняхоуть им. Отшедшим же имъ и паки пристоплешимъ, и тако по три дни бяхоуся промежь себе пренемагающе. Егда бо татарове пристопухоу близъ стѣнь градс-

ки, тогда граждане строгоуще града и соупротивяшеся им, овии стрѣлами стреляхоу съ заборолъ, овии же камением шибahoу на нь, друзгии же тоуфякы поущаше на них, а инии самострѣлы напинающе поущахоу и пороки поущахоу, а инии великими поушками. В них же бѣ единъ гражданинъ, именемъ Адамъ, москвитинъ бѣ соуконникъ, иже бѣ над враты Фроловскими, примѣтивъ единого татарина нарочита и славна, еже бѣ сынъ некоторого князя ординьского и напя самострѣль и испоусти напрасно стрѣлоу на него, ею же оуязви его въ сердце его въ гнѣвливое, и вскорѣ смерть емоу нанесе. Си же бѣ велика язва всѣмъ татаром, яко и самомоу царю тоужити о немъ. Сим же тако пребывающим. Царь же стоя оу города 3 дни, а на четвертый день оболга князя их Остѣя лживыми рѣчми и лживым миром и вызва его вонъ из града и оуби его пред враты града, а ратем всѣмъ своимъ повелѣ пристоупити к городу со всѣ стороны. Какова же бысть облесть князю Остѣю и всѣм гражданамъ соущимъ въ осаду: понеже царю стоявшю 3 дни около города, а на четвертый день наоутреи в полъобѣда по повѣлению цареву приѣха // л. 238 об. ша под городъ татарове болшии, и князи ординьстии и рядци его, с ними же два князя соуздальскыя, Василеи да Семень, сынове великого князя Дмитрия соуздальского. И пришедше под городъ близъ стѣнъ градных по опасоу и начаша глаголати к народу соущемоу в градъ: «Царь васъ, своих людеи, хочеть жаловати, понеже неповинни есте и ни есте достоини смерти. Не на васъ бо воюя пришелъ, но на великого князя Дмитрия Ивановича ополчился естъ, вы же достоини естъ милости, и ничто же иного не требуетъ от васъ, развѣ токмо изидѣте противоу емоу в срѣтение с честью и съ дары, коупно же и с своим княземъ хочеть бо видети градо съ и в онъ внитти, и в немъ побывати, а вам дароуетъ миръ и любовь свою, а вы емоу врата градная отворите». Тако же и князи Нижнего Новагорода глаголахоу: «Имите нам вѣры, мы бо ваши есмя князи хр(и)стіяньстии, вамъ то же глаголемъ и правдоу даемъ на томъ». Народи же хр(и)стіяньстии вѣроу яша словесемъ ихъ, си помыслиша и прелестишася, ослѣпи бо ихъ злоба татарская и омрачи я прелесть бесерменьская, ни познаша, ни помяноуша глаголющаго: «Не всякому доухоу имите вѣры». И отвориша врата градная, и выидоша со княземъ своим, и с дары многими ко царю, тако же и архимандриты, и игоумени, и попове со кресты, а по них бояре и

болшиѣ люди и потомъ народъ и черныѣ люди. И в томъ часѣ татарове почали съчи напрасно, а князь Остѣи прежде того оубиенъ бысть предъ градомъ, тоу же почя съчи архимандритовъ и игоумень, и поповъ, а // л. 239 ще и в ризахъ со кресты, и бояръ и честныхъ людей. И тоу бѣше видѣти святыя иконы повержены на земли лежаща и кресты честныя безъ чести небрегоми и ногами потопчеми, ободраны и обоиманы. Татарове же тако же и поидоша в градъ съкоуше, а инии по лѣсницамъ на городъ взидоша, никому же бранящю имъ с города, ни забравъ имоуше, не соущю избавляющю, ни спасающаго. И бысть вноутрь града съа велика и внѣоуду съча, толико же съчахоу, яко и роуки и плеща ихъ измолкоша, и сила ихъ изнеможе, саблямъ же ихъ острия притоупишася. Людие же християнѣстии соуще въ градъ, бѣгающе по оулицамъ съмо и овамо, скоры рыщуще толпами, вопиюще велми и глаголюще, бьюще в перси своя: нѣсть гдѣ избавления обрести, и нѣсть гдѣ смерти оубѣжати, и нѣсть гдѣ острия мечю оукрытися, оскоудъ князь и воеводы ихъ и все воинство ихъ потребися, и оружия ихъ до конца исчезоша. Овии въ церквахъ каменныхъ затворяхоуся, но и тамо не избыша, безбожнии же силою двери разбиша церковная и съхъ мечи иссъкоша. Вездѣ же крикъ и вопль великъ и страшень бываше, яко не слышети дроугъ дроуга вопиюща, множеству народуу кричашю, они же кр(е)стиянъ изводяще, лоупяще и изобнаживше съчахоу. А церкви сборныя разграбиша и олтаря святыя мѣста попраша, и кресты честныя и иконы чюдныя одраша, оукрашенныя златомъ и серебромъ и женчюгомъ и камениемъ драгимъ, и пелены златомъ шитыя и женчюгомъ саженыя ободраша, и съ святыхъ иконъ коузнъ содраша // л. 239 об., а святыя иконы попраша, и ссоуды святыя церковныя, слоужебныя и священныя златокованныя и серебряныя многоцѣнныя поимаха и ризы поповьскыя многоцѣнныя расхитиша. И книгъ множество снесено со всего града и из селъ, въ сборныхъ церквахъ многое множество наметано, съхранения ради спроважено, то все безвѣстно сътвориша. Что же изорчѣмъ о казнѣ великаго князя, яко и тоя многа скровища скоро истыщиша и велехвалное богатство и богатотворное имѣние быстрообразно разнесоша? Приидемъ же о взискании прочихъ и многихъ бояръ старѣишихъ, ихъ же казны долговременствомъ собирае[ми]¹ и благоденствомъ исполненыя,

¹ В слове собираеми ми затерто в результате повреждения бумаги, восстановлено по другим спискам.

хранилища их исполне богатства и многоцѣннаго имѣнія неизчетна, то все взяша на расхищение. **И** паки другия соуше в градъ сооружане, соукоуници и коупци, их же соутъ храми наполнены богатства, всякого товара, и та вся расхитиша. **И** многы монастыри разориша, и многы святыя церкви разроушиша, и много в нихъ оубииство створиша и въ священныхъ олтарехъ много кровопролитие съдѣяша окаянии, и святая мѣста оскверниша. Яко же пророкъ глаголаше: «Боже! Приидоша языци в достояние твое, оскверниша церковь святоую твою. Положиша Иероусалима яко овощное хранилище, положиша троупия рабѣ твоихъ брашно птицамъ небеснымъ, плоти преподобныхъ твоихъ звѣремъ земнымъ, пролиахъ кровь ихъ аки водоу». Окрестъ Москвы не бѣ погрѣбая ихъ. «Дѣвица ихъ не осытованная быша и вдовица ихъ не оплаканы быша, иерѣя и священники // **л. 240** ихъ оружіемъ падоша. Была бо тогда съча велика зѣло, и безчисленное множество паде тоу избитыхъ мужъ и женъ мертвыхъ лежаще непокровены. Тоу же оубиенъ бысть Семеонъ, архимандритъ спаскый, и другии архимандритъ Яковъ, и инии игоумени и попы, и дѣякони, и черноризци, и черницы отъ оуна и до стара, мужеска полоу и женска, тѣ всѣ посѣчени, а инии в водѣ истопоша, а друзии огнемъ сгорѣша, а инии в полонѣ множайши поведоша, в работу поганьскоую и въ страну Татарьскоую плѣнены быша. **И** бѣше тогда видѣти в градѣ плачь и рыдание, и вопль многъ, и слезы, и крикъ неоутѣшимый, и стонание много, и печаль горкая, и скорбь неоутѣшимая, бѣда нестерпимая, ноужа оужасная и горесть смертная, страхъ и оужась, и трепеть, и дряхлование, срамъ, и посмѣхъ отъ поганыхъ хр(и)стіаномъ. Си вся приключися за оумножение грѣхъ нашихъ. Тако въскорѣ злии взяша градъ Москву месяца августа въ 26, на память святого мученика Андрияна и Натали, въ 7 часъ дни в четвергъ по обѣдахъ. **И** градъ огнемъ запалиша, а товаръ и богатство все разграбиша, а людие мечю предаша. **И** бысть оттолѣ огонь, а отсель мечъ, овии отъ огня бѣжачи мечемъ помроша, а друзии отъ меча бѣжачи въ огнь сгорѣша. **И** бысть имъ четверообразна пагоуба: первое — отъ меча, 2-е — отъ огня, третье — отъ воды, четвертое — въ плѣнь поведени быша. Бѣше бо дотолѣ видѣти градъ Москва великъ и чуденъ, и много людий въ немъ, и всякого оузорочия и в томъ часѣ измѣнися, егда взять бысть // **л. 240 об.** и пожень: не видѣти иного ничего же, развие

дымъ и земля и троупия мертвых многих лежаща, церкви святыя запалени быша падошася, а каменныя стояща выгорѣвшая вноутри и огорѣвшая в нѣ, и нѣсть видѣти в них пѣния, ни звонения в колоколы, никого же людеи ходяща къ церкви, и не бѣ слышети въ церкви поющаго гласа, ни славословия. Но все бѣше видѣти поусто, ни единого же бѣ видети ходяща по пожароу людеи — и не ли единъ градъ взять Москва, но и прочии гради и страны поплѣнени быша от поганых. Великии же князь Дмитреи Иванович и со княгинею своею и съ дѣтми бысть на Костромѣ, а братъ его князь Володимеръ Андрѣевич на Волоцѣ, а мати его и княгини его в Торжекоу, а владыка Гѣрасимъ коломенъскыи в Новѣгородѣ. Елма же царь распусти вои по всеи земли Роусьскои воевати княжение великое, овии шед к Володимерю много людеи посѣкоша и в полонѣ поведоша, а инии ходиша къ Звенигородоу, а инии к Можайскоу, а друзии к Волокоу, а инии к Переяславлю и взяша его и огнемъ пожгоша, а граждане выбѣгше на озеро в соудѣх и тамо избыша, а градъ повергше, а иныѣ къ Юриевоу. Мнози гради плѣниша, а хр(и)стіяны посѣкоша, а иных в полонѣ поведоша, а села и монастыри и церкви святыя огнемъ пожгоша, волости повоеваша и много зла сѣтвориша земли Роусьскои. Князь же Володимеръ Андрѣевич стояше ополчився близъ Волока, собравъ силуо около себе; и нѣци от татаръ, не ведоуще его тоуто, ни познаша его и наѣха // л. 241 ша на него. Он же о Бозѣ оукрѣпився оудари на нихъ, и тако милостию Божиею иных иссѣкоша, а иных живых поимаша, а инии побѣгоша, и прибѣжаша ко царю Тахтamyшоу, и повѣдаша емоу бывшее. Он же попоудивъся и оттолѣ почя помалоу постоупати от града Москвы. И отоле пристопи ратию х Коломнѣ и взя градъ Коломноу и отиде. Царь же превезеся за рѣкою за Окою и взя землю Рязаньскоую и огнемъ пожже, а люди посѣче, а иныѣ разбѣгошася, а иных в полонѣ поведоша в Ордоу многое множество рязанцевъ. Князь же Олегъ рязаньскыи то видѣвъ побѣже. Царь же поиде к Орду от Рязани и отъпусти посольством на Роусь своего шоурина Шихомата ко князю Дмитрею Костянтиновичю соуздальскомоу вкоупъ съ его сыном со княземъ съ Семеном, а другаго сына его князя Василия поя с собою в Ордоу. Отышедшим же татаромъ, и потом не по мнозѣхъ днѣхъ благовѣрныи великыи князь Дмитреи Иванович и братъ его князь Володимеръ Андрѣевич,

кыйждо съ своими бояры старышими, приѣхаста въ свою отчину на Москву, и видѣша град взятъ и плѣненъ и огнем пожженъ, а святыя церкви разорены, а люди иссѣченых многое множество трупия лежаще мертвыхъ, и о семъ сжалиси велми великыи князь Дмитреи Иванович, яко и расплакатися имъ велми слезно. И хто не плачется таковыя погыбели градныя, или хто не жалоуетъ толика народа люди, или хто не потоужитъ о сель множества хр(и)стианъ и кто не сѣтоуетъ сиецаго плѣне // **л. 241 об.** ния? И повелѣша телеса мертвыхъ хоронити, и даваста от осмидесятъ человекъ мертвыхъ по рублю тѣмъ, еже хороняхоу мертвыя; и сочтоша того всего дано бысть от погребения мертвыхъ 300 рублевъ. Не по мнозѣхъ же днѣхъ великыи князь Дмитреи Иванович посла рать свою на князя Олга рязаньскаго. Князь же Олегъ не въ мнозѣ оубѣжа, а землю его до останка поустоу ратнии оучи ниша, поущъ емоу бысть и татарскыѣ рати. А Киприяноу митрополитоу тогда соущю на Тѣбри, тамо избывъшю емоу ратнаго нахожения; и приѣха на Москву месяца октября въ 7. Тое же осени прииде из Орды посолъ Карачъ к великому князю Дмитрею Иванович(оу) от царя Тактамыша еже о мироу. Великыи же князь Дмитреи Иванович повелѣ хрестіаном дворы ставити и города рубити.

В лѣто 6891. Посла великыи князь Дмитреи Иванович в Ордоу сына своего князя Василя въ свое мѣсто тягати о великом княжении со княземъ Михаиломъ тѣврьскимъ. Тое же осени князь Михаило тѣврьскыи поиде в Ордоу ища великаго княжения. Того же лѣта выиде из Орды князь Михаило тѣврьскыи без великаго княжения. А князя Василя Дмитриевича царь остави оу себе в Ордѣ. А князь Михаило остави сына своего в Ордѣ князя Александра.

В лѣто 6892. Преставися князь великыи Дмитрии Костянтинович Соуздальскы.

В лѣто 6893. Поуминъ митрополитъ поиде въ Царьградъ.

В лѣто 6894. Прииде на Роусь митрополитъ Киприянъ. Того же // **л. 242** лѣта в великое говѣние о средохрестіи месяца марта въ 22 день великыи князь Святославъ Иванович смоленскыи, а с ним братанич его князь Иванъ Васильевичъ и князь Глѣбъ Святославич да братъ его князь Юриѣ Святославич совкоупивъ силоу многу и поидоша ратию к городу къ Мѣстиславу, занежъ Мѣстиславъ прежде того былъ город смоленскои. Но литва отъяли за себе. Он же хотѣ от литвы

отъяти идоущю же емоу и воующе землю литовскоую. А кого гдѣ изнимавше, моучахоу нещадно различными моуками. Моужей и женѣ и дѣтей и иныхъ въ избахъ насажавше и забирающе зажигахоу. И прииде великий князь Святославъ Ивановичъ ко Мѣстиславлю на страстной недели в средоу месяца априля въ 18. Гражане же мѣстиславци затворишася в градъ, а намѣстникъ оу нихъ бѣше князь Киригаило. И стоахоу смоляне под градомъ Мѣстиславлемъ 11 дни и не оуспѣша ничтоже. В первыи же на 10 день прихождения ихъ, еже в Фоминоу неделю на антипасхоу в полъ объда, взрѣвше смолняне и оувидѣша стягы рати литовскыя в ней же бѣ великий князь Скиригаило Олгердовичъ. За мало подлѣ другыи полкъ в немъ же братъ его Кербоутъ Олгердовичъ. А третии полкъ в немъ же бѣ братъ ихъ князь Семень Лоугвенеи. С ними же вкоупъ и князь великий Витовтъ Кестютиевичъ. И сила литовская вся вборзѣ идоуще на поле, смолняне же видѣвше смоутишася. И почаша вскорѣ браняти и поидоша к бою полци противоу себѣ и съ // л. 242 об. стоупишася полци на полъ под Мѣстиславлемъ на рѣцѣ на Вехрѣ. А людие гражане стояще зряхоу на заборолехъ градскихъ и бысть имѣ бои на долзѣ. И по семъ князи литовскіе Олгердовичи одолѣша, а смолняне не побіени быша, а инии побѣгоша. И тоу оубиенѣ бысть великий князь Святославъ смоленскыи, сынъ великого князя Ивана, а внуокъ великого князя Александра, а правнуокъ великого князя Глѣба. Отъ нѣкоего ляха в доубровѣ наѣхаше на него оже емоу лежащю. Тоу же и скончася. Тако же оубиенѣ бысть тоу и братаничъ его князь Иванъ Василиевичъ. А великого князя Святославлихъ дѣтей поимаша князя Глѣба, да князя Юрия и поведоша в Литвоу, а прочихъ боярѣ и слоугѣ побіиша, а иныхъ поимаша, а инии бѣжачи назадъ въ Вехрѣ рѣцѣ истопоша. Князи же литовскіи погониша по нимъ в погоню и къ Смоленскоу городу изгономъ и пригониша подѣ городъ. Гражане же затворишася, они же стоявше оу града немного. И взяша окоупъ с города, а телеса избиеныхъ князей имѣ даша. И взяша волю всю свою. Вся елика въсхотѣша и створиша. А на княжении на Смоленскомъ посадиша и с своею руку князя Юрия Святославича, а брата его князя Глѣба поведоша с собою в Литвоу. И оттолѣ възвратишася въсюю сѣ великою побѣдою. Се же бысть побоище месяца априля въ 29 день.

Како приходил князь великий Дмитрей Иванович к Новогороду к великому ратию. Тое же зимы в Филипово го // л. 243 вѣние пред Рождествомъ Христовымъ великий князь Дмитрий Иванович собравъ воя многи со вѣсьми князи русьскими и с братом своимъ княземъ Володимеромъ Андреевичемъ, а с ними были рати московская, коломенская, звенигородская, Можайская, волотьская, ржевская, серпуховская, боровская, дмитровская, переяславская, володимерская, юриевская, моуромьская, мещерская, стародобульская, соудалская, городецкая, нижнего новгорода, костромьская, оуглецкая, ростовская, ярославская, молодецкая, галицкая, бѣжицкая, белозерская, вологодская, оустюужеская, новоторжская. И поиде ратию к Великому Новогороду, волости новгородския воюючи и села жгоучи. Держа гнѣвъ на Великий Новѣгородъ и нелюбие велико про волжанъ, что взяли розбоемъ город Кострому и Новѣгород Нижний, и много зла оучиниша тогда, и про княжщины. Новгородци же послаша послы своя противу великого князя Иева Амвакоумовича, Ивана Александровича съ челобитиемъ о мироу. Великий же князь мироу не далъ и послы новгородския отпоусти без мироу. А самъ не дошед Новгорода за 15 верстъ, и ста тоу на полѣ. Бяше бо оуже окрещнии новгородци же послаша к великому князю Дмитрею Иванович(оу) с челобитиемъ владыкоу Алексѣя. Он же приѣха к великому князю и рече: «Господине князь великий, азъ благословляю тебе, а великий Новѣго // л. 243 об. род весь челом бѣть, чтобы еси оучинилъ¹ миръ, а кровопролития бы, господине, не было. А за винныя люди великий Новѣгородъ доканчивають и челомъ бѣють тебѣ 8.000 рубливъ». Великий же князь велми держа нелюбие на великий Новѣгород, владыки не послуша и хотѣ итти к Новогороду. Владыка же посла наперед себе в Новѣгородъ Климентия Василиевича посадничя сына, а ркоучи: "Великий князь мироу не далъ, а хоцетъ к Новогороду итти, и вы держите опасъ". И тогда новгородци поставиша острогъ по сполу хоромы, а князь Патреки Наримонтовичъ, да князь Романъ Юриевич и с копорьскими князи быша в городъ и выѣхаша изъ града с новгородци в доспѣсъ нолны к Жилотоугу в неделю до объѣда и стояша оу Жилотоуга и опять вспятишася в городъ. А влады-

---

¹ В слове оучинилъ чи написано над строкой более светлыми чернилами.

ка приѣха от великого князя безъ мироу. Потом же бысть переполохъ великъ Новоугородоу. На четвертый день по крещении промчеса въсть в городъ, что стоитъ князь великийи Дмитреи Иванович со всею силою своею оу Жилотоуга, новгородци же слышавше и начаша бояться велми. И послаша на въсти испытывати. Они же ѣздивше не обрѣтоша нигдѣ же рати. Переполошиша бо ся и оустрашишася, слышавше великого князя стояща оу города и страшни быша того ради и послаша к великому князю Дмитрию Ивановичю новгородци архимандрита Дав(ы)да, а с нимъ 7 поповъ да 5 человекъ житиих с конца по человекоу. **Въ** то же время новгородци о / л. 244 коло города пожгоша монастыревъ великихъ 24, а церквеи деревяныхъ 6 сожгли. А Плотничьскыи конецъ и Людинъ конецъ и Неревскыи конецъ оу всякыи оулицы внѣ города за копаницею, все хоромы пожгли и бысть новгородцем и мнишьскомуу чиноу много оубытка. Монастырь святого Николы на понедѣльи ратнии пожгли, но церкви не сожгли и много волостей повоеваша. А оу коупцевъ оу новгородьскыхъ много товароу пограбиша, а моужей и женъ и дѣтей много в полонъ поведоша, а иныхъ многихъ на Москву попроводиша, а новоторжеци болшии люди в Новъгородъ вбѣгли, а и изъ иныхъ волостей много бѣгланъ вбѣжаша в город. А иные не бѣгали, тогда бо хр(и)стіяномъ не бѣше поуты, но голъледь безъ снѣгоу. Тогда же прежереченныя послы новгородскыи наехавъ на Понеделие и добили челом великому князю Дмитрею Иванович(оу) за великийи Новъгородъ и миръ взяли по старинѣ по владычню благословению и по новгородьскомуу челобитію. А за винныя люди докончали за волжанъ и кто в поуть с ними ходилъ, и за тѣхъ за кѣмъ княжчина залегла. И новгородци взяше с полаты оу святыя Софии 3.000 рубливъ и послаша к великому князю Дмитрею Ивановичю с посадникомъ Григориємъ Якоуновичемъ и с посадникомъ Василиємъ Федоровичемъ. Они же привезши то сребро, даша великому князю Дмитрию Ивановичю. А 5.000 рубливъ докончаша великому князю на Заволочьской земли. Занеже // л. 244 об. заволочяне были же на Волзѣ и приставове послаша за Волокъ. Тое же зимы новгородци послаша за Волокъ приставовъ своихъ Федора Тимофѣевича, Тимофѣя Юриевича, Юрия Дмитриевича и иныхъ молодыхъ дѣтей боярьскыхъ и людей молодыхъ брати то сребро на заволочанехъ. Великийи же князь изъ Яменъ воротися и по-

иде к Москвѣ миръ вземъ с Новымъгородомъ. А намѣстники своя и черноборци присла в Новъгород. Того же годоу великий князь Ягаило Олгордович Литовьскый тѣхъ женитися въ ОУгорьскоую землю х королю и тамо женися и крестися в немецкоую вѣроу. И пришед изо оугорскыя земли въ свою отчину в Литовскоую землю и крести литвою в немецкоую же вѣроу половиною своего города Вилны. И два литвина оу него болшии его, а тѣ крестишася въ хр(и)стіанскоую вѣроу. Он же хотѣ ихъ крестити въ свою же вѣроу латинскоую. Они же не послоушавше. Король же Ягаило казни ихъ многыми мѹками и смерти повелѣ предати. Того же годоу взя князь Олегъ рязаньскый Коломноу. Великий князь Дмитреи Иванович ходилъ ратию на рязаньскою землю. А и иноую рать посылалъ на Моуром на князя безчестия.

В лѣто 6895. Приидоша князи Василеи Дмитриевич соузальскый да братъ его князь Семенъ ратию на Новъгородъ на Нижнии на дядю своего князя Бориса Костянтиновича. Того же лѣта въ Смоленьскѣ городъ бысть моръ великъ, и около города по волости толко выидоша из города 5 челоувѣкъ, а городъ затвориша. Того же лѣта князь Василеи Дми // л. 245 трвич прииде из Орды от царя Тахтамыша мѣсяца генваря въ 19.

В лѣто 6896. Соиде со владычества владыка Алексѣи новгородьскый нездравия своего ради. А Поуминъ митрополитъ прииде изо Царяграда въдрогыѣрядъ. Тое же зимы мѣсяца генваря въ 17 Поуминъ митрополитъ постави Ивана Великомоу Новоугородоу на владычество въ преименитои церкви святого велик(о)го архангела Михаила. Того же лѣта князь Лоугвеи литовскый, нареченный въ святомъ крещеннии Семѣонъ, присла послы своя в Великый Новъгород, Овгимонта и Братошоу, хотя быти оу нихъ в Новъгородъ и състи на городкѣхъ, чимъ владѣлъ Наримонтъ. Того же годоу татарове взяша Переяславль.

В лѣто 6897. О житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя роусскаго. Сии оубо великий князь Дмитреи родися от благородноу и от пречестноу родителю, великого князя Ивана Ивановича и матере великыя княгини Александры, внуокъ же бысть князя великого Ивана Даниловича, собрателя Роусьскои земли, и корени святого, и Богомъ сажденнаго садоу отрасль плодоплодна, и цвѣтъ прекрасныи царя Владимира, новаго Костянтина, крестившаго Роусьскоую землю, сродникъ же бысть новою чудотворцю

Борисоу и Гльбоу, въспитан же бысть въ благочестии и въ славѣ, со всяцѣми наказаніи доуховными, и от самѣхъ пелень Бога възлюбѣ. Отцю же его великому князю Ивану Иванович(оу) оставлешю житіе свѣта сего и приимшему небесная // л. 245 об. селения. Си же оста младѣ сыи, яко лѣтъ 9, с любимымъ си братомъ своимъ княземъ Иваномъ Ивановичемъ. Потомъ же и мати его преставися великая княгини Александра, и пребысть единъ въ области великого княжения приемшоу емоу скипетръ державы Роусьскыя земля и на столование земнаго царства и отчиноу свою великое княжение, по данѣи емоу благодати от Бога, чести же и славѣ. Еще же младѣ сыи възрастомъ, но доуховныхъ прележа дѣлѣ сѣхъ, и поустошныхъ бесѣдъ не творяше, и срамныхъ глаголь не любляше, злонравныхъ человекъ отвращашеся, а съ благыми всегда бесѣдоваше, божественныхъ писаниихъ всегда со оумилениемъ послоушааше, о церквахъ Божіихъ велми печашеся, а стражбоу земли [Роусьскыя моужес]твом¹ своимъ [держаше, злобою]² отроча [обрѣтаашеся]³, а оумомъ свершенъ всегда бывааше, ратнымъ же всегда въ бранехъ страшень бывааше, и мнози враги встающа на ны побѣди, и славныи градъ свой Москву стѣнами чюдными огради, и во всемъ мирѣ славень бысть яко кедръ въ Ливанѣ оумножися и яко финикъ въ деревесѣхъ процвѣте. Семоу же бывшоу лѣтъ шести на 10-ть, приведоша емоу на бракъ княгину Овдотию отъ земля Соудальскыя, дщерь великого князя Дмитрія Костянтиновича, от матери великыя княгини Анны, и възрадовася вся земля Роусьская о совкоупленіи брака его. По брацѣ же цѣломуудрены живяста съ оумилениемъ смотряста своего спасения, и въ чистѣ совѣсти, крѣпости разоума предержа земное царство и къ небесному присягая, // л. 246 плотиоугодия не творяхоу, и акы кормчии крѣпокъ противоу вѣтромъ волны минуоу, направляемъ вышняго промысломъ, яко пророкъ на стражѣ Божіи смотрения, тако смотряше своего царства, и оумножися слава имени его, яко святаго и великаго князя Владимира, вскипѣ земля Роусьская въ лѣта княжения его

---

¹ В квадратных скобках — написанное тем же почерком на кусочке листа, подклеенного поверх основного листа с текстом.

² В квадратных скобках — написанное тем же почерком на кусочке листа, подклеенного поверх основного листа с текстом.

³ В квадратных скобках — написанное тем же почерком на кусочке листа, подклеенного поверх основного листа с текстом.

яко же преже обѣтованная Израилю. И страхомъ господства своего огради всю землю Роусьскоую отъ востока и до запада, хвално бысть имя его от моря и до моря, от рѣкъ и до конецъ вселенныя превознесетъ честь его. Царие земьстии слышаще его оудивишася, врази же его взавидѣша емоу живоуще окрестъ его, и навадиша на нь нечестивому Мамаю, тако глаголюще: «Великий князь Дмитреи московскыи себе именуеть Роусьской земли царя и паки честнѣши тебе славою, соупротивно стоять твоему царствоу». Он же наваженъ лоукаными совѣтники, иже християньскоую вѣроу держать, а поганыхъ дѣла творяхоу. **И** рече Мамаи княземъ своимъ и рядцамъ: «Прииму землю Роусьскоую и разорю церкви хр(и)стияньскыя, и вѣроу их на свою преложю, и велю кланятися своему Махметю. А идѣ же церкви были тоу ропати поставлю, а баскаки посажю по всѣмъ градомъ роусьскимъ, а князи роусьскыя избию». Акы преже Агагъ, царь Васаньскыи, похвалися на кивотъ завѣта Господня иже в Силомъ, сиче похвалився погипе самъ преже. **И** пославъ безбожныи Мамаи преже себе на Роусь ратию воеводуу своего, окааннаго Бигича, с великою силою и со многими князи ордынскими. Се слышавъ великий князь // л. 246 об. Дмитреи Иванович, и поиде в срѣтение емоу со многою силою Роусьскыя земля, и бися с погаными в Рязаньской земли на рѣцѣ на Вождь, и поможе Богъ и святая Богородица великому князю Дмитрею Иванович(оу), а поганыя агаряне посрамлени быша, овии иссѣчени быша, а инии побѣгоша. Великий же князь Дмитреи Ивановичъ възвратився с великою побѣдою, тако застоупаше свою очиноу, Роусьскоую землю, отъ поганыхъ противнаго нахожения. Безстоудныи же Мамаи срама исполнися, в похвалы мѣсто безчестие прииде емоу. **И** поиде сам на Роусьскоую землю похвалився на великого князя Дмитрия Ивановича, исполни сердце свое злаго безакония. Слышавъ же се князь великий Дмитреи Ивановичъ, въздохнувъ из глубины сердца своего к Богу и пречистѣи его Матери и рече: «О Пресвятая Госпоже Дево Богородице, Владычице, Застоупница и Помощница миру! Моли Сына своего за мя грѣшнаго, да достоинъ боудоу главою и животъ положити за имя Сына твоего и за твое, иноя помощница не имамъ, разви тебе, Госпоже. Да не порадоуют ми ся враждующии ми бесправды, ни ркоутъ погании: гдѣ есть Богъ их, на него же оуповаша. Да постыдятся вси являющи рабом твоимъ злая,

яко азъ рабъ твои есмь и сынъ рабыня твоея. Испроси ми, Госпоже, силоу и помощь от святого жилища Сына твоего и Бога моего на злаго моего соупостата и нечестиваго врага. Постави ми, Госпоже, столпъ крѣпости от лица вражия, възвеличи имя хр(и)стиянское надъ погаными агаряны, и всегда посрами их».

И призва велможа своя и вся князи роусскыя земля, соу // л. 247 щая под властью его, и рече княземъ Роусьскыя земля и велможамъ своимъ: «Лѣпо есть нам, братие, положити главы своя за правовѣрноюу вѣроу хр(и)стиянскоую, да не прияти боудоутъ грады наши погаными, ни запоустѣють святаы Божия церкви, и не рассяни боудемъ по лицу всея земля, да не поведени боудоутъ жены наши и дѣти в полонъ, да не томими боудемъ погаными по вся дни. Аще за насъ оумолить сына своего и Бога нашего пречистая Богородице». И отвѣщаша емоу князи роусьстии и велможа его: «Господине роусьскыи царю! Рекли есмя тебѣ животь свои положить слоужа тебѣ, а нынѣ тебе ради кровь свою пролиемъ, и своею кровию второе крещение приимемъ». И въсприим Аврамлю доблестъ, помолився Богу, и помощника имоуще святого великаго святителя чудотворца Петра, заступника Роусьскыя земли. **И** поиде противоу поганаго, акы древнии великыи князь Ярославъ Володимирович, на злочестиваго Мамаю, втораго Святополка. И сръте его в Тотарьскыхъ полехъ на Доноу на рѣцѣ, и състоупишася акы силнии тоучи, блесноуша ороужия яко молния въ день дожда, ратнии съчаахоуся за роуки емлющеся, и по оудолиемъ кровь течааша, и Донъ рѣка потечяше с кровию¹ сѣмѣсився. Главы же татарьскыя, акы камене валяшеся и троупия поганыхъ, акы доубрава посѣчена. Мнози же дост[о]вѣрнии² видяхоу ангелы Божия помагающа хр(и)стианом. **И** поможе Богъ великому князю Дмитрею Иванович(оу) и сродника его святая моученика Борисъ и Глѣбъ, окаанны же Мамаи отъ лица его побѣже; треклятыи Святополкъ // л. 247 об. в пропасть побѣже. А нечестивыи Мамаи без вѣсти погыбе. Великы же князь Дмитреи Иванович възвратися с великою побѣдоу, яко же преже Моисеи Амалика побѣди, и бысть тишина в Роусьской зем-

¹ Далее зачеркнуто смѣю.

² В слове достовѣрнии досто написано на полях со знаком вставки тем же почерком, а о обрезано при переплетении, и восстановлено по другим спискам.

ли. И тако врази его посрамишася. Иныя же страны слышаще победы даныя емоу от Бога на врагы, и всѣ под роуцѣ его поклонишася, расколници же и мятежници царства его вси погыбоша. Обычаи же имѣяше великыи князь Дмитреи Иванович яко же Давыдъ Богоотецъ и пророкъ Саоуловы дѣти помиловаше; и си великыи князь неповинныя любляше, а повинныя прашаше. По великому Иевоу, яко отецъ есть миру, и око слѣпымъ, нога хромымъ, столпъ и стражъ и мѣрило извѣсто къ свѣтоу, правя подвластныя, отъ вышняго промысла правление приимъ родоу челоучю, всяко смятение мирское исправляше, высокопаривыи орелъ, огонь попяля нечестие, баня мыющимся от скверны, гоумно чистотѣ, вѣтръ плевелы развѣвающе, одръ троудивѣвшимся по Бозѣ, труба спящимъ, воевода мирнымъ, вѣнецъ побѣдъ, плавающимъ пристанище, корабль богатству, ороужие на врагы, мечъ ярости, стѣна нероушима, зломыслящимъ сътъ, степень нероушимъ, зеркало житию, съ Богомъ все творя и по Бозѣ побарая, высокыи оумъ, сѣмиренныи смыслъ, вѣтромъ тишина, поучина разоумоу. Князя роусьскыя во области своей крѣпляше, велможамъ своимъ тихооувѣтливъ в нарядѣ бывающе, никого же не оскорбляше, но всѣхъ // л. 248 равно любляше, младыхъ словесы наказаше, и всѣмъ доволъ подаваше, къ требующимъ роуцѣ простираше. Аще дерзкоу нескрамно реши о житии сего великаго князя и царя роусьскаго Дмитрия Ивановича, да се слышаще цари и князи наоучитея тако творити, отъ оуныя бо версты Бога възлюби и доуховныхъ прѣдлежаще дѣлехъ, аще и книгамъ не оученъ сы добръ, но доуховныя книги въ сердци своемъ имяше. И се едино повѣмъ от жития его: тѣло свое чисто схрани до женитвы, церковь себѣ святому Духу съблюде нескверненоу, очима зряще часто къ земли, от нея же взятъ бысть, доушу и оумъ простираше къ небеси. Идѣ же лѣпо есть емоу пребывати. И по брацѣ совкоупления тѣло свое чисто же соблюде, грѣхоу не причастно, Христова апостола Павла сбысться реченное о немъ: «Братие! Вы есте церкви Бога живаго». Яко же рече: «Вселюся в ня да похожю». Царскыи оубо санъ держаше, и ангельскыи живяше постомъ и малитвою, и по вся нощи стояше, сна же токмо мало приимаше, и паки по малѣ часѣ на молитвоу вѣсташе, и подобоу благоу творяше все в бернѣмъ телеси бесплотныхъ житие свершаше, землю Роусьскоую оуправляше, на престолѣ царстѣмъ съдя, яко пе-

щероу въ сердци держаше, царскоую багряницу и вѣнѣцъ ношаше, а в чернѣцкыя ризы по вся дни желаше облещи-ся, и по вся чясы честь и славоу от всего мира приимаше, а крестъ Христовъ на ramoу ношааше. Въ божественныя дни поста въ чистотѣ хранящеся, а по вся недѣля святыхъ таинъ причащаашеся, и преочистованоу доушоу хо // **л. 248 об.** ты представить пред Богомъ, поистиннъ явися земный ангелъ и небесный человекъ. Поживе лѣтъ съ своею княгынею Евдокьею 20 лѣтъ и два лѣта въ цѣломоудрии, прижи сыны и дщери, и въспита въ благочестии. А вотчиноу свою великое княжение держаше лѣтъ 29 и 6 мѣсяць, а всѣхъ лѣтъ отъ рождѣства его 30 и осмь и 5 мѣсяць; многи же троуды и побѣды по правовѣрной вѣрѣ показа, яко инъ никто же. Потомъ разболѣся и прискорбенъ бысть велми, и паки легчая бысть емоу и възрадовашася великая княгини и сынове его радостию великою и велможа его; и паки впаде в болшоую болѣзнь и стенание прииде въ сердце его, яко и вноутренимъ его торзатися, и оуже приближися ко смерти доуша его. **В** то же время родися емоу сынъ Коньстантинъ. **И** призва к себѣ княгыню свою и сыны своя и бояры своя и рече: «Послоушайте мене вси, се азъ отъхожю к Богу моемоу. Ты же, драгая моя княгини, боуди чадомъ своимъ отецъ и мати, наказоующи ихъ и оукрѣпляющи, и все по заповѣдемъ Господнимъ, послоушливомъ и покорливомъ быти, и Бога боятися и родителя своя честити, и страхъ ихъ держати въ сердци своемъ вся дни живота своего. Потомъ же рече сыномъ своимъ: «Вы же, сынове мои, плодъ чрева моего, Бога боитесь, поминайте писание, чтите родителя своя, да благо вы боудеть, миръ и любовь имѣйте межи собою. Азъ бо предаю васъ Богови и матери вашей под страхомъ ея всегда боудете, обяжите заповѣдь мою себѣ на вы // **л. 249** и свои, вкладайте словеса моя въ сердца своя. Аще ли не послоушайте родители своихъ, помяните писание: клятва отча домъ чадомъ разроушити, материе въздыхание до конца искоренити. Аще ли послоушаете долголѣтны боудете на земли, и въ благыхъ пребоудеть доуша ваша, и оумножится слава домоу вашего, и врази ваши падоуть под ногами вашими, иноплеменници побѣгнууть отъ лица вашего, и облечится тягота земли вашей, и оумножатся нивы ваша обилиемъ. Бояры своя любите, честь имъ достоиную въздавайте противоу слоужению ихъ, безъ воля ихъ ничто же не творите, привѣтливи боудите ко всѣмъ слоугамъ своимъ, но

все творите с повелѣниемъ родитель своихъ». Рече же и бояромъ своимъ: «Сберитесь ко мнѣ, да скажу вамъ еже сътворихъ в житии моемъ: вѣдаете каковъ обычаи есть мои и нравъ, родихся предъ вами, и при васъ възрastoхъ, и с вами царствовахъ, землю Роусьскоую держахъ лѣтъ 29, а от рожения ми 40 лѣтъ; и моужествовахъ с вами на многи страны, и противнымъ страшень быхъ въ бранехъ, и поганыя низложихъ Божиею помощію и врагы покороихъ. Великое княжение свое велми оукрѣпихъ, миръ и тишину земли Роусьской сътвори, очиноу свою с вами сблюдохъ, еже ми предасть Богъ и родители мои, и вамъ честь и любовь даровахъ, подъ вами города держахъ и великыя власти, и чада ваша любихъ, никому же зла сътворихъ, ни силою что отъяхъ, ни досадахъ, ни оукороихъ ни разграбихъ, ни избежьчествовахъ, но всѣхъ любихъ и во чести державъ, и веселихся с вами, с вами и поскорбѣхъ. Вы же не на // л. 249 об. рекостесь оу мене бояре, но князи земли моеи, нынѣ же помяните словеса моя и своя, еже рекли есте ко мнѣ въ время свое: должни есмы тебѣ слоужа и дѣтемъ твоимъ главы положити своя, и оукрѣпитесь истинною послоужити княгини моеи и чадомъ моимъ от всего сердца своего, во время радости повеселитесь с ними, и во время скорби не оставите ихъ, да скорбь ваша на радость преложится, Богъ же мира да боудеть с вами». Призвавъ же первіе сына своего князя Василя болшаго, и на старѣиши поутъ предастъ в роуцѣ его великое княжение, еже есть столъ отца своего, и дѣда, и прадѣда со всѣми пошлинами; далъ есть емоу очиноу свою Роусьскоую землю, и раздавалъ есть сыномъ своимъ города своя вотчины по чяstemъ, на чемъ имъ есть княжити, и землю имъ раздѣли по жреби[ю]¹. Второу сыноу своему князю Юриу далъ есть городовъ: Звенигородъ со всѣми волостями и с пошлинами, и Галичъ, иже нѣколико было княжение Галичское, со всѣми волостями и с пошлинами. А третиемоу сыноу своему далъ князю Андрѣю городъ Можаяскъ и другый городъ Бѣлоозеро со всѣми волостями и с пошлинами, се же было нѣколи княжение Бѣлозерское. Четвертому сыноу своему князю Петроу далъ есть городъ Дмитровъ съ всѣми волостями и с пошлинами. И тако оутверди златопечатаную грамотоу. И целовавъ княгыню

¹ В слове жребію ю отрезано при переплетении, восстановлено по другим спискам.

свою, и дѣти своя, и бояры своя, конечное целование давъ им и благослови их, и пригноу роуцъ свои к персемъ, и тако предасть святоую свою доушу и непорочноую в роуцъ истинь // л. 250 наго Бога месяца маия въ 19, на память святого моученика Патрекья на 5-и недели по Велицъ дни в средоу долго вечера въ 2 часа нощи. Тѣло же его честное на земли остася, а святая его доуша въ небесныя кровы вселися. Егда же преставися благовѣрнии и христіюлюбивии благороднии великыи князь Дмитреи Иванович всея Роуси, пресвѣтися лице его акы ангелоу. Видѣвши же княгыни его мертвѣ на постели лежаща и восплакася горкымъ гласом, огненныя слезы изо очию испущааше, оутробою распалающеся и в перси своиа роуками бѣючи, яко труба рать повѣдаючи и яко арганъ сладко вѣщаючи; «Како оумре животе мои драгии, мене единою, вдовоую оставивъ? Почто азъ преже тебѣ не оумрохъ? Како заиде свѣте очию моею? Гдѣ отходиши скровище живота моего? Почто не премолвиши ко мнѣ, цвѣте мои прекраснии, что рано оувѣдаеши? Винограде многоплодный, оуже не подаси плода сердцю моему и сладости доуши моеи. Чемоу, господине, не взозриши на мя, ни промолвиши къ мнѣ, оужели мя еси забыл? Что ради не взозриши на мя и на дѣти своя? Чемоу имъ отвѣта не даси? Кому ли мене приказываешь? Солнце мое рано заходиши, месяц мой прекраснии рано погыбаеши, звѣздо вѣсточная, почто к западоу грядеши? Царю мои! Како приимоу ты или послоужоу ти? Гдѣ, господине, честь и слава твоя? Гдѣ господство твое? Осподарь всеи земли Роусьской былъ еси, нынѣ же мертвѣ лежиши, никѣм же не владѣеши. Многыя страны примирилъ еси и многыя победы показалъ еси, нынѣ же смертию побѣ // л. 250 об. женъ еси, измѣнися слава твоя и зракъ лица твоего, премѣнися во истлѣние. Животе мои, како повеселюся с тобою? За многоцѣнныя багрянница хоудыя сия бѣдныя ризы приемлѣши, за царскыи вѣнецъ хоудымъ симъ платом главоу покрываеши, за полатоу красною гробъ приемлѣши. Свѣте мои свѣтлыи, чемоу помрачилъ ся еси? Аще Богъ оуслышитъ молитвоу мою помолися о мнѣ, княгинѣ твоеи. Вкоупъ жихъ с тобою, вкоупъ и оумроу с тобою. ОУность не отиде от насъ, а старость не постиже насъ. Кому приказывашъ мене и дѣти своя? Не много нарадовахся с тобою за веселие плачь и слезы приидоша ми, а за оутѣхоу и радость сътование и скорбь яви ми ся. Почто азъ преже тебе

не оумрохъ, да бых не въдѣла смерти твоея и своя погыбели. Не слышиши ли, господине, бѣдных моих словесъ? Не смят ли ти ся моя горкыя слезы? Звѣри земныя на ложа своя идоуть и птица небесныя ко гнѣздомъ летятъ, ты же, господине, от домоу своего некрасно отходиши. **Кому** оуподоблюся? Остала бо есмь царя. Старыя вдовы тѣшите мене, молодыя вдовы поплачите со мною, вдовия бо бѣда горчѣе всѣх людей. **Как**о въсплачю или **как**о възглаголю? Великыи мои Боже! Царь царемъ, заступникъ ми боуди. Пречистая госпоже Богородице, не остави мене, и во время печали не забуди мене». **И** принесоша благовърнаго великаго князя Дмитрия Ивановичя, всея Роуси царя, въ церковь святого великаго архангела Михаила, идъ же есть гробъ отца его, и дѣда, и прадѣда, и пѣвши над нимъ обычное надгробное пѣние, // л. 251 и положиша его въ гробъ мѣсяца мая въ 20, на память святого Фалелѣя. **И** плакашася над нимъ князи и бояре, и архиепископи, и весь народ, и нѣсть такова, кто бы не плакалъ, и пѣния не слышети въ мнозѣ плачи. **Бѣ** же тоу гость митрополить тряпизоньскыи Феогностъ гречинъ, и Данило, владыка смоленскыи, и Сава, епископъ сарьскыи, и Сергѣи, игоумень преподобныи старецъ, и разидошася многа плача наполнившеся. **Пятый** же сынъ его князь Иванъ послѣ отца преставися. **А** шестыи сынъ его князь Костянтинъ, еже есть менши всѣх дѣтей его, то четверодневноу емоу соущю по отцѣ оставшоуся. **Семьи** же сынъ его старѣишии былъ Данило, а тои преже отца преставися. **О** страшно чудо, братие, и дива исполнено! **О** трепетное видѣние и оужась обдержаше! Слыши небо и вноуши земле! **Как**о въспишоу или **как**о възглаголю о преставлении сего великаго князя? **От** горести доуша языкъ связается, оуста загражаются, гортань премолка есть, смыслъ измѣняется, зракъ опоуснѣваетъ, крѣпость изнемогаетъ. **Аще** ли прѣм[ол]чю¹ ноудит мя языкъ яснѣе рещи. **Егда** же оуспе въчнымъ сном великыи князь земли Роусьскыя Дмитрей Иванович, аеръ възмоутися, земля трясашеся и человеци смоутишася. **Что** ли нарекоу день тѣ, день многия тоуги и скорби, и слезъ и вздыхания, тоуги и скорби мьноги? **Народъ** глагол(ю)ше: «О горе нам, братие! Царь царемъ оумре, господинъ владычествующимъ, солнце помрачается, лоуна облакомъ закрывается, звѣзда сияющая

---

¹ В слове промолчю ол затерто, восстановлено по другим спискам.

всемоу мируу к западоу грядеть». Да си глаголю, // л. 251 об. поноудит мя слово писати житие сего, никто же не почюдится, еже помысль даяше сложению и рѣчи оутвержение, помощника бо представляю Бога похваль святому, яко же глаголетъся: «Богъ Авраамовъ, Исааковъ, Ияковъ, преизлишния любве и добротели царя». Ничто же бо прилагая онѣхъ древнихъ философъ елиньскихъ и повѣсти ихъ, но положю достовѣрныя его похвалы, яко въ зеркаль имыи смѣси а разумоу божественаго писания. Которыхъ оубо в мирѣ, тако свѣтло и славно и чести достойно житие просия и имя възрасте над человеки? Красень бѣ взоромъ и чистѣ доушею, и свершенъ разумомъ. Иномуу оубо ино сказание бываетъ, на честь похвалы прилагая дружня любы поноужаетъ. Великому же семоу благочестия держателю отъ жития свѣтлости оукрашение и отъ прародитель святолюбие, по великому Дионисию: «Говорѣ водѣ вѣтромъ бываетъ, мокрота земли солнцемъ погыбаетъ, оумъ владѣтель чювъствиємъ чювъчскимъ, и спряжениемъ чювъствия оумъ в сердци садѣ вкореняетъ сердце же плоды оумныи мируу подаваетъ». Тако же и сии великый князь Дмитрей Ивановичъ знамянить въ родѣхъ бысть. Нѣсть оубо льпо инѣмъ родителемъ таково чадо родити, ниже оубо достойно таковому и чюдному чадоу отъ иныхъ родителей родитися. Аще не бы смотрениемъ всѣхъ¹ Съдѣтеля Бога, кое ли приложение славѣ его сделаю? Ибо не мѣримо есть, яко ни море в него текоущихъ рѣкъ, есть бо и бесъ того полно. Инымъ бо человекомъ в начятѣхъ похваление бываетъ, // л. 252 инымъ же въ средовѣчьи, другомуу же въ старости. Сеи же весь съ похвалою добродѣтели вся лѣта жития его сверши. Единъ же благочыстенъ родися, многымъ прародителемъ славою процвести, елико наидеть тако и тѣ и не оусоумнюся рещи о немъ: яко же во всю землю изиде слава его и въ конецъ вселенныя величество его. Комуу оуподоблю великаго сего князя Дмитрея Ивановича, царя Роусьскыя земли, и наслѣдника великомуу князю, и собрателя хр(и)стіанскаго? Приидѣте, любимици, церковнии дружи, къ похвалению словеси, по достоянію похвалити держателя земли Роусьской. Ангела ты нарекоу? Но во плоти соуща аггелскыи положилъ еси. Человека ли? Но выше чювъчскаго соущества дѣло свершилъ еси. Первозданнаго ли ты нарекоу? Но тои приимъ

---

¹ *Далее зачеркнуто всѣхъ.*

заповѣдь съдѣтеля и престоупи. Ты же обѣты своя по святомъ крещении чисты сътвори. Иосифа ли ты нарекоу? Но того преоудрости ради людие Богомъ нарицаахоу. Тои же чистоу сблуде и Богови рабъ обрѣтаашеся и Божии престоль держа господинъ земли Роусьской явися. Енохоу ли ты подоблю? Но тои преселенъ бысть на землю невѣдомоу, твою же доушу ангели съ славою възнесоша на небеса. Ноя ли ты именуоу? Но тои спасенъ бысть в ковчезъ отъ потопа, ты же съблуде сердце свое от помысла грѣховнаго, аки в чертозъ в чистомъ телеси. Евера ли ты нарекоу, не примѣсившася безоумныхъ языкъ ко столпотворению? Ты же столпъ нечестия разроушилъ еси в Роусьской земли, и не премѣсивъ себе къ безоумнымъ // **л. 252 об.** странамъ на хр(и)стіяньскоую погыбель. Авраама ли ты нарекоу? Но ты томоу вѣроу оуподобися, а житиемъ превзиде паче оного. Исаака ли ты въсхваля, отц(о)мъ на жертвоу приготовлена Богоу? Но ты самъ доушу свою чистоу и непорочноу Богови жерѣтвоу принесе. Израиля ли ты възглаголю? Но тои съ Богомъ вѣсторзъ боряшася, и доуховною лѣствцю провидяше, ты же, по бозе со иноплеменики боряшася, с нечестивыми агаряны и с поганою литвою, за святыя церкви, хр(и)стіяньскоую оутвержая вѣроу, акы оноу доуховною лѣствицю. Иосифа ли ты явлю, цѣломоудренаго плода и доуховнаго обладаващаго Египтомъ? Ты же въ цѣломоудрии оумъ держаше и владѣтель всеи земли Роусьской явися. Моисея ли ты именуоу? Но то и князь бысть единомуу евреискомуу языкоу. Ты же многія языки въ своемъ княженіи имаше, честию благодарения въ многія страны имя твое превосия. Похваляетъ бо земля Римская Петра и Павла, а Асиискія Иоана Богослова, Индиискія апостола Фоמוу, а Ероусалимская брата Господня Иякова, Андрея Первозваннаго все Поморіе, царя Коньстянтина Гречьская земля, Володимера Киевская со окрестными грады. Тебе же, великыи князь Дмитреи Иванович, вся Роусьская земля. Аз же недостойныи не възмогахъ твоемоу преславному господьству. По достоянію хвалы приложити за гроубость моего неразоумія. ОУмоли оубо, святе, о родъ своеъ и за вся люди соущая въ // **л. 253** области царства твоего, идъ же доуховныхъ отецъ паствины и вѣчное насыщение. Кое оубо сихъ насыщение оная радости, красота раю паствины соуть, лице Божіе видети! Тоу пѣснь поюще ангельстии лица, тоу съдроужение вѣлие бываетъ с вышними силами, тоу сладкая честь

от тоуждаго сего насилия изшедших, и тоу преоудрии лица пророкъ, и тоу соудия апостольскаго числа, и тоу безчисленных моученикъ воинства, тоу исповѣдници свою мздоу оусердно приемлють, тоу вѣрнии моужи крѣпостию смысла похотѣние соуетно сего свѣта оумягчиша, тоу и святыя жены благимъ нравомъ моужьскыи полъ побѣдиша, и тоу отроци, иже съдъ чистотоу сохранше, съ ангелы ликоствоваху, тоу и старци, их же старость маломощныя створи, но сила добраго дѣянния не погуби. Да с тѣми оубо святыми нам льпо есть жити и с тѣми радости насладитися, благодатию и челоувѣколюбием единароднаго сына твоего, с ним же благословень еси, съ пресвятымъ и благимъ и животворящим ти Духомъ, нынѣ и присно и в веки вѣком. Аминь.

Того же лѣта митрополить Пиминъ соиде с митрополія своеа тайно без вѣсти въ Царьградъ. Того же лѣта в Новѣгородъ приѣха князь Семень Олгердович на пригороды, на оупление святыя Богородица. Тогда преставися Дионисии митрополить в Киевѣ лежить в печерѣ Феодосиевъ. Князь Василеи Дмитреевич оуѣха от царя Тактамыша за Яикъ. Преставися архиепископъ новгородскыи Алексѣи, и положень бысть въ церкви святого Воскресения Христова // л. 253 об. в монастырь на Деревяницѣ.

В лѣто 6898. Преставися Поуминъ митрополить в Киевѣ. А Киприянъ митрополить прииде изо Царьграда митрополитомъ на Роусь. Того же лѣта съде на великом княженіи князь Василеи Дьмитреевич. А с нимъ прииде из Орды посолъ силенъ именем ОУланъ царевичъ, то и его посадилъ на великом княженіи.

Княжение великого князя Василя Дмитреевича всея Роу-си. Новгородци послаша к великому князю Василию Дмитреевичю послы своя Юрия Семеновича, Аврама вноука, Кирила Андрияновича. И докончаша миръ по старинѣ, и князь великыи присла в Новѣгородъ намѣстника своего Остафия Сытоу. Того же лѣта ходиша новгородци со княземъ Семеном Олгердовичем на пскович ратию и сташа в Солци. И тоу псковьскіе послы приѣхаша и докончаша миръ, а за должникъ, и за холопъ, и за робоу, кто в поутъ ходилъ на Волгоу, и не стояти псковичемъ, но выдавати их. Великого князя бояре Василя Дмитреевича Александръ Поле, и Александръ Белеоуть, и Селиванъ приѣхаша в Новѣгород из

нѣмецъ со княжною Софіею с Витовтовою дѣщерію, а с нею князь Иванъ Олгимонтовичъ; и стоявъ на Городищѣ, поѣхаша на Москву.

В лѣто 6899. Приѣха в Новѣгородъ Кипріянь митрополить киевскіи и всея Роуси, а с нимъ владыка рязаньскіи.

В лѣто 6900. Оженися великыи князь // л. 254 Василей Дмитреевич, поя за себе дщерь оу велико князя оу Витовта Софію. Того же лѣта на Тактамышѣ приходиль царевичъ ис Шамахиньскыя земли, и бысть имъ бои силенъ. Ходи князь великыи Василей Дмитреевичъ в Ордоу ко царю Тактамышоу и выиде из Орды на великое княжение. И ходи под Нижнии Новѣгород ратию и взя град за себе, а князи и княгини пойма в полонъ, а князь Семень Дмитреевич оубѣжа в Ордоу. Того же лѣта проѣха князь Семень Ольгордович в Литвою къ братии своеи.

В лѣто 6901. Ходи великыи князь Василей Дмитреевич другые в Ордоу ко царю. И дал емоу царь новгородское княжение, Нижнии Новѣгород и Моуромъ, и Мещероу, и Тороусоу. Того же лѣта Махъмоутъ царевичъ взялъ ратию Вяткоу. Тогда же преставися князь Борисъ Костянтиновичъ. Великыи же князь Василей Дмитреевич и со княгынею своею ѣзди в Смолнескъ ко тѣстю своему Витовтоу на повидание. Князь Олегъ ходиль ратию к Любоутъскоу. А Литва воевали Рязаньскоую землю. Король Ягаило далъ Витовтоу Литовское княжение великое. Приѣха в Новѣгородъ князь Костянтинъ бѣлозерскіи и приѣша его. Великыи князь Василей Дмитреевич присла в Новѣгородъ Ивана Всеволожича и Данила Тимофѣевича о черномъ бороу и о грамотѣ, что целовали новгородци, что к митрополитоу не зватися на Москву о соудѣхъ, а соудити было владыцѣ: «И вы к митрополитоу тоу грамотоу отъшлите, а целование митрополить с васъ // л. 254 об. соиметь». Новгородци же того не послоушаша, и в том ся оучинило розмирие. Великыи же князь Василей Дмитреевич посла дядю своего князя Володимера Андрѣевича и брата его князя Юрія Дмитреевича ратию на Торжекъ и много повоеваша новгородскихъ волостей, а сами съѣзша в Торжкоу. Новгородци же совкоупишася ратию, а с ними князь Романъ литовьскіи да князь Костянтинъ бѣлозерскіи, и воеводы новгородьскыя и взяша городъ Кличенъ и Оустюжноу, а изъ Заволочія двиняне взяша городъ Оустюгъ, и много

зла оучиниша. В¹ то время с обѣ стороны много зла оучинилося. Новгородци же послаша к великому князю с челобитиемъ о старинѣ, а к митрополитоу грамотоу послаша целовальную, и послы вздвигше миръ dokonчаша по старинѣ. А митрополитоу грамотоу дали, митрополитъ же грамотоу вземъ рече: «Не боуди на васъ сего грѣха, что есте на сеи грамотѣ целовали. А архиепископа Ивана и весь Великий Новгородъ благословляю и прашаю». А от великого князя приѣхали послы Федоръ Кошка, Иванъ Оуда, Селиванъ и покрѣпиша миръ с новгородци. Новгородци же даша великому князю черной боръ по всемъ новгородскимъ волостемъ. Митрополитю же послоу дали Дмитрею полъ четвертаста рублевъ, што митрополитъ благословилъ владыкоу Ивана и весь Новгородъ.

В лѣто 6902. Приѣздишь в Новгородъ князь Андреи Олгоровичъ. Ходиша новгородци со княземъ Романомъ и со княземъ Костянтиномъ, и // л. 255 стояша под Псковомъ недѣлю. А в городъ во Псковъ бѣ же тогда князь Ондрии Олгоровичъ и сынъ его князь Иванъ, и тоу оубиенъ бысть в заѣздъ князь Иванъ копорьскій и Василеи Федоровичъ, и иныхъ много паде. И отидоша новгородци мироу не взявше, ни города Пскова.

В лѣто 6903. Бои бысть царю Темирь-Коутлоу с Тахтамышомъ, и прогна Тактамыша в Литву, а самъ съде на царствѣ. Приходилъ, царь Калочанъ, Андрониковъ сынъ, с тоуркы ко Царюградоу. И выѣха царь Маноуилъ съ грекы и съ фрязы, и прогони Тоуркы.

Взятие смоленское от Витовта, иже лестию взял. Тое же осени великий князь Витовтъ литовскій собра силоу литовскоую и поиде, ратию творясь, на Темирь-Коутлоу, а не на Смоленскъ, и промчесь слово то всюдоу, да ся бы смоляне не оплошили; а в то время князи в Смоленскоу быша, а в разности враждующися про отчиноу. И бывшоу Витовтоу под Смоленскомъ и выѣха к нему князь Глѣбъ Святославичъ не во мнозѣ. Онъ же чѣстивъ и одаривъ его и с любовію отпусти с миромъ ркоуще: «А бы есте выѣхали всѣ князи братеникы ко мнѣ съ любовію по опасоу. Слышель есмь, што есть промѣжи вами неодиначество и недружба велика и каково бо-

---

¹ *Перед В оставлено место, скорее всего для киноварного А, которое есть в других списках.*

удеть межи вами слово или какова пря и вы на мене сошли-
теся, акы на третии. И азъ васъ право соужю». И тако створи
над ними леств и вызва их из города лестию, акы право хотя
соудити. И раздѣлити им вотчину по жребию; они же, вѣро-
уяша словесѣмъ его лоукавым и выѣхаша к нему с дары всѣ
// л. 255 об. братеники Святославичи и всѣ князи смоленсь-
кыѣ. Доиде же не остани единъ ихъ в градъ, но и с бояры
своими. Он же поима ихъ всѣхъ князеи смоленскихъ и посла въ
свою землю литовскоую, а сам посадъ пожже, а люди мно-
гы полони. И тако все княжение смоленское взя за себе и
намѣстника своего посади — князя Ямонта, да Василия Борѣ-
кова. Се первое взятие Смоленскоу от Витовта месяца сеп-
тября въ 28, а князь Юрии в то время бысть на Рязани оу-
тѣста своего оу князя Олга Ивановича.

Взятие Новгорода Нижняго. Тоѣ же осени князь Се-
мень Дмитриевичъ соудальскыи поиде ратию к Новоуго-
родоу Нижнемоу, а с нимъ царевичъ Ентякъ, да татаръ
1.000. Людие же затворишася в городъ, а воеводы оу нихъ
бѣхоу: Володимеръ Данилович, Григорей Володимирович,
Иванъ Лихоръ и бысть имъ бои. И отѣстоупиша отъ города
татарове и паки пристоупиша и тако по три дни бияхоуся
и много людеи от стрѣль паде и по семь миръ взяша кр(е)-
стияне крестъ целовали, а татарове по своей вѣрѣ даша
правдоу што имъ крестиянъ не грабити, ни заимати, и
потом татарове сътвориша леств и ротоу свою измѣниша.
И пограбиша всѣхъ кр(е)стиянъ нагихъ поушачоу. А князь Се-
мень глагол(а)ше: «Не азъ творихъ леств, но татарове, а язъ
в нихъ нѣ воленъ, а с нихъ не могоу». И тако взяша градъ
октября въ 25 и быша тоу двѣ недели. Дондѣже слышахоу
великого князя, что на нихъ хочеть ити ратию. Они же
побѣгоша к Ордѣ. И се слышавъ князь великыи // л. 256
Василей Дмитриевичъ и собравъ рать многоу посла брата
своего князя Юрия Дмитриевича, и с нимъ воеводъ и старѣ-
шихъ бояръ и силоу многоу. Он же шедъ, взя городъ Болгары
великыи и градъ Жоукотинъ и градъ Казань, и градъ Кермен-
чюкъ и всю землю ихъ повоева. И много бесермень и тотаръ
перебиша и всю татарьскоую землю плѣни; воеваша три
месяца и възвратися со многою корыстию в землю Роусь-
скоую. Тое же зимы посылалъ великыи князь Витовтъ ли-
товьскыи рать на землю рязаньскоую. Литва же повоеваша
землю рязаньскоую и отидоша.

В лѣто 6904. Киприянъ митрополитъ киевскыи и всяя Роу-си постави Григория епископомъ Ростовоу и Ярославлю и Бѣлоозероу и ОУгличю полю и ОУстьоугоу и Молозѣ. А с нимъ были на поставлении 5 владыкъ. Си же Григории 20 и 5 лѣтъ бысть епископомъ Ростовоу.

В лѣто 6905. Князь Василеи Иванович смоленскыи и Патрекѣ Наримонтовичъ приѣхаша в Новѣгородъ и прияша ихъ новгородци. Князь великыи Василеи Дмитриевичъ и князь великыи Витовтъ послаша свои послы содиного к Новоугородоу, повелѣша им разверечи миръ с нѣмци. Новгородцы же того не послушали, но отвѣтъ даша: «Намъ, господине, князь великыи Василеи Дмитриевич с тобою свои миръ, а с великымъ княземъ Витовтомъ инъ, а с нѣмци иныи». Двиняне же далися великому князю Василию Дмитриевич(оу). И князь великыи разверже миръ с новгородци. Новгородци же послаша к великому князю Василию Дмитриевич(оу) владыкоу Ивана и посадника Богдана и // л. 256 об. Коурила. И князь великыи не прия владычня благословения, ни новгородскаго челобития. Новгородци же крестъ целоваша задинъ.

В лѣто 6906. Ходиша новгородци за Волокъ ратию, воевода посадникъ Тимофѣи Юриевич, Юрие Дмитриевич, Василеи Синецъ и вои с ними 3.000. И повоеваша Бѣлозерскыи волости, и з города взяша окоупъ 60 рубливъ, и Коубеньскыя волости поимаша, и Галичскыя взяша на щить, и ОУстюгъ повоевавъ пожгоша. А под Орлецем¹ стояша мѣсяць, бѣючи пороки. Заволочяне оубиша с городка Левожкоу, новгородци же взяша Орлець и раскопаша. А на двинянѣхъ взяша окоупъ 2.000 рубливъ да 3.000 коневъ, а оу намѣстника великого князя оу князя оу Федора ростовскаго взяша присоудъ и пошлины, а самого поустиша в Роусь, а оу гости оу низовскихъ взяша окоупа 300 рубливъ. А воеводоу двиньскаго Ивана Микитина приведше в Новѣгородъ, скиноуша с мостоу, а братъ его Анфалъ оубѣжа на, поути въ ОУстюгъ, а Гарасима и Родиона постригоша в чернцы. Того же лѣта ездѣша на Москву к великому князю Василию Дмитриевич(ю) послы новгородскыи: посадникъ Есифъ Захариинич, тысячскыи Анания Костянтинович с челобитиемъ от Новгорода и взяша миръ. Того же лѣта приѣха в Новѣгород вели-

---

¹ Можно также прочитать как Рлещем.

кого князя Василия Дмитриевича брать князь Андреи. Того же лѣта преставися благовѣрный князь Михайло тѣмьскій Александровичъ, въсприимъ мнишескыи чинъ, и положенъ бысть въ святомъ Спасѣ. Того же лѣта князь великыи Василей Дмитриевичъ посылалъ брата князя Юрія в Казань // л. 257 на князя Семена. Того же лѣта оубиенъ бысть князь Романъ Юриевичъ на Шолонѣ и положено бысть тѣло его оу святого Спаса в Порховѣ.

Побоище великого князя Витовта со царемъ Темиръ-Коутлоуемъ. Князь великыи Витовтъ Кестютіевичъ литовскій собравъ многы, вкоупъ же с нимъ и царь Тахтамышъ содиного своимъ дворомъ, с ними же литва, нѣмци, ляхы, жемоть, татарове, волохи, подоляне, с нимъ же бѣ князеи числомъ 50, и бысть ихъ ратныхъ сила велика зѣло. И со всѣми сими полкы, вооружився и поиде на царя Темиръ-Коутлоуя, со многими ратми ополчився, и оустремився на всю силу татарскоую. И похваляся на Ордоу Витовтъ глагол(а)ше: «Поидемъ, плѣнимъ землю Татарскоую, побѣдимъ царя Темиръ-Коутлоуя, возьмемъ царство его и разделимъ корысть его, посадимъ в Ордь на царствѣ его царя Тахтамыша, а самъ сядоу на Москвѣ на великомъ княжении на всей Роусьской земли». Бѣ бо дотолъ и прежде того свѣща Витовтъ с Тахтамышомъ въ единой доумѣ глаголя: «Азъ тя посажу в Ордь на царствѣ, а ты мя посадишь на великомъ княжении на Москвѣ и на всей Роусьской земли». И на томъ на всемъ поидоша татаръ воевати. В то же время приспѣ Темиръ-Коутлоуи царь со многими полкы ратными, и со князи своими ординскими, и со всею силою татарскою, и срѣтошася съ Витовтомъ обои в полѣ на рѣцѣ на Воръскѣль, и бысть имъ бои великъ мѣсяца августа въ 12 день. Надолзъ же биющимся имъ, и поможе Богъ татаромъ, и одолзъ царь Темиръ-Коутлоуи, и побѣди Витовта и всю силу литовскоую. И побѣже Витовтъ в малѣ дружинѣ, и по // л. 257 об. гнаша татарове въ слѣдъ бѣжащихъ. А Тахтамышъ царь тако же бѣжачи и оттолъ много пакости оучинилъ Литовской земли. Погании же татарове на великомъ томъ побоищи побиша много князеи литовскихъ и воеводъ, и боляръ великихъ, и хрестіянъ много, и литвы, и немещъ, и ляховъ, и иныхъ людей многое множество безчисленное паде, тогда мало ихъ осталось. Царь же Темиръ-Коутлоуи пришедъ къ городоу Кыевоу и взялъ с города окоупъ 3.000 рубливъ литовскимъ серебромъ, и силу свою распоусти всю

воевати землю литовскоую. И ходиша рати тотарския воюючи, даиже и до Великого Лоучьска, много городовъ поплъниша, и много странъ повоеваша, многоу из гибель царь сътвори земли Литовской, и отъиде въ свою землю. А се имена избитыхъ князеи литовскихъ: князь Андрѣи полотъскыи Олгордовичъ, братъ его князь Дмитреи брянъскыи, князь Иванъ Дмитреевичъ Киндырь, князь Андрѣи, пасынокъ Дмитреевъ, князь Иванъ Евлашковичъ, князь Иванъ Борисовичъ киевскыи, князь Глѣбъ Святославичъ смоленъскыи, князь Левъ Корьядовичъ, князь Михаило Василиевичъ, братъ его князь Семень, князь Михаило подберезьскыи, братъ его князь Александръ, князь Михаило Данильевичъ, братъ его Дмитреи, князь Феодоръ Патрекѣвичъ волынъскыи, князь Ямонтъ Толоунтовичъ, князь Иванъ Юриевичъ бѣльскыи, князь Высыткъ краковъскыи.

Преставление князя Михаила тѣрського. По оспожинѣ дни князь Михаило Олександровичъ тѣрскыи разболѣся, и бысть емоу болѣзнь тяжка, изнемогаше добръ. Оуже и грамотоу доушевноую повелѣь писати, оуже бо мало владѣа // л. 258 ше собою. И в то время приидоша послове изъ Царяграда, их же бѣь посылаѣть ко Царюградоу съ милостынею, Данило протопопъ съ инѣми, привезе емоу отъ патриарха благословение и поминокъ, иконоу патриарховоу: на неи же бе написано страшный соудъ. Он же повелѣь владицѣ Арсению со всѣмъ сборомъ, съ игоумены, съ попы, и дѣяконы со кресты и съ кандилы и съ свѣщами срѣтити честно святоую тоу иконоу и пѣти молбены. И самъ вста отъ постеля своя, акы забывъ болѣсть свою. И чюдо бѣ зѣти: обновися яко орелъ юностию, акы не чюяше ни старости, ни болѣсти. И стрѣте иконоу на своемъ дворѣ оу церкви святого Михаила и начя целовати любезно святоую тоу иконоу. И повелѣь сътворити пиръ великъ, и позва на пиръ епископа своего Арсения, и архимандриты, и игоумены, попы, и дѣяконы, и весь причетъ церковный, и отъ мнишьскаго чиноу нищихъ и отъ бѣлецъ нищихъ и оубогыхъ, хромыхъ, слѣпыхъ и вредныхъ, и поноудися вечеряти с ними вкоупъ, бѣаше бо оуже велми изнемогая, подержахуъ его. И потомъ испивъ ко всѣмъ и начя прашатися со всѣми, преже со священнымъ чиномъ, и комоуждо ихъ изъ своя роуки подавъ чашоу и целоуя ихъ, ко всякому глагол(а)ше: «Проститѣ мя и благословите». Они же надолзъ не могоуще ся оудержати, целоующе его жалостно плакаху по немъ. И та-

ко всѣхъ по рядуу целовавъ, от мала и до велика, и отъпусти я. Они же дряхли идоуще плачущесея. **Послѣди** же целоваше своихъ дѣтей, бояръ, и слоугъ, и домочадыхъ. **И** оучяше дѣти своя, веля имъ имѣти обычая благыя, боголю // **л. 258 об.** е и милостыню, правдоу, моужество, цѣломоудрие, братолюбие, и заповѣда имъ брат¹ брата честити и любити, а старѣйшаго брата всѣмъ слоушати: «И вы, братие моя бояре, въспоминайте моимъ дѣтемъ, чтобы жили в любви, яко же оуказахъ имъ и раздѣлихъ комоуждо ихъ часть отчины: сыноу князю Иваноу и его дѣтемъ Олександроу и Иваноу: Тфѣрь, Новы городокъ, Ржевоу, Зоубцевъ, Радиловъ, Выбрынъ, Опоки, Верѣтязинъ городокъ. **А** князю Василию Борисовичю и сыноу его княю Иваноу: Кашинъ, Коснятинъ; а сыноу Федороу два городка Микоулина и с волостями. Яко же написавъ грамотоу доушевноую, почемоу княжити и жити и не престоупати моего слова и моя грамоты доушевные». **И** выставъ поиде въ церковь въ сборную въ святыи Спасъ и бивъ челомъ великому Спасоу и пречистѣи его Матери и святому архаггелоу Михаилу и потомъ начя гробомъ кланяться, своего дѣда гробу великого князя Михаила Ярославича и своего отца гробу Олександроу Михайловича. **И** пришедъ къ столпоу, иже на правои сторонѣ, идъ же бѣ написано Авраамъ и Исаакъ, Ияковъ, и подъ тѣмъ столпомъ повелѣъ гробъ себѣ същи, а самъ поиде вонъ ис церкви. **И** вышедъ изъ двери церковныхъ, ста на степени и бѣ народа многое множество. Онъ же к нимъ поклонися смиреномоудрия и любве образъ показа, прощения отъ всѣхъ отъ нихъ прошааше глаголя: «Братие! Простите мя и благословите вси». Они же, яко единѣми оусты со восклицаниемъ плачуще и глаголюще: // **л. 259** «Богъ проститъ тя, добрыи нашъ княже господине!» Бѣше бо тогда видѣние зрака его на дряхлость измѣнися и свѣтлость лица его преложися на бѣдность, от многыя истомы и от великыя емоу бользни». **И** оттолъ поиде по степенемъ доловъ, князи же сынове его и бояре мняхоуть паки на свои дворъ поитти хоцетъ. Он же кажа роукою повелѣваше вести себе в монастырь. Княгини же его Овдокья с прочими княгинями и снохами, тако же сынове его и вноучята, бояре и слоуги то от него слышавше, великъ плачъ створиша. Он же тако и поиде в лавроу святого Афонасія. Они же вси проводиша его с пла-

---

¹ *Написано над строкой более светлыми чернилами.*

чемъ. **И** в том часъ повелъ постригшися во мѣнишьскыи чинъ, и постриженъ бысть роукою преподобнаго Арсения, епископа тѣвѣрскаго, августа въ 20, и наречено имя емоу въ мнишескомъ чиноу Матфѣи. **И** пребысть в монастыри 7 днии, в тыи же день преставися благовѣрный и христіолюбивый Михаилъ сынъ Александровъ, внуокъ Михайловъ, правнукъ великаго князя Ярослава Ярославича. **И** бысть всѣхъ днии житія его лѣтъ 66. **И** отиде от житія сего к Богу августа в 26 день во вторникъ на ночь в коуроглашение. А въ гробъ заутра в средоу положенъ бысть въ своей отчинѣ въ градъ Тѣвѣри въ сборной церкви въ святомъ Спасѣ. **И** многъ плачь бѣ всемоу граду в отъ день. **С**и же князь бѣ былъ тѣломъ великъ, бѣ бо крѣпокъ, и сановитъ, и смысленъ, взоръ имѣя грозенъ и преоудивленъ лише человека, боголюбивъ, любя чинъ церковный, пѣние церковное, и честь подавааше Божиимъ слоу // **л. 259 об.** жителемъ священникомъ, милостивъ злы оубогимъ. Паче же всего любяше соудъ правъ, не на лица соудити, бояромъ не потакаше, но паче сиротамъ помагаше во всемъ, милостыню присно беспрестани творяше. Того ради и Богъ оудиви милость свою на немъ, давъ емоу толь доброу и красную житія кончину и вѣчная емоу память.

В лѣто 6908. Съеде на княженіи во Тѣвѣри князь Иванъ Михайловичъ. Явися знамение на небеси, помрачение въ солнци, и тма бысть, и солнце погиге, и явися серпъ на небеси, и потомъ явися солнце, кровавы лоуча испущающы с дымомъ мѣсяца октябръ, на память святыхъ мученицы Анастасии.

В лѣто 6909. Мѣсяца августа князь Юриѣ Святъславичъ да князь Олегъ рязаньскыи приидоша къ Смоленскоу, а в городъ Смоленскоу бысть мятежь и крамола, овии хотяхоу Витовта, а друзиѣ отчича князя Юриѣ. Князь же Юриѣ сослася с горожаны съ смолянны. Смоленяне же не могоуше терпѣти насильства отъ иновѣрныхъ от ляховъ и приѣхаша князя Юриѣ, и предашася и градъ отвориша. А князь Романъ Михайловичъ брянскыи тоу тогда съдѣлъ от Витовта, и оубиенъ бысть жалостно ноужною смерті, а княгиню его и дѣти отпустиша, а намѣстники Витовтовы поимаша, а бояръ, которыхъ отчича не хотѣли князя Юриѣ или брянскихъ или смоленскихъ, тѣхъ всѣхъ посякоша. **И** тако князь Юриѣ взя Смоленскъ свою отчину и съеде на столъ въ своей отчинѣ. **К**нязь великыи Витовтъ тоѣ же о // **л. 260** сени приходилъ ратию къ Смоленскоу на князя Юриѣ. **И** стоя много днии

под Смоленськомъ и не возма города, поиде въ свою землю, вземъ перемирие. А въ Смоленьцъ крамола бысть, людеи много поськоша. И моръ бысть на люди.

В лѣто 6910. Въ Великое говѣние месяца марта являшеся нѣкако знамение на небеси, в вечернюю зарю на западѣ, звезда не мала, акы копейнымъ образомъ, верхоу же ея лочь сияше, иже на вѣстоцѣ въсходящи, а на западѣ лѣтнемъ являшеся юже видѣхомъ весь мѣсяцъ. Того же лѣта ходи князь Рославъ Олговичъ рязаньскыи на Брянскъ ратию. И срѣтоша его князи литовскыи Лоугвении, Александръ Патрекѣвичъ стародоубьскыи. И бысть имъ бои оу Любоутьска, и поможе Богъ княземъ литовскимъ побѣдиша рать рязаньскоую, и тоу изнимаша князя Рослава, и приведоша его ноужю к Витовтоу, и сковавше его, ведоша в темницу, глаголемую тюрмоу. И пребысть в такой ноужѣ и в ыстомъ 3 лѣта, дондеже Витовтъ взя окоупъ на немъ 2.000 рубливъ и отпоусти.

В лѣто 6911. Повелѣниемъ Витовтовымъ князь Лоугвень прииде ратию к Смоленскоу городу и к Вязмѣ; и Вязмоу взя, а князя Ивана Святославича изнима и приведе в Литвоу. Того же лѣта князь Иванъ тѣмьскыи посла рать х Кашиноу на своего брата князя Василя. Князь же Василей приѣжа на Москву. И смири ихъ князь великыи Василей Дмитреевичъ московскыи.

В лѣто 6912. Князь великыи Витовтъ съ // л. 260 об. Олгоровичи, с Кербоутом, с Лоугвениемъ и съ Швитригаилом, и со всею силою, прииде ратию къ Смоленскоу. А князь Юрии затворися въ гарадѣ со всѣми людьми. Витовтъ же весною всю стоя, колько бився и троужався, не може его выстояти, и поушками бивъ град, бѣ бо Смоленскъ крѣпокъ велими, 7 недель стоявъ, и потомъ по Велицѣ дни отстоупи прочь. А по зажитиѣмъ и по волостемъ Смоленскимъ много зла сътвориша. Князь Юрии Святославичъ сослався с великимъ княземъ Василиемъ Дмитреевичемъ московскимъ и выѣха из города не во мнозе боярь, а княгиню свою с бояры своими оставивъ в Смоленскоу и приказа имъ ждати себѣ на первыи срокъ и на другы, и на третии, а самъ приѣха на Москву билъ челомъ великому князю Василию Дмитреевичю слоужити, даючися емоу сам и со всѣмъ своимъ княжениемъ. Князь же великыи Василей не прия его, ни всего его княжения Смоленского, не хотя измѣнити Витовтоу. Егда же бысть князь Юрии на Москвѣ, а в то время Витовтъ собравъ силоу

многоу, и ста оу Смоленьска. Граждане же не могоуще терпѣти в градъ въ гладъ пребывати, от изнеможения и всякия истомы град Смоленьскъ предашася Витовтоу. И се бысть послѣднее плѣнение Смоленьскоу отъ Витовта, в Петровоговѣе месяца июня въ 26. И тако Витовтъ взя град и все смоленьское княжение за ся, и княгиню Юриевою изнима, и посла в Литовскую землю, а князеи смоленьскихъ пои // л. 261 ма, а боярь, кои добра хотѣли своему князю Юрию, а тѣх разведе и расточи, а иныхъ премоучи, а въ Смоленскъ своя намѣстники ляхы посади, ляхомъ предастъ градъ предержати. А по князя по Юрия посла на взыскание его. Князь же Юрии то слышавъ, съ своимъ сыномъ со княземъ с Феодоромъ, съжалиси в горести доуша, и побежа с Москвы в Новъгородъ в Великий, и тамо новгородци прияша его с миром. Того же лѣта преставися князь Василей соудальский.

В лѣто 6913. Князь великий Василей Дмитреевичъ посларать в татарьская мѣста на взыскание князя Семена Соудальскаго, дабы его гдѣ обрѣсти самого или княгиню его или дѣти его, или боярь его. Крыаше бо ся бѣгая в татарьскихъ мѣstech, а оу князя великого ратей воеводы: Иванъ Оуда Андрѣевичъ, Федоръ Глѣбовичъ. И идоша на мордвоу и наѣхаша княгиню семенову Александрю в татарьской земли, на мѣсть нарицаемъ Чибирца. Тоу изнимаша ю оу святого Николы. Церковь же тоу поставилъ нѣкоторые бесерменины именемъ Хазибаба. Они же абие имше и ограбиша ю и привелоша на Москву с дѣтми. И пребысть тоу на дворѣ Белеутовъ дондѣже князь Семень покоровся, помирися, занеже тогда бѣ в ординьскихъ мѣstech. Слышавъ же, что княгини его с дѣтми изнимани и казна его взята и сослеса с великимъ княземъ вниде в покорение и приѣха из Орды на Москву князь Семень и добилъ челомъ князю великому и взя миръ. И поѣха с Москвы князь Семень и со княгинею и с дѣтми на Вяткоу, но боленъ сынъ и пребывъ на // л. 261 об. Вяткѣ 5 месяць и паки разболѣся и преставися рабъ Божии князь Семень Дмитреевичъ Соудальскъ на память преставления новаго чудотворца и святаго пресв(я)щеннаго Петра митрополита. Иже много претерпѣ истомы¹ в Ордѣ и на Роуси, добываяся вотчины своя. Осмь лѣтъ слоужилъ по рядуу в Ордѣ четверемъ царемъ: первому Тахтамышу, второму Ак-

¹ Написано над строкой.

сакоу, третиемоу Темирь-Коутлоую, четвертому Шадибькоу. А все то поднимая рать на московского великого князя, како бы найти свою вотчину новгородское княжение. И того ради много троуда подъя, не обрѣтая покоя ногама своима, и не оуспѣ ничтоже, но акы в соуде троужаяся. Соудетно бо есть спасение человѣчское или не вспомянуу писания глаголющаго, его же хошетъ Богъ поставляетъ князя и властелина и землидержца. Того же лѣта бысть на Москвѣ чудо в домоу Тютрюмовѣ, от иконы святыя Богородица и святого чудотворца Николы иде моуро. Того же лѣта князь великий Витовтъ взя воиноу на мироу псковьскый городокъ Коложе, а псковьскоую¹ крестную грамоту присла в Новъгородъ и стоя под Вороночемъ 2 недели и отиде волости их повоева, а люди посѣкъ, а иныѣ въ полонѣ свѣлъ. И псковичи жаловашася Новоугородоу на Витовта про литовьскоую воиноу. Новгородци же не меча братии своее молотшии псковичѣ, послаша к ним в помощь воеводы Александра Константиновича, Афонасия Есифовича, Фоמוу Трошъикина с воемъ. // л. 262 Они же приѣхавше въ Псковѣ, псковичи же отслали их к Новоугородоу, а сами ѣхавше на крестномъ целовании повоеваша села новгородьская, Лоуки и Ржевоу.

В лѣто 6914. Князь великий Василей Дмитриевич разверже миръ съ великим княземъ Витовтомъ за псковичи, и ходи противоу Витовта, воевашася межи собою по три лѣта. Того же лѣта князь великий пошолъ впервые противоу Витовта на Плавоу.

Мѣсяца септября въ 16 преставися преосвященный митрополитъ киевский и всея Роуси Киприянъ, а былъ въ митрополитѣхъ въ святительство лѣтъ 30 бес полоутретия мѣсяца. Проводиша его честно весь град и епископи слоужиша над нимъ: Григорей, епископъ ростовский, Иларионъ, епискоупъ коломьскый², Митрофанъ, епископъ соудзальскый, архимандрити, и игоумени и весь съборъ священъничскый, пѣвъше над нимъ обычное надгробное пѣние и положиша его въ сборной церкви святыя Богородица на Москвѣ. В ней же есть гробъ Петра митрополита и Феогноста, тоу же и сего положиша на правой странѣ в стѣнѣ, по его повелѣнию. Си

---

¹ Первоначально читалось как псковьскоую, где первое с переправлено потом в ѣ.

² Сверху над словом черными чернилами надписано ен.

же митрополить в старости велиць бывъ и разболъся на Голенищевъ, идъ же есть церковь его опришняя, поставлена во имя святыхъ трии Святитель, иде же и часто любяше бывати, яко бѣ мѣсто тихо и безмятежно, и покоино. Тамо разболъся и болень лежаше нѣколико дни и тоу и преставися. **Преже** преставления своего за 4 дни написа грамотоу незнаемоу и страннолѣпноу, акы прашалноую, и аки въ образъ // **л. 262 об.** прощения, рекше всѣхъ прашая и благославляя и от всѣхъ прощения и благословения требоуя, се же мню яко конечнаго ради любоумудрия и цѣлоумудрия. И сие отходя сего свѣта заповѣдаше епискоупом и соущимъ тоу приставникомъ глаголя: «Егда мя въ гробъ вкладаючи, тогда сию грамотоу надо мною прочтите вслоухъ людемъ». Еже и бысть, еже и сѣтвори преподобныи епископъ Григорей ростовский, прочте ю велегласно, да боудеть оуслышано въ оушию всемоу народоу. И въ негда чтоушоу емоу, тогда многихъ отъ предстоящихъ на слезы подвиже. Бѣше та грамота писано тако: «**Во** имя святыхъ и живоначальныхъ Троица. Азъ грѣшныи и смиренныи Киприянь митрополить смотрихъ, яко постиже мя старость, впадохъ бо в частыи и различныи болѣзни, ими же нынѣ сдержимъ есмь, человеколюбнѣ от Бога казимъ, грѣховъ моихъ ради. Болѣзнемъ нынѣ оумножившимся на мя, яко же иногда никогда же ничто же ми възвышающе ино, развие смерть достоинно разсоудихъ, яко же в завѣщании нѣкая потребная мнѣ отчасти писаниемъ симъ изъяснити. Первое бо исповѣдаю святоую Богопреданую апостольскоую вѣроу и православия истинное благочестие, въ святоую Троицу и прочя священная апостольская повелѣния, святыхъ Божия церкви предания цѣла и неподвижима того благодатию сблюдати, яко же исповѣданиемъ моимъ написано, то и предахъ, вегда вначалѣ святитель роукополагахся по обычаю. Святыхъ и благославныхъ // **л. 263** и правохърнымъ царемъ хр(и)стіаньскимъ, и елици отидоша сего жития по моемъ поставлении и елици еще живоуть, и всѣмъ вкоупъ подаю еже о святомъ Доусѣ чистое прощение. К симъ же и святыишимъ и вселеньскимъ соущимъ, тако же и священнѣишимъ митрополитомъ всѣмъ преставлешимся и живымъ даю любовь обычную и послѣднее и конечное целование и прощение, а самъ того прошю от нихъ полуучити. **Благородному** и хр(и)столюбивому о святыхъ Доусѣ възлюбленому сыноу моемоу князю великому Василю Дмитреевич(оу) всея Роуси даю

миръ и благословение и послѣднее целование, и съ его материю, и съ его братиею, и съ его княгинею, и съ его дѣтми и съ их княгинями и съ их и дѣтми; великимъ княземъ роускимъ даю миру и благословение. Тако же и боголюбивымъ епископомъ, соущимъ под предѣлом нашея церкви в роусьской митрополии, преже преставлешимся и еще живымъ соущимъ, даю благословение и прощение, а от нихъ того же прошю и самъ полоучити. Священноинокомъ же и всемоу священъскомуу чиноу и елици оу престола Господня слоужать, всѣмъ даю благословение и прощение и любовь. Благочестивымъ княземъ, великимъ же и малымъ, преже преставлешимся в лѣтахъ нашихъ, тако же даю благословение и прощение и молюся Господоу Богу, да проститъ имъ вся согрѣшения, елика и ти яко человеци согрѣшиша. Бояромъ, великимъ же и малымъ, и с женами и с дѣтми и всемоу хр(и)стіяньскомуу народу оставляю имъ миръ и благословение. Инокомъ же всѣмъ вкоупъ, елици в ра // л. 263 об. зныхъ мѣстехъ живоуть, и всемоу притчоу церковномуу миръ оставляю и благословение. Аще ли боудоу кого во опитемию вложилъ или невниманиемъ или паки благословеною виною, а не боудеть поискалъ благословения и разрѣшенія, а в томъ забытии оучинилася смерть, или боудоу кого оучилъ, а онъ боудеть ослоушался, всѣхъ имѣю о святѣмъ Доусъ разрѣшены и прощены и благословны, и молюся человеколюбцю Богу, да отпоуститъ имъ. А понеже сочтохъ лѣта своя, отнелъ поставлень быхъ в митрополиты, и обрѣтошася числомъ яко 30-е лѣто течеть к приходящему месяцю декамврию въ 2 день, и толикимъ лѣтомъ прошедшимъ, и аще боудеть на мя кто поропталъ или паки явно всталъ от епископскаго саноу, или от иночскаго, еще же и священъскаго, или кто мирскихъ совкоупилъ боудеть с ними, и елици отъ нихъ познашася, и пришедше ко мнѣ исповѣдашася и прияша прощение и разрѣшение, прощени соуть и разрѣшени отъ того часа и да не вмѣнятъ имъ Господь грѣха, но да отпоуститъ имъ. А елици или стыдятся мене, или в забытии приидоша, или въ небрежении положиша, всякъ и же есть, священники, или инокъ, или мирьстии, моужескъ полъ и женъскъ, да боудоуть прощени и благословлени и да не вмѣнятся имъ, занеже то мое есть, и в мене предтокнушася и моя области то разрѣшити. И елици иже възлюбиша насъ и помиловаша насъ, [Господа

ради]¹, в нощах наших и въ трудоуных хоженіи наш[их]², // л. 264 и в поуѣх в различныхъ земляхъ, христоименитиі людіе, и велможи, и бояре, моужи и жены, да боудоутъ и ти прощени и благословени, и помиловани отъ Бога человеколюбца, да въздасть имъ Господь по сердцю ихъ. А доушу свою и домъ святыя Богородица приказываю о святѣмъ Доусъ възлюбленномуу сыноу своему, князю великому Василию Дмитреевичю всея Роуси, какъ попечалоуетъ, тако же и боаръ и слоугъ своихъ молодыхъ людеи отъ мала и до велика, какъ пожалоуетъ и поблюдетъ. А миръ и прощение и благодать отъ Господа нашего Исоуса Христа со всѣми вами и мое благословение». А писана грамота си оу Трехъ Святителиі мѣсяца септября въ 12 день, индикта 15, а не подписахъ немощи ради своея.

Тое же осени князь Юрии смоленскыи отѣха изъ Новгорода на Москвою. И князь великыи далъ емоу Торжекъ, и нѣ тоу оубилъ неповинно слоужащаго емоу князя Семена Мьстиславича Вяземьского и его княгиню Оулияноу, оуязвивъ оканымъ своимъ хотѣниемъ на его подроужіе. Она же предобрая моужелюбица, моужескы спротивися емоу, иземши ножъ, оудари его в мыщцу на ложи его. Он же възъярився вскорѣ самъ, князя ея оуби, а самой роуки и ноги повелѣ отсѣщи и воверечи в рѣкоу. И бысть емоу въ грѣхъ и въ стоудъ великъ, и с того збѣжа к Орду, не терпя горькаго своего безъверемія и бесчестія. Тое же зимы промежи говѣнія царь Шадибѣкъ оубилъ царя Тактамыша в Симбирской земли. А Корть, мѣстеръ римскыи, с нѣмци пришедъ ко Псковоу и отиде, а зло оучинивъ. Приѣха // л. 264 об. князь Петръ Дмитреевичъ в Новгородъ на пособъ на литвою, и бысть в Новгородъ 10 днии.

В лѣто 6915. Бысть знамение на Похрѣ, иде кровь отъ иконы святая Богородица. Того же лѣта князь Костянтинъ Дмитреевичъ иде ратию на нѣмци со псковичи и много зла оучинися немецкой земли: овыхъ посѣкоша, множество и полонища и взяша немецкыи градъ Порхъ. Новгородци же испросиша оу великаго князя оу Витовта князя Семена Логвѣня, и дасть имъ. Новгородци же даша емоу пригороды. Преставися князь Юрии смоленскыи на Въздвижение чест-

¹ Слово Господа ради нет в тексте, но есть знак вставки, однако сама вставка обрезана при переплетении, восстановлено по другим спискам.

² В слове наших их отрезано при переплетении, восстановлено по другим спискам.

наго креста не въ своей отчинѣ, но на чужей сторонѣ во изгнании. А своего княжения лишенъ и своей княгини и своихъ дѣтей, но в рязаньской земли в поустыни в монастырь оу нѣкоего христолюбца игоумена Петра и тоу неколико днии поболѣ и преставися и проводиша его честно. Князь великий Василенъ Дмитриевичъ воевася с великимъ княземъ Витовтомъ. Литва взяли Одоевъ, а оу Вязьмы оу города стояша князя великого рати, и не взяша. И миръ взя князь великий с Витовтомъ. Того же лѣта Боулатъ Солтанъ Шадыбъка царя согна со царства, а самъ съде на царствѣ его.

В лѣто 6916. Приде князь Костянтинъ Дмитреевичъ в Новгородъ, в великого князя мѣсто на Городище. На тоу осень прииде Едегъи ратию к Москвѣ месяца ноября въ 30 день в пятницу и стоя оу Москвы 3 недели и поиде прочь, возьмъ окоупъ 3.000 рубливъ, а городовъ взя: Переяславль // л. 265 Юриевъ, Дмитровъ и прочая волости повоева и до тѣхърискаго рубежа. Присла Едегъи свою грамотоу к великому князю на Москву.

В лѣто 6917. Ходи Анфалъ на болгары и тамо около его рать побиша татарове, а самого изнимаша. Того же лѣта псковичи взяша миръ новгородскимъ повѣльниемъ с великимъ княземъ Витовтомъ и с нѣмци. Того же лѣта преставися князь Данило во Псковѣ.

В лѣто 6918. Прииде из Царяграда Фотъи митрополить, поставленъ Киевоу и всеи Роуси, родомъ гречинъ; поставленъ патриархомъ Матфеомъ при цари Моноуиль, и прииде на Москву при великомъ князи Василии Дмитреевичъ всея Роуси. Преставися князь Володимерь Андрѣвичъ на Москвѣ и положенъ бысть въ сборной церкви святого архангела Михаила. Того же лѣта бысть побоище королю Ягайлоу Олгердовичю, нареченныи Володиславъ, и князю великому литовскомуу Витовтоу Кестютіевич(оу) с нѣмци, с проусы, въ ихъ земли Проусьской межи города Доубравны и Острода, и оубиша местеря и маршалка и коундоуры побиша, и всю силоу ихъ немецкоюу побиша, и города немецкыя поимаша, но токмо 3 города не взяшася королю и Витовтоу. И бысть тое осени, ходиша на три побоища с нѣмци, ляхомъ и литвъ. Но немецъ избиша. А во всѣхъ тѣхъ побоищихъ много паде хр(и)стіянъ и литвы, и ляховъ, от немецъ избиено бысть. Стояша под Мариинымъ городомъ 8 недѣль, взяша же Мариина города два охабня, а вышняго третяго горо // л. 265

об. да не взяша. Ходиша же по Немецьской земли полѣтроугонатцаты недели. Того же лѣта князь Данило Борисович Нижнего Новагорода взя столный город Володимерь, поплънивъ и пожже. А въ церкви святыя Богородица чюдотворною иконоу пречистыя Богоматере одра, злато обоимаиша, и иныя многы иконы обоимаша, им же и нѣсть числа, отъ безбожных татаръ.

В лѣто 6919. Родися князю Лоугвению сынъ Ярославъ на Копорои, а во крещеннии нареченъ Феодоръ. Того же лѣта князь великий Василей Дмитриевич далъ дщерь свою княжноу Анноу въ Царьград за царевича Ивана Маноуиловича. Пришедъ свия воиноу и взяша пригород новгородскы Тиверьскыи, и новгородци то слышавъ скоро поидоша на Свѣю, толко за три дни по сеи вѣсти, со княземъ Семеном Олгордовичемъ. И приѣхавше въ Свѣискую землю села их повоевавъ и пожгоша, а свѣи много иссѣкоша, а иных поимаша, а оу города оу Выбора, охабень взяша и пожгоша, на зборъ архангела Гавриила, и приѣхаша в Новѣгород со множествомъ плѣна.

В лѣто 6920. Князь великий Василей Дмитриевич ходи в Ордоу ко царю Зеледи-Салтану, Тактамышеву сыноу. А князь Иванъ тѣмьскый былъ в Ордѣ оу того же царя при великомъ князи Василии Дмитриевиче. Король Ягаило и Витовтъ, и Лоугвении вьскиноуша грамоты на Новѣгородъ розметныя генваря въ 2. И рече король и Витовтъ: «Что были есте нам нялися, сложат ли нѣмци намъ, и вам было нѣ // л. 266 мцем тако же сложити, а с нами заодинъ стати. И мы о том посылали к вамъ бояръ Немира и Зиновия Братошича о том, што в прежереченом словѣ стояти? И вы Немироу и Зиновию отвѣчали: не можетъ Новѣгородъ того оучинити, какъ есмы с литовскимъ мирни, такъ и с нѣмци мирени. Мы князя Лоугвеня вывели к себѣ от васъ, а с нѣмци есмя миръ вѣчныи взяли и со оугры, и со всѣми нашими граничныкы мирни есмы. А вы слова своего забывъ не сдержали, какъ были есте намъ нялися. Еще ваши люди нам лаяли насъ беществовали и погаными звали. Еще же над тѣмъ, что нашего ворога оу собѣ держите княжа сына Юриева Святославича князя Федора прияли есте». А Лоугвень молвить: «Язъ с королемъ Ягаилом одинъ человекъ, толко имъ не любо, ино и мнѣ». И сложи целование к Новоугородоу Лоугвень. Князь Федоръ рече Новоугородоу: «О мнѣ с Витовтомъ не держите нелюбия». И отѣха в Нѣмци.

В лѣто 6921. Створися знамение въ вотчинѣ князя Андрѣя Дмитреевича от Можайска за 15 верстъ. От иконы святыя Богородици явилосѣ людемъ много прощенья; слепымъ, хромымъ, и разслабленнымъ и глухимъ и инымъ многимъ исцѣление бысть, иже не можетъ оумъ человекъ сказати колико человекѣлюбие Божіе и какова милость Божія на людехъ. Того же лѣта погорѣ городъ Тферь весь.

В лѣто 6922. Ъздилъ от Новагорода посломъ къ великому князю Витовтоу Юріе Онцифоровичъ, и взя съ Витовтомъ миръ по ста // л. 266 об. ринъ, а къ нѣмцемъ не нѣлся оттоузъ слоужити.

В лѣто 6923. Воеваша татарове Елецкою землю. Того же лѣта погорѣ Москва городъ и Смоленскъ, тако же погорѣ городъ. Бысть знамение по всеи земли въ солнци мѣсяца іюня въ 7 бысть солнце все померкло ненамного и видети было всѣ звѣзды акы нощи. На тоу осень Богу попоущешоу князю великому Витовтоу тако извољшоу по своему хотѣнію собравъ епископы хр(и)стіянскыя иже въ области его живущи, Феодосеи полотскыи, Исакии черниговскіи, Дионисіи лоцскыи, Герасимъ Володимерьскіи, Харитонъ холмскыи, Евфимей тоуровскіи. И тѣми епископы постави Киѣвоу митрополита Григорія Болгарина мѣсяца ноября въ 15 день.

В лѣто 6924. Мѣсяца марта въ 12 простилъ Богъ въ церкви святыя Богородици на Москвѣ оу гроба Петра митрополита человекѣоу нога прикорчена исцѣль. А въ недѣлю 2 поста марта въ 15 день оу человека роуцъ исцѣлеша. Тое же весны мѣсяца марта въ 22 въ недѣлю средокрестную Фотѣи, митрополитъ кіевскіи и всея Роуси, постави Сампсона архіепископомъ Новогородоу въ церкви святаго архангела Михаила. А нареченъ бысть от митрополита Семеономъ, а на поставленіи были съ митрополитомъ 5 владыкъ: Григорей ростовскыи, Митрофанъ соудальскыи, Антоней тверскыи, Тимофѣи сарьскыи, Исакѣи пермьскыи при великомъ князи Василии Дмитреевичи и при братіи его князи Юрьѣ // л. 267 и князь Костянтинъ. Того же лѣта повоеваша татарове около Кіева и монастырь и Печерскіи пограбиша и пожгоша.

В лѣто 6925. Престависѣ князя великаго сынъ Василия Дмитреевича князь Иванъ на Москвѣ, и положенъ бысть въ церкви святаго архангела Михаила. Того же лѣта изъ великаго князя отчины Василия Дмитреевича ходи князь Юріевъ бояринъ Глѣбъ Семеновичъ съ новгородскыи бѣглеци с

Семеномъ Жадовскимъ, и с Михаиломъ Розсохинымъ и с юстьюоужаны, и с вятчяны вѣхаша в насадах на Заволочьскоую землю, и повоева волость Борокъ Ивановых дѣтеи Васильевича, Тѣмцю и Колмогоры пожгли, и бояръ новгородскихъ изнимаща Юрия Ивановича и брата его Самсона. А Иванъ Феодорович и братъ его Афонасъ, Гавриило Коурилович, Исакъ Андрѣевич соугнавъ ихъ под Моржемъ на островъ, братию свою Самсона и Юрия отѣхаша и полонъ весь и с животы, а ихъ отпуостиша. По грѣхомъ по нашимъ бысть в томъ лѣтъ моръ великъ в Новѣгородѣ железоу, и в Ладозѣ, и в Роусѣ, и в Порховѣ, и во Псковѣ, и в Торжоу, и во Тѣфѣри, и в Дмитровѣ, и по волостемъ. Тое же зимы рече Григорей митрополить, нарицаемый Цамѣблакъ, князю великому Витовтоу: «Что ради ты, княже, самъ в вѣрѣ лѣцьской, а не в православной вѣрѣ хр(и)стіянской?» И отвѣща емоу Витовт: «Аще хочещи не токмо мене единого видети въ своей православной вѣрѣ, но и всѣхъ людеи невѣрныхъ моя земля Литовския, то иди в Римъ и имѣи прію с папоу и съ его моудрици. И аще ихъ преприши, // л. 267 об. то вси мы боудемъ хр(и)стіяне. И аще ли не преприши, то имамъ вся люди своя земля въ свою немецкую превратити вѣроу». И посла его в Римъ съ своими бояры. О томъ Григоріи Цамѣблацъ Фотѣи, митрополить роусьскыи, писа: «Яко то мятежникъ церковный зовется митрополитомъ киевскимъ, а поставленъ бысть отъ неправеднаго сѣборища в литовскомъ Новѣгородѣ, не избраниемъ святыхъ отецъ, ни испытаниемъ сборнымъ, ни разсужениемъ правильнымъ, ни роукоположениемъ святого патріарха, ни по преданію церковному». Но паче оучительскы и самозаконно поставление его съдѣявше, яко же в сонномъ привидѣнии играюще проявленнѣи си, спѣшаше гноуснии и мерзскаго оного поставляютъ, и въ священную одежду непотребнаго несвященнѣ одѣвають, еже достоинъ възгласившему, иже многаго стоуда и лоукавства достойнаго, но мирскими властями и по хотѣнію своему и желанію обрѣте на пребывающаго мене митрополита по достоянію в животѣ. Яже о немъ и первіе явленна быша на сѣборѣ въ Цариградѣ, елико смощение сътвори на Христовоу церковь, отъ святѣишаго вселенскаго патріарха Евфимія и от божественнаго и священнаго сѣбора изверженъ бысть изъ саноу, от поповѣства и проклятъ бысть. Сего же ради божественныи и священныи сѣборъ по слоучаю собрався, боже-

ственные и священнишшая и всечестнишшая святители, митрополити и съ сими боголюбивии епископи. И соудомъ сих общих имѣемъ сего Цамъблака по божественымъ и священнымъ // л. 268 правиломъ извержена и отлучена и проклята. Тако же и тѣх епископъ его съборища, того неподобнаго, яко осуженных имѣемъ их, яко бо не по повелѣнию явишася божественных правилъ, но досадителии преслоушатели отметни сим явишася, отъ единого по достоянію согласія лишишася божественныя съборныя и апостольскыя Христовы церкви, именующеся святители без рассужения святого великаго патриарха, но от мирскаго начала святительство прияша. Како то створилъ оканныи сии Цамблакъ, хто же оубо имѣть и священником исприобщается емоу [и]ли¹ благословение его приемлетъ, [а]ще¹ епископъ боудеть, или священни[к]ъ¹, или хто мирьскіи чело[в]ѣкъ¹ и имѣемъ того изве[р]жена¹ и проклята: прио[б]щайися¹ приобщинному, и сам тѣ неприобщенъ есть. Вам же всѣмъ нашимъ елици не приобщишася безаконному сему делу от безаконнаго сего Цамъблака во всѣмъ никако же приобщаеми боудите гноушася емо, яко не священна, но осквернена. И аще и пишетъ к вамъ и неприятно боуди вамъ² писаниѣ емо, аще и присылаетъ к вамъ, тако и слова емоу не дадите отнюдъ, понеже то погоубление принесетъ доушамъ вашимъ. И которыи оубо роукопологанъ от него, рекше поставленъ, и познайте емо, и имѣите емо извержена, яко того самого³ Цамъблака, и сих емо и все еже онъ сътворилъ и сътворить, имѣите дѣло то яко же не бысть. ОУслышите вси иже любви с ними творяще! Како оубѣжати вамъ от гнѣва грядущаго на них, или съ ними съводворяющихся и // л. 268 об. оскверняющихся в пищи или в питии, или в любовнѣи дружбѣ? Како смѣете пристоупити божественнымъ и страшнымъ таинамъ Христовымъ? И молю вашу любовь православныхъ хр(и)стіанъ, еже не сходитися вамъ съ тѣми ни в которомъ дѣиствѣ, ни в пищи, ни в питии, ни въ дружбѣ, ни въ обѣты, ни въ мирѣ, ни в любви: понеже которыи сходяися с ними, чюжа себе створить церкви Божия. А милость Божия и наше благословение да боудеть со всѣми православными хр(и)стіяны.

¹ В квадратных скобках то, что заклеено при переплетении, восстановление по другим спискам.

² Вам повторено дважды и зачеркнуто.

³ Далее зачеркнуто самого, в котором с переделано из ц.

В лѣто 6926. Князь Дашко Федоровъ сынъ Острожскаго такую кознию взялъ городъ Кременецъ князя великаго Витовтовъ: в великий четвергъ послалъ преже себе своих двоу человекъ Дмитрия да Илью, а с ними ся сговоря: «Предаи-теся слоужити Кондратоу Проусоу, воеводъ кременьскомуу. Егда же азъ приидоу ко граду, и вы възводъ отгните, а мость положите». И они приѣха вѣрилися емоу, и прия их любо-вию, а того съвѣта в них в невразоумъни поддержа. И Дашко приѣхалъ к городоу ночи в пятисотъ человекъ, и тѣ его съвѣтници оу города възводъ отгтыша, а мость положиша; Дашко же съ другы своими вѣха в городъ. Кондрата воево-доу оуби, а приставовъ королевых и Витовтовых посѣклъ, а князя Швитригаила из желѣзъ высѣклъ съдѣвшаго полдевята года, и отътоле Швитригаило еде въ ОУгры взялъ Лоуческъ, да оу волыньскихъ бояръ полтора ста конь отълоучивъ.

Того же лѣта бысть знамениЕ от иконы святыя Богороди-ца Покрова, а ...

---

6. Псковская первая летопись

Взятие Пскова 1510 г.

Псковская первая летопись — один из основных летописных памятников Пскова, известна в нескольких списках. Летописное известие 7018 (1510) г. с изложением событий, положивших конец независимости Пскова, представляет собой яркий пример псковского летописания. Существует несколько вариантов описания присоединения Пскова к Москве: московское, антимосковское, и публикуемое, где признается право Москвы на присоединение Пскова, но при этом не скрывается сожаление о потере независимости. С печалью и лиризмом автор описывает разорение Пскова и выселение трехсот лучших семей. Публикация осуществляется по изданию: Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984. С. 364–374. (По Погодинскому списку Псковской первой летописи — РНБ, собр. Погодина, 1404-а. II пол. XVI в.).

Взятие Псковское. В лето 7018, месяца октября въ 25, на память святого Дмитрея, князь великий Василей Ивановичъ приехал въ свою отчину, в Великий Новгород, и з своим братом, удѣльным со князем Ондрьем, и с своими бояре.

И псковичи услышавше государя великого князя Василья Ивановича в Великом Новгороде и послаша послов своих в Великий Новгород: Юрья посадника Елисейевича, и посадника Михаила Помазова, и бояр изо всех концов. И даша псковичи дару великому князю Василью Ивановичю полтора рублев новгородскую о жаловании и о печаловании своей отчины мужей псковичъ добровольных людей, что: «Есмя приобижены от твоего намѣстника, а от нашего князя Ивана Михайловича Репни, и от его людей, и от его намѣстников от пригородцких и от ихъ людей».

И князь великий отвечал нашим посадником: «Язь вас, свою отчину, хочу жаловати и боронити, яко же отец наш и дѣды наши, великии князи. И что ми повѣстуете о намѣстники моем, а о своем князи Иване Михайловичи Репни, аже тольке стануть на него мнози жалобы, и яз его обвиню пред вами». Да и посадников нашихъ и бояр отпустил.

И посадники наши сказывают псковичом на вечи, что князь великий дар их честно принял, а сердечныя никто же вѣсть, что князь великий здумал на свою отчину, и на мужей псковичъ, и на град Псков.

Потом, тоя же зиме, по мало времени, поехал из Пскова князь псковской Иван Михайлович Репня Оболенских князей государю великому князю жаловатися на псковичъ, что де его псковичи бесчествовали. А тот Репня не пошлиною во Псков приѣхал да съл на княжении, а не по крестному целованию учал во Пскове жити, а не учал добра хотѣть святей Троицы, ни мужем псковичем. Да тот Репня много зла чинил дѣтем боярским и посадничим; и тыя дѣти боярские да и посадничии здумав себѣ, что тотъ Репня князь псковской много зла им чинил, да поѣхали к великому князю жаловатися на князя Ивана Михайловича на Репню.

Потом того же времени, посадники псковския здумав со псковичи такову думу, а не на пользу себѣ думаща, учаща грамоты писати по пригородом да и по волостем, а ркучи так: «Аще который человекъ, каков ни буди, а жаловался на князя, и вы бы ехали къ государю великому князю в Великий Новгород, противу его бити челом».

На той же недели поѣхал Левонтей посадникъ бити челом на посадника на Юрья на Копыла. И поѣхал Юрьи в Новгород противу его отвѣчивать и тамо тягались. И Юрьи посадникъ прислал грамоту свою из Великого Новгорода ко Пскову, а у грамоте написано так: аще не поѣдут посадники из Пскова говорити противу князя Ивана Репни, ино будетъ вся земля виновата. И у ту пору псковичем сердце уныло. А на четвертый день по той грамоте поехали к Новугороду 9 посадников да и купецкии старосты всѣх рядов. А князь великий управы им никакой не дастъ, а говорит так: «Копитесь вы, жалобныя люди, на Крещение господне, и яз вам всѣм управы подаю». А управы никаковы нѣтъ.

Того же времени, месяца генваря въ 6 день, на Крещение господне, князь великий велѣл нашим посадником всѣм копиться да и бояром и купцом и купецким старостам велѣл ити на рѣку на водокрестие. А сам князь великий вышел со всѣми бояре своими на рѣку на Волхов, а священники и дьяконы выидоша со скресты, в той день приспѣл бо празникъ Кръщения господня. А владыка в то время не бысть на Новегороде, а крестил волю владыка смоленской да священники; и, воду окрестив, да пошли ко святей Софеи.

И князь великий велѣл своим бояром по своей думе, как себѣ здумали. Да нашим посадником да и людем тѣм учили говорити: «Посадники псковские, и бояре, и жалобныя люди, государь велѣл всѣм вам копиться на государственной двор исполна; а кой не поидет, ино боялся бы государевы казни, занеже государь хочет всѣм управу дати».

И посадники псковьскіа и бояре с одного пошли с воды на владычень двор. И бояре посадников спросили: «Уже ли есте сполна скопилися?» И посадников, и бояр, и купцов увели в полату, а молодшиа люди на дворе стояли. И влѣзли в полату, и бояре *рекоша* посадником и бояром и купцом псковским: «Поймали де естя богом и великим князем Васильем Ивановичем всеа Русии». И туто посадники седѣша и до своих жон, а молодых людей переписав и подаваща наугородцом по улицам беречи и кормити до управы.

И переняше псковичи полоняную свою вѣсть от Филипа от Поповича от купчины от псковитина, а он ехал к Новугороду и стал у Веряжи, и услышав злу вѣсть, и оставя товар, и погонил ко Пскову, и сказал псковичам, что князь великий посадников наших и бояр и жалобных людей переимал.

И нападе на них страх и трепет и таковыя смяги пришли на их уста, и многожды приходили нѣмцы ко Пскову, а таковыя бѣды и сухоты не бывало.

И вещь поставя, начаша думати, ставит ли щить против государя, запиралися ли во граде? Ино помянуша крестное целование, что не мощно рука воздвигнут против государя, а посадники и бояре и лутчие люди вси у него. И послаша псковичи к великому князю гонца своего Еустафья соцкого бити челом великому князю со слезами, от мала и до велика, чтобы — «Ты, государь нашъ князь великий Василей Ивановичъ, жаловал свою отчину старинную». И у великого князя своя мысль, чего ради поехал с Москвы в Великий Новгород, что ему превратити Псков на свои пошлыны.

И посла князь великий своего дѣяка Третьяка Долматова, и псковичи обрадовалися от государя жалованья старины. Яже Третьякъ имъ на вече и первую новую пошлыну, поклон от великого князя: «Чтобы деи отчина моя посадники псковские и псковичи, тольке хотите еще въ старины прожить, и вы бы есте две воли мои изволили: ино бы у вас вечья не было да и колокол бы есте сняли долой вечной, а здѣся бы быти двумъ намѣстникомъ, а по пригородамъ намѣстнику же быти, и вы еще проживете въ старине. А только тѣхъ дву волю государю не изволите и не сотворите, ино какъ государю богъ по сердцу положить, ино у него много силы готовой, ино тое кровопролитие на тѣхъ будет, хто государевы воли не сотворить. Да государь нашъ князь великий хочеть побывати на поклонъ къ святей Троицы во Псковъ». Да тое отговорив да съл на степени.

И псковичи ударили челомъ в землю и не могли противу его отвечать, ано исполнися бѣше очи слез, что в сесцу матери своя, но и токмо тѣя слез не испустили, но не в разум и младе суще; толке ему отвечали: «Посолъ государевъ, дасть богъ завтра и мы себѣ подумаемъ, да тебѣ о всемъ откажемъ». А псковичи туто горко заплакали. Како ли не упали зеницы со слезами вкупе, како ти не урвалося сердце от корени!

Наутриа, свитаючи дни недельну, и позвониша вече, и вышел Третьякъ в вече, и посадники псковский и псковичи начата ему говорити тако: «В насъ написано в лѣтописцехъ с прадеды его и з дѣды и со отцемъ его крестное целование с великими князьми положоно, что намъ псковичамъ от госуда-

ря своего великого князя, кой ни будетъ на Москве, и нам от него не ити ни в Литву, ни в Нѣмцы; а нам жити по старине в добровольи. А мы псковичи отъидем от великого князя в Литву или в Нѣмцы, или о себѣ учнем жити без государя, ино на нас гнѣвъ божий, глад и огонь и потоп и нашествие поганных. А государь нашъ князь великий тое крестное целование не учнеть на собѣ доржати, ино на него тот же объѣтъ, который на нас, коли нас не учнеть доржати в старине. А нынѣ богъ волен да государь въ своей вотчине, во граде Пскове, и в нас, и в колоколе нашем, а мы прежнего целованія своего и проклятѣя не хотим изменит и на себѣ кроволитіа принять, и мы на государя своего руки поднять и в городе заперетися не хотим. А государь нашъ князь великий хочеть живоначальней Троицы помолитися, в своей отчине побывати во Пскове, и мы своего государя ради всѣм сердцем, чтобы нас не погубил до конца».

Месяца генваря въ 13, на память святыхъ мученикъ Ермолы и Страстника, спустиша вечной колоколъ святѣя живоначальныя Троица, и начаша псковичи, на колоколъ смотря, плакати по своей старине и по своей воли. И повезоша его на Снеготорской дворъ к Ивану Богослову, гдѣ нонма намѣстнич дворъ; тоя же ноши повезоша Третьякъ вѣчной колоколъ к великому князю в Новгородъ.

И того же месяца, за неделю приѣзда великого князя, приѣхаша воеводы великого князя с силою: князь Петръ Великой, Иван Васильевичъ Хабар, Иван Андрѣевичъ Челядинин, — и поведоша псковичъ к целованью, а посадником сказаща, что князь великий будетъ в пятницу.

Похаша посадники псковскія, и бояре, и дѣти посадничьи, и купцы на Дубровно стрѣчати государя великого князя.

Месяца генваря въ 24, на память преподобныя матере нашея Аксеньи, в день в четвергъ приѣхалъ государь нашъ князь великий Василей Ивановичъ всеа Русіи во Псковъ. А того дни порану приѣхалъ владыка коломенской Васьянъ Кривой, и хотяше великого князя встрѣтити священноиноки, и священники, и дьяконы у Образа святого в Поли; и владыка молвилъ, не велѣлъ деи собѣ князь великий стрѣчати далече. А псковичи сretoша его за три версты, и вдариша псковичи государю своему в землю челом, и государь упросилъ в нихъ здравія, и псковичи ему молвиша: «Ты государь нашъ князь великий, царь веса Русіи, здравъ былъ».

И поехал во Псков, и срътиша его владыка, кои с нимъ приѣхал, и священноиноки, и священники, и дьяконы на Торгу, гдѣ нынѣ площадь; а самъ князь великий слѣз с коня во всемилостиваго Спаса, туто же и благословил его владыка, и пошел ко святей живоначальной Троицы. И пѣша молебен и многолѣтство кликаша государю; и благословляя владыка его: «Богъ деи, о государь, благословляетъ Псковъ взявши». И кои псковичи были у церкви и то слышали, и заплакали горко: «Богъ волен да государь, отчина есме его была изстари отцов его, и дѣдовъ его, и пращовъ его».

И велѣл в неделю быти у себя князь великий псковичем, псковским и старым посадником, и дѣтем посадничим, и бояром, и купцом, и житымъ людем: «Яз вас хочу жаловати своимъ жалованиемъ». И поидоша псковичи от малы и до велика на великого князя двор. И посадники и бояре придоша въ гридню, а инѣх на крыльце стоя князь Петръ Васильевич по переписи почал кликати бояр и копцов псковских. И кои вошли в гридню, то тѣх всѣх за приставы подаваша; а псковичемъ молошимъ людем, кои на дворѣ стояли, отвечаша: «До вас государю дѣла нѣтъ, а до которыхъ государю дѣло есть, и он тѣх к себѣ емлетъ, а вас государь пожалуетъ грамотою своею жаловальною, какъ вамъ впредь прожити».

И подаваша тѣх за приставы, кои были в гридне, и поидоша за приставы по подворьям, и начаша скручати к Москвѣ тое нощи, з женами и з дѣтми, и животы легкіе взяша с собою, а то все пометаша и поѣхаше вборзе с плачем и рыданиемъ многимъ. Да и тѣх жены поехали, кои в Новгороде засажены. И взята псковичѣ всѣх 300 семей.

И тогда отъятца слава псковская!

О славнѣйшій во градахъ — великій Пскове! Почто бо сътуеши, почто бо плачеші? И отвѣща град Псков: «Како ми не сътовати, како ми не плакати! Прилетѣл на мене многокрыльный орел, исполнѣ крыле нохтей, и взя от мене кедрова древа Ливанова. Попустившу богу за грѣхи наша, и землю нашу пусту сотвориша, и град нашъ разорися, и люди наши плениша, и торжища наша раскопаша, а иные торжища каломъ коневымъ заметаша, а отца и братію нашу розведоша, где не бывали отцы наши и дѣды ни пращѣ нашихъ, тамо отцы и братію нашу и други наша сведоша, а матери и сестры наша в поругание даша».

А иные во граде мнози постригахуся в черныцы, а жены у черницы, и в монастыри поидоша, не хотяще в полон поити от своего града во иные грады.

Нынѣ же се, братие, ведуше, убоимся прещенна сего страшнаго, припадем к господу своему, исповѣдающеся грѣхов своих, да не внидем в *большей* гнѣв господень, не наведем на ся казни горши первой. А еще ждеть нашего покаянiя и обращенiя, а мы не покаяхомся, но на большой грѣх превратихомся, на злыя и лихия поклепы и у вѣчи кричанiе, а не вѣдуше глава, что языкъ глаголетъ, не умѣюшу своего дому строити, а градом наряжати.

И по сем князь великий нача давати деревни бояром сведеных псковичъ, и посади намѣстники на Пскове: Григорья Федоровича да Ивана Ондрьевича Челяднина, и дьяком Мисюра Мунохина, и другим дьяком ямским Ондрья Волосатого, и 12 городничих, и старость московских 12, и пскович 12, и деревни им даша; а велѣл им в суду седѣти с намѣстники и съ их тиуны, правды стеречи. И у намѣстников, и у их тиунов, и у дьяков великого князя правда их, крестное целование, взлетѣло на небо, и кривда начаша в них ходити; и быша немилостивы до пскович, а псковичи, бѣдныя, не вѣдаша правды московския. И даша князь великий свою грамоту жаловальную псковичам, и посла князь великий своих намѣстников по пригородом, и велѣл имъ пригорожан приводити к целованiю; и начаша пригородцкiе намѣстники пригорожаны торговати.

И посла князь великий к Москвы Петра Яковлевича Захарьина Москве всей здоровати, что князь великий Псков взял. И прислаша во Псков с Москвы добрых людей, гостей тамгу уставливати ново, занеже во Пскове тамга не бывала, и прислаша с Москвы пищальников казенных и воротников; и даша мѣсто, гдѣ торгъ ставити новои, вонѣ стены, противу Лужьских ворот, за рвом, на Юшкове огороде Носохина, да на Григорьеве посадникове садники Кротова. Да и церковь постави князь великий святугу Оксенью, которой день Псков взял, на Пустой улицы въ Ермолкине садники Хлѣбникове; а потому та улица Пустая слыла, что меж огородов, а дворов на ней не было. И жил князь великий 4 недели во Пскове, а поехал на другой недели поста в понедельникъ изъ Пскова; и другой колокол с собою взяша; а оставил здѣсь детей боярских 1000, а пищальников новгородских 500.

И начаша намѣсники над псковичами силу велику чинити, а приставы их начаша от поруки имати по 10 рублев, и по 7 рублев, и по 5 рублев. А псковитин хто молвит великого князя грамотою, а написано, что имъ от поруки имати, и они того убили, а говорили: «То де тобъ, смердъ, великого князя грамота». И тые намѣсники, их тиуны и люди пиша изо псковичь крови много; а кои иноземцы жили во Пскове, и тѣ разыдошася во всея земля, ано не мочно во Пскове жити, только одны псковичи осташа: ано земля не расту-питца, а вверхъ не взлетѣть.

---

7. Русский хронограф редакции 1512 года. Глава 204.

Редакция русского хронографа 1512 года является древнейшей редакцией хронографа, дошедшей до нас. В хронографе излагаются события всемирной и русской истории, причем известия русской истории постепенно вписываются в события всемирной истории. Русский хронограф являет собой воплощение идеи преемственности и главенства России во всемирной истории. Идеологическая формула «Москва — третий Рим» нашла отражение в этом историческом памятнике. Текст хронографа состоит из 208 глав. Публикация осуществляется по изданию: Памятники литературы Древней Руси: Конец XV—первая половина XVI века. М., 1984. С. 404—412.

По Анкирьской убо брани, егда Темиръ побѣди и ять и отведе царя Баозитаи вся его поплени, и сестру Стефанову, великаго князя серпскаго, иже бѣ за Баозитомъ, князь же велики Стефанъ посылаетъ къ Темирю послы и изволитъ ея от пленения, сам же въ царствующий градъ приходить и с братомъ своимъ Волкомъ и тамо отъ царя греческаго Мануила, еще живу ему сущю, деспотскыи санъ приемлетъ, и, многу почтивъ его, отпусти.

Приходить же деспотъ Стефанъ и с братомъ своимъ во свои градъ Новобродъ, градъ сребреный, воистину и златый. По убьении же Баозита царя свободися Серпская земля отъ ярма и покорения бесерменска, и оттуле деспотъ Стефанъ самовластецъ и господарь всей земли серпской бысть божию милостию. И обходя землю отечества своего, инѣхъ смири, иная же себѣ покори, и елици въ прежняя времена гради и мѣста восхищени быша отъ серпския власти, сихъ къ себѣ приторже. Таже преходя, обрѣте Бѣлградъ, егоче прежде угри восхитиша, егоче отъ Угорския земля по смирению взятъ. Сей бо Бѣлградъ еще и въ предѣлахъ серпскихъ лежимъ есть, но яко на сердци и плечахъ Угорския земля ляжа бѣше. Таже и прочая грады своя, елици турки восхитиша самовластьно, взятъ.

Начатъ же множае пребывати въ Бѣлградъ, занеже мѣсто града того зело красно, и моремъ и реками и пристанищи украшено, и отовсюду корабли къ нему яко крилати со множествомъ благихъ прилетаху. Сего убо Стефанъ украсивъ стенами и царскими полатами, паче же церковью соборною, и архиепископию създа, и всѣми потребами удовли, и въ ней жилице инокомъ сотвори. Архиепископъ же той бѣлоградскыи, екъсархъ всей Серпской земли. Създа же и церковь во имя чудотворца Николы, и яко манастирь всѣми добрыми храминами и одры, и всѣми потребными удовливъ. И собра въ ню множество больныхъ и прокаженныхъ, насади же и сады многы на прохлаждение тѣмъ. Потомъ же избрѣтъ мѣсто красно, пустынно и потребно мѣлчанію и созидаетъ храмъ во имя Живоначалныя Троицы, и всякими добрыми украсивъ и живописателнымъ художествомъ, и градъ около и

въ стенах келиа. Собра же и множество инокъ боголюбезных и всели ту, и всякими потребными удовли и сокровище день ото дни полагаше ту. Сътвори же себѣ и гробницу ту, идѣже малом последи положися. Дастъ же и иконы ту, златом и бесерием украшены, и множество книгъ, и сосуды, и ризы съ великим бесериемъ и златом украшены, яко превосходити и Святыя Горы великую Лавру, и свѣтилники златыя. Призываетъ же и патриарха Кирила со всѣмъ Серпскаго земля собором и сътворяетъ освящение храма въ день свѣтыя Пятница. Нача же здати обитель в лѣто 6915. Приходит же и нищих множество, им же довольно милостыню подастъ, и повсегла сам нощию, по улицам града ходя, нищим одежа и златица подавая. И нѣкто единъ, многажды зашед, милостыню взят и, паки пришед, просяше. Он же давъ ему и рече: «Возми, татю и хишникъ!» Он же отвѣща ему: «Не азъ, но ты татъ и хишникъ, со здешним царством и будущее царство крадеши и восхищаеши».

О мусулмане

По сих же царь Мусульманъ, сынъ первый царя Баозита, присылаетъ къ деспоту Стефану, во еже мирный завѣтъ сотворити, еже и сътвори. Самъ же Мусульманъ въздвизашеся къ востокомъ отеческия власти взыскати и брата своего Асъбѣга, гоня, убиваетъ и страны восточныя себѣ покори и Турчскую страну. Серпская же земля по сложении мира с Мусулманомъ пребываше во смирении. Но не бѣше терпѣти таковая лукавому: подвиже убо брата его Волка, и взят у царя Мусулмана множество воинства, яко: «Да дастъ ми, — рече, — брат мой деспот Стефанъ половину отчины, и яз с нея тебѣ служю. Аще ли ни, и аз поплению и пусту сътворю ея». Деспот же Стефанъ не хотя стадо благочестивое, еже господь свободы, паки турком поработити. Волкъ же со агарены обътекоша всю землю, пленуюше и пожизаюше и изсыцающе, яко дивни звѣрие; потом же второе приходитъ со многѣйшими. Стефанъ же не изыде противу им, да не крови братней причастникъ будетъ, ово же и навѣта бояся оставших с ним, занеже всѣх Волкъ превещалъ бѣ къ себѣ ово обѣщаниемъ даровъ, ово же и прещеньми, посылая посла-

ниа къ сущим у деспота. Деспот же, держа послания его в руку в дому своем въ Бѣльградъ, плакаше предъ образомъ Спасовымъ: «Виждь, Христе, — глаголаше, — яко неправедно на мя поучаются, и отроки мои быша мнѣ предатели, яко же иногда твой ученикъ Июда, и соблюди до конца малое число оставшихъ у мене». Волкъ же со агаряны всю землю растлиша. Видѣвъ же Стефанъ сиа, раздѣляетъ землю. Волкъ же служаше царю Мусолману с нетии своими, рекше с сестричичи, и тѣмъ отеческую землю дръжащимъ, Стефанъ же во отлученной ему части живяше.

О Мисии

По сихъ же брата Мусулманова Мисию призываетъ угроулашьскый держатель, пребывающу ему въ сѣвернемъ востоце, и дастъ ему воинство въ помощь на брата его Мусулмана во отомщение свое. Посыласть же Мисию и къ деспоту Стефану и къ брату его Волку, да поидутъ с нимъ, такоже и къ нетиемъ его. Мусулманъ же сложися съ греческимъ царемъ Мануиломъ и со фруги. Увидѣвъ же Мисию, яко хощетъ Волкъ бѣжати къ Мусулману, восхотѣ его убить, деспотъ же изручаетъ его, онъ же въ той ноши побѣже. Бывши же брани велицѣй, и побѣждаетъ Мусулманъ Мисию. Мисию же обрѣтаетъ Волкъ въ Филиповъ градъ и повелѣ его убить съ нетиемъ его Лазаремъ. Таже ходя въслѣдъ брата своего разбойнически, и обрѣтаетъ его виномъ упившася въ Андриановъ градъ, повелѣ его удавить.

И начатъ Мисию всѣми скипетры обладати и сотвори миръ съ деспотомъ Стефаномъ, Стефанъ же пакы единъ самодержецъ бысть по всей земли Серпской. Мисию же царь многи страны поплени и вооружается на деспота Стефана, Серпскую землю конечному потреблению предати. Расписа же и грады вельможамъ своимъ и прииде въ лѣто 6921, и многи грады поплени и приять Больвинъ, и Липовець, и Сталакъ, и Коприанъ. Сиа видѣвъ, деспотъ Стефанъ посылаетъ восточному султану Махамету, сыну Баозитову, меншему брату Мисиину, и сотвори с нимъ вѣру. И приходитъ Махаметь султанъ отъ востока, деспотъ же отъ запада, с нимъ же и угорскыя воеводы и басаньскіа дръжателя. Мисию же прииде въ горы, хотя засѣщи путь, да

нихто же убъжить султановых и деспотовых вой. Деспот же Гурга, нетиа своего, отпусти с воинством. И бывъши брани, побъжень бысть Мисиа и побъже, и утопиша его в рець.

О Махамете

Бысть же Махамет восточный и западный царь и всъм турком, бяше же блажь и кротокъ. Приходить же и господинъ Гургъ, деспоть же Стефанъ почтивъ его зъло многими дарми, и благодаривъ бога о всем. И тишинъ велиць бывши. Он же милостыни по обычаю прилежа, странных и прокаженных питая, или ото инокъ кого слыша в млъчании живуща, обилно потребная посылаше ему. Устави же чинъ и служащих ему: ови убо въ внутренних ему предстояху, с ними же бьсьдоваше о устроении своего царства, и повести дьяше от писания и от слуха, и добръ царствовавших и власть правивших благочестивно подражати глаголаше, злых же уклонится, яко: «Путь, — рече, — нечестивых погибнет». Второй же чинъ устави въ външней храмине, иже от внутрь сущих приимаху повельνια его. Третий же чинъ, иже вънъ предстояху, и от средних посылаеми творити повельνια его. Отрече же ся конечно всяких игръ тимганьских и мусикийских: «Сиа, — рече, — во врѣмя брани прилична суть». Всъм же служащим ему яко отецъ щедролубивъ и елики убо неисправления ради смири и от начальства отстави, или кто невѣрствомъ своимъ погуби или неслужбою, или инѣм коимъ образом нищъ бяше, сих отеческаго и дѣдняго и праѣдняго мѣста не лишаше: «Ибо богъ, — глаголаше, — о согрешении двема отомъщении не казнить», — и согрѣшьшаго, яко нища, Соломоньски милуа. Всеи же предстоящи ему другъ къ другу благоговѣиство сохраняху, паче же ближнии его, и вопль и хула и смѣх или одежь несопрятание и не именовашеся в них. К сим же и очи свои сохраниша от всякаго обзырания, и никто же может ни от великих видѣти их. Се же чюднейше прѣваго, яко и женскою любовию не побъжашеся.

Умре же нетий его Болша, арбанашьскый господинъ, деспот же Стефан поиде и приать за себе арбанасы. И еще ему в той странѣ, прииде съ Угръ въ Бѣльград Коньстантинъ, сынъ Срацимира, царя балгарьскаго, и ту умирает в Бѣльградѣ в лѣто 6930.

Султанъ же Махаметъ, сынъ Баозита царя послѣдний, поживе во смирении, с коими изначала любовь положи, и умирает во Андриановъ градъ. Понужаху же деспота Стефана мнози от его области, еже взяти ратию и приати страны его, он же рече: «Клятву положих къ султану, еже дѣтем его добро сътворити». Сынъ же Махамета султана Амуратъ, меншии же Мустофа, ему же греческый царь дастъ помощь, и нѣкиа страны на востоцъ приать. Посылаетъ же на нь Амуратъ воинство. Мустофа же изыде на брань из Никейскаго града и ту убиенъ бысть. И бысть царь восточным, и западным, и турком Амуратъ, и сего ради на греки брань дрѣжаше, яко брату его помощь даша, с деспотом же Стефаномъ велику любовь сотвори.

Потом же деспот нача множае болѣти ногама своима. И призва нетиа своего Гурга, поставляет деспота всей Серпской земли. По мале же и сам отходить сего свѣта, в лѣто 6935 нюня 19. Бысть же в той день къ Бѣлуграду гром страшень, яков же никогда не бысть, и тма по всей нашей странѣ, яко ночь мнѣти, и на захожении солнца мало просвѣтлися. Плакавше зѣло, положиша деспота у Бѣлаграда въ манастири живоначалныя Троица и въ гробници, еже сам създа. <...>

---

8. Никоновская летопись (фрагменты 1506 г., 1555 гг.)

дин из самых объемных памятников русского летописания XVI в. В ПСРЛ эта летопись опубликована в 9—14 тт. На ее основе в 60—70 гг. XVI в. в Александровской слободе был создан грандиозный Лицевой летописный свод. Фрагменты публикуются по изданию: ПСРЛ. Т. 13. Первая половина. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. М., 1965 г. С. 1—2, 245—246:

Акад. XIV. — Обол. — Акад. XV. — Пуб. (Строг.) — Троицк. Ш. — Шум. — Синод.

Н а ч а л о г о с у д а р с т в а в е л и к а г о к н я з я
В а с и л я И в а н о в и ч я в с е я Р у с и и ¹.

Т о я ж е о с е н и к н я з ь в е л и к и й В а с и л е й И в а н о в и ч ь в с е а Р у с и ,
п о с л ь о т ц а с в о е г о , п о с м о т р я в ь ш е р т н ы а г р а м о т ы М е н л и -
Г и р ь е в ы ² ц а р е в ы , ч т о б ы л и с о о т ц е м ь е г о с ь в е л и к и м ь к н я -
з е м ь И в а н о м ь В а с и л и е в и ч е м ь в с е а Р у с и и о д р у ж б ь и ³ б р а т с т в ь ,
а п и с а н о и н а ³ н и х ь ⁶, н а ³ д ь т е й , д а п р и г о в о р и в ь ⁷ з б р а т и е ю
с в о е ю и з б о я р ы , и п о с л а л ь ⁷ в ь К р ы м ь к ь ц а р ю М и н л и -
Г и р ь ю б л и ж н е г о ч е л о в е к а с в о е г о ⁸ В а с и л я Н а у м о в а , Д е к а б р я
7 ^ж, в о з в ь с т и т и е м у о т ц а с в о е г о п р е с т а в л е н и е д а и о д р у ж б ь и
о б р а т с т в ь п о ш е р т н ы м ь г р а м о т а м . — О П е т р ь ц а р е -
в и ч ь ³. Т о я ж е о с е н и п р я с л а л ь б и т и ч е л о м ь ц а р е в и ч ь К у д а й -
к у л ь ; А б р е и м о в ь с ы н ь ц а р я К а з а н с к а г о , п р е с в я щ е н н о м у
С и м а н у м и т р о п о л и т у в с е а Р у с и и , ч т о б ы п о ж а л о в а л ь , п е ч а -
л о в а л с я г о с у д а р ю в е л и к о м у к н я з ю В а с и л ю И в а н о в и ч ю в с е а
Р у с i i , ч т о б ы г о с у д а р ь п о ж а л о в а л ь , в е л ь т ь ⁹ к р е с т и т и в ь п р а -
в о с л а в н у ю в ь р у . И п о м и т р о п о л и ч ю п е ч а л о в а н ю в е л ь т ь к н я з ь
в е л и к и й В а с и л е й И в а н о в и ч ь ц а р е в и ч ю у с е б я н а о ч е х ь б ы т и ¹⁰;
о н ь ж е н а ч я т ь б и т и ч е л о м ь с о с л е з а м и о к р е щ е ш и . И п о в е -
л ь н и е м ь в е л и к о г о к н я з я м ь с я ц а Д е к а б р я 21 ^л, в ь н е д ь л ю , п р е -
с в я щ е н н ы й С и м о н ь м и т р о п о л и т ь в с е a Р у с i i в е л ь т ь а р х и м а н -
д р и т у С п а с к о м у ^м А ф а н а с и ю к р е с т и т и н а р ы н ь М о с к в ь ^н, у т а й -
н и к а ⁴, ц а р е в и ч а К у д а й к у л а в о и м я О т ц а и С ы н а и С в я т а г о

---

¹ Это заглавие читается в одном лишь списке Ш; взамен его на полях приписано: в списке П. в(еликий) к(нязь) Василій и в списке Н. Василій Ивановичъ принялъ княженіе; в списке же О на поле почерком XVIII века, отмечено hinc incipit vasiliа Івановича principatus.

² менглирьевы П.

³ а написано на П.

⁴ и о Н.

⁵ ихъ Ш.

⁶ и Т.

⁷ приговорить Ш.

⁸ пославъ Н.

⁹ менлигирью посла ближняго своего человека Ш.

^ж въ 7 день Ш.

^з заглавия нет в К; о крещении петра царевича Ш.

^н вельтвль бы его Ш.

^к царевичю быти у себя на очех Ш.

^л въ 21 день Ш.

^м псковскому Н. Б. Т.

^н на москвѣ рѣкѣ Ш.

⁴ таинника П. Н. Б. Т.

Духа въ православную вѣру Греческаго закона, и нарече имя ему во святѣмъ крещеніи Петрѣ. Бысть же тогда на крещеніи томъ и самъ князь великій Василии Ивановичъ государь всеа Русіи съ меншею братією и з бояры. — "Тоя же зимы, Генваря въ^б 15^в, въ четвертокѣ, пресвященнымъ Симономъ митрополитомъ всеа Русіи поставленъ архіепископъ Великому Новгороду^г и Пскову Серапіонъ игумень Троицкой Сергіева монастыря. "А въ 18^с того же мѣсяца, въ недѣлю, Симаномъ же митрополитомъ всеа Русіи поставленъ архіепископъ Ростову и Ярославлю Васіанъ архимандритъ Симановской. — С в а д б а ц а р е в и ч е в а^ж. Того же мѣсяца Генваря 25^з, въ недѣлю, пожаловалъ князь великій Василей Ивановичъ всеа Русіи царевича новопросвѣщеннаго^и Петра, далъ за него сестру свою великую княжну Евдокею; и^к вѣнчалъ царевича Петра и княжну великую Евдокею архимандритъ Спаской Афанасей въ соборной церкви Пречистые^л Успенія въ славнѣмъ градѣ Москвѣ. — "Тоя же зимы прідоша послы на Москву къ великому князю Василию Ивановичю всеа Русіи отъ короля Полскаго Александра, панъ Юрьи Глѣбовичъ, да Ивашко Сопѣжичъ^н писарь, да Иванъ Федоровъ Плюскова^п, Февраля въ 15^о, въ недѣлю. — "Тоя же весны, Апріля^р послалъ князь великій Василей Ивановичъ всеа Русіи брата своего князя Дмитрея Ивановича

^а *Здесь заглавие о поставленіи архіепископа в новгород въ Ш.*

^б въ *нетъ въ Н. Б. Т.*

^в 15 день Ш.

^г новгороду О. Б. Т.

^з *здесь заглавие о поставленіи архіепископа ростову въ Ш.*

^с во 18 день Ш.

^ж о свадьбе Петра царевича Ш.

^з въ 25 день Ш.

^и новокрещеннаго Н.

^к а Ш.

^л пречистыя богородица честнаго ея Ш.

^н *здесь заглавие о послѣхъ в Ш.*

^п иванъ сопѣжинъ Ш.

^п плюкова П.

^о 15 день Ш.

^р *здесь заглавие о походе князя дмитрея ивановича под Казань и великаго князя воеводъ в Ш.*

^р апрѣл О. Н.

* и воеводу своего князя Федора Ивановича Бѣлскаго и иныхъ воеводъ своихъ въ судѣхъ ратию х Казани на царя Магмедъ^а-Аминя, а Подемъ послалъ на конехъ х Казани рать же, воеводу своего князя Александра Володимировича Ростовскаго и иныхъ своихъ воеводъ. И прииде князь Дмитрій Ивановичъ и воеводы великаго князя, судовая рать, подъ Казань мѣсяца Маіа 22^б, въ пятокъ, и выидоша изъ судовъ на поле градное съ небреженіемъ и приидоша ко граду пѣши.

** да воеводъ своихъ въ Казань на царя Магмедъ-Аминя. Въ судовой рати въ болшомъ полку князь Дмитрей Ивановичъ да съ нимъ великаго князя воеводы князь Федоръ Ивановичъ Бѣлской, да Дмитрей Василіевичъ Шейнъ, да князь Федоръ Ивановичъ Палецкой; да въ болшомъ же полку съ нарядомъ воеводы князь Иванъ Василіевичъ Шкурля, да Андрѣй Василіевичъ Сабуровъ, да Дмитрей Ивановичъ Ралевъ. А въ передовомъ полку князь Михайло Федоровичъ Курбской да княже Юріевъ Ивановича воевода князь Давидъ Даниловичъ¹. А въ правой рукъ у князя Дмитрея князь Федоръ Борисовичъ Волотцкой, а великаго князя воеводы князь Михайло Федоровичъ Микулинской да князь Володимеръ Андрѣевичъ Микулинской. А въ лѣвой рукъ князь Иванъ Михайловичъ Репня да Петръ Ивановичъ Житовъ...

...
Того же году, Августа, писали воеводы ис Казани, бояринъ князь Михайло^а Василіевичъ Гдиньской съ товарищи, что посылали ис Казани на луговыхъ^б измѣнниковъ князей

---

* Въ списках; акад. XIV, Овол., акад. XV. Пуб. (Строг.) и Троицк. Ш.

** В списке Шумиловском.

^а магъамед О. Б. Т; магъамед Н.

^б въ 22 день Ш.

¹ далее в рукописи было написано и зачеркнуто слово пѣнковъ.

^а михаило и О.

^б луговыхъ людей С.

Казаньскихъ Кебеняка^а-князя^б да Кулая-мурзу и^в всѣхъ Арскихъ и побережныхъ людей^г съ Нагорною, смотрити ихъ службы: а съ ними посылали^д Митку Кушелева. И Казанцы солгали царю государю изменили, на измѣнниковъ не пошли, сложася съ ними, да тѣхъ Арьскихъ людей^е черныхъ, которые государю прямы¹, побили многихъ, и на Камъ рыболовей побили, и къ городу х Казани приходитъ* почали на сѣнокосовъ¹.

О п о в ѣ з д ѣ к ѣ Т р о и ц ѣ^и царскомъ^к. Лѣта 7060 третіаго^а, Сентября, ѣздилъ царь и великій князь къ живоначалной Троицѣ да къ чюдотворцу Сергію, на память чюдотворца, молится. И простилъ чюдотворецъ Сергій жену Домну слѣпу, Василиеву рабу Машуткина^м, на память свою: два году^н не видѣла ни мало, ни² вѣка не подымалися, и какъ Богъ^о угодникомъ своимъ сѣтворилъ чудо, простилъ, и очи ея^п просвѣтились во единъ часъ, яко и не бывъ болны. И царь, въздавъ^р хвалу Богу и пречистой Его Богоматери^с и чюдотворцу веліе благодареніе воздавъ^т и учредивъ^у братію и удоволивъ милостынею, поиде къ Москвѣ. — О п р и с ы л к ѣ и з ѣ А с т о р о х а н и^ф. Априля^х мѣсяца^и 13^ч прислалъ изъ

---

^а из ксебеняка *поправлено* къбененака в О; ктѣбензяка Н. Б. Т.

^б князь О. Н. Б. Т.

^в и от О. Н. Б. Т.

^г арьскихъ людей и побережныхъ С.

^д послали Н. Б. Т.

^е людей и Н.

¹ прямо П; прямы были С.

^{*} приходитъ О. Б.

¹ сенокос О; сенокось Н. Б. Т.

^и къ троицѣ *нетъ* в О. Н. Б. Т.

^к *заглавія нетъ* в С.

^а 7063 Н. Т.

^м машюткина С.

^н года Н. Т.

² ии П; и О. Н. Б. Т.

^о бго Б. Т.

^п ей Н. Б. Т.

^р воздалъ Н. Т.

^с его матери С.

^т въздалъ О; воздал Н. Б. Т; воздалъ С.

^у учреди Б. Т.

^ф *заглавіе на поляхъ*: присылка из асторохани в О. Н. Б. Т.

^х того же году апрѣля С.

^и мѣсяца *нетъ въ* О. Н. Б. Т. С.

^ч 13 день С.

Асторохани Дербышь-Алѣевъ сынъ царевъ Янтимирь^а-царевичъ челоуѣка своего Тинбулата з грамотою, а въ грамотѣ писалъ, что приходили къ¹ Азсторохани Ямгурчѣй-царь да Исуфовы княжіе дѣти, Юнусъ-мырза^б да Алей-мырза да Акъ^в-мырза^г, да и вси тѣ мырзы, которые^а выбиты изъ Нагай, да Казый-мырза^с да Крымской царь присылали съ ними же вмѣстѣ^к, Шигай-богатырь Антудовъ^з да съ нимъ Крымцы и янычане: п приступали къ городу, и Дербышь^и царь и всѣ Астороханцы^к, нарядъ на городъ^л исправя и казаковъ съ^н пищалми^и царя и великого князя приготова, съ ними билися и побили у города многихъ ис пушекъ и^о ис пищалей и прогнали ихъ. И Дербышь^п-царь посылалъ за ними сына своего Янтимирь^р-царевича, и онъ за ними ганялъ и съ погони послалъ ко государю царю^с и великому князю съ^т сеунчемъ челоуѣка своего Тинбулата, что недругъ Ямгурчѣй-царь приходилъ, собрався, и Божіимъ милосердіемъ и^у царя^ф великого князя счастіемъ городъ Азстороханъ и люди его Астороханци и Русь даль² Богъ здорово, и царю и^х государю было то вѣдомо; да онъ же писалъ, что изо многихъ ордъ въ царя и великого князя царство Азъстороханское многіе пришли послы и гости, и государю бы царю и великому князю то

---

^а янтимер О. Н.; антимер Б. Т. С.

¹ ка П.

^б мурза О. Н. Б. Т.; *так и ниже*.

^в якъ Н. Б. Т.

^г мур Б.

^а которые *дважды в Б.*

^с казымурза О. Н. Б. Т.

^к вмѣстѣ и О. Н. Б. Т.

^з антувовъ О. Н. Б. Т.; аитувовъ С.

^и дебышь О.

^к ястороханцы О.

^л город О. Н. Б. Т.

^н ис О. Н. Б. Т.

^и пищалми Т.

^о и *нет в С.*

^п дербышь алѣй С.

^р яртимиръ О. Н. Б. Т.; антимеръ С.

^с ко царю государю О. Н. Б. Т.

^т съ *нет в О. Н. Б. Т.*

^у и *нет в С.*

^ф царя и О. Н. Б. Т. С.

² даль П.

^х и *нет в С.*

вѣдомо же^а было. И^б царь и великій князь челоуѣка царевиче-
ва Янтимирева^в пожаловаль, отпустиль, а къ^г царевичю пи-
салъ съ великимъ жалованіемъ, а къ Дербышу-царю и ко
всей землѣ послы^д послать^е з жалованіемъ хочеть на веснѣ¹. —
О присылкѣ воеводъ къ царю и велико-
му князю. Того же дни* прислалъ къ царю и великому
князю бояринъ его и² воевода князь Иванъ Феодоровичъ
Мстиславской³ съ товарищи⁴ Дмитрія Григорьева сына
Плещьева, сказать вѣлии государю, что ихъ государь посы-
лалъ на Луговую сторону³ на измѣнниковъ на Черемису, и
воеводы пришли въ волость въ Ошлу⁴ а воеводу Ивана Пет-
ровича съ товарищи отпускали по государеву наказу въ⁵ Вет-
лугу и въ Руткы^к, и Иванъ ходилъ по многымъ волостемъ и
воевалъ и пришелъ къ нимъ въ Ошлу⁴, далъ Богъ, здорово; а
сказывалъ Иванъ: приходили пѣшая Черемиса на лѣсу на сто-
рожевой полкъ на князя Василя Токмакова, и князь Васи-
лей, далъ Богъ, ихъ побилъ на голову; а^н отъ болшихъ вое-
водъ была война въ волостяхъ въ Шумуршъ да въ Хозяковъ
да въ Ошли да въ Мазаръхъ^н въ^о обоихъ⁶ да въ дву волостехъ

^а же нет в О. Н. Б. Т.

^б и апреля же С.

^в князь царевичева челоуѣка антимириева С.

^г къ нет в О. Н. Б. Т.

^д посла нет в Н. Б. Т.

^е послать нет в О.

¹ В списке С. мою же скорописью, как и выше, было на полях написано и
затем перечеркнуто (на л. 146): тоя зимы посыл... князь иван васильевич...
свою в казан на лу... бояр (зачеркнуто своих в болшом)... в болшом полку
боя... иван Федорович мс... романович захарьи... ку захарья петрович я... ло
вороной в сторож... ло яковлич морозов д... вич ситцкой да итти б... галича
в болшомъ... яковля в передово... шереметев княз ва... и тѣ воеводы был...
водами (отмеченные точками места отрезаны при переплети рукописи).
Подобный перечень воевод читается во всех списках несколько ниже.

* из того же дни поправлено тоя же зимы въ С.

² его і е П.

³ мстисловской Н. Т.

⁴ товарищи да О. Н. Б.

⁵ сторону и П.

⁴ въ шлу П; в вошлу С.

⁵ въ нет во всех списках, кроме С.

^к из рутни исправлено рутки О. Н; рутіи Б. Т.

^н въ шлу О. Н.

^н и О. Н. Б. Т.

^н мазахъръ Б; такъ было и в Н, но исправлено.

^о въ нет в Н.

⁶ боихъ во всех списках, кроме С.

во Оршахъ^а, въ Малой да въ Большой, да въ Бишть да въ Кукшули^б, въ Сорокъ, Куншахъ да Василюковъ^в Белахъ^г да Мамичъ^д-Бердѣвы волости да Килѣву волость да Кикину волость да Кухтуяль^е Кокшахъ, въ Большой да въ Малой, а волость Сызаль^ж да Дмаши да Монамъ да Кемерчи^з да Улыязы; и въ тѣхъ во всѣхъ волостяхъ отъ воеводъ война была и многихъ людей поимали^и и побили, и были на Луговой сторовъ въ войнѣ двѣ недѣли да вышли на Волгу, да к Казани ходили и назадъ шли Волгою же, и пришли къ государю, далъ Богъ, здорово. — Ц а р ю и в е л и к о м у к н я з ю п и с а л и и с К а з а н и. Марта 1^к день писали царю и великому князю ис Казани бояринъ^л князь Михайло Глинской съ товарищи, что луговые люди приходили на Арскую сторону войною; и Арьскіе люди, остроги подъявѣ, отъ нихъ отбилися, а съ ними въ острожьхъ¹ были стрѣльцы царя и великого князя, ис^м пищалей побивали многихъ луговыхъ; а луговые воевали села Татарские и пошли на Луговую. — О п р и с ы л к ъ и з ъ С в ѣ а з с к о г о^н г о р о д а. Того же мѣсяца прислалъ^о изъ Свѣазского² города князь Михаиле Воротыньской съ товарищи Федка Баскакова: посылалъ^п Федка въ головахъ у горнихъ людей на Луговую сторону въевать, а^р горнихъ^с ходило семьсотъ человекъ на ртахъ; и^т пришли безвѣстно повоевавъ, людей побили и въ полонъ поимали и животину побили и пришли, далъ Богъ, здорово...

^а аршахъ Н.

^б кукшали Б. Т; кушкули С.

^в васильукове О. Б.

^г балахъ С.

^д мамин В. Т; мимич С.

^е кухяль С.

^ж сызиль О. Н. Б. Т.

^з кермечи С.

^и поимаили Н.

^к въ 1 Б. С.

^л бояринъ и воевода С.

¹ строзьхъ П. О.

^м и ис С.

^н вязского Б.

^о прислалъ *нет* в С.

² вязского П. Б; скіазьского О.

^п посыланъ С.

^р и О. Н. Б. Т.

^с горнихъ людей С.

^т а С.

---

9. Царственная книга (фрагменты 1534 г., 1553 г.).

дна из частей Лицевого летописного свода, созданного в 60–70 гг. XVI в. по заказу и с участием Ивана Грозного. Публикуется по изданию: ПСРЛ. Т. 13. Вторая половина. Так называемая «Царственная книга». М., 1965. С. 399, 528, 532.

О поѣздѣ великаго князя къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь. Лѣта 7042. Сентября въ 22 день, въ недѣлю¹, князь великій Василей Ивановичъ всея Русіи выѣхалъ съ Москвы и съ великою княгинею Еленою и з дѣтми своими къ живоначалной Троицѣ и къ преподобному чюдотворцу Серію помолитися. И приде въ монастырь къ живоначалной Троицѣ и къ преподобному чюдотворцу Сергію, и срътоша великаго князя игумень з братією и со священники и весь клиросъ церковный во вратѣхъ монастырскихъ съ образы и съ кандилы. Бысть же за 10 седмиць дней до отшествія его къ Богу, бывшу ему съ своею великою княгинею Еленою и съ благородными чяды въ преименитой обители живоначалныя Троица на память великаго въ преподобныхъ чюдотворца Сергіа, и празнова чюдотворцову память по чину и молебная совръшивъ и ту сущую братію учреди. И отъ Троицы князь великій поѣде и съ великою княгинею и з дѣтми въ свою отчину на Волокъ-Ламскій тѣшитися; поѣде же князь великій на Волокъ на свое село на Озерецкое, и доиде села своего Озерецкаго. И тамо яко нѣкоимъ отъ Бога посъщеніемъ, нача немощи, и явися на нозѣ его знамя болѣзнено мала болячка на лѣвой странѣ на стегнѣ, на изгиби близъ нужнаго мѣста, з булавочную голову: врѣху у неѣ нѣтъ, ни гною въ ней нѣтъ же, а сама багрова. И тогда наипаче внимаше себѣ, яко приближается ему премѣненіе отъ маловременнаго сего житія въ вѣчный животъ, блаженный покой, и отъ того времени усерднѣйше простирашеся умными молитвами къ Богу. Изъ Озерецкаго поиде князь великій Василей Иавовичъ въ Нохабное село; изъ Нохабного же поиде нужно, обдержимъ болѣзнію, въ Покровское въ Фуниково и ту празнова святѣй Богородици; и оттуду поѣде въ свое село въ Покровское и пребысть ту два дни. Въ третій же день прииде на Волокъ нужно, въ болѣзни велицей, въ недѣлю послѣ Покрова; врачеве же велми прилежаху ему и ничтоже успѣша. И того же дни бысть пиръ на великаго князя у Ивана Юрьевича у Шигоны у дворецкаго Тферскаго ...

---

¹ В 7042 сентябрьскомъ году воскресенье приходилось 21-го сентября.

(7061). И царь и великій князь царя Семіона пожаловаль, далъ ему дворъ въ городъ и учинилъ у него въ боярское мѣсто Ивана Петровича Заболотцкого и всѣхъ чиновниковъ по чину по государьскому, и учинилъ его не такъ, какъ плѣнныхъ держать, какъ царя и царскаго сына, по его достояніе [и какъ удѣльныхъ князей]¹. — О п р и с ы л к ѣ и с К а з а н и. Тоъ же зимы, Марта въ 10 день, прислали ис Казани князь Александръ Борисовичъ Горбатой, что Казанскіе люди луговые изменили, ясаковъ не дали и ясатчиковъ, которые ясаки на Луговой збирали, Мисюря Лихорева да Ивана Скуратова побили и прошли на Арское и содиначилися вси съ одного и стали на Высокой горѣ у засѣки. И воеводы посылали на нихъ Васку Елизарова, а съ нимъ казаковъ, да Ивана Ершова съ стрѣлцы: и пришли на засѣку и по грѣхомъ порознились разными дорогами стрѣлцы и казаки, и пришли на нихъ Арскіе люди и луговые да ихъ побили на голову и убили пол-четверта ста стрѣлцовъ да пол-пятаста казаковъ. — О п о с т а в л е н і и г о р о д а н а М е ш ь. И послѣ того Арскихъ людей² и побережныи и луговые городъ себѣ поставили на Мешѣ, а отъ Казани отъ города семьдесятъ верстѣ, и землею стѣну насыпали, хотяше тутъ отсидѣться. — Тоъ же зимы, Марта въ 24, писалъ изъ Свѣжскаго города бояринъ князь Петръ Ивановичъ Шуйской, что приходили на Горнюю сторону Арскіе люди и луговые, Зень-зеить да Сарый-богатырь съ товарыщи, и князь Петръ отпускалъ на нихъ воеводу Бориса Ивановича Салтыкова да съ нимъ дѣтей боярскихъ да горнихъ людей всѣхъ. И Борисъ на нихъ пришелъ, а въ то время снѣги были велики, и Арьскые люди и луговые пришли съ сторонъ на ртахъ да по грѣхомъ³ Бориса побили и самого Бориса жива взяли, да 36 сыновъ боярскихъ убили да боярскихъ 50 человекъ да 170 человекъ горнихъ людей убили, а живыхъ взяли 200 человекъ. И то прииде грѣхъ ради вашихъ

---

¹ Поставленныя в прямых скобках слова и какъ... князей в рукописи (на л. 660 об.) приписаны скорописью между строк, здесь же сбоку страницы скорописью приписано и зачеркнуто: † тутъ написати то, што тамъ писано; † тутъ написати о о государственной болезни и то все, што тамъ написано.

² Так в рукописи.

³ В рукописи было да за грѣх, но скорописью исправлено.

* (и за превозношеніе наше: Богъ милосердіе свое показаль надъ Казанію, и въ насъ явились гордые слова, а не благодарныя, и учили особъ мудры быть, забывъ Егangelское слово: хто хочетъ въ міръ семъ мудръ быти, буй да будетъ. И за многое наше неблагодареніе)

** и за нашу разность и неединомышленіе и нестроеніе, индѣ же явился и превзношеніе и гордыя слова: понеже Богъ милосердіе свое показаль надъ Казанію, и въ насъ явились гордыя слова и высокія, и на богатство уклонихомся, а Бога о семъ не благодарихомъ, и почали о собѣ мудри быти и храбри, а строенія ни о чемъ не смышляху, но токмо въ гордості своей хваляхомся. И сего ради Богъ къ наказанію нашему попусти таковая быти,

и въ то время пріиде грѣхъ ради нашихъ, посѣти немощью¹ православнаго нашего царя, пріиде огнь велій, сирѣчь огневая болезнь; и збытсѣя на насъ Егangelское слово: поразисте пастыря, разыдутся овца.

... А бояринъ князь Дмитрей Федоровичъ Палецкой тотъ послѣ цѣловаша посылалъ ко княгинѣ Офросинѣ и къ сыну къ еѣ ко князю Владимиру зятя своего Василия Петрова сына Борисова Бороздина: а за нимъ бѣ князя Дмитрея Палецкого сестра, а Василиева сестра родная была за Хованьскимъ, а Хованьского дочь, а Василию племянница княгиня Офросинія княже-Владимирова мать. А посылалъ князь Дмитрей Василия того ради: понеже судомъ Божиимъ, а государьскимъ царя и великого князя произволеніемъ понялъ царя и великого князя братъ князь Юрьѣ Василіевичъ княже-Дмитрееву Палецкого дочь, и князь Дмитрей Палецкой посылалъ Василия о томъ ко княгинѣ Офросинѣ и къ сыну къ еѣ ко князю Володимеру Ондрьевичю, чтобы княгиня и сынъ еѣ пожаловали, князю Юрью Василіевичю и дочери его, а княже-Юрьевъ

---

* Текст первоначальный, писанный полууставом (в круглых скобках зачеркнутые слова).

** Текст исправленный и дополненный скорописью.

¹ В рукописи было немощь, но скорописью исправлено.

княгинѣ, дали удѣль по великого князя Василия Ивановича по духовной грамотѣ, а они имѣ будутъ, княгинѣ Офросинѣ и князю Вододимеру, на государство несопротивны, а служити имѣ готовы.

¹И повелѣ о семѣ провѣдати, по чѣму науку бысть сіе сопротивъство, а безъ науку сему быти не мощно; а велѣль о семѣ провѣдати діаку своему Василию Григорьеву сыну Захарова Гниліеву, понеже онъ у государя бысть въ приближеніи. И діакъ Василей, невѣдомо какимъ обычаемъ, извѣстилъ государю сіе дѣло на бояръ его на князя Ивана Кубеньского да на Федора да на Василья Воронцовыхъ. И велѣль князь великій казнити князя Ивана Кубеньского, Федора Воронцова, Василия Михайлова сына Воронцова же: отсѣкоша имѣ главъ мѣсяца іюля 21, въ субботу. А Ивана Петрова сына Федоровича велѣль поимати и съслати на Бѣлоезеро и велѣль его посадити за сторожи.

А казначѣй Микита Фуниковъ тотъ рознемогся рано, а вставъ, какъ государь гораздо оздравѣль, и тогда цѣловаль, послѣ всѣхъ людей; а глаголаху про князя Дмитрея Курлятева да про Никиту Фуникова, бутто они ссылалися со княгинею Офросиніею да сыномъ ея со княземъ Владимиромъ, а хотѣли его на государство, а царевича князя Дмитрея для младенчества на государство не хотѣли.

²И извлекоша передними дверми на площадь и за городъ и положиша передъ того колѣ, идѣже казнятъ. Быша же въ совѣтъ семѣ протопопъ Благовѣщенской Федоръ Барминъ, князь Федоръ Шюйской, князь Юрьи Темкинъ, Иванъ Петровъ Федоровъ, Григорей Юрьевичъ Захарьинъ, Федоръ Нагой и иніи мнози.

---

¹ *Последующий отрывок представляет собою копию текста и приписок, находящихся на лл. 273—374 Царственной книги.*

² *Отрывокъ представляет собою копию части приписки, находящейся на л. 305 Царственной книги.*

---

10. Степенная книга, Предисловие и четвертая степень

Степенная книга — один из самых знаменитых историко-литературных памятников XVI в., посвященный истории Российского государства. В ней история излагается по степеням (ступеням), которые ведут Россию к Богу. Предполагаемым автором является митрополит Московский Афанасий, создавший ее в начале 1560-х гг. (в то время он был протопопом московского Благовещенского собора и носил имя Андрей). Изложение русской истории доведено до 7068 (1560 г.). Публикация осуществляется по изданию: ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. Книга степенная царского родословия. Подг. текста П. Г. Васенко. СПб., 1908. С. 184—189.

Сказаніе о святѣмъ благочестіи
Російскихъ началодержецъ и сѣмени ихъ святого и прочихъ

Книга степенна царскаго родословія, иже въ Рустей земли въ благочестіи просіявшихъ богоутвержденныхъ скипетродержателей, иже бяху отъ Бога, яко райская дрѣвеса насаждени при исходящихъ водъ, и правовѣріемъ напаяеми, богоразуміемъ же и благодатию возрастаеми, и божественою славою осіяваеми явишася, яко садъ доброраслень и красень листвіемъ и благоцвѣтушъ; многоплодень же и зрѣль и благоуханія исполнень, великъ же и высокверхъ и многочаднымъ рождіемъ, яко свѣтлозрачными вѣтми разширяемъ, богоугодными добродѣтелями преспѣваемъ. И мнози отъ корени и отъ вѣтвей многообразными подвиги, яко златыми степенми на небо восходную лѣствицу непоколеблему водрузиша, по ней же невозбранень къ Богу восходъ утвердиша себѣ же и сущимъ по нихъ. Имъ же бѣше благочестію начальница богомудрая въ женахъ, святая и равноапостольная великая княгини Ольга, супружница Игорѣва Рюриковича, ея же торжественное слово въ началѣ преже оглавленія книги сея предложено суть.

Потомъ же преславнаго внука ея равнаго Апостоломъ, святого и блаженнаго царя и великаго князя Владимѣра и семени его праведнаго, иже мнози отъ нихъ мужеска полу и женска Богу угодиша въ благоденственномъ державствѣ, въ супружествѣ живуще и во благородномъ многочадіи; овии же безсупружествомъ, чистотою, иночествомъ и мученіемъ за Христа, и на бранехъ храбростію, и благодарнымъ терпѣніемъ восплєненіихъ, въ нуждахъ, и въ юзахъ, и въ темницахъ, и въ межеусобныхъ крамолахъ озлобленіемъ и лишеніемъ очію и заточеніемъ, и ини же самоволною нищетою и странствіемъ и богомудростнымъ претворенію уродствомъ, и бездомствіемъ во отечествіихъ и въ чюжеземствіихъ и прочими добродѣтелями паче песка умножишася, и никтоже можетъ исчесть ихъ. Чюдныя же повѣсти, ихъ же елико возмогохомъ отчасти изобразити, и сія здѣ въ книзе сей степенми разчинены суть, и граньми объявлены, и главами съ титлами сказуеми; ими же возможно всяку повѣсть, въ книзѣ сей реченну, немедленно обрѣсти; идѣже и святѣйшихъ митропо-

лить всеа Русіи имена вчинена суть, и о прочихъ святыхъ, и знаменіа, иже съ небеси отъ Бога. О немъ же и начало книги сея речется и прочая...

Четвертый степень, въ немъ же главъ 9

и три митрополиты:

Никифоръ, Никита, Михаилъ и грань 4

О Боговънчаномъ царь и великомъ князе Владимере Всеволодичи Манамасть.

Глава 1. Лѣпо же убо не преити молчаніемъ но должно есть воспоманути въ малъ нѣчто о боговънчанномъ царь и самодержцѣ, о великомъ князе Владимере Всеволодичи Манамасть, и о многихъ знаменіихъ и чюдесѣхъ, иже во дни его быша, и ослепленномъ сродницѣ его Василькѣ и о сугубомъ знаменіи крестномъ и о державствующихъ въ лѣта его и о преславномъ его, иже на царство, вънчаніи и о совершеніи добродѣтельнаго житія его. Сей убо Богомъ вънчанный царь и великій князь Владимиръ, сынъ Всеволожь Ярославичя, правнукъ блаженнаго самодержца Владимира, отъ него же бысть четвертый степень, пресловущій въ Руси царскимъ именованіемъ, иже по матери дѣднимъ званіемъ именуемъ есть Манамахъ. И сего кто доволенъ есть подробну изрещи благородную доблесть и крѣпкодушное мужество и благо-разумное разсуженіе, наипаче же не землеплѣнное властолюбіе, но высокожеланное смиренномудріе? Внѣгда бо христолюбивому отьцу его, Всеволоду Ярославичю, зельно изнемогающу уже при смерти, и тогда призва къ себѣ отъ Чернигова сего благороднѣйшаго сына, Владимира Манамаха, и, даровавъ ему благословеніе, къ Богу отиде. Владимиръ же тогда все отъческое достояніе въ руку своею имѣя и ни мало не вознесся мыслию начальственаго властолюбія, но самовольнѣ уступая Кіевского самодержанія, и къ брату своему нелицемѣрную любовь предлагаше и паче себя начальствомъ почитая того, яко да завистію не уязвляется и враждебныя брани не составляетъ. Призываетъ же отъ Турова брата си изъ двуродныхъ Свѣтополка Изяславича, внука Ярослава Владимерича, и на того честь и старѣйшинство вели-

кого княженія возлагаєть и все отческое достояніе, иже въ Кіевѣ, поручаетъ ему; самъ же въ Черниговъ отходитъ, и тамо господствуя и прочая снабждая.

Глава 2. О князѣ Василькѣ ослепленном и о чудеси животворящаго креста.

Не по многѣхъ же лѣтѣхъ навѣтомъ вражимъ Свѣтополкъ Изяславичъ и Давидъ Игоревичъ, внукъ Ярославль, завистнымъ оклеветаніемъ призвавше къ себѣ лстивно, и сугубо нужно узами обложиста сродника своего, князя Василька, иже бысть сынъ Ростиславль, внукъ Владимира Новгородскаго Ярославича Великаго. По сихъ же повелѣста и очію лишити его. Онъ же возопи къ Господу, съ плачемъ веліимъ глаголя. Молитва. «Господи Исусе Христе, Сыне Божій! Ты вси, яко ничто же зла не сотворихъ братѣи моеи, ни изменихъ имъ ни въ чемъ же и не вѣмъ, что ради много болѣзненую сію страсть нынѣ воспріемлю отъ нихъ, еще же и очнаго свѣта лишаютъ мя. И буди воля Твоя, Господи Боже мой, и не остави мене до коньца погибнути, яко милость и истинна Твоя пребываетъ въ вѣки». И по молитвѣ четырьми мужи едва поверженъ бысть въ знакъ на коврѣ. И двема цѣкама наложиша его, и немилостивно ножемъ выняста очеса его, и заточиша его во градъ Владимиръ. Слышавъ же сіе, Владимиръ Манамахъ ужасеся и плакася горько и посла ко прочіимъ братіямъ и совѣтъ дая имъ, отмстити хотя ослепленіе Васильково п враждебное братоненавидѣніе и неповинное кровопролитіе утолити. Кіевстѣи же людіе, слышаще сіе, и умолиста митрополита Николу и великую княгиню Всеволожу, яко да идуť ко Владимиру еже съ мольбою утѣшати его, да утолитъ брань. Они же идоша и много молиша его. Благосердый же Владимиръ много плакася о таковѣй враждѣ, яко преже сего не сотворися таково злое ослепленіе въ Руси, но обаче преклонися на мольбу княгинину: чѣтѣше бо ю, яко мать, и не преслушавъ ея ни въ чемъ же. Тако же и святительскій санъ и тогдашняго митрополита Николу чѣтѣше вельми, и не преслушавъ его, яко отца. И пріемъ мольбу ихъ, и миръ сотвориша, и Василько свободъ бысть и сѣде въ Тербовли, и крестомъ честнымъ не единою утверждахуся, и паки брань межу ими воздвизашеся. Василько же свое ослепленіе отмѣщаше и, миръ сотворше паки, Свѣтополкъ Изяславичъ прогна Давида Игоревича, яко его

навѣтомъ ослепленіе Васильково бысть. Тогда же ко Владимиру Манамаху и къ Васильку ослепленному совершенъ миръ и любовь по крестному увѣренію имѣя, въ сердца же лукавая мысля, надѣяся на множество воинства своего, и преступи крестное увѣреніе и бранію подвижеся Свѣтополкъ на Владимира и Василька, и сраженію бывшу.

Ч ю д о ж и в о т в о р я щ а г о к р е с т а. Василько же очію лишенный вместо оружія возьмъ честный крестъ и возвыси его выспрь и глагола ко Свѣтополку: «Сего еси креста целоваль; и сего божественаго креста непобедимая сила да одолѣетъ коварству твоему». Мнози же людіе видѣша чюдо преславно, яко той божественый крестъ вельми возвысися надъ Василькомъ и на самомъ облаце видѣнъ бысть. И абіе одолѣша Свѣтополку и не гнашася по немъ: не жадаху бо многого кровопролитія, не довлѣетъ имъ преславнымъ крестоявленіемъ Божіе поможение. И сташа на межахъ, веліе благодареніе всылающе Богу, и потомъ снисдошася братія: Свѣтополкъ Изяславичъ, Владимиръ Всеволодичъ Манамахъ, и Давидъ и Олегъ Свѣтославичи, и устроиша завѣтъ непрѣмненъ посреди себе, еже не вступатися въ чюжей предѣль никому же. И тако утвердивше, разыдошася; и бысть въ нихъ непоколебимъ миръ и любовь и соединеніе.

Н а ч а л о ц е р к в и С м о л е н ь с т е й и е п и с к о п і и. И пріде Владимиръ Манамахъ во Смоленскъ и воздвиге церковь пречестную во имя Пречистыя Богоматери, идѣже тогда и епископію устрои.

Г л а в а 3. П р е с л а в н о е з н а м е н і е в ь Р у с т е й з е м л и н а н е б е с и я в л ь ш а г о с я ч е с т н а г о и ж и в о т в о р я щ а г о к р е с т а Г о с п о д н я. Во время же мирнаго ихъ и любовнаго соединенія явися на небеси знаменіе чюдно и преславно мѣсяца февраля въ 4 день и въ 5 день и въ 6 день: во вся сія три дни и три нощи непрѣмнно стояше солнце въ кругу, а посреди круга крестъ посреди же креста солнце, и внѣ круга надъ солнцемъ оба полы два солнца, едино отъ другаго кромъ рогома на сѣверъ. Таково же знаменіе и тѣмъ же образомъ и въ лунъ бысть. Сіе же знаменіе то и солнечнаго сіянія тричисленными днями вкупъ и тричисленными нощами проявляя непрѣмнную бла-

годать православною вѣрою сіяющихъ во Святую Троицу, иже въ Рустей земли, креста же божественаго свѣтозарный образъ проявляетъ богомудрымъ благочестія держателемъ съ небеси непобедимую благодать божественныя силы и свѣтлопобѣдительное одолѣніе на вся видимыя и невидимыя враги, яко же древле Исусу Наввину дарова Богъ побѣду на противныя и солнцу заповѣда стояти на едино время и во единъ день, дондеже Исусъ победи супостаты. Здѣ же нынѣ заповѣда Богъ трисіянному сему на небеси знаменію честнаго и животворящаго креста Господня явитися въ тріехъ солнечныхъ, тако же и въ лунѣ три дни и три нощи непременно сіяти ради любовнаго въ боголюбивыхъ самодержателяхъ соединенія, наипаче же вѣры ради и незлобиваго нрава богомудраго Владимира Манамаха, ему же и братіи его прежде сего и потомъ дарова Богъ многи побѣды на безбожныя Половцы. Того же лѣта мѣсяца декабря 6 прииде отъ Царяграда митрополить Никифоръ и возведенъ бысть на престоль Рускія митрополія того же мѣсяца декабря 18.

Глава 4. Ч ю д о о п о б ѣ д е н а П о л о в ц ы а н г г е л ь с к и м ѣ п о с о б і е м ѣ . Въ третіе же лѣто по явленіи солнцесіяннаго на небеси крестнаго знаменія, о немъ же выше речено, воеваху Половцы въ Рускихъ предѣлахъ округъ Заречьска и помощію Всесильнаго Бога побезени быша отъ Рускихъ князей, Владимиръ. По сихъ же достохвальный Владимиръ Манамахъ, Богомъ подвижаемъ, подвиже собою братью свою на иноплеменные Половцы, и придоша ко граду ихъ Шаруканю. Половцы же выидоша изъ града, носяще рыбы и вино, кланяхуся и покаряхуся. На утрія же брань составиша и паки побезени быша. По тріехъ же днехъ собращася ихъ многое множество, тмы темъ, и оступиша округъ Рускихъ полковъ, яко пожрети ихъ хотяше. И сразишася полцы, и тресновенію бывшу яко отъ грома, и падаху обои. В л а д и м е р ѣ . Владимиръ же призва Бога на помощь и своими полки приближися, тако же и Давидъ; и посла Богъ ангелы своя въ помощь имъ, и возрѣвше Половцы и вдаша плещи свои, обратившеся на побѣгъ. А н г г е л ь с к а я п о м о щ ь . Падаху предъ полкомъ Владимировымъ, невидимо убиваемы Божіими ангелы, еже и мнози челоуѣцы видѣша, яко главы Половецкаго воинства невидимо усекаемы, на землю падаху. И тако Божіимъ пособіемъ

до коньца победиша ихъ и все богатство ихъ взяша и многихъ самихъ Половецъ живыхъ поимаша, ихъ же и вопрошаху: «Какъ вскоре побегосте, собравшеся васъ неисчетное множество»? Они же глаголаху: «Кто можетъ съ вами братися? Видѣхомъ бо верху васъ полки многіе, въздѣща вельми вооружены и необычною свѣтлостію сіяюща, страшно же есть и зрѣти на нихъ; и разумѣхомъ, яко сїи суть отъ Бога послани и вамъ христїаномъ помогаху». Тако помогаше Богъ любящимъ Его и творящимъ волю Его; тако соблюдаше въ братолубїи пребывающихъ, такова преславна знаменїя являя, прославляя благочестиво царствующихъ.

Знаменїе въ Печерскомъ монастыри. Тогда же видѣша и въ Печерскомъ монастыри, столпъ огнень на каменей трапезницы стояше. Та же приступи надъ церковь, а отгуду къ городцу Врадасыни: тамо бо бѣше тогда Владимиръ Манамахъ.

Глава 5. Преставленїе великого князя Свѣтополка Изяславича, и о княгинѣ его. По сихъ же лѣту единому мимошедшу, преставися отъ житїя сего великій князь Михаилъ, рекомый Свѣтополкъ Изяславичъ, внукъ Ярослава Владимерича, мѣсяца марта 19 день; и положиша его въ церкви святого архистратига Михаила, юже бѣ самъ создалъ. Княгини же его много богатство раздая монастыремъ и ерьемъ и убогой чади; дивляху же ся ему вси люди, яко такая милостыни никто же не сотвори никогда же.

Глава 6. Самодержанїе Владимерово. Великій же князь Владимиръ Всеволодичъ Манамахъ вниде въ Кїевъ мѣсяца марта 20 и благочестно прїять отъческое наслѣдіе Рускія хоругви скипетродержанїе. Сынъ же его старѣйшій Мьстиславъ тогда господствуя въ Великомъ Новѣградѣ и на своемъ дворѣ постави церковь камену святого Николы и Новѣградъ больши перваго заложи.

Глава 7. Принесенїе честныхъ мощей святыхъ праведныхъ страстотерпецъ, Бориса и Глеба. Вышеградѣ же повелѣнїемъ христоролюбиваго самодержьца Владимера Манамаха поставлена бысть

церковь камена святого Василя, въ ню же преславное и многочюдное бысть пренесеніе честныхъ мощей святыхъ праведныхъ страстотерпецъ, боголюбивыхъ князей самобратныхъ Бориса и Гльба. Къ симъ же сродникомъ своимъа самодержецъ Владимиръ въру велію имѣя и во именахъ святая церковь прекрасну постави на Альтъ; идѣже братоубійственною кровію вѣнчася блаженный Борисъ.

Глава 8. Умильныя къ Богу Владимеровы слезы, и како боговѣнчанный царь наречеся отъ греческаго царствія. Боголюбивый же Владимиръ тако отъ Бога сподобися пріяти богатодаровитую благодать душевнаго умиленія, яко егда вхожаше въ церковь или когда на пѣніи предстояше, и тогда непрестанныя источники слезъ отъ очію изливахуся. И всегда со слезами мольбы своя приношаше Господеву Богу нашему. Человѣколюбивый же Богъ вся, яже на пользу, прошенія его всегда и вездѣ исполняше ему. Яко же онъ Бога возлюби, и всею душею своею и всѣмъ сердцемъ своимъ и всею мыслію своею и прочими благими дѣлы и обычаи преспевая за Рускую же землю благосовѣтіемъ и безъ лѣности многъ трудъ полагая, тако и Богъ сихъ ради добрыхъ подвиговъ его проудобрено свыше славою и честію вѣнча его и царскимъ именованіемъ паче инѣхъ царствующихъ прослави его. И всюду прослы въ храбрости и побѣдахъ, еже всѣмъ странамъ имени его трепетати, и во всѣхъ земляхъ изыде слухъ его. Его же ради мужества и Греческаго царя Костянтина Манамаха дядиму и венець и крестъ Животворящаго Древа пріемъ и порамѣницу царскую и крабійцу сердоличную, изъ нея же веселяшеся иногда Августъ, Кесарь Римскій, и чѣпь златую Аравійскаго злата и иныя многія царскія почести въ дарѣхъ пріять мужества ради своего и благочестія. И не просто реши таковому дарованію не отъ человѣкъ, но Божиимъ неизреченнымъ судьбамъ претворяюще и преводяще славу Греческаго царства на Російскаго царя. Вѣнчанъ же бысть тогда въ Кіевѣ тѣмъ царскимъ вѣнцемъ во святей велицей соборнѣй и апостольствѣй церкви отъ святѣйшаго Неофита, митрополита Ефескаго и отъ прочихъ святителей Митулинскаго и Милитійскаго, вкупѣ съ митрополитомъ пришедшихъ отъ Царяграда, и оттоле боговѣнчанный царь нарицашеся въ Російскомъ царствіи. Во оно же время пресвященный мит-

рополить всеа Русіи Никифоръ житія пременися, въ него же мѣсто пріиде изъ Царяграда Никита, митрополить Кіеву и всеа Русіи.

Глава 9. Побѣды на Нѣмцы и на Половцы и на Литву и на Емь и на Болгары и преставленіе Владимерово. Боговѣнчаннѣй же царь и великій князь Владимиръ Манамахъ, царствуя благоденствено, всяко благочестіе исправляя, своихъ же сродниковъ и братію не тако страхомъ, яко же любовно снабдвая и межуусобную брань всяческіи утѣляя и округняя страны многообразне умиряя, овогда самъ подвизашеся и укротевая супротивныхъ иногда же сынами своими.

Мѣстиславъ покори Чюдцу. Яко же старѣйшій сынъ его Мѣстиславъ шедъ съ Новгородцы и Чюдскую землю смири и дань на нихъ возложъ и градъ ихъ Медвѣжью главу взять. На Половцы побѣда и на Литву. И на поганья Половцы мужественъ за Рускую землю подвизался, яко же и отецъ его, и одолевая имъ и отъ земля Рускія отгоняя, и не токмо за Донъ загна ихъ, но и за Волгу, и Литву одолѣ. Святѣ. Сего же Мѣстислава сынъ Всеволодъ, внукъ Владимиръ Псковскій, иже нынѣ чюдотворецъ, Емь победи. Долгорукии. Сего же Владимира Манамаха сынъ наслѣдникъ, преславный во храбрости Георгій Долгорукій, посланъ отъцемъ на Болгары Воложскія и Камскія и шедъ одолѣ имъ. Тако Всесильный Богъ великую свою милость изливаетъ на боящихся Его и творящихъ волю Его святую и Своимъ благоутробіемъ вся благая и полезная устрояетъ имъ. Добре бо строящимъ земная, даруются имъ и небесная, яко же рече апостолъ: «Любящимъ Бога все поспѣвается и въ благо: вѣрующему бо вся возможна». Тако и сему благочестія рачителю, богомудрому самодержцу боговѣнчанному царю Владимиру Манамаху Преплагій Богъ Своимъ неизреченнымъ промысломъ и премногимъ милосердіемъ таково поспѣшество и укрепленіе дарова. Тако возвеличи Господь Своя божественныя силы дѣло и великую милость въ родъ праведномъ, иже въ Рустей земли благочестіемъ державствующихъ отъ святого племени перваго блаженнаго Владимира, яко же и сей пресловущій Манамахъ Владимиръ украшенъ бывъ доб-

рыми нравы и прослы въ побѣдахъ за Рускую землѣ, его же имени вся страны трепетаху. 8 с ы н о в ъ. И ему же бяху сыновъ 8: Мьстиславъ, Изяславъ, Свѣтополкъ, Ярополкъ, Вячеславъ, Романъ, Юрьи, Андрей. И тако благочестно поживе, земнымъ царствомъ въ Руси влады, наипаче же всего желая и Небесное Царство получить, всегда его во умиленіи препровождая дни своя и у любовныя ему церкви, иже на Альтъ святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба, пребывая, жизнь свою богоугодно скончавъ, содержи сѣпетро Рускаго царствія лѣтъ 13. Всѣхъ же лѣтъ поживе 73 и съ миромъ къ Богу отиде мѣсяца маія 19. Честное же его тѣло принесено бысть въ Кіевъ и съ подобающею честно положено бысть во святѣй церкви Премудрости Божія Слова. Лѣту же единому минувшу, и митрополитъ Никита къ Богу отиде и по немъ бысть Михаилъ митрополитъ всеа Русіи.

Четвертый степень прешедъ, пятый степень начинается, иже есть начало Московскому царствію.

---

11. Соловецкий летописец конца XVI в. (1554–1606 гг.)

Соловецкий летописец — памятник летописания русского Поморья, весьма популярный в XVII–XVIII вв. Первоначальная редакция составлена в 80-е гг. XVI в., в Соловецком монастыре келарем монастыря Петром по прозвищу Ловушка (РНБ, Солов. собр. № 22/1481). Публикация осуществляется по изданию: Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980. В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 236–243. На полях сделаны пометы другим соловецким летописцем.

В лето 7062-го. Родися великому князю государю царю Ивану Васильевичу всеа Русии царевич Иван Иванович, месяца марта, [от] великие царицы Анастасие Романовн[ы]^а.

^бВ лето 7065. Священна бысть на Соловках церковь каменная во имя пречистые владычицы наша богородицы чеснаго и славнаго ея Успения, августа в 15 день.

^вВ лето 7066-го, мая. Зачат на Соловках делати большой храм Преображение господа бога и спаса нашего Исуса Христа каменной, месяца мая в 27 день.

В лето 7068-го. И того лета Москва г[о]рела. Того же году царица Анастаси[я] преставися.

В лето 7069. Писцы в Новегороде писали Шелонскую пятину, а был в ту^г пору в Великом Новегороде. Того же году государь царь и великий князь взял за себя черкаску царицу великую княиню Марью.

В лето 7071-го. Государь и великий князь Иван Васильевич город литовский Полоттеск взял и владыку полотцкого к Москве свел.

В лето 7072-го. Преставися князь Юрьи Васильевич, брат государя царя и великого князя, в Филипов пост. Того же году преставися Макарей митрополит в Великий пост. Того же году на митрополью поставлен Афонасей митрополит. Того же лета Ияков, приехав на Соловки при Филиппе игумене Колычеве, постригся.

В лето 7074-го. Игумена Филиппа с Соловков на митрополью взяли к Москве. Того же году иа Преображение спасово свящали храм на Соловках каменной большой Преображение спасово и предилы. Того же году свящали храм преподобных чудотворцов Зосиму и Саватея и мощи перенесли. Того же году ездили ко государю к Москве с мощми чудотворцовыми и з святыми водами. А ездили [с] старцом Спиридоном.

В лето 7075-го. На Соловках на игуменство Паисею поставили. Того же году в Новегороде Великом и во многих городах мор был.

В лето 7076-го. [С] Паисея игуменом в монастыри зимовал. Того же году на весну в монастырь в Соловки приехал суздальской владыка Павнутей да архимандрит Феодосей, да

---

^а На полях: 63 писати.

^б На полях: Писати.

^в На полях: Писати из трех.

^г у исправлено из ъ.

князь Василей Темкин, да с ними 10 сынов боярских дворян, про Филиппа обыскивали. И игумена Паисею к Москве взяли да десять старцов. Того же году был на Руси глад великой, купили на Москве четверть ржи в полтора рубля.

В лето 7077-го. Игумена Паисею и иных старцов розослали по монастырем. А Филиппа митрополита сослали во Тверь в Отрочь монастырь. Того же лета, мая 22, был царь князь великий и со царицею Марьею с Темрюковною и со царевици в Кирилове монастыре. И ис Кирилова пошел на Вологду. Того же году братья из монастыря послали бити челом ко государю к Москве о игумене. Того же лета, месяца июня в 19, горел на Углича торг весь и дворов погорило много.

^аВ лето 7078-го. Не стало князь Владимире Андреевича Старицкого на Богоне и со княгинею и з детми з большими, а двое у них детей осталось, сын князь Василей да дочь, которую государь за короля [дал] Арцымагнуса. Того же году не стало во Твери Филиппа митрополита. Тое же зимы государь ходил на Новгород и на Псков с опалою, а мы в ту пору зимовали на Москве с Горонтием. Того же году на Москве в государеве опале казнь была многим князем и бояром, и детем боярским, и дияком наvorgородцким и владычным. Того же году был на Москве глад великой и по всей земли Руской, хлеб был дорог, многие люди голодом измирали. Того же лета король Арцымагнус на государево имя выехал из Датские земли. Того же году государь царь и великий князь дал нам на Соловки строителя Меркурья, а после строителя государь дал игумена Варлама. Того же году был мор великой во всю землю Рускую; и в девятом году по всем градом.

В лето 7079-го. Месяца мая в 24 день, на Вознесение господи нашего Иисуса Христа и на память преподобного отца нашего Симиона столпника, иже на Дивней горе чудотворца, приходил грех ради наших к Москве царь крымской Девли-Кирий з двумя царевици и со всеми своими орды, и качевными тотары, и с ногаи^б з большими и с меньшими, и с азовскими и з белгородцкими, и с турскими людьми. По божию попущению" в царствующий град Москву и посады пожегл, от посадов в Большем граде и в Китае в граде божи

---

^а На полях: Писати посолство.

^б В рукописи: нагни.

^в На полях: Писати.

церкви выгорели и дворы и много множество людей от пожару и от зелья згорело, им же несть числа. Зажгли посады и город на пятом часу дни, до девятого часу городы и церкви и посады — все выгорело. Князь Иван Дмитриевич Бельской выезжал против крымских людей за Москву реку на луг за Болото и дело с ни[ми] делал, и приехав в град ранен и преставися. Тое же зимы приходил князь великий в Новѣград и посылал воевод своих в землю в немецкую под Выбори многих людей побили. Того же году приехал в монастырь соловецкой игумен Варлаам да строитель Меркурей, а мы приехали с ними же. Того же году были в Голомяни у Соловецкаго острова карабли, а приходили на них немецкие люди. Того же году приеждал к морю обыскивати Семен Лупандин про карабли^а о неметцком дели. А Меркурей тое зимы ездил ко государю в Слободу.

^б В лето 7080-го, ^виюля 26 день^в. Приходил крымской царь на Русь с великим собранием, и на Молодех у Воскресения Христова крымского царя побили, и войска ево побито безчислено, из земли побегал [с] немногими людьми, а убили у него царевича да взяли Девий мурзу. А государевых воевод тогды на берегу был против царя князь Михайло Иванович Воротынской с товарищы. И пришел царь крымской со многими людьми да с ним нагайских тотар с мурзою с Теребердием дватцать тысяч на Оку реку. И Теребирдий мурза с нагайскими тотары пришел на Сенкин перевоз в ночи против недели в 27 день, а тут стояли по сю сторону Оки двесте голов детей боярских. И они тех детей боярских розгромили, а плетени изсподкопали, да перелизли на сю сторону Оки. А в те поры большие воводы стояли против царя от Серпухова три версты. А в понедельник в 28 день пришел Теребердий мурза под Москву, отнял крут Москвы все дороги, а не воевал и не жег. А царь крымскы[й] в недилю в 27 день из-за Оки стрелять ис полков [велел] с наряду по полком по нашим, по руским. А наши руские воеводы князь Михайло Иванович Воротынской из-за гуляя-города велел стрелять за Оку по тотарским полком из пушек, да того было до вечера и вечера два часа. И тое ночи царь оставил на том месте

---

^а *Далее зачеркнуто:* обыскивати.

^б *На полях.* Писати.

^в - ^в *Написано над строкой.*

тотар^а тысячи з две, а велел с нашими воеводы травитися. А сам в ночи той на понедельник на том же на Сенькине перевозе со всем войском своим на сю сторону Оки реки перелез. И пришла нашим воеводам весть в понедельник рано, что царь на сю сторону Оки перелез. И князь Михайло Иванович Воротынской со всеми воеводами в понедельник пошел за царем. А в передовом полку пошел воевода князь Дмитрий Иванович Хворостинин. Да пришел на крымской на сторожевой полк, да с ними учал дело делати с немцы и с стрельцы и со многими дворяны и з детьми боярскими и з боярьскими людьми, да мчал крымской сторожевой полк до царева полку. А в сторожевом полку были два царевича, и царевичи прибежали к царю да учили говорити: «Ты, царь, идешь к Москве, а нас, государь, московские люди зади побили, а на Москве, государь, не без людей же будет». И царь послал нагайских и крымских тотар с царевичи на помощь двенадцать тысяч. И царевичи с татары с нагайскими и крымскими мьчали князя Дмитрея Хворостинина до большого полку до князя Михайла Ивановича Воротынского до города до гуляя. И князь Дмитрий и с полком поусторонился города гуляя направо. И в те поры из-за гуляя князь Михайло Воротынской велел стрельцом ис пищалей стреляти по татарским полком, а пушкарем из большово снаряду ис пушек стреляти. И на том бою многих безчисленно нагайских и крымских тотар побили. И царевичи, приехав ко царю, да учили те же речи говорити: «Ты, государь, идешь к Москве, а московские люди у нас нагайских тотар и твоих крымских из наряду многих побили». И от тех речей царь убоялся, к Москве не пошел. Да перешед Похру реку семь верст да стал в болоте. А на завтрее понедельника, во вторник, наши полки с крымскими травилися, а съемного бою не было. А в среду, в 30 день, нашим полком с крымцы и с нагайцы было дело великое и сеча была великая. И божиею милостию, а государьским счастьем, на том бою крымских и нагайских татар многих побили безчисленно и нагайского большово мурзу Теребердия убили. Да на том же деле взял суздалец сын боярской Тимир Алалыков крымсково большого воеводу Диви[я] мурзу и многих мурз поимали, да крымских же ши-

---

^а Далее в рукописи отсутствует лист. Текст восстановлен по рукописи ГПБ, Сол. 877/987.

рических князей трех братьев убили. А наших людей всяких убили на том деле человек с семьдесят. Да в четверг июля в 31 день да в пятницу августа в 1 день наши воеводы с крымскими таравились⁴, а дела съемного не было. А в субботу августа в 2 день царь послал нагайских татар многих и крымских царевичев и многие полки татарские пеших и конных к гуляю-городу выбивати Диви[я] мурзу, да и гуляй-город велел взяти. И как татарове пришли к гуляю-городу да имались руками за стену, и наши стрельцы тут многих татар убили и рук бесчисленно татарских отсеки. И князь Михайло Иванович Воротынской обшел своим большим полком крымских и нагайских татар долом. А пошел, приказал из наряду всем пушкарем ударити изо всех пушек. И как выстрелили из пушек, и князь Михайло Иванович Воротынской ззаде напустил на крымские полки, а из-за гуляя-города князь Дмитрий Иванович Хворостинин с нимцы и стрельцы. Да учили с нагайцы и с крымцы дело делати съемное, и сеча была великая. И божиею милостью, а государским счастьем, на том деле убили царева сына царевича да внука царева царевича же Колбина сына, и многих мурз и татар живых поймали. Того же дни в субботу в вечеру оставил царь в болоте крымских татар тысячи с три ризвых людей да велел с нашими травитися, а сам той ночи против недели августа в 3 день побежал, да той же ночи Оку первесся. А наши воеводы на утро узнали, что царь побежал, и на тех остальных татар напустились всеми полки, да тех татар всех до Оки побили. Да на Оки же царь оставил для бережения татар тысячи з две, и наши воеводы тех татар с тысячу убили, а иные за Оку ушли. А наши воеводы опять пошли по старым станом на Коломну и в Серпухов и по берегу и по перевозом. Того же году государь на зиму Пайду взял и немец пожечи велел. Того же году были со игуменом мы с Варлаамом у государя были в Новгороде. Того же году в Новгород Великий приехал архиепискуп Леонид на архиепискупью. Того же лета месяца мая в 11 святили церковь в Кирилове монастыре на святых воротех Ивана, писателя Листицу.

В лето 7081-го. Взят с Соловков на игуменство в Палье-остров игумен Ияков.

---

⁴ Так в рукописи.

В лето 7082-го. Паисея ездѣл с Соловков в Новѣгород, а из Палье-острова ездѣл игумен Ияков о грамоте ко архиепископу Леониду. Того же году приходил из Литвы от всея земли посол ко государю Михайло Халабурда, просил на королевство государя царевича Феодора, и государь им царевича не дал. Тогда же взяли город Пернов немецкой на море.

В лето 7083-го. Государевы воеводы взяли в Немецкой земли шесть городов: Апсель и ЛигOVERь, и Коловерь и иные города, Патцу. И князя Юрья Токмакова туто не стало своею смертию.

^аВ лето 7084-го. Божиим велинием, а государьским изволением государь царь на Московское великое княженство на государство посадил великого князя Семиона Бекбулатовича, а сам государь пошел на берег на службу и стоял все лето в Колуги. А был на великом княжении год неполон. И после того пожаловал его царь и государь великий князь Иван Васильевич всея Руси на великое княженье на Тверь, а сам государь опять сел на царство на Московское. И тогда не стало архиепископа новгородскаго Леонида и архимандрита чудовьского Еустафья и Семена Мишурина и иных многих, а побиты они в государеве опале на Москве.

В лето 7085-го. Зачат бысть на Соловках делати храм камен Никола чудотворец. Того же году в Новѣгород приехал на архиепископью Александр, а взят из Юрьева монастыря. Того же году ходили х Колывани с нарядом великого князя воеводы, князь Федор Иванович Мстисловьской с товарищы, и убит тогда воевода Иван Меньшой Шереметев, а Коловани не взяли и прочь пошли. Того же году в Новгород Великой ко архиепископу Александру ездил с Соловков Геронтей, а из Палья-острова игумен Ияков.

В лето 7086-го. Государь царь и великий князь Иван Васильевич ходил в Курланскую землю и в Латыгорскую, и в Литовскую и взял дватцать семь городов, а большие города Кесь да Володимерец, да Куконас, да Невгин, да Резица, да Треград, да Орлик, да Лужа, да Летров и ины многие со всеми мызами и с уезды, и князя Александра Полубенского взяли. И как государь поворотил к Москве, и из Пскова Полубенсково отпустил в свою землю. Того же году в Летву^б на королевство взяли Степана Оботура из Угор, Семигратцкого.

---

^а На полях: Писати по[со]лства.

^б Так в рукописи.

В лето 7087-го. Изменил государю царю и великому князю король Арцымагнус, поехал прочь из города из Лебзина, а королевну взял захав в Елмане, а была за ним княже Владимирова дочь Андреевича. Того же году взяли оманом литовские люди город Кесь да Леливард. Того же году игумен Ияков отказал игуменство в Палье-острове да приехал на Соловки, а игумен Варлаам ездил в Новгород и к Москве. Того же году убили Михаила Озерева. Того же году зачали на Соловках делати город деревяной. Того же году под Кесью государевых воевод литовские люди и немецкие люди побили и наряд поимали.

В лето 7088-го. Царь и государь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси с Москвы пошел в Немецкую землю с великим собранием и стоял во Пскове все лето, а летовской король Полотеск взял и владыку полотцкого, а Полотцко^а королю здали Петр Волынской да стрельцы. Тогда же сожгли Сокол-город литовские же люди и воевод государевых побили. Василья Борисовича Шеина да князя Михаила Юрьевича Лыкова-Аболенскаго, да князя Андрея Палетцкаго, да князя Василья Кривоборского и иных многих князей и бояр и дворян, и бой бысть добри крепок. А литовских людей побито и немецких и погорило в приступех вчетверо русково. Того же году государь посылал из Пскова против немец к Ракобору воевод меньших, и немецких людей побили, и языки многие привели, и прапоры их и набаты поимали. Тое же осени государь посылал из Пскова воевод князя Василья Дмитриевича Хелкова да Михаила Безнина, да Ивана Фустова в Летовскую землю и в Курланскую, и в Латыгорскую воевати, а с ними 40 000 дворян и татар, и воевали до Вильна. Того же году было дело у Киприяна у Оничкова с не-метцкими людьми. Того же году август[та] Луки Великие взял король литовский, и король помирился с государем и Луки назад отдал.

В дето 7089-го. О Покрове святей богородицы король Луки Великие взял и Усвят, и Велижу. А государь царь перед Филиповым заговеном женился, у Фетца у Нагово понял царицу Марью. Того же году на Соловках игумен Варлаам на весну игуменство отказал и братья послали бити челом ко государю, а просити игумена Иякова в Соловки на игуменство, и государь игумена Иякова на Соловки дал.

---

^а Так в рукописи.

В лето 7090-го. Подо Псков пришел король летовьской Стефан и стоял у Пскова до Рождества Христова. Того же году, ноября 19 день, преставися государь царевичь Иван Иванович в неделю на утрени, почали пети: «Хвалете имя господне»; 28 лет возраста его. Того же году на Соловки приехал игумен Ияков с Москвы от государя и начат делати на Соловках город каменной, а в Сумьской волости поставили ост[r]ог. Того же году завоевала черемиса накрепко.

В лето 7091-го. Родися великому князю сын царевич Дмитрий от великие царицы Марьи Федоровне. Того же году игумен Ияков ездил к Москве с образы ко государю и [со] святою водою.

В лето 7092-го. Преставися государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русин, а во иноцех Иона, марта в 18 день. Того же году на царство и на великое государьство на Москве сел сын его, государь царевич Феодор Иванович, и бысть царь всеа Руси. Того же лета игумен Ияков ездил к Москве ко государю^а. Того же году на удел отпущен царевич Дмитрий Иванович, на Углич, и с матерью своею с царицею Марьею. Того же лета на Москве^б было смятение великое.

В лето 7093-го. Добили челом государю царю Феодору Ивановичю всеа Руси черемиса вековым мером^в. Того же году привели к Москве ко государю казаки донские и вол[ж]ские, Ермак с товарищы, сибирского царя, и землю ево со всеми людьми себирскими взяли и ко государю в повенование привели. Того же году на берегу в Колуги крымских царевичей и Девиевых детей, Есиния мурзу с товарищы на^г устье Угры реки и на Выси^а побили. Того же году на государево имя выехал царевич крымской со многими мурзы и тотары на Асторохань, а из Асторохани^с приехал к Москве ко государю*. //

---

^а *Сверху приписано другими чернилами и другим почерком: с Соловков.*

^б *В рукописи ГПБ, Сол. 877/987, л. 215 об., далее добавлено: у бояр.*

^в *Так в рукописи.*

^г *Буква а переправлена на я.*

^а *си написано сверху другими чернилами.*

^с *В рукописи: Осторохани.*

* *На л. 73 об. тем же почерком, каким сделаны пометы на полях: Писати Василья Блаженного на столбцы. Другим почерком и чернилами позднейшие записи: Во 161-м году на Троицын день был пожар на Москве. Во 155-м году июля в 12 день государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси не стало и царицы Евъдокии того же году не стало. И того же*

«В лето 7096-е, августа 2 день. Божиим изволением в пресловутом граде Москве при благоверном царе и государе великом князе Феодоре Ивановиче всеа Руси и при митрополите Иеве явился новый великий чудотворец Василей Нагой и простил три души — две девицы да нишаго старца, и от того дни у чудотворцова гроба великие чудеса и прощение многим людям.

В лето 7096-го. Божиим попушением, грех ради наших, турский царь имрек воста гонением на крестьянскую православную веру и изгна из Царяграда патриарха Иеремея и со всем его собором. И патриарх Царяграда Иеремей приехал в пресловущий град Москву на царево и государево благоверного великаго князя Феодора Ивановича всеа Руси имя при освященном митрополите Иеве, а с патриархом приехали из Царяграда митрополит имрек да владыка, да с ними же пришли гречян 60 человек, месяца июля.

В лето 7097-го. Божиим благоволением благоверный царь государь князь великий Феодор Иванович, всея Руси самодержец, по совету и по благословению патриарха Царяграда Иеремея, и со отцем своим митрополитом Иевом всеа Руси, и с архиепископы, и со архимариты, и со игумены, и со вселенском собором, и с своими князи, и з бояры уложили и поставили на патриаршество на пресловущий град Москву митрополита Иева, за неделю великие мясопустны[е] недели.

А в Великом Новеграде поставлен бысть митрополитом бывшей архиепископ Александр, на той же недели в четверток.

А в граде в Казани поставлен бысть митрополитом.

А во граде Ростове поставлен бысть митрополитом бывшей архиепископ Варлам, на масленой недели во вторник.

Сарский и Подонский на Крутицах поставлен бысть митрополитом Геласия⁶.

... в Шую Корельскую государевы московские головы воевода Стефан Борисович Колтовской, а с ним в товарищах Смирной Шокуров да Василей Багряцов, да с ними же с

году воцарился царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, а на другой год женился взял у Ильи Милославского. Во 140-м году была смоленская служба. *Другими чернилами:* Во 160-м году пре[не]сен бысть Филип митрополит ис Соловецкого монастыря в царствующий град Москву и многие чудеса показал бесчислено.

⁵ Сл. 74 текст писан другим почерком и чернилами.

⁶ Далее в рукописи утрачено несколько листов. Текст восстановлен частично (один лист) по рукописи ГПБ, Сол. 877/987.

Колмогор от Нового города стрелецкой голова Андрей Аничков, стрельцов 130 человек, да с ними же дети боярские Григорей Брянцов да Кудеяр, да Бахтеяр Беседного, да 10 панов, да 40 человек черкас канемских да 10 человек донских казаков, да с ними же Каргопольские земли 400 человек ратных людей, да Двинские земли с Колмогор ратных людей 400 человек, да с соловетц[к]ие вотчины из Сумьские волости 100 человек, да охочих казаков 50 человек, да с Лопских с семи погостов двести человек. И ходили войною в Каянские немцы, а воевали Овлуи реку да Леменгин острог да Колокол волость, да Остров-волость, да Сиговец реку и иные волости. И ти волости повоевали и пожгли, и живот всякой высекли. И из Немецкие земли дал бог здраво вышли в ту же в поморскую волость в Шую в Корельскую...

... 2 день. Божьим изволением, грех ради наших, приходили немецкие люди в Печенской монастырь войною, божье милосердьё церкви и монастырь пожгли и игумена Гурья и братью и слуг побили и казну монастырскую взяли, и стояли в Печенге 10 дней. И ис Печенги пришли в Колу волость под Кольской острог того же декабря месяца за два дни до Рождества Христова и к острогу приступали. И божьим милосердьём государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Руси и его царского величества [счастьем]⁵ ис Кольского острога осадные люди на выласках немецких людей побили 60 человек, а живых в острог взяли 30 человек. А достальные немцы Туломою рекою в свою землю побежали.

Того же, 98-го году, июля в⁶. Прислан с Москвы в Соловецкой монастырь пан Савастьян Кобельской, а с ним 5 человек литвы.

Того же, 98-го году, августа в 7 день. Прислал царь в государь и великий князь Федор Иванович всеа Руси с Москвы в Соловецкой монастырь голову Ивана Михайловича Яхонтова да с ним детей боярских Иева Изъединова да Петра Постелникова, да сотника стрелецкого Семена Юренева, а с ним 100 человек московских стрельцов. Да с Ываном же съ Яхонтовым было 500 человек каргопольских ратных людей и жили в монастыре всю осень до Покрова святых богородицы, а с Покрова выехали на берег в Шую в Корельскую стояти.

---

⁵ Восстановлено по рукописи ГПБ, Сол. 877/987.

⁶ Далее оставлено место для числа.

А Смирной Шокуров, пришед из Каенских немецъ, годовал в Сумском остроге, а с ним атаман черкаской Василей Халетцкый да 40 человек черкас.

^аРодословие великих князей русских. Рюрик роди Игоря; Игорь же поят собе жену девицу младу от Плескова именем Ольгу и родиста Святослава; Святослав роди Володимира Великаго, иже крести Рускую землю в лето 6497, в 9-е лето княжения своего; Володимир роди Ярослава, его же грамота пошлинная в Великом Новеграде; Ярослав роди Всеволода; Всеволод роди Юрья; Юрий роди Всеволода Великого Гнезда; Всеволод роди Ярослава; Ярослав роди Александра Храброго; Александр роди Данила московского; Данил роди Ивана, иже исправи Рускую землю от татей и от разбойников; Иван роди Семиона; Симеон роди Ивана; Иван роди Дмитрея; Дмитрия роди Василя; Василей роди Василья, сего князь Дмитрей Шемяка ослепил; Василей роди Ивана; Иван роди Ивана и Василя; Иван роди Дмитрея; по Дмитреи по братане княжи Василий; Василий роди Ивана и преставися лета 7042-го, а Иван младенец остана 4-х лет и трех месяц^б.

^вВ лето 7106-го. Генваря в 6 день, в пяток, в ночи против суботы, на память честнаго и славнаго пророка и предтечи крестителя господня Иоанна честнаго его собора, преставися государь царь и великий князь Феодор Иванович всеа Русии, а сидел на царстве 13 лет и 7 месяц и 6 дней; а Московское царство и все государства Росийскаго царства приказал правити шурина своему конюшему и боярину Борису Федоровичю Годунову.

И сяде на Московском царстве и на всех государствах Росийскаго царства Борис Федорович Годунов в лето 7107-го, сентября в 3 день, потому что после царя и великаго князя Федора Ивановича всеа Русии детей не осталось. А царевичь Дмитрей и с матерью царицею Мариєю, и с Нагими был на уделе на Углече при брате своем при царе Феодоре. И Борис Федорович Годунов еще при царе Феодоре в лето 7099-го году царевичя Дмитрея велел убити Микитке Качалову да Данилку Битяговскому. И они по Борисову веленью царевичя Дмитрея убили. И погребли его на Углече.

---

^а Листы 78 и 78 об. оставлены пустыми.

^б «Родословие» писано особым почерком (им же сделаны приписки на л. 34, 34 об., 35).

^в Сл. 79 текст писан новым почерком на другой бумаге.

И в лето 7113-го збежал с Москвы чернецъ вор, что был диакон в Чюдове монастыре, Гришка Замятнин сын Отрепьева, и ростригся в Литве и назвался царевичем Дмитрием углецьким, которой убит по Борисову веленью, будось убили в его место иного, а он соблюден. И собрався с литовскими людьми и з донскими казаки, пришол в Сиверские города в Чернигов и в Путимль, и в ыные города. И сиверские мужики и всякие люди чаяли, что он прямой царевичъ Дмитрей, и учили ему города здавати и, воевод перевязав, к нему отвозити. И учал тот Рострига жити в Путимле, и всею Сиверою учал владети и польскими города. И того же году Бориса царя не стало.

И бояря, и дворяня, и дети боярские, и гости, и торговые всякие черные люди начаявся, что он прямой царевич, Гришка Рострига, и взяли ево на Московское государство. И Гришка с Тулы прислал бояр князя Василья Голицына да князя Василья Мосальского, да печатника своего дияка Богдана Сутупова и велел Борисову царицу Марью и сына ево царевича Феодора задавити. И они по Гришкину веленью их велели удавити. И удавя их и Бориса выняв ис церкви архагге[л]а Михаила, всех их схоронили на Стретенской улице в Вознесенском девиче монастыре просто, аки простых мирских людей. А сам Рострига, приехав к Москве, сел на Московском царстве. И сперва прелестию своею всех людей учал любить и жаловать и росправу чинити. И послал в Литву диака Офонася Власьева к сендомирскому воеводе к Юрью Мнишку по дочь ево по Марину. И как из Литвы сердомирской воевода Юрьи з дочью своею и з сыном со князем Костентином Вишневецким, и с ыными со многими людьми с литовскими приехали к Москве, и Рострига учал ересь свою проявливати, женился на сердомирсково дочери, не крестив ея, и в пречистую Богородицу соборную церковь литовским людем, ляхом и угряном и лютором, велел ходити невозбранно в церкви, и московских боляр и лутчих людей хотел всех побити, а города все хотел роздать литве. И московские люди, видя такую в нем ересь, что хочет веру хрестьянскую разорити, и всем миром ево убили и сожгли во 114-м году; а был на царстве один год.

А на Московское царство выбрали и излюбили всею землею от колена русских великих князей и царей, что пошли от великаго князя Александрова брата Невскаго, от князя Андрея Ярославича, суждальского княженья, боярина князя Василья Ива-

новича Шуйскаго. И сяде на Москве и на всей земли Росийскаго царства на царстве царь и великий князь Василей Иванович, всеа Русии самодержец, в лето 7114-го июня в^а день.

И посла государь и великий князь Василей Иванович всеа Русии на Углич ростовского митрополита Филарета Романо-ва да бояр своих князя Ивана Михайловича Воротынского да Петра Никитича Шереметева, а велел царевича Дмитрея с Углича мощи привести к Москве. И митрополит ростовский Филарет и бояре князь Иван Воротынской да Петр Шереметев царевича Дмитрея тело обрели цело и нетленно, но током^б земли часть отдана, и привезли к Москве. И положен в раку в церкви собора архангила Михаила, у праваго столпа, и приходящим с верою подает исцеления^в.

---

^а Далее оставлено место для числа.

^б В рукописи: тотмо.

^в Остальная часть л. 82 об. оставлена чистой. На л. 83 запись другим почерком: Месяца декабря в 23 день преставился преосвященный митрополит Филипп московский и всеа Русии во Твери, в Отроче монастыре, в лето 7078-го. И принесены честныя его мощи из Твери из Отроча монастыря игуменом Ияковом того же Соловецкого монастыря в лето 7099-го повеле-нием царя государя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии и по-ложены под папертию преподобных отец наших Зосимы и Саватия чюдотворцев подле старца келейнаго священника Ионы, пореклому Шамина.

---

12. Летопись Сибирская краткая Кунгурская

дна из Сибирских летописей, дошла до нас в составе Истории Сибирской С. У. Ремизова (БАН, 16.16.5.). Публикуется по изданию: Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга вторая. М., 1989. С. 575–582. Звездочкой отмечены чтения, восстановленные по другому списку.

*Начало заворуя¹ Ермака Тимофеева сына Поволскаго. Въ 7085 и 6-м (1577-8) годех воевал и разбивалъ на Оке и Волге и на море суды и катарги, торговых караваны в скопъ съ 5000 человекъ, хотя итти в Кызылбаши для своей власти з донскими и еицкими. И прежде в тѣ лѣта промчеса воровской слух его в Руси, в Казане и в Астрахане, и что кызылбашскихъ послов пограбили Ермачко именем со многими людьми, у него ж было в скопъ на морь 7000 человекъ. И то ж 86-го октября 1 день послан указ от великого государя со столником Иваном Мурашкиным по дороге и в Астрахань: гдѣ техъ воровъ ни застанет, тут пытать, казнить и вешать.

Ермак же советом з дружиною услыша грозное слово и дѣло августа въ 29 числа, и с возвратом здумали бѣжать в Сибирь разбивать, обратя струги по Волге и по Каме вверхъ. И тот ихъ государевъ указ на станах не засталъ, а коихъ схватили, тѣхъ и приказнили, и кои с ними думали. Ермака же и собрание воьводы не толико взяти, но и подумать — сами бѣжали прочь. И сентября 26 день объмишенилися², не попали по Чюсовой в Сибирь и прогребли по Сылве верхъ и в заморозъ дошли до урочиша, Ермакова городища нынѣ словет; и идучи у жителей обира хлѣбы и запасы и тут зимовали, и по за Камени вогуличъ воъвали и обогатели, а хлѣбомъ кормилися от Максима Строганова. И в походъ ходиша на вогуличей 300 человекъ и возвратишася з богатством в дома своя и на подъемъ в Сибирь и к тому приправиша вдоволь лѣгкихъ стругъ с припасы.

И маяя въ 9 день *доспѣли обьщанием³ часовню на городищи том во имя Николы чюдотворца. *Овии же поплыша с Ермакомъ вниз по Сылвѣ до усть Чюсовой, овии⁴ ж остася на городищи том с женами и з детми, вѣчно осѣлишася. Ермак же з дружиною у усть Чюсовой, взявши у Максима запас на проемъ 5000 человеком и ружье, и молитъствова. Въ 87 (1579) июня 12 день поидоша по Чюсовой вверхъ до Тагилскаго волока з боем, и вожи⁵ ему были зыряне — добрии змерли, а иные бѣжали, а не знающие не попали въ Серебренку в устье, прошли выше в вершину и многие

---

¹ Появление разбойника (удальца).

² ошиблись.

³ устроили по обету.

⁴ Один...

⁵ проводники.

мѣшкоты¹ в повороте до самой осени. И дошедъ Серебренки идоша и тяжелые суды покинуша на Серебренке и лѣгкие струги таскали чрез волокъ на Тагиль рѣку; и на Бую городище зимовали и кормилися вогуличами птицею, рыбою и звериемъ, яко ж и они. И многие бои улусы ихъ погромили и рухледи много взяли, и многие суды легкіе вновь dospѣли довольно. И тѣ старыя, гдѣ они лѣжатъ, сквозь ихъ дна дерева проросли.

И въ 87-мъ вниде в слухъ к самодержцу государю Ивану Васильевичу, что Максимъ Строгановъ тѣхъ пресловущихъ воровъ Ермачка Поволскаго с товарищи з запасы и с ружьемъ отпустилъ, и о томъ к Максиму об отпуске воровъ слово писано в грамотѣ сиче: «Мужикъ, помни, да какъ ты с такимъ великимъ и полномочнымъ сосѣдомъ ссоришь, и какая *несостоятельная спона² межъ нами учинится, и нѣ выдаешь, что я тебѣ за то учиню; а ежели доброе что в такомъ случае учинится бѣзпороочно³, не ведаешь, чѣмъ ты со своими пожалованъ будешь в твоёмъ опасеніи». И то писаніе Максимъ радостно с печалию принялъ и прочелъ слѣзно, а къ Ермаку в кровопролитіи его невмѣстно⁴ писать и не смелъ. Точно слыхомъ отъ приходящихъ пренесенъ слово, како в войнствѣ и о всемъ слышно ему в удачѣ, и о томъ веселяшеся ему не всуе туне: запасъ и ружье, и подмогъ, и пушки далъ в отпускъ. А в походъ Ермакъ на струги дружине своей у Максима взиная с пристрастіемъ, а не вовсе в честь или взаимы, но убити хотѣша и жита его разграбить, домъ его и при немъ живущихъ разорити в конецъ, и приступи къ Максиму гызомъ⁵. Максимъ же увѣщеваше ихъ богомъ и государемъ, что числомъ имъ запасовъ дати и о томъ прося у нихъ кабалы — егда возвратитесь, на комъ те припасы по цѣнѣ взяти, и кто отдастъ точно или с лихвою. Изъ нихъ же войска паче всехъ Иванъ Колцевъ съ есаулы крикнуша: «О мужикъ, не знаешь ли — ты и теперѣ мертвъ, возьмемъ тя и ростреляемъ по клоку, дай намъ на росписку по имению на струги, по артелю 5000, по имению на всякаго человека по 3 фунта пороху и свинцу и ружья, три полковыя пушки, по 3 пуда муки ржаной, по пуду сухарей, по два

---

¹ задержки.

² напрасная вражда.

³ безъ дурной славы.

⁴ не годится.

⁵ с бранью (угрозами).

пуда круп и тѣтокна, по пуду соли и *двум полоти¹, колико масла пудовъ, и знамена полковые с ыконами, всякому сту² по знамени».

Максим же страхом одержимъ и с подданными своими отворилъ анбары хлѣбные, и по именомъ полковыхъ писарей и въсомъ успевающе, дающе день и ношь коемуждо по запросу числом на струги. И струги ихъ грузу снимать не стали и под бѣрегом тонути. Они же приправили набой, излегчили принимать запасовъ помене по стругам, и управишася вси по совету в путь свой июня в 13 день смиренно, и обеща-ся вси Максиму: «Аще богъ управитъ путь намъ в добыче и здравии имать быти, заплатим и наградимъ по возвращении нашемъ; аще ли же избиени будемъ, да помянет нас любовь твоя в вѣчном успѣнии; а чаемъ возвращеня ко отцамъ своимъ и матерямъ». На городище же Ермаковъ с женами зыряне и книги ихъ писарей и память жилья ихъ, кто имени и отчествомъ домовъ³, и донынѣ у Строганова в казне взыскуется.

Было у Ермака: два сверсника — Иван Колцевъ, Иван Гроза; Богдан Брязга и выборныхъ есауловъ 4 человека, тож и полковыхъ писарей, трубачи и сурначи⁴, литавръшики и барабаншики, сотники и пятидесятники, и десятники с рядовыми и знаменшики чином, да три попа, да старецъ бродяга, ходилъ бѣзъ черныхъ ризъ, а правило правилъ и каши варилъ, и припасы зналъ, и кругъ церковный справно знал. И указъ на преступление чинили жѣгутами, а хто подумаетъ ототти от нихъ и изменить, не хотя быти, и тому по-донски указъ: насыпавъ песку в пазуху и посадя в мешокъ — в воду. И темъ у Ермака вси укрепилися, а болши 20 человекъ с пескомъ и камениемъ в Сылве угружены. Блуд же и нечистота в нихъ в великомъ запрещении и мерска, а согрѣшившаго объмывши 3 дни держать на чепахъ.

87 году, бывше Ермаку з дружиною и виде многое собрание кучумовское стояще на Карачине озере обще и въ зборе, аки вода колыбащеся, и згониша с острова мурзу Карачю августа въ 1 день. И восхотѣша возвратитися въспять в Русь, и погрѣбоша вверхъ по Тавде рѣке, воюя с устия вверхъ обои Красноярскую и Калымскую волости и Лабутана со

---

¹ две половины туши сушеного мяса.

² сотне.

³ домочадцевъ.

⁴ дудари.

княжцы, и со всеми бзотьступно бишася и бзвозвратно до Паченки. И ту великий бой бысть, и раниша многих казаковъ, их же татаръ прибиша до единого, и Печенега княжца убиша, и наполниша трупом озеро, и то словеть и до нынѣ Банное Поганое, полно костѣй человеческих.

И оттоле погрѣбоша вверхъ по Тавдѣ, августа 6 день в Кошуни. Приидоша х Кошуку князю Ворлякову, и поймали перваго есаула Ичимка и допросиша: «Есть ли боевые люди?». Он же вся возвестилъ Ермаку. Ермакъ же овыхъ из нихъ убилъ и есакъ взялъ. Нападе же на нихъ страх велий, и приходяще кланяхуся съ есакомъ, и все тѣ волости и с Чандыри покорилъ боемъ и дороволно со старейшинами ихъ.

И в Чандырскомъ городке великое *болванское моление, что ихъ абыз шейтаншикъ могуще демоном чинити дива¹ призываниемъ жертвъ ихъ: проклятаго связавше крепко и уткнуть саблею или ножемъ в брюхо скрозъ и держать связана, дондеже по вопросу всемъ скажетъ. И тогда выдернуть из него ножъ или саблю, шейтаншикъ же став, наточит² пригоршни крови своей, выпьетъ и вымажется, будет весь цѣль, что и язвъ не знать.

И про возвратъ Ермаку тот же шейтаншикъ сказалъ, что воротится на Карачино озеро зимовать и доидетъ до пелымского княжца, а «чрез Камень, де, хотя и думаешь, не пойдешь, и дороги нѣтъ, а поворотишься и побѣдишь Кучюма и царство возмешь». И о томъ идолское пророчество збылося, а о смерти его не сказалъ. И взялъ есакъ, ехалъ. И идоша до городка Табаринца Бия, и ту бой на малые часы, потому что Ермакъ не становился долго и ворочатся за ясаком — что мимоходомъ урвалъ, то и наша добыча. И ту убиша багатыря две сажени высоты и хотѣша жива свѣсти с собою, но не дался — ухватом человекъ десять загребъть и давить, и того застрелиша на чудо.

И доидоша до Пелымскаго княжца Патлика и с нимъ велий бой починиша за многолюдство и пустой шумъ, ибо толико отобралися одне мужики на бой, а жены ихъ и дѣти свезены в разстояние на Конду рѣку в урочище неприступное, и едины бойцы оставшася у рыбиныхъ ловль. И техъ Ермакъ с таварищи прибили до единого. И по допросомъ пути

---

¹ языческое мольбище, где их нечестивый шаман может с помощью демона творить чудеса.

² нацедит.

нет за Камень в Русь. Возвратившася вниз по Тавдѣ октября 4 день, обирающе хлѣбъ въ ясак, провадиша в зимовье Карачинское со многими припасы сушеными и привозшиков, отпустиша ихъ восвояси. И тотъ збор — первой ясачной хлѣбъ в Тоболску. И донынѣ хлѣбъ и денги и куны те — в мѣстѣ Ермакова прибору¹.

И приѣхали на Карачино ноября 8 день и всегда покушавшеся напустить на Кучюма, и час воли божий по урадомъ² не дошелъ, вси быша во опасении, и тако в помыслехъ и в походахъ озимеша³, бѣруще ясакъ, рыбу и мяса на пропитание, скрывающе в улусехъ.

90 (1582), марта 5 день, послаша Ермакъ вниз по Иртышу рѣкъ в Демьянские и в Назымские городки и волости пятидесятника Богдана Брызгу с пятьюдесятью человеки все Назымские волости пленить и привести к вѣре, и собрать ясак вдоволь розкладом поголовно. И приѣхавъ в первую Аремзянскую волость, и городок крѣпкий взял боемъ, и многихъ лутчихъ мергеней⁴ повѣсилъ за ногу, и розстрелялъ, и ясак собралъ за саблю, и положилъ на столъ кровавую, и велелъ вѣрно цѣловати за государя царя, чтобъ имъ служить и ясак платить по вся годы, а не изменить. И взяли у нихъ в Сибирь ясакъ и запас хлѣба, и рыбы, и отослали в городъ. И того страху вси иноземцы ужаснулись. И за страхъ грозы не смели не токмо руки поднять, ниже слова молвить во всей волости Надцынской. И добралися до Тургайскаго городища, и собранные ту учинили с ними бой, и того же часа побѣждены суть, и с князьков ихъ и с начальныхъ со всехъ ясакъ взять вскорѣ.

И доѣхали конми до усть Дѣмьянки рѣки, до болшево ихъ зборнаго княжца Демаяна. И город ихъ великъ и крепокъ, и в зборе 2000 татар и вогуличъ, и остяков. Приступали по три дни, не могли попасть в крѣпость горы, и хотяше возвратиться и думали: «Какъ взять, и се роспутица ходу и голодъ близъ». И спрашивали у тѣхъ, кои приехали с ними в подводахъ и с есаком, како молятся. Един же в нихъ, чювашенинъ, был у Кучюма рускаго полону, сказалъ: «Молятся де они рускому богу, и тотъ дѣ руской богъ литой золотой в чаше сѣдитъ. И в ту

---

¹ поборов.

² Здесь: назначенный.

³ провели зиму.

⁴ стрелков из лука.

де чашу, наливши воды, пьютъ и зовутъ его Христомъ, а ска-
зываютъ де, привезен от Владимерова крещения, и для того
живутъ смѣло. Отпустите де меня к нимъ, и я дѣ могу его
унести, и что они думаютъ, скажу вам всё».

И в вечеръ дни пошелъ, и по утру рано в табары пришелъ,
сказалъ: «Ворожать де и говорить: лутче де намъ здатся живымъ, —
и на том де у нихъ и положено. А бога де ихъ взять не могъ,
против де его вси сидятъ и молятся и стоятъ, а он де поставлен
на столъ и кругом горит жир, и курятся серою, аки в ковше».

Егда же начахомъ приступати ань¹ на косогор, они же
видя, мнози разбѣгошася с роды в дома своя, иных князей
Романа Славнаго; и ту в городкъ шерстовали² — и есакъ взя-
ли и весновали³, а мольбища не сыскали.

И по полъ воде dospѣли себѣ лѣгкие струги, и поплыша
вниз, с покорныхъ бѣруще ясакъ. Романъ же, князецъ ихъ
лутчей, бѣжалъ с жилья своего вверхъ по Ковдѣ к Пелыми с
родомъ своимъ лыжами и нартами. Егда же доплыша Рачева
городища, и ту котелние⁴ шейтанъшики — збиратели со всехъ
юртъ на молбише къ шейтану Рачю, и въ зборе ихъ мно-
гое, — вси утекоша в лѣсъ до единаго, в частой ельникъ, и
жертву⁵ покинуша всю; и ждаша сутки и не дождався, ѣхали,
собираючи ясакъ.

Прочие же скопишася между дву мысов горы Иртыша выше
Цыньялы рѣки, злобящеся⁶ в ускомъ мѣсте, мняще, что богъ
их, казаков, стругами не пропустит далѣ ѣхать вниз, ту оста-
новить, да побьютъ всехъ. И умыслиша в ущине⁷ оружье себѣ
коварно, крюки и укрюки, засѣку и вѣревки, да удержать.
Богдан же с товарищи, слыша скопъ ихъ злѣ, остановишася и
мольбѣствоваша. И на исходе солнца пустишася на поплавъ и
доплыша ту быстрины; остяцы же крюками своими и укрю-
ками хотя хапати, они ж удариша вкругъ из ружья на обе
стороны, и повалишася, собою мятуще друг друга. И проплы-
ша до Цыньялы и Нарымскаго городка, а в городке точию
жены ихъ и дѣти и от страха омертвѣша, плача, крыча и бѣгая.

---

¹ аж, прямо.

² присягали на подданство.

³ пережидали весну, охотясь (промышляли).

⁴ артельные.

⁵ жертвоприношения.

⁶ мечтая об отмщении.

⁷ в теснине.

Тии же вымышленники¹ в вечеру приходяще едѣнъ по единому, оглядаяся и виде, яко не быють жен ихъ и детей, точию ласкают, во утрии собираются съ вси. Овии же разыдошася, оставшіе же любѣзно данью и есакомъ поклонишася.

Прияше же ясакъ майя въ 9 день и поплыша вниз до Колпуховы волости и сотника ихъ и молбища шейтанскаго, и учиниша бой часа съ три, и видѣша убиенныхъ, и здашася, и ясакъ даша доволно. И того числа поплыша до Колпухова городка, бѣруще ясакъ зъ боемъ и бѣзъ бою. И майя въ 20 день доплыша до Самара князца, и ту в сборе 8 князцовъ, ждуще побити силою. Богданъ же съ таварищи, моляся богу, в день неделный приплыша протокою под самой Самаръ, и засташа многихъ остяковъ на карауле спящихъ твердо бѣзъ опасения. Егда же на стоящихъ удариша из ружья и убиша князца Самару и съ родомъ его, прочіе же в собрании в разбѣхъ разлучишася по своимъ жильямъ. А жителей осталось малое число, и принесоша ясакъ съ поклономъ и шерстоваша ту. Богданъ же поживъ неделю и поставиша князя болшого Алачея болшимъ, яко богата суша, и отпустиша со своими честно.

И оттоль поидоша на Обь и виде много пустово места и жилья мало, и присташа на Бѣлогорье; ту бо у нихъ молбище болшее богыне древней: нага съ сыномъ на стулъ сѣдѣющая; приемлюще дары отъ своихъ, и дающе ей статки во всякомъ промысле, а еже кто по обѣту не дастъ, мучить и томить, а хто принесеть жалючи къ ней, тотъ предъ нею падъ умереть, имѣяше бо жречіе и сѣздъ великій. Егда же вниде имъ в слухъ приездъ Богдана, велела спрятатися и всемъ бѣжати, и многое собрание кумирское спряташа и до сего дни.

Богданъ же виде пустоту жилья, и размыслиша съ таварищи ѣхать даль не по што, а возвратишася, пождавъ на мѣсте три дни, в Сибирь градъ. А кои бои и были по дорогѣ, на низъ пловчи, и техъ всехъ описать трудно подробну: вои убитыхъ нѣтъ, а раненыхъ — каждой многаши. И приѣхали в радости майя 29 день съ есакомъ, и вѣдучи по погромленнымъ городкамъ, смотря. Мнози утвердишася жити постоянно во всемъ покорни, стречаше и провожающе казаковъ и съ провожатыми — честно, а егда же приносяще ясакъ, и приемъшики

---

¹ искусные мастера.

вси в наряде — в цветномъ платьѣ, чтуще честь, царскаго величества славу. И со зборщиками доѣхавши къ Ермаку здраво и в честности, в радости вси прославиша бога.

По взятии Сибири 92-го (1584), августа 6 день, по въдомости¹ оманшиков, поѣхали Ермакъ с казаки с тремя сты человекъ стретить прикочевныхъ бухарцовъ со многими та-вары, а Кучюмъ де стоитъ дальче в урочище Вагая рѣки. Егда же поидоша вверхъ по Иртышу, и все волости покорни бѣша во всем, а слыху никакова о Кучюме и бухарцахъ не обретоша. И прогребли вверхъ по Иртышу до Сартезеря и до болшого князя Бѣгиша Княжѣва городка и ту учиниша великий бой со зборными тотары и с карачинцы; у Бѣгиша же две пушки железные из Казани привѣзены, их же казаки умолвиша², и не могоша лунуть³ на казаков вдругорядъ, и спехнуша ихъ прямо в Ыртышъ под гору; и ту прибиша всехъ съ ярости бѣз остатку, а малое число утекли; и взяша имения много и закопаша в погрѣбы с пожитки. И погребоша к Шамше и Крянчикам, и в Салахе бѣша малой бой; и погрѣбоша в Каурдакъ, ту бо татары вси спряташася в темной ельникъ и болота; и догрѣбоша до старости древняго поставления царя Саргачика Ишимскаго, и з боем взяша его, смиряюще.

И оттоль до Тебѣнди, словет нижней городок князка Елыгая, и тут есаулъ в малолюдстве; и слыша и виде, что Ермакъ покорных не убиваетъ, принесли дары и есак, что яко прежде требовалъ что доброе в честь; и привел ему прекрасную дочь свою в честь и в дар, Ермак же не приял и отверг и прочимъ запретилъ, ея же доступалъ Кучюмъ за сына своего взяти, та бо девка роду ханска Саргачика царя прекрасна. И оттоль погрѣбли до усть Ишиму, и на усть Ишиму бой великой, яко не оружьемъ, но руками, кто кого можетъ, и в том бою убито ермаковыхъ казаковъ 5 человекъ, и одолѣша бурсурманъ, а своихъ погрѣбоша. И от тѣхъ пяти человекахъ татара поють с плачемъ при бѣседахъ в пѣсняхъ, припѣваячи: «Яным, яным, бишь казак, бишь казак», — сиречь: «Воины, воины пять, пять человекъ победиша и разориша». И сия песня ихъ словет царицынъ плачь.

---

¹ по сообщению.

² заставили умолкнуть.

³ выстрелить.

И оттоль ѡхаша в городок Кулары, и той опасной край-ной¹ кучюмовской от калмыкъ, и во всемъ верхъ Иртыша крѣпче его нет. И того Ермак, приступающе 5 дней, взяти не могъ, и оставилъ, говоря: «Назад де воротятся прибѣремъ». И погрѣбоша к Ташатканскому городку. И в томъ городкѣ спалъ камень с небеси, вѣличество как бы воз с санми, видом багров, и от него де временемъ возходит стужа, дождь и снѣгъ; и о семъ Ермакъ с товариши дивилися божию дѣянію. Сущи же жители во всемъ покорны и, еже требовалъ Ермак, всё отдали, потому что застращаны и бои вси на Сибири и под Чюваши видѣли, и бѣжали к сродичемъ, ту живущим. И размышляюще вси, яко не слыхали о Кучюме и бухарцахъ николи, и гдѣ бы вѣсть перенять.

И поидоша до усть Шиштамаму и ту конечно обретоша бѣглецовъ и карачинцовъ, и кои бѣглецы были у Ермаку в полону, узнали его, что у него в стану жили. И та словеть волость жителей — туралинцы. И видѣша вси, яко зѣло скудни, и ничимъ ихъ вредиша. И оттоль возвратишася на низ вскорости. И в Ташаткане сказали имъ, что пришли бухарцы в Сибирь, погребаючи все городки и волости до уть Вагаю реки. И погрѣбоша вверхъ по Вагаю реке с поспѣшениемъ до Агитъскаго городка в трудности, и ничто же обретоша, ни слыху, ни виду видѣша. И изождавъ, поворотилися вниз до устья и остановилися, * не внимая назирателя² Кучюма и Карачи, *вѣдомыхъ воровъ³, стояще в прикрыть за речкою в трехъ верстахъ и менши, в темномъ дикомъ суземь⁴, при речке крутой и топкой велми. По ней же Кучюмъ учинилъ бродъ широкой, какъ в три или в четыре тѣлеги проѣхать, в одномъ мѣсте камнемъ и пескомъ засыпалъ плотно, а хто не угодаеть, утопаеть.

---

¹ пограничный.

² не остерегаясь караула;

³ известныхъ злодеев;

⁴ дремучемъ лесу.

---

13. Новый летописец (начало и последние главы)

Памятник русского летописания первой трети XVII в. В нем излагаются события с конца царствования Ивана IV до 1630 г. Составлен в окружении патриарха Филарета. Известен во множестве списков. Публикуется по изданию: ПСРЛ. Т. 14. Новый летописец М., 2000. С. 33, 154.

Книга глаголемая Н^овой^а Л^ьтописецъ. Степень¹ царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русіи, въ нейже сперва степени немногіе главы царя и великого князя Ивана Василіевича всеа Русіи; вначаль убо книги о взятии царства Сибирского; нача писати съ 92 году и донынѣ.

1. Отъ царствующаго града Москвы на восточную страну есть царство рекомое Сибирское, въ немъже живяше царь Кучюмъ²; въра же ихъ бусарманская Мааметева закону, а иные языцы кумиромъ служаху и идоломъ поклоняхуся, а иные жъ Чюдъ⁶ заблудящая³, въры и закону не знаху; отсюду жъ начахомъ глаголати, како покори Богъ подъ руку царству Московскому. Есть бо на полуденную страну рѣка глаголемая Донъ, на немъже живяху казаки; отъ Дону же не въ дальнемъ растояніи рѣка глаголемая Волга, на нейже казаки живяху и вороваху много по Волзѣ и по инымъ рѣкамъ: овогда суды государевы громяху, овогда же пословъ Козыдбажскихъ и Бухарцовъ и иныхъ многихъ громяху и побиваху. Царь же Иванъ, видя ихъ воровство и злое непокорство, посла на нихъ воеводъ своихъ и повелъ ихъ тамъ имати и вышати; многихъ же имающе и казняху, а иные же, аки волки разбѣжашася. По Волгѣ жъ вверхъ отъ нихъ побѣгоша шестьсотъ человекъ по присылкѣ Максима Строгонова, въ нихъже старѣйшина атаманъ рекомый Ермакъ⁴ и иные многіе атаманы. И доидоша до рѣки до Камы и Камою вверхъ дошли⁵ до Чесовой⁶ до вотчины Строгоновыхъ. Тутъ же респросаху тутошныхъ живущихъ людей, х которому государству та земля подошла; они же повѣдаша имъ: «есть де отсюду не въ дальномъ разстояніи рекомое царство Сибирское, въ немъже живетъ царь Кучюмъ». Той же Ермакъ изготова себѣ запасу и взявъ съ собою тутошныхъ людей 50 человекъ и поиде рѣкою Серебряною вверхъ, и переволокли суды въ рѣку въ Тагиль,

---

^а ново БТ.

¹ степень НТ.

² кукучюмъ во всехъ спискахъ.

⁶ чють Б; чютъ Т.

³ заблудящая Н.

⁴ иермакъ Н; иерьмакъ ВТ.

⁵ вошли НТ.

⁶ чесово НТ.

и доиде до рѣки Туры, а рѣкою Турою доиде до рѣки Тоболу¹, а Тоболою доиде до рѣки Иртиши, а рѣкою Иртишею доиде до городка, гдѣ кочеваль царь Кучюмъ, и прииде подѣ то царство Сибирское. И быша съ ними бои по многи дни, и Божіимъ изволеніемъ взяша царство Сибирское, царь же Кучюмъ побѣжа, царицу жѣ ево и царевичевъ взяша. Си же Ермакъ сяде въ царствѣ Сибирскомъ, ко царю же къ Москвѣ посла съ сеунчемъ² казаковъ пятидесять человекъ, — а царь Иванъ Василіевичъ уже преставись, — а самъ нача подводити подѣ царскую руку всю Сибирскую землю и иные многіе государства: которые покорятца государю, и тѣхъ приводиль³ къ шерти; а которые не покорятца, и тѣхъ плѣняше и побиваше. Государь же царь Феодоръ тѣхъ сеучюковъ пожаловаль, а съ нимъ послаль воеводѣ своихъ князя Семена Болховского да Ивана Глухова, и къ тому Ермаку и къ отаманомъ и⁶ казакомъ посла съ своимъ государевымъ съ великимъ жалованьемъ; а къ Ермаку повелѣ государь написати не отаманомъ, но княземъ Сибирскимъ. И воеводы князь Семена Болховского въ Сибири не стало.

2. О побѣ, како уби^в Ермака и казаковъ, и о памяти Сибири. Прииде вѣсть къ воеводѣ и къ Ермаку, что идутъ въ Сибирь съ торгомъ Бухарцы. Ермакъ же взявъ съ собою атамана Ивана Колца и казаковъ полтора ста человекъ и поиде противъ Бухарцовъ къ рѣкъ къ Вохаю...

Государь же Кизыльбашскихъ пословъ пожаловаль и отпусти^г ихъ къ шаху, а съ ними посла пословъ своихъ: Андрѣя Осиповича Плещеева, да дѣяка Микифора Палицына², а на пословъ, на князь Григорья Тюфякина, государь положиль опалу и помѣстья и вотчины повелѣ государь роздати въ роздачу.

419. О роженіи государь царевичъ князь Алексѣй Михайловичъ. Въ лѣто 7137-го году, Марта въ 17 день, родися у государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русіи сынъ, благочестивый царевичъ князь Алексѣй Михаи-

---

¹ тоболу *поправлено в Н из тоболу*; тоболу БТ.

² сеунчем *поправлено в Н из сеунчеюкомъ*; сеунчыкомъ БТ.

³ проводил БТ.

⁶ и х Б; и к Т.

^в убш БТ.

^г отпусти Т.

² талызина БТ.

ловичъ всеа Русіи, и крещень бысть въ Чюдовъ монастырь, а крести ево государя самъ святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всеа Русіи, а отецъ кресной — Троицкой келарь Александръ.

420. О Свицкихъ послахъ къ Москвѣ. Придоша ко государю Свицкіе послы отъ короля Густава Адольфа съ тѣмъ, чтобъ государь съ нимъ стоялъ на Литовскаго короля. Государь же ему повелѣь отказать, что съ королемъ Литовскимъ въ миру; а въ крестіанскомъ государствѣ тово не повелосѣ, что нарушити крестное цѣлованье. А какъ перемирные лѣта выдутъ, и государь тотчасъ не потерпитъ своему недругу.

421. О пожарѣхъ Московскихъ. Премилостивый же и прещедрый человеколюбивый Господь Богъ нашъ, не хотя созданія Своего до конца потребити, видѣя человеческое поползеніе ко грѣху, и того ради всячески и отвращая насъ и отводя отъ всякихъ неподобныхъ студодѣяній и многоразличными образы и грозными знаменѣи яростно устрашая^а насъ и воспрещая съ милостивымъ^б наказаніемъ, наставляя насъ на путь заповедей святыхъ Его, бысть въ лѣто 7137-го году, бывшу пожару великому на Москвѣ; загорѣся въ Чертольѣ и выгоре по самую Тверскую улицу, и за Бѣлымъ городомъ погорѣша слободы. Послѣ же того загорѣся на другой сторонѣ Неглинны на Покровкѣ у Николы у Столпа, и въ вѣвыхъ многихъ^в мѣстехъ бывшу вѣлю пожару. Того же лѣта бывшу вихру великому и дождю^г и грому^д и молнію бывши вѣлю, и со многихъ храмовъ главы и кресты сорва и хоромы многіе^е ломаше и съ мѣста на мѣсто переносаше.

422. О роженіи царевны Анны Михайловны. Въ лѣто 7138 го году, мѣсяца іюля въ 14 день, родися у государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русіи¹...

^а устрошая Б.

^б милостивымъ БТ.

^в во многихъ БТ.

^г дожду БТ.

^д граму БТ.

^е многія Б.

¹ *Здѣсь обрывается текст Новаго летописца во всехъ, принятыхъ въ изданіи, спискахъ.*

---

14. Мазуринский летописец (начало, 1678–1682 гг.).

Памятник русского летописания XVII в., известен в одном списке (РГАДА, Мазур. собр., № 522; рукопись конца XVII в.). Публикуется по изданию: ПСРЛ. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968. С. 11, 173.

**Книга, глаголемая летописец великия земли
росиския, великаго языка словенскаго,
отколе и в кои лета начаша княжити**

Лета от сотворения света 2242-го потоп бысть всей вселенней.

Лето от сотворения света 2244 по потопе во 2-е лето по благословению отца своего Ноя Афету излившуюся на западные страны и на северныя даже и до полунощныя. По мале же времени правнучы Афетовы Скиф, Казардан отлучишася от братии своей и от рода своего от западных стран и коснушася полуденных стран и вселишася во Аексенопonte и живяху тамо многия лета. И от сих породилшася сынове и внуцы, и умножилшася зело, и прозвашася по имени прадеда своего Скифа Скифия Великая. И бысть между ими распря и междоусобие и крамола многа тесноты ради места. Начальнии же их родители тогда княжаху единого отца дети пяточислении, им же имена суть: 1-е Словен, 2-е Русь, 3-е Болгор, 4-е Коман, 5-е Истер. От сих же племяни во время последнее и каган сыроядец искочи, яко же греческая история глаголет. Князем убо скивским Словену и Русу мудростию и храбростию в роде своем всех превозшедшим, и начаша размышляти с подданными своими, глаголюще сице: «Или только всей вселенней, иже под нами ныне, егда несть во жребии праотца нашего Афета еще части земли благии ко вселению человеком угодны, слышахом бо от отцов своих, яко благословил есть праотец наш Ной прадеда нашего Афета частию земли западнаго всего и севернаго и полунощного ветров. И ныне убо, братие и друзи, послушайте совета нашего, оставим вражду нашу и нестроение, иже тесноты ради творится в нас. И подвигнемся убо от земли сея и поидем от рода сего нашего после дней света сущии во жребии прадед наших, иде же нас приведет счастье и по благословению праотца нашего Афета». И любя бысть речь сия Словенова и Русова всем людям.

Лета 2373 Мосох, шестый сын Афетов, внук Ноев, шедши от Вавилонa с племенем своим абие во Азии и Еуропе над берегами Понтискаго или Чорнаго моря, народи московитов от своего имени, и умножшуся народу, поступая день

от дне в полуношныя страны за Чорная моря над Доном и Волгою реками и над озером или отногою морскою Меотис, иде же Дон впадает, в полях широка селеньми своими распространяша.

Лета 3099 Словен и Рус с роды своими отлучишася от Ексинопонта и от роду своего и от братии и хождяху по странам вселенныя, яко крылатии орли прелетаху пустыни многии, ищуще себе места на селение; и во многих местех почивающе и мечюще их, и нигде же не обретоша себе селения. 14 лет пустыя места и страны обхождяху, дондеже дошедша езера некоего великого, Моиска зовомага, последи же Ирмер проименовася во имя сестры их Ирмеры. Тогда волхование повеле им наследником места того быти. И старейший Словен с родом своим и со всеми, иже под рукою его, седе на реце, зовомой тогда Мутная, последи же Волхов проименовася во имя старейшаго сына Словенова, Волхова зовома.

Лета 3113 великий князь Словен поставиша град и именоваша его по имени своем Словенеск, иже ныне зовется Великий Новград, от устья великого езера Ильмера по реце Волхову полтретья поприща. И от того времени новопришельцы скифы начаша именоватися словяня, и реку некую, во Ильмерь впадшую, прозваща во имя жены Словеновы Шелони...

Лета 7186-го ноября в 28 день преставися благочестивая царевна и великая княжна Феодора Алексеевна, и погребена в Вознесенском монастыре з благочестивыми царицами.

Лета 7188-го году июля в 18 день была радость у государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, изволил государь женитися на Семеновай дочери¹ Грушевского на Агафье Семеновне. Тысецкой у государя был².

Лета 7189-го году на Московском государстве бысть знамение велие: на небеси явися против самой Москвы на зимней запад звезда. Величиною она, как и прочии звезды, светлостию же тех звезд светлее, хвост у нее велик, стояще хво-

---

¹ Оставлено чистое места для отчества.

² Далее оставлено чистое место, очевидно, для лиц, присутствующих на свадьбе в тысяцких, дружках и т. п.

стом па Московское государство. От самой же звезды той как пышет. И поиде от звезды хвост узок и от часу нача роспространяться в ширину, яко на поприще. Людие же вси, видя такое знамение, дивяся и недоумевашуся: «Что будет?» Мудрые же люди о той звезде растолковаху, что та звезда на Московское государство стоит хвостом не к доброму делу. Так и учинилася. О той звезде толкуется: как она стоит главою над которым государством, и в том государстве подает бог вся благая и тишину и никатораго мятежю в том государстве не живет. А на кои государства она стоит хвостом, в тех же государствах бывает всякое нестроение и бывает кровное пролитие многое и межуусобныя брани, и войны великие меж ими. Также и збысться в Московском государстве: от стрельцов и от салдатов учинилося смятение великое, бояр порубили и невежеством своим в царские и в царицны и в царевнины хоромы ходили, бояр обыскивали.

Того же году июля в¹ день родися у государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца царевич и великий князь Илья Феодорович всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец; крещен бысть в Чюдове монастыре, а крестил ево, государя, святейший Иоаким, патриарх московский и всеа Руси, отец крестной троецкой келарь.

Того же году июля в¹ день преставися благоверная и христолюбивая царица и великая княгиня Агафья Семионовна, погребена в Вознесенском девиче монастыре, где и прочии царицы погребаются.

Того же году июля в¹ день преставися благоверный государь царевич и великий князь Илья Феодорович всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, погребен в соборе Архангела Михаила Иоакимом, патриархом московским и всеа Руси, и всем освященным собором.

Лета 7190-го году февраля в 15 день о втором законном сочтении браку государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца. Государь царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, поговоря с сестрами своими, з государынями царевнами, похотеша совокупитися второму законному браку. И взя государь за себя

---

¹ Оставлено место для числа.

Матвееву дочь¹ Опраксина Марфу Матвеевну. А на свадьбе были в тысяцких и в друшках, и в свахах, и во всяких чинах прежние, которые были у него, государя, в чинах на прежней радости.

Того же году апреля в 27 день в другонатцатом часу дни преставися государь царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец. Того ж часу избрали на Московское государство царем брата ево, государева, меньшова царевича и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, мимо большова ево брата царевича Иоанна Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца. И крест ему, государю, целоваша бояря и окольничие, п думные, и стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы, и дворяне городовые, и дети боярские, которые в то время были на Москве, и стрельцы, и дворовые, и всяких чинов люди. И на завтрее весь день и до погребения царьского благовест был в большой колокол. А на погребение царское на выносе прежде несоша крест запрестольной да образ пречистыя богородицы запрестольныя, и затем шол патриарх Иоаким со властью и со освещенным собором. И погребоша его, государя, в соборной церкви Архангела Михаила, иде же и прочии цари погребени.

---

¹ Оставлено чистое место для отчества.

**15. Двинской летописец,
пространная редакция (начало, 1696–1702 гг.)**

П амятник провинциального летописания конца XVII — начала XVIII в. Публикуется по изданию: ПСРЛ. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л., 1977. С. 165, 200–201.

II. Пространная редакция

¹-Краткий летописец о двинских жителях, и о наместниках, и судиях, и воеводских и дьячьих приездах.

О двинских жителях. ¹ Жителие убо двиняне ² вначале именовахуся заволоческая чудь. Последи же, реки ради ³ Двины, проименовахуся двиняне. Двина же течет в великое море Студенец ⁴ окиан на полночь тремя устьи: ⁵-1-е Березовое, 2-е Мурманское, 3-е Пудожемское. ⁵ Та бо река Двина начало прияла ⁶ из дву рец тещи, ⁶ рекше из Сухоны и Юга. Тии бо реки снисдошася воедино под ⁷Устюг Великий. ⁷ Бяху же двиняне вначале во владении новгородцов, ⁸последи же ⁹-великих государей московских. ⁹ А в духовном чину ¹⁰-и доныне ведают двинян новгородские митрополиты. ¹⁰ До 190 года, до поставления Афанасия архиепископа Холмогорскаго и Важскаго, ведали двинян владыки новгородские, а ныне полною расправою ведает он, преосвященный архиепископ.

¹¹-, * - О поставлении на Орлеце города. В лето 6850. Лука Варфоломеев, не послушав Новагорода и митрополичья благословения, ¹² -*скопил с собою холопов събоев, поехал за волок на Двину, остави ¹³ город Орлец, и скопив емчан, и взял всю ¹⁴ Заволочскую по Двине, вси погосты на щит. В то ж время сын его Онцыфор отходил на Вагу; Лука же в двух стах человек выехал воевать ¹⁵-на волочане, ¹⁵ ево убиша. И прииде весть в Новгород, что Лука убиен бысть, а возмаша

---

¹⁻¹ БАН II, БАН IV, Л II, ГИМ I Летописец вкратце. Списано о двинских жителях, и о наместниках, и о судиях, и воеводских и дьячьих приездах. Первое начнем о двинских жителях (в ГИМ I написано киноварью).

² БАН IV, Л II двинские.

³ БАН II, БАН IV, Л II дополнено великия.

⁴ БАН II, БАН IV, Л II Студеное.

⁵⁻⁵ Л Л опущено

⁶⁻⁶ БАН II, БАН IV, Л II тещи ис дву рек.

⁷⁻⁷ БАН II, БАН IV, Л II Устюгом Великим.

⁸ БАН II, БАН IV, Л II за новгородцы.

⁹⁻⁹ БАН II, БАН IV, Л II за великими государи московскими.

¹⁰⁻¹⁰ БАН II, Л II, ГИМ I опущено.

¹¹⁻¹⁷ Л II опущено.

*- ГИМ I отсутствует, истлел нижний край листа.

¹² БАН II, БАН IV дополнено владычня.

¹³ БАН II, БАН IV и постави.

¹⁴ БАН II, БАН IV дополнено землю.

¹⁵⁻¹⁵ ГИМ I а заволочане.

мирнии¹⁶ люди на Андрюшку и на посадника Федора Даниловича, рекуща, яко ты засла на Луку убити и пограбиша их дома и села, а Федор и Андрюшка побегоша в город Копорью.⁻¹⁷

О двинянах, како дались¹⁸ великому князю московскому. В лето 6905. Дались двиняне великому князю Василью Дмитриевичу, сыну великаго князя Дмитрия Ивановича Донскаго. И князь великий разверзе мир с новгородцы. Новгородцы же послаша к великому князю владыку Иоанна и⁻¹⁹ посадники Богдана и Кирила Дмитриевичев с⁻¹⁹ челобитьем на двинян. Князь же великий не прия²⁰ владычня благословения и новгородскаго челобитья.⁻²⁰

О взятии двинян от новгородцов. “И в лето 6906.²¹ Новгородцы целоваша” крест за один человек,⁻²¹ и ходиша новгородцы за волок ратью. Воеводы их: посадник Тимофей Юрьевичь, Юрье Дмитриевичь, Василей Синец, а рати с ними было²² 3000 человек.²³ И повоеваша Белозерския²⁴ и Кубенския²⁵ волости, ²⁶и с городка²⁷ взяша откуп 60-т рублей,⁻²⁸ и Галичские взяша на щит, и Устюг повоевав,²⁹ пожгоша, а под Орлецем стояща месяц, биючи пороки...³⁰

... Сие слово его величество зело обрадовало. По которому немедленно в Англию поехал, и там чрез четыре месяца оную науку окончал, и при возвращении своем вывез с собою двух корабельных мастеров, Яна Дена да Осина Ная. И уже несусыпная³¹ явилась быть надежда совершенному флоту великому³² в России, когда сам российский монарх стал кора-

---

¹⁶ БАН II, БАН IV чернии.

¹⁸ БАН II, БАН IV дополнено к

¹⁹⁻¹⁹ Л И боярским.

²⁰⁻²⁰ Л II опущено.

*** ГИМ I отсутствует, истлел нижний край листа.

²¹⁻²¹ Л II опущено.

²² Л II опущено.

²³ БАН II, БАН IV, Л II опущено.

²⁴ БАН II, БАН IV, Л II дополнено волости.

²⁵ Л II Губенские.

²⁶⁻²⁸ Л II опущено.

²⁷ БАН II, БАН IV города.

²⁹ Л II ГИМ I опущено.

³⁰ БАН IV пороги; БАН II, Л II, ГИМ I подороги.

³¹ ГИМ I несуетная.

³² БАН II морскому.

бельным архитектором, как то вскоре и делом самым показалось. Другое место к строению тому в новосозидаемом³³ царствующем граде* Санкт-Петербурге определено, где коликое уже сделано множество кораблей великих, галер и всякаго рода регулярных судов. И как преизрядным мастерством о сем сказывать непотреба видим, вси радуемся и удивляемся. А понеже флот морской и полезным походам и действиям своим требует регламента, или устава, без котораго и ветры, и кормчие всеу, того ради премудрейший монарх и к сему делу приложил труды своя ово от своего разсуждения, ово от иностранных регламентов собрал лучшия в книге Регула. И тако вещественному созданию своему аки бы животный дух влиял, и от того видим помощию божиею изрядныя действия во всем Балтическом море, где многие корабли неприятельские похитил, шаутбенахта шведскаго необычным счастьем с его эскадрою пленил и великое княжество Финляндское завоевал, без котораго б сухим путем, для неудобства пути, оное всеконечно достать было³⁴—неудобно и³⁴ невозможно. Тако ж и прошлаго 1719-го года транспортом своим в землю Шведскую, великое оной сокрушение сделав, с корыстями и торжеством возвратился.

В 205-м году. Генваря 13³⁵ в четверток по указу великаго государя и по благословению святейшааго патриарха преосвященный архиепископ изволил путешествовать к Москве в чреду священнослужения. Того ж года февраля 20³⁶ приехал на Двину воеводою боярин князь Михайло Иванович Лыков на место³⁷ Опраксина. А с ним приехал дьяк Еремей Полянско-й на место дьяка Андрея Озерова. Того ж года³⁸ февраля 22³⁹ стольник и воевода князь⁴⁰ Федор Матвеевич Опраксин поехал с Холмогор. А дьяк⁴¹ Озеров по присланной грамоте поехал на Тагенгор⁴² декабря 28 числа, прежде его боярина.

---

³³ БАН II, БАН IV новосозидаемом.

* отсюда в БАН II пропуск вследствие утраты одного листа.

³⁴⁻³⁴ ГИМ I опущено.

³⁵ ГИМ I в 13 день.

³⁶ ГИМ I в 20 день.

³⁷ ГИМ I дополнено ближнего стольника и воеводы Федора Матвеевича.

³⁸ ГИМ I опущено.

³⁹ ГИМ I в 22 день.

⁴⁰ ГИМ I опущено.

⁴¹ ГИМ I дополнено Андрей.

⁴² ГИМ I Таганърог.

В 206-м году. Февраля 10 числа в субботу Сырныя недели преосвященный⁴³ архиепископ приехал с Москвы на Холмогоры из очереди.⁴⁴ Того ж года вышли на кораблях из-за моря иноземцы, которые по указу великаго государя и приняты в службу в морской флот, виц-адмирал Корнелиус Крус,⁴⁵ и шеубенахт, и всяких чинов служителей и ремесленных чело- век с 1000,⁴⁶ и пошли⁴⁷ к Архангельскому городу, и от города отпущены того же года до Вологды⁴⁸ 49-на судах.^{-49.**}

В 207-м году. Сентября 29 в ночи за Моисеевым островом сгорел голландской корабль и с товаром голландца Аврама Кинсьюса. Того ж года октября к 10 числу в ночь на Холмогорах на Глинском посаде загорелось с соловецкаго двора, и сгорели святые церкви на Глинках, Троицкая с приделами, деревянная таможня и торговых людей и посадских дворы и лавки. А горело по деревянной город.^{***} Того ж года октября 15 волею божиею⁵⁰ святейший Адриан⁵¹ патриарх оставил архипастырский престол, преселился⁵² к престолу славы божия в вечный покой,⁵³ правил престол⁻⁵³ соборныя церкви 8 лет 1 месяц.⁵⁴ И с того числа в царствующем⁵⁵ граде патриарх⁵⁶ не бысть, учинился правительствующий Синод, о чем показано будет ниже сего, 1721 году. Того ж году октября 15⁵⁷ на Кегострове был пожар, и сгорело много дворов.

В 208 году. Сентября к 6 числу в ночь была ветренная⁵⁸ великая буря с запада, и у городов Архангельскаго круг гостиных дворов каменных у четырех башень верхи сломило, и на дворах многих кровли сломало, и корабли с якорей сры-

---

⁴³ ГИМ I дополнено Афанасей.

⁴⁴ БАН IV череды.

⁴⁵ ГИМ I Креус.

⁴⁶ ГИМ I дополнено и больши.

⁴⁷ ГИМ I опущено.

⁴⁸ ГИМ I дополнено водою.

⁴⁹ - ⁴⁹ БАН IV в насадех.

^{**} здесь кончается текст ГИМ I.

^{***} отсюда возобновляется текст БАН II.

⁵⁰ БАН II, БАН IV дополнено великий господин.

⁵¹ БАН II кир Адриан Московский и всех северных стран.

⁵² БАН II дополнено душою своею.

⁵³ - ⁵³ БАН II правящу престол Российския.

⁵⁴ БАН II, БАН IV дополнено 10 дней.

⁵⁵ БАН II, БАН IV дополнено Москве.

⁵⁶ БАН II, БАН IV патриархов.

⁵⁷ БАН II к 15 числу в ночь против города Архангельскаго.

⁵⁸ БАН II, БАН IV опущено.

вало и метало на сухой берег. А под городом на реке разбило многие дощаники и барки, и лодьи и товары и хлебные припасы потонули и подмокли. Того ж года октября⁵⁹ 17-го числа преосвященный архиепископ Афанасий святил церковь каменную архистратига Михаила в монастыре Архангельском⁶⁰ при игумне Иеремии.⁶⁰ Того ж месяца 21-го⁶¹ в четверток заложил архиерей церковь каменную Воскресения Христова, в пределе мученицы Параскевы, близ гостиного двора,⁶² а прежде того та церковь была деревянная.⁶² Того ж года начали писать всякие указы и письма от Р. Х. генваря с первого числа 700 года. С того ж года начались во всей России ратуши, а в той ратуши быть судьями, бургомистры и бурмистры, и всякия дела отправлять они стали. Того ж года выбран был на Холмогорах бурмистром Степан Латышев, а к нему⁶³ в товарищи уездные крестьяне. Того ж года марта 3-го⁶⁴ по указу великаго государя и по грамоте боярин и воевода князь Михайло Иванович Лыков с Холмогор поехал к Москве в⁶⁵ неделю поста 3.⁶⁵ А всякия дела вместо воеводы отправлять стали бурмистры. Того ж года августа к 1-му числу в 5-м часу ночи у города Архангельскаго преставися дьяк Еремей Полянской. Того ж года ноября 29 числа приехал на Двину воеводою князь Алексей Петрович Прозоровской.

В 701 году. Выбраны в ратуши бургомистры у города Архангельскаго Логин Звягин, на Холмогорах Карп Кустов, с ним товарищи уездные крестьяне.* Того ж года июня 26 приход был шведским кораблям, а было только три маленьких. И из тех взяли два, а третий убежал.

В 702 году. Выбраны в ратушу были бурмистры у города Архангельскаго Алексей Бусинов, на Холмогорах Иван Пругивин, с ним в товарищи уездные крестьяне. Того ж году генваря 16 боярин князь Прозоровской с Холмогор поехал к Москве. Того ж генваря 22 к городу приехал стольник и воевода Василий Андреевич Ржевской на место Прозоровскаго.

---

⁵⁹ БАН II сентября.

⁶⁰ – ⁶⁰ БАН II, БАН IV опущено.

⁶¹ БАН II, БАН IV в 21 день.

⁶² – ⁶² БАН II, БАН IV опущено.

⁶³ БАН II, БАН IV дополнено выбран.

⁶⁴ БАН II, БАН IV в 3 день.

⁶⁵ – ⁶⁵ БАН II, БАН IV 3-ю неделю Великого поста.

* Отсюда в БАН пропуск вследствие утраты листов.

О пришествии третьим великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича всея России на Холмогоры и к Архангельскому. В лето 7210-е, от Р. Х. 1702-го. Мая 16-го великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всея России приехал в легких шлюпках на Холмогоры. По литургии ^а в соборе, ^а был у преосвященнаго Афанасия архиепископа часа с полтора, и поехал к городу Архангельскому, прибыл мая 17-го. С ним был государь царевич Алексей Петрович и бояре, Преображенскаго и Семеновскаго полков по баталиону. А у города было тогда два полка, Шневенцов да Бордовинов. И по указу великаго государя преосвященный архиепископ сего ж месяца с 20-го числа поехал к городу на праздник святых Троицы. И в тот праздник великий государь был в соборе и пел с певчими своими. Того ж года июня 29 на праздник святых апостол Петра и Павла, на царское тезоименитство в новой крепости церковь построили и освятил преосвященный Афанасий архиепископ. И при том освящении великий государь преосвященнаго пожаловал саккосом и велел иметь в том облачение. С того года начались саккосы. И был великий государь у города Архангельскаго августа до 5-го, а с того числа изволил шествовать в путь на кораблях со всеми полками, и драгунской полк с ним же, который у города зимовал, взял с собою со всеми начальными людьми. И пришли в Нюхчу со всеми, и оттоль пошли сухим путем до Повенца, оттоле водою до Ладоги и до Слюшенбурга, и тот шведский город взяли храбро сильным приступом октября 11-го. А два полка, Шневенцов и Бордовинов, возвратились к городу на тех же кораблях, и зимовали в Новодвинской крепости. Того ж году великий государь приказал холмогорским двум полкам, русскому и гайдуцкому, переехать на Бревенник и становиться дворами от Маймаксы реки вниз до Новодвинской крепости по берегу. Августа 19-го дня архиепископ Афанасий к Холмогорам поехал. Того ж года сентября к 6 числу в ночи преосвященный архиепископ Афанасий Холмогорский и Важеский преставися в вечный покой в задней своей колье, а преставления его и скорби никто не ведал, а был он в той⁶⁶ келье один, а смертью умре скоропостижною. И поутру к недельному дню

---

^{а-а} в рукописи написано рукой П. М. Строева над строкой.

⁶⁶ БАН IV этой.

пришед к нему в келью для благословения ко всенощному пению благовестить казначей Авксентий, и увидел тогда его мертва. Жития его было 62, на престоле святительском был 19 лет 6 месяцев. Бысть убо пастырь изяшный, писания довольный, сказатель громогласен, речист, по премногу остороразсудителен, чина церковнаго опасный хранитель, ревнитель в вере, на разкол разрушитель, трудолюбив, созда много зданий каменных, церковь соборную, иконостас ее, священные сосуды и Евангелие...

Роспись томов Полного собрания русских летописей, издаваемого с 1841 г.

Отдельные тома переиздавались неоднократно. В последнее время предпринято переиздание всех томов.

- Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1998.
Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998.
Т. 3. Новгородские летописи. СПб., 1841.
Т. 4. Новгородские и Псковские летописи. СПб., 1848.
Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. Пгр. 1915. Вып. 2. Л., 1925; Вып. 3. Л., 1929.
Ч. 2. Новгородская пятая летопись. Пгр. Вып. 1. Пгр., 1917.
Т. 5. Псковские и Софийские летописи. СПб., 1851.
Софийская первая летопись. Вып. 1. Л., 1925.
Т. 6. Софийские летописи. СПб., 1853.
Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856.
Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859.
ТТ. 9–13. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965.
Т. 14. 1) «Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси». 2) Новый летописец. 3) Указатели к тт. 9–14. СПб, 1910; М., 2000.
Т. 15. 1) Рогожский летописец. 2) Тверской сборник. М., 1965.
Т. 16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. СПб., 1889.
Т. 17. Западнорусские летописи. СПб., 1907.
Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913.
Т. 19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903.
Т. 20. Первая половина. Львовская летопись. Ч. 1. СПб., 1910. Вторая половина. Львовская летопись. Ч. 2. СПб., 1914.
Т. 21. Первая половина. Книга Степенная царского родословия. Ч. 1.

СПб., 1908. Вторая половина. Книга Степенная царского родословия. Ч. 2. СПб., 1913.

- Т. 22. Русский хронограф. Ч. 1. Хронограф редакции 1512 года. СПб., 1911. Ч. 2. Хронограф западнорусской редакции. Пгр., 1914.
- Т. 23. Ермолинская летопись. СПб., 1910.
- Т. 24. Типографская летопись. Пгр., 1921.
- Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949.
- Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959.
- Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М.; Л., 1962.
- Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.; Л., 1963.
- Т. 29. «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича». Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М., 1965.
- Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М., 1965.
- Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968.
- Т. 32. Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного, М., 1975.
- Т. 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л., 1977.
- Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978.
- Т. 35. Летописи Белорусско-литовские. М., 1980.
- Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи, М., 1987.
- Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982.
- Т. 38. Радзивилловская летопись. Л., 1989.
- Т. 39. Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. М., 1994.
- Т. 40. Новгородская Карамзинская летопись (в печати).
- Т. 41. Летописец Переяславля Суздальского (Летописец русских царей). М., 1995.
- Указатель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей, изданных Археографическою комиссиею. Отдел первый. Указатель лиц (А–Ф). СПб., 1898. Отдел второй. Указатель географический. (А–Ф). СПб., 1907.

Словарь

абие — вдруг, тотчас, внезапно
аз — я
аки, акы — как
амо — куда
ано — а
аще — если, хотя
багр, багряница — одежда пур-
пурного цвета, царская мантия
блазнец — соблазненный, соблаз-
няющий, обманчивый
блюстися — остерегаться
борзо — быстро
брань — битва, сражение
брашно — пища, еда
буесть — отвага, мужество
вборзе — скоро, быстро
ведати, ведети — знать; весть — знаю
вежа — шатер, кибитка
велий — большой
вельми — очень
вертоград — сад
весь — деревня, селение
виноград — сад
вкупе — вместе
внити — войти
воздух — покров на сосуд со «святъ-
ми дарами» на престоле в церкви
вои — воины
выжлец — гончая собака, ищейка
глагол — слово, речь
галка — шум, крик
гонзнути — лишиться, избавиться,
избегнуть
горазд(ый) — искусный, опытный

горе — вверх
горчаи — сравнительная степень от
горький
гость — купец
гривна — денежная единица
грясти — идти
деля — для
десница — правая рука
дивий — дикий
долу — вниз
дондеже — пока; до тех пор, пока
егда — когда
еже — если; которое, что
ектенья — часть богослужения
елико — сколько
епитемя — церковное наказание
живот — жизнь
зане, зане же — так как, потому что
зелие, зелье — злак, овощ; лекарство,
отрава; порох
зело — очень, сильно
зрак — вид, облик; взор
иде, иде же — где
иже, яже, еже — который, -ая, -ое
имати — брать, хватать
имение — богатство, имущество
ино — но, то
искуп — выкуп
камка — шелковая ткань
камо — куда
келарь — монах, заведующий мо-
настырским хозяйством
клирик — церковнослужитель
кожух — шуба

ко злодействовать — творить зло.

козипи

красна, красна — холст, полотно

красный — красивый, прекрасный

крестьяне, кристьяне — христиане

крылос — клирос, место для певчих

в церкви

купно — вместо

кыиждо (когождо, комуждо) —

каждый (каждого, каждому)

лепо — хорошо, достойно

лепый — хороший, красивый

лето — год

литургия — церковная служба, обедня

лов, ловля — охота

локоть — мера длины

лучиться — случиться

мнити — думать

мних — монах

мытарь — сборщик податей

наипаче — больше всего

наполы — пополам, надвое

нарочитый — богатый, знатный

наряд — порядок, устройство; снаряжение

насад — вяд судна

неблазый — непорочный, чистый

небреговати — пренебрегать

негли — нежели, чтобы

неже — нежели, чем

неприятный — злобный; дявольский

несть — нет

ниже — также не, и не

николи — никогда

нь — его (на нь — на него)

обаче — но, однако

обаяние — чародейство

оболчен — одет

обстояние — осада

ов ... ов — один ... другой, тот ... а тот

ово ... ово — то ... то, или ... или

овогда — иногда

одесную — справа

однорядка — верхняя одежда

окольный — соседний, близлежащий

окуп — выкуп

оле — о (междометие)

опак — назад

опричь — кроме, исключая

орати — пахать

осклабится — улыбнуться, усмехнуться

отати — тайно

отнюду — откуда

отрок, отроча — ребенок, юноша; слуга

наки, наky — опять, снова

наполома — покрывало

нардус — гепард

наче — больше, лучше; еще

перси — грудь

персть — пыль, прах

пестун — воспитатель

питати — воспитывать

поволока, наволока — шелковая ткань; покрывало

подущати — подстрекать

полк — поход; война; военный отряд

поне, поне же — потому что, так как; хотя, даже

поприще — мера длины, расстояния

порекло — прозвание, прозвище

порты, портища — одежды

посад — предместье

пособь — помощь

потребити — истребить, уничтожить

правеж — взыскание по приговору суда

предреченный — названный выше, упомянутый выше

предстояти — прислуживать, служить кому-либо

презвитер — священник
прелестный — лживый, обманчивый
прелесть — обман, соблазн, заблуждение
прещение — угроза, запрет
приискати — прибежать
присно — всегда
приснодевая — вечно девственная (о богородице)
присный — родной, близкий
пристав — страж; должностное лицо, назначавшееся для призыва ответчика к суду
рядь — мора длины
разве — кроме, помимо
рака — гробница
ратай — пахарь, земледелец
ревность — усердие
резана — денежная единица
рель — перекладина
ремесство — искусство, умение, ремесло
речи, реци (рех, рци и т. д.) — сказать, говорить (сказал, скажи и т. д.)
риза — одесание
седмица — неделя
семо — сюда
сечиво — секира, топор
сигклит, синклит — приближенные, советники
сиречь — то есть
сице — так
скважня — отверстие, шель
смерд — крестьянин
совокупить — соединить
сопело — свирель
сорокоуст — сорокадневная молитва но умершем
спиратися — спорить
срачица — рубашка

с тех мест — с тех пор
стогна — площадь, улица
стратиг — военачальник, воевода
струг — лодка, судно
стрый — брат отца (дядя по отцу)
студ — стыд
сулица — короткое метательное копьё
сыта — мед. растворенный в воде
таи — тайно
тамо — там
тать — вор
татьба — воровство
течи, течь — идти, бежать
тиун — слуга, дворецкий. домоправитель
токмо — только
толмач — переводчик
точию — только
трус — землетрясение
туга — печаль, горе
убо — итак, так же
убрус — платок, повязка, полотенце
уд — часть тела (рука. нога)
узорочье — драгоценности (ткани, одежды и т. д.)
узы — веревки, цепи
успенье — смерть, кончина
утечи — убежать
уязвити — поразить, ранить
фряги, фрязи — итальянцы
червлёный — красный
чесо — чего
чресла — поясница, стан
шуица — левая рука
ядь — пища
язвити — ранить
яко — что, как
ясельничей — пастух
ясти — есть
яти — брать

Список сокращений

- АЕ — Археографический ежегодник.
БАН — Библиотека Российской Академии наук (С.-Петербург).
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины.
Великокн. Киев. лет. 1200 г. — Великокняжеская Киевская летопись 1200 г.
Влад. лет — Владимирская летопись
ВП — Вологодско-Пермская летопись
Гал.-Волын. лет. — Галицко-Волынская летопись
ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
ИЛ — Ипатьевская летопись.
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской Академии наук (С.-Петербург).
ЛЛ — Лаврентьевская летопись.
МГАМИД — Московский главный архив Министерства иностранных дел.
МДА — Московская Духовная академия.
НКЛ — Новгородская Карамзинская летопись.
НІЛМ — Новгородская первая летопись младшего извода.
НІЛС — Новгородская первая летопись старшего извода.
НІВЛ — Новгородская четвертая летопись.
ПВЛ — Повесть временных лет.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РГАДА — Российский Государственный архив древних актов (Москва).
РГБ — Российская Государственная библиотека (Москва).
РЛ — Радзивилловская летопись.
РНБ — Российская Национальная библиотека (С.-Петербург).
СІЛ — Софийская первая летопись.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ.
ФИРИ РАН — С.-Петербургский филиал Института российской истории Российской Академии наук.

Оглавление

ЧАСТЬ I

Введение	5
Глава первая. Истоки. Летописание в Киеве в XI— начале XIII в.	25
1. Первые русские летописные своды	25
2. Киевское летописание XII—XIII вв.	61
Глава вторая. Новгородское и Псковское летописания	66
1. Новгородское летописание	66
2. Псковское летописание	86
Глава третья. Летописание XII—XV вв.	91
1. Галицко-Волынское летописание	93
2. Летописание Переяславля-Русского	99
3. Владимирское летописание	101
4. Ростовское летописание	110
5. Тверское летописание	115
6. Смоленское летописание	121
7. Рязанское летописание	123
8. Нижегородское летописание	124
9. Московское летописание	127
Глава четвертая. Летописание XVI—XVIII вв.	137
1. Московское летописание	137
2. Летописание Поморья	159
3. Летописание Сибири	168
4. Летописание XVIII в.	174
Заключение	176

ЧАСТЬ II. ХРЕСТОМАТИЯ

Предисловие	177
1. Повесть Временых лет по Лаврентьевской летописи (с сокращениями)	179
2. Новгородская первая летопись младшего извода (до 961 г., 1430–1447 гг.)	236
3. Новгородская первая летопись старшего извода (1136–1177 гг., 1200–1247 гг.)	259
4. Галицко-Волынская летопись по Ипатьевскому списку (1201–1292 гг., с сокращениями)	316
5. Софийская первая летопись младшего извода (1380–1418 гг.). По рукописи РНБ, ОСПК, F. IV. 211. ...	370
6. Псковская первая летопись. Взятие Пскова 1510 г.	426
7. Русский хронограф ред. 1512 г. Глава 204	434
8. Никоновская летопись. Фрагменты 1506 г., 1554 г.	440
9. Царственная книга. Фрагменты 1534 г., 1553 г.	448
10. Степенная книга. Предисловие, четвертая степень	453
11. Соловецкий летописец (1554–1606 гг.)	463
12. Летопись Сибирская Кунгурская	477
13. Новый летописец. Фрагменты 1588 г., 1629–1630 гг.	487
14. Мазуринский летописец. Начало, 1678–1682 гг.	491
15. Двинской летописец. Пространная редакция. Начало, фрагменты 1696–1702 гг.	496
Роспись томов Полного собрания русских летописей, издаваемого с 1841 г.	504
Словарь	506
Список сокращений	509

Виктор Кузьмич Зиборов
РУССКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ XI–XVIII ВЕКОВ
Учебное пособие

Редактор *Е. О. Вербицкая*
Художественный редактор *Н. А. Ионов*
Технический редактор *Л. В. Васильева*
Корректор *А. А. Канева*

Сдано в набор 12.03.2002. Подписано в печать 18.05.2002.
Формат 60 x 90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс ЕТ.
Печать офсетная. Печ. л. 32. Тираж 1000 экз. Заказ № 3319.

Лицензия ЛП № 000156 от 27 апреля 1999 г.

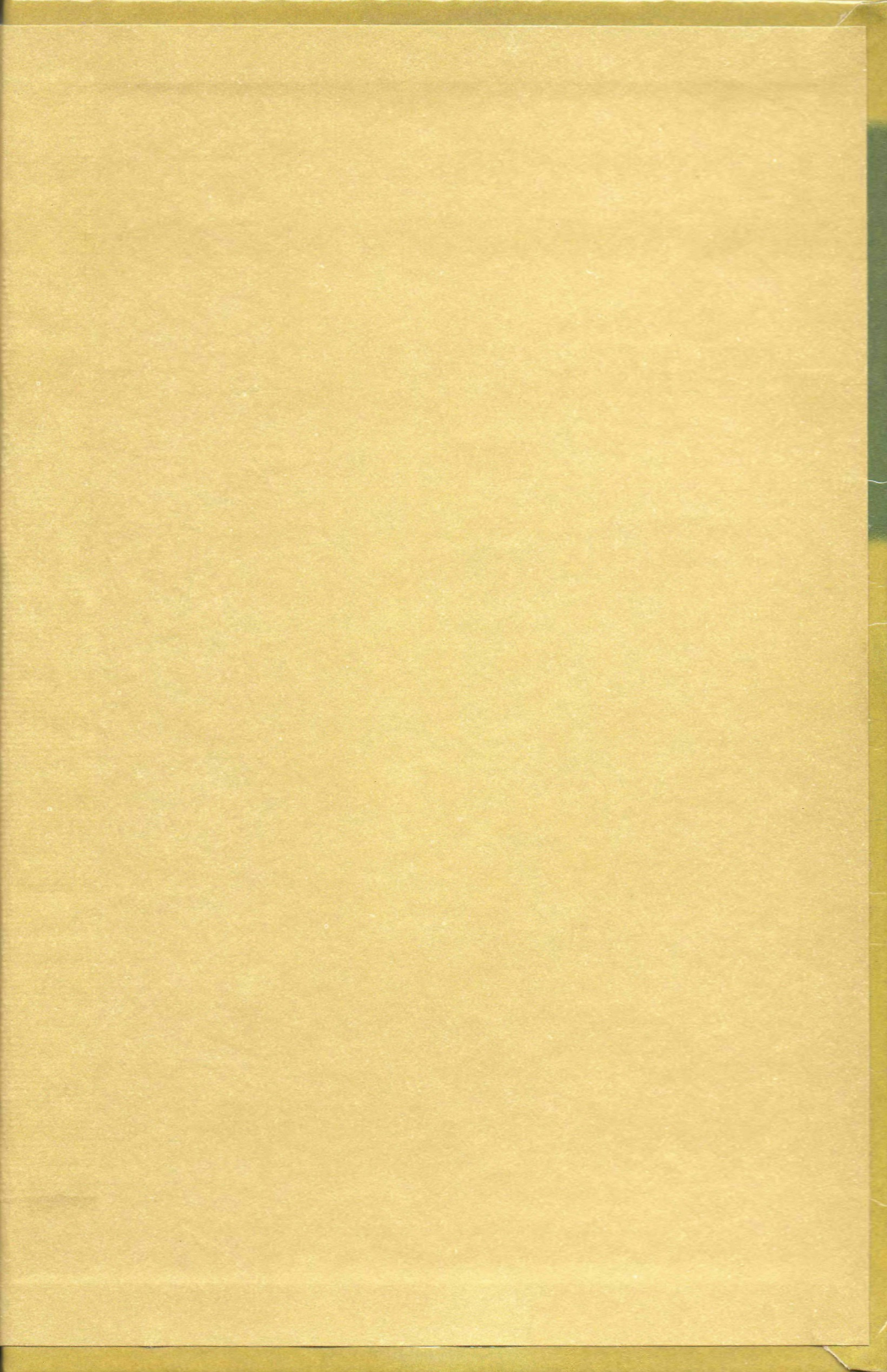
Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
199034, СПб, Университетская наб., д. 11.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034. Санкт-Петербург, 9 линия. 12

РУССКОЕ ДЕТСТВО XI-XVIII ВВ.

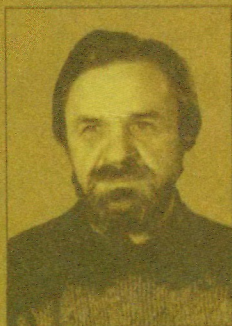
ISBN 5-8465-0033-1

9 785846 500334

В. К. ЗИБОРОВ

РУССКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ XI-XVIII веков

ЗИБОРОВ Виктор Кузьмич
(р. 1947).
Доктор исторических наук,
профессор кафедры
Русской истории историчес-
кого факультета Санкт-
Петербургского
государственного универси-
тета. Автор более 90
публикаций. Основная тема
исследований – русское
летописание. На протяже-
нии многих лет читает
следующие курсы: "История
русского летописания XI –
XVIII вв.", "Русская
палеография", "Русская
генеалогия", "Вспомогатель-
ные исторические
дисциплины",
"Источниковедение истории
России" и др.